This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

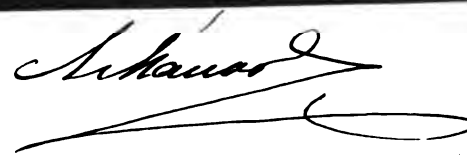
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

Памяти

Леонида Николаевича

Майкова.



ПАМЯТИ

Pamiati Leonida Nikolaevicha

ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА

МАЙКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1902

79
P187

0915884-230

Прошло уже слишкомъ два года со смерти Леонида Николаевича, но его благодушно-величавая, спокойная, красивая фигура живо представляется въ моемъ воображеніи. Но еще съ большею ясностью возстаетъ передо мною духовный обликъ этого незамѣнимаго во многихъ отношеніяхъ человѣка.

Покойный обладалъ практическимъ, яснымъ, пытливымъ умомъ, быстрою сообразительностью и превосходною памятью. При обширномъ литературномъ образованіи и замѣчательной начитанности онъ отличался тонкимъ пониманіемъ изящнаго и сохранилъ до конца жизни свѣжую впечатлительность, относясь съ увлеченіемъ къ своимъ ученолитературнымъ занятіямъ, для которыхъ не щадилъ даже здоровья, сильно пошатнувшагося въ послѣдніе годы его жизни.

„Здоровье мое все еще плохо", писалъ онъ мнѣ 24-го іюля 1897 г. „Я повредилъ ему, усиленно работая надъ окончаніемъ статьи о Маріи Кантемировой. Давно слѣдовало бы мнѣ бросить всякія работы, кромѣ Пушкина, — но что подѣлаете съ послѣднимъ остаткомъ молодости — живостью и разнообразіемъ интересовъ, которые подъ часъ увлекаютъ меня? Пусть это будетъ мнѣ урокомъ на будущее, если мнѣ еще суждено прожить хотя нѣсколько лѣтъ. А между тѣмъ въ головѣ многое еще бродитъ и просится подъ перо".

Одною изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ общественной дѣятельности Леонида Николаевича была его широкая доступность для всѣхъ вообще людей и для людей науки въ частности. Ко всѣмъ относился онъ доброжелательно, а къ послѣднимъ и предупредительно, охотно дѣлясь съ ними богатѣйшимъ запасомъ своихъ знаній. Особеннымъ вниманіемъ его пользовались молодые, начинающіе ученые. По отношенію къ нимъ онъ являлся добровольнымъ и благодушнымъ руководителемъ, заботливость котораго простиралась до того, что онъ исправлялъ ихъ статьи, снабжалъ матеріалами для различныхъ учено-литературныхъ работъ, проводилъ въ печать, а нерѣдко устраивалъ и судьбу случайныхъ своихъ питомцевъ, стараясь каждому подыскать занятіе, которое соотвѣтствовало бы его способностямъ. А выбирать людей и давать имъ вѣрную и тонкую оцѣнку Леонидъ Николаевичъ умѣлъ такъ, какъ немногіе умѣютъ. Онъ обладалъ и другою рѣдкою способностью — дѣлать добро тихо, скромно, не отягощая людей, а привязывая ихъ къ себѣ.

Мысль объ изданіи сборника, посвященнаго дорогой памяти Леонида Николаевича, прежде всего явилась, какъ и слѣдовало ожидать, среди тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые считали себя такъ или иначе обязанными покойному. Къ нимъ вскорѣ примкнули и другіе сверстники ихъ, хотя и не знавшіе лично Леонида Николаевича, но относившіеся къ нему и его гуманно-просвѣтительной дѣятельности съ чувствомъ глубокаго уваженія. Само собою разумѣется, что число почитателей Леонида Николаевича не ограничивается числомъ сотрудниковъ настоящаго сборника, въ который вошли только нѣкоторыя имена болѣе или менѣе извѣстныхъ мнѣ лицъ.

Всѣ расходы по изданію редактированнаго мною сборника благоугодно было принять на себя Августѣйшему Пре-

зиденту Академіи наукъ, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу, разрѣшившему также всю сумму, вырученную отъ продажи экземпляровъ сборника, предназначить для образованія при Академіи наукъ преміи имени покойнаго ея вице-президента за изслѣдованія по исторіи русской литературы.

Кромѣ матеріальной стороны дѣла Его Императорское Высочество соизволилъ обратить вниманіе и на составъ сборника, предоставивъ въ распоряженіе редакціи письма къ нему Леонида Николаевича, извлеченія изъ которыхъ и сдѣланы Н. К. Кульманомъ.

Портретъ, приложенный къ сборнику, исполненъ геліогравюрой въ художественномъ заведеніи А. И. Вильборга, въ Петербургѣ.

16-го іюня 1902 г.
Павловскъ.

В. Саитовъ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

учено-литературныхъ трудовъ и изданій

Леонида Николаевича

МАЙКОВА.

1857—1900.

Съ присоединеніемъ указаній на его некрологи, отмѣткою рецензій и содержанія наиболѣе важныхъ его работъ.

Составилъ П. К. Симони.

I. Статьи и замѣтки о Л. Н. Майковѣ и его некрологи.

---

1. Родъ Майковыхъ внесенъ въ VI-ю часть Родословной книги Ярославской и Санктпетербургской губерній (Гербовникъ, III, 67. Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, томъ XVIII, стр. 378).

2. Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, составленный В. В. Руммелемъ, т. II. С.-Пб. 1887, стр. 1—7 и 872.

Много дополненій, поправокъ и вообще свѣдѣній для родословной рода Майковыхъ сообщено было самимъ Л. Н. Майковымъ.

3. Дворяне Майковы (*Всемірная Иллюстрація* 1892 г., № 26, и отдѣльные оттиски).

4. Русскій Энциклопедическій Словарь, издаваемый профессоромъ С.-Петербургскаго Университета И. Н. Березинымъ. Отдѣлъ III. Томъ I: Л—М. С.-Пб. 1874, стр. 612.

5. Дополненіе къ Настольному Словарю Ф. Толля, составленное подъ редакціею В. П. Воленса. Выпускъ 2. Изданіе В. П. Печаткина. С.-Пб. 1877, стр. 683.

6. *Всемірная Иллюстрація* 1887 г., т. XXXVIII, № 25, стр. 480—помѣщенъ портретъ Л. Н. Майкова при статьѣ П. В. Быкова: «Императорская Публичная Библіотека».

7. Записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная въ 1888 году А. Н. Веселовскимъ (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. XLVI, 1890 г., въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году», стр. V—VI;

Записку см. въ Приложеніяхъ къ протоколамъ, I, стр. VII—XII.— То же перепечатано въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, т. LV, стр. 22—27 и т. LX, стр. 148—153).

8. Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго, издателя-редактора историческаго журнала *Русская Старина*. С.-Пб. 1888, стр. 147 и 313.

9. П. В. Быковъ. Л. Н. Майковъ (*Нива* 1889 г., № 11, стр. 294, съ портретомъ на страницѣ 296-й).

10. Записка ординарнаго академика М. И. Сухомлинова объ ученыхъ трудахъ адъюнкта Императорской Академіи Наукъ Л. Н. Майкова. Читана въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 17-го марта 1890 года (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LII, IV, стр. 42—44).

11. А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Этнографіи. Томъ II. С.-Пб. 1891, стр. 228—229, 307, 312, 316—317.

12. A. De-Gubernatis. Dictionnaire international des écrivains du jour. Florence. 1891.

13. *Новое Время* 1893 г., № 6355, Приложеніе № 147, стр. 1—2, біографія съ портретомъ.

14. *Всемірная Иллюстрація* 1893 г., т. L, стр. 370 (портретъ) и стр. 380 (біографія, составленная П. В. Быковымъ).

15. *Нива* 1893 г., № 47, стр. 1078 (біографія) и стр. 1080 (портретъ).

16. *Сѣверъ* 1893 г., № 48, столбцы 2505—2508 (біографія съ портретомъ).

17. Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. А. Граната. Томъ V. М. 1894.—То же, 2-е изд. М. 1894, стр. 2919—2920 (съ портретомъ).—То же, изд. 3-е. М. 1896.

18. Майковъ, Леонидъ Николаевичъ. Статья С. А. Венгерова (Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ XVIII. С.-Пб. 1896).

19. Н. Афанасьевъ. Л. Н. Майковъ. Некрологъ (*Новое Время* 1900 г., № 8662).

— Тамъ же, въ Хроникѣ (стб. 3), извѣстіе о болѣзни Л. Н. Майкова, о первой панихидѣ и проч.

20. Л. Н. Майковъ. Некрологъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1900 г., № 96).

— Тамъ же, на 1-й страницѣ, извѣщеніе о кончинѣ отъ имени Императорской Академіи Наукъ.

21. Л. Н. Майковъ. Некрологъ (*Правительственный Вѣстникъ* 1900 г., № 80).

22. В. Н. Перетцъ. Л. Н. Майковъ. Некрологъ (*Сѣверный Курьеръ* 1900 г., № 156).

23. Л. Н. Майковъ (*Новости и Биржевая Газета* 1900 г., № 98).

24. Л. Н. Майковъ (*Петербургская Газета* 1900 г., № 97, съ портретомъ въ текстѣ).

25. Л. Н. Майковъ (*Петербургскій Листокъ* 1900 г., № 93).

26. Л. Н. Майковъ (*Биржевыя Вѣдомости* 1900 г., № 96).

27. Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Некрологъ (*Россія* 1900 г., № 343).

28. Л. Н. Майковъ. Некрологъ (*Сынъ Отечества* 1900 г., № 97).

29. *Русскія Вѣдомости* 1900 г., № 99, стр. 2 (телеграмма изъ Петербурга о смерти Л. Н. Майкова).

30. Тамъ же, стб. 5—6: «Л. Н. Майковъ. Некрологъ». *Д. А.*

31. У гроба Л. Н. Майкова (*Петербургскій Листокъ* 1900 г., № 98).

32. Похороны Л. Н. Майкова (тамъ же, № 99, стр. 3, стб. 2—3).

33. У гроба Л. Н. Майкова (*Петербургская Газета* 1900 г., № 98).

34. *Новое Время* 1900 г., № 8664, стр. 9, стб. 3 (о похоронахъ).

— Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому нумеру, на стр. 8-й, помѣщены: портретъ Л. Н. Майкова (со ссылкою на № 8662) и снимокъ съ его почерка, на стр. 7-й.

35. *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1900 г., № 98 (о похоронахъ).

36. Похороны Л. Н. Майкова (*Петербургская Газета* 1900 г., № 99).

37. *Русскія Вѣдомости* 1900 г., № 101 (о возложеніи вѣнка).

38. Л. Н. Майковъ, съ портретомъ (*Петербургскій Листокъ* 1900 г., № 100).

39. Л. Н. Майковъ (*Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства* 1900 г., № 79).

40. *Россія* 1900 г., № 351. Въ иллюстрированномъ приложеніи на стр. 7-й *рисунки*: Похороны Л. Н. Майкова: 1) «Печальное шествіе на Забалканскомъ проспектѣ», 2) «Процессія у стѣнъ Новодѣвичьяго монастыря», 3) «Снятіе гроба съ печальной колесницы».

41. *Сѣверный Курьеръ* 1900 г., № 166, иллюстрированное приложеніе, стр. 8 (портретъ Л. Н. Майкова).

42. *Русскія Вѣдомости* 1900 г., № 109, стр. 1: Объявленіе «отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества», что въ пятницу, 21-го апрѣля, въ $7^1/_2$ часовъ вечера, въ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, имѣетъ быть засѣданіе Общества, посвященное памяти скончавшихся его членовъ — академика Л. Н. Майкова... Передъ началомъ засѣданія будетъ отслужена панихида. Чтенія: 1) Памяти Л. Н. Майкова — С. О. Долговъ (напечатано въ *Трудахъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* 1900 г., т. XIX, выпускъ I, некрологи, стр. 35—39, и въ отдѣльныхъ оттискахъ), В. Ѳ. Миллеръ и А. И. Кирпичниковъ».

43. Л. Н. Майковъ (*Нива* 1900 г., № 17, съ портретомъ).

44. — *я* — Памяти Л. Н. Майкова (*Русскій Курьеръ* 1900 г., № 169). Статья эта касается дѣятельности Л. Н. Майкова по преимуществу какъ предсѣдателя Постоянной Коммиссіи Императора Николая II для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.

45. А. Н. Пыпинъ. Леонидъ Николаевичъ Майковъ (*Вѣстникъ Европы* 1900, № 5, Хроника, стр. 403—405).

46. П. Н. Полевой. Памяти Л. Н. Майкова (*Историческій Вѣстникъ* 1900 г., т. LXXX, стр. 613—616).

47. В. Е. Рудаковъ. Леонидъ Николаевичъ Майковъ (*Историческій Вѣстникъ* 1900 г., томъ LXXX, стр. 617—631, съ портретомъ).

48. Современный Календарь на 1901 г. А. Д. Ступина. Москва. 1900, стр. 72 (портретъ и некрологическая замѣтка).

49. Л. Н. Майковъ. Некрологъ, составленный Д. А. Корсаковымъ. Казань. 1900. 16°. Изъ № 85-го *Волжскаго Вѣстника*.

50. Д. А. Корсаковъ. Изъ воспоминаній о Леонидѣ Николаевичѣ Майковѣ (*Историческій Вѣстникъ* 1900 г., т. LXXXI, стр. 466—477).

51. Н. Н. Вакуловскій. Ученые труды Л. Н. Майкова (*Филологическія Записки* 1900 г., вып. IV—V, стр. 1—7 (перепечатка академической Записки 1888 г., составленной академикомъ А. Н. Веселовскимъ). На стр. 7—8, въ выноскѣ, дополнительная замѣтка Редакціи.

52. *Вл. Б.* — Л. Н. Майковъ. Некрологъ (*Этнографическое Обозрѣніе* 1900 г., № 2, кн. XLV, ст. VI, стр. 177—179).

53. Въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ, 13-го мая 1900 года, академикъ И. Н. Ждановъ сказалъ нѣсколько словъ въ память почившаго вице-президента Академіи, академика Л. Н. Майкова (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ* 1900 г., Т. XIII. № 2, въ Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Академіи, стр. III—VI).

54. Журналъ Общаго собранія членовъ Костромской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи, засѣданіе 8-го сентября 1900 г., стр. 2.

55. И. Н. Ждановъ. Учено-литературная дѣятельность Л. Н. Майкова (изъ рѣчи, читанной въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 13-го мая 1900 года) — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900 г., ч. CCCXXXI, Современная Лѣтопись, стр. 71—74.

56. В. Е. Рудаковъ. Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ Леонида Николаевича Майкова (тамъ же, стр. 75—96).

57. И. А. Кубасовъ. На могилу Леонида Николаевича Майкова. С.-Пб. 1900. 8°. Съ портретомъ, гравированнымъ на деревѣ Хелмицкимъ. (Оттискъ изъ CIV-го тома *Русской Старины* 1900 г.).

58. А. М. Лобода. Памяти Л. Н. Майкова (*Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца* 1900 г., книга XIV, вып. II. Отдѣлъ V, стр. 3—10).

59. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1900 годъ, составленный къ торжественному засѣданію Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1900 года академикомъ А. Н. Пыпинымъ. С.-Пб. 1900. 8°.

Приложенъ «Библіографическій списокъ учено-литературныхъ трудовъ и изданій ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Л. Н. Майкова, составленный П. К. Симони».

60. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1900 годъ, составленный къ годовому торжественному собранію Академіи 29-го декабря 1900 года предсѣдателемъ Коммиссіи П. В. Никитинымъ. С.-Пб. 1900. 8°.

61. П. К. Симони. Библіографическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Леонида Николаевича Майкова (родился 28-го марта 1839 г. — умеръ 7-го апрѣля 1900 г.). I. Статьи и замѣтки о Л. Н. Майковѣ и некрологи, №№ 1—28 (стр. 1—2). II. Перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ Л. Н. Майкова (1857—1900 гг.), №№ 1—230 (стр. 3—46). — Корректурное изданіе для дополненій и поправокъ, какъ подборъ матеріала для будущей систематической библіографіи. С.-Пб. Типографія Имп. Акад. Наукъ. 1900. Въ б. 8-ю д. л. Стр. 1 нен. + 46.

Отдѣльный оттискъ изъ приложеній къ Отчету о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1900 годъ. — Указаны рецензіи и дано *обозрѣніе содержанія важнѣйшихъ трудовъ* Л. Н. Майкова, особенно трудовъ по изученію *русской народной старины и поэзіи*, изданій сочиненій Батюшкова, Пушкина, монографій и сборниковъ статей по исторіи русской литературы и т. д.

62. В. Н. Перетцъ. Памяти Л. Н. Майкова (*Новости* 1900 г., № 99).

63. А. I. Лященко. Нѣсколько словъ памяти Л. Н. Майкова (*Литературный Вѣстникъ* 1901 г., т. I. Книжка I, стр. 60—65).

При этой книжкѣ приложенъ портретъ Л. Н. Майкова съ той же ксилографіи, что и выше (см. № 57). См. еще стр. 10—11 (извлеченіе изъ рѣчи президента Общества, А. М. Ловягина, о покойномъ).

64. *В. Р.* Памяти Леонида Николаевича Майкова (*Филологическія Записки* 1901 г., вып. I—II, стр. 1—26).

65. П. А. Гильтебрандтъ. Воспоминаніе о Л. Н. Майковѣ (*Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи* за 1900 г. Выпускъ XIII. С.-Пб. 1901, стр. 9—10: Извлеченія изъ протоколовъ за 1900 годъ).

66. В. И. Ламанскій. Л. Н. Майковъ (*Живая Старина* 1900 г., вып. IV, стр. 602—603).

67. Памяти Л. Н. Майкова были посвящены въ засѣданіи 21-го апрѣля 1900 г. предсѣдателемъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности графомъ С. Д. Шереметевымъ нѣсколько теплыхъ словъ (см. Отчеты о засѣданіяхъ Общества въ 1899—1900 году — въ *Памятникахъ Древней письменности и Искусства* 1901 г., № CXLI, стр. 23—24 и въ Отчетѣ за 1899—1900 г., стр. 26).

68. Н. Д. Чечулинъ. Памяти Л. Н. Майкова. С.-Пб. 1901. 8° [*Памятники Древней Письменности и Искусства*, № CXLII]. Читано въ засѣданіи Общества 10-го ноября 1900 г.

69. Гуманистъ-академикъ. Памяти Л. Н. Майкова (Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ, ч. II. С.-Пб. 1902, стр. 225—248).

70. *Извѣстія Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III*, № 4 (26-го февраля 1902 г.), стр. 45—46: Памяти скончавшихся членовъ Общества. — Л. Н. Майковъ.

II. Перечень учено-литературныхъ трудовъ Л. Н. Майкова.

1857.

1. Поправки къ Смирдинскому изданію сочиненій Д. В. Давыдова. (*Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго Петербургскаго Университета*. Вып. I. С.-Пб. 1857, стр. 348—349).

2. Ненапечатанные стихи А. С. Пушкина (тамъ же, стр. 349—350).

Напечатаны три стихотворенія А. С. Пушкина, не имѣвшіяся въ изданіи П. В. Анненкова: 1) Къ К. Б., при посылкѣ одного стихотворенія, 2) «Поэтъ Невѣдомскій, невѣдомый никѣмъ», 3) изъ Второго посланія къ цензору.

То же и въ отдѣльномъ оттискѣ: С.-Пб. 1857. 8°.

3. Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit — бытописатели прошедшаго Германіи. Собраніе источниковъ по германской исторіи до конца XV вѣка, въ нѣмецкомъ переводѣ, издаваемое Г. Пертцомъ, Яковомъ Гриммомъ, К. Лахманомъ, Л. Ранке и К. Риттеромъ (тамъ же, стр. 374—377).

1858.

4. Преподобный Ѳеодосій Печерскій (*Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ*, издаваемый В. Н. Майковымъ, № 2, стр. 79—94. Подпись: Л. Каймовъ).

На стр. 79-й, въ выноскѣ, отмѣчено: «Предлагаемый очеркъ жизни знаменитаго подвижника печерскаго составленъ: 1) по житію его, написанному преподобнымъ Несторомъ и помѣщенному въ русскомъ переводѣ преосвященнаго Филарета въ *Ученыхъ запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, по II Отдѣленію, томъ второй, и 2) по Исторіи Русской Церкви, преосвященнаго Макарія. Авторъ старался сохранить простоту рѣчи древняго біографа и потому часто говоритъ его словами».

5. Замѣтка по поводу VII-го тома «Сочиненій Пушкина» (*Библіографическія Записки* 1858 г., т. I, № 7, стб. 200—203).

Относительно VII-го тома сочиненій А. С. Пушкина въ изданіи П. В. Анненкова.

1859.

6. Илья Муромецъ (*Подснѣжникъ* 1859 г. № 1, стр. 88—99. Подпись: Л. М—въ).

1860.

7. Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ (*Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго Петербургскаго Университета*, вып. II. С.-Пб., стр. 235—244.

Напечатаны: а) обозрѣніе комедіи Грибоѣдова «Студентъ», б) письмо А. С. Грибоѣдова къ П. А. Катенину и «Лубочный театръ». Выражена благодарность М. И. Катенину за сообщеніе означенныхъ рукописныхъ матеріаловъ.

8. Разсмотрѣніе драмы Пушкина со стороны ея историческаго характера и въ отношеніи художественномъ. [Письменный отвѣтъ кандидата Л. Н. Майкова при испытаніи на званіе магистра въ факультетскомъ засѣданіи 15-го декабря 1862 г.][1]).

9. О сочиненіяхъ Нестора [то же, въ засѣданіи 26-го декабря 1862 г.].

1863.

10. О былинахъ Владимірова цикла. Изслѣдованіе на степень магистра русской словесности. С.-Пб. 8°. [На оборотѣ: «Печатать дозво-

1) Печатается ниже, равно какъ и слѣдующая статья, подъ № 9.

лено по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета. 18-го мая 1863 г. Деканъ И. Срезневскій»].

Введеніе. Раздѣленіе былинъ на циклы. I. Общіе вопросы относительно былинъ Владимірова цикла. II. Разсмотрѣніе былинъ какъ памятниковъ народнаго быта и понятій. III. Разсмотрѣніе былинъ въ отношеніи литературномъ.

Рецензіи и отзывы:

1) *Н. Ч.* Диспутъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ (*Санктпетербургскія Вѣдомости* 1863 г., № 129, стр. 531); 2) *Отечественныя Записки* 1863 г., т. CXLIX, № 7, отд. III, стр. 86—87; 3) *Библіотека для Чтенія* 1863 г., т. XXX, Библіографія, стр. 26—32 (безъ подписи); 4) *Филологическія Записки* 1864 г., вв. 1—2 (ст. А. А. Котляревскаго: «Основной элементъ русской богатырской былины», стр. 69—82; то же въ Сочиненіяхъ А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 243—256); 5) А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Этнографіи, т. II, стр. 228—229; 6) А. М. Лобода. Русскій богатырскій эпосъ. Кіевъ. 1896, стр. 178—181; 7) Г. Александровскій. Критико-библіографическій обзоръ трудовъ по русскому богатырскому эпосу. Ревель. 1898.

1864.

11. Исторія русской литературы, какъ наука и какъ предметъ преподаванія. 1) «О преподаваніи русской литературы», соч. Владиміра Стоюнина». С.-Пб. 1864. 2) «Историко-литературные вопросы», статья Красова въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1864 г., №№ 109 и 122. 3) Разборъ исторіи русской литературы Шевырева и Рубини, статья И. И. Срезневскаго въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ* 1862 г., т. II, кн. II (*Отечественныя Записки*, т. CLV, отд. I, стр. 169—193. Подписано: М.).

1865.

12. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, П. П. Семенова (нѣсколько статей во II-мъ томѣ на букву К).

1866.

13. Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Т. I. С.-Пб.

Л. Н. Майкову, вмѣстѣ съ А. Д. Добровольскимъ, принадлежитъ разработка свѣдѣній о внѣшней торговлѣ и о народномъ просвѣщеніи.

14. Неизданная грамматическая замѣтка Ломоносова. Съ предисловіемъ Л. Н. Майкова (*Русскій Архивъ*, стб. 324—329).

1867.

15. Новое изданіе сочиненій Фонъ-Визина. Русскіе писатели. Изданіе И. И. Глазунова. Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонъ-Визина. Съ портретомъ автора, со статьею «О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина» А. П. Пятковскаго, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и съ библіографическими объясненіями. (Редакція изданія П. А. Ефремова). С.-Пб. 1866 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXXXIII, отд. II, стр. 218—230).

16. Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. С.-Пб. 1867 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXXXV, отд. II, стр. 256—263). Подписано: *Л. М.*

17. Замѣтки о Московской Этнографической Выставкѣ (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. III, № 7, отдѣл. 2, стр. 189—194).

18. О жизни и сочиненіяхъ Василія Ивановича Майкова. С.-Пб. 8°.

Отдѣльный оттискъ изъ «Сочиненій и переводовъ В. И. Майкова», изданныхъ И. И. Глазуновымъ подъ редакціей П. А. Ефремова.

Рецензіи: 1) *Голосъ* 1867 г. № 347.—2) *Современное Обозрѣніе* 1868 г., № 1, отд. 3, стр. 189—192. 3) В. И. Чернышевъ. Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова. С.-Пб. 1901.

19. Замѣтка къ статьѣ Н. Я. Аристова: «Преданія о кладахъ» (*Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи*, т. I, стр. 740—750).

1868.

20. Списки населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. Выпускъ XLVII. Херсонская губернія. Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Обработанъ редакторомъ Л. Майковымъ. С.-Пб. 8°.

21. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Ч. IV. Народныя былины, старины, побывальщины, пѣсни, сказки, повѣрія, суевѣрія, заговоры и пр. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. С.-Пб. 1867 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXXXVIII, отд. II, стр. 611—630).

Сообщеніе «о характерѣ нашихъ сказителей въ связи съ эпическими пѣвцами другихъ народовъ».

22. Левъ Юрловъ и его письмо къ родственникамъ, 1743 года, сентября 11-го (*Русскій Архивъ*, № 7—8, стб. 1058—1064).

1869.

23. Великорусскія заклинанія. С.-Пб. 8°. (Отдѣльный оттискъ изъ *Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи*, томъ II, стр. 417—580).

Предисловіе (стр. 3—5). — I. Любовь (стр. 7—24): №№ 1—33. — II. Бракъ (стр. 24—29): №№ 34—48. — III. Здоровье и болѣзни (стр. 30—100): №№ 45—245. — IV. Частный бытъ (стр. 100—111): №№ 246—275. — V. Промыслы и занятія (стр. 111—146): №№ 276—336. — VI. Отношенія общественныя (стр. 146—156): №№ 337—354. — VII. Отношенія въ природѣ (стр. 156—158): №№ 355—361. — VIII. Отношенія къ сверхестественнымъ существамъ (стр. 158—164): №№ 362—372.

Тутъ напечатаны сборники русскихъ заклинаній, составленные В. А. Яковлевымъ изъ разныхъ печатныхъ и другихъ источниковъ и составленный В. И. Ламанскимъ небольшой подобный же сборникъ. Весь матеріалъ этихъ сборниковъ Л. Н. Майковымъ частію былъ вновь провѣренъ по источникамъ и пополненъ бывшими у него въ рукахъ другими такими же сборниками.

Въ свое собраніе Л. Н. Майковъ внесъ не только тексты заговоровъ, записанныхъ въ послѣднее время, но и изъ старинныхъ рукописей XVII—XVIII столѣтій. Кромѣ того, въ сборникѣ перепечатаны и всѣ заговоры, появившіеся какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, такъ и въ разныхъ сочиненіяхъ.

На основаніи матеріала, собраннаго Л. Н. Майковымъ въ его «Великорусскихъ заклинаніяхъ», было издано Н. Крушевскимъ изслѣдованіе: «Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи» (*Извѣстія Императорскаго Варшавскаго Университета* 1876 г. № 3, неофф. отдѣлъ, стр. 1—69). Срв. проф. Н. Ѳ. Сумцова. «Заговоры (Библіографическій Указатель)». Харьковъ. 1892, стр. 8 и 9.

24. Великорусскія заклинанія. Дополненіе (*Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи*, т. II, стр. 747—748). Подпись: *Л. М.*

Въ этомъ дополненіи помѣщены заговоры, доставленные П. В. Шейномъ и другими; оно не вошло въ отдѣльные оттиски «Великорусскихъ заклинаній».

25. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

по Отдѣленію Этнографіи, т. II. Изданъ подъ редакціею Л. Н. Майкова. С.-Пб. 8°.

Дополненія и примѣчанія къ статьямъ А. Н. Трунова («Понятія крестьянъ Орловской губерніи о природѣ физической и духовной»), И. П. Хрущова («Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти»), Н. С. Щукина («Народныя увеселенія въ Иркутской губерніи») и А. Я. Кокосова («Круговыя игры и пѣсни въ селѣ Ушаковскомъ») — составлены редакторомъ.

26. Два донесенія А. П. Сумарокова. Съ предисловіемъ (Осмнадцатый вѣкъ, П. И. Бартенева, кн. III, стр. 182—186).

27. Современное письмо о наказаніи Салтычихи, 22-го октября 1768 г. Съ послѣсловіемъ (тамъ же, т. IV, стр. 94—96).

1870.

28. М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. Антона Будиловича. С.-Пб. 1869 (*Заря* 1870 г., февраль, Библіографія, стр. 166—176). Подпись: *Л. М.*

29. Письма о докторѣ Санхецѣ, устраненномъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства (*Русскій Архивъ* 1870 г., № 2, стб. 280—284).

На французскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій. Одно писано, вѣроятно, канцлеромъ графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, второе же — графомъ К. Г. Разумовскимъ.

30. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ, 1767 г. (тамъ же, стб. 288—291).

31. Манифесты Пугачева, 1774 г. (тамъ же, стб. 291—294).

1871.

32. Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ написанная. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Русскій Архивъ* 1871 г., № 4 и 5, стб. 577—696).

33. Первая мысль о Морейской экспедиціи графа А. Г. Орлова. Съ предисловіемъ (Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ, изд. В. Кашпиревымъ. Т. I, стр. 139—145).

34. Сношенія князя А. А. Черкасскаго съ Голштинскимъ дворомъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (тамъ же, стр. 194—306).

— То же повторено въ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ и документовъ, относящихся къ новой Русской Исторіи XVIII и XIX вѣка, изданныхъ М. Михайловымъ. С.-Пб. 1873.

35. Молодость А. А. Башилова. Записка о временахъ Екатерины II и Павла I. Съ предисловіемъ (*Заря*, № 12, стр. 192—223).

— То же въ Памятникахъ новой русской исторіи, изд. В. Кашпиревымъ, т. III, отд. II, стр. 1—32.

1872.

36. Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Серія II. Выпускъ 3. Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи, собранные губернскими статистическими Комитетами и обработанные Л. Майковымъ. Часть 1. С.-Пб. 8°.

Рецензія: *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 10, стр. 928.

37. Письмо къ редактору. (По поводу рецензіи, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* 1872 г., № 10 о 3-мъ выпускѣ «Статистическаго Временника» (*Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 11, стр. 431—434).

38. Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Серія II, выпускъ 4. Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи и о русскомъ торговомъ флотѣ, съ 1865—1869. Обработанъ Л. Майковымъ. С.-Пб. 8°.

39. Обозрѣніе дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, въ книгѣ: «Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». С.-Пб. 1872. 8°, стр. 47—58.

40. Причитанья сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть I. М. 1872 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CLXIV, отдѣлъ II, стр. 388—399.

1873.

41. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ III-й. Изданъ подъ редакціею Л. Н. Майкова. С.-Пб. 8°.

Въ этомъ томѣ предисловіе и примѣчанія къ труду Е. В. Барсова: «Памятники народнаго творчества въ Олонецкой губерніи» написаны Л. Н. Майковымъ.

42. Къ исторіи русскихъ суевѣрій. Рапортъ въ Шацкую провинціальную канцелярію отъ лекаря Рампау, 1765 г. (*Русская Старина*, т. VII, стр. 725—726).

43. Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CLXVIII, отдѣлъ II, стр. 445—459).

Въ статьѣ этой сдѣланъ «опытъ свода всѣхъ извѣстій о сказителяхъ Олонецкаго края».

44. М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II въ 1765 году. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Русскій Архивъ*, № 8, стб. 1552—1570).

45. В. А. Чупятовъ (тамъ же, № 9, стб. 1672—1685).

46. Сонъ, видѣнный въ 1765 году. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Сатира Ѳ. А. Эмина на Сухопутный кадетскій корпусъ, Академію наукъ и Академію художествъ (тамъ же, № 10, стб. 1910—1928).

47. Записка объ этнографической картѣ (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. IX, № 10, стр. 246—248).

48. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, П. П. Семенова, т. IV. (Нѣсколько статей на буквы П, Р и С, безъ подписи автора).

1874.

49. Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи. Письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ англійскаго, редакція и примѣчанія С. Н. Шубинскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CLXXI, отдѣлъ II, стр. 223—230).

50. Объ изученіи системъ родственной связи и формъ семейнаго быта (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. X, № 5, отдѣлъ II, стр. 189—194, и отдѣльно). Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 22-го апрѣля.

51. Замѣтки по географіи древней Руси. По поводу сочиненія Н. П. Барсова: Очеркъ русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава. 1873 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CLXXIV, отдѣлъ II, стр. 234—284, и отдѣльно).

52. Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, томъ X, № 6, «Мелкія извѣстія», стр. 215—220, и отдѣльно).

Въ началѣ замѣтки приведена литература о пѣвцахъ великорусскихъ былинъ — сказителяхъ, затѣмъ напечатано въ извлеченіи письмо С. И. Гуляева къ Л. Н. Майкову отъ 21-го ноября 1871 г., съ біографическими свѣдѣніями о слѣпомъ крестьянинѣ деревни Ересной (въ 5-ти верстахъ отъ Барнаула) Леонтіи Гавриловичѣ Тупицынѣ.

Было перепечатано въ книгѣ: Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера (М. 1894), въ приложеніи ко II-му отдѣлу, стр.269—271.

53. А. И. Артемьевъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CLXXIV, отдѣлъ IV, стр. 94—109, и отдѣльно).

54. Письмо Алексѣя Петровича Ермолова къ Александру Ивановичу Кучину, 1843 г. (*Русская Старина* 1874 г., т. IX, стр. 562—563).

1875.

55. О сочиненіи Григорія Новицкаго: Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, писанномъ около 1715 года (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. XI, выпускъ 1-й, Географическія Извѣстія, стр. 1—9, и отдѣльно).

56. Русская театральная публика во времена Сумарокова (*Древняя и Новая Россія*, т. I, № 3, стр. 313—316. Подпись: Д. Дмитріевъ).

57. Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ (*Древняя и Новая Россія*, т. III, № 9, стр. 6—24; № 10, стр. 117—133; № 11, стр. 212—229; № 12, стр. 367—380).

58. Челобитная черниговскаго митрополита Лазаря Барановича (*Русскій Архивъ*, кн. III, стр. 308—309).

59. Письма митрополита Евгенія Болховитинова къ преосвящен-

ному Архангелогородскому Парфенію, 1811 г. (*Русскій Архивъ*, кн. III, стр. 315—316).

60. Библіографическая замѣтка (тамъ же, стр. 496).

Написана по поводу замѣчаній г. *А. В.*, напечатанныхъ въ челобитной Лазаря Барановича въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 г., кн. III, стр. 309, и содержитъ указаніе на время подачи Лазаремъ Барановичемъ челобитной — начало 1669 г.

61. Пугачевскіе листы 1774 г. (*Русская Старина*, т. XIII, стр. 272—276 и 440—442).

62. Эпизодъ изъ исторіи славянофильства: дѣло о запрещеніи изданія «Московскаго Сборника», 1852—1853 гг. (*Русская Старина*, т. XIV, стр. 367—379).

63. Этнографическая карта Европейской Россіи. Составилъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества дѣйствительный членъ А. Ѳ. Риттихъ. С.-Пб. 1875. (Л. Н. Майковъ былъ членомъ спеціальной наблюдательной коммиссіи).

1876.

64. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, выпускъ II (*Древняя и Новая Россія*, № 2, стр. 188—189).

65. Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья (*Древняя и Новая Россія*, № 6, стр. 195—198).

Написана по поводу статьи К. М. Петрова, напечатанной въ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1875 г., № 81 и воспроизведенной Л. Н. Майковымъ въ настоящей его статьѣ. Описана встрѣча К. М. Петрова съ ямщикомъ, пѣвцомъ былинъ, Алексѣемъ Ивановымъ съ Рындозера и съ семидесятилѣтнимъ старикомъ съ Лекшмозера, Тимоѳеемъ Никифоровымъ Брызгуновымъ (оба эти сказителя не были извѣстны ни Рыбникову, ни Гильфердингу). Время и обстоятельства не позволили г. Петрову записать былины отъ этихъ двухъ хорошихъ сказителей, а равно послушать пѣвцовъ въ Бережно-Дубовскомъ погостѣ, о которыхъ ему говорили названные сказители, но за то онъ записалъ со словъ Иванова нѣсколько мѣстныхъ преданій, имѣющихъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что ими дополняется кругъ сказаній объ эпическомъ героѣ мѣстнаго олонецкаго происхожденія (силачѣ-борцѣ), о которомъ единственная былина записана покойнымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ [№ 11: *Рахта Рагнозерскій*. Важно указаніе, что Рагнозеро, небольшое озеро и деревенька въ Пудожскомъ уѣздѣ, къ юго-востоку отъ Пудожской горы и къ юго-западу отъ Водл-озера — поселеніе довольно старое: оно упоминается уже въ

писцовой книгѣ Обонежской пятины, писанной въ 1582—1583 гг.]. Анализъ былины о Рахтѣ въ связи съ мѣстными преданіями о немъ.

Срв. въ *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* за 1876 г., № 100.

66. А. Н. Неустроевъ. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. С.-Пб. 1875. Рецензія (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CLXXXVI, отдѣлъ II, стр. 126—167). Отдѣльный оттискъ: Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики. Библіографическія примѣчанія на книгу: Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. С.-Пб. 1875.

67. Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ. Съ предисловіемъ. Статья г. Гашера и донесеніе Екатеринѣ II А. И. Моркова. (*Русскій Архивъ*, кн. II, стр. 45—52).

1877.

68. Общество любителей древней письменности (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CXC, отдѣлъ IV, стр. 105—115).

69. Плѣнъ шведскаго графа Гордта въ Россіи. 1759—1762. Извлечено изъ его записокъ и дополнено (*Русскій Архивъ*, кн. II, стр. 294—326).

70. О Сибирскомъ лѣтописномъ сборникѣ Черепанова. С.-Пб. Отдѣльный оттискъ изъ *Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи*, вып. VII.

71. *Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи*. Т. VII. Изданъ подъ редакціею Л. Н. Майкова.

72. О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка. По сочиненію Августа Альквиста: Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der ältern Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors. 1875 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CXCI, отдѣлъ II, стр. 260—282; часть CXCII, стр. 155—198; часть CXCIV, стр. 240—280, и отдѣльно). Подпись: *Л. М.*

Изложеніе содержанія сочиненія А. Альквиста, съ дополненіями относительно вліянія славянской культуры на финскую, на основаніи данныхъ русской литературы по этнографіи.—Срв. А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Этнографіи, IV, 395.

73. Для исторіи сношеній Россіи съ Китаемъ при Петрѣ Великомъ (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*, т. VIII, вып. 5, стр. 545—551, и отдѣльно).

1. Царская грамота купчинѣ Ивану Саватѣеву 1702 года.

2. Пріемная отпись, выданная въ 1711 году Ивану Саватѣеву изъ Канцеляріи Сибирской губерніи.

74. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. III. (*Древняя и Новая Россія*, № 11, стр. 280. Подпись: *Л. М.*).

1878.

75. Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXCV, отд. IV, стр. 113—134; ч. CXCVI, мартъ, стр. 36—82).

76. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изданіе третье, Коммиссіи печатанія государственныхъ граматъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по 2-му полному изданію, съ нотами. М. 1878 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXCIX, отдѣлъ II, стр. 326—329).

77. Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени. Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и прекрасной королевнѣ Ираклiи Флоренской земли (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CC, отдѣлъ II, стр. 173—219, и отдѣльно).

Срв. А. Н. Пыпинъ. Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о Гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи. С.-Пб. 1878 (*Памятники древней письменности и искусства*, № LXIV).

78. Oeuvres de Gilbert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Recueillies et publiées par Ch. Potvin, avec des notes géographiques, une carte, par I. C. Houzeau. Londres. 1878 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCVI, декабрь, отд. II, стр. 233—243).

1879.

79. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова. Выпускъ IV (*Древняя и Новая Россія*, т. I, № 1. Критика и библіографія, стр. 72—73. Подпись: *Л. М.*).

80. Жизнь и труды П. М. Строева. Сочиненіе Н. Барсукова (*Древняя и Новая Россія*, томъ I, № 2, стр. 156—158. Подпись: *Л. М.*).

81. Разсказъ графа Н. И. Панина о воцареніи Екатерины II. Изъ записокъ барона Ассебурга. Съ предисловіемъ (*Русскій Архивъ*, кн. I, стр. 362—369).

82. Сказаніе объ иконѣ Богоматери на Туровицкомъ погостѣ (*Памятники древней письменности*, т. III, стр. 96—106).

83. Объ этнографическихъ матеріалахъ, собранныхъ Н. Г. Ординымъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. XV. выпускъ 1, стр. 16—21). Вмѣстѣ съ П. И. Савваитовымъ.

1880.

84. В. Н. Ханыковъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCI, январь, отдѣлъ IV, стр. 91—107). Безъ подписи.

85. Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму. Вмѣстѣ съ К. С. Мережковскимъ (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. XVI, вып. 2-й, стр. 106—148).

86. И. И. Срезневскій. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCVIII, мартъ, отдѣлъ IV, стр. 81—85, и отдѣльно).

87. Неизвѣстная Русская повѣсть Петровскаго времени. С.-Пб. 8°.

Посвящено Александру Николаевичу Веселовскому. На стр. 3—22 напечатанъ текстъ: «Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Ираклiи Флоренской земли».

Повторено съ новыми объясненіями въ сборникѣ историко-литературныхъ монографій (см. ниже, № 128).

88. Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ

Европейской Россіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета. Вып. I. Губерніи центральной земледѣльческой области. С.-Пб. 8°.

Разработка матеріала вмѣстѣ съ М. Н. Раевскимъ.

89. Волости и важнѣйшія селенія Европейской Россіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета. Вып. I: Губерніи центральной земледѣльческой области. С.-Пб. 8°.

Разработка матеріала вмѣстѣ съ М. Н. Раевскимъ.

90. Дневныя записки А. Я. Протасова о воспитаніи великаго князя Александра Павловича. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Древняя и Новая Россія*, № 8, стр. 761—775, и отдѣльно).

91. Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериною II (*Историческій Вѣстникъ*, № 10, стр. 411—415).

92. О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ноябрь, ч. CCXII, стр. 197—216).

Здѣсь помѣщено предисловіе и тексты XVII вѣка.—Въ своемъ обзорѣ авторъ предположилъ ограничиться поэзіей великорусскою, и притомъ, только былинами и пѣснями въ тѣсномъ значеніи этого слова: и сказки, изложенныя прозой, и духовные стихи, съ многочисленными отличающими ихъ чертами книжнаго происхожденія, исключены изъ обзора, такъ какъ тѣ и другіе стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ произведеніями письменной литературы.

О пѣсняхъ, записанныхъ для Оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса «еще во время пребыванія его въ Москвы». О былинѣ о Григоріи Отрепьевѣ и Маринѣ, найденной въ бумагахъ К. Ѳ. Калайдовича П. А. Безсоновымъ и напечатанной имъ въ Пѣсняхъ Кирѣевскаго (в. VII, доп., 62 стр.), записанной около 1688 г.. О небольшой бытовой пѣснѣ XVII вѣка (изданной С. М. Соловьевымъ въ Исторіи Россіи, въ приложеніи къ т. XIV, по записи около 1698 г.). — Тексты эти, содержащіе въ себѣ большею частію историческія пѣсни въ спискахъ XVII в., подвергнуты Л. Н. Майковымъ подробному изслѣдованію и сличенію какъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ этого времени, такъ и съ позднѣйшими устными пересказами тѣхъ же пѣсенъ. Изъ этого изслѣдованія выясняются съ одной стороны отношенія старинныхъ книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, съ другой тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти.

Хотя прямого продолженія настоящей статьи и не было, но къ вопросу о текстахъ былинъ по рукописямъ XVIII в. Л. Н. Майковъ вернулся въ 1891 году.

93. Въ *Памятникахъ Древней Письменности*, изд. Общества Любителей Древней Письменности, вып. IV, стр. 75—114 былъ

помѣщенъ «Рукописный сборникъ пословицъ», при замѣткѣ Л. Н. Майкова: текстъ сборника пословицъ, поговорокъ и присказокъ, напечатанный по доставленной имъ же редактору памятниковъ (Ѳ. И. Булгакову) рукописи конца XVII—начала XVIII столѣтія[1]).

1881.

94. Современные разсказы и отзывы о Петрѣ Великомъ (*Русскій Архивъ*, кн. 1, стр. 5—16. Подпись: *М.*).

95. Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ матеріаламъ, Я. К. Грота. С.-Пб. 1880 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXIII, февраль, отдѣлъ II, стр. 308—314).

96. Любовное посланіе XVII вѣка. Съ объясненіями (*Русскій Архивъ*, кн III, стр. 385—389.

Любовное посланіе 1698 года. — Объясненіе въ Разрядномъ Приказѣ. — Вѣянія Нѣмецкой слободы.

97. Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ русской державѣ (тамъ же, ч. CCXIII, сентябрь, отдѣлъ IV, стр. 21—36, и отдѣльно).

1882.

98. Отзывъ о трудахъ члена-сотрудника Н. М. Ядринцева (Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1881 годъ. С.-Пб. 1882. Приложеніе I, стр. 41—46).

99. *Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.* Томъ IX. Изданъ подъ редакціей Л. Н. Майкова. С.-Пб. 8°.

---

1) Рукопись была получена Л. Н. Майковымъ въ 1879 году отъ Н. Г. Ордина изъ г. Кадникова (Вологодской губ.) и затѣмъ была подарена имъ В. В. Богишичу; нынѣ принесена послѣднимъ въ даръ Императорской Академіи Наукъ и хранится въ рукописномъ Отдѣлѣ I-го Отдѣленія Библіотеки Имп. Акад. Наукъ (подъ шифромъ: 34. 8. 11). Подробное описаніе этой рукописи и текстъ сборника пословицъ см. въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LXVI, № 7, стр. 165—216, и въ отдѣльномъ оттискѣ (Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони. Вып. I. С.-Пб. 1899).

Примѣчанія Л. Н. Майкова въ томъ же томѣ *Записокъ*, къ статьѣ И. С. Полякова: «Изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ р. Оки и на верховьяхъ Волги»: 1) О заселеніи береговъ р. Моши, 2) О преподобномъ Лазарѣ Муромскомъ, 3) О панахъ въ Мошинскомъ краѣ, 4) О Чуди въ Олонецкой губерніи, 5) Извѣстія Тацита и Павзанія о костяныхъ орудіяхъ, 6) О раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга въ Новоладожскомъ уѣздѣ.

100. Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXIX, февраль, отдѣлъ IV, стр. 17—46; ч. CCXX, мартъ, стр. 30—58, и отдѣльно).

101. Предисловіе и алфавитный перечень рукописей къ «Описанію рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета», составленному А. И. Артемьевымъ (*Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи*, т. VII, и отдѣльно).

Рецензія: И. В. Ягича, въ *Archiv für Slavische Philologie*. Bd. VII. S. 158.

102. *Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи*, т. X, вып. 1, 2 и 3. (Редакція 1-го и 2-го выпусковъ, а 3-го вмѣстѣ съ Н. И. Веселовскимъ).

103. Причитанья Сѣвернаго Края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Часть II. Плачи завоенные, рекрутскіе и солдатскіе. Москва. 1882. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CCXXIII, октябрь, отдѣлъ II, стр. 415—424).

— То же, въ Отчетѣ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. С.-Пб. 1886, стр. 66—78, и отдѣльно).

104. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой (*Историческій Вѣстникъ*, т. X, стр. 469—471).

1883.

105. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. (Редакція со 2-го номера 1883 года по 7-й номеръ 1890 г. (46 книжекъ).

106. Волости и важнѣйшія селенія Европейской Россіи. Вып. IV. Губерніи нижневолжской области. С.-Пб. 8°. (Разработка матеріала и наблюденіе за печатаніемъ).

Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири. — Срв. А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Этнографіи, т. IV, стр. 362—363.

107. Матеріалы для русской исторіи, хранящіеся въ Чехіи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Россія при Петрѣ II.—Русскія войска

въ Германіи при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (*Русскій Архивъ*, кн. III, стр. 227—240).

108. Оглавленіе къ протоколамъ предварительнаго комитета V Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ; указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ къ этому изданію (*Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества*. Т. IX, вып. II—III, стр. 1—42). Л. Н. Майкову принадлежитъ редакція.

1884.

109. Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета. Выпускъ IV. Губерніи нижневолжской системы. С.-Пб. 8°.

110. Старинные русскіе паломники въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества. 1) Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена, 2) Хоженіе гостя Василья, 3) Странствованія Василія Григоровича-Барскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXXXIV, іюль, отд. II, стр. 106—121, и отдѣльно).

111. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издано подъ редакціею Л. Н. Майкова. С.-Пб. (*Памятники древней письменности и искусства*, № LIII, и отдѣльно).

Рецензіи: 1) И. В. Ягича, въ *Archiv für Slavische Philologie*. Bd. VIII, s. 658. — 2) А. Н. Пыпина, въ Исторіи Русской Этнографіи, т. IV, стр. 222—223. — 3) А. О—ва, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1885 г., № 10, стр. 199—203.

112. Отзывъ о рукописи Тобольской духовной семинаріи, содержащей въ себѣ сибирскую лѣтопись И. Черепанова, съ приложеніемъ I—XII выписокъ (*Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи*, вып. VII, отд. IV, стр. 44—52—68. Читано въ засѣданіи 11-го ноября 1876 г. — Срв. протоколъ засѣданія 24-го сентября 1876 г.

А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Этнографіи, т. IV, стр. 329—330.

113. Записка о матеріалахъ для исторіи русской церкви и духовнаго просвѣщенія во второй половинѣ XVII вѣка, найденныхъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ московскихъ библіотекъ: Синодальной, Типографской Синодальной же и Публичнаго Музея. О сочиненіяхъ Силь-

вестра Медвѣдева, Симеона Полоцкаго, братьевъ Лихудовъ. Читана въ засѣданіи 10-го мая 1877 г. (*Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи*, вып. VII, отд. IV, стр. 103—108).

114. *Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.* Томъ XII. Изданъ подъ редакціей Л. Н. Майкова: Сказки и преданія Самарскаго края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковымъ. С.-Пб. 8°.

1885.

115. Отзывъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Л. Н. Майкова и помощника его О. Ѳ. Миллера о трудахъ члена-сотрудника П. В. Шейна (Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1884 г. С.-Пб. 1885. Приложенія. Докладъ Коммиссіи Отдѣленія Этнографіи о присужденіи медалей, стр. 21—25).

116. Сочиненія К. Н. Батюшкова. — Изданы П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Въ большую 8-ю д. л. Три тома. Печатано въ количествѣ 2135 экземпляровъ. Цѣна 15 рублей.

Томъ I. С.-Петербургъ. Типографія В. С. Балашева. 1887. Стр. XXVII + 360 + 457 + 3 непомѣч. и 4 листа приложеній: портретъ, факсимиле и 2 снимка.

— Томъ II. Типографія бывшая Котомина. 1885. Стр. 3 неп. + 584 (Проза) + 1 неп. + 1 листъ приложеній (2 портрета и факсимиле почерка).

— Томъ III. Типографія бывшая Котомина. 1886. Стр. XV (оглавл.) + 804 (Письма) + 2 листа снимковъ.

Рецензіи: 1) *Русская Старина* 1887 г., №№ 5, 11 (со спискомъ другихъ рецензій). 2) *Русская Мысль* 1887 г., № 6, стр. 345—348. 3) Н. Н. Булича, въ «Четвертомъ присужденіи Пушкинскихъ премій». С.-Пб. 1888, стр. 2—45 (въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. XLVI). 4) И. А. Кубасовъ. Неизданная статья К. Н. Батюшкова (*Литературный Вѣстникъ* 1901 г., т. I, кн. 1-я, стр. 18—22). Приведенъ полностью текстъ статьи Батюшкова «Замѣчанія на баснословіе сѣверныхъ народовъ», по рукописи, изъ бумагъ Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.

117. Еще былины и пѣсни изъ Заонежья (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, т. XIII, № 1, стр. 44—60).

Напечатаны пѣсни, доставленныя Л. Н. Майкову К. М. Петровымъ, инспекторомъ Народныхъ училищъ въ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ.

Вводная замѣтка Л. Н. Майкова написана 3-го января 1885 г..

I. Добрыня и Маринка. [Срв. Онежскія Былины А. Ѳ. Гильфердинга, № 216]. — Осада Пскова. — Отчего богатыри перевелись на Святой Руси? — Былина про Добрыню и Илью Муромца.—Взятіе Ревеля.—Графъ Румянцовъ.— Платовъ-казакъ. — Преданіе о Гусѣ-богатырѣ.

118. Н. И. Костомаровъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CCXXXIX, май, отд. IV, стр. 60—63. Безъ подписи).

119. Объ ученыхъ заслугахъ гр. А. С. Уварова (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества*, т. XX, и отдѣльно).

1886.

120. Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. С.-Пб. 4°. (Изданія Общества Любителей Древней Письменности, № LXXXV, и отдѣльно).

Рецензіи: 1) П. С—кій. Сѣверный край въ концѣ прошлаго вѣка—*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1886 г., ноябрь, стр. 107—118. 2) *Вѣстникъ Европы* 1886 г., № 10: А. Н. Пыпинъ. Вновь открытый писатель прошлаго вѣка.

1887.

121. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. С.-Пб. Въ большую 8-ю д. л.

Посвященіе: «Аполлону Николаевичу Майкову, Николаю Алексѣевичу Трескину, Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину и Ѳедору Дмитріевичу Батюшкову—посвящаю мой трудъ, съ любовью писанный и встрѣченный ихъ дружескимъ одобреніемъ. 28-го марта 1887 года. Леонидъ Майковъ». — Книга эта составляетъ отдѣльный оттискъ изъ I-го тома «Сочиненій К. Н. Батюшкова», съ небольшою переверсткою первыхъ четырехъ страницъ (полулиста). Приложенъ тотъ же портретъ; но къ концу книги присоединенъ фотолитографическій снимокъ съ стихотвореній, писанныхъ разными руками (Пушкинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, Плещеевымъ) и относящихся къ сентябрю 1817 г.

122. Характеристика Батюшкова, какъ поэта. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 22-го ноября 1887 года (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. XLIII, прилож. № 1, стр. 18—38, и отдѣльнымъ оттискомъ).

123. О заслугахъ гр. А. С. Уварова въ дѣлѣ русской археологіи (Труды Пятаго Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ, стр. XCII—XCIV).

1888.

124. Князь П. П. Вяземскій. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLVIII, отдѣлъ IV, стр. 79—84, и отдѣльно). Безъ подписи.

125. Симеонъ Полоцкій о русскомъ иконописаніи (*Библіографъ* 1888 г., № 11, стр. 341—350, и отдѣльнымъ оттискомъ. С.-Пб. 1889. 8°).

1889.

126. Замѣтка для профессора В. В. Качановскаго. По поводу его возраженія на критическую статью В. В. Макушева о сочиненіи: «Неизданный дубровницкій поэтъ А. М. Глегевичъ» (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLXII, отд. II, стр. 436—437 и отдѣльно).

127. Первые шаги Ивана Андреевича Крылова на литературномъ поприщѣ. (Посвящается А. А. Майковой). С.-Пб. 8°. Оттиски изъ журнала *Русскій Вѣстникъ*, № 5.

128. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 8°.

1. Симеонъ Полоцкій.
2. Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени.
   Приложенія:
   I. Гисторія о матросѣ Василіи и повѣсть о Долторнѣ.
   II. Любовное посланіе XVII вѣка.
3. Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго.
4. Василій Ивановичъ Майковъ.
5. Литературныя мелочи Екатерининскаго времени:
   I. Театральная публика во времена Сумарокова.
   II. «Сонъ», Ѳ. А. Эмина.

III. Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году.

IV. В. А. Чулятовъ.

6. Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики.

Рецензіи: 1) А. Н. Пыпина — въ *Вѣстникѣ Европы* 1889 г., іюнь, стр. 815—817. 2) Сергѣя Ольгина — въ *Филологическихъ Запискахъ* 1889 г., вып. VI. 3) *Русская Старина* 1889 г., т. LXI, № 3, на обложкѣ. 4) *Русскій Вѣстникъ* 1889 г., № 4, стр. 271—284 (К. Н. Бестужева-Рюмина).

129. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1889 годъ. С.-Пб. 1890. 8°. Отдѣльный оттискъ изъ *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LI, прилож. № 1, стр. 1—16.

— То же въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 г., ч. CCLXVII, отдѣлъ IV, стр. 49—91.

130. Письмо къ А. С. Гацискому, отъ 28-го іюля (Сборникъ въ память А. С. Гацискаго. Нижній-Новгородъ. 1897, отд. III, стр. 28).

1890.

131. Записка объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Н. А. Лавровскаго. Читана въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 20-го января 1890 года (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LII, стр. 34—41).

132. И. А. Крыловъ. Три басни изъ журнала *Утренніе Часы*, въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ въ 1788—1789 гг. (*Русская Старина*, т. LXV, январь, стр. 93—97).

133. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. С.-Пб. 8°. (Отдѣльный оттискъ изъ *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LI, прилож. № 4).

Рецензіи: 1) *Живая Старина* 1890 г., выпускъ 1, отдѣлъ III. 2) Г. С. Дестунисъ — въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 г., сентябрь, стр. 233—269 (рецензія посвящена преимущественно разбору топографическихъ подробностей «Бесѣды»). 3) И. Е. Троицкій (*Византійскій Временникъ* 1894 г., I, стр. 167 сл.). 4) Д. Ѳ. Кобеко (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ* 1897 г., т. II, кн. 3, стр. 611—626; кн. 4, стр. 1037—1042). 5) Х. М. Лопаревъ (тамъ же, 1898 г., т. III, кн. 2, стр. 339—357).

134. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. Съ предисловіемъ (*Живая Старина*, выпускъ I. Отдѣлъ II, стр. 1—4, и отдѣльно).

По рукописному сборнику Императорской Публичной Библіотеки, писанному въ 1803 году (изъ Вологодской губерніи); приведены полностію тексты трехъ нижеслѣдующихъ былинъ: I. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ. — II. Добрыня и Марина. — III. Князь Михайло Скопинъ.

135. Матеріалы для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800. Составилъ Н. В. Губерти. Выпускъ I-й. М. 1878. V + 372 стр. Выпускъ II-й. М. 1881. 660 + X + 3 + IV стр. — Вып. III-й. Прибавленіе къ I-му и II-му выпускамъ. Рукопись въ листъ, на 302 листахъ мелкаго письма. Рецензія. (Отчетъ о тридцать первомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 67—75, и отдѣльнымъ оттискомъ).

136. Вновь найденныя записки о Екатеринѣ II (*Русское Обозрѣніе*, № 6, стр. 811—822).

137. Николай Михайловичъ Карамзинъ у графа Николая Петровича Румянцова въ 1824 году. Съ предисловіемъ (*Русская Старина*, т. LXVII, сентябрь, № 9, стр. 449—456).

138. Русская Историческая Библіотека, изд. Археографическою Коммиссіею. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархій. Ч. I. 1500—1699 года. С.-Пб. 8°.

(Редакція вмѣстѣ съ А. И. Тимоѳеемымъ; указатель составленъ И. К. Зинченкомъ).

139. Пушкинъ и Даль (*Русскій Вѣстникъ*, № 10, стр. 1—20).

1891.

140. О началѣ русскихъ виршъ. С.-Пб. 8°. (Отдѣльный оттискъ изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLXXV, отдѣлъ II, стр. 443—453).

На стр. 12—13 напечатана вирша изъ рукописнаго сборника XVI—XVII вѣка библіотеки Казанской Духовной Академіи № 880, л. 292: «Лѣтопись книги Історія Козанская».

141. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ (*Сборникъ Отдѣленія*

русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LII, № 8, и отдѣльно). — То же, въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, т. LXVII, прил. № 6.

Рецензія: К. Н. Бестужева-Рюмина (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1892 г., № 2, стр. 491—493).

142. Валеріанъ Майковъ. Критическіе опыты (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. Изданіе журнала *Пантеонъ Литературы*. С.-Пб. 8°.

Л. Н. Майкову принадлежитъ вводная статья подъ заглавіемъ: «Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Матеріалы для его біографіи и литературной характеристики».

143. Воспоминанія Анны Григорьевны Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году. Съ предисловіемъ (*Русскій Архивъ*, кн. III, стр. 309—328).

144. Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ. Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ (*Русская Старина*, т. LXXII, ноябрь, стр. 465—469).

145. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—II. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII вѣка.—III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка. С.-Пб. 8°. (Изъ *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LIII, № 5).

II. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII вѣка.

Указано семь отдѣльныхъ текстовъ по рукописямъ разныхъ собраній. Описцахъ подобныхъ рукописей. Рѣшеніе различныхъ вопросовъ относительно способа воспроизведенія былинъ въ рукописяхъ и оцѣнка старинныхъ рукописныхъ текстовъ. Заключенія, къ которымъ приводитъ сличеніе текстовъ по содержанію (по ихъ плану и составнымъ частямъ). Цѣль опыта изученія и сравненія текстовъ заключается въ томъ, чтобы по возможности возстановить «Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ.

«Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ». (Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ).

Приложенія:

1. Повѣсь о силнѣмъ могущемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ і о Соловье Разбойнике. По Библіотечному списку.
2. Гистория о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике. По рукописи И. Е. Забѣлина № 71.

3. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолищѣ. По рукописи И. Е. Забѣлина № 82.

III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII вѣка.

Описаніе рукописнаго сборника Императорской Публичной Библіотеки О. XVII. 41. О значеніи повѣсти.

«Повѣсть о князе Владимѣре Киевскомъ и о богатыряхъ киевскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и царѣ Кащею Залатой арды».

Появленіе настоящихъ статей вызвано, вѣроятно, статьею Н. С. Тихонравова подъ заглавіемъ; «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка», напечатанною въ *Этнографическомъ Обозрѣніи* 1891 г., кн. VIII.

Тексты: 1) на стр. 29—32 перепечатанъ въ книгѣ: «Русскія былины старой и новой записи, подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера (М. 1894), на стр. 1—4; 2) на стр. 32—34 перепечатанъ тамъ же, на стр. 4—7; 3) на стр. 34—45 перепечатанъ на стр. 11—24; 4) на стр. 50—57 перепечатанъ на стр. 25—31, при чемъ текстъ Л. Н. Майковымъ въ корректурѣ вновь былъ свѣряемъ по подлинной Библіотечной рукописи и приложенъ фототипическій снимокъ съ фотографіи, доставленной В. Г. Дружининымъ, исполненный фототипіею Левенсона въ Москвѣ. Описаніе I-й рукописи на стр. 2—3 перепечатано тамъ же, на стр. 68—69; описаніе II-й рукописи на стр. 46—49 перепечатано на стр. 86—88.

146. О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ. Докладъ о поступившихъ на съѣздъ отвѣтахъ на 57-й запросъ программы: какія могутъ быть указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже конца XVII вѣка и содержащихъ въ себѣ народныя былины, пѣсни и собранія народныхъ пословицъ (Труды Четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани, т. II, стр. 159—163).

147. Отрывокъ былины изъ Сибирской лѣтописи (*Живая Старина*, вып. III, отдѣлъ II: «Памятники языка и народной словесности», стр. 129—132).

148. Ермакъ взялъ Сибирь. Изъ *Древней Россійской Вивліоѳики* (тамъ же, стр. 133—135).

149. Заговоры донскихъ казаковъ (тамъ же, стр. 135—136).

1892.

150. Д. П. Лебедевъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLXXIX, отдѣлъ IV, стр. 75—78. Подпись: Л. М.).

151. Петръ Великій въ разсказахъ Нартова, его учителя въ то-

карномъ мастерствѣ, въ 1712—1725 гг. (*Русская Старина*, т. LXXIII, январь, № 1, стр. 121—130; т. LXXIV, апрѣль, стр. 45—50).

152. Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ. I. О стихотвореніяхъ: «Туча» и «Аквилонъ» (*Русскій Вѣстникъ*, № 2, стр. 1—9).—II. О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году (тамъ же, № 9, стр. 151—169).

153. Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ (*Русское Обозрѣніе*, № 4, стр. 611—625; № 5, стр. 5—25).

154. А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ II. М. 1892 (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLXXXII, отдѣлъ II, стр. 204—218, и отдѣльно. Подпись: Л. М.).

155. М. П. Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства (*Русскій Вѣстникъ*, № 7, стр. 189—201).

156. Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ (*Русскій Вѣстникъ*, № 9, стр. 250—272).

157. Памяти Петра Александровича Плетнева. Въ книгѣ: «Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1892 года. С.-Пб. 1892. (Отдѣльный оттискъ изъ *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LIV, № 2).

— То же было повторено въ *Славянскомъ Обозрѣніи*, т. III, № 10, стр. 181—187.

158. А. Д. Галаховъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLXXXIV, отдѣлъ IV, стр. 124—133, и отдѣльно).

159. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову, 27-го іюня 1818 года. Съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Русская Старина* т. LXXVI, № 12, стр. 651—662).

160. П. Н. Батюшковъ. При книгѣ: «Бессарабія. Историческое описаніе. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова», стр. XV—XXXII.

161. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 годъ. С.-Пб. 8°. (Отдѣльный оттискъ изъ *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LIV, прил. № 1).

162. П. В. Анненковъ и его друзья. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 8°.

Леониду Николаевичу принадлежитъ редакція этого изданія.

1893.

163. Записки И. И. Неплюева. Новое полное изданіе, съ примѣчаніями. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 8°.

164. Бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ (*Русскій Вѣстникъ*, № 12, стр. 8—51, и отдѣльно).

165. Два письма К. Н. Батюшкова. Къ Д. Н. Блудову и графу Н. П. Румянцову, 1818 г. (*Русская Старина*, т. LXXVII, мартъ, стр. 525—528).

166. Письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову, отъ 22-го февраля 1816 г. (*Русская Старина*, т. LXXVIII, № 5, стр. 403—408).

167. Къ вопросу объ «Исторіи Русовъ». По поводу книги г. Горленка: «Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка», (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLXXXVII, отд. II, стр. 213—231, и отдѣльно).

168. Отзывъ о сочиненіи Д. Н. Анучина: «Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда» (*Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*, т. VI, новая серія, протоколы, стр. XCIV—CII, и отдѣльно).

1894.

169. Николай Саввичъ Тихонравовъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXCI, отд. IV, стр. 79—92, и отдѣльно).

170. Письма И. С. Тургенева къ П. В. Анненкову (1867—1870 гг.). Съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Русское Обозрѣніе*, № 1, стр. 5—28; № 2, стр. 485—499; № 3, стр. 19—31; № 4, стр. 511—519).

171. Когда посѣтилъ Константинополь русскій паломникъ, разсказы котораго включены въ «Бесѣду о святыняхъ Цареграда». Письмо пр. И. Е. Троицкаго, съ вступительной замѣткой Л. Н. Майкова (*Византійскій Временникъ*, т. I, вып. I, стр. 167—172).

172. Русская Историческая Библіотека, изд. Археографической Комиссіей. Т. XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархій. Ч. II. С.-Пб. 8°. (Редакція вмѣстѣ съ А. И. Тимоѳеевымъ; указатели составлены И. К. Зинченкомъ).

173. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу. Съ введеніемъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова (*Русское Обозрѣніе* 1893 г., №№ 4 и 5; 1894 г., №№ 8, 9, 10, 11 и 12).

174. Пушкинъ о Батюшковѣ. Новооткрытыя замѣтки Пушкина на стихотворенія Батюшкова (*Русскій Архивъ*, кн. I, стр. 528—555).

175. Воспоминаніе о Н. А. Трескинѣ. С.-Пб. 8°. (Изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXCIV).

176. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова. Изданіе Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. С.-Пб. 8°.

Л. Н. Майковымъ составлены: а) Предисловіе; б) примѣчанія къ I-му отдѣлу, заключающія въ себѣ описаніе тѣхъ рукописей и печатныхъ книгъ, которыми Н. С. Тихонравовъ пользовался при составленіи текста этого отдѣла; в) дополненія къ подбору разночтеній.

Рецензія: *Русскія Вѣдомости* 1894 г., № 336 (В. Е. Якушкина).

177. [Нѣсколько словъ объ И. М. Муравьевѣ-Апостолѣ]—въ *Русскомъ Архивѣ*, кн. 1, стр. 638.

178. Историко-литературные очерки. С.-Пб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1895. 8°.

Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ. (Посвящается А. А. Майковой).

Приложеніе. Три басни изъ журнала *Утренніе часы*: I. Новопожалованный оселъ.—II. Олень и заяцъ.—III. Недовольный гостьми стихотворецъ.

Поэзія Жуковскаго.

Характеристика Батюшкова какъ поэта.

Вессарабскія воспоминанія Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ.

Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ. Замѣтки по поводу одного письма.

Воспоминаніе Шевырева о Пушкинѣ.

Пушкинъ о Батюшковѣ.

О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году.

Пушкинъ и Даль.

О стихотвореніяхъ Пушкина «Туча» и «Аквилонъ».

Памяти П. А. Плетнева.

Малорусскій Титъ Ливій.

Погодинъ въ послѣдніе годы своего профессорства.

А. А. Фетъ. Извлечено изъ Отчета о дѣятельности II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 годъ.

Рецензіи: 1) *Русское Обозрѣніе* 1894 г., № 11, стр. 534—539 (К. Н. Бестужева-Рюмина). 2) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXCIX, 1895 г., № 5, отд. 2, стр. 241—242.

179. Письмо В. Д. Соломирскаго къ А. С. Пушкину (*Русскій Архивъ*, кн. III, стр. 455—456).

180. Сочиненія Гр. С. Сковороды, изданныя подъ редакціей Д. Багалѣя (*Журналъ Министрества Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXCVI, отдѣлъ II, стр. 420—430, и отдѣльно).

1895.

181. О «Фонвизинскомъ сборникѣ» Н. С. Тихонравова. Отвѣтъ В. Е. Якушкину (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXCVII, отд. Критики и Библіографіи, стр. 275—278).

182. Наталья Кирилловна Загряжская (*Русскій Вѣстникъ*, № 1, стр. 3—17).

183. *Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи*. Вып. X. С.-Пб. 8°.

Л. М. Майкову принадлежитъ редакція.

184. Знакомство А. С. Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. (*Русское Обозрѣніе*, № 9, стр. 5—27).

185. Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ I. С.-Пб. 8°. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCCI, отд. II, стр. 319—324).

186. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для выдачи пособій имени Императора Николая II нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, за 1895 годъ (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. IV, № 3, стр. 289—292).

187. Публичное собраніе Императорской Академіи Наукъ въ память ея почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго. 10-го декабря 1895 года. С.-Пб. 1896. 8°.

Л. Н. Майкову принадлежитъ вступительная замѣтка къ рѣчи И. Е. Забѣлина и редакція всего сборника.

1896.

188. И. С. Некрасовъ. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCCIII, отд. IV, стр. 80—84. Подпись: М.).

189. Къ біографіи А. С. Пушкина (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. I, кн. I, стр. 106—107, и отдѣльно).

190. Къ біографіи А. Х. Востокова (тамъ же, стр. 108—109, и отдѣльно).

191. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. I, кн. III, стр. 574—581, и отдѣльно). То же, въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LXIV, прил. № 5, стр. 1—8.

192. Е. Е. Замысловскій. Некрологъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCCVI, отд. IV, стр. 53—74, и отдѣльно).

193. Изъ переписки П. В. Анненкова съ М. Н. Катковымъ въ 1841—1842 гг. (*Русскій Вѣстникъ*, № 12, стр. 42—52).

194. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное. Съ портретомъ К. Н. Батюшкова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ и напечатаннымъ на японской бумагѣ. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ малую 8-ю д. л.

Въ приложеніи впервые напечатано письмо С. И. Муравьева-Апостола къ К. Н. Батюшкову, на французскомъ языкѣ, изъ Москвы, отъ 16-го февраля 1816 г.

195. Какъ понимать басню Крылова: «Водолазы» (*Русская Старина*, т. LXXXV, февраль, стр. 267—283).

196. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, за 1896 годъ, читанный въ торжественномъ собраніи ея 29-го декабря 1896 года (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. VI, № 4 стр. 431—434).

197. Письма И. В. Кирѣевскаго къ А. С. Пушкину (*Русскій Архивъ* 1896 г., кн. II, стр. 574—575).

1897.

198. Княжна Марія Кантемирова (*Русская Старина*, № 1, стр. 49—69; № 3, стр. 401—417; № 6, стр. 425—451; № 8, стр. 225—253).

199. Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ. По матеріаламъ Остафьевскаго архива. С.-Пб. 8°. (Изъ сборника: *Старина и Новизна*, кн. I, стр. 305—323).

200. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCCIX, отдѣлъ IV, стр. 158—163. То же въ *Русской Старинѣ*, № 3, стр. 599—603).

Въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 11-го января 1897 г. Л. Н. Майковъ прочелъ записку, посвященную памяти К. Н. Бестужева-Рюмина (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. VI, № 3, въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Академіи», стр. XV—XIX).

То же появилось отдѣльнымъ оттискомъ: Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, читанная въ Общемъ Собраніи Императорской Академіи Наукъ 11-го января 1897 года. С.-Пб. Въ большую 8-ю д. л.

201. Молодость В. К. Тредіаковскаго до его поѣздки за границу (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCCXII, отд. II, стр. 1—22, и отдѣльно).

202. По поводу рукописей А. С. Пушкина, хранящихся у А. Ѳ. Онѣгина (*Русскія Вѣдомости*, № 41).

203. Отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1897 году. С.-Пб. 1900: «Стихотворенія Екатерины Бекетовой (С.-Пб. 1895)»—критическія замѣтки А. Н. Майкова, приведенныя въ порядокъ Л. Н. Майковымъ (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LXVI, и отдѣльно).

204. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, за 1897 годъ, читанный товарищемъ предсѣдателя Коммиссіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Н. Ѳ. Дубровинымъ въ торжественномъ собраніи ея 29-го декабря 1897 года (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. VIII. № 1. 1898).

205. Записка объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Пыпина (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. IX, № 3, въ «Извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій

Отдѣленія русскаго языка и словесности за сентябрь — декабрь 1897 года», Приложеніе I, стр. XXXIV—XXXVII). — То же въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. LXVI, стр. XLVIII—LII.

1898.

206. Переписка И. С. Тургенева съ П. В. Анненковымъ (1871—1886 гг.). Съ предисловіемъ и примѣчаніями (*Русское Обозрѣніе*, № 3, стр. 5—19; № 4, стр. 365—379; № 5, стр. 5—28).

207. Вѣнскій конгрессъ по разсказамъ графини Элизы фонъ-Бернсторфъ (*Русская Старина*, № 3, стр. 491—496).

208. Рецензія на «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ Историческому розысканію о нихъ—А. Н. Неустроева». С.-Пб. 1898. 8°. (Изъ *Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. III, кн. 2, стр. 924—929).

209. Е. М. Ѳеоктистовъ. Некрологъ. С.-Пб. 8°. (Изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCCXVIII, отд. IV, стр. 26—44).

210. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, за 1898 годъ, составленный къ годовому торжественному собранію Академіи 29-го декабря 1898 года (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. X, № 2, стр. 229—232).

1899.

211. А. Н. Вульфъ и его дневникъ (*Русская Старина*, № 3, стр. 499—537, и отдѣльно).

212. Два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти сына-поэта (*Русская Старина*, № 5, стр. 263—265).

213. Памяти В. Г. Васильевскаго (*Русская Старина*, № 6, стр. 581—585).

214. Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа (*Русская Старина*, № 8, стр. 297—311; № 9, стр. 517—530).

215. Воспоминанія И. С. Тургенева о Н. В. Станкевичѣ. Съ предисловіемъ (*Вѣстникъ Европы*, № 1, стр. 5—18, и отдѣльно).

216. Объ ученой дѣятельности А. Ѳ. Бычкова. С.-Пб. 1900. 8°. (Изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899 г., ч. CCCXXV, отд. IV, стр. 43—66; 1900 г., ч. CCCXXVII, отд. IV, стр. 27—52; ч. CCCXXIX, отд. IV, стр. 109—118 (осталось не оконченнымъ).

217. Пушкинъ. — Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина. С.-Пб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Въ малую 8-ю д. л.

1. Молодость А. С. Пушкина по разсказамъ его младшаго брата.
2. Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ.
3. Бессарабскія воспоминанія А. Ѳ. Вельтмана и его знакомство съ Пушкинымъ.
4. Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ. Замѣтки по поводу одного письма.
5. А. Н. Вульфъ и его дневникъ.
6. Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ).
7. Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ. По матеріаламъ Остафьевскаго архива.
8. Пушкинъ о Батюшковѣ.
9. Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ.
10. Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ.
11. О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году.
12. Наталья Кирилловна Загряжская.
13. Пушкинъ и Даль.

Рецензіи: 1) «Новая книга о Пушкинѣ», М. Б. (Б. Л. Модзалевскаго)— въ *Русской Старинѣ* 1899 г., т. XCIX, № 9, стр. 707—713. 2) *Новости*, 26-го мая 1899 г., № 143 (1-е изданіе), стр. 3, столб. 3. 3) Е. Еленинъ. «Юбилейная литература о Пушкинѣ» (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г., т. LXXVII, стр. 266—272).

218. Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1816). С.-Пб. Въ большую 8-ю д. л.

Рецензіи:

1. А. П. «Пушкинская литература» (*Вѣстникъ Европы* 1899 г., № 7).
2. Б. В. Никольскій. «Академическій Пушкинъ» (*Историческій Вѣстникъ* 1899 г., № 7, стр. 178—218).
3. П. О. Морозовъ (*Вѣстникъ Европы* 1899 г., № 8, стр. 864—867).
4. В. Е. Якушкинъ. «Объ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина» (*Русскія Вѣдомости*, отъ 2-го сентября 1899 г., № 242).

5. Н. П. (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899 г., № 11, стр. 137—147).

6. А. С. Архангельскій. «Академическое изданіе сочиненій Пушкина». (*Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1900 г., №№ 1—2, стр. 93—149, и отдѣльно).

7. А. М. Лобода. Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы (*Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.* Книга XIV, вып. 1, отд. IV. Кіевъ. 1900).

8. Н. М. Горбовъ. По поводу академическаго изданія сочиненій Пушкина (*Русскій Архивъ* 1900 г., № 2, стр. 309—310).

9. «Искажаемый Пушкинъ» (*Ежемѣсячныя Сочиненія* 1900 г., апрѣль, №№ 2 и 3, Литературное обозрѣніе, стр. 217—219).

219. Альбомъ Пушкинской Юбилейной Выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Май 1899. — 250 фототипически исполненныхъ снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера въ Москвѣ. С.-Пб. Въ поллиста.

Рецензіи: 1) *Историческій Вѣстникъ* 1899 г., т. LXXVII, стр. 683—685 (А. И. Фаресова). 2) *Русская Старина* 1899 г., № 8. 3) *Новости* 1899 г., № отъ 21-го іюня (Н. И. Познякова). 4) *Русскія Вѣдомости* 1899 г., № 162. 5) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1900 г., № 2.

220. Письмо А. С. Пушкина къ Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой, 1836 г. (Пушкинскій сборникъ въ память столѣтія дня рожденія поэта. С.-Пб. 8°, стр. VI—VIII).

221. Записка объ ученыхъ трудахъ академика Н. П. Кондакова (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, въ приложеніяхъ къ «Извлеченіямъ изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія за 1899 годъ», стр. LVI—LXI).

222. Отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ Постоянной Коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, за 1899 годъ, составленный къ годовому торжественному собранію Академіи 29-го декабря 1899 года (*Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, т. XII, № 3).

1900.

223. Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859—1860 гг. (*Русская Старина*, № 1, стр. 5—23).

224. Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года).— С.-Пб. 8°. (Оттискъ изъ LXVII тома *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*).

225. Батюшковъ, К. Н. (Русскій Біографическій Словарь, изд. Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ редакціей А. А. Половцова, т. II.).

226. Послѣдніе труды Л. Н. Майкова.—I. О Герасимѣ Поповкѣ, русскомъ книжникѣ XV вѣка. — II. Николай Нѣмчинъ, русскій писатель конца XV начала XVI вѣка. С.-Пб. 8°. (Оттискъ изъ *Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. V, книжки 2-й, стр. 371—392).

227. Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый. Лирическія Стихотворенія (1812—1817).—Изданіе второе. С.-Пб. Въ большую 8-ю д. л.

Изданіе это за смертію его редактора остановилось на листѣ 26-мъ и было допечатано и выпущено уже осенью 1900 года.—Второй томъ тоже былъ начатъ печатаніемъ еще при жизни Л. Н. Майкова и отпечатано всего четыре листа, именно стихотворенія А. С. Пушкина 1818—1820 гг.

Рецензіи: 1) А. І. Лященка — въ *Литературномъ Вѣстникѣ* 1901 г., т. I, кн. 1.

2) *Русское Богатство* 1901 г., № 1.

3) «Поправки къ академическому изданію сочиненій А. С. Пушкину» (*Литературный Вѣстникъ* 1901 г., т. I, кн. 3.

4) Е. Ѳ. Будде. Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Ч. 1, вып. I. С.-Пб. 1901, стр. III—VIII. (Оттискъ изъ LXXI тома *Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*).

Къ начальной исторіи учено-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова.

Сообщилъ П. К. Симони.

Два письменныхъ отвѣта[1]) кандидата Л. Н. Майкова, поданные имъ на испытаніи для полученія ученой степени магистра профессорамъ *А. В. Никитенку* — о драмѣ А. С. Пушкина со стороны ея историческаго характера и въ отношеніи художественномъ (15-го декабря 1862 г.) и *И. И. Срезневскому* — о сочиненіяхъ преподобнаго Нестора (26-го декабря 1862 г.), печатаются по подлинникамъ и съ соблюденіемъ орѳографіи автора. Стоитъ обратить вниманіе на то, что тотъ и другой отвѣты были уже затронуты Леонидомъ Николаевичемъ въ его статьѣ: «Преподобный Ѳеодосій Печерскій» (*Подснѣжникъ* 1858 г., № 2, стр. 79—94) и въ разныхъ библіографическихъ статьяхъ по поводу изданій, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину.

Л. Н. Майковъ окончилъ курсъ семнадцати лѣтъ во второй санктпетербургской гимназіи, гдѣ онъ состоялъ приходящимъ воспитанникомъ съ 1852 года, и получилъ аттестатъ за № 370 отъ 11-го іюня 1856 г. По отмѣткамъ въ этомъ документѣ объ успѣхахъ юноши

---

1) Считаю долгомъ заявить здѣсь о своей живѣйшей признательности г. Ректору Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Н. Х. Гольмстену и Архиваріусу того же Университета А. П. Воронову за любезное разрѣшеніе мнѣ просмотрѣть дѣла Архива, имѣющія отношеніе къ біографіи Л. Н. Майкова. Всѣ нижеприведенныя выписки документовъ почерпнуты изъ дѣлъ упомянутаго Архива (Правленія и Совѣта Университета).

можно уже судить — до нѣкоторой степени вѣрно — о большей или меньшей склонности его къ той или иной отрасли знаній. Въ аттестатѣ значится, что онъ оказалъ успѣхи:

Въ Законѣ Божіемъ — хорошіе.
» Русской словесности — *отличные.*
» Математикѣ — достаточные.
» Исторіи — *отличные.*
» Географіи — хорошіе.
» языкахъ:
» нѣмецкомъ — достаточные.
» французскомъ — *отличные.*
» Естественной Исторіи — достаточные.
» Рисованію — посредственные.

(Дѣло Правленія Императорскаго С.-Петербургскаго Университета о принятіи въ число студентовъ означеннаго Университета, нач. 14-го іюня 1856 г., № 163, л. 3).

Іюня 14-го дня 1856 года Л. Н. Майковъ уже подаетъ исправляющему должность Ректора С.-Петербургскаго Университета Э. Хр. Ленцу прошеніе и отмѣчаетъ въ немъ о своемъ пробуждающемся интересѣ къ изученію русской литературы: «Желая для окончательнаго своего образованія выслушать полный курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ по Историко-Филологическому факультету и разряду Общей Словесности, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство о принятіи меня въ число своекоштныхъ студентовъ» (см. то же дѣло, л. 2).

По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Университетѣ со степенью кандидата, Л. Н. Майковъ, вѣроятно[1]) по совѣту своего ближайшаго профессора-руководителя И. И. Срезневскаго, сталъ готовиться къ испытанію на ученую степень магистра. «Въ собраніи профессоровъ б. Историко-Филологическаго факультета 22-го ноября 1862 г. заслушано было прошеніе[2]) Майкова о допущеніи его къ

---

1) Л. Н. Майковъ считалъ себя ученикомъ И. И. Срезневскаго. Память его онъ почтилъ прочувствованнымъ некрологомъ (см. Хронологическій списокъ трудовъ, № 86).

2) Помѣчено тоже 22 ноября 1862 г.

испытанію на степень Магистра Русской Словесности. Опредѣлено допустить г. Майкова къ магистерскому экзамену. Подлинный подписали Дек. И. Срезневскій. Проф. М. Куторга. М. Сухомлиновъ. Н. Астафьевъ и В. Бауеръ».

(л. 10). Протоколъ[1]) испытаній кандидата Леонида Майкова на степень Магистра Русской Словесности.

Вслѣдствіе предложенія исправляющаго должность Предсѣдателя Временной Коммиссіи, учрежденной для управленія С.-Петербургскимъ университетомъ, о допущеніи кандидата Л. Майкова къ испытанію на степень магистра Русской Словесности, отъ 22-го ноября 1862 г. за № 1180 г., Майковъ былъ допущенъ къ испытанію:

1. Въ засѣданіи 13-го декабря 1862 г. предложены ему были по Исторіи Русской Словесности слѣдующіе вопросы[2]):

— о языкѣ писателей эпохи Петра Великаго,

— о значеніи Новикова и его литературной дѣятельности,

— объ исторіи Карамзина въ литературномъ отношеніи.

На сіи вопросы г. Майковъ отвѣчалъ удовлетворительно.

2. Въ засѣданіи 19-го декабря 1862 г. предложены вопросы по Русской исторіи:

— основные обычаи удѣльной системы касательно взаимныхъ отношеній между князьями и народомъ.

— характеристика главныхъ отраслей господствовавшаго въ Россіи дома Рюриковичей.

Г. Майковъ отвѣчалъ удовлетворительно[3]).

3. Въ засѣданіи 17-го января 1863 г. предложены были вопросы по Славянскому и Русскому языку сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями:

— сравнительный разборъ Слова о полку Игоревѣ и Слова о Задонщинѣ касательно языка и его историческаго движенія.

---

1) Весь протоколъ писанъ рукою И. И. Срезневскаго.

2) Въ подлинномъ протоколѣ, писанномъ рукою М. И. Сухомлинова, нѣсколько иначе: .... «вопросы изъ «Русскаго языка въ филологическомъ и историческомъ отношеніи» и изъ «Исторіи Русской Словесности»..... На всѣ эти вопросы г. Майковъ отвѣчалъ удовлетворительно. А. Никитенко. И. Срезневскій. М. Сухомлиновъ.

3) Подлинникъ писанъ рукою И. И. Срезневскаго; подписали профессоры: И. Срезневскій. А. Никитенко. М. Куторга. Н. Астафьевъ. К. Люгебиль. М. Сухомлиновъ.

— какія черты древняго языка до сихъ поръ сохраняются въ славянскихъ нарѣчіяхъ.

— измѣненія книжнаго славянскаго языка.

Г. Майковъ отвѣчалъ удовлетворительно.

Кромѣ словесныхъ отвѣтовъ, г. Майковъ, по предложенію факультета, отвѣчалъ письменно на вопросы:

— о сочиненіяхъ Нестора,

— о древнихъ повѣстяхъ и словахъ историческаго содержанія въ отношеніи поэтическомъ [1]),

— разсмотрѣніе драмы Пушкина со стороны историческаго характера и въ отношеніи художественномъ.

Отвѣты писаны въ присутствіи Декана Факультета и заслужили одобреніе факультета [2]).

Въ слѣдъ за тѣмъ представленная г. Майковымъ диссертація «о былинахъ (л. 11) Владимирова времени» разсмотрѣна и одобрена всѣми сочленами.

Въ засѣданіи 6-го іюня 1863 г. происходилъ публичный диспутъ г. Майкова по этой диссертаціи, при чемъ оппонентами были профессоры Никитенко и Срезневскій. Основываясь на успѣшномъ защищеніи диссертаціи г. Майковымъ и на удовлетворительномъ испытаніи словесномъ и письменномъ, факультетъ опредѣлилъ признать кандидата Л. Майкова достойнымъ ученой степени магистра Русской словесности и объ утвержденіи въ сей степени представить выписку начальству. Деканъ И. Срезневскій [3]). (Дѣло, на 18-ти нумерованныхъ листахъ, Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. По проше-

---

1) На эту тему писалъ П. Н. Полевой, письменный отвѣтъ котораго и имѣется въ этомъ же дѣлѣ и помѣченъ 26 декабря 1862 г. Сюда же включено И. И. Срезневскимъ по ошибкѣ.

2) Подлинный протоколъ, писанный рукою И. И. Срезневскаго, подписали профессоры: И. Срезневскій, А. Никитенко, М. Сухомлиновъ, К. Люгебиль, Н. Астафьевъ, В. Бауеръ.

Оба письменныхъ отвѣта Майкова помѣщены ниже, въ приложеніи.

3) Подлинный протоколъ писанъ рукою профессора Штейнманна и подписанъ профессорами: Дек. И. Срезневскимъ, А. Никитенкомъ, В. Штейнманномъ, Н. Астафьевымъ, К. Коссовичемъ и Ѳ. Пановымъ. — Приходится особенно сожалѣть, что не

нію Кандидата Майкова о допущеніи къ экзамену на степень Магистра Русской Словесности. Начато 22-го ноября 1862 г., кончено 6-го іюля 1863 г., № 70).

сохранились въ записи важныя и любопытныя для исторіи вопроса замѣчанія профессоровъ А. В. Никитенка и И. И. Срезневскаго, сдѣланныя ими на диспутѣ Л. Н. Майкова. Къ этому вопросу мы надѣемся еще когда либо вернуться въ особой статьѣ о заслугахъ Леонида Николаевича по изученію памятниковъ народно-поэтической старины великорусскаго народа.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О сочиненіяхъ Нестора [1]).

Въ нашей литературѣ издавна существовало преданіе, что древняя лѣтопись, извѣстная подъ заглавіемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, есть произведеніе инока Кіево-Печерскаго монастыря Нестора.

Это убѣжденіе основывалось на показаніи Кіевскаго Патерика, въ которомъ сочиненіе лѣтописи приписывается Нестору, а также на упоминаніи Несторова имени въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи, спискахъ преимущественно позднѣйшихъ.

Кромѣ лѣтописи, къ числу сочиненій Нестора относились *Житіе Бориса и Глѣба* и *Житіе Ѳеодосія*. Принадлежность послѣднихъ Кіево-Печерскому иноку точнѣе всего указывается постоянной отмѣткой его имени въ спискахъ этихъ житій и потому не можетъ возбуждать сомнѣній. Что же касается лѣтописи, или, лучше сказать, Повѣсти временныхъ лѣтъ, то принадлежность ея Нестору возбудила подозрѣнія нѣкоторыхъ современныхъ нашихъ ученыхъ. Вотъ основанія ихъ сомнѣній:

1. Въ концѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ находится приписка Сильвестра, игумена Выдубицкаго монастыря, въ которой говорится, что онъ «списа» сей лѣтописецъ. По мнѣнію вышеупомянутыхъ ученыхъ, выраженіе «списа» должно понимать здѣсь не въ современномъ смыслѣ копированія, а въ древнемъ, когда оно равнялось слову сочинять или составлять.

---

1) Заглавіе надписано рукою И. И. Срезневскаго. Надо думать, что и самая задача предложена была имъ же. Сверху на первой страницѣ отвѣта имѣется отмѣтка: «Читалъ и одобряю. А. Никитенко».

2. О Сильвестрѣ, какъ лѣтописцѣ, упоминается въ Никоновской Лѣтописи подъ однимъ изъ годовъ начала XV вѣка.

3. Лѣтопись въ нѣкоторыхъ своихъ показаніяхъ противорѣчитъ историческимъ показаніямъ Житія Бориса и Глѣба, которое несомнѣнно принадлежитъ Нестору.

4. Имя Нестора не встрѣчается въ древнѣйшемъ спискѣ. Изъ этого основательно заключаютъ, что повѣсть временныхъ лѣтъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ не можетъ считаться произведеніемъ Нестора, и что ее должно приписать Сильвестру. Но далѣе представляется другой вопросъ: какъ объяснить преданіе, сохраненное Патерикомъ и находящее себѣ подтвержденіе въ тѣхъ мѣстахъ Повѣсти, гдѣ авторъ упоминаетъ о самомъ себѣ?

Дѣло въ томъ, что лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее имѣемъ, есть произведеніе сводное. Различныя составныя части ея давно указаны нашими учеными (напримѣръ изъ памятниковъ славянскихъ и русскихъ житіе Кирилла и Меѳодія, разсказъ Василія объ ослѣпленіи Василька, лѣтописныя замѣтки о русскихъ событіяхъ IX вѣка и т. п.). Подобно этимъ частямъ въ составѣ лѣтописи должно отличить и сказаніе объ основаніи и первоначальной судьбѣ Кіево-Печерскаго монастыря, въ послѣдствіи вошедшее въ Кіево-Печерскій патерикъ по древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ редакцій его (начала XV в.). По всей вѣроятности это-то сказаніе, равно какъ и прочія упоминанія лѣтописи о событіяхъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, и принадлежатъ Нестору и можетъ быть первона- || чально составляли отдѣльную лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря. Должно замѣтить, что упоминанія автора Лѣтописи о самомъ себѣ относятся именно къ этимъ собственно Кіево-Печерскимъ замѣткамъ. Такимъ образомъ получаютъ свое оправданіе слова Патерика, что Несторъ написалъ лѣтопись и въ то же время не теряетъ своего значенія приписка Сильвестра о томъ, что онъ «списа» лѣтописецъ.

Итакъ, Несторъ оказывается авторомъ двухъ житій и тѣхъ частей лѣтописи, которыя касаются Кіево-Печерскаго монастыря.

Историческое достоинство этихъ произведеній очень высоко. Въ особенности житіе Ѳеодосія очень богато бытовыми подробностями, сообщеніе которыхъ драгоцѣнно для исторіи. Что касается біографическаго ихъ значенія, то нельзя не замѣтить, что хотя разсказъ и

имѣетъ признаки достовѣрности, но все-таки въ немъ замѣтно и литературное вліяніе древне-христіанскихъ житій святыхъ; такъ напримѣръ отношенія матери Ѳеодосія къ сыну очень напоминаютъ отношенія между матерью Іоанна Златоуста и знаменитымъ проповѣдникомъ. Въ отношеніи историческомъ важно сравненіе Несторова сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ со сказаніемъ о нихъ же, написаннымъ Іаковомъ Мнихомъ. Послѣднее богаче перваго историческими подробностями; это | объясняется преимущественно тѣмъ, что Іаковъ самъ былъ родомъ съ Альты, гдѣ совершилось погубленіе князей, между тѣмъ, какъ Несторъ писалъ по слухамъ. Въ отношеніи изложенія Несторово сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ отличается и отъ другихъ его сочиненій. Въ первомъ много реторическихъ распространеній, между тѣмъ какъ послѣднія отличаются совершенною простотою разсказа.

Л. Майковъ.

26-го декабря 1862 г.

II.

Разсмотрѣніе драмы Пушкина со стороны ея историческаго характера и въ отношеніи художественномъ [1]).

Историческое и художественное достоинство не всегда бываютъ въ равной степени присущи поэтическому произведенію. Степень художественнаго достоинства зависитъ отъ степени поэтическаго дарованія, между тѣмъ какъ историческая истина въ поэтическомъ произведеніи стоитъ въ связи со степенью [2]) образованія поэта. Вѣренъ исторической истинѣ можетъ быть поэтъ, только въ томъ случаѣ, если образованіе расширило кругозоръ его умственной дѣятельности на столько, что онъ можетъ отрѣшиться отъ явленій окружающей его дѣйствительности и постигнуть явленія прошедшаго или жизнь чуждой ему народности объективно, т. е. въ собственной ихъ сущности. Иначе онъ будетъ изображать чужое какъ свое, неизвѣстное въ формахъ ему близкихъ и извѣстныхъ; такъ напр. Кальдеронъ, написавшій драму изъ исторіи Дмитрія Самозванца, переполнилъ ея историческими ошибками: о Руси XVII вѣка онъ зналъ очень мало — нѣсколько фактовъ внѣшней ея исторіи. Эти факты показались ему удобны въ обработки въ видѣ драмы, и онъ это сдѣлалъ; художественныхъ достоинствъ въ этомъ произведеніи много, но историческое изображеніе | русскаго народа, его быта общественнаго, частнаго, политическаго и религіознаго вполнѣ ложно; всѣ характеры, выведенные Кальдерономъ, ни что иное, какъ типы современнаго ему испанскаго общества. Пушкинъ,

---

1) Заглавіе надписано рукою профессора А. В. Никитенка и задача предложена была, вѣроятно, имъ же. Къ концѣ отмѣтка: «Удовлетворительно. А. Никитенко».

2) ѳ изъ і выправленъ.

по своему образованію и разнообразному и обширному чтенію, обладалъ несравненно большими средствами для вѣрнаго воспроизведенія тѣхъ явленій жизни, которыя стояли за предѣлами дѣйствительности, его окружавшей, и потому достоинство этой стороны его драмы стоитъ въ прямомъ отношеніи къ тѣмъ источникамъ и матеріаламъ, которые были у него подъ руками. Опредѣляя это от(но)шеніе, должно сдѣлать различіе между драмами Пушкина, взятыми изъ русской жизни, и драмами изъ жизни другихъ народовъ. Для знакомства съ этими народами единственнымъ источникомъ Пушкина было книжное изученіе, между тѣмъ какъ для русскихъ драмъ, онъ равно бралъ, матеріалы и изъ книгъ, и изъ живаго[1]) наблюденія. Для «Сцены изъ Фауста» Пушкинъ воспользовался всею первою частью Гётевой трагедіи, но пушкинская сцена не переводная, а просто написана подъ впечатлѣніемъ нѣмецкаго подлинника. Сравнивая русскую сцену съ ея прототипомъ видимъ, что Пушкинъ не во всей полнотѣ постигъ идею нѣмецкой трагедіи, и его Мефистофель не такъ ужасенъ, не такъ безпощаденъ, какъ Гётевскій; это повтореніе пушкинскаго же «Демона».

«Пиръ во время чумы» заимствованъ изъ англійской трагедіи Вильсона «The city of the Plague», но Пушкинъ передѣлалъ ее и обогатилъ множествомъ оригинальныхъ поэтическихъ чертъ, нисколько однако не измѣняющихъ характера той народности, среди которой происходитъ дѣйствіе. ||

«Скупой рыцарь» былъ приписанъ Пушкинымъ англійскому писателю Ченстону, но это была не болѣе какъ шалость или уловка; по справкамъ г. Анненкова оказалось, что «Скупой Рыцарь» — произведеніе вполнѣ самостоятельное. Кажется, что романы В. Скотта были для Пушкина главнымъ источникомъ для знакомства съ эпохой рыцарства, и дѣйствительно возсозданіе ея въ «Скупомъ Рыцарѣ», по своей исторической правдѣ, не уступитъ Вальтеру Скотту.

Драма «Моцартъ и Сальери» основана на анекдотѣ, распространеніемъ котораго хотѣли оклеветать Сальери и который оказался совершенно несправедливымъ. Пушкинъ конечно придалъ ему значеніе только, какъ матеріалу для драмы. Едва ли не по этому одному анекдоту построены и оба характера: исторически же оказывается, что Сальери

---

1) *а* изъ *о* — выправлено.

вовсе не былъ такимъ злодѣемъ, какимъ онъ изображенъ у Пушкина. Біографія Моцарта тоже кажется не вполнѣ согласна съ его характеристикой въ драмѣ нашего поэта.

Для «Каменнаго гостя» основаніемъ послужило народное испанское преданіе о Донъ-Жуанахъ, не разъ передѣланное въ драму испанскими писателями и потомъ Мольеромъ. Пушкинъ руководствовался именно преданіемъ, а не его драматическими передѣлками, сохраняя изъ него только главные характеры и положенія[1]). Самое же развитіе драмы принадлежитъ нашему поэту, что однако не помѣшало ему вѣрно воспроизвести черты испанской народности. |

Вообще, разсматривая драмы Пушкина изъ жизни не русской въ отношеніи историческомъ, должно сказать, что онъ воспроизводитъ избранный имъ міръ вполнѣ правдиво и вполнѣ независимо отъ явленій жизни, въ которой жилъ самъ, и что эта объективность постоянно возрастала съ развитіемъ его таланта; такъ «Скупой Рыцарь» и «Каменный Гость», позднѣйшія произведенія этого разряда, гораздо выше перваго — «Сцены изъ Фауста».

Драмы Пушкина изъ русской жизни стоятъ въ тѣсной связи (съ) знаніемъ и историческимъ пониманіемъ русской старины и народности въ то время, когда онѣ были писаны. Самъ Пушкинъ, посвящая[2]) «Бориса Годунова» памяти Карамзина, сказалъ, что это «трудъ, геніемъ его вдохновенный»; и дѣйствительно, можно безошибочно сказать, что Пушкинъ былъ поэтическимъ толкователемъ того историческаго воззрѣнія, которое было высказано въ исторіи Карамзина. Это сходство можетъ быть проведено даже до подробностей; какъ напр. языкъ какъ у Карамзина въ Исторіи, такъ и у Пушкина (въ Борисѣ Годуновѣ) обогащенъ многими словами изъ старинныхъ памятниковъ литературы. Позднѣйшая критика можетъ разногласить съ Пушкинымъ въ его мнѣніи о Годуновѣ, но обвинять его въ ошибочности нельзя: и онъ только повторилъ Карамзинское воззрѣніе.

«Русалка» вся основана на народныхъ повѣрьяхъ и сказкахъ. На сколько успѣлъ Пушкинъ въ пониманіи русской старины и народности въ || послѣдніе годы своей жизни можно видѣть изъ сравненія «Ру-

---

1) *я* изъ *е* — выправлено.
2) *я* изъ *ѣ* — выправлено.

салки» и «Руслана и Людмилы». «Русалка» въ историческомъ отношеніи произведеніе совершенно самобытное и можетъ быть сопоставлена только съ произведеніями нашей народной поэзіи; напротивъ того, «Русланъ и Людмила» напоминаетъ Аріоста больше, чѣмъ русскую былину.

Художественное достоинство драмы Пушкина можетъ быть разсматриваемо со стороны общаго содержанія и со стороны изображенія отдѣльныхъ характеровъ. Пушкинъ уклонился отъ общепринятаго раздѣленія драмы на акты; онъ признаетъ дѣленіе только на сцены,— на основаніи перемѣны мѣста дѣйствія. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдуетъ Шекспиру, въ произведеніяхъ котораго дѣленіе на акты то же принадлежитъ позднѣйшимъ издателямъ. Отсутствіе дѣленія на акты лишь какъ бы внѣшнее выраженіе внутренняго единства содержанія Пушкинскихъ драмъ.

Со внутренней стороны это единство выражается тѣмъ, что каждая сцена, каждый чей бы то ни былъ монологъ имѣютъ непосредственное отношеніе къ судьбѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ небольшихъ драмахъ это единство сохранить было легко, но оно намъ кажется столь же очевиднымъ и въ «Борисѣ Годуновѣ». Говорили, что въ этой трагедіи интересъ раздробляется между Борисомъ и Самозванцемъ ко взаимному ущербу лицъ пьесы. Едва ли это мнѣніе справедливо: Пушкинъ избралъ себѣ героемъ Бориса и, не смотря на то, что другимъ личностямъ дано много мѣста въ драмѣ, лицо Бориса | постоянно на первомъ планѣ: или онъ самъ говоритъ и дѣйствуетъ, или говорятъ другіе о немъ, или дѣйствуютъ для (него) или противъ него, такъ что постоянно видно, какъ дѣйствія того или другого лица оказываютъ свое вліяніе на судьбу Бориса и его семьи и какъ приближается ихъ гибель.

Какъ вѣрный наблюдатель человѣческой природы, Пушкинъ превосходно выдерживаетъ характеры выводимыхъ лицъ. Мало того, онъ обыкновенно раскрываетъ ихъ не съ разу, но постепенно, съ разныхъ сторонъ. Такъ напр. въ Моцартѣ сперва мы видимъ «гуляку празднаго» и потомъ уже вдохновеннаго музыканта. Средства для обрисовки характеровъ у него употребляются самыя разнообразныя: такъ Борисъ представляется не только въ своихъ собственныхъ монологахъ, но и въ разговорахъ объ немъ другихъ, и въ изображеніи того вліянія,

которое онъ производитъ. Впрочемъ, Пушкину не нужно много словъ для изображенія характера: при всей своей яркости очерки и картины его отличаются чрезвычайной сжатостью выраженія.

Сближая историческую и художественную истину въ драмахъ Пушкина, мы видимъ, что онѣ почти всегда стоятъ неразрывно и на одинаковой высотѣ. Это важнѣйшее мѣрило для опредѣленія ихъ достоинства историческою критикой.

Л. Майковъ.

ПИСЬМО

Л. Н. Майкова И. И. Срезневскому.

5 октября 1868.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ! Глубоко цѣня Ваше постоянное вниманіе ко мнѣ, позволяю себѣ сообщить Вамъ о своемъ намѣреніи приняться за работу надъ докторской диссертаціей и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Васъ помочь мнѣ Вашими совѣтами и указаніями. Тема, на которой я остановился, — путешествія русскихъ людей древняго времени (до XVI в.). Мнѣ кажется, что обработка этой задачи, если только она будетъ дѣльная, — можетъ быть не безполезна для нашей науки и представитъ значительныя данныя для характеристики нашей древней образованности. Планъ предполагаемаго труда могъ бы быть слѣдующій: необходимо собрать изъ древнихъ памятниковъ всѣ извѣстія о странствованіяхъ русскихъ людей въ чужія земли и изъ совокупности ихъ опредѣлить количество и разные роды странствованій; далѣе необходимо подвергнуть подробному разсмотрѣнію каждое изъ сохранившихся описаній странствованій до XVI в., при чемъ должно 1) собрать данныя о лицѣ путешественника-писателя, его образованности и наблюдательности; и 2) опредѣлить достоинство самыхъ описаній, сравнивъ ихъ съ подобными произведеніями другихъ литературъ средневѣковыхъ; эти частныя изслѣдованія должны привести къ выводамъ двухъ родовъ: одни будутъ касаться способовъ путешествія и типа путешественниковъ, а другіе представлять собою совокупность тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыя существовали въ древней Руси, благодаря этимъ странствованіямъ.

Такова моя задача. Мнѣ хочется исполнить ее къ осени будущаго

года и я даю себѣ обѣщаніе не щадить труда и сдѣлать дѣло на столько хорошо, на сколько позволятъ мои силы. Въ надеждѣ, что Вы одобрите мои намѣренія, остаюсь искренно уважающимъ Васъ и глубоко преданнымъ. Л. Майковъ.

Письмо датировано 5-мъ октября 1863 г.; такимъ образомъ, оно написано всего черезъ четыре мѣсяца послѣ магистерскаго диспута Леонида Николаевича (6-го іюня 1863 г.). Удачная защита и научный успѣхъ диссертаціи въ связи съ возможностью работать, были, конечно, главнѣйшею причиной рѣшимости Леонида Николаевича начать почти безъ передышки новый громадный трудъ. Мы не имѣемъ отвѣтнаго письма И. И. Срезневскаго; вѣроятно даже, подобнаго отвѣта и не было, и ученикъ съ учителемъ переговорили устно о предметѣ обоимъ имъ интересномъ. Указалъ ли Л. Н. Майкову И. И. Срезневскій невозможность выполненія въ то время задуманнаго имъ плана въ одномъ трудѣ, силами одного человѣка — или самъ Л. Н. Майковъ пришелъ постепенно къ такому заключенію — остается неизвѣстнымъ. Какъ бы то ни было, мысль, высказанная въ письмѣ, осталась не осуществленной. Можно сказать одно, что причиной этого не было охлажденіе; напротивъ, Леонидъ Николаевичъ сохранилъ до самыхъ послѣднихъ дней живой интересъ къ изслѣдованію трудовъ старыхъ русскихъ путешественниковъ; этотъ интересъ, хорошо памятный всѣмъ бесѣдовавшимъ съ нимъ, печатно высказался въ небольшихъ цѣнныхъ работахъ Леонида Николаевича: «Старинные русскіе паломники въ изданіяхъ православнаго Палестинскаго общества»; «Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ: Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда»; «Когда посѣтилъ Константинополь русскій паломникъ, разсказы котораго включены въ Бесѣду о святыняхъ Цареграда».

В. Срезневскій.

Изъ писемъ [1]) Леонида Николаевича Майкова къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу.

Съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича я ознакомился съ письмами Л. Н. Майкова къ Его Высочеству. Къ сожалѣнію, наиболѣе интересный матеріалъ этихъ писемъ не подлежитъ пока, по разнымъ соображеніямъ, опубликованію, но въ будущемъ и историкъ академіи, и историкъ русской литературы должны обратить на нихъ вниманіе. Я же ограничиваюсь извлеченіемъ того, что не имѣетъ общаго интереса, но что несомнѣнно дорого для каждаго близкаго къ покойному Леониду Николаевичу и потому можетъ имѣть мѣсто въ сборникѣ, посвященномъ его памяти.

Письма Леонида Николаевича къ Его Императорскому Высочеству за время отъ 1893 по 1896 годъ носятъ оффиціальный характеръ, но съ момента перваго заболѣванія Леонида Николаевича въ мартѣ 1896 года, когда Его Высочество выказалъ участливое вниманіе къ больному, тонъ ихъ мѣняется: Леонидъ Николаевичъ много говоритъ о своей болѣзни, о своихъ настроеніяхъ, планахъ и т. п. Лѣтомъ 1897 года болѣзнь проявилась съ большою силой и повлекла за собою поѣздку въ Крымъ на октябрь и ноябрь. Однако, больной не падалъ духомъ: «Чувствую, писалъ онъ 28-го сентября 1897 года, что здоровье мое сильно разстроено, но благодаря Вашему Высочеству и

---

1) Письма обнимаютъ періодъ съ 1893 по 1900 годъ.

моимъ близкимъ принимаются всѣ мѣры къ его поправленію, и мнѣ вѣрится, что эти усилія будутъ ненапрасны. Хотѣлось бы сдѣлать еще что-нибудь для русской науки».

Поѣздка въ Крымъ еще болѣе подняла бодрое настроеніе, хотя вначалѣ Леонидъ Николаевичъ чувствовалъ себя невполнѣ хорошо: «Быстрыми успѣхами въ выздоровленіи я не могу похвастаться», говоритъ онъ въ письмѣ отъ 2—3-го ноября 1897 года. «Еще въ Петербургѣ, благодаря лѣченію доктора С., главныя опасности моей болѣзни были устранены, но силъ у меня набиралось мало. Наконецъ, С. призналъ однако возможнымъ отпустить меня въ путь безъ опасенія, что я разслабну и захвораю въ дорогѣ. И дѣйствительно, переѣздъ до Ялты я совершилъ благополучно, но чрезъ нѣсколько дней по прибытіи сюда я по собственной винѣ разстроилъ желудокъ и тѣмъ испортилъ все дѣло: силы сразу упали и пришлось истратить около недѣли на ихъ возстановленіе при помощи уже здѣшняго врача. Теперь, наконецъ, дѣло поправлено: я чувствую себя довольно крѣпко, почти ежедневно катаюсь, принимаю теплыя ванны и т. п. На бѣду мою съ половины октября въ нынѣшнемъ году въ Ялтѣ установились небывалые холода, и прелесть теплой осени пропала. Самая Ялта, какъ курортъ, непривлекательна, но окрестности ея восхитительны. Не смотря на холодъ, я уже видѣлъ Массандру, Ливадію, Ореанду, Никитскій садъ и собираюсь еще въ Гурзуфъ и Алупку. Не разъ вспоминалъ я слова Вашего Высочества о томъ, какія прелести я увижу на южномъ берегу».

Жилъ Леонидъ Николаевичъ въ Ялтѣ невполнѣ одиноко. Кромѣ его жены и свояченицы, здѣсь въ это время находились Н. П. Кондаковъ и графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, съ которыми онъ видѣлся чуть не каждый день. Отдаваться своимъ обычнымъ научнымъ занятіямъ Леонидъ Николаевичъ уже не могъ: «Самъ я ничего не дѣлаю», читаемъ въ томъ же письмѣ, «живу чисто растительною жизнью, и кажется, только этимъ способомъ могу успокоить свои донельзя взбудораженные нервы». Врачи говорили Леониду Николаевичу, что астма, которою онъ страдалъ, неизлѣчима вполнѣ, но это не приводило его въ отчаяніе: «Остается», писалъ онъ, «создать себѣ извѣстный режимъ и строго соблюдать его, чтобы просуществовать на свѣтѣ еще нѣсколько лѣтъ не безъ пользы. Я уже помирился съ этимъ и молю Бога только о томъ, чтобы остатокъ моей жизни прошелъ небезплодно».

5-го ноября 1897 года въ отвѣтъ на письмо Его Высочества Леонидъ Николаевичъ писалъ: «Съ начала ноября я замѣчаю положительное улучшеніе: сонъ становится продолжительнѣе и покойнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибываютъ и силы: я началъ прогулки пѣшкомъ, и хотя непродолжительно, но охотно бы дѣлалъ ихъ, если бы не плохая здѣшняя погода: теперь сильные вѣтры смѣнили морозы, и это тоже не радость для тѣхъ, кто пріѣхалъ въ Ялту искать тепла».

Вмѣстѣ съ улучшеніемъ здоровья у Леонида Николаевича начали пробуждаться прежніе интересы: «Еще въ Павловскѣ», читаемъ въ томъ же письмѣ, «и потомъ въ Петербургѣ у меня сталъ пропадать — стыдно сказать — интересъ къ чтенію, и я могъ читать одни французскіе романы. Теперь возвращаюсь къ книгамъ болѣе дѣльнымъ: здѣсь я прочелъ очень интересныя воспоминанія принца Жуанвильскаго (моряка), послѣдній томъ біографіи Гоголя, Шенрока, и просмотрѣлъ октябрскіе номера журналовъ». Кромѣ чтенія, много времени уходило на бесѣды съ Н. П. Кондаковымъ и графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ, которые часто навѣщали Леонида Николаевича. Н. П. Кондаковъ постоянно присылалъ Леониду Николаевичу разныя художественныя изданія, просмотръ которыхъ наполнялъ вечера; графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ читалъ свои стихотворенія и бесѣдовалъ по поводу ихъ.

21-го ноября 1897 года Леонидъ Николаевичъ возвратился въ Петербургъ, при чемъ доктора запретили ему на нѣкоторое время какія бы то ни было дѣла, что, конечно, очень его тяготило. Въ здоровьѣ перемѣнъ не замѣчалось. Вскорѣ по пріѣздѣ былъ устроенъ консиліумъ, на которомъ было рѣшено перемѣнить нѣкоторыя лѣкарства, послѣ чего послѣдовало незначительное улучшеніе, подбодрившее начинавшую уже падать энергію больного. Леонидъ Николаевичъ снова было принялся за академическія дѣла, но это не осталось безнаказаннымъ. «Опять было», пишетъ онъ 27-го декабря, «нѣсколько безсонныхъ ночей, но по счастію это миновало. Въ случаѣ хорошей погоды врачи обѣщаютъ выпустить на прогулку, но все твердятъ о томъ, чтобы я не брался за дѣла. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что и читаю мало». Однако, его тянуло къ обычнымъ занятіямъ: «Буду беречься», читаемъ въ письмѣ отъ 27-го января 1898 года, «и надѣюсь окончательно поправиться, однако буду помаленьку заниматься и Пушкинымъ».

Въ февралѣ 1898 года здоровье Леонида Николаевича значительно улучшилось. «Ѣзжу два раза въ недѣлю», пишетъ онъ 8-го февраля, «въ Академію, гдѣ, впрочемъ, еще не касаюсь правленскихъ дѣлъ, но уже началъ заниматься дѣлами Коммиссіи литературныхъ пособій. Къ сожалѣнію, приходится убѣждаться все болѣе и болѣе, что капиталъ, выдаваемый ежегодно, въ 50000 рублей недостаточенъ и что увеличеніе его въ ближайшемъ будущемъ составляетъ настоятельную необходимость.... Но вообще я еще никуда не выѣзжаю, — зато все болѣе и болѣе погружаюсь въ Пушкинскія работы. Составленіе примѣчаній, дѣло очень завлекательное, хотя и очень сложное. Надо позаботиться сдѣлать ихъ не только дѣльными, но и до извѣстной степени занимательными. Буду счастливъ, если это удастся хоть до нѣкоторой степени».

На масляницѣ 1898 года Леонидъ Николаевичъ, понадѣявшись на укрѣпившееся здоровье, вздумалъ прокатиться въ саняхъ и простудился. Это заставило его прекратить сдѣлавшіяся обычными работы надъ Пушкинымъ до конца марта. Къ веснѣ, однако, снова наступило улучшеніе, и Леонидъ Николаевичъ уже «позволялъ себѣ и больше работать, и больше уставать». (27-го мая 1898 года).

Лѣто 1898 года Леонидъ Николаевичъ прожилъ въ Гатчинѣ, гдѣ велъ тихую, уединенную жизнь и работалъ. «Работу надъ Пушкинымъ продолжаю безпрерывно», писалъ онъ 9-го іюня; «я захватилъ съ собою немало книгъ, но со времени переселенія на дачу успѣлъ уже вытребовать изъ города еще значительное ихъ количество. Я не умѣю вести работу, оставляя въ ней пробѣлы для пополненія ихъ впослѣдствіи».

Все, что имѣло отношеніе къ научной или общественной жизни, живо, какъ и прежде, начало интересовать Леонида Николаевича. Такъ статья въ *Neue Freie Presse*, написанная по поводу телеграммы, которая была послана нашей Академіей Наукъ на юбилей Палацкаго, вызвала слѣдующее любопытное письмо: «Прислана мнѣ статья вѣнской европейской газеты... Статья обвиняетъ нашу Академію въ партійномъ образѣ дѣйствій, но телеграмма выражала сочувствіе только умственной самостоятельности чеховъ и не содержала въ себѣ никакихъ политическихъ намековъ. Весьма позорно для Вѣнской Академіи наукъ, которой Палацкій былъ членомъ, что она не привѣтствовала его память, и мнѣ кажется, что кураторъ этой Академіи сдѣлалъ боль-

шой промахъ съ точки зрѣнія австрійской правительственной политики, промолчавши въ тотъ моментъ, когда слѣдовало бы сказаться. Впрочемъ, все это неудивительно послѣ тѣхъ сценъ, какія происходили въ Вѣнскомъ парламентѣ нынѣшней весной, и когда *Neue Freie Presse* постоянно поддерживала самыхъ неприличныхъ нѣмецкихъ буяновъ». (19-го іюня 1898 г.).

Въ теченіе года Леонидъ Николаевичъ чувствовалъ себя хорошо, работалъ надъ Пушкинымъ, занимался и волновался сложными академическими дѣлами, много читалъ. Лѣто 1899 года онъ проводилъ въ Павловскѣ, и тутъ снова болѣзнь дала себя знать: «Я немного прихворнулъ ослабленіемъ дѣятельности сердца», пишетъ онъ 26-го іюля, «но вовремя спохватился и принялъ мѣры: теперь сижу на молочномъ лѣченіи и не ѣзжу въ городъ; думаю, впрочемъ, что все это окончится къ 1 августа, такъ какъ уже теперь мнѣ гораздо лучше».

Снова потянулись томительные дни, и бодрый обыкновенно тонъ писемъ замѣняется другимъ, въ которомъ нерѣдко слышится нотка грусти, но грусти тихой, не переходящей въ отчаяніе. «Ваше Императорское Высочество!» читаемъ въ письмѣ отъ 4-го августа 1899 года, «только 31-го іюля я получилъ Ваши письма, заразъ оба—отъ 28-го и 29-го чиселъ,—и простите великодушно, замедлилъ отвѣтомъ потому, что продолжалъ чувствовать себя не совсѣмъ хорошо и поджидалъ доктора изъ Петербурга. Онъ былъ уже послѣ того и не нашелъ ничего особенно опаснаго, однако совѣтовалъ большую осторожность и продолженіе молочнаго лѣченія, только въ менѣе строгой формѣ. Съ тѣхъ поръ, т. е. въ послѣдніе три дня, я не замѣчаю ухудшенія, но не вижу и улучшенія... Я уже три недѣли какъ не былъ въ городѣ... Съ радостью и нетерпѣніемъ ожидаю Вашего сюда прибытія. Хотѣлось бы поговорить и о Вашихъ новыхъ стихотвореніяхъ, и о старыхъ, къ переизданію которыхъ мы теперь приступаемъ»...

Осеннее полугодіе 1899 года Леонидъ Николаевичъ былъ занятъ различными академическими дѣлами, которыя его волновали, и которымъ онъ отдавался цѣликомъ, забывая о своей болѣзни. Но силы мало-по-малу падали. «Я долженъ отказаться отъ присутствія на заключительномъ засѣданіи»[1]), пишетъ Леонидъ Николаевичъ 29-го января

1) Метеорологическаго съѣзда.

1900 года, «потому что всю недѣлю прохворалъ своими обычными припадками». — «Мое здоровье ни хорошо, ни худо», читаемъ въ письмѣ отъ 1-го февраля, «не могу привести въ порядокъ свой желудокъ и отъ слабой дѣятельности сердца часто страдаю одышкой».

Временами наступало незначительное, обманчивое улучшеніе, но затѣмъ болѣзнь возобновлялась съ новой силой. Однако, Леонидъ Николаевичъ не переставалъ заниматься литературными вопросами, и мысль о Пушкинѣ его не покидала. «Всѣ мы очень хорошо знаемъ», пишетъ онъ 6-го марта 1900 года, «что Пушкинъ вовсе не былъ только «поэтомъ звуковъ сладкихъ и молитвъ», но какъ истинный и вполнѣ искренній художникъ, былъ представителемъ творчества, столько же свободнаго, сколько спокойнаго. Въ этомъ была его сила—и его право; поэтому-то онъ и могъ назвать себя царемъ и считать, что является самъ своимъ высшимъ судомъ... Задача настоящей критики—итти рука объ руку съ «взыскательнымъ художникомъ» и умѣть его понимать».

Въ послѣднемъ письмѣ къ Его Высочеству, 17-го марта 1900 года, читаемъ: «Я все послѣднее время такъ плохъ здоровьемъ и такъ ослабѣлъ, что рѣшительно не могу ручаться за себя».

7-го апрѣля 1900 года, въ $10^1/_2$ часовъ утра, Леонида Николаевича не стало; онъ скончался отъ паралича сердца.

Н. Кульманъ.

Архивскій лѣтописецъ.

Покойный Л. Н. Майковъ близко принималъ къ сердцу изученіе памятниковъ древне-русской письменности. Когда пишущій эти строки, еще на студенческой скамьѣ, обратился, по иниціативѣ профессора С. Ѳ. Платонова, къ изученію московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, онъ встрѣтилъ живое участіе Леонида Николаевича. Бесѣды — къ сожалѣнію, немногочисленныя — познакомили его съ глубокими, вдумчивыми взглядами Леонида Николаевича на задачи подобнаго изученія. Леонидъ Николаевичъ широко ихъ ставилъ; по его мнѣнію, изучать лѣтописные своды слѣдуетъ не какъ историческій источникъ, а какъ «культурно-историческое явленіе», ибо первая изъ этихъ задачъ не разрѣшима безъ второй; историко-литературный анализъ сводовъ долженъ предшествовать ихъ критикѣ, какъ источника историческихъ свѣдѣній, и служить для нея основаніемъ. Но не въ этомъ была для Леонида Николаевича главная цѣль подобнаго анализа; устанавливая взглядъ на лѣтописные своды, какъ на своеобразную энциклопедію московскихъ преданій и тенденцій, Леонидъ Николаевичъ ожидалъ отъ разработки исторіи московскаго лѣтописанія цѣнныхъ результатовъ для выясненія характера и пріемовъ литературной работы московскихъ книжниковъ, ихъ воззрѣній и стремленій. Въ постановкѣ и попыткахъ разрѣшить вопросы такого рода Леонидъ Николаевичъ видѣлъ, какъ любилъ выражаться, «возстановленіе Буслаевскихъ традицій».

Обширность и неразработанность матеріала — причиной тому, что задачи, намѣченныя Леонидомъ Николаевичемъ, дѣло будущаго. Пока на очереди собираніе и предварительное обслѣдованіе матеріаловъ по

исторіи лѣтописанія, хранящихся въ нашихъ книжныхъ собраніяхъ. Поэтому я рѣшаюсь внести въ литературный вѣнокъ, собранный почитателями Леонида Николаевича, безпритязательное описаніе одного памятника, извѣстнаго еще Карамзину, но со временъ «Исторіи Государства Россійскаго» не привлекавшаго вниманія изслѣдователей.

Перечисляя въ началѣ «Исторіи Государства Россійскаго» основные источники русской исторіи, Карамзинъ въ числѣ «главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшихъ списковъ» называетъ Архивскій: «*Архивскимъ* (въ библіотекѣ Архива Иностранной Коллегіи) назвалъ я списокъ XVII вѣка, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, отъ временъ Василія Дмитріевича до 1560 года[1])». Рукопись этого лѣтописца хранится въ четырехъ переплетахъ XVIII в.[2]) въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ подъ № 11/12 и въ каталогѣ обозначена такъ: «Лѣтописецъ русскій (неполный), писанъ скорописью XVI вѣка, начинается отъ времени В. К. Василія Дмитріевича и продолжается до 1560 года, въ 4-хъ книгахъ». — Разногласіе въ датировкѣ — XVII вѣкъ у Карамзина и XVI въ каталогѣ — должно быть примирено, повидимому, въ томъ смыслѣ, что рукопись, судя по почерку (скоропись поздняя для XVI и ранняя для XVII в.) и по качеству бумаги, относится къ первому десятилѣтію XVII вѣка. Рѣшающее значеніе имѣетъ водяной знакъ: маленькій кувшинчикъ съ двумя ручками и годомъ «1601»[3]); остальные знаки — кувшинчикъ съ одной ручкой, съ буквами $\frac{P}{G.\ G.}$, кувшинчикъ съ одной ручкой, лункой сверху и буквами P. Q.[4]), и др. — затрудняютъ возможность отнести рукопись къ болѣе позднему времени.

Въ самой рукописи есть намекъ на то, въ чьихъ рукахъ она была. Именно, на лл. 90—92 IV тома находится разрядъ свадьбы царскаго брата Юрія Васильевича, значительно сокращенный и отчасти спутанный сравнительно съ текстомъ, изданнымъ въ XIII томѣ «Древней Россійской Вивліоѳики»; кончается онъ словами: «А у мылни были

1) Исторія Государства Россійскаго, изд. Эйнерлинга, т. I, стр. XVI, прим. 5.

2) Бумага подъ переплетомъ 1783 г.

3) Два варьянта этого знака изъ рукописи Архивскаго лѣтописца см. у Н. П. Лихачева: Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. III. Альбомъ снимковъ, №№ 3325 и 3326. С.-Пб. 1899.

4) Тамъ же, №№ 3327 и 4126.

постельничей Матвей Бурухинъ да Лѣѡнтей Мансуровъ» (остальная часть разряда писана раньше), а потомъ, вмѣсто словъ разряда: «А у воды были: Петръ Шетневъ да Игнатей Вешняковъ» стоитъ: «Да на княжь Юрьевѣ радости Васильевича в чинехъ были Петръ Ивановичъ Шетневъ да Игнатей Вешняковъ. любо лучитца Петровымъ племянникомъ (такъ поправлено, а писано: «Петрову племяннику») с кемъ споръ ино слатца на гдреву прьскую записку, что Петръ Шетневъ на княжь Юрьевѣ радости Васильевича больши былъ Игнатья Вешнякова». Такая запись возможна была только на экземплярѣ, принадлежавшемъ Шетневымъ, захудалому на московской службѣ тверскому боярскому роду. Петръ Шетневъ упоминается въ 1576 г. какъ постельничій (см. «Русскій Истор. Сборникъ», т. V). Помѣтка эта была, вѣроятно, сдѣлана въ то время, когда возвышеніе неродовитаго Игнатія Вешнякова смущало родовитыхъ людей, которымъ приходилось давать ему дорогу, то-есть, въ 1560—1570 годахъ. Можно отсюда заключить, что мы имѣемъ дѣло не съ подлинникомъ, а съ копіей; въ оригиналѣ, вѣроятно, помѣтка находилась не въ текстѣ, а на поляхъ. Въ такомъ случаѣ и самую редакцію Архивскаго лѣтописца естественно отнести къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XVI вѣка и признать Архивскій лѣтописецъ современной лицевому своду переработкой московскаго лѣтописнаго матеріала. Отсутствіе всякаго родства между этими двумя поздними редакціями московскихъ лѣтописныхъ сводовъ доказываетъ, что онѣ вышли изъ разныхъ рукъ и, вѣроятно, изъ разной среды. Ихъ источники и способъ пользованія ими различны.

Архивскій лѣтописецъ начинается «главой зі». Показываетъ ли это обстоятельство, что мы имѣемъ лишь часть цѣлаго, начало котораго утрачено? Два обстоятельства могутъ скорѣе склонить къ предположенію, что рукопись Архивскаго лѣтописца — самостоятельное цѣлое:

1) Начинается ея изложеніе обширной киноварью «великоѣ кнѧжение великаго кнзя васїя дмитрѣевича внука иванова прѧнука иванова правнука данилова правнука алеѯандрова невскаго праѿура ѿрославлѧ прапрасѿура юрїя долгорꙋкова володимѣровича мономахова. в[1]) лѣто ,ѕѡчѯ мца агꙋста в еі днь напрѧникъ преславтыѧ влчцы нашеа вцы и приснодевы мрїи чеснѧ и слѧнаго еѧ ꙋспенїи». Въ на-

1) «в» черное; дальше опять киноварь; это постоянная манера писца.

чалѣ другихъ княженій этого нѣтъ; не потому ли тутъ столько строкъ киноварью, да еще съ полустраницы, что передъ нами — начало рукописи?

2) Передъ этимъ началомъ лѣтописнаго текста находится подробное оглавленіе на 48 листахъ; первая тетрадка его утрачена, но такъ какъ вторая начинается съ 6913 г., а третья съ конца 6949 г., то и первая не могла содержать болѣе, чѣмъ оглавленіе къ тексту за 6897—6913 гг., а это значитъ, что и оглавленіе было составлено къ Архивскому лѣтописцу такимъ, какимъ мы его имѣемъ. Иной вопросъ — не есть ли наша рукопись копія съ части болѣе обширнаго свода: счетъ главъ какъ будто на это указываетъ.

Составъ и редакція Архивскаго лѣтописца довольно сложны. Его зависимость отъ лѣтописей Воскресенской и Никоновской легко выясняется сличеніемъ; но отношеніе его къ той и другой разное. Архивскій лѣтописецъ чаще слѣдуетъ Воскресенской, чѣмъ Никоновской, въ порядкѣ извѣстій, даже тамъ, гдѣ его изложеніе заимствовано изъ послѣдней. Въ общемъ то же можно сказать и объ изложеніи: какъ ни много отступленій Архивскаго лѣтописца отъ Воскресенскаго текста сближаютъ его съ Никоновской, но общее впечатлѣніе, какое остается послѣ тщательнаго сличенія текстовъ, таково, что Архивскій лѣтописецъ есть переработка Воскресенской лѣтописи на основаніи Никоновской и другихъ источниковъ. Къ этому необходимо прибавить, что въ Архивскомъ лѣтописцѣ изложеніе тѣхъ извѣстій, редакція которыхъ совпадаетъ съ редакціей Воскресенской или Никоновской, изобилуетъ мелкими варьянтами, перестановкой словъ и тому подобнымъ.

Иногда Архивскій лѣтописецъ даже въ порядкѣ извѣстій своеобразно отступаетъ отъ обоихъ предполагаемыхъ основныхъ своихъ источниковъ. Возьмемъ для примѣра лл. 62об.—65 I тома: сперва идутъ два извѣстія, читаемыя въ Никоновской (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 153): «Тое же осени (6901 г.) бой бысть царю Тохтамышу.... побіена бысть. Тое же осени Тохтамышъ царь опять сяде.... въ свою землю». Далѣе Архивскій лѣтописецъ довольно близко держится Воскресенской (тамъ же, т. VIII, стр. 62 и 63), но изложеніе его идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «Тое ж осени приде из орды ѡт царѧ Тахтамыша на великое княженіе князь велики Василей Дмитреевичъ.... радость вѣлика въ Русской земли. Тое же осени заратишася».... и т. д. до словъ: «...Близъ

гроба дяди его Алексеа митрополита» (стр. 63); затѣмъ: «Тое ж зимы прѣсвещенный Кипрѣанъ митрополитъ постави Полотску..... и положена бысть въ печерѣ на Кіевѣ» (стр. 62); далѣе: «Тое ж весны на велик день Новгородцы и Новоторжцы снемшеся.... многими казньми» (стр. 63); изъ Никоновской (стр. 155): «Того ж лѣта приде князь Костянтинъ Василевичъ Белозерскій..... съ честью»; опять изъ Воскресенской, стр. 62: «Того ж лѣта прѣставись митрополитъ Матѳѣй.... у Михайлова Чюда за олтаремъ»; и затѣмъ: «Того же лѣта совокупиша Новогородцы рать....» и т. д. (стр. 63). Переставленные отрывки слишкомъ кратки, чтобы предполагать путаницу листовъ подлинника; измѣненный порядокъ есть дѣло составителя Архивскаго лѣтописца. Для объясненія этой черты припомнимъ, что она рѣдко встрѣчается въ обширныхъ лѣтописныхъ сводахъ, но чаще попадается въ сокращенныхъ редакціяхъ. Какъ ни обширенъ Архивскій лѣтописецъ (особенно, если считать его частью еще большаго цѣлаго, на что, какъ указано, есть намекъ, но, самъ по себѣ, незначительный), но если считать его спискомъ, хотя и сильно переработаннымъ, Воскресенской лѣтописи, надо отмѣтить, что многихъ ея извѣстій въ немъ нѣтъ, такъ что это списокъ, съ одной стороны, дополненный, а съ другой—сокращенный. Съ этой точки зрѣнія правильнѣе измѣнить опредѣленіе Архивскаго лѣтописца и сказать такъ: Архивскій лѣтописецъ содержитъ обширныя выписки изъ Воскресенской лѣтописи, дополненныя на основаніи Никоновской и другихъ источниковъ.

Обратимся къ обзору состава Архивскаго лѣтописца, воспользовавшись для ссылокъ случайнымъ дѣленіемъ его на четыре тома.

Въ I томѣ: 40 (оглавленіе)+196 лл.; текстъ съ 1389 по 1418 г., кончая извѣстіемъ о Григоріи Цамблакѣ, которое читается въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, т. VIII, стр. 89—90 (до словъ: «И ѡтмѣнници ꙗвишася ѡтъ единаго»). Выписки изъ Воскресенской и Никоновской то чередуются, то сплочены въ одну редакцію, составленную то изъ текста Воскресенской, въ который введены отдѣльныя слова и предложенія изъ Никоновской, то — рѣже — наоборотъ. Соединеніе иногда не совсѣмъ удачно: такъ напримѣръ, въ разсказѣ о пріѣздѣ митрополита Кипріана въ Москву и распредѣленіи при немъ епископовъ на каѳедрахъ русскихъ Архивскій лѣтописецъ слѣдуетъ Воскресенской, пополняя ее Никоновской (встрѣчи и т. п.), при чемъ въ началѣ,

согласно Воскресенской, не упоминаетъ о сопутствовавшихъ Кипріану греческихъ митрополитахъ, а ниже, приводя ихъ имена, сохраняетъ и слово Никоновской: «прежрѣченный»; ниже, перечисляя по Воскресенской русскихъ епископовъ, прибавляетъ, послѣ Еремѣя: «епископъ гречинъ, в Смоленескъ Михаило епископъ, а Данил епископъ Звенигородцкій на Туровъ» — это на основаніи перваго перечня Никоновской (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 122), но съ явной ошибкой: «Звенигородцкій на Туровъ» (Воскресенская: «Феодосій епископъ на Туровъ», П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 60).

На Воскресенскую и Никоновскую разлагается почти весь текстъ I тома. Но подъ 6898 г. читаемъ: «Преставись пресвященный Пимин митрополитъ Киевскии и всеꙗ Русии въ Халкидонѣ и привезше тѣло его положиша внѣ Царя града на краи моръꙗ противъ Галаты во церькви Предотечеве», чего нѣтъ ни въ Воскресенской, ни въ Никоновской; нѣтъ и слѣдующаго: «В лѣто ҂ѕ҃ц҃а м҃ца сентября въ ѥ҃ день убіенъ бысть отъ царя Тахтамыша царевичь Азибаба въ Орде» (л. 65).

Сказаніе о Темиръ-Аксакѣ (л. 70об. sq.) составлено изъ Воскресенской и Никоновской; но въ началѣ: «Воста нѣкій безбожный царь.... отъ Шемахійскія земли отъ страны нарицаемыя Арарь, прилежащеи къ сивернымъ странамъ и восточнымъ, еже нарицается Мѣждорѣчие.... и всеми Пѣрсь облада и бысть вои его р҃н тысящь»—тотъ же разсказъ о первыхъ шагахъ Темиръ-Аксака, который находимъ (съ варьянтами) въ Хронографѣ I-й редакціи («Изборникъ» А. Н. Попова, стр. 64) и въ «Русскомъ Временникѣ» (т. I, стр. 338—339)[1]). Изъ мелкихъ отступленій Архивскаго лѣтописца отъ Воскресенской и Никоновской отмѣчу только два: при извѣстіи о свадьбѣ Василія Дмитріевича: «и венчанъ бысть Кипрѣяномъ митрополитомъ всея Русии»; при извѣстіи (какъ Никоновская, П. С. Р. Л., т. XI, стр. 218) о томъ, какъ Новгородцы «куны отложиша, еже есть мортки куньи», за этими словами слѣдуетъ: «а московскихъ денегъ у нихъ не было».

Во II томѣ—180 лл.; первая его тетрадка—33-я общаго счета—утрачена; начинается съ полуслова: «кн҃зю Юрью Дмитрѣевичю отца своего Ѳотѣя митрополита....» (см. Воскресенскую въ П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 92, строка 6 снизу) и затѣмъ идутъ выписки изъ Воскре-

1) «Русскій Временникъ». М. 1820. Двѣ части (2-е изд.). О немъ см. у А. А. Шахматова въ «Отчетѣ о XL присужденіи наградъ гр. Уварова».

сенской и Никоновской въ мозаичномъ соединеніи, при чемъ Архивскій лѣтописецъ повторяетъ иногда описки списковъ Воскресенской (напримѣръ: «ошѣствіи» — см. тамъ же, стр. 93, прим. 2; «видѣти его» — стр. 109, прим. 4 и т. п.). Но встрѣчаются существенныя дополненія изъ другихъ источниковъ: такъ, на л. 97 читаемъ: «Того жъ лѣта князь великии Василеи Васильевичь посла въ Царьгородъ Полуехта моря что былъ посломъ во Цареграде со Ионою епископомъ Резанскимъ и съ нимъ посла писание сицево»: слѣдуетъ грамота, которая находится и въ Софійской II-й (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 162—167). Далѣе то же извѣстіе о судьбѣ посланія, что въ Софійской II-й (тамъ же, стр. 167), но въ нѣсколько иной редакціи: «[По] отпущение пословъ приде весть къ вѣликому князю Василью Васильевичю яко царь Греческие отоиде въ Римъ на царьство и ста въ латынскую вѣру. Князь вѣликии посла и возврати пословъ своихъ вспять». Источникомъ этой вставки надо считать какой-то списокъ «Софійскаго Временника», изъ котораго взяты и дальнѣйшія извѣстія о возвращеніи Исидора въ Римъ, о назначеніи его ученика Григорія на русскую митрополію, грамота папы Пія Польскому королю и заключеніе о раздѣленіи митрополіи (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 167—169). Изъ того же источника: «*Отъ иного лѣтописца о взятье Костянтинаж града*» в лѣто ѕцзѧ приде ко Царюграду Турскии царь Моамеѳъ Амуратовичь. . . .» (ср. тамъ же, стр. 180); о ереси архіепископа Ростовскаго Ѳеодосія Бывалцова (тамъ же, стр. 180); о посулахъ, взятыхъ кн. Ряполовскимъ съ вятчанъ (тамъ же, стр. 181; вставлено въ текстъ изъ Воскресенской).

Наконецъ, и въ этой части Архивскаго лѣтописца есть нѣсколько особенностей, которыя не объясняются сопоставленіемъ его съ другими лѣтописными сводами. Наиболѣе существенная — сказаніе о св. Іонѣ, архіепископѣ Новгородскомъ, помѣщенное послѣ извѣстія о поставленіи Іоны (подъ 6967 г.): «Повѣда самъ сей господинъ архиепископъ Иона, егда, рѣче, бе ещѣ младенецъ оставшу ему сиротою отъ отца седми лѣтъ, а отъ матѣри трехъ лѣтъ, и положи Богъ на сердце женѣ вдовице имѣнемъ Наталье Яковлѣвѣ матери Мѣдоварцова, взя его въ домъ свой и возспита его Бога ради добре, яко сущая мати, такоже даде его учити грамоте; бе ж во училище томъ бе ж много учащихся, ему же бо отъ убожества и нищѣты тиху сущу и смиренну, еще же и болѣнъ бе и нѣ прѣставая къ протчимъ детемъ; онѣмъ бо играющимъ, яко же

обычай есть дѣтемъ, онъ же толико зряше на нихъ, како играютъ. Во единъ убо отъ дни дѣтемъ играющимъ повѣчере и абіе идяшѣ по улице блаженный старецъ Михаилъ Клопскии, уродомъ ся творя, дѣти ж неразумнии устрѣмишася на нѣго вси, ови на нѣго смѣтие мѣтаху, друзии же пхаху его, ему ж стоящу на единомъ мѣстѣ недвижиму; блаженный же Михаилъ, оставя всехъ детей, притече къ нѣму, взятъ его за власы и подъятъ выше собя и начатъ звати его имѣнѣмъ, никакож зная его, ни отца его, ни матерь, и глагола ему: Иванъ, учись, господине, грамоте съ прѣлѣжаниемъ; быти тебе въ Новѣгородѣ архиепископомъ по изволенію Божію. По прѣставлѣнии архиепископа Еѳимья возведенъ бысть Иона на архиепископство Вѣликому Новугороду и Пскову и [по] пророчѣнию святого старца Михаила. Пасъ церковь ві лѣтъ и ѕ мѣсяцъ, бысть же при его святительствѣ Новугороду миръ и тишина со всеми землями и межь собя любовь и вѣселіе и плодомъ гобзованиѣ и нынѣ его молитвами, Христе Боже, помилуй и спаси насъ, аминь». Эта запись о св. Іонѣ, въ нѣсколько иной редакціи, приведена Карамзинымъ (примѣчаніе 386-е къ V тому) изъ рукописи Волоколамскаго монастыря. Вѣроятно, это одна изъ записей, послужившихъ матерьяломъ для составителя «Воспоминанія о житіи блаженнаго Іоны» («Памятники стар. русск. литературы», вып. IV); попала ли она въ Архивскій лѣтописецъ, какъ особая вставка его редактора, или же найдена имъ въ составѣ одного изъ тѣхъ сводовъ, какими онъ пользовался для своей компиляціи (напримѣръ, «Софійскій Временникъ») — рѣшить трудно; вѣроятнѣе послѣднее. То же слѣдуетъ предположить относительно болѣе обстоятельной, чѣмъ въ Софійской II-й (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 184) записи о построеніи въ Москвѣ церкви Іоанна Предтечи съ придѣломъ Варлаама Хутынскаго, съ чего и началось общерусское почитаніе св. Варлаама[1]).

Въ III томѣ — 258 лл.; его первая страница продолжаетъ съ полуслова текстъ, оборванный на л. 176об. II тома. При чтеніи этого

1) Текстъ Архивскаго лѣтописца кончается во II томѣ рукописи на л. 176; но къ нему приплетены лл. 177—180 бумаги XVIII в. (знакъ 1744 г.), на которой писана статья: «О изгнаніи Улуахмета царя отъ Златыя орды и о смиреніи его и о бранехъ его съ великимъ княземъ Василіемъ Василіевичемъ Московскимъ», съ указаніемъ источника: «Выписано изъ хронографа соборныя церкви Софіи Премудрости Божія Великаго Новаграда и что въ академической библіотекѣ подъ нум. 10, листъ УОВ.».

тома надо имѣть въ виду, что текстъ перепутанъ: извѣстіе о томъ, какъ Иванъ III пошелъ ко Владиміру «а съ нимъ братья его князь Юрьи *и вся братья*» прерывается, послѣ приведенныхъ словъ (Никоновская, т. VI, стр. V), выпиской изъ Софійской I-й лѣтописи (л. 6): «О хожении вѣликого князя Ивана Васильевича всея Руси и его братьи на Новгородъ Вѣликой ратью» — текстъ тутъ начатъ съ полуслова: «отъ своихъ государей нигдѣж и вся земля Новгородцкая....» (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 3); выписка эта (редакція та же, но много варьянтовъ) продолжается до листа 14-го (причемъ первая страница листа 12-го оставлена чистой); на листѣ 14-мъ текстъ сказанія оборванъ на словахъ: «писаніи глаголемыхъ имъ» (тамъ же, стр. 8); а затѣмъ продолжается текстъ изъ Никоновской лѣтописи (послѣ: «князь Юрьи»; см. Никоновскую, указанное мѣсто): «да князь Борисъ» и т. д. Начало сказанія о Новгородскомъ походѣ находимъ на листѣ 23-мъ, съ тѣми же вступительными словами, какъ въ спискахъ Бальзеровскомъ и Горюшкинскомъ Софійской (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 1), до л. 28об. (кончая: «Не отступны были отъ нихъ», тамъ же, стр. 3), а затѣмъ въ строку идетъ конецъ сказанія съ того мѣста, гдѣ оно прервано на листѣ 14-мъ, то-есть, со словъ: «Ничто же внемлюще» (тамъ же, стр. 8). Переписчикъ, очевидно, замѣтилъ путаницу листовъ своего подлинника, но не справился съ ней, а лишь попробовалъ ее сгладить, прибавивъ къ первому отрывку извѣстія о походѣ великаго князя къ Володимеру слова: «и вся братья», и поставивъ передъ первымъ фрагментомъ софійскаго сказанія заглавіе: «О хожении....» и т. д. (л. 6). Сказаніе это вошло цѣликомъ въ Архивскій лѣтописецъ до «аминя» (т. VI, стр. 15), но мѣстами пополнено изъ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 163—164).

Воспользовавшись отчасти соотвѣтствующимъ текстомъ Воскресенской и оставивъ вовсе въ сторонѣ разсказъ Никоновской о новгородскихъ событіяхъ (т. VI, стр. 16—33), Архивскій лѣтописецъ продолжаетъ выписки изъ нихъ съ л. 42об. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находимъ рядъ дополненій изъ Софійской II-й и «Русскаго Временника». Напримѣръ, въ разсказъ о пріѣздѣ Софьи Палеологъ, согласный съ Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 175—176), вставлено объясненіе слова «лягатосъ» изъ Софійской (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 197); того же источника держится Архивскій лѣтописецъ въ разсказѣ о

мирномъ походѣ Ивана III въ Новгородъ (6984 г.; П. С. Р. Л., т. VI, стр. 200—204), о спорѣ изъ-за хожденія посолонь (впрочемъ, лучше сохраняя текстъ отдѣльнаго сказанія; ср. т. VI, стр. 221, прим. 6); о мятежѣ въ Литовской землѣ (тамъ же, стр. 238, со значительными варьянтами въ изложеніи) и т. п. Что мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно, со вставками, доказывается такими помѣтками, какъ передъ послѣдней изъ упомянутыхъ выписокъ: «Отъ иного лѣтописца» или тѣмъ, что описаніе московскаго пожара 13-го августа 6996 г. приведено по Воскресенской (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 217), а затѣмъ болѣе обстоятельно приведено по Софійской II-й (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 238).

Съ «Русскимъ Временникомъ» сближаетъ Архивскій лѣтописецъ, прежде всего, подробный разсказъ объ отъѣздѣ Глинскихъ въ Москву («Русскій Временникъ», II, стр. 260 sq.) и статья о взятіи Пскова (тамъ же, стр. 274 sq.), сохраненная въ Архивскомъ лѣтописцѣ въ болѣе полномъ и исправномъ спискѣ, чѣмъ въ печатномъ изданіи «Русскаго Временника»; но и кромѣ нихъ въ Архивскомъ лѣтописцѣ сохраненъ цѣлый рядъ деталей и отдѣльныхъ записей, читаемыхъ въ «Русскомъ Временникѣ».

Въ разсмотрѣнной части Архивскаго лѣтописца находимъ рядъ текстовъ, которыхъ нѣтъ въ тѣхъ сводахъ, которые указаны, какъ его источники. Напримѣръ, на листѣ 121-мъ (1480 г.) читаемъ: «Тое ж осени велелъ князь великій Пелуехту Бутурлину, да Ивану Кикѣ Дмитровцовъ перевѣсти въ осаду въ Переславль, а въ Дмитровъ перевѣсти съ Москвы строевъ (?)»; указана цѣль посольства въ Италію Мануила Грека и Данила Мамырева (1493): «мастеровъ для стѣнныхъ и палатныхъ». — Остальныя записи такого рода показываютъ, что составитель Архивскаго лѣтописца самостоятельно пользовался разрядами: на л. 172об. читаемъ: «Розрядъ воеводамъ по полкомъ» похода князя Даніила Щени въ Ливонію (1502); далѣе, разрядъ похода въ декабрѣ того же года кн. Щени (послѣ похода князя Дмитрія Ивановича, т. VIII, стр. 243); въ разрядѣ Казанскаго похода 1506 г. (тамъ же, стр. 246) есть (ср. съ Воскресенской) нѣкоторыя отличія въ прозваніяхъ: вмѣсто «Шкурля» стоитъ: «Курака»; къ имени кн. Пѣнкова добавлено: хромой Оболенской; вмѣсто М. Ѳ. Микулинскаго названъ М. Ѳ. Телятевскій; къ имени Стригинъ добавлено: «Оболен-

ской»; къ Щука — «Кутузовъ»; въ статьѣ о пріѣздѣ Глинскихъ подробнѣе выписанъ разрядъ похода съ Лукъ Великихъ («Русскій Временникъ», II, стр. 265), такъ же какъ и другой разрядъ похода съ Лукъ въ «Смоленской рати» 1514 г. (тамъ же, стр. 291), и разряды похода кн. Горбатого Кисло (тамъ же, стр. 293), тульскаго похода 1514 г. (тамъ же), еще одинъ Луцкій разрядъ того же времени, разряды воеводамъ на Вошанѣ и на Лукахъ 1515 г., разрядъ Вошанскій слѣдующаго года, разрядъ воеводамъ на Мещерѣ 1520 г. и на Толстикѣ 1521 года. — Нѣкоторые изъ этихъ разрядовъ писаны съ пробѣлами, куда предполагалось вписать имена воеводъ, не означенныхъ въ разрядныхъ выпискахъ, какія были подъ руками у компилятора. И въ большей части этихъ разрядовъ та общая черта, что въ каждомъ изъ нихъ упомянутъ кто-либо изъ Колычевыхъ: черта едва ли случайная.

Къ этой же группѣ отличій Архивскаго лѣтописца относятся слѣдующія: «Тое ж весны (7009 г.) на Свѣтлой недѣлѣ апрѣля князь великій Иванъ Васильевичъ велѣлъ ити изъ Новагорода на Литовскую землю намѣстнику Новогородцкому князю Семену Романовичю, а въ Новѣгородѣ велѣлъ быти владыкѣ Енадию да намѣснику Новогородцкому Ивану Ондреевичю Лобану-Колычову да дворецкому Ивану Михайловичю Волынскому да съ ними дьяку Суморокy Вокшерину да дворцовому дьяку Ермолѣ» — и — «Того ж мѣсяца дек. (7014 г.) говорили отъ великого князя Василья Ивановича всея Русіи бояринъ Яковъ Захарьичъ да казначей Дмитрей Володимеровичъ да печатникъ Юрьи Дмитреевичъ Траханіотъ, да съ ними дьяки царевичю Петру, что пожаловалъ его князь великій даетъ за него сестру свою великую княжну Евдокѣю», или — подъ тѣмъ же годомъ: «Того ж лѣта апреля говорили отъ великого [князя] Василія Ивановича всея Русіи бояринъ Яковъ Захарьичь да бояринъ Григорей Ѳедоровичъ, да печатникъ Юрьи Траханиотъ да съ ними дияки князю Василью Семеновичю Стародубскому, что жалуетъ его князь великій даетъ за него своякиню свою Юрьеву дочь Сабурова».

Въ IV томѣ — 349 лл. — Начало: «Лѣтописецъ начало царьства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Россіи...» и кончается извѣстіемъ 1560 г. о посылкѣ Ивана Черемисинова на оборону кабардинскихъ князей отъ сосѣдей и съ нимъ поповъ — крестить кабардинскихъ черкасъ, — тѣмъ самымъ, которымъ кончается Львовская лѣто-

пись. Эта часть Архивскаго лѣтописца списокъ послѣдней части свода, сохранившагося въ изданіи Н. А. Львова и, въ полномъ видѣ, лишь въ одномъ спискѣ XVI в. Но послѣдняя его часть, которая вошла въ составъ Архивскаго лѣтописца, находится и въ лицевомъ сводѣ. Архивскій списокъ довольно близко передаетъ текстъ Львовской, хотя съ немалымъ количествомъ мелкихъ, а иногда и болѣе значительныхъ варьянтовъ. Тамъ, гдѣ Лебедевская копія съ лицеваго свода расходится съ Львовской, Архивскій лѣтописецъ, въ общемъ, ближе къ послѣдней, но, напримѣръ, сохранилъ извѣстіе о пріѣздѣ изъ Литвы гонца Андрея Иванова, которое читаемъ въ «Лѣтописцѣ Русскомъ» А. Н. Лебедева на стр. 131—132, и котораго нѣтъ въ Львовской. Мѣстами Архивскій лѣтописецъ явно сокращаетъ свой оригиналъ, но иногда сохраняетъ цѣнные и болѣе полные варьянты, какъ напримѣръ, въ разсказѣ о поиманіи князя Юрья Васильевича: (Великая жъ княгиня рече имъ: то вѣдете вы—см. Львовскую, т. V, стр. 11): «И князь Юрьи приехалъ къ Москве самъ а тово на себя нѣ вѣдаетъ, потому что не думалъ, а се крестъ цѣловалъ великому князю и великой княгинѣ, что ему ни котораго надъ ихъ государьствомъ лиха не думать и не дѣлать, а то на нево оговоръ пришелъ и бояре князя Юрья Ивановича поимали».

Эту послѣднюю часть Архивскаго лѣтописца нѣтъ основанія считать компиляціей изъ разныхъ источниковъ. Но и для нея у переписчика были, повидимому, два списка; по крайней мѣрѣ иначе трудно объяснить такія соединенія двухъ оборотовъ рѣчи въ одно: «Тое жь осени великій государь самодержецъ Иванъ Васильевичъ всея Руси и великая княгиня Елена мати его посовѣтова съ матерью своею и съ бояры...».

Вставками въ основной текстъ можно признать два разряда свадебъ царя Ивана Васильевича (л. 82) и его брата Юрія; о послѣднемъ было уже упомянуто выше. Оба списка неполные, сравнительно съ напечатанными въ XIII томѣ «Др. Росс. Вивліоѳики» и писаны въ иномъ порядкѣ; но въ первомъ есть лишнее имя: «а зголовья великого князя несъ къ церкви Василій Михайловичъ Юрьевъ», а другое—Долматъ Карповъ, упомянутый и въ «Др. Росс. Вивліоѳикѣ».—Второй разрядъ обращенъ въ описаніе свадьбы Юрія Ивановича 3-го ноября 1548 г. (въ спискѣ «Др. Росс. Вивліоѳики» онъ имѣетъ видъ приговора царскаго о будущей свадьбѣ, хотя это въ немъ и не выдержано). Оба

не докончены; послѣ перваго оставлено половина страницы чистой, а второй законченъ приведенной выше любопытной припиской о мѣстническомъ отношеніи Шетнева и Вешнякова.

Таковъ, въ бѣгломъ обзорѣ, составъ Архивскаго лѣтописца. Особый интересъ къ разрядамъ, повидимому, съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ фамиліи Колычевыхъ и, тѣмъ болѣе, приписка о Шетневѣ позволяютъ видѣть въ немъ одинъ изъ тѣхъ лѣтописцевъ, которые И. Д. Бѣляевъ находилъ нужнымъ выдѣлить въ особый разрядъ — «фамильныхъ» (см. предисловіе къ лѣтописцу Ѳ. К. Нормантскаго во «Временникѣ», т. V) или «частныхъ», противополагая ихъ «лѣтописцамъ оффиціальнымъ государственнымъ». Само по себѣ это подраздѣленіе нельзя признать удачнымъ. «Частные» лѣтописцы либо повторяютъ, либо сокращаютъ тотъ же матеріалъ, какой находимъ въ большихъ сводахъ. Но отношеніе ихъ къ этому матеріалу и къ основнымъ видамъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ требуетъ самаго тщательнаго вниманія.

Архивскій лѣтописецъ, по сличеніи его съ Воскресенской, Никоновской, Софійскимъ Временникомъ, Русскимъ Временникомъ,—представляется компиляціей, составленной изъ готоваго, обработаннаго въ другихъ сводахъ матерьяла; отмѣчена наибольшая его зависимость отъ Воскресенской лѣтописи. Составъ и порядокъ извѣстій, особенности изложенія, оправдываютъ эти выводы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, существенно обратить вниманіе на условный характеръ ихъ. Текстъ Архивскаго лѣтописца не разлагается на предполагаемые его источники. Есть въ немъ нѣсколько извѣстій, которыхъ въ нихъ не находимъ, и въ то же время нѣтъ явнаго основанія считать ихъ цѣликомъ позднѣйшими вставками; болѣе вѣроятнымъ и менѣе смѣлымъ будетъ предположеніе, что извѣстія эти найдены новымъ компиляторомъ въ тѣхъ спискахъ большихъ лѣтописныхъ сводовъ, какіе были у него подъ руками. Это подтверждается и другими наблюденіями надъ текстомъ. Выписки Архивскаго лѣтописца даютъ больше варьянтовъ для соотвѣтствующихъ мѣстъ Воскресенской, Никоновской, Софійскаго Временника, чѣмъ всѣ списки ихъ, послужившіе для изданія «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей».

Тѣ мѣста, гдѣ Архивскій лѣтописецъ явно сокращаетъ свой источникъ, переставляетъ или выпускаетъ цѣлыя извѣстія, особаго значенія

имѣть не могутъ. Но иныя его чтенія полнѣе и исправнѣе. Списки, бывшіе въ рукахъ у составителя Архивскаго лѣтописца, повидимому, иногда сохраняли болѣе первоначальныя черты, чѣмъ другіе извѣстные намъ. И если, напримѣръ, мы находимъ въ Архивскомъ лѣтописцѣ — подъ 6998 годомъ — запись о построеніи въ Новгородѣ каменнаго града казною великаго князя и архіепископа Геннадія, читаемую въ Новгородской III-й (П. С. Р. Л., т. III, стр. 244), то изъ этого нельзя заключить, что Новгородская III-я тоже была источникомъ Архивскаго лѣтописца, такъ какъ другихъ слѣдовъ пользованія ею не замѣтно, да и это извѣстіе изложено съ варьянтами; оно, навѣрное, читалось въ его другомъ источникѣ — вѣроятно, Софійскомъ Временникѣ.

Въ этомъ значеніе Архивскаго лѣтописца и другихъ, почти неизученныхъ, сокращенныхъ лѣтописцевъ, которыхъ много въ нашихъ книгохранилищахъ, и среди которыхъ Архивскій лѣтописецъ является по объему великаномъ. Они могутъ обогатить наши свѣдѣнія о матеріалѣ, который тѣсно связанъ съ извѣстными редакціями московскихъ лѣтописныхъ сводовъ и находился, по всей вѣроятности, въ ихъ первоначальныхъ редакціяхъ, но, по тѣмъ или инымъ причинамъ, выпалъ въ позднѣйшихъ спискахъ и переработкахъ.

А. Е. Прѣсняковъ.

Изъ голландскихъ библіотекъ и архивовъ[1]).

I.

Два письма о Россіи, о русской азбукѣ, книгахъ и т. п. 1596 года.

Въ голландскомъ журналѣ «Tijdschrift voor Staatshuishoudkunde en Statistiek door Mr. B. W. A. E. Sloet tot Oldhuis» въ томѣ XXI (Zwolle, 1860) напечатаны «Два письма голландскаго купца-путешественника (Koopvarder) изъ Архангельска», сообщенныя редакціи этого журнала д-ромъ I. фанъ-Флотеномъ, профессоромъ въ Дефентерѣ. Содержаніе этихъ писемъ представляетъ интересъ какъ для филолога, такъ и для историка. Фанъ-Флотенъ, издавшій оба письма, не зналъ русскаго языка и поэтому привелъ ихъ въ искаженномъ видѣ, замѣнивъ, напримѣръ, въ цитатахъ русскія буквы греческими, съ ними не имѣющими ничего общаго. Это обстоятельство, въ связи съ неизвѣстностью обоихъ писемъ въ Россіи, заставило меня провѣрить ихъ по рукописи въ утрехтской университетской библіотекѣ, гдѣ они теперь хранятся[2]),

1) Во время предсѣдательства Л. Н. Майкова въ Археографической Коммиссіи мною была совершена поѣздка въ Голландію для надобностей редактировавшагося мною изданія Коммиссіи. Во время этой поѣздки сняты копіи съ печатаемыхъ въ настоящемъ сообщеніи актовъ и документовъ. Покойный Леонидъ Николаевичъ, выразившій мнѣ письменно свое удовольствіе по поводу результатовъ командировки, придавалъ нѣкоторое значеніе печатаемымъ ниже историческимъ памятникамъ.

А. Ловягинъ.

2) Въ сборникѣ № 986 (Var. 35) Charta, fol., 1574—1650. Aemilius et Jacobus Rozendalius fratres, Epistolae autographae et epistolae diversorum ad eosdem 1574—1616. Cf. Catalogus Cdd. Mss. Bibl. Univers. Rheno-Traject., 1887, p. 236—237.

и предложить возможно точную копію вниманію читателей настоящаго Сборника.

Первое изъ писемъ написано на смѣси голландскаго языка съ латинскимъ, второе на плохомъ латинскомъ языкѣ. Авторъ ихъ молодой образованный купецъ Янъ Фердусъ обращается къ своему другу Розендалю, обрѣтающемуся въ Голландіи, но интересующемуся Россіею, съ разъясненіями о русской азбукѣ, особенностяхъ жизни въ Россіи и т. п. Пропущенныя у фанъ-Флотена мѣста мною отмѣчены скобками < >, вставленныя—двойными скобками [[ ]], отступленія его отъ рукописнаго текста приведены въ примѣчаніяхъ. Латинскій и греческій тексты оставлены безъ перевода, а для голландскихъ словъ и фразъ присоединенъ подстрочный переводъ.

Алфавитъ (Alφabetum), о которомъ говорится въ обоихъ письмахъ, къ сожалѣнію, не сохранился.

a)

Δόξα τῷ θεῷ. In Archangelis. 1596. 25 July.

Eerzame discrete zeer wyze D-ne Rozendalj.
Почтеннѣйшій ученѣйшій

Naer een zeer vrundtlijcke salutatie aen UE familie midtsgaders alle
Послѣ дружелюбнѣйшаго привѣта Вашей семьѣ и всѣмъ

goede vrunden, zoo dienst dezen, om UE t'adverteren,
добрымъ друзьямъ, служитъ сіе [письмо къ тому], чтобы Васъ извѣстить,

alsdat UE brieven octavo Maij gedateert, den 25en Juny zeer wel
что письма Ваши, 8-ымъ мая означенныя, 25-го іюня превосходно

behandicht zijn; my niet weinich verblijdende van UE goede dispositie;
доставлены, [причемъ] я не мало радовался вашему доброму здоровью;

faxit Deus ille summus rerum opifex 't zelvige lanckdurich zij etc.
, чтобы оно было долголѣтне.

Amen. Voorts Doctissme Rozendj. sende ic UE, achtervolgende UE
Далѣе, , посылаю я Вамъ, согласно Вашего

schrijvens het Alfabetum, addita literarum interpretatione. Et hoc prae-
письма, алфавитъ

cipue notandum, dat de Russen nimmermeer in een sillabe drie
, что русскіе никогда въ одномъ слогѣ трехъ
letteren, zijnde die selvige, na behoren achtermalcander stellen,
буквъ одинаковыхъ, какъ слѣдуетъ, другъ послѣ друга, не ставятъ,
maer de dridde letter van de sillabe boven op. Excipiuntur autem hae
но третью букву слога [помѣщаютъ] наверху.
litterae: ѧ, ѥ, ѕ, ꙗ, ѻ, ѵ, ȣ, ф, ѡ, ѱ, ъ, ъj, als UE in het Alfabet
, какъ Вы въ алфавитѣ
zien mach; want de letteren die boven op gebruyckt worden,
усмотрѣть можете, такъ какъ буквы, наверху употребляемыя,
staen daer bovenop gestelt. Exempli gratia, als men zoude willen
такъ вверху поставлены. если бы пани-
schrijven: Rozendael: розѥдаѧл, van: Ѵа҃, Verdoes: Ѵѣдоѥс dat: да҃
сали: Розендаал фан , Фердус дат
etc. Men gebruyckt oock wel een Jer achter aen de dridde letter
Употребляютъ также и Ъ за третьею буквою
van de sillaba, maer dan staender 4 letteren. Exempel van ванъ,
слога, но тогда стоятъ 4 буквы. Напр. фан ,
Rozendael розѥнъдаѧл, dat датъ etc. De letteren hebben met de
Розендаал , дат Буквы имѣютъ съ
Grieken groote gemeynschap, behalven θ gebruycken zy voor f,
греческими много общаго, кромѣ того что ѳ употребляютъ вмѣсто ф,
als fyta, ende ѵ voor v. Nota, dat ѥ voor een E
подъ названіемъ Ѳита, а у за в. , что ѥ вмѣсто е
gebruickt wort, alhoewel in het alfabet staet jest, maer
употребляется, хотя въ алфавитѣ и стоитъ jest, но [на самомъ
is ѥ ut ἐψιλον apud Graecos etc. Achte, datter in
дѣлѣ] ѥ приравнивается ἐψιλόν . Замѣтьте, что во
de gantsche werelt zoo veel pampier niet gebruyckt wort als hier,
всемъ свѣтѣ такъ много бумаги не изводится, какъ здѣсь,
want de Russen en schrijven nimmermeer aen beide zijden, maer
такъ какъ русскіе не пишутъ никогда съ обѣихъ сторонъ, но
alleenlijk aen d'een zijde. Sy schrijven ooc niet op een taeffel ofte
всегда съ одной стороны. Они не пишутъ также на столѣ, или

anders, maer alleenlijck op haer knie, zonder yet onder
т. п., но только на своихъ колѣняхъ, не подкладывая ничего
't pampier te leggen, [[en]] zy en snijden het pampier ooc niet
подъ бумагу; они и рѣжутъ бумагу не
over de breette als wy, maer zy scheuren het pampier over de lengte,
по ширинѣ, какъ мы, но разрѣзаютъ бумагу вдоль ,
en als dat vol geschreven is, zo lijmen. zy daer een ander stuck
такъ что исписавъ ее, они приклеиваютъ къ ней другой кусокъ
aen, want zy (veel te schrijven hebbende) een rolle maecken
: они, будучи принуждены писать много, составляютъ свитки
van 10, 20, 30 vademt lanck. Het lijmen hebben zy spacio unius mo-
въ 10, 20, 30 саж. длиною. Склеиваніе они
menti gedaen; want zy altoos an stuckxken Russische lijm by
совершаютъ; такъ какъ у нихъ всегда кусочекъ русскаго клея при
haer dragen; dat natgemaeckt hebbende, strijcken zy dat aen de enden
себѣ ; овлажнивъ его, они проводятъ по концамъ
van 't pampier, ende is gedaen. Zy gebruycken ooc geen rekeningen
бумаги, и дѣло сдѣлано. Они и не употребляютъ счетовъ,
als die zy met steenkens weten te reeckenen, in de plaets
кромѣ тѣхъ, на которыхъ они камешками умѣютъ считать, вмѣсто
van cijfferen ofte penningen; ende dat hebben zij zeer fix met de
цифръ или монетъ; и управляются они очень быстро съ
steenkens. Soude ic alles schrijven, zoude te lanck vallen, et hoc qui-
камешками. Если бы мнѣ все писать, то это затянулось бы,
dem tempore negotia non sinunt. Ic sende UE Ruthenicam monetam
Я посылаю Вамъ ,
van elckx 3: een van de grootste is omtrent een braspen-
каждаго сорта 3: одна изъ самыхъ большихъ величиною съ $1^1/_4$ стей-
ning, de middelste de helft minder, ende de cleynste de helft
фера, средняя на половину меньше, а самая меньшая на половину
minder als de middelste, etc.; dat is al 't geld dat men hier gebruickt.
меньше средней ; вотъ и всѣ деньги, какія здѣсь употребляютъ.
Ic soude UE Rusche boucken senden, maer men vintze niet te
Я хотѣлъ бы Вамъ русскихъ книгъ послать, но ихъ не находится въ

coop, want al de boucken, die de Russen gebruycken,
продажѣ, такъ какъ всѣ книги, у русскихъ употребляемыя,
zijn all geschreven; van 100 niet een gedruckt. || De gedruckte
рукописныя : на сто не найдется одной печатной. || Печатныя
boucken, die zy gebruicken, zijn meest all in Polen
книги, которыя они употребляютъ, большей частью въ Польшѣ
ende Lettouwen gedruckt. De Russen en connen ooc haer Oratio-
и Литвѣ печатаны. Русскіе не умѣютъ и своей
nem Dominicalem niet beden, zoodatt men van 100 nauwlycx
читать, такъ что изъ 100 едва
een vint, die zijn Vader ons lezen can; nicht-
одного найдешь, который свое «Отче нашъ» читать умѣетъ; тѣмъ не
temin zij zijn zeer devotich en hebben veel Kercken in den
менѣе, они очень благочестивы и имѣютъ много церквей въ
Mosko, ut existimo mille; ende waer zy een kerck in 't gesicht hebben,
Москвѣ и гдѣ они церковь увидятъ,
alhoewel het ½ mijl van haer is, cruycen zy haer dicwils ende dat
хотя бы въ ½ мили отъ себя, они крестятся часто даже въ
gedurende ¼ van een ure, slaende haer hooft nederwaerts. Saepius
теченіе ¼ часа, ударяя головою объ землю.
imperatorem totius Russiae etc. vidi laesum in fronte, dat 's van
— это происходитъ
't hooft te slaen tegen der aerden in de Kerck; zy permetteren
отъ ударенія головою о земь въ церкви; они не позволяютъ
ons niet in haer Kercken te zien, ic laet staen comen, want
намъ въ ихъ церкви посмотрѣть, а, еще того менѣе, войти, такъ
haer Kerck daermede ontwijt zoude zijn, aengesien
какъ ихъ церкви этимъ якобы осквернятся, въ виду того,
wy met het hooft gedoopt zijn, zodat haer opinie is, dat ons hooft
что мы головою крещены , такъ что, по ихъ мнѣнію, наша голова
in den Hemel comen zall ende de reste, dat niet gedoopt is, in de Helle,
на небо попадетъ, а остальное, что не крещено, въ адъ.
etc. Ic heb haer well gevraecht, als het in de vaste is (van dewelcke
Я ихъ много спрашивалъ, во время поста (каковыхъ у

zij er 4 hebben), waerom zy geen vleesch en eten zo wel als wy; so
нихъ — четыре), почему они мяса не ѣдятъ, какъ мы; на это
antwoorden zy, dat het haer sonden schult is, en dat het Godt
отвѣчали они, что ихъ грѣхи въ томъ виною, и что Богъ
ofte Niclaes ons toegelaeten heeft, ende haer niet. Tot den dronck zijn
или св. Николай намъ разрѣшили, а имъ нѣтъ. Къ пьянству
zy zeer geneicht, want eer een vasten begint, te weten
они очень склонны, такъ какъ раньше, какъ постъ начнется, то есть
een dach 2 of 3 te voren, drincken zy zo zeer, datter veel
дня за два или за три до него, они пьютъ такъ сильно, что многіе
aff sterft , twelck voor haer groote eere is, alzo ooc
помираютъ отъ этого; такая вещь у нихъ большая честь, какъ также и
rem habere cum bestijs, twelck zy met grooten roem vertel-
, что они съ большой похвальбою разсказы-
len. Ook isser een Nobilis quidam geweest, die me presente vertelde se
ваютъ. Былъ тутъ и , который разсказывалъ,
rem habuisse cum sacerdote illiusque uxore, illiusque filio illiusque filia.
Sic cancellarius, quem nominare non audeo, cum nudus cum meretrice
nuda (ut in coitu erant deprehensi) apud Imperatorem esset delatus
atque interrogatus, quid cum illa perpetrasset? Hoc, inquit, deponens
illam in solum et (Imperatore praesente) vitiavit eam, etc. Quando Can-
cellarius Wolgadae me ad prandium et coenam vocasset, talia spectacula
vel ijs simillima, illo jubente, dum sederemus ad mensam contigerunt
etc. Sic et Totmae praefectum vel cancellarium, quando ad pocula invi-
tassem; want dat alzo een manier is, als men een
такъ какъ такое также обыкновеніе имѣется, что, если рус-
Russ te gast bidt, dat men haer anders niet
скаго въ гости просишь, то тутъ иного ничего [не полагается дѣ-
als zo droncken maeckt, dat zy alles in
лать], какъ напаивать [гостей] пьяными, такъ, чтобы они всѣ въ
ons presentie evomeren ende dat 's groot eer; sic con-
нашемъ же присутствіи выблевали, и это — большая честь;
tiguit cum Cancell. Totmae, qui omnia me presente evomuit, etc. Also
Также

geschiet het ooc, als men iemandt zo droncken gemaeckt heeft, dat
случается , что, если кого либо напоишь до того, что
hy byna gestorven was, zo compt hy (weeder gesont zijnde)
онъ чуть не умретъ, то онъ приходитъ (оправившись)
by u, ende danckt u, dat gy hem zo wel getracteert hebt,
къ вамъ, и благодаритъ васъ, что вы его такъ хорошо угостили ,
ende slaet zijn hooft op de aerde, etc. Als yemandt van ons hier
и бьетъ челомъ объ землю, Если кто-нибудь изъ насъ здѣсь
sterfft, wort buyten der Mosko in 't velt begraven, daer ooc Tartari,
умираетъ, его за Москвою на полѣ хоронятъ вмѣстѣ съ татарами,
Perzae, ende Armeniers etc. begraven worden. Voorts, wat UE
персіанами и армянами. Далѣе, если Вамъ
can bedencken om gaerne te weten, scrijft, ic sal
покажется любопытнымъ какое-либо извѣстіе, то пишите: я
't beantwoorden; maer U. E. moet van manieren van 't lant overlant
отвѣчу ; но вы должны объ обычаяхъ страны, сушею[1])
niet schrijven (quia pericolosissimum), maer per mare well. Hiermede
не писать , но вполнѣ. Съ симъ
den Almogenden bevolen, die UE gansche familie gezont
Всемогущему поручаю васъ, чтобы Онъ всю вашу семью здоровыми
gespare, ende ons allen verlene dat zalich is. Al raptim
сохранилъ, а намъ всѣмъ подалъ спасеніе

UE Dienstwilligen vrundt
Jan Verdoes.

б)

Δόξα τῷ θεῷ In Archangelis 1596.

S. P. D.

Epistola tua, Amplissime vir, D^ne^ Rozendali, octavo Maij amantissime scripta, Junij 25 ad manus meas pervenit, qua mihi nihil fuisse jucundius plane velim existimes; quandoquidem nostrae nihil amicitiae detraxeris, etiamsi quotidiana scribendi officia in hanc usque diem

1) То-есть, съ сухопутною почтою.

cessaverint; quare haud dubio pro tua prudentia et humanitate praeclare intellexisse videris, queis quotidie distinear curis et quae negotiarum onera sustineam, emendo vendendoque antiquam naves (mercibus depositis impositisque) abitum parant, nihilominus parum recte fuisse mihi videor, nec a me ipso veniam facile impetro, qui[1]) scribendi officium in hoc usque tempus protulerim, rursus cum ad me ipsum cogitationem converto, mihimetipsi aliquantulum condono, quia me stuporis ingenij pudet, parum videlicet hoc tempore apti ad scribendum latinis verbis, non modo, ut quod in mentem, verum etiam plane quidquid in buccam venit, in epistolam conjiciens. Quare, clariss^{me} καὶ φίλτατε D<^{ne}> Roz<endalj>, minime, obsecro, mireris, licet in hoc praesertim vitae instituto, quod nunc potissimum abhinc annos circiter sex sequutus, latine scribendo nonnullo Priscianum dolore afficiam; qua de causa Priscianus haud ultro volens sufferre, vereor ne de tanta illi illata a me injuria conqueratur, ac me apud te in quaestionem vocet, ut sic, allata sententia, patrio sermone scribere cogar; quare praestat ultro meaque sponte incipere, quam eô modo dedecore cogi etc. Quantum ad munuscula, ornatissime[2]) D^{ne} Roz^{li}, pro queis per literas gratias agis, haud ulla (modo vera fateri liceat) gratiarum actione digna existimo, plura (Deo Opt. Max. favente) praestabo, operam dabo, quantum in me erit, ut animum aliquando res ipsa declaret, ut te, Ornat<iss>^{me} vir, contentum esse neque in hoc plus desiderare quam efficere possum, tua mihi pollicetur eruditio. Alφabetum, D^{ne} μοῦ, rursus mitto, addita explicatione literarum; literae enim[3]) uti videre licet numero sunt quadraginta et aspirationibus in eloquutione quam plurimis utuntur; numismata quaedam Ruthenica, vel ut ita dicam omnia mitto[4]); quibus scil. Rutheni utuntur. Si praeterea, Do^{ne} μοῦ, alia quaelibet necessaria a me transmitti oportet, paratissimum ad quaelibet me semper reperies. Occupationes tuas, doctiss^{me} Roz^{endli}, existimo et vere[5]) scio gravissimas esse, quare non committam, ut longiore molestus epistola sim, praesertim quandoquidem iamdudum Priscianum verberando defessus sum; jam

1) quo (Vloten).
2) doct. (Vloten).
3) explicatione; literae enimvero (Vloten).
4) mitte (Vloten).
5) existimo atque (Vloten).

finem facio et te, venerandiss^me^ et omnium amicorum integerrime, salvere inbeo. Vale, Doct‹iss›^me^ vir, D^ne^ [1]) Aemil‹i› Ros‹endali› et uxori human‹iss^mae^› tum filiae charae, meis verbis amicam annuncies, obsecro, salutem. Iterum vale, et a me ex intimo pectoris penetrali salve, ἐμῶ [2]) θυμῶ πολυ φίλτατε παντῶν [2]). Tuus εργῶν τε λογῶν τε totus ad quaelibet paratissimus

Joannes Verdusius.

II.

Неудавшаяся попытка московскаго правительства совершить заемъ въ Голландіи въ 1688 году.

Три печатаемые ниже документа извлечены мною изъ амстердамскаго Общиннаго архива (Gemeente Archief). Первый изъ этихъ документовъ — подлинная хорошо сохранившаяся грамота обоихъ московскихъ государей, не былъ внесенъ въ реестры дѣламъ архива, и поэтому до сихъ поръ оставался неизвѣстнымъ. Остальные два представляютъ собою выписки изъ секретныхъ дѣлъ амстердамскаго городского совѣта.

Русская грамота хранится въ архивѣ въ особой связкѣ актовъ «Rusland» и имѣетъ на оборотѣ надпись: «Высокомочныхъ Господъ Статъ Галанскихъ Города Амстрадама Бурмистромъ і Ратманомъ и Палатникомъ и купецкого чину жителемъ». Оба голландскіе акта помѣщены въ переплетенныхъ рукописныхъ протоколахъ амстердамскаго городского совѣта (Resolutie-boek van den Raad, L. K. № 39, p. 77 sq.).

a)

Бога в Троице славимого милостию отъ пресветлѣйшихъ ї державнѣйшихъ великихъ государей царей ї великихъ князей Іωанна Алеѯѣевича, Петра Алеѯѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, Московскихъ, Киевскихъ, Владимерскихъ, Новгороцкихъ, царей Казанскихъ, царей Астраханскихъ, царей Сибирскихъ, государей Псковскихъ ї великихъ князей Смоленскихъ, Тверскихъ, Югор-

1) D-r (Vloten).
2) sic.

скихъ, Пермскихъ, Вятцкихъ, Болгарскихъ и иныхъ, государей і великихъ князей Новагорода низовские земли, Черниговскихъ, Рязанскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, Белѡзерскихъ, Удорскихъ, Обдорскихъ, Кондинскихъ, і всеа Сѣверныя страны повелителей, і государей Иверские земли, Карталинскихъ і Грузинскихъ царей, і Кабардинские земли, Черкаскихъ і Горскихъ князей, и іныхъ многихъ государствъ і земель восточныхъ і западныхъ і сѣверныхъ очичей і дѣдичей і наслѣдниковъ і государей і обладателей. Высокомочныхъ господъ Статъ Галанскихъ города Амстрадама бурмистромъ і ратманомъ і палатникомъ, і купецкого чину жителемъ, которые приѣзжая в нашемъ цркского величества Великоросіискомъ государствѣ, также і у пристани Архангелского города, по нашей государской милости, імѣютъ торговые свои промыслы, наше царского величества милостивое слово. Вѣдомо всѣмъ окрестнымъ великимъ государемъ братіи нашей іхъ королевскимъ величествамъ и пресветлѣйшимъ курфирстромъ и арцыкняземъ і волнымъ господамъ, что мы великие государи, наше царское величество, ізволили для імяни Божией і цѣлости всего христианства, на неприятеля Креста Святого, салтана Турского, і хана Крымского з братомъ нашимъ с великимъ государемъ сь его королевскимъ величествомъ Полскимъ соединение восприять і наши царского величества многочисленные рати в военной промыслъ за Божіею помощию на нихъ наступателно посылать, отвращая того непріятеля, дабы онъ в злыхъ своихъ намѣреніяхъ прекратился і на государства, какъ наши царского величества, такъ і союзниковъ нашихъ, войны не имѣлъ, которымъ нашимъ царского величества помянутымъ ратемъ, на того всего християнства общаго неприятеля посыланнымъ на жалованье із нашей царского величества казны выданы многие милионы, такожь і впредь на будущее, дай Боже счастливое лѣто, надобно тѣмъ же нашимъ царского величества многочисленнымъ ратемъ, посланнымъ въ тое жъ воину, на жалованье многаѧ казна. Того ради мы великие государи, наше царское величество, желаемъ, чтобъ для такова приключающагося, ко сохранению цѣлости всего християнства способства, вы бурмистры і ратманы і полатники і купецкого чину города Амстрадама жители, приложили к тому християнское свое радѣніе, нашей царского величества казнѣ на вспоможение, против тѣхъ общихъ всегѡ християнства неприятелей к намъ великимъ государемъ прислали с нашимъ царского вели-

чества посланникомъ з дьякомъ Васильемъ Посниковымъ ефимочные казны четыре милиωна. А мы великие государи, наше царское величествω, повелимъ за то воздать радѣниемъ—нашими царского величества войски в наступленіи нашого ωбщаго всѣхъ християнъ неприятеля, такожъ ї нашею государскою милостию вашимъ купецкимъ людемъ, которые обрѣтаются в нашемъ царского величества Великоросійскомъ государствѣ ї у пристани Архангелского города, для торговыхъ своихъ промысловъ, а за ту присланную вашу ефимочную казну, укажемъ мы великие государи заплатить їз нашей царского величества казны у города Архангелского великороссійскими товары, поташомъ ї смолчюгою и пенкою и їными, какие в нашемъ царского величества Великоросійскомъ царствїи есть, їли хлѣбомъ, что вамъ будетъ потребно, ї вамъ бы, бургомистромъ ї ратманомъ ї полатникомъ ї всего города Амстрадама жителемъ, для нашей царского величества милости, наше государское желание радѣниемъ своимъ исполнить, вышепомянутые ефимочные казны с нашимъ царского величества посланникомъ милиωна четыре к намъ великимъ государемъ прислать, а отпустить бы вамъ с нимъ Васильемъ тое ефимочную казну в купецкомъ своемъ караване, которые поидутъ к Архангелскому городу с належащимъ опаснымъ кораблемъ со всякимъ вспомогателствомъ. А мы великие государи наше царское величество за то ваше рачѣніе учнемъ вамъ ї купецкимъ вашимъ людемъ воздавать нашею государскою милостию, і сколько тѣхъ ефимковъ прислать восхощете, о томъ к намъ великимъ государемъ, къ нашему царскому величеству, писать. Данъ государства нашего во дворѣ в царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта отъ создания мира ҂зрѵѕ҃, мѣсяца октябрѧ кѕ-го дня, государствования нашего ѕ-го году.

б)

Den 21. April 1688.

De Heeren Burgermeesteren hebben den Achtb. Raad voorgedragen, dat haer Ed. Gr. Achtb.: door den Envoye van hare Zaarse Majesteiten, die in den voorleden jare bij haer ho: mo: audientie heeft gehad, en zederd nae diversche Christen Hoven is verreist, was terhanden gesteld een missive van hoogstem. hare Zaarse Majesteiten aen de

Heeren Burgermeesteren ende Regeerders dezer Stede, geschreven uit de Keiserlijke residentie Stad Moscouw, in den jare naer de Scheppinge der Weereld 7196 den 26 October Russische Stijl, waer by haere Zaarse Majesteiten van deze Stad versoeken een Somma van vier millioenen Rijxdaalders, tot het voortsetten ende continueren van den Oorlog tegens den Algemeynen Vyand des Christenheids, presenterende de voorsz. vier millioenen Rijxdaelders in waren en koopmanschappen van het Land te vergoeden en te voldoen, ende daerenboven aen deze natie considerable Privilegien en voorrechten, boven andere toetestaen en te vergunnen. Dat den voorsz. Envoÿe verders voors zÿn particulier aen haer Ed. Gr. Achtb^{n}: hadde versogt, dat hij gesonden geweest zÿnde aen dezen Staat in zyne terug-reijse, in deze Stad immer zoo favorabel mogt werden getracteert, als de laast gepasseerde Ambassadeurs van haere Zaarse Maj^{en} in deze Stad, zoo ten opsichte van het defroÿement als receptie zÿn gehandelt.

Waar op gedelibereert en omvrage gedaen zÿnde, zÿn versogt ende gecommitteert, gelijx versogt ende gecommitteert werden bij dezen, de heeren Mr Joan Huydekoper Ridder, Heere van Maersseveen, Neerdijk etc, Mr Jacob Boreel, Mr Coenraad van Klenck, Joan de Vries, en Daniel Bernard, heere van Cattenbroek, om het voorsz. voorgedragene, mets de presenten besoignerende, te examineren, ende den Achtb. Raat te dienen van haer Ed. consideration en advijs.

6)

Den 22. April 1688.

Commissarisen van desen Achtb. Raad hebbende in gevolge ende tot voldoeninge van der Zelver Resolutie Commissoriael van den 21^{n} dezer geëxamineert de missive by haere Zaarse Majesteiten, aen de Heeren Burgermeesteren en Regeerders dezer Stede geschreven, houdende een versoek ten eynde dese Stad aen Hoogstged. Haare Zaerse Maj^{ten} zoude willen furneren een Somma van vier millioenen Rijxdaalders tot voortsetting van den Oorlog tegens den Algemeijnen Vijand, belovende de voorsz. vier millioenen Rijxdaalders niet alleen in waren en coopmanschappen van het land te restitueren; maer daeren-

boven, den burgeren ende inwoonders dezer Stede met privilegien en voorrechten, boven andere te begunstigen; Mitsgaders het particulier versoek van d'Envoÿe van haere Zaarse Maj^ten^ om, gedurende zÿn verblijf alhier, te werden gedefroÿeert. Ende op het eerste point naergezien zijnde de rescriptie, die haer Ed. Gr. Achtb^n^. op de voorsz. missive hebben doen formeren, Zouden van advise zijn, dat zoo omme reden inde voorsz. rescriptie ter nedergesteld als ten opsichten van deze Stad om te subvenieren aen alle de sware en groote onkosten, gerequireert tot het helpen onderhouden van 's Lands navale macht, de militie te Lande en de veelvuldige fortification, niet zeer veel penningen tegens hoogen interest is belast, ende dagelyks door het opnemen van gelden tot verscheide noodzakelijkheden nog meerder werd beswaard, het voorsz. versoek op de beleefste wijse behoord te werden gedeclineert; Dat verders in het particulier versoek van den voorsz. Envoyé, terwijlen de zelve aen deze Stad bezonderlijk is afgezonden, dat zijn gevolgh bestaat uÿt weenig persoonen, ende dat hij zig hier niet lang zal ophouden, ende dienvolgende d'onkosten klein zullen vallen, behoorde te werden geconsenteert.

Waerop gedelibereert en omvrage gedaan zijnde, hebben de heeren Burgemeesteren en Raad, de heeren Commissarisen voor haere genomene moeiten bedankt, en sich met het voorsz. advis geconformeert.

ПЕРЕВОДЪ.

a) «21-го апрѣля 1688 г. Господа бургомистры доложили достопочтенному совѣту, что ихъ высокородіямъ черезъ гонца ихъ царскихъ величествъ (имѣвшаго въ минувшемъ году аудіенцію у ихъ высокомощности, а потомъ отправившагося къ разнымъ христіанскимъ дворамъ) передано посланіе ихъ царскихъ величествъ къ гг. бургомистрамъ и правителямъ нашего города; посланіе помѣчено императорскою (sic) резиденціею Москвою, годомъ отъ сотворенія міра 7196, 26-го октября русскаго стиля. Въ этомъ посланіи ихъ царскія величества просятъ у нашего города сумму въ четыре милліона имперскихъ талеровъ на продолженіе войны противъ общаго врага христіанства; они предлагаютъ указанные четыре милліона рейхсталеровъ возмѣстить товарами своей страны, а кромѣ того дать нашей націи значи-

тельныя привиллегіи и льготы, не въ примѣръ прочимъ. Кромѣ того, указанный гонецъ, со своей стороны, просилъ ихъ высокородія, чтобы ему, посланному въ наше государство, при возвращеніи домой, въ нашемъ городѣ оказаны были такіе же благопріятные пріемъ и возмѣщеніе издержекъ, какъ и предыдущимъ посламъ ихъ царскихъ величествъ въ нашемъ городѣ.

Подвергнувъ эти вопросы обсужденію и голосованію, рѣшено было просить и уполномочить (какъ симъ протоколомъ они и просятся и уполномачиваются) гг. Іоана Гейдекопера, рыцаря, владѣтеля Маарссефеена, Неердейка и т. д., Іакова Бореля, Кунраада фанъ-Кленка, Іоана де Фриса, а также Даніеля Бернарда, владѣтеля Каттенбрука, чтобы они, обсудивъ выше доложенное и сообразивъ его съ настоящими обстоятельствами, предложили достопочтенному совѣту свои мнѣнія и совѣты».

б) «22-го апрѣля 1688 г. Члены коммиссіи достопочтеннаго совѣта, согласно и во исполненіе коммиссаріальной резолюціи отъ 21-го сего мѣсяца, разсмотрѣли миссиву ихъ царскихъ величествъ къ бургомистрамъ и правителямъ этого города, заключающую въ себѣ просьбу, чтобы нашъ городъ вышереченнымъ ихъ царскимъ величествамъ доставилъ сумму въ четыре милліона имперскихъ талеровъ для продолженія войны противъ общаго врага; они обѣщаютъ при этомъ не только вернуть вышеуказанные четыре милліона имперскихъ талеровъ товарами своей страны, но, кромѣ того, предлагаютъ гражданамъ и жителямъ нашего города привиллегіи и льготы не въ примѣръ прочимъ. Одновременно съ симъ разсматривалась и особая просьба гонца ихъ царскихъ величествъ, чтобы его, на время его прибыванія здѣсь, освободить отъ расходовъ по прожитію. По поводу перваго пункта разсмотрѣно было заключеніе ихъ высокородій о миссивѣ, и на основаніи доводовъ, изложенныхъ въ означенномъ заключеніи, а также и въ виду необходимости для нашего города помогать въ доставленіи средствъ для тяжкихъ и великихъ затратъ на морской флотъ, сухопутное войско и различнѣйшія фортификаціонныя работы, въ виду и того также, что у насъ имѣется не очень много денегъ, да и то на тяжкихъ процентныхъ условіяхъ, а условія эти, при постоянномъ ростѣ нуждъ, становятся все хуже, то было рѣшено, эту первую просьбу какъ-нибудь любезно отклонить. Далѣе, что касается частной

просьбы вышеупомянутаго гонца, то въ виду особаго назначенія его въ нашъ городъ, незначительности его свиты и кратковременности предполагающагося пребыванія его здѣсь и вытекающей отсюда незначительности расходовъ на его содержаніе, просьбу эту можно было бы уважить.

По обсужденіи и голосованіи, бургомистры и совѣтъ благодарили членовъ коммиссіи за ихъ труды и согласились съ даннымъ имъ совѣтомъ».

III.

Русскій стрѣлокъ въ Батавіи въ 1698 году.

Въ государственномъ архивѣ въ Гаагѣ имѣется много документовъ, относящихся къ исторіи голландской Остиндской компаніи. Совершенно случайно въ объемистомъ томѣ, заключавшемъ донесенія Остиндскаго генералъ-губернатора и совѣтниковъ его, посылавшіяся на имя главарей Остиндской компаніи въ Амстердамѣ, мнѣ удалось найти слѣдующее *загадочное извѣстіе* (томъ за 1698 г., 6 декабря, л. 287).

Met het schip Ilpendam voor Hoorn vaert oock weder nae Europa sekeren Muscovischen prins genaemt Timotheus Stephanus met sijn Knegt, die jongst met «Bambeeck» herwaerts is gekomen, sonder dat egter daer nevens off zedert eenige ordre off aanschrijvinge zÿnentwegen bij de brieven van U. Ed. Camer ofte d'Heeren 17 hebben gevonden, als alleen bij de uijtwijsboecken, dat hij voor bosschieter en sÿn knegt voor soldaet waren aangetekend, maer hij egter na 't rapport der Scheepsopperhoofden — geordonneert in de Cajuyt getracteert te werden, gelijck geschiet is; Dese man dan nu in dit warme

Съ кораблемъ «Ilpendam» къ Гоорну направляется, обратно въ Европу, нѣкій московскій князь, по имени Тимоѳей Стефановъ, со своимъ слугою, которые оба недавно на кораблѣ «Bambeeck» прибыли сюда; никакихъ приказовъ и предписаній о немъ не было въ письмахъ ни отъ палаты, ни отъ гг. Семнадцати [т. е. директоровъ компаніи], а имѣлась только замѣтка въ его свидѣтельствѣ (?), что онъ нанятъ въ стрѣлки, а слуга его въ солдаты, но, что, тѣмъ не менѣе, по указанію начальниковъ судна, приказано было его содержать въ каютѣ (какъ и было сдѣлано). При здѣшнемъ тепломъ климатѣ этотъ

Climaet met sig selven en wij met hem verlegen sijnde, soo hebben gemeent niet te sullen misdoen mitsgeen ordre ter Contrarie denselven met sijn knegt op desselfs een en andermael gedane lamentabele Instantie nu weder in de staat, als hij ons toegecomen is, te laten repatrieren.

человѣкъ не знаетъ, что дѣлать съ собою, и не знаемъ, что съ нимъ подѣлать, и мы. Поэтому мы сочли себя въ правѣ приказать, въ виду отсутствія противныхъ сему предписаній и согласно неоднократнымъ слезнымъ просьбамъ его, отослать его обратно въ его отечество вмѣстѣ съ его слугою.

Сохранилась и корабельная книга судна «Bambeecq». Въ ней мы читаемъ, что въ стрѣлки нанятъ въ ноябрѣ 1697 г. «Tymafe Stephan van der Moskou», съ жалованьемъ въ 12 гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ Батавіи пробылъ онъ четыре мѣсяца, за которые жалованье ему было выдано. Въ разсчетной книгѣ наемныхъ служащихъ Остиндской компаніи имѣется и собственноручная подпись его, размашистою скорописью конца XVII в.: *Тимоѳей Стеѳановъ*. Почему его въ Голландіи звали княземъ и кто онъ собственно, объ этомъ изъ документовъ гаагскаго архива нельзя вывести заключеній.

А. М. Ловягинъ.

Проэктъ союза Россіи съ Сардинскимъ королевствомъ въ царствованіе императора Павла I.

25-го мая 1799 года соединенная русско-австрійская армія подъ начальствомъ Суворова заняла столицу Сардинскаго королевства Туринъ, въ то время какъ самъ король, Карлъ-Эммануилъ IV, искалъ убѣжища отъ французскаго оружія въ Кальяри, на островѣ Сардиніи. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ городъ Суворовымъ былъ возстановленъ въ общихъ чертахъ порядокъ въ управленіи, существовавшій до бѣгства короля, нѣкоторыя должности поручены лицамъ, преданнымъ Савойской династіи, и издана вторично прокламація, обнародованная фельдмаршаломъ еще въ Павѣ, провозглашавшая, что союзническія войска пришли лишь для возвращенія законному королю престола, похищеннаго у него врагами[1]). Всѣ эти распоряженія Суворова были встрѣчены совершенно различно: съ одной стороны, Австрійскимъ императоромъ, въ вѣдѣніи котораго онъ въ то время находился, съ другой — Сардинскимъ королемъ.

Какъ извѣстно, съ самаго начала похода Суворова, съ момента его прибытія въ Вѣну, всѣ его дѣйствія принимались Вѣнскимъ дворомъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Анекдотическія странности русскаго фельдмаршала, та причудливая форма, въ какой выражалось подъ часъ его стремленіе сохранить за собою бо́льшую свободу дѣйствія, играли, конечно, при этомъ второстепенную роль. За этими

1) Д. А. Милютинъ. Исторія войны Россіи съ Франціей въ 1799 году. Изд. 2-е, т. I. С.-Пб. 1857, стр. 352 и 414.

странностями скрывалось ясное пониманіе Суворовымъ того двусмысленнаго положенія, въ какое онъ попадалъ, и это пониманіе имъ положенія дѣлъ должно было, конечно, поселить недовѣріе въ Австрійскомъ правительствѣ. По общеизвѣстному разсказу, императоръ Павелъ посылалъ Суворова въ Европу «спасать царей»; къ числу царей, нуждавшихся въ то время въ спасеніи, Австрійскій императоръ Францъ могъ быть причисленъ лишь съ значительными оговорками. Въ эту эпоху, когда волны революціоннаго движенія начинали уже переходить за предѣлы Франціи, Австрія, заботясь о сохраненіи своихъ владѣній, не прочь была въ то же время подумать и о ихъ расширеніи. Самый взглядъ Австрійскаго императора на миссію Суворова, можно думать, былъ нѣсколько иной, чѣмъ только что указанный взглядъ императора Павла. Въ инструкціи, данной имъ фельдмаршалу, онъ совѣтовалъ ему обратить главное вниманіе на сохраненіе австрійскихъ владѣній въ Италіи; какъ смотрѣлъ, въ данномъ случаѣ, императоръ на Пьемонтъ, не было достаточно выяснено [1]).

Отмѣченныя выше распоряженія Суворова въ Туринѣ точно также не были встрѣчены сочувственно въ Вѣнѣ и вызвали рескриптъ императора Франца, въ которомъ Суворову совѣтовалось способствовать упроченію власти императора, а не Сардинскаго короля, подъ тѣмъ предлогомъ, что король еще недостаточно силенъ, чтобы открыто сопротивляться Франціи. Здѣсь взгляды Австрійскаго правительства на Пьемонтъ высказывались уже болѣе опредѣленно. Они выяснялись окончательно, когда австрійскій генералъ-квартирмейстеръ Цахъ въ разговорѣ съ графомъ С.-Андре, отстаивавшемъ интересы Сардинскаго короля, совѣтовалъ этому послѣднему забыть о Пьемонтѣ, такъ какъ эта страна *завоевана* Австрійцами [2]). Свои туринскія распоряженія Суворову пришлось отмѣнить, и въ городѣ утвердилось временное владычество Австрійцевъ.

---

1) «Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы первыя наступательныя дѣйствія арміи имѣли цѣлью *прикрытіе собственныхъ моихъ владѣній и постепенное удаленіе отъ нихъ опасности непріятельскаго вторженія*. Посему, слѣдуетъ обратить усилія наши въ Ломбардію и въ страны, лежащія на лѣвомъ берегу рѣки По. Тамъ и въ Пьемонтѣ находится истинное гнѣздо и средоточіе непріятельскихъ силъ; оттуда угрожаютъ онѣ всей прочей Италіи и господствуютъ надъ нею» (Милютинъ, т. I, стр. 251).

2) Милютинъ, т. II, стр. 339.

Съ другой стороны, именно эти распоряженія пробудили въ Сардинскомъ королѣ надежду на возможность скораго возвращенія на материкъ и были встрѣчены крайне сочувственно въ Кальяри. Еще до занятія союзною арміей Турина Карломъ-Эммануиломъ былъ посланъ къ Суворову военный комиссаръ Габэ (Gabet) съ очень любезнымъ письмомъ (отъ 22-го мая 1799 г.), въ которомъ напоминалось объ обѣщаніи императора Павла защищать *Сардинскаго короля*. Послѣ занятія Турина къ Суворову было послано отъ короля второе письмо (отъ 7-го іюня), въ которомъ онъ благодарилъ его за упомянутую выше прокламацію къ Сардинскому народу, изъ которой видно, что онъ ведетъ войну въ интересахъ его, Сардинскаго короля. Наконецъ 18-го іюня къ Суворову былъ посланъ маркизъ Гилэнъ (Ghilin), лейтенантъ-полковникъ отъ инфантеріи и первый шталмейстеръ герцогини Аостской. Король писалъ и къ самому императору Павлу и благодарилъ его (въ письмѣ отъ 18-го іюня) за назначеніе Суворова и хвалилъ этого послѣдняго за его военныя дѣйствія и обнародованныя имъ воззванія. Довѣріе Сардинскаго короля къ Россіи росло, такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ выяснялись завоевательные планы австрійцевъ [1]).

Нѣсколько ранѣе, также еще до въѣзда Суворова въ Туринъ, король Карлъ-Эммануилъ сообщилъ Русскому императору о посылкѣ имъ кавалера Гаэтано Бальбо ко дворамъ Неаполитанскому, Вѣнскому, Берлинскому и Петербургскому съ цѣлью обратить ихъ вниманіе на то тяжелое положеніе, въ какомъ онъ въ то время находился. Въ русской исторической литературѣ объ этой миссіи Бальбо существуютъ лишь краткія упоминанія; итальянскимъ историкамъ извѣстна не напечатанная дипломатическая корреспонденція, относящаяся къ этому во-

1) Копіи со всѣхъ отмѣченныхъ нами писемъ хранятся въ Туринскомъ архивѣ (Archivio di Stato) — «Registro, riguardante il viaggio de Sgr. cav. Balbo alle corti di Napoli, Vienna, Berlino e Pietroburgo dalle 3 maggio 1799 alle 7 maggio 1800» (Inghilterra. Letteri ministri. Mazzo 98). При письмѣ къ Суворову отъ 22-го мая приложена интересная инструкція отъ короля Габэ, въ которой этому послѣднему рекомендуется во всемъ полагаться на Суворова и передать другое, врученное Габэ, письмо отъ короля къ австрійскому генералу только въ случаѣ согласія на это русскаго фельдмаршала: «Il (Gabet) n'oubliera également rien pour mettre le général de S. M. l'Empereur d'Allemagne dans les intérêts du Roi, mais ce ne sera qu'en cas que le général russe lui conseille de faire rémission de la lettre du Roi; autrement il la retiendra et n'en fera aucun usage».

просу[1]); однако многое изъ нея, и именно то, что̀ наиболѣе близко касается исторіи Россіи, ими упоминается точно также лишь вскользь и подробно не разработано. А между тѣмъ миссія кавалера Бальбо, его корреспонденція изъ Петербурга къ своему двору и тѣ планы, которые онъ въ это время развивалъ, все это имѣетъ несомнѣнное значеніе для русской исторіи начала XIX вѣка.

Съ момента вступленія на престолъ императора Павла внѣшняя политика Россіи принимаетъ новое направленіе, довольно рѣзко отличающееся отъ предыдущаго: преслѣдованіе конкретныхъ интересовъ Россіи (вѣрно или невѣрно понятыхъ — все равно) уступаетъ мѣсто служенію опредѣленнымъ отвлеченнымъ принципамъ. Эти принципы — борьба съ революціоннымъ движеніемъ, угрожавшимъ сосѣднимъ съ Франціею странамъ. Для международнаго положенія Россіи этотъ моментъ былъ въ высшей степени важенъ. Послѣдняя преграда, отдѣлявшая ее отъ главныхъ западноевропейскихъ державъ послѣ паденія Польши, рушилась, и Россія входила въ болѣе тѣсное сношеніе съ Западной Европой. Въ то же время поворотъ, наблюдаемый въ данномъ случаѣ въ ея внѣшней политикѣ, не есть что-либо случайное; это одно изъ проявленій того общеевропейскаго движенія, которымъ ознаменовано начало XIX вѣка — политической реакціи, окончательно восторжествовавшей нѣсколько позднѣе, въ эпоху Вѣнскаго конгресса. Въ Европѣ не забыли еще наступательныхъ шаговъ Россіи на западъ, и одновременно съ этимъ пробивалась новая точка зрѣнія на нее, какъ на защитницу стараго до-революціоннаго порядка, съ которымъ не хо-

---

1) Bianchi. Storia della monarchia Piemontese, vol. IV. Torino. 1885. Carutti. Storia della corte di Savoia durante la rivoluzione e l'impero Francese. Torino. 1892. Perrero. I reali di Savoia nell esiglio. Torino. 1898. Простое упоминаніе о проэктѣ союза Россіи съ Сардиніей—въ письмѣ Панина къ Ростопчину 21-го мая 1800 г. (Брикнеръ. Матерьялы для жизнеописанія Панина, т. V, стр. 32). У Милютина находимъ лишь краткое указаніе: «Король Сардинскій, ободренный первыми успѣхами и воззваніями Суворова, отправилъ къ нему еще въ маѣ кавалера Габета, въ качествѣ коммиссара для управленія краемъ; вслѣдъ за тѣмъ прибылъ гр. С.-Андре, назначенный... губернаторомъ Турина. Въ то же время король Карлъ-Эммануилъ отправилъ въ Петербургъ кавалера Бальбо въ качествѣ полномочнаго министра. Въ письмѣ своемъ къ императору Павлу король изъявилъ живѣйшую признательность Россійскому монарху и полную надежду на его защиту» (op. cit., т. II, стр. 164). Изъ всѣхъ упомянутыхъ нами писемъ Милютинъ отмѣчаетъ лишь два: отъ 3-го мая къ императору Павлу и отъ 27-го іюня — къ Суворову.

тѣли разставаться многія изъ европейскихъ правительствъ. Россіи вѣрили и не вѣрили; ее боялись и въ то же время на нее надѣялись. Это двойственное отношеніе къ Россіи въ самомъ его зародышѣ хорошо обрисовывается на миссіи Бальбо, когда Сардинское правительство, начавшее разочаровываться въ Австріи, обратилось за помощью къ императору Павлу, но въ то же время не рѣшалось совершенно разорвать съ своимъ старымъ защитникомъ и не вѣрило въ готовность Россіи бороться съ революціей, въ чемъ его тщетно убѣждалъ Сардинскій представитель при Русскомъ дворѣ[1]).

Гаэтано Бальбо родился въ 1773 году близъ Турина, въ небольшомъ мѣстечкѣ Кьери, гдѣ до XIV вѣка его предки были владѣтельными особами. Родъ Бальбо, какъ извѣстно, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи Пьемонта. Братъ Гаэтано, Просперъ Бальбо, былъ посломъ въ Парижѣ и занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Нѣсколько позднѣе, уже въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, его племянникъ Чезаре Бальбо извѣстенъ вмѣстѣ съ Массимо д'Азельо какъ одинъ изъ поэтовъ, подготовившихъ такъ называемое итальянское «Rissargimento». Самъ Гаэтано не готовился, какъ кажется, къ дипломатическому поприщу и началъ свою карьеру въ военной и придворной службѣ. По своему служебному положенію Гаэтано могъ скоро стать извѣстнымъ Савойской королевской четѣ: онъ былъ шталмейстеромъ короля Карла-Эммануила IV, еще въ бытность его наслѣднымъ принцемъ; нѣсколько ранѣе — пажомъ его супруги Маріи-Клотильды. Гаэтано Бальбо послѣдовалъ за королевскимъ семействомъ во время бѣгства этого послѣдняго отъ нашествія французовъ изъ Турина въ Сардинію. Сложная дипломатическая миссія, которую ему пришлось здѣсь принять на себя, и о которой въ настоящее время идетъ рѣчь, была, можно думать, случайностью въ его служебной карьерѣ; это отражается и въ тонѣ его писемъ, порою черезъ чуръ горячихъ и искреннихъ для настоящаго дипломата, и въ его пріемахъ,

1) Дипломатическая корреспонденція Бальбо изъ Петербурга хранится также въ Туринскомъ архивѣ — Russia. Letteri ministri. Mazzo 6. Дѣлая извлеченія изъ нея, считаемъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность завѣдывающему Туринскимъ архивомъ, Sgr. d'Agliano, и всѣмъ его помощникамъ за ихъ предупредительное отношеніе, значительно облегчившее намъ пользованіе этими документами.

шокировавшихъ, какъ кажется, его сотоварищей, умудренныхъ болѣе долголѣтнимъ опытомъ[1]).

Въ половинѣ ноября 1799 года Бальбо былъ уже въ Петербургѣ[2]) и тотчасъ же началъ дѣятельную переписку съ своимъ правительствомъ. Основной тонъ его писемъ — одинаково недовѣрчивое отношеніе какъ къ Франціи, явно враждебной монархической Европѣ, такъ и къ защитницѣ стараго порядка — Австріи. И съ той и съ другой стороны Бальбо видитъ опасность для своего короля. Планы Тугута онъ называетъ «les projets spoliateurs», не довѣряетъ какимъ-либо попыткамъ къ переговорамъ съ Сардиніей какъ Франціи, такъ и Австріи, а изъ его письма отъ 4-го января 1800 г.[3]) мы узнаемъ, что послѣ отозванія Суворова Бальбо и Неаполитанскій посолъ при Петербургскомъ дворѣ Серра-Капріола хлопотали объ оставленіи въ Италіи корпуса русскихъ войскъ «pour imposer *à qui que soit*». Недовѣріе къ Австріи въ письмахъ Бальбо вначалѣ даже перевѣшиваетъ недовѣріе къ Франціи и сравнивается съ нимъ только послѣ вторженія Бонапарта въ Пьемонтъ. На ряду съ этимъ у Бальбо звучитъ другая нота — нота глубокой надежды на помощь Сардиніи со стороны Россіи и полнаго довѣрія къ политикѣ императора Павла I. Эта надежда и это довѣріе укрѣпляютъ Бальбо въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ давалъ своему правительству — не итти ни на какія уступки Австріи. «Il faut brider l'Autriche par la Russie», какъ характерно выражается онъ въ письмѣ отъ 4-го марта 1800 г. Молодой сардинскій посолъ былъ положительно увлеченъ лучшими сторонами характера Русскаго императора, хотя и не прочь былъ конечно воспользоваться ими въ интересахъ своего правительства. Непониманіемъ безкорыстности намѣреній Павла I Бальбо склоненъ былъ объяснить почти всѣ главныя

---

1) Біографическія свѣдѣнія о Бальбо см. въ предисловіи къ его запискамъ, относящимся къ войнамъ 1790 годовъ (La guerra delle Alpi e d'Italia dell'anno 1792 al 1800. Memorie per servire alla storia di quelle campagne del cav. Gaetano Balbo. Turino. 1876).

2) Первое его письмо помѣчено 13-мъ ноября новаго стиля. Для удобства мы будемъ придерживаться этого стиля во всемъ нашемъ изложеніи. Большинство писемъ Бальбо адресованы завѣдывавшему въ то время государственною канцеляріей Сардинскаго короля графу Шаламберу; лишь немногія — самому королю. Первыя мы обозначаемъ просто «письмо», вторыя — «письмо къ королю».

3) Ошибочно помѣчено 1799 г.

дипломатическія затрудненія того времени[1]). Замысламъ Тугута онъ противопоставляетъ «les principes droits et généreux de Sa Majesté l'Empereur de Russie», а Россія характеризуется имъ въ противоположность Австріи, какъ «une puissance.... laquelle est dans les vrais principes et ne dit pas d'abord, comme l'Autriche, que me donnerez vous?..»

Рекомендуя опереться, главнымъ образомъ, на Россію, Бальбо однако не сторонникъ полнаго отстраненія Россіи отъ другихъ державъ, даже въ томъ случаѣ, если бы она одна рѣшилась помочь Сардинскому королю. Преданный интересамъ своего государя, онъ считаетъ эти интересы, какъ принципіальные, такъ и моральные, на столько переплетающимися съ общеевропейскими дѣлами, что не находитъ возможнымъ приступить къ окончательному рѣшенію вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Пьемонта раньше и помимо общихъ вопросовъ, выдвинутыхъ на очередь столкновеніемъ Франціи съ Европой: дѣло Сардинскаго короля слишкомъ важно, чтобы имъ заниматься мимоходомъ, раньше общихъ переговоровъ о мирѣ. Дипломатъ маленькаго государства, ставшаго позднѣе центромъ объединенія Италіи, говоритъ тономъ Кавура. На ряду съ высказываемымъ имъ недовѣріемъ къ Австріи и обвиненіемъ ея передъ Россіей Бальбо выражаетъ надежду, что у этихъ двухъ державъ дѣло никогда не дойдетъ до разрыва, хотя

1) «Le caractère personnel de l'Empereur de Russie, les démarches de toutes les cours de l'Europe envers lui, une politique naturelle et bien entendue qui le guide au fond, fait qu'il dit aux autres puissances: attachez-vous à moi et je vous soutiendrai. La chose a pris comme vous voyez, et de toute part on recourt à lui; de là, l'humeur de M. de Thugut qui a eu la maladresse d'alarmer l'Europe par son système d'oppression et par ses vues ambitieuses, qu'il n'a pas même voulu dissimuler; de là, les efforts et les pièges qu'il tend maintenant pour détacher les puissances de cette cour, qu'il craint furieusement. Je déplore avec vous et avec l'Europe entière les malheureux événements qui enlèvent pour à présent les secours puissants et généreux de la Russie à la cause commune. Sur cela, je vous remarquerai que si l'Angleterre eût su agir et être médiatrice, elle aurait pu le faire et les réconcilier, ainsi qu'on y était parvenu une deuxième fois. Au lieu de cela, elle s'est jetée d'un côté, et encore du plus mauvais, et elle fait nécessairement scission...» (письмо отъ 4-го марта 1800). И нѣсколько позже: «...il faudrait, qu'une fois l'Angleterre voulut lier la partie comme il faut, elle veut la guerre. D'accord, mais il faut la faire le mieux possible ou ne pas la faire. L'Empereur de Russie aussi la veut. Il a toujours rejeté toutes propositions de paix. Mais on a besoin de lui, et lui n'a besoin de personne. Il s'est fortement declaré pour les bons et vrais principes et il n'en reviendra jamais, et la maison d'Autriche n'acquérira pas un seul village malgré toutes les concessions de la cour de Londres sans la sanction des puissances du Nord. On peut être persuadé». (письмо отъ 24-го іюня 1800).

и не рисуетъ себѣ коалицію въ розовомъ свѣтѣ. Къ іюню 1800 года онъ съ горестью принужденъ былъ сознаться, что «la coalition n'a jamais existé et n'a jamais été faisable avec le baron Thugut». Это заявленіе могло бы имѣть значеніе и при началѣ его миссіи: въ то время онъ держался, однако, иныхъ взглядовъ. На Россію надо опереться, но не какъ на внѣшнюю постороннюю силу, а какъ на выдающуюся единицу въ европейской семьѣ государствъ — таково его положеніе. Россію надо привлечь къ рѣшенію общеевропейскихъ вопросовъ; надо стараться, чтобы ея политика не обособилась. Но при этомъ надо дѣйствовать осторожно: надо найти такую державу, сближеніе съ которой Россіи могло бы считаться наиболѣе прочнымъ, и дѣйствовать черезъ нея. Въ данномъ случаѣ Бальбо показалъ себя достаточно дальновиднымъ. Изъ всѣхъ политическихъ симпатій императора Павла I наиболѣе крѣпкимъ и надежнымъ онъ считаетъ его пристрастіе къ Пруссіи. Сардинскій уполномоченный былъ совершенно въ курсѣ всѣхъ современныхъ ему событій. Извѣстно, что хотя первые шаги по сближенію съ Пруссіей со стороны Россіи при императорѣ Павлѣ I и были сдѣланы въ концѣ октября 1799 года, но лишь въ концѣ января слѣдующаго года послѣдовало соотвѣтствующее измѣненіе въ политикѣ Пруссіи[1]). Отмѣтивъ уже въ письмѣ отъ 20-го октября 1799 года, какъ несомнѣнное, сближеніе Россіи и Пруссіи, Бальбо повторяетъ то же самое и въ письмѣ отъ 25-го января 1800 г. Онъ всѣми силами старался, чтобы Сардинское правительство ни въ какомъ случаѣ не прибѣгало къ какому либо другому посредничеству, кромѣ Прусскаго. Когда во Флоренцію прибылъ Испанскій посолъ, Бальбо не преминулъ повторить этотъ совѣтъ, такъ какъ опасался, что прибытіе его имѣетъ своею цѣлью мирные переговоры съ Франціею[2]). Можно сказать, что этимъ совѣтомъ начинается и кончается вся дипломатическая переписка Бальбо. Ему какъ бы рисуется союзъ Россіи и Пруссіи, одною изъ главныхъ задачъ котораго будетъ охрана интересовъ Сардинскаго короля отъ всякаго, кто захотѣлъ бы воспользоваться его угнетеннымъ положеніемъ. Россія, по его мнѣнію, «doit être l'éternelle sauvegarde à l'avenir de la maison de Savoie, laquelle, ne pouvant plus compter sur

1) Милютинъ, т. II, стр. 466—467.
2) Письмо отъ 3-го февраля 1800 г.

la France, ne peut se remettre en équilibre.... qu'en s'appuyant fortement à Pétersbourg et à Berlin»[1]).

Такова дипломатическая программа Бальбо, которой онъ остался вѣренъ въ продолженіе всей своей миссіи: недовѣріе къ Австріи, увлеченіе личностью императора Павла, стремленіе вовлечь Россію въ общеевропейскую политику, играя на русско-прусскихъ симпатіяхъ, главнымъ образомъ, въ интересахъ Савойскаго дома. Руководствуясь подобными взглядами, Бальбо и развиваетъ свой проэктъ особаго сепаратнаго отъ Австріи союза Россіи съ Сардиніей. Положеніе дѣлъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, какъ нельзя болѣе этому способствовало[2]). Отношенія между Россіей и Австріей приняли натянутый характеръ: съ одной стороны, боязнь отзыва Россіею своихъ войскъ съ театра военныхъ дѣйствій, съ другой — заключеніе австрійцами второго мира съ Франціей, подобнаго Кампоформійскому[3]), въ которомъ Сардинскому королевству пришлось бы сыграть роль Венеціанской республики. На столкновеніи двухъ императорскихъ дворовъ Сардинскому королю можно многое выиграть; не надо только опасаться разрыва: до этого дѣло у нихъ никогда не дойдетъ, и русскія войска не будутъ отозваны изъ Италіи[4]). Нуждаясь въ Россіи, Австрійскій импе-

---

1) Письмо отъ 4-го марта 1800 г.

2) Его письма отъ 20-го ноября 1799 г., 31-го января и 4-го марта 1800 г.

3) Миръ 1797 года, по которому Австрія признала французскія завоеванія въ Италіи, получивъ въ свою очередь Венецію.

4) Въ письмахъ Бальбо мы находимъ отголосокъ того мнѣнія, что недовольный Австріею Суворовъ тѣмъ не менѣе не желалъ возвращенія въ Россію и стоялъ за продолженіе военныхъ дѣйствій въ интересахъ Сардинскаго короля. На первой своей аудіенціи у государя Бальбо заявилъ, что Карлъ-Эммануилъ видитъ единственную свою поддержку въ русскомъ войскѣ; онъ это сдѣлалъ, по его словамъ, такъ какъ опасался отзыва войска, хотя и не совсѣмъ вѣрилъ въ возможность подобнаго распоряженія со стороны императора Павла; при этомъ онъ добавляетъ: «Je ne désespère pas que ce retour puisse se combiner; car j'ai lieu de croire que cela n'est pas éloigné des vues du prince Souworoff, lequel aime mieux être employé en Italie qu'en Allemagne» (письмо 2-го декабря 1799 г.). Въ письмѣ отъ 4-го марта 1800 г., вслѣдъ за приведенной выше характеристикой императора Павла и его политики, мы читаемъ: «Je suis informé que le prince Souworoff a écrit à l'Empereur de Russie, qu'il avouait qu'on ne pouvait plus agir conjointement avec les Autrichiens, mais qu'il croyait que son honneur était intéressé à poursuivre la guerre et à agir séparément avec cent mille hommes, s'il le fallait». Суворовъ дѣйствительно не покидалъ мысли о новомъ походѣ въ Италію послѣ выхода изъ этой страны, какъ видно изъ его переписки съ эрцгерцогомъ Карломъ; однако, какъ кажется, этотъ новый походъ рисовался ему по прежнему въ союзѣ съ Австріей (Милютинъ, т. II, стр. 319—334).

раторъ принужденъ будетъ согласиться на сепаратный союзъ этого послѣдняго съ Сардиніей, какъ это ни было ему прискорбно. Съ другой стороны, врядъ ли можно предположить, чтобы моментъ былъ благопріятенъ для заключенія мира между Франціей и Австріей, чего боится Россія: побѣдоносная Франція врядъ ли первая сдѣлаетъ какія-либо мирныя предложенія. Такимъ образомъ и этого, въ сущности, королю опасаться нечего. Наконецъ, Англія ни за что не отстанетъ отъ Россіи[1]); если же она будетъ держать сторону Австріи, то нужно только стараться дѣйствовать не черезъ Витворта[2]), который на половину австріецъ, а черезъ лорда Минто[3]). Надежду на осуществленіе союза Россіи съ Сардиніей могла дать Бальбо, кромѣ того, вся предыдущая политика Россіи, начиная съ 1797 года; извѣстно, что въ противоположность Австріи, желавшей, чтобы всѣ дѣла коалиціи рѣшались исключительно ею самою, Россіею и Англіею, императоръ Павелъ признавалъ бо́льшую самостоятельность за второстепенными державами, и самое его присоединеніе къ коалиціи началось съ заключенія Россіею отдѣльныхъ союзовъ съ Неаполемъ и Портою[4]). Въ глазахъ Бальбо его проэктъ не былъ, такимъ образомъ, какимъ-нибудь новшествомъ. Его ободрилъ наконецъ тотъ пріемъ, который онъ встрѣтилъ, по его словамъ, на первой аудіенціи у государя, и то предупредительное отношеніе къ интересамъ его короля, какое онъ уже раньше замѣтилъ при Русскомъ дворѣ.

Первыя соображенія о возможности союза высказаны Бальбо въ его письмѣ отъ 4-го января 1800 года, одновременно съ сообщеніемъ о томъ, какое негодованіе произвело въ Петербургѣ извѣстіе объ оскорбленіи австрійцами русскаго флага въ Анконѣ. Это еще болѣе ухудшило отношенія между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами; однако можно предположить, что для Бальбо этотъ инцидентъ далъ лишь поводъ высказать свои задушевныя мысли. Есть основанія думать, что еще до своего отъѣзда Бальбо былъ извѣстенъ какъ сторонникъ сближенія съ Россіей, тогда какъ завѣдывающій канцеляріей Сар-

1) «Elle tient la Russie par les cheveux».
2) Англійскій посолъ при Русскомъ дворѣ.
3) Англійскій посолъ при Австрійскомъ дворѣ.
4) Милютинъ, т. I, стр. 71 и 73.

динскаго короля графъ Шаламберъ рисуется намъ, какъ симпатизирующій болѣе Австріи.

Въ одномъ изъ писемъ этого послѣдняго, еще отъ 14-го декабря 1799 года, *когда Бальбо только что пріѣхалъ въ Россію*, читаемъ: «ce n'est qu'en Russie, qu'on pourrait se flatter d'une alliance»[1]).

Бальбо предполагалъ сперва заключить союзъ условно (sup sperati), не сносясь съ своимъ правительствомъ, но въ Петербургѣ на это не согласились, такъ какъ у него не было посольскихъ полномочій. Излагая подробно проэктъ договора, онъ усиленно просилъ, чтобы его снабдили полномочіями и повысили въ военной службѣ. Союзный договоръ, по мнѣнію Бальбо, долженъ былъ сводиться къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Между Россіей и Сардиніей заключается оборонительный союзъ для того, чтобы ихъ правители стали помогать другъ другу въ защитѣ своихъ владѣній, правъ, торговыхъ выгодъ и прерогативъ. 2) Въ случаѣ помощи Россія обязывается выставить 12000 человѣкъ войска; Сардинія — 10000. Еслибы Русскій императоръ поручилъ командованіе надъ своимъ отрядомъ своему адъютанту, то онъ получаетъ начальствованіе и надъ всѣми пьемонтскими войсками. 3) Союзное войско получаетъ жалованіе отъ той страны, которая его выставляетъ, а провіантъ и фуражъ — отъ той, которая его требуетъ, въ равныхъ размѣрахъ съ собственнымъ войскомъ этой послѣдней. 4) Въ случаѣ замѣны посылки войска денежной помощью, каждые 10000 человѣкъ оцѣниваются въ 500000 рублей. 5) Союзная страна можетъ отозвать свое войско въ случаѣ, если будетъ произведено вторженіе въ ея собственные предѣлы, но тогда она должна предупредить объ этомъ за два мѣсяца. 6) Союзъ не долженъ имѣть значенія угрозы противъ какой бы то ни было державы. 7) Онъ заключается на восемь лѣтъ. 8) Кораблямъ Русскаго императора и его союзниковъ открываются всѣ гавани острова Сардиніи, гдѣ они могутъ запасаться всѣмъ

---

1) Arch. Tor. Inghilterra. Letteri ministri. Mazzo 98. Сардинскій королевскій домъ былъ вообще въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Павломъ Петровичемъ и его семействомъ еще за долго до описываемаго нами времени. Сравни нашу замѣтку: «Изъ переписки великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны съ Сардинскимъ королевскимъ домомъ» (*Русская Старина* 1899 г., октябрь). Для даннаго времени можно предположить существованіе въ савойскихъ придворныхъ сферахъ руссофильскаго теченія.

необходимымъ для дальнѣйшаго плаванія, и Россіи предоставляются различныя торговыя льготы. Нѣсколько позднѣе Бальбо указывалъ, кромѣ того, что въ случаѣ заключенія союза съ Россіей слѣдовало бы озаботиться и заключеніемъ таковаго же съ Неаполитанскимъ дворомъ, хорошія отношенія котораго съ Петербургскимъ онъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ въ своихъ письмахъ[1]).

Бальбо подчеркивалъ, что союзъ долженъ быть оборонительнымъ и имѣть въ виду лишь защиту тѣхъ владѣній Сардинскаго короля, которыя онъ еще не потерялъ; однако уже въ примѣчаніи къ его первому пункту онъ выражалъ надежду, что ему удастся выговорить со стороны Россіи помощь королю для возвращенія имъ своихъ владѣній за Альпами, которыя онъ потерялъ въ послѣднюю войну. Объ этомъ, по его словамъ, онъ уже имѣлъ разговоръ съ Панинымъ, разговоръ, позволяющій ему надѣяться въ данномъ случаѣ на успѣхъ. Вообще, наступательные планы Сардиніи принимались Бальбо въ разсчетъ, но только были тщательно имъ скрываемы. Нѣсколько ранѣе, въ письмѣ отъ 19-го февраля, онъ указывалъ, что если дѣло дойдетъ до уничтоженія Генуэзской республики, на что, однако, мало надежды, то этимъ случаемъ можно воспользоваться для *увеличенія* пьемонтскихъ владѣній, опираясь или на право наслѣдственнаго владѣнія Финальскимъ маркизатомъ[2]), или на право вознагражденія за потери земель за Альпами (то-есть, Ниццы и Савойи). Позднѣе онъ выражалъ сожалѣніе, что врядъ ли можно ожидать гарантіи со стороны Россіи на владѣніе этими областями, что̀ возвратило бы Сардинскому королевству первоначальные его размѣры. Его планы шли даже дальше: въ письмѣ отъ 3-го февраля онъ проэктируетъ *присоединеніе* Пармы и Пьяченцы, съ перемѣщеніемъ герцога Пармскаго въ Геную. «Конечно», добавляетъ онъ,—«здѣсь (въ Петербургѣ) я избѣгаю говорить о чемъ-либо другомъ, кромѣ возвращенія королю его владѣній. Однако въ Лондонѣ и Берлинѣ могли бы понять, что спасеніе Италіи требуетъ *увеличенія* владѣній короля, и если императоръ и итальянскіе владѣтели расширяютъ свои владѣнія, то *равновѣсіе* требуетъ того же и

1) Письмо отъ 3-го февраля 1800 г.

2) Герцогство Финальское (Finale), первоначально принадлежавшее Савойской династіи, было уступлено Генуѣ въ 1713 году.

для его королевскаго высочества». Эта фраза, какъ намъ кажется, хорошо опредѣляетъ дипломатическое credo Бальбо въ началѣ его миссіи. Онъ стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ тотъ, чьей политикой онъ такъ увлекался, — императоръ Павелъ. Послѣдній ставилъ своею задачей возрожденіе до-революціоннаго строя въ Европѣ и возвращеніе законнымъ правителямъ ихъ владѣній. У Бальбо въ его проэктѣ союза, хотя онъ и говоритъ о защитѣ привиллегій законныхъ правителей, отвлеченная идеалогія играетъ еще очень мало роли. *Усиленіе* Сардинскаго короля подъ предлогомъ сохраненія политическаго равновѣсія и *увеличеніе* его владѣній — вотъ его конечная цѣль. Возставая противъ завоевательныхъ плановъ Тугута, онъ въ сущности стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ Австрійскій дворъ. Онъ дипломатъ XVIII вѣка, для котораго на первомъ планѣ династическіе интересы и сохраненіе политическаго равновѣсія.

Обыкновеннымъ средствомъ для укрѣпленія политическаго союза въ XVIII вѣкѣ являлись браки между царствующими домами. Бальбо также проэктируетъ бракъ между герцогомъ Женевскимъ[1]) и одною изъ русскихъ великихъ княженъ, дочерей императора Павла Петровича. Ему удалось, по его словамъ, получить конфиденціально свѣдѣнія о тѣхъ дочеряхъ государя, которыя къ этому времени еще не были выданы замужъ. Свѣдѣнія эти нѣсколько расходятся съ тѣмъ, что̀ вообще извѣстно о судьбѣ дочерей Павла Петровича. Въ 1800 году не замужемъ оставались великія княжны: Марія, Екатерина и Анна. Но первыя двѣ изъ нихъ, по словамъ Бальбо, уже просватаны: первая за герцога Саксенъ-Готскаго; вторая — за палатина Баварскаго[2]).

---

1) Герцогство (вначалѣ графство) Женевское, одна изъ провинцій Сардинскаго королевства, принадлежало сперва графамъ Женевскимъ (откуда и его названіе, хотя городъ Женева никогда не входилъ въ его составъ). Въ XVI в. оно было присоединено къ Савойѣ; съ 1792 по 1815 г. составляло часть французскихъ владѣній. Титулъ герцога Женевскаго въ описываемое время носилъ братъ Карла-Эммануила IV, Карлъ-Феликсъ, занимавшій сардинскій престолъ съ 1821 по 1831 г. и остававшійся до конца жизни вѣрнымъ своему девизу: «Je ne suis pas roi pour être tourmenté». Съ нимъ пресѣклась старшая вѣтвь Савойскаго дома, и престолъ перешелъ къ герцогамъ Карньянскимъ.

2) Напомнимъ, что позднѣе великая княжна Марія Павловна была замужемъ за герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, и въ данномъ случаѣ въ письмо Бальбо легко могла вкрасться ошибка. Нѣсколько позднѣе графъ Жозефъ де-Мэстръ, осуждая этотъ бракъ, говоритъ, что на него рѣшились «въ силу какого-то суевѣрія относительно

Рука послѣдней — Анны Павловны — была еще свободна, и хотя ей въ то время было только четыре года, однако, въ будущемъ, по мнѣнію Бальбо, герцогъ Женевскій могъ на нее разсчитывать. Дополненіемъ къ этому браку могъ бы служить, думаетъ онъ, бракъ одного изъ Савойскихъ принцевъ на Неаполитанской принцессѣ; интересы и принципы какъ Петербургскаго, такъ и Неаполитанскаго двора одинаковы: политика и того и другого направлена противъ Тугута («on est aussi anti Thugut, que nous puissons l'être»). Нѣкоторымъ затрудненіемъ къ браку съ русской великой княжной является то обстоятельство, что въ Россіи врядъ ли согласятся на принятіе ею католичества; Австрія не сумѣла настоять на этомъ при выходѣ замужъ великой княжны Александры Павловны[1]), и врядъ ли въ настоящее время возможно ожидать подобной уступки для Сардиніи. Бальбо успокаивается однако тѣмъ, что въ будущемъ, какъ говорятъ, палатина Венгерская перемѣнитъ вѣроисповѣданіе[2]).

Вообще надо замѣтить, что Бальбо не проявлялъ особенной ревности къ интересамъ католической религіи, не смотря на внушенія въ этомъ направленіи со стороны самого Сардинскаго правительства, и смотрѣлъ на вѣроисповѣдные вопросы исключительно съ политической точки зрѣнія. Для даннаго времени это небезынтересно. Религіозная реакція, явленіе характерное для начала XIX вѣка, еще не коснулась его, и не изъ чего не видно, чтобы, преданный интересамъ своего края, Бальбо былъ ревностнымъ католикомъ, каковыми сдѣлались многіе сторонники стараго строя подъ вліяніемъ событій революціонной эпохи. Какая разница въ этомъ отношеніи между нимъ и его ближайшимъ преемникомъ въ должности министра Сардинскаго короля при Русскомъ дворѣ графомъ Жозефомъ де-Мэстромъ, въ которомъ католическія и папистскія симпатіи даже перевѣшивали его абсолютистическія тенденціи. Значительный религіозный индиферентизмъ Бальбо проявился довольно ярко еще и при другомъ случаѣ. Извѣстно, что надежды на

обѣщанія, даннаго, какъ говорятъ, императоромъ Павломъ» (*Русскій Архивъ* 1871 г., стр. 63). Великая княжна Екатерина Павловна была въ первомъ бракѣ за герцогомъ Ольденбургскимъ, во второмъ — за королемъ Виртембергскимъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ, очевидно, о палатинѣ Максимиліанѣ-Іосифѣ, перемѣнившемъ въ 1805 г. свой титулъ на титулъ короля Баварскаго.

1) За палатина Венгерскаго.

2) Предположенія о бракѣ — въ письмѣ Бальбо отъ 31-го января 1800 г.

успѣхи католической религіи въ Россіи связывались въ то время, между прочимъ, съ принятіемъ императоромъ Павломъ Мальтійскаго гроссмейстерства. Объ этомъ послѣднемъ приходилось говорить и Бальбо въ своихъ письмахъ; однако, подобной точки зрѣнія на это событіе мы у него совершенно не находимъ. Когда возникли нѣкоторыя затрудненія при признаніи Павла гроссмейстеромъ, король Карлъ-Эммануилъ настойчиво указывалъ, что онъ не можетъ признать Русскаго императора духовнымъ главою ордена. Но Бальбо отвѣчалъ, что въ Петербургѣ желаютъ только свѣтскаго главенства, и что вообще возбуждать какіе-либо вопросы по этому поводу не время, такъ какъ это можетъ возбудить неудовольствіе государя и вредно отразиться на интересахъ короля [1]).

Какъ относилось Сардинское правительство ко всѣмъ этимъ замысламъ и предположеніямъ своего посланника при Петербургскомъ дворѣ?

Отношеніе его было довольно нерѣшительное. Нѣтъ сомнѣнія, что на Россію Сардинія въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ она находилась, возлагала большія надежды. Въ самомъ началѣ путешествія Бальбо, когда онъ еще не пріѣхалъ въ Россію, графъ Шаламберъ писалъ ему, что желаніе короля — чтобы онъ скорѣе отправлялся въ Петербургъ. Бальбо указывалось, что онъ долженъ дать понять, что отъ Россіи ждутъ измѣненій, выгодныхъ для короля, и совѣтовалось благодарить Россію. Но одновременно съ этимъ графъ Шаламберъ находилъ нужнымъ сдерживать молодого посланника и не разъ давалъ ему совѣтъ — постараться не оскорблять Вѣнскій дворъ. Сардинское правительство считало, что ему было бы болѣе на руку, если отношенія между Россіей и Австріей улучшились; на возможности улучшенія этихъ отношеній графъ Шаламберъ строилъ гораздо болѣе, чѣмъ на идеи сепаратнаго союза съ Россіей. Союзъ этотъ также былъ желателенъ, но, какъ откровенно высказывалъ самъ Карлъ-Эммануилъ въ своемъ письмѣ къ Бальбо отъ 8-го февраля 1800 г.,

---

1) Письмо графа Шаламбера къ Бальбо отъ 17-го мая 1800 г. (Registro delle Cor-ze, vol. II) и письмо Бальбо безъ даты, приложенное къ донесенію короля отъ 17-го іюня 1800 г.

его боялись, такъ какъ онъ грозилъ разрывомъ между Россіей и Австріей. Сардинскій король не могъ забыть, что Германскій императоръ въ дружественной съ нимъ перепискѣ все-таки обѣщалъ возстановить его въ его владѣніяхъ; съ другой стороны, русскія войска ушли уже изъ Италіи, Пьемонтъ формально находился въ рукахъ австрійцевъ, а силы самой Сардиніи были въ сущности ничтожны.

Таковы были мотивы, заставлявшіе колебаться Сардинское правительство дать свое согласіе на заключеніе союза съ Россіей—мотивы, изложенные въ письмахъ короля и графа Шаламбера къ Бальбо[1]). Изъ писемъ графа Шаламбера къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ мотивы этого колебанія выступаютъ намъ еще яснѣе. На Россію надѣялись; это безусловно вѣрно, какъ вѣрно и то, что боялись ея разрыва съ Австріей. Самый союзъ съ Россіей казался опаснымъ, такъ какъ это дало бы поводъ Германскому императору заключить миръ съ Франціей[2]). Съ другой стороны, какъ кажется, находили, что отъ этого союза можно ждать меньше, чѣмъ ожидаетъ самъ Бальбо; цѣль союза—гарантія владѣній короля и возвращеніи Ниццы и Савойи, но на послѣднее Россія согласится, быть можетъ, только подъ условіемъ соотвѣтственной уступки на побережьѣ[3]). Не соглашаясь на союзъ немед-

1) Arch. Tor. Registro delle Cor-ze di S. M. con gli ministri alle corti estere dalli 10 maggio 1800 alle 20 gen. 1801. Vol. I. (Inghilterra. Lettere ministri. Mazzo 99).

2) «Le roi a préféré le parti de faire expliquer sincèrement à ce ministre (Balbe) les motifs impérieux, qui nécessitent d'exiler le risque de rompre avec l'empereur d'Allemagne, qui peut être ne souhaite pas mieux que d'avoir un prétexte plausible de stipuler la paix avec la France *et de disposer* de l'Italie» (Шаламберъ Валэзу, Сардинскому послу въ Вѣнѣ, 8-го февраля 1800 г.—Inghilterra. Lettere ministri. Mazzo 98).

3) Графъ Шаламберъ къ де-Фронъ, Сардинскому послу въ Лондонѣ, 1-го марта 1800 г.—Тамъ же. Наконецъ, въ письмѣ графа Шаламбера къ Валэзу отъ 14-го февраля 1799 г. мы находимъ и еще одинъ мотивъ противъ заключенія союза. Сардиніи не столько надо стараться вступить въ какой-либо союзъ, который все таки возложитъ на нее кое-какія обязательства, сколько стараться получить субсидіи; это освободило бы его отъ какихъ бы то ни было отношеній къ собственно пьемонтской казнѣ и развязало бы руки; пусть Австрія занимаетъ Пьемонтъ; король не обязанъ его защищать, но оставляетъ за собою притязанія на эту страну при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Кто дастъ субсидіи — Россія или Англія — безразлично. Кажется, однако, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ частнымъ случайнымъ мнѣніемъ графа Шаламбера: слишкомъ оно противорѣчитъ всѣмъ заботамъ Сардинскаго правительства немедленно вернуть потерянныя земли. Вотъ это мѣсто въ письмѣ: «Je voudrais bien que ce fût la cour de Russie ou bien celle d'Angleterre qui se détermine à nous fournir *ce qu'il nous faut* pour cet objet.—Alors n'ayant rien à demander aux finances de Piémont, le Roi pourrait adopter le système de passivité, c'est à dire de ne point s'opposer aux entreprises

ленно, ничего не имѣли, однако, противъ участія русскаго министра въ переговорахъ съ Вѣною, гдѣ должно было затронуть вопросъ и о дальнѣйшей судьбѣ Пьемонта[1]).

Съ апрѣля 1800 г. отношеніе Сардинскаго правительства къ мысли о союзѣ съ Россіей начинаетъ, однако, измѣняться. Къ этому времени, какъ извѣстно, окончательно выяснился характеръ новаго переворота, совершившагося во Франціи, вырвавшаго власть изъ рукъ директоріи и передавшаго ее въ руки перваго консула Наполеона Бонапарта.— Подготовлялось новое вторженіе французовъ въ Италію; медлить было нельзя. Съ другой стороны опасность заключенія мира между Франціей и Австріей миновала; Карлъ-Эммануилъ чувствовалъ, что руки у него развязаны. А въ то же время Австрія ничего не дѣлала для Сардиніи, и получались тревожныя вѣсти, что лордъ Минто, на котораго, какъ мы видимъ, такъ надѣялись, совершенно раздѣляетъ завоевательные взгляды Тугута. 19-го апрѣля 1800 года Бальбо были посланы полномочія на заключеніе союза, и при этомъ отправлено личное письмо короля къ императору Павлу. Нѣсколько ранѣе, 1-го марта, графъ Шаламберъ сообщилъ Бальбо свои заключенія на его проэктъ союзнаго договора[2]).

Въ своихъ замѣчаніяхъ графъ Шаламберъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы будущіе союзники не только гарантировали другъ другу ихъ владѣнія, но чтобы еще со стороны Россіи дано было обѣщаніе возвратить Сардиніи земли, потерянныя ею за послѣднее время. Кромѣ того, указывая, что содержаніе русскихъ войскъ обходится яко бы гораздо дешевле, чѣмъ содержаніе войскъ сардинскихъ, и что пространство Россіи во много разъ больше превосходитъ пространство Сардиніи, онъ находитъ, что взамѣнъ 10000 человѣкъ. Россія можетъ обѣщать не 12000, но всѣ 20000. Онъ считаетъ также желательнымъ,

---

de la cour de Vienne, faute de moyens sans y donner pourtant une condescendance positive, se réservant par là une porte aux réclamations, aussitôt que les circonstances les permettront (Inghilterra. Lettere ministri. Mazzo 98).

1) Любопытно, что при извѣстіи о назначеніи въ Вѣну вмѣсто Колычева Разумовскаго графъ Шаламберъ находилъ, что въ такомъ случаѣ участіе русскаго министра въ означенныхъ переговорахъ не только безполезно, но даже вредно для дѣла короля, и о союзѣ нечего и думать: его письмо къ Валэзу отъ 22-го апрѣля 1800 г. (Inghilterra. Lettere ministri. Mazzo 98).

2) Registro delle cor-ze, vol. I.

чтобы помощь войскомъ всегда могла быть замѣнена денежною субсидіей. Что же касается до льготъ русскому флагу въ Сардиніи, то на это графъ Шаламберъ писалъ, что Россіи могутъ быть предоставлены привиллегіи на правахъ наиболѣе дружественной державы; быть можетъ, только за это удастся выхлопотать увеличеніе цифръ вспомогательныхъ войскъ Россіи. Король, съ своей стороны, соглашаясь въ общемъ съ замѣчаніями своего министра, прибавлялъ только желаніе, чтобы точно было оговорено, что помощь была обязательна только въ случаѣ войны *въ Европѣ*, и чтобы взамѣнъ торговыхъ льготъ Россія выхлопотала бы для Сардиніи у Турціи свободный проходъ въ Черное море и защиту со стороны этой послѣдней для сардинскихъ кораблей отъ варварическихъ народностей[1]). Что касается брачнаго союза между Русскимъ и Сардинскимъ дворами, то раздѣляя въ общемъ взгляды на этотъ вопросъ Бальбо, король находилъ, что спѣшить съ этимъ не слѣдуетъ[2]).

Легко замѣтить, разбирая уже проэктъ самого Бальбо, что предполагаемый союзъ съ Россіей, не смотря на все формально-равное распредѣленіе всѣхъ его предполагаемыхъ выгодъ между обоими союзниками, былъ въ сущности крайне одностороннимъ, направленнымъ почти исключительно къ выгодѣ Сардиніи. Этой послѣдней въ гораздо большей степени, чѣмъ Россіи, грозила въ то время опасность вооруженнаго вторженія съ какой бы то ни было стороны. Завоевательныхъ стремленій императоръ Павелъ, какъ извѣстно, не питалъ; у Сардиніи же, какъ видно изъ самого проэкта, были планы относительно возвращенія силою оружія Савойи и Ниццы. Тотъ оттѣнокъ, какой хотѣли придать союзу король Карлъ-Эммануилъ и графъ Шаламберъ, черезъ-чуръ уже явно обнаруживалъ бы односторонность союза, и это замѣтилъ самъ Бальбо. Находя затруднительнымъ придать союзу явно наступательный характеръ, онъ указываетъ также на несправедливость мнѣнія, будто бы содержаніе русскихъ войскъ обходится крайне дешево, и поэтому считаетъ невозможнымъ требовать отъ Россіи чрезмѣрно

1) «Les barbaresques» — Триполисъ, Тунисъ, Алжиръ и Марокко.

2) S. M. a agré les notions que vous lui avez donné touchant le mariage du Duc de Génévois. D'après les réflexions que vous faites à cet egard, n'y ayant aucune nécessité d'en parler dès à présent, S. M. se réserve en son temps de vous faire passer ses ordres (графъ Шаламберъ къ Бальбо, 15-го марта 1800 г. Reg. — d. cor-ze. vol. I).

бо́льшей помощи. Съ другой стороны, онъ находитъ, что право замѣнять помощь войскомъ денежною субсидіей не принесетъ пользы Сардиніи, такъ какъ подобнаго рода субсидія со стороны Россіи всегда будетъ имѣть гораздо меньше значенія, чѣмъ ея войска.

Сношенія Россіи съ Сардиніей были въ то время крайне затруднительны; корреспонденція шла очень медленно и получалась неправильно. Бальбо могъ сдѣлать всѣ свои возраженія на замѣчанія по поводу союза лишь въ половинѣ мая; дополненіе къ своимъ замѣчаніямъ онъ дѣлаетъ еще въ своихъ письмахъ отъ половины іюня.

Положеніе дѣлъ къ этому времени значительно измѣнилось; измѣнился (въ деталяхъ) и взглядъ Бальбо на взаимныя отношенія Россіи и Сардиніи и на то, какъ надлежало поступать Сардинскому правительству въ его затруднительномъ положеніи. Уже черезъ два мѣсяца послѣ отправки къ графу Шаламберу проэкта союза Бальбо начинаетъ выражать сожалѣніе, что въ Сардиніи колеблятся заключить союзъ съ Россіей. Недовольно этимъ колебаніемъ и само Русское правительство, и Бальбо съ горестью въ сердцѣ («le coeur navré de douleur») констатируетъ очень замѣтную холодность къ интересамъ его короля, заступившую собою живое участіе къ нимъ, бывшее въ концѣ 1799 и самомъ началѣ 1800 года.

Онъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ печальныхъ симптомовъ, истолковывая иногда въ неблагопріятномъ для своего дѣла смыслѣ такія событія, которыя и не имѣли къ нему ближайшаго отношенія. Въ началѣ ему намекнули на возможность пожалованія ордена св. Андрея Первозваннаго герцогу Аостскому; теперь объ этомъ нѣтъ болѣе рѣчи; ничего не говорятъ также о пожалованіи Мальтійскаго ордена или какого-нибудь другого графу Андецено, привезшему орденъ Благовѣщенія великому князю Константину Павловичу. Траппистамъ, нашедшимъ убѣжище въ русской Польшѣ, приказано покинуть предѣлы имперіи. Бальбо хлопоталъ о выдачѣ паспорта для выѣзда изъ Россіи одному иностранцу, проживавшему въ Петербургѣ; ему отказали.

Во многомъ виновато, по мнѣнію Бальбо, само Сардинское правительство и ближайшимъ образомъ—графъ Шаламберъ. Съ Вѣною продолжается не только офиціальная, но и дружеская переписка, въ особенности послѣ миссіи туда Спаньолини, встрѣченной крайне неблагопріятно въ Петербургѣ. А между тѣмъ Тугутъ лишь пользуется этою

перепискою, какъ ловушкою, чтобы отвлечь короля отъ того, кто могъ бы быть его вѣрною опорою. Надѣются, къ тому же, слишкомъ на Англію, которая болѣе близка съ Австріей, чѣмъ съ Россіей. Поѣздка де-Фронъ въ Вѣну, гдѣ его присутствіе въ настоящее время было бы очень полезно, все оттягивается[1]). Самъ король, вмѣсто того чтобы оставаться въ Кальяри, переѣхалъ въ Тоскану и оставался во Флоренціи, области, находящейся подъ австрійскимъ вліяніемъ, что̀ опять-таки можетъ возбудить подозрѣніе въ Россіи. Россіи оказываютъ, наконецъ, слишкомъ мало вниманія, и въ то время, какъ имѣютъ пословъ въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, въ Петербургъ таковаго не назначаютъ[2]).

Всѣ эти упреки Бальбо по адресу своего правительства принимаютъ постепенно все болѣе и болѣе нервный тонъ[3]), и въ нихъ все рѣзче звучитъ нота горькаго упрека графу Шаламберу[4]).

---

1) Де-Фронъ — Сардинскій посолъ въ Лондонѣ. — Бальбо вообще относился къ нему очень сочувственно, находя солидарнымъ съ собою по взглядамъ. Вотъ почему, вѣроятно, онъ такъ желалъ посылки этого дипломата въ Вѣну. Изъ письма отъ 4-го апрѣля 1800 г. мы узнаемъ, что эта посылка долгое время не могла состояться вслѣдствіе отказа кавалера Ревеля замѣщать де-Фронъ въ Лондонѣ. «Le refus de mr. le Chev. de Revel de se rendre à Londres a été très funeste, et si mr. le C-te de-Front n'arrive au plutôt, le Roi est perdu».

2) Самъ Бальбо былъ лишь посланникъ, но не уполномоченный посолъ.

3) «Si en contrariant même les ordres positifs de V. M., je saurais et pourrais trouver un moyen de forcer la main de V. M. et la contraindre à signer cet heureux papier, je la saisirais avec ardeur, dussé je porter le moment après ma tête sur l'échafaud, et je croirais avoir assez bien servi la maison de Savoie». (Письмо къ королю отъ 28-го марта 1800 года).

4) «Il est juste qu'on sache au moins que le chev. Balbe n'avait rien négligé pour assurer à son souverain un appui honorable, avantageux et sûr, qu'il avait été non assez habile, mais heureux pour y réussir et que mr. le comte Chalambert avait jugé dans sa sagesse de rejeter tout cela. Il est à croire que la génération présente, comme les générations futures, admireront sans doute l'heureux génie de m-r le c-te Chalambert». (Письмо отъ 3-го апрѣля 1800 г.). Въ письмѣ отъ 24-го марта Бальбо по пунктамъ перечислялъ всѣ ошибки, допущенныя графомъ Шаламберомъ, и находилъ, что ему остается одно — выходить въ отставку. Вотъ эти пункты:

1. Le départ de Cagliari après la seconde lettre de M-r Souvorow, qu'on soit parvenu avant ce départ.

2. La halte en Toscane, où il aurait fallu voler, puisqu'on était en chemin.

3. Le séjour à Florence.

4. N'avoir point envoyé des ordres et des instructions à temps à la personne qui venait à Pétersbourg, laquelle a dû arriver le dix novembre avec la seule lettre du Roi du six mai, chose incroyable.

Событія шли, однако, своимъ чередомъ, и не все въ нихъ было таково, что̀ могло бы доставить Бальбо лишь пущее безпокойство. Къ іюню мѣсяцу письма его принимаютъ болѣе спокойный тонъ, его взглядъ на будущее — болѣе оптимистиченъ. Къ этому времени онъ получилъ уже извѣстіе о томъ, что Сардинское правительство, въ принципѣ, не противъ союза съ Россіей (какъ мы уже видѣли, къ этому времени относится его вторичное возраженіе на замѣчанія графа Шаламбера). Съ другой стороны, блеснула надежда, что отношенія между Россіей и Англіей нѣсколько улучшаются, и это позволяло разсчитывать на ихъ совмѣстное воздѣйствіе на Австрію. Главные виновники, по мнѣнію Бальбо, русско-австрійскаго столкновенія, Витвортъ и Кобенцель[1]), покинули временно Петербургъ. Не желая принимать ихъ передъ отъѣздомъ, но въ то же время имѣя въ виду сближеніе съ Англіей, государь вовсе отмѣнилъ пріемъ иностранныхъ пословъ на нынѣшній годъ[2]). Въ то же время, однако, онъ поручилъ увѣдомить Бальбо въ его расположеніи къ Карлу-Эммануилу. Ободренный всѣмъ этимъ, Бальбо снова дѣлалъ представленіе Панину на возможную со

---

5. De ne point avoir destiné un ministre à Pétersbourg, lorsqu'on a destiné à Vienne et à Londres.

6. Ne point avoir songé à temps à cette heureuse alliance, qui aurait déjà sauvé le Roi.

7. La terrible mission de M-r Spagnolini.

8. La confiance illimitée envers le Bar. Thugut.

9. N'avoir point accéléré l'arrivée de S. E. M-r le C-te Defront.

Enfin point de plan, trop d'incertitude et trop de crainte, ce qui est bien loin d'être de la prudence.

Voilà, M-r, des griefs qu'on vous fera éternellement. D'après tout cela si l'on cherche le meilleur conseil que le meilleur de vos amis peut vous donner, d'abord le mot retraite». Любопытно, что упреки графу Шаламберу дѣлаются Бальбо въ этомъ письмѣ не только отъ своего имени, но также отъ имени Сардинскихъ посланниковъ въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ — Де-Фронъ, Кастельфьери и Валлэза. Самому королю Бальбо осторожно намекалъ на непригодность, на его взглядъ, графа Шаламбера. Въ письмѣ къ нему отъ того же 24-го марта онъ предупреждаетъ его, что въ Вѣнѣ пользуются тѣмъ, что легко можно дѣйствовать на Шаламбера, играя на его чуткомъ отношеніи къ интересамъ короля.

1) Австрійскій посолъ при Русскомъ дворѣ.

2) «Le véritable objet de cette détermination de S. M. Imp. de ne point voir les ministres étrangers pour cette année, c'est que n'ayant accordé l'audience de congé au comte Cobentzel, ni au chevalier Vitvort, on veut laisser une porte ouverte pour un rapprochement avec la Cour de Londres sur tout ce qui serait bien désirable». (Письмо отъ 1-го іюля 1800 г.).

стороны Австріи опасность для Сардинскаго королевства, указывая, что разъ она предала Майнцъ и имперскихъ князей[1]), можно опасаться, что во второй разъ она предастъ Пьемонтъ, желая утвердить за собою Ломбардію или остатокъ Венеціанскихъ владѣній. Панинъ, намекая на сближеніе Россіи съ Пруссіей, успокаивалъ Бальбо и увѣрялъ его, что приняты уже мѣры, и что ничего подобнаго Кампоформійскому миру повториться не можетъ[2]).

Къ серединѣ 1800 года относится начало военныхъ успѣховъ Наполеона, *какъ консула* Французской республики. Въ маѣ французскія войска вторично вторглись въ Италію; въ іюнѣ былъ снова занятъ Пьемонтъ, Ломбардія, Тоскана, Лигурія и возстановлена Цизальпинская республика. Если паденіе директоріи и провозглашеніе консульства содѣйствовали отчасти тому, что Сардинское правительство измѣнило въ благопріятную сторону свой взглядъ на союзъ съ Россіей, то новые успѣхи французовъ въ Италіи вызвали, въ свою очередь, только что отмѣченное представленіе Бальбо графу Панину. Это представленіе—результатъ письма графа Шаламбера отъ 26-го мая 1800 года, въ которомъ онъ извѣщалъ Бальбо о томъ, что французы двинулись къ Пьемонту, что австрійская армія Крайя на Рейнѣ разбита, и что, поэтому не мѣшало бы заключить союзъ съ Россіей. Опасеніе со стороны Австріи возрастало такимъ образомъ у Сардинскаго правительства по мѣрѣ того, какъ росла опасность со стороны Франціи. Вѣрный самому себѣ, графъ Шаламберъ и въ данномъ случаѣ совѣтовалъ не спѣшить. Теперь не спѣшилъ, однако, съ союзомъ и самъ Бальбо. Время для этого, по его мнѣнію, прошло[3]). Если на что разсчитывать—такъ это на общее примиреніе. Очевидно, Бальбо понималъ, что упроченіе во Франціи правительственной власти, чѣмъ было въ сущности провозглашеніе консульства, повлечетъ за собою измѣненіе въ отношеніяхъ къ этой странѣ Россіи. Съ этого времени онъ заботится уже не о заключеніи союза, а о томъ, чтобы въ предстоящихъ

---

1) Письмо отъ 1-го іюля 1800 г.

2) Напомнимъ, что по тайной статьѣ Кампоформійскаго договора Германскій императоръ бралъ на себя обязательство стараться, чтобы весь лѣвый берегъ Рейна отошелъ къ Франціи (Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Перев. съ англ. М. В. Лучицкой, т. I М. 1889, стр. 110).

3) Письмо отъ 17-го іюля 1800 г.

мирныхъ переговорахъ не были забыты и интересы его короля. Болѣе опредѣленно эти заботы впервые высказываются въ нотѣ, поданной имъ графу Панину 16-го іюля 1800 года.

Нота эта была подана имъ послѣ извѣстія о битвѣ при Александріи, отдавшей, какъ извѣстно, сѣверную Италію въ распоряженіе Бонапарта[1]). Наканунѣ, ночью, по словамъ Бальбо, прибылъ курьеръ изъ Берлина, привезшій извѣстіе, что, не смотря на блестящую побѣду, Бонапартъ ищетъ посредничества Пруссіи для заключенія мира; послѣдняя соглашалась на это съ оговоркою, что будущіе переговоры должны вестись при участіи и согласіи Россіи, столь много сдѣлавшей для охраненія спокойствія въ Европѣ. На другой день послѣ этого графъ Панинъ заявилъ Бальбо, что государь находитъ время благопріятнымъ для заключенія общаго мира, согласнаго съ его собственною честью и съ интересами его союзниковъ, но что на сепаратный миръ онъ не согласится, и интересы Сардинскаго короля, близкіе его сердцу, забыты не будутъ[2]). Названная нота и была отвѣтомъ Бальбо на это заявленіе со стороны Русскаго правительства.

Напомнивъ, что до войны Сардинское королевство занимало между Франціей и Австріей мѣсто державы, хотя второстепенной, но все же достаточно солидной, чтобы охранять свою самостоятельность, и что вслѣдствіе войны обѣ названныя державы усилились въ Италіи, а Сардинское королевство ослаблено потерею Ниццы и Савойи, Бальбо во имя политическаго равновѣсія Европы и въ особенности Италіи требовалъ прежде всего возвращенія его королю всѣхъ его владѣній или по крайней мѣрѣ пропорціональнаго вознагражденія за потерю двухъ указанныхъ областей. Вторымъ пунктомъ его требованія было уничтоженіе Лигурійской и Цизальпинской республикъ, такъ какъ, по его мнѣнію, опытъ показалъ, что спокойствіе его короля и миръ и тишина въ Италіи несовмѣстимы съ существованіемъ этого новаго вида государствъ. Къ этимъ двумъ требованіямъ Бальбо присоединялъ требо-

1) Эта битва болѣе извѣстна подъ именемъ битвы при Маренго. Въ ней было собственно два сраженія. Въ первомъ (при Маренго) австрійцы подъ начальствомъ Меласа нанесли французамъ пораженіе, и только вторичная атака отряда Дезе, отступившаго передъ этимъ къ Нови, чтобы отрѣзать австрійцамъ путь на Геную, доставила французамъ полную побѣду надъ врагомъ. Это второе сраженіе произошло, когда армія Меласа вернулась къ Александріи (Файфъ, т. I, стр. 162—163).

2) Письмо отъ 17-го марта 1800 г.

ваніе возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ его королю какъ Франціею, такъ и Австріею, вслѣдствіе войны, срытія многихъ крѣпостей, возмущенія населенія и т. п.[1]). Въ заключеніе онъ выражалъ надежду, что Русскій императоръ приметъ во вниманіе справедливыя претензіи Сардинскаго короля и поддержитъ ихъ передъ своими союзниками, главнымъ образомъ передъ Прусскимъ королемъ.

Таково содержаніе ноты Бальбо отъ 16-го іюля 1800 года. Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое замѣчаніе. Въ началѣ нашего очерка мы указывали, что Бальбо руководствуется принципомъ такъ называемаго политическаго равновѣсія. Интересы своего короля онъ понимаетъ исключительно съ точки зрѣнія увеличенія объема его владѣній. Ратуя за эти интересы, онъ вовсе не ратуетъ за общественные принципы стараго порядка; онъ защищаетъ интересы короля, но не королевской власти, и даже пренебрегаетъ ради этихъ интересовъ интересами католической религіи. Эта его старая точка зрѣнія сказывается и въ первомъ требованіи его ноты 16-го іюня 1800 года. Онъ хлопочетъ о политическомъ равновѣсіи Италіи, онъ не прочь мечтать объ усиленіи матерьяльнаго могущества Сардинскаго короля. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ уже второй пунктъ его требованій. Если въ первомъ пунктѣ онъ заботится о политическомъ равновѣсіи Италіи, то во второмъ онъ тревожится о ея мирѣ и тишинѣ, чему угрожаютъ новыя государства, благодаря главнымъ образомъ ихъ внутреннему строю. Не забудемъ, что Лигурійская и Цизальпинская республики — «республики-дочери» Французской «республики-матери», вышедшей изъ революціи. Изъ дальнѣйшей переписки Бальбо мы узнаемъ, что объ уничтоженіи ихъ онъ хлопоталъ въ Петербургѣ и радовался, когда ему казалось, что его хлопоты увѣнчиваются успѣхомъ. Онъ хлопоталъ объ этомъ вмѣстѣ съ Неаполитанскимъ посломъ Серра-Капріола, и когда онъ называетъ

---

1) «Outre la démolition des forteresses par la France, celle-ci était encore de son propre aveu débitrice à S. M. de plus de trente millions.... Les Autrichiens ont ensuite pompé dans quelques mois plus de quarante millions». Бальбо не называетъ опредѣленно монетную единицу, на которую онъ здѣсь ведетъ счетъ. Въ виду того, что это текстъ ноты, поданной имъ *Русскому* правительству, можно думать, что здѣсь принята та же монетная единица, на которую онъ вычислялъ стоимость русскаго вспомогательнаго отряда въ своемъ проэктѣ союза. Тамъ онъ считаетъ *на рубли*. Сумма, въ такомъ случаѣ, получается довольно почтенныхъ размѣровъ.

этого посла «ce digne ministre des meilleurs principes»[1]), онъ придаетъ этому послѣднему выраженію нѣсколько иное значеніе, чѣмъ когда онъ въ началѣ своей миссіи выражался такъ объ императорѣ Павлѣ. Тамъ это означало несочувствіе завоевательнымъ планамъ Австріи: «les principes anti-Thugut»; здѣсь — непріязнь къ государственному строю, вышедшему изъ революціи. Въ письмѣ къ королю 23-го августа онъ прямо называетъ эти республики «horde des assassins». Если, характеризуя дѣятельность Бальбо въ началѣ его миссіи, мы назвали его дипломатомъ XVIII вѣка, то можно сказать, что теперь онъ является передъ нами дипломатомъ начала XIX вѣка, дипломатомъ-реакціонеромъ, легитимистомъ. Если тогда характеръ его дѣятельности можно было противопоставлять дѣятельности его преемника графа Жозефа де-Мэстра, то теперь по своимъ взглядамъ онъ приближается къ взглядамъ этого послѣдняго. Зарождается реакціонное настроеніе, вышедшее изъ придворныхъ сферъ мелкихъ государствъ, нашедшее себѣ поддержку у европейскихъ правителей и въ утомленномъ волненіями обществѣ и восторжествовавшее нѣсколько позднѣе на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Совѣты, которые Бальбо давалъ своему правительству въ этотъ періодъ его миссіи, въ сущности аналогичны съ болѣе ранними. Какъ тогда Сардинское правительство много портило себѣ, по его мнѣнію, излишнею близостью къ Австріи, такъ теперь такое же значеніе имѣютъ его отношенія къ Франціи. Изъ писемъ Бальбо можно предположить, что правительство Карла-Эммануила пыталось завязать непосредственныя сношенія съ побѣдителемъ[2]). Бальбо находилъ это крайне пагубнымъ и всячески предостерегалъ отъ этого короля. Все, что такъ или иначе имѣло видъ сближенія Сардиніи съ Франціей, встрѣчаетъ съ его стороны рѣзкую критику. Король съ семействомъ

---

1) Письмо 12-го августа 1800 г.

2) Въ письмѣ отъ 23-го августа 1800 г. Бальбо въ отчаяніи на малый успѣхъ его миссіи проситъ отставки и восклицаетъ: «Voilà qu'on se gâte encore les affaires par une négociation directe avec Bonaparte!» Онъ не можетъ удержаться, чтобы снова не бросить рѣзкій упрекъ графу Шаламберу: «Si de l'Enfer on vous fait une cajolerie, vous y serez tête baissée, se crois; la différence n'est pas bien grande. Toujours plus je suis persuadé que S. M. a le plus grand besoin dans les circonstances présentes de quelque personne auprès d'Elle, plus habile que vous ne l'êtes; vos talents en politique n'ont pas les applaudissement du parterre».

былъ въ это время на материкѣ, и изъ письма къ нему Бальбо отъ 23-го августа можно предполагать, что нѣкоторые совѣтовали ему вернуться въ Пьемонтъ. Бальбо находитъ, что объ этомъ нечего и думать, и что единственное мѣсто, гдѣ можетъ укрыться король, это — Кальяри, въ Сардиніи; о прямыхъ переговорахъ съ Франціей, пока существуютъ въ Италіи демократическія республики, не можетъ быть рѣчи. Переговоры должны вестись не иначе какъ черезъ Пруссію, не упоминая даже о Россіи. Въ данномъ случаѣ Бальбо могъ торжествовать: его взгляды на отношенія къ Пруссіи оправдались, и сближеніе между нею и Россіею продолжалось. Бальбо по прежнему строилъ на этомъ сближеніи очень многое. Онъ мечталъ о сближеніи обоихъ названныхъ дворовъ съ Вѣною; въ Австріи, по его мнѣнію, начинаютъ заискивать въ Россіи, и онъ сообщаетъ, что Кобенцель хлопочетъ объ отправленіи экстреннаго посольства въ Россію для извиненія за Анконское оскорбленіе. Далѣе слѣдуетъ Англія, со стороны которой уже сдѣланы попытки улучшить отношенія съ Россіей.

Вообще письма Бальбо за іюль и августъ 1800 г. отличаются среди всей его переписки наиболѣе радужнымъ тономъ. Казалось, его мечты близки къ осуществленію. Неудался сепаратный союзъ съ Россіей, за то Россія занимаетъ главенствующее мѣсто въ начавшихся общихъ переговорахъ о мирѣ, а съ возвышеніемъ ея и съ усиленіемъ ея значенія въ европейскомъ концертѣ связаны надежды на лучшее будущее для его повелителя — Сардинскаго короля.

Само Сардинское правительство, хотя и не оставило совершенно прежняго колеблющагося и нерѣшительнаго тона, болѣе внимательно прислушивалось теперь къ мнѣніямъ своего посланника въ Петербургѣ. Способствовало этому отчасти самое измѣненіе его взглядовъ, только что нами отмѣченное. Идея сепаратнаго союза съ Россіей по прежнему не улыбалось ни самому королю, ни графу Шаламберу; то обстоятельство, что отъ нея отказывался теперь самъ Бальбо, позволяло имъ болѣе съ нимъ столковаться. Съ другой стороны, послѣ вторженія Бонапарта въ Италію, тучи на политическомъ горизонтѣ сгущались, и Сардинія должна была искать себѣ защиты. Какъ бы ни относилось Сардинское правительство къ проэкту союза съ Россіей, самой Россіи оно вѣрило теперь больше, чѣмъ какой-либо другой изъ первоклассныхъ европейскихъ державъ, во всякомъ случаѣ

больше, чѣмъ Австріи или Франціи. Приближалось время, когда, казалось, на общемъ европейскомъ конгрессѣ должны были рѣшиться многіе изъ дипломатическихъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь революціонными войнами. Сардинія, какъ второстепенное государство, естественно, опасалась, что рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ захватятъ въ свои руки исключительно крупныя государства; извѣстіе о томъ, приметъ ли Россія участіе на предполагаемомъ конгрессѣ, ожидалось ею съ величайшимъ нетерпѣніемъ[1]). Къ Берлинскому двору, на которой указывалъ и Бальбо, какъ на таковой, черезъ который удобнѣе всего было вести переговоры, былъ посланъ маркизъ Санъ-Марцанъ; ему была дана обстоятельная инструкція, помѣченная 6 ноября 1800 г.[2]).

Разбирая пункты этой инструкціи, мы замѣчаемъ теперь немалое сходство во взглядахъ Сардинскаго правительства и его посланника въ Петербургѣ. Нота Бальбо графу Панину отъ 16-го іюля начиналась требованіемъ возвращенія королю всѣхъ его владѣній. То же требованіе, но лишь болѣе обстоятельно разработанное и выраженное въ болѣе категорической формѣ, положено и въ основу инструкціи Санъ-Марцанъ. По первому пункту ея требовалось возстановленіе полнаго status quo ante bellum, въ крайнемъ случаѣ уступка какихъ-либо провинцій должна была быть возмѣщена полученіемъ другой территоріи. При этомъ дѣлалась оговорка, что на уступку Ниццы король согласится только въ томъ случаѣ, если получитъ другой выходъ къ Средиземному морю, необходимый какъ для торговли Пьемонта, такъ и для его сношеній съ Сардиніей. Къ требованію реституціи всей территоріи Сардинскаго королевства прибавлялось другое (пунктъ 2-й) — возстановленіе границы съ Франціей, по возможности въ томъ видѣ, въ какомъ она была установлена въ 1760 году, и во всякомъ случаѣ на основаніи принциповъ Утрехтскаго мира[3]). Трактаты, заключенные во время

---

1) Письма къ Бальбо отъ короля (30-го августа 1800 г.) и отъ графа Шаламбера (15-го ноября 1800 г.). Registro delle cor-ze di S. M. etc. vol. II.

2) Тамъ же.

3) Напомнимъ, что постановленія Утрехтскаго мира были крайне благопріятны для герцоговъ Савойскихъ: по этому миру они, кромѣ пріобрѣтенія острова Сициліи, значительно увеличили свои владѣнія въ верхней Италіи. Въ 1760 г. окончательно были разрѣшены всѣ спорные пункты относительно границы между Савойей и Франціей. Въ составъ Савойи (тогда уже королевства Сардиніи) въ то время входили слѣдующія провинціи: Savoye, Maurienne, Tarentaise, Genevois, Faucigny, Chablais и Carouge.

революціи, должны были быть совершенно игнорированы: ихъ признаніе недостойно упоминанія въ договорѣ, заключенномъ при посредничествѣ Павла I[1]). Далѣе было выставлено желательнымъ возвращеніе Пьемонту долговъ, сдѣланныхъ у него Франціею до революціи и возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ имъ во время этой послѣдней: заполненіе военныхъ запасныхъ магазиновъ, возвращеніе артиллеріи и т. п. (пунктъ 3-й).

Наряду съ требованіемъ возвращенія Сардинскому королю всѣхъ его владѣній, мы указывали въ нотѣ Бальбо, какъ на характерную для нея черту, на его заботы о защитѣ личности короля и объ охраненіи его власти во всей ея неприкосновенности; это выразилось, главнымъ образомъ, въ стараніи добиться уничтоженія демократическихъ республикъ[2]). Эти старанія и заботы замѣчаемъ мы и въ инструкціи Санъ-Марцану, и онѣ выражены здѣсь еще сильнѣе и опредѣленнѣе. Требованіе уничтоженія демократическихъ республикъ въ самой категорической формѣ выражено въ 5-мъ пунктѣ.

Кромѣ того по 4-му пункту требуется безусловное признаніе полноты и независимости власти короля, главнымъ образомъ въ дѣлѣ организаціи внутренней и внѣшней охраны и въ возстановленіи разрушенныхъ крѣпостей[3]). Наконецъ въ послѣднемъ пунктѣ необходимымъ условіемъ будущаго трактата ставилось полное исключеніе изъ него какого бы то ни было упоминанія о политическихъ преступникахъ и объ амнистіи для нихъ. «Такъ какъ», говорилось въ примѣчаніи къ этому пункту, «подобнаго рода амнистіи унизительны для правительства. Объ этомъ можно договориться отдѣльно, и содержаніе этихъ договоровъ надо хранить въ тайнѣ. Самое большее, что можно даровать политическимъ преступникамъ, это—позволеніе выселиться изъ страны съ своимъ имуществомъ».

Реакціонное настроеніе, замѣтное въ нотѣ Бальбо, здѣсь, такимъ образомъ, разростается. Какъ и въ своихъ замѣчаніяхъ на его проэктъ союза съ Россіей, Сардинское правительство ставитъ точку на *i* въ тѣхъ

---

1) «Tels ne mériteraient d'être mentionnés dans une convention faite sous la médiation de Paul I».

2) Это стараніе Бальбо встрѣтило прямо одобреніе со стороны Сардинскаго правительства. Письмо гр. Шаламбера отъ 13-го сентября 1800 г. Registro delle cor-ze vol. II.

3) Для послѣдняго инструкція не забываетъ просить «les moyens de le faire».

случаяхъ, гдѣ его посолъ ограничивался лишь намеками и очень осторожными выраженіями. Четыре названные документа очень характерны для измѣренія того, какъ постепенно мѣнялась политическая атмосфера въ маленькихъ государствахъ, покой которыхъ былъ нарушенъ французской революціей. Въ разгаръ революціоннаго погрома въ Италіи и борьбы Франціи съ Австріей Сардинскій посолъ одинаково боится обѣихъ соперницъ и ищетъ защиты у Россіи, не рѣшаясь прямо высказывать своей завѣтной мысли объ увеличеніи владѣній своего короля. Министръ этого послѣдняго, критикуя политическую программу посла въ основныхъ ея положеніяхъ, къ этой скрытой мысли относится сочувственно и рѣшается высказать ея открыто. Положеніе дѣлъ мѣняется; Италіи грозитъ большая опасность, но въ то же время чувствуется близость общаго, хотя быть можетъ, и кратковременнаго примиренія. Надежда на миръ позволяетъ Бальбо не только высказать свои прежніе планы, но и намекнуть на возстановленіе «старого порядка». Король Карлъ-Эммануилъ и графъ Шаламберъ говорятъ уже языкомъ представителей тѣхъ реставрированныхъ династій, торжество которыхъ настало окончательно лишь послѣ 1815 года и которыя оставили по себѣ такую печальную и мрачную память въ потомствѣ. Политическая реакція началась. Въ то же время вѣра въ помощь Россіи окончательно объединяетъ теперь и само Сардинское правительство, и его представителя въ Петербургѣ.

Когда окончательно выяснилось, что Россія беретъ на себя поддерживать интересы Сардиніи на предстоящихъ мирныхъ переговорахъ и вести это дѣло черезъ своихъ собственныхъ уполномоченныхъ, копія съ инструкціи Санъ-Марцану была переслана Бальбо для руководства въ его собственной дѣятельности. Между Сардинскимъ правительствомъ и его посломъ устанавливалось, такимъ образомъ, полное единодушіе, и все, казалось, способствовало успѣху дальнѣйшихъ переговоровъ. Письмо, при которомъ препровождалась инструкція въ Петербургъ, помѣчено 6 января 1801 года; но еще 27-го ноября 1800 года Бальбо въ силу высочайшаго повелѣнія долженъ былъ покинуть Петербургъ.

Удаленіе Бальбо отъ Русскаго двора стоитъ въ связи съ измѣненіемъ политики Павла I въ послѣднее время его царствованія, съ опалою, постигшею въ это время графа Панина, и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на это послѣднее событіе. Къ концу 1800 года, какъ извѣстно,

отношенія Россіи къ Англіи охладились, началъ образовываться морской нейтральтетъ противъ Англіи, къ которому примыкала и Россія; съ начала 1801 г. Россія открыто сближается съ Франціей. Оба эти факта были крайне неблагопріятны для Сардиніи, искавшей защиты у Англіи и угрожаемой со стороны Франціи. Къ извѣстіямъ о возможности образованія сѣверными Державами морскаго союза противъ Англіи Бальбо относился на первыхъ порахъ недовѣрчиво и предполагалъ даже, что отнятіе англичанами у Франціи острова Мальты сблизитъ съ Англіей Россію[1]). Одновременно съ этимъ, однако, ему приходилось констатировать съ сожалѣніемъ многіе неосторожные поступки со стороны Англіи, которые могли осложнить ходъ европейскихъ событій, какъ напримѣръ, захватъ Англіею двухъ датскихъ кораблей и появленіе англійскаго флота у Копенгагена[2]). Ко ноябрю Бальбо уже измѣнилъ свое недовѣрчивое отношеніе къ возможности возникновенія союза противъ Англіи; планы Англіи относительно о. Мальты къ этому времени точно также окончательно выяснились. Бальбо съ тревогою замѣчалъ, что Россія начинаетъ сближаться съ Франціей, и принужденъ былъ искать при Русскомъ дворѣ силу, которая могла бы противодѣйствовать франко-русскому сближенію. Вполнѣ естественно было ему остановиться на графѣ Панинѣ; въ теченіе всей своей дипломатической миссіи онъ не разъ отмѣчалъ благопріятное отношеніе къ нему русскаго канцлера, въ противоположность отношенія графа Ростопчина. Въ своемъ письмѣ отъ 1-го ноября онъ сообщаетъ, что графъ Панинъ отказался прочесть письмо къ нему отъ Талейрана, бывшее первымъ шагомъ къ сближенію съ Россіей со стороны Франціи, и переслалъ его нераспечатаннымъ къ государю; графъ Панинъ, по сообщенію Бальбо, отказался также составить отвѣтъ на это письмо отъ имени государя, и отвѣтъ былъ посланъ черезъ графа Ростопчина. Графъ Панинъ не представлялъ однако изъ себя въ то время значительной силы при Русскомъ дворѣ; отношеніе къ нему государя было крайне холодное, и вліяніе его уступало мѣсто Ростопчинскому. 15-го ноября 1800 г. онъ былъ наконецъ уволенъ, въ декабрѣ сосланъ въ деревню[3]). Его

1) Его письма отъ 29-го августа и 21-го октября 1800 г.

2) Письмо отъ 5-го сентября 1800 г.

3) А. Брикнеръ. Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина, т. V. С-Пб. 1891, стр. 613—615.

опала совпадаетъ, такимъ образомъ, по времени съ удаленіемъ отъ Русскаго двора Бальбо, но только въ письмѣ И. М. Муравьева-Апостола къ графу С. Р. Воронцову отъ 16-го февраля 1801 г. есть намекъ на то, что между двумя этими событіями было какое-то соотношеніе. Муравьевъ-Апостолъ сообщаетъ, что послѣ двухчасового разговора Ростопчина съ Панинымъ о причинѣ удаленія Бальбо, Ростопчинъ, «comme si c'était par réminiscence» замѣтилъ Панину, что государь недоволенъ также и имъ, Панинымъ. Вице-канцлеръ выразилъ недоумѣніе но въ то же время заявилъ готовность подать въ отставку. «Cela n'est pas nécessaire» отвѣчалъ графъ Ростопчинъ, «car la voilà déjà toute prête» и показалъ ему высочайшій указъ, въ силу котораго Панинъ отчислялся въ сенатъ[1]). Письмо Бальбо изъ Берлина отъ начала 1801 г., въ которомъ онъ извѣщаетъ о своемъ удаленіи, не только поясняетъ причину опалы на самого Бальбо, но и дополняетъ нѣсколько только что приведенное краткое извѣстіе.

Когда послѣ захвата англичанами острова Мальты на всѣ англійскіе корабли было наложено амбарго, графъ Панинъ отнесся къ этому крайне неодобрительно; это дало Бальбо поводъ сообщить ему свои соображенія объ опасности подобной мѣры для общаго спокойствія, и Панинъ, по его словамъ, успѣлъ уже воспользоваться этими соображеніями и достигъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ результатовъ. Партію, противную графу Панину, должно было это встревожить. Бальбо, между тѣмъ, на этомъ не остановился. Въ своихъ письмахъ къ графу Валлэзу онъ постоянно сѣтовалъ на охлажденіе не только между Россіей и Англіей, но и между Россіей и Австріей; узнавъ объ этомъ, лордъ Минто сообщилъ ему черезъ Валлэза о готовности Англіи выяснить свои недоразумѣнія съ Россіей. Письмо Минто точно также было доставлено Бальбо графу Панину; сообщенное государю, оно было принято имъ довольно благосклонно. «Mais» съ грустью добавляетъ Бальбо, «il a fallu au mauvais parti couper ce fil qui pouvait conduire au bien». Графа Панина постигла опала; Бальбо не указываетъ прямо кто изъ лицъ, имѣвшихъ въ то время при дворѣ вліяніе, этому содѣйствовалъ; но довольно прозрачно намекаетъ на Ростопчина. Насколько это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, можно сказать съ бо́льшею степенью

1) А. Брикнеръ. Матеріалы, т. V, стр. 619.

вѣроятія, что причиною опалы на графа Панина было не только неодобрѣніе имъ рѣзкихъ мѣръ противъ Англіи[1]), но и болѣе опредѣленные шаги, предпринятые имъ для сближенія Россіи и Англіи. Самою перлюстраціею депешъ Прусскаго посланника графа Люзи, изъ которыхъ стало извѣстно объ этомъ неодобрѣніи, быть можетъ воспользовались съ цѣлью поддержать въ государѣ недовѣріе къ вице-канцлеру и парализовать послѣднія усилія этого послѣдняго, чтобы Россія по прежнему оставалась въ враждебномъ отношеніи къ Франціи.

Опала Панина задѣла и Бальбо. По его собственнымъ словамъ, его заподозрѣли въ томъ, что о возможности новаго сближенія Россіи съ Англіей и Австріей онъ писалъ въ Вѣну (то-есть, графу Валлэзу) такимъ тономъ, какъ будто имѣлъ на это какія-нибудь прямыя полномочія; это и вызвало указъ 27-го ноября о его удаленіи изъ Петербурга. Хотя самъ Бальбо и спѣшитъ оговориться, что это подозрѣніе лишено какого бы то ни было основанія, но зная его несдержанность въ выраженіи своихъ чувствъ и склонность итти на проломъ, что онъ не разъ выказалъ во время своей дипломатической дѣятельности, можно предположить, что и теперь съ его стороны былъ допущенъ какой-нибудь неосторожный поступокъ.

Политика Россіи приняла, такимъ образомъ, въ концѣ царствованія императора Павла I оборотъ, неблагопріятный для Сардиніи. Оставаясь подъ защитою Англіи, Сардинія не могла разсчитывать на русскую помощь; мечтать о русско-сардинскомъ союзѣ было точно также не время. Все это могло только способствовать Франціи удерживать за собою континентальныя владѣнія Сардинскаго короля. Смерть императора Павла, на котораго такъ надѣялся Бальбо, и новое сближеніе Россіи съ Англіей при Александрѣ I измѣняло такое положеніе дѣлъ, неблагопріятное для Карла-Эммануила IV.

Колебаніе въ отношеніяхъ между Россіею и Наполеоновскою Франціею и постепенное ухудшеніе этихъ отношеній должно было сильно интересовать правительство Сардинскаго короля; поддержаніе вражды Россіи къ Франціи не только во имя отвлеченныхъ политическихъ принциповъ реакціоннаго характера, но и въ силу своихъ насущныхъ

1) А. Брикнеръ. Матеріалы, т. V, стр. 616.

интересовъ должно было сдѣлаться его очередною задачею. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе дѣятельность ближайшаго преемника Бальбо графа Жозефа де Мэстра, этого апостола политической реакціи начала XIX вѣка.

Вѣнскій конгрессъ и политика императора Александра I въ послѣдніе годы его царствованія, когда проповѣдь де-Мэстра получила свое реальное осуществленіе, было въ то же время осуществленіемъ того, о чемъ мечталъ скромный Сардинскій дипломатъ Гаэтано Бальбо, въ воззрѣніяхъ котораго отвлеченные политическіе принципы еще не формулировались такъ ясно, какъ у его преемника, и у котораго за этими принципами яснѣе проглядываютъ вызвавшія ихъ заботы о династическихъ интересахъ Сардинскаго короля, одного изъ второстепенныхъ правителей Европы. Вопросъ въ томъ, на сколько подобное направленіе въ русской политикѣ, руководствовавшееся отвлеченною идеалогіей, зачатки котораго намѣчаются въ дни императора Павла I, а полное торжество въ послѣдніе годы его преемника, соотвѣтствовало дѣйствительнымъ русскимъ интересамъ.

М. А. Полиевктовъ.

I.

Esquisse du traité d'alliance à conclure entre S. M. l'Empereur de Russie et S. M. le Roi de Sardaigne d'après les conférences eues avec S. E. Mgr le Comte Panin [1]).

La plus vraie et sincère amitié unissait déjà depuis longtemps S. M. l'Empereur de Russie et S. M. le Roi de Sardaigne. Dans les revers qui ont accablé en dernier lieu la maison de Savoie, Sa Majesté Impériale s'est empressée de venir à son secours avec tout le zèle et l'intérêt que cette amitié lui a inspirés, et la providence ayant béni la droiture de ses intentions, ses armées victorieuses, combinées avec celles de S. M. l'Empereur des Romains, ont bientôt reconquis le Piémont et l'Italie entière et l'ont rendue à ses maîtres légitimes. S. M. le Roi de Sardaigne, rempli de reconnaissance pour des bienfaits si signalés, en attachement pour Sa Majesté Impériale et désirant également leurs dites Majestés Impériale et Royale de resserrer de plus en plus les liens

1) При письмѣ Бальбо отъ 4-го января 1800 г.

qui les unissent déjà si heureusement, elles ont pensé ne pouvoir mieux parvenir à cette fin qu'en contractant entr' elles un traité d'alliance défensive qui aurait pour base le bien et l'avantage des deux hautes parties contractantes et de leurs états respectifs. A cet effet leurs dites Majestés ont nommé pour leurs plénipotentiaires, savoir S. M. l'Empereur de Russie . . . . . et S. M. le Roi de Sardaigne . . . . . , lesquels ayant changé leurs plein-pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, ont conclu et arrêté ce qui suit.

Primo. L'amitié la plus sincère et constante régnera entre S. M. l'Empereur de Russie et S. M. le Roi de Sardaigne, leurs héritiers et successeurs, et en conséquence de cette union intime les hautes parties contractantes auront soin d'avancer par tous les moyens possibles leurs avantages mutuels de détourner l'un de l'autre tout ce qui pourra leur causer quelque sort de préjudice, et de se maintenir réciproquement dans la tranquille possession de leurs états, droits, commerce et prérogatives et à cet effet elles se *garantissent* solennellement et réciproquement tous leurs pays, états et possessions telles qu'elles les possèdent actuellement, ainsi que ceux qu'elles pourraient acquérir par des traités. [NB. Je ferai le possible pour qu'on veuille ajouter ce qui suit en ayant déjà conféré avec le comte Panin: «Et S. M. l'Empereur de Russie, voulant prouver à S. M. le Roi de Sardaigne son véritable désir de lui être utile, lui promet son appui et ses bons offices pour l'aider à recouvrer les états et possessions que sa dite Majesté Sarde a perdues au delà des monts dans le cours de cette guerre»].

Secondo. Viendra article de casus foederis. J'espère stipuler que le cas échéant le secours de l'Empereur de Russie soit de douze mille hommes et celui de S. M. de dix mille; si S. M. l'Empereur de Russie envoie un lieutenant général, il me paraît convenable de dire qu'il commandera toutes les troupes piémontaises.

Tertio. On stipulera que la partie requise donnera la solde à son contingent de troupes et la partie requérante fournira les rations et fourrages sur le pied de ses propres troupes.

Quarto. On pourrait y parler d'une somme d'argent à la...[1]) des secours effectifs en hommes; l'usage dans les différents traités que cette

1) Неразобранное слово.

Cour a passés, c'est de cinq cent mille roubles pour chaque dix mille hommes.

Quinto. Viendrait la réserve de pouvoir rappeler ses troupes, si l'on est attaqué dans ses propres états, en avertissant deux mois d'avance.

Sexto. Viendrait la protestation commune que le présent traité ne doit porter ombrage à quelque etc.

Septimo. On pourrait stipuler dans celui-ci que tous les ports de l'île de Sardaigne seront ouverts aux flotes de S. M. l'Empereur de Russie et à celles de ses alliés, et qu'elles trouveront toujours les rafraîchissements et autres objets dont elle pourraient avoir besoin. On pourrait aussi y faire mention d'une protestation spéciale aux bâtiments marchands russes et, si on le trouve bon, d'une exception des droits de sortie du sel de l'île. Je n'en ai pas parlé encore.

Octavo. Enfin on fixera la durée du traité d'alliance à huit ans ainsi que c'est l'usage de cette Cour.

P. S. Vous jugerez, Monseigneur, s'il ne serait pas convenable afin de gagner le temps de m'envoyer tout à la fois les instructions, les pleins-pouvoirs et la ratification de Sa Majesté. Je vous préviens aussi que l'usage est de donner six mille roubles en or à la chancellerie. En outre il faudra donner avec le temps deux tabatières avec le portrait de S. M. aux deux ministres qui signeront.

II.

Замѣчанія завѣдующаго государственной канцеляріей короля Сардинскаго графа Шаламбера на проэктъ союза съ Россіей[1]).

1. La garantie en faveur des états de S. M. est certainement le point le plus important de cette alliance défensive. Il parait par le texte de la rédaction que vous m'avez envoyée qu'on est disposé à garantir les états que S. M. possède actuellement, et l'on nous laisse seulement espérer de bons offices pour la restitution de ceux qui ont été enlevés par l'effet de la guerre. Vous devez savoir à cet égard qu'en excluant même la Savoie et le comté de Nice, tous les autres pays n'ont pas été reconquis encore entièrement en faveur de S. M. et que de plus pour

1) Изъ письма графа Шаламбера къ кавалеру Бальбо отъ 1-го марта 1800 г. (Torino. Archivio di Stato. Lettere, ministri. Inghilterra. Mazzo 99. Registro delle cor-ze di S. M. con li ministri alle corti estere. Vol. I).

ceux même qui ont été reconquis, l'on pourrait peut-être dans une négociation générale de paix élever des doutes sur la possession réelle qui a appartenu à S. M. à la date du traité, attendu que cette possession est actuellement précaire, contractée et bornée par l'autorité militaire autrichienne.

Il paraîtrait par conséquent qu'il serait plus utile que la rédaction de cet article fût conçue de manière que la Russie, en s'engageant à employer ses bons offices pour la restitution de la Savoie et de Nice à S. M., lui garantit tous les autres états, droits, places qui lui appartenaient avant la guerre. Il serait également utile, si vous pouviez obtenir que des offices susdits pour la restitution de la Savoie et de Nice venant à être sans succès, ils fussent dirigés à des compensations proportionnées à la perte qu'elle en aurait faite, et à portée de ses autres états. Vous n'ignorez pas à cet égard la nécessité de donner une consistence solide au Roi de Sardaigne, et que nulle acquisition ne peut lui convenir plus que celle du côté de la mer.

2. Quant au *Casus foederis*, il est à observer qu'il est de la nature même des alliances que chacune des parties contractantes s'oblige d'après ses propres forces, et que par conséquent, si le Roi s'obligeait à dix mille d'infanterie, la Russie devrait au moins en admettre vingt mille de son côté, attendu l'immensité de son empire. Pour ce qui est du commandement de l'armée, vous n'ignorez pas qu'à l'exception de la dernière guerre le commandement à été déféré au Roi; mais S. M. n'allant pas peut-être elle-même à la guerre, il n'y aurait aucun inconvénient que ce fût un lieutenant-général au service de la Russie. Il me paraît cependant qu'on pourrait faire abstraction de cet article dans un traité et se réserver à se concerter là-dessus à l'occasion du Casus foederis.

3. L'entretien des troupes piémontaises est certainement bien différent de celles de Russie; la paye de ces dernières n'est presque rien; elles vivent tant officiers que soldats aux dépens du pays où ils se trouvent. C'est là un motif de plus pour que le contingent de Russie soit augmenté en proportion. Je me réserve de me procurer du Bureau des guerres et de vous faire tenir à cet égard la note de ce que coûte au Roi un corps de dix mille hommes d'infanterie, déduction faite du pain et du fourrage.

4. Par ces raisons il est en outre important de laisser aux parties contractantes l'élection de donner en argent le secours des troupes qui aurait été stipulé; et à l'égard de la somme qui doit remplacer ce secours, il faut uniquement qu'elle soit égale pour toutes les deux, proportionellement au contingent stipulé.

Quant aux autres articles, je n'ai rien à vous observer pour à présent. J'ajouterai seulement qu'on peut accorder toutes les facilités dans les ports de Sardaigne et dans ceux du continent tant aux bâtiments de guerre, qu'aux marchands russes, sur le pied des nations les plus favorisées. Si l'on souhaitait de plus une réduction des droits pour la sortie des marchandises quellesconques, comme ce serait d'un douzième, d'un sixième, ou même d'un quatrième, cette concession pourrait moyenner une augmentation du contingent de la part de la Russie.

III.

NOTE

remise par le Chev^r Balbo au Cte Panin le 16 juillet 1800[1]).

Le Chev^r Balbo a l'honneur de prier S. E. M^r le Cte Panin de vouloir dénoncer le témoignage de la plus vive reconnaissance de la part de S. M. le Roi de Sardaigne envers S. M. Impériale pour le vif intérêt que S. dite M. veut bien prendre à la situation dans la circonstance surtout où il puisse être question d'une pacification générale.

A cet égard le Chev^r Balbo prie S. E. de vouloir lui permettre de lui exposer les considérations suivantes.

1. Avant la malheureuse révolution française S. M. le Roi de Sardaigne se trouvait placé entre la France et l'Autriche dans un degré considérable de force qui le rendait puissance secondaire très-respectable, qui ne lui laissait pas craindre d'être écrasé par l'une des deux et qui le faisait au contraire rechercher par chacune d'elles; par les événements de cette guerre, tandis que la république Française s'est accrue énormément en territoire et que la maison d'Autriche a aussi acquis considérablement en Italie, lui seul se trouve extrêmement affaibli par la perte de la Savoie et du comté de Nice, ainsi que par l'épuise-

1) При письмѣ Бальбо 17-го іюля 1800 г.

ment total de ses moyens de finances et autres. Il paraît donc que l'équilibre de l'Europe et surtout de l'Italie exigerait qu'il fût remis en possession de tous ses états, ou qu'on lui accordât des dédommagements proportionnés pour la Savoie et le comté de Nice.

2. Une funeste expérience a prouvé à S. M. le Roi de Sardaigne l'incompatibilité de son existence avec celle des Républiques Ligurienne et Cisalpine qui entourent ses états. Le repos et la tranquillité de l'Italie ne peuvent s'accorder avec l'établissement de ces nouveaux états.

3. La république Française et la maison d'Autriche ont pris à tâche d'opérer la spoliation la plus complète du Piémont et l'ont malheureusement exécutée à un point qui devrait paraître exagéré. Outre la démolition des forteresses par la France, celle-ci était encore de son propre aveu débitrice à S. M. de plus de trente millions—avant qu'elle décidât de s'en acquitter en dépouillant S. M., révolutionnant le pays et envahissant tout ce qui restait. Les Autrichiens ont ensuite pompé dans quelques mois plus de 40 millions, sans même organiser l'armée piémontaise, à part quelques bataillons, et exigé des fournitures immenses en nature, ruiné le cultivateur, enlevé presque toute l'artillerie et ont enfin livré d'un trait de plume ce malheureux pays. D'après ce léger aperçu S. M. le Roi de Sardaigne espère que les Puissances médiatrices exigeront pour lui les restitutions et indemnisations que la justice paraît dicter, afin de pouvoir se remettre en une certaine posture et n'être plus à merci du premier venu.

4. S. M. le Roi de Sardaigne, confiant dans la généreuse amitié de S. M. Impériale, espère qu'elle voudra appuyer ces raisons auprès de ces alliés et surtout auprès de S. M. le Roi de Prusse qui a aussi montré le plus grand intérêt envers la maison de Savoye.

IV.

Письмо къ кавалеру Бальбо о предстоящихъ мирныхъ переговорахъ[1]).

6 janvier 1801.

En suite des bonnes dispositions que S. M. Impériale de toutes les Russies a bien voulu témoigner de se charger elle-même des intérêts

1) Registro delle cor-ze di S. M., vol. II.

de S. M. le Roi de Sardaigne et de traiter directement et par la voie de ses ministres un arrangement juste et solide avec la France, S. M., pénétrée de ce nouveau trait d'amitié et remplie de confiance dans les bons offices de S. M. Impériale, s'empresse de lui faire connaître le précis des principaux points qui doivent entrer dans une semblable négociation, avec l'indication des restrictions dont *ad summum* ils sont susceptibles, tirés les uns et les autres des instructions du Roi au Mis de St Mazzan pour sa mission à Berlin en date du 6 novembre 1800.

Points principaux à mettre en avant.	Restrictions.
1.	1.
Le *statu quo ante bellum;* en cas de cession d'une ou de plusieurs provinces, des compensations seront données proportionnellement et à portée des autres états, en ligne de population et d'étendue du territoire.	Si la cession de la Savoie est nécessaire, S. M. y donnera son adhésion moyennant des compensations de la manière expliquée ci-contre. Si de plus la cession de Nice est inévitable, S. M. s'y prêtera de la manière ci-dessus, et pourvu que les compensations donnent un débouché commode à la mer, dont le Piémont a un besoin extrême soit pour son commerce, soit pour ses rapports avec la Sardaigne.
2.	2.
Rétablir l'ancienne limitation entre la France et les états du Roi de Sardaigne, portée par le traité des limites du 24 mars 1760. Si des cessions des provinces limi-	L'on ne peut rien rabattre sur cet article parce que la limitation de 1769 [1]) est ruineuse pour le Piémont et le met dans une entière dépendance de la France. D'ailleurs

1) Очевидная описка въ подлинникѣ; срав. дальше: «*d'ailleurs* il serait à désirer que les traités *faits pendant* la révolution. . .». Должно стоять 1796 г. Въ этомъ году Сардинія заключила послѣ битвы при Туринѣ отдѣльный отъ Австріи миръ съ Франціей, по которому уступила ей Савойю (Файфъ, Op. cit., т. I, стр. 89).

trophes à la France avaient lieu, l'ancienne limitation subsistera dans ce qui n'aurait point été soumis à cession. Pour le reste, le même principe établi dans le traité d'Utrecht qui a servi de guide à l'ancienne limitation, servirait aussi de règle pour la nouvelle.

il serait à désirer, que les traités faits pendant la révolution fussent censés comme nuls et non avenus, vu que ce n'est que la force majeure et l'oppression qui les ont dictés, en tout que tels ne mériteraient d'être mentionnés dans une convention faite sous la médiation de Paul Ier.

3.

Payement des dettes de la France en Piémont avant la révolution. Remboursement du montant des magasins militaires qu'elle en a transportés après la révolution; restitution de l'artillerie, fusils etc., dont le Piémont est entièrement dépouillé.

3.

Quoique cet article porte à des sommes énormes, S. M. s'en remet au jugement des Puissances médiatrices. La restitution des pièces d'artillerie est cependant indispensable.

4.

Indépendance du gouvernement de S. M. et pleine souveraineté dans ses états, soit quant à la forme, soit quant à la sûreté et police intérieure, soit quant à sa défense extérieure. Droit, par conséquence, de rebâtir des forteresses et moyens de le faire.

4.

Cet article est d'une nécessité absolue; il faut que chaque gouvernement ait les moyens de se faire respecter. Mais les articles pécuniaires[1]) peuvent être compensés par une plus ample cession de territoire.

5.

Suppression des Gouvernements démocratiques et révolutionnaires en Lombardie et à Gênes.

5.

La paix d'Italie exige absolument qu'on supprime ces sortes de Gouvernements, sans quoi le Roi ne pourrait se déterminer de retourner au Piémont, où il ne serait ni sûr, ni tranquille.

1) Приписка другою рукой и другими чернилами: «c'est à dire les moyens».

6.

Abstraction totale dans un traité des prévenus d'opinions politiques contraires au Gouvernement établi et d'amnistie à leur regard.

6.

Ces sortes d'amnistie dans les traités sont humiliantes pour les Gouvernements. L'on pourrait s'entendre à part et secrètement. L'on pourrait accorder tout au plus que les prévenus susdits puissent transporter leurs biens ailleurs.

О нѣкоторыхъ именныхъ формахъ славянскаго мѣстоименія.

Сравнительный морфологическій анализъ славянскихъ неличныхъ мѣстоименій показываетъ, что эта категорія рѣчи заключаетъ въ себѣ два,— вѣроятно, разновременныхъ—наслоенія: одно, по своимъ флексіямъ, совершенно совпадаетъ съ соотвѣтствующими падежами именъ существительныхъ темъ на -о, -jo и -а; другое, «собственно мѣстоименное», рѣзко отличаясь отъ именъ по своей основѣ, слѣдуетъ (по крайней мѣрѣ, въ единственномъ числѣ) совершенно своеобразному въ своемъ образованіи принципу. Этотъ послѣдній состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что къ чистой основѣ (совпадающей съ формой именит.-винит. пад. средн. р.) присоединяется въ каждомъ падежѣ особый суффиксъ. Такъ, въ склоненіи мѣстоименія тъ именительный и винительный падежи всѣхъ трехъ родовъ и чиселъ представляютъ образованія, вполнѣ тождественныя съ соотвѣтствующими падежами именъ существительныхъ. Остальные же падежи суть не что иное, какъ соединеніе основы то- съ суффиксами частицами: родительный падежъ — съ -го, дательный п. — съ -моу, мѣстный п. — съ -мь. Только одинъ творительный п. образуется отъ основы *tod, такъ же какъ и всѣ косвенные падежи множественнаго числа.

Одновременное существованіе въ одной и той же мѣстоименной категоріи двухъ видовъ образованія,— именного и собственно-мѣстоименнаго, — возбуждаетъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: представляетъ-ли этотъ дуализмъ явленіе исконное (индо-европейское),

или нѣтъ? Если — да, то чѣмъ вызвано это явленіе? Если — нѣтъ, то какое изъ этихъ образованій слѣдуетъ считать первоначальнымъ?

Въ настоящемъ этюдѣ мы, конечно, не можемъ рѣшить всѣ эти вопросы. Мы хотимъ только указать, что въ древности именныя образованія были распространены гораздо больше, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Именно, мы имѣемъ основаніе полагать, что не одинъ именительный-винительный падежъ, но и другіе косвенные падежи не были вполнѣ чужды именныхъ окончаній.

На это указываютъ, между прочимъ, такія общеславянскія мѣстоименія, какъ такъ — тако, какъ — како, пакъ — паче, акъі — ако, ꙗкъ — ꙗко. По своему морфологическому строенію, въ ряду другихъ славянскихъ мѣстоименныхъ образованій, эти формы стоятъ совершенно особнякомъ. Какъ и многія другія мѣстоименія, онѣ представляютъ, безъ сомнѣнія, комбинацію двухъ образованій: именительнаго-винительнаго пад. мѣстоименія къ — ко и затѣмъ еще какой-то другой загадочной формы мѣстоименія тъ, гевр. къ, *ъ, и, *вьсъ, сь и др. Мы назвали послѣднюю форму «загадочной», такъ какъ падежи, совпадающіе съ ней по морфологической структурѣ, — именительный п. ед. ч. женск. р. и именительный п. множ. ч. средн. р. — по законамъ славянскаго словообразованія, не могли бы вступить въ соединеніе съ именительнымъ пад. ед. ч. мѣстоименія къ — ко. Если бы первая часть нашихъ мѣстоименій представляла форму именит. п. ед. ч. женск. р., то вторая часть этихъ словъ должна была бы подвергнуться согласованію съ первой въ родѣ и получить форму *така. То же самое повторилось бы и въ томъ случаѣ, если бы формы та-, ка-, ꙗ-, а- и т. д. были именит. пад. средн. р. множ. ч.: обѣ части должны были бы согласоваться здѣсь въ числѣ. Отсутствіе такого согласованія возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы формы та-, ка и пр. были не живыми падежами, а морфологическими окаменѣлостями, уже давно порвавшими связь съ своими товарищами по склоненію.

Это послѣднее обстоятельство, вполнѣ удовлетворительно объясняя, почему мѣстоименія такъ, какъ и т. д. нельзя ставить на одну доску съ мѣстоименіями *тътъ, *тънъ, кыи, чьто и др., представляющими соединеніе *двухъ именительныхъ падежей*, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ въ руки Аріаднину нить для болѣе раціональнаго рѣшенія вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, если формы *та-, *ка-, *ꙗ-, *а- не согласованы

съ къ, и если онѣ обязаны этимъ своей морфологической изолированности въ ряду другихъ образованій, то такими формами скорѣе всего могли служить *именныя образованія* косвенныхъ падежей мѣстоименій тъ, къ и т. д. Такъ какъ послѣднія уже очень рано (быть можетъ, въ первую эпоху общеславянскаго языка) стали подвергаться вытѣсненію со стороны собственно-мѣстоименныхъ формъ, то ассоціативная связь между ними естественно и постепенно должна была дѣлаться все меньше и меньше. Когда она порвалась совсѣмъ, то падежныя формы та, ка и др. превратились въ неизмѣняемыя частицы или нарѣчія, къ которымъ мѣстоименіе къ могло присоединиться уже въ качествѣ простого суффикса. При такомъ пониманіи дѣла, мѣстоименія такъ, какъ и пр. пережили бы еще въ праславянскую эпоху тотъ же самый процессъ развитія, который прошло на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ нарѣчіе тоу. Представляя не что иное, какъ *дательный направленія* мѣстоименія тъ въ его именной формѣ, это нарѣчіе во всѣхъ славянскихъ языкахъ получило самые разнородные суффиксы несомнѣнно мѣстоименнаго происхожденія. Такъ, въ болгарскомъ мы имѣемъ *тука*, *тукъ*, *тува*, *тутакси*, *туканка*, въ сербскомъ: *тȳ*, *тȳке*, *ту́ка*, *ту́не*, *ту̀те*, въ словенскомъ: *tûkaj*, *tûkaje*, *tûkar*, въ чешскомъ: *tuto*, польскомъ: *tutaj*, *tutak*, *tuż*, *tudzież*, малорусскомъ: *тутка*, *тутки*, великорусскомъ: *тутъ* и др. Вся разница между этими образованіями и нашими мѣстоименіями при такомъ объясненіи сводится къ тому, что у послѣднихъ вторая часть вполнѣ сохранила способность къ склоненію, а у первыхъ—нѣтъ. Но это различіе легко объясняется громаднымъ разстояніемъ времени, отдѣляющимъ оба образованія.

Вся трудность вопроса сводится, такимъ образомъ, къ затруднительности точной *морфологической квалификаціи* именныхъ образованія та, ка, а и ꙗ. Но эта трудность окажется мнимой, какъ только мы обратимся къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ.

Дѣло въ томъ, что, за исключеніемъ санскритскаго, всѣ эти языки сохраняютъ очень ясные слѣды именного образованія творительнаго пад. ед. ч. на -ō. Такъ, въ зендскомъ мы имѣемъ tā, yā, въ греческомъ: πῶ (οὔπω), въ латинскомъ: quōmodo, quo «куда», древне-кимбрскомъ pau-p «всякій», «каждый» (= qō -qos), въ древне-саксонскомъ: hwo «какъ», diu, hiu-tu «сюда», наконецъ, въ литовскомъ: tū,

jū[1]). Было бы очень странно, если бы славянскіе языки не сохранили такихъ же образованій. До сихъ поръ, однако, въ наукѣ не было указано никакихъ слѣдовъ существованія послѣднихъ въ славянскомъ отдѣлѣ индо-европейскихъ языковъ. Между тѣмъ, не только ничто не мѣшаетъ, но, напротивъ, все говоритъ за то, что именно архаическій творительный падежъ и заключается въ загадочныхъ формахъ та-, ка- и пр. Въ этомъ убѣдится каждый, кто приметъ во вниманіе слѣдующія соображенія:

1) Формы та-, ка-, а- и пр. вполнѣ точно соотвѣтствуютъ вышеприведеннымъ индо-европейскимъ не только своимъ гласнымъ элементомъ, но и иногда — и согласнымъ. Ср. напр. греч. τῷ и славянское ка- (въ какъ) или литовское tū и славянское та- (въ такъ).

2) Мѣстоименія такъ, какъ и т. п. и по значенію своему вполнѣ согласны съ большей частью указанныхъ индоевропейскихъ параллелей, обозначающихъ главнымъ образомъ способъ или образъ дѣйствія.

3) Уже старославянскій языкъ, рядомъ съ мѣстоименіемъ ако и паче, употребляетъ и ихъ дублеты акы и пакы. Подобный же дублетъ къ тако представляютъ малорусское и великорусское *такі*. Если справедливо мнѣніе Миклошича, видѣвшаго во второй части этихъ словъ форму творительнаго п. множ. ч., то столь же справедливо было бы видѣть форму творительнаго падежа *единственнаго* числа въ *первой* части тѣхъ же словъ.

4) Параллельно съ мѣстоименіемъ такъ, старославянскіе памятники знаютъ форму сикъ съ аналогичнымъ значеніемъ. Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ формальнымъ сходствомъ обоихъ мѣстоименій, позволяетъ намъ составить пропорцію: такъ : сикъ = та : си. Если бы намъ удалось опредѣлить морфологическое значеніе частицы си, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлили бы и значеніе частицы та.

По счастью, это оказывается нетрудно. Дѣло въ томъ, что си жило въ старославянскомъ языкѣ не только въ формѣ сикъ, но и въ видѣ вполнѣ самостоятельнаго слова. Такъ, Миклошичъ въ своемъ «Церковно-славянскомъ словарѣ» приводитъ слѣдующіе примѣры употребленія этой частицы: что ли си отъвѣща; боуди ли си и се писано; разгънѣва ли са; є ли си того чьто оканѣк; възможе ли си наша

1) K. Brugmann, Grundiss B. II, S. 783.

молитва къинити прѣдъ господь; бꙋде ли си прощеніе и пр. Какъ читатель видитъ, этотъ союзъ употребляется въ вопросительныхъ предложеніяхъ и притомъ вмѣстѣ съ другой частицей ли. Это обстоятельство отчасти сближаетъ ее съ извѣстнымъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ союзомъ чи (болгарское чи, сербское чи, словенское či, чешское ču, польское czy, малорусское чи, великорусское чи). Послѣдняя же частица не представляетъ собой ничего загадочнаго, если вмѣстѣ съ Бругманномъ[1]) толковать ее какъ древнюю форму творительнаго ед. на -ī (ср. лат. quī). Но въ такомъ случаѣ было бы вполнѣ логично видѣть тотъ же падежъ и въ союзѣ си, что̀ дѣйствительно и подтверждается употребленіемъ ея (впрочемъ, очень рѣдкимъ) въ аподосизѣ: ꙗко же повержеши волчь (τρίβολος), си остръ остенъ стаѥть (Miklosich, Lexicon); въ этой фразѣ си равно нашему *такъ*. На то же указываютъ и мѣстоименія сице и оньсица, которыя, при обыкновенномъ объясненіи си какъ именительнаго падежа, представляли бы совершенно непонятное отсутствіе грамматическаго согласованія между составными элементами слова. Напротивъ, если си есть творительный пад. на ī, то це въ первомъ словѣ представляло бы такую же приставку, какую напр. *то* въ русскомъ *тутто*, а -ца во второмъ словѣ играло бы такую же роль, какую *ta* въ польскомъ *tuta*. Какъ оньсица возникло изъ онь + си + ца, такъ мѣстоименіе оньсиѵинъ произошло изъ онь + си + ѵи + нъ.

И такъ, если си — форма творит. п. един. ч. на ī, то, по указанной пропорціи, та должно быть формой творительнаго пад. на ō, а такъ такимъ же сочетаніемъ та + къ, какъ сикъ — сочетаніемъ си + къ.

Противъ такого вывода, однако, могутъ возразить, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать существованіе въ общеславянскую эпоху нарѣчія и союза та (resp. ка и пр.), къ которому могло бы присоединиться мѣстоименіе къ. Но такое возраженіе намъ не было бы страшно, такъ какъ стоитъ только обратиться къ словарямъ славянскихъ нарѣчій, чтобы убѣдиться, что эти нарѣчія не только существовали въ праславянскую эпоху, но и живутъ въ полной силѣ еще и теперь.

Обратимся прежде всего къ разысканію отца и родственниковъ мѣстоименій такъ и тако. Уже въ старославянскомъ языкѣ встрѣ-

1) O. c., s. 783.

чается замѣчательный союзъ та, древнѣйшіе примѣры котораго находятся еще въ Супрасльской рукописи въ значеніи «и», «тогда»[1]). На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что чисто временное отношеніе выражается здѣсь творительнымъ пад., но въ славянскихъ языкахъ это явленіе не составляетъ рѣдкости, какъ это уже давно показали изслѣдованія Ф. Миклошича[2]) и Т. Маретича[3]). Очень употребителенъ этотъ союзъ и въ современномъ наслѣдникѣ старославянскаго языка — въ болгарскомъ, гдѣ онъ имѣетъ множество оттѣнковъ въ своемъ значеніи. Отсылая желающихъ познакомиться ближе съ послѣдними къ упомянутой прекрасной статьѣ Маретича[4]), мы приведемъ здѣсь изъ словаря Дювернуа только такіе примѣры, въ которыхъ значеніе *та* абсолютно тождественно съ значеніемъ *такъ: та що отъ товá? — Ха! та ти си билъ що ми уткраде и лани воловету, сягá да видишъ, що кю та праве!* Гораздо менѣе извѣстенъ союзъ *та* сербскому языку, гдѣ онъ вѣроятно отчасти былъ вытѣсненъ родственнымъ союзомъ te; но и сербскій языкъ употребляетъ его иногда въ утвердительномъ смыслѣ: *та не ћеш ти то учинити, веѣ ако ја умрем* (Словарь Караджича). Подобное же значеніе имѣетъ и словенское tà: *ta rekel sem ti, da ne hodi* (Словарь Плетершника), напротивъ чехословацкое ta сближается съ старославянскимъ своимъ чисто временнымъ значеніемъ: *aj ta kněz vzé prapor* (Kott, Česko-německý slovník). На то же указываетъ и словацкое tahdy = tehdy. Впрочемъ, въ послѣднемъ нарѣчіи ta, подобно нашему *такъ*, обозначаетъ и оконченное дѣйствіе: *ta umřel; ta ho našli* (ibid.). Въ польскомъ языкѣ мы можемъ указать частицу *ta* только въ словѣ milcz-ta «молчать!» (Miklosich, Et. W.). Напротивъ, малорусскій языкъ, по частотѣ употребленія частицы и по богатству оттѣнковъ ея значенія, можетъ сравниться только съ болгарскимъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ, въ которомъ *та* по функціи тождественна съ нашимъ *такъ: пойшов мій циганиско, набрал в ту торбину води та не здужал ії витягнути* (Maretić, o. c., str. 64).

Итакъ, почти всѣ славянскія нарѣчія до сихъ поръ употребляютъ

1) V. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik, Berl. 1900, S. 231.
2) Vrg. Gr. IV², S. 687—688.
3) Veznici u slavenskijem jezicima Rad XCI (1888 г.), str. 73—74.
4) Rad, LXXXIX (1888 г.), str. 61—64.

«именную» форму творительнаго падежа не только въ качествѣ составной части мѣстоименія *такъ*, но и въ качествѣ совершенно самостоятельнаго слова. Но отсюда слѣдуетъ, что эта частица могла вступать въ соединеніе не только съ мѣстоименіемъ къ, но и съ мѣстоименіями и частицами другихъ образованій.

Такъ дѣйствительно и произошли:

старославянское таже «и», «тогда»; малорусское *таж*, *таже* «все-таки»;

старославянское таче «тогда», «послѣ того какъ», болгарское *таче* «тогда»;

болгарское *тай*[1]) «итакъ», словенское tàj «да», «все-таки», верхнелужицкое taj въ tajki (= taki), малорусское *тай*, великорусское *тае* «такъ» (?)[2]);

болгарское *тапа* «тогда», гдѣ второй слогъ слова представляетъ собой, несомнѣнно, тотъ же творительный пад., который лежитъ въ *основѣ* старославянскихъ союзовъ: пакъ, паче, пакы;

верхнелужицкое tajki, tajkihlej, tajkihlej и т. п.

Если такъ представляетъ только одного изъ многихъ потомковъ формы *ta, то какъ представляетъ такой же par inter pares въ ряду формъ, происшедшихъ отъ *ka. Подобно ta, и послѣднее нарѣчіе и теперь еще спокойно живетъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ обществѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей и внуковъ.

Такъ, въ болгарскомъ мы имѣемъ союзъ *ка*, который обозначаетъ не только способъ или образъ дѣйствія (= русскому *какъ*): *ка писка змия а вогень, такъ и Стоянъ за Малка*, но и временныя отношенія вродѣ «какъ только», «съ тѣхъ поръ, какъ», «когда»: *ка си дойдниъ въ чаирето, да си свалиниъ мали ручокъ* (Словарь Дювернуа). Въ соединеніи съ предлогомъ *отъ* — *отъ ка* — имѣетъ значеніе «съ тѣхъ поръ какъ». Этотъ союзъ *ка* сохранился и въ сербскомъ языкѣ, хотя лишь въ народныхъ пѣсняхъ: *ево има три године дана, ка је Јанко*

---

1) Въ болгарскомъ литературномъ языкѣ эта форма иногда пишется съ ъ: тъй. Если такой способъ правописанія не есть результатъ невѣжественнаго смѣшенія этой формы съ именительнымъ п. един. ч., то появленіе ъ можно легко объяснить отсутствіемъ ударенія, неизбѣжнымъ при энклитическомъ положеніи частицы.

2) Въ послѣднемъ словѣ, увѣковѣченномъ Л. Толстымъ во «Власти тьмы», е представляетъ не что иное, какъ ср. пад. мѣст. и.

таме допадную (Словарь Караджича). Извѣстенъ онъ и словенскому языку: *nesrečen bodi jesik ti, ka nesi mogâ tiho bit*[1]); верхнелужицкому (Словарь Пфуля) и польскому: Płascysko miało ka zes to roków.—Ka se las rozwinie (Słownik języka polskiego, ułożony pod red. S. Karłowicza etc.).

Соединеніе союза *ка* съ мѣстоименіями и частицами породило на свѣтъ, кромѣ мѣстоименія какъ, еще слѣдующія формы:

болгаркое *така* «такъ»;

болгарское *като*;

болгарское *ката* «каждый». Эту форму пытались, впрочемъ, вывести изъ греческаго предлога κατά, но по нашему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія. Если болгарскій языкъ нерѣдко употребляетъ формы *така*, *тана*, то онъ легко могъ образовать и форму *ката*;

болгарское *кай* «какъ», «когда», сербское («кайкавское») *kaj*[2]), словенское *kaj*, словацкое *kaj*, верхнелужицкое *kaj* (въ kajki = kaki), польское *kaj* «когда», «гдѣ»;

болгарское *kajno* (= kano);

сербское *ка̏оно*, *ка̑но* «какъ», польское *kan* «какъ»;

сербское *ка̏о*[3]);

словенское *kajsi* «хорошо»;

словенское *kajti* «много»;

словенское *kali*;

словенское *kar*, *kare* «что», «съ тѣхъ поръ какъ», польское *kaś*, *każe;*

чешское *každy*, польское *każdy*, кашубское *kaźki*, малорусское *каждый*, *кажный*, бѣлорусское *кажный*, великорусское *каждый;*

польское *kaby*, русское *кабы;*

словацкое *kady*, *kahdy* «когда», польское *kady* «гдѣ», «когда», малорусское *кади*, великорусское *каде*. Наконецъ, въ концѣ словъ, въ видѣ суффиксовъ:

---

1) Maretić, o. c., Rad. Knj. XCI (1888), str. 2.

2) Это мѣстоименіе въ одномъ изъ говоровъ сербскаго языка получило такое широкое распространеніе, что даже дало ему свое названіе. Это нарѣчіе—кайкавское. Составители Даничичева академическаго словаря совершенно напрасно считаютъ эту форму «неясной по происхожденію», такъ какъ эта неясность сдѣлается мнимой, какъ только мы посмотримъ на нее съ болѣе широкой точки зрѣнія.

3) Если эта форма не представляетъ сокращенія напр. ка̏оно, то *о* второго слога можетъ быть объяснено какъ средній родъ мѣстоименія *ъ, сохранившагося въ такихъ словахъ, какъ ото, вотъ, *авось* и т. д.

болгарскія *язика*, *дека*, *тука*, *вънка*, *тамкашен*; сербское *од толека*, *ванка*, *меника*, *тебика*; словенскія *semkaj*, *venkaj*, *tukaj*, *tamkaj*, *snočka*; чешскія *semka*, *venka*, *mocka*, *tedka*; польское *tukaj*; малорусскія *вонка*, *тутка*; великорусскія *иди-ка*, *тамка*, *гдпка* (Miklosich, Etym. Wörterbuch).

Respective старославянскимъ такъ — таче, тотъ же языкъ очень часто употребляетъ и пакъ — паче. Родоначальникъ этихъ союзовъ па и теперь еще очень распространенъ въ славянскихъ (особенно южныхъ) языкахъ; замѣчательно, что онъ сочетается только съ мѣстоименіемъ къ въ формѣ именительнаго падежа единств. ч. (пакъ), именительнаго п. средн. р. (паче) и творительнаго п. множ. ч. (пакъі).

Если союзы та и ка въ современныхъ славянскихъ языкахъ встрѣчаются только болѣе или менѣе спорадически, то родоначальникъ старославянскаго ако, акъ — союзъ *а*, напротивъ, живетъ въ нихъ еще въ полной силѣ. Въ западно-славянскихъ языкахъ онъ вытѣснилъ въ значительной степени даже союзъ *і*.

При широкомъ распространеніи этого союза *а*, неудивительно, что и потомство его въ славянскихъ языкахъ крайне многочисленно. Мы перечислимъ здѣсь только его главнѣйшіе типы:

старославянское ако, болгарское *ако*, сербское *ако*, словенское *ako*, чешское *ako*, верхнелужицкое *ако*, польское *ako;*

старославянское акъі, сербо-хорватское *aki;*

старославянское али и аль, болгарское *али, але*, сербское *ȁli*, словенское *àli*, чешское *ali*, верхнелужицкое *ale*, польское *ali*, великорусское *али;*

старославянское аче, болгарское *аче*, сербское *аче*, словенское *àče*, чешское *ač*, верхнелужицкое *ač*, польское *acz*, великорусское *ачъ;*

старославянское ацѣ, сербское *ȁи;*

старославянское абъі, чешское *aby*, верхнелужицкое *aby*, польское *aby*, малорусское *аби*, великорусское *абы;*

чешское *abo*, верхнелужицкое *abo*, польское *abo*, малорусское *або;*

болгарское *ада*, сербское *ада*, словенское *àda;*

словенское *àž*, *aže*, чешское *až*, *aže*, польское *aże*, малорусское *аж*, великорусское *ажъ;*

болгарское *ато*, сербское *àто;*

сербское *адно*, словенское *àno*, чешское *ano*, верхнелужицкое *anò*, польское *ano*, малорусское *ано*, великорусское *ано;*

чешское *ati*, *at'*, польское *ać*, *aći*, малорусское *ати́*, великорусское *ати*, *ать*[1]) и мн. др.

Намъ остается теперь доказать, что и мѣстоименіе ꙗко отнюдь не принадлежитъ къ числу «родства непомнящихъ». Его родоначальникъ — старославянскій союзъ ꙗ «и» (Miklosich, Lexicon), болгарскій *я*, «но», «и» (Словарь Дювернуа), сербскій *jȁ* «да», «такъ» (Караджичъ; Академическій словарь), польскій *ja* (Słownik Karłow.). Но подобно мѣстоименію ꙗ, этотъ союзъ не оставилъ послѣ себя почти никакого потомства, кромѣ jako. На этомъ основаніи могутъ, пожалуй, возразить, что jako есть, въ сущности, не что иное, какъ ако съ j передъ начальной гласной. Но противъ такого объясненія говоритъ: 1) различіе значенія ако и jako въ бо́льшей части славянскихъ языковъ; 2) отсутствіе такого рода дуализма въ другихъ словахъ съ начальной гласной: всѣ славянскіе языки, напримѣръ, употребляютъ почти исключительно jelen, jezero, но никогда — *єлень, *єзеро.

Итакъ, мы доказали связь мѣстоименій *такъ*, *какъ* съ современными славянскими союзами *та*, *ка* и пр. Но какъ всегда бываетъ, рѣшеніе одной задачи побуждаетъ къ рѣшенію и другихъ, связанныхъ съ первой, проблемъ. Въ данномъ случаѣ одной изъ такихъ проблемъ является отношеніе къ мѣстоименіямъ такъ, какъ нарѣчій тамъ — тамо, камъ — камо, *ꙗмъ — ꙗмо. Вслѣдствіе тождества первыхъ слоговъ обоихъ мѣстоименныхъ категорій, можетъ возникнуть предположеніе, что и въ основѣ нарѣчій *тамъ*, *камъ* лежитъ творительный пад. един. ч. Ближайшее разсмотрѣніе дѣла показываетъ, однако, что такое предположеніе было бы слишкомъ поспѣшнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если *тамъ*, *камъ* и т. п. суть творительные падежи, то непонятно, почему суффиксъ ихъ звучитъ какъ -мъ, а не какъ -мь (ср. тѣмь, цѣмь). Кромѣ того, a priori едва-ли вѣроятно, чтобы одна и та же форма

1) Вторая часть этого слова не вполнѣ ясна по своему происхожденію. По всей вѣроятности, она представляетъ древнее образованіе творительн. п. един. ч. на ī (ср. греч. οὗτος-ῑ́, лат. quī, слав. чи и си) (Brugmann, Grundriss, II, S. 783), но конечно не имѣетъ ничего общаго съ литовскимъ te, какъ это пытался доказать Ягичъ въ своемъ Архивѣ (VI, S. 284—287). О польской параллели этого слова см. ст. А. Семеновича: «Ueber ciem, ci und c'» (ibid., S. 30—32).

*ta, *ka служила одновременно для такихъ разнородныхъ функцій, какъ способъ дѣйствія, время и мѣсто.

Въ виду такихъ соображеній и приходится для тамъ, камъ и пр. предположить иное этимологическое происхожденіе, чѣмъ для такъ, какъ и пр. Кто же ихъ родоначальникъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся опять къ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ. Такъ какъ наши нарѣчія имѣютъ локальное значеніе, то, очевидно, что мы можемъ ожидать найти ихъ параллели скорѣе всего или въ области индоевропейскаго «предложнаго» падежа, или индоевропейскаго «отложительнаго» падежа. Но первый падежъ врядъ ли можетъ идти въ разсчетъ уже потому, что онъ оканчивался на e, ē или oḷ, eḷ. Зато второй падежъ, напротивъ, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ нашимъ *та-, *ка-, *а-, если предположить, что конечная согласная d этихъ формъ отпала еще въ ту эпоху общеславянскаго языка, когда наши формы не подверглись еще агглютинаціи съ суффиксомъ -мъ или -мо. Значеніе нарѣчій тамо, камо и пр. также не слишкомъ отличается отъ санскритскихъ: ád, tád, yád, греческаго ὦ, ὅπω «откуда», латинскаго istō, quō, оскскаго eisúd «туда», литовскаго tō[1]).

Въ пользу только что предложеннаго объясненія много говоритъ также тотъ фактъ, что нѣкоторыя славянскія нарѣчія употребляютъ до сихъ поръ частицы ta и ka въ мѣстномъ или, точнѣе говоря, отложительномъ значеніи. Такъ, въ болгарскомъ мы имѣемъ нарѣчія *тата, отатакъ* «по ту сторону», *нататакъ* «здѣсь и тамъ», въ словенскомъ *ta, tja, tjäka, tjakaj* «тамъ», въ чехо-словацкомъ *kaj* «гдѣ», «куда», *tatam* «туда», *taj* «тамъ», «туда», въ польскомъ *kaj* «гдѣ» и др. Такъ какъ отложительное значеніе можно вывести только съ большими натяжками изъ «модальнаго», то очевидно, что эта частица не имѣетъ ничего общаго съ той, отъ которой ведутъ начало уже изслѣдованныя нами *такъ, какъ* и пр.

Насколько легко и просто объясняется этимологическое происхожденіе нарѣчій тамо, камо и амо, настолько, напротивъ, запутаннымъ представляется взаимное отношеніе формъ самъ, симъ и сѣмо, находящихся въ несомнѣнной когерэнціи съ предыдущими. По нашему ученію, это отношеніе опредѣляется такимъ образомъ.

1) K. Brugmann, Grundriss, II, S. 785—786.

Такъ какъ мѣстоименіе сь первоначально склонялось по темѣ на -i, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ три формы представляютъ новообразованія сравнительно съ недошедшей до насъ формой *симъ, *симо.

Изъ этихъ трехъ новообразованій самое древнее несомнѣнно самъ. На это указываетъ то обстоятельство, что только эта форма *склоняется*, т. е. сохранила значеніе мѣстоименія; остальныя же формы давно стали неизмѣняемыми частями рѣчи, т. е. нарѣчіями.

Морфологически мѣстоименіе самъ, какъ мы можемъ судить по аналогіи тамъ и камъ, представляетъ отложительный падежъ, образованный отъ мѣстоименія *съ [1]), которое есть не что иное, какъ новообразованіе по аналогіи основъ на -о. Тотъ же падежъ представляетъ и мѣстоименіе симъ, съ тѣмъ отличіемъ, что его родоначальникъ—мѣстоименіе сь, склоняющееся по темѣ на -jo. Что касается до сѣмо, то въ немъ мы склонны видѣть мѣстный падежъ отъ мѣст. *съ который сохранился и въ чистомъ видѣ—въ старославянскомъ сѣ (age). Положительно это подтверждается сербскимъ *осим* «кромѣ», которое восходитъ къ о + сѣмь.

Замѣчательно, что нарѣчія сѣмъ и симъ употребляются въ славянскихъ нарѣчіяхъ не совмѣстно, а *большей частью* раздѣльно: послѣднее распространено главнымъ образомъ въ русскомъ языкѣ, который *семъ*, *семка* употребляетъ лишь изрѣдка. Первыя, напротивъ, составляютъ преимущественное достояніе западно-славянскихъ и южнославянскихъ языковъ, включая въ томъ числѣ и старославянскій. Это обстоятельство позволяетъ намъ построить догадку, что *сѣмъ и самъ образовались тогда, когда самъ (въ силу неизвѣстныхъ, вѣроятно, синтаксическихъ условій) стало обозначать не мѣсто, а *лицо*. Выйдя изъ круга тѣхъ отношеній, которыя выражаютъ нарѣчія тамо, камо и пр., оно естественно должно было быть замѣнено какимъ-либо другимъ аналогичнымъ образованіемъ; одни языки (русскій) сдѣлали это, образовавъ нарѣчіе *сямъ*, другіе (всѣ остальные) достигли той же цѣли образованіемъ сѣмъ.

---

1) Того самаго, отъ котораго происходитъ вторая часть слова чесо, представляющаго, какъ мы доказываемъ въ другомъ мѣстѣ, не родит. п. ед. ч., а им.-винит. ед. ср. р.

Такимъ образомъ, отношенія между сѣмо и сѩмъ въ славянскихъ языкахъ совершенно одинаковы съ отношеніемъ прѣмо и прѩмо: первый предлогъ употребляютъ *преимущественно* юго-западные славянскіе языки, второй — восточные.

Послѣдній примѣръ мы приводимъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что онъ даетъ намъ возможность опредѣлить формальное значеніе загадочныхъ, на первый взглядъ, суффиксовъ -мъ и -мо. Въ самомъ дѣлѣ, если сѣмо : сѩмо = прѣмо : прѩмо, то и прѣ = мѣстному п. един. ч., а прѩ — ablativ'у отъ основъ про и *prjo — очевидно тѣхъ самыхъ, которыя мы имѣемъ въ предлогѣ про[1]). Но въ такомъ случаѣ, прѣмо этимологически должно быть тождественно съ умбрійскимъ prumum «первое», греческимъ πρόμος, готскимъ *fram*, въ которыхъ первая часть представляетъ правильную форму именит.-винит. един. ч. средн. р. Вся разница между славянскимъ словомъ и его индо-европейскими параллелями заключается въ томъ, что первое въ своей основѣ имѣетъ косвенный падежъ, а вторыя — именительный или винительный. Но не это важно для насъ въ данномъ случаѣ, а то обстоятельство, что суффиксъ индо-европейскихъ параллелей уже давно нашелъ себѣ удовлетворительное морфологическое объясненіе. Онъ представляетъ собой не что иное, какъ суффиксъ превосходной степени тѣхъ словъ, «которыя обозначаютъ число, разрядъ (Rang), пространственное и временное расположеніе (Anordnung)[2]). Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого суффикса можно привести здѣсь слѣдующіе: индоевр. *septmo-, санскр. *saptamás*, греч. ἕβδομος, латинское *septimus*, лит. sẽkmas и старосл. седмъмъ; санскр. *upamás*, лат. *summus*; зенд. *madema*, готск. *miduma*, двн. *metamo;* санскр. *ap-amá*, зендск. *ap-ema* «отдаленнѣйшій», «послѣдній» отъ санскр. *ápa* «прочь», «отъ»; лат. *minimus*, *extremus*; готск. *aúh-ma* «высочайшій» и т. д. При такомъ значеніи суффикса, славянское прѣмо — прѩмо означало бы «находящееся въ ближайшемъ пунктѣ».

Но суффиксъ -мо этого слова тождественъ съ суффиксомъ -мо въ тамо, сѣмо и т. п. А въ такомъ случаѣ неизбѣженъ выводъ, что и

---

1) О немъ см. въ статьѣ Е. Огоновскаго «O przyimkach w językach starosłowieńskim, ruskim i polskim» Rozprawy wydz. fil. Ak. Um. T. V (1877) str. 108—115.

2) Brugmann, o. c., S. 156.

эти *послѣдніе представляютъ собой не что иное, какъ превосходныя степени отъ нарѣчій* та, ка *и* сѣ. Это значитъ, что та (resp. ка, сѣ) есть «тамъ» въ усиленной степени, та «въ квадратѣ».

Если тамъ есть *та* («тамъ») въ превосходной степени, то дѣлается понятнымъ отношеніе его къ изслѣдованному уже нарѣчію тоу. Очевидно, что послѣднее нарѣчіе обозначало мѣстность сравнительно малоудаленную и потому довольно опредѣленную въ географическомъ отношеніи, а первое, напротивъ, мѣстность особенно далекую и притомъ съ неточно опредѣленными границами. Синтаксическія изслѣдованія должны подтвердить или опровергнуть это соображеніе, къ которому мы пришли здѣсь только дедуктивнымъ путемъ.

Итакъ, мы познакомились до сихъ поръ съ четырьмя *именными* образованіями мѣстоименія тъ: *дательнымъ* пад. един. ч. (тоу), *творительнымъ* та (въ такъ, какъ и пр.), *отложительнымъ* та (въ тамо, камо) и *мѣстнымъ* *тѣ (по аналогіи съ сѣ, цѣ). Но этимъ-ли только ограничиваются остатки именного склоненія славянскаго мѣстоименія?

По нашему мнѣнію, съ полной увѣренностью можно сюда же отнести и *творительный падежъ множественнаго числа*, который сохранился въ польскомъ tylko, старославянскомъ акы, пакы, словенскомъ несклоняемомъ *ki* (= kaj)[1]) и чешскомъ *kyž* (которое, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ kdy), словенскомъ taki, малорусскомъ *таки* и великорусскомъ *таки*, *опять-таки*.

Наконецъ, только cum grano salis можно видѣть *родительный множественнаго числа* во второй части словенскаго dok, dokler и сербскаго *док*, *докле*, *откле*, *отле*.

На этомъ мы и оканчиваемъ пока наше изслѣдованіе «О нѣкоторыхъ именныхъ формахъ славянскаго мѣстоименія». Не вдаваясь въ соблазнительные выводы о первичномъ взаимоотношеніи обоихъ основныхъ типовъ славянскаго склоненія, для большей наглядности сведемъ результаты нашего изслѣдованія въ слѣдующей парадигмѣ.

---

1) Маретичъ въ о. с., конечно ошибочно, считаетъ эту форму сокращеніемъ старославянскаго кыи Rad. XCI, str. 3. Какъ *ка* есть творит. п. един. ч. отъ къ, такъ кі = (кы) есть творит. множ. того же мѣстоименія.

2) Въ старославянскомъ та-мо, ка-мо.

3) Въ старославянскомъ тоу.

Единственное число.

	Муж. и средн. р.	Женскій р.
Именительный падежъ.	тъ, то	та
Родительный »	та [2])	*тъі
Дательный »	тоу [3])	*тѣ
Винительный »	тъ, то	тѫ
Творительный »	та [1])	тѫ
Мѣстный »	тѣ [2])	*тѣ

Множественное число.

	Муж. и средн. р.	Женскій р.
Именительный падежъ.	ти, та	тъі
Родительный »	тъ [3])	*тъ
Дательный »	*томъ	*тамъ
Винительный »	тъі, та	тъі
Творительный »	тъі [4])	*тами
Мѣстный »	тѣхъ	*тахъ

1) Въ старославянскомъ та-къ, ка-къ.

2) По аналогіи съ старославянскимъ сѣ, цѣ. Не принадлежитъ-ли сюда и союзъ te?

3) По аналогіи съ сербскимъ отѣье.

4) Польское tylko.

Г. А. Ильинскій.

Легенды о происхожденіи картофеля.

Всякая новизна, всякое нововведеніе, такъ или иначе затрагивающее установленный порядокъ жизни съ цѣлью видоизмѣнить его и перестроить по новому, хотя бы и къ лучшему — находитъ себѣ, какъ показываетъ исторія культуры, рядъ возраженій болѣе или менѣе убѣдительныхъ, основывающихся на предразсудкахъ, господствующихъ въ данное время въ данной средѣ. Если же къ вопросу о пользѣ или вредѣ нововведенія присоединятся еще постороннія существу дѣла соображенія, основанныя на народномъ суевѣріи, то должно пройти значительное количество времени, смѣниться не одно поколѣніе, прежде чѣмъ то, что казалось когда-то новымъ, страннымъ и едва ли не опаснымъ — получитъ полныя и неоспоримыя права гражданства въ народномъ бытѣ. Нагляднымъ примѣромъ, подтверждающимъ сказанное, можетъ служить судьба картофеля въ нашей народной средѣ, гдѣ онъ, насаждаемый властью, явился даже поводомъ къ бунтамъ.

Еще къ XVII вѣку относятся легендарные разсказы о происхожденіи водки и табаку, которые, согласно господствовавшему тогда во всѣхъ классахъ русскаго народа теологическому міровоззрѣнію, были изобрѣтены на смущеніе и погубленіе душъ христіанскихъ ихъ вѣчнымъ и непримиримымъ врагомъ — діаволомъ. Вѣроятно, на созданіе такихъ легендъ повліяли наблюдавшіеся результаты употребленія водки и табака неопытными курильщиками и слишкомъ испытанными, запойными алкоголиками. Возникновеніе легендъ о картофелѣ не можетъ быть объяснено такимъ путемъ, чисто эмпирическаго характера; вѣроятнѣе онѣ возникли подъ вліяніемъ усиленной и не въ мѣру усерд-

ной правительственной пропаганды употребленія этого растенія въ пищу, чѣмъ и воспользовались оппозиціонные элементы народной массы XVIII в. — старообрядцы разныхъ сектъ и толковъ, и ранѣе не стѣснявшіеся прибѣгать къ клеветѣ и сплетнямъ, какъ это было, напримѣръ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. относительно патріарха Никона[1]). По крайней мѣрѣ обѣ легенды о происхожденіи картофеля, извѣстныя намъ, носятъ сильные слѣды старообрядческаго происхожденія.

Появленіе картофеля въ Россіи относится къ концу второй половины XVIII столѣтія. Первое извѣстіе о немъ было принесено въ Европу Іоганномъ Гаукинсомъ, получившимъ его изъ Сантафе въ 1565 г.; въ 1584 г. адмиралъ Вальтеръ Ралей привезъ его въ Ирландію изъ Виргиніи; въ 1586 г. — въ Англію Фр. Дрэкъ. Въ Италіи его начали садить, по однимъ извѣстіямъ въ 1588 г., по другимъ — онъ привезенъ туда Фр. Реджи только въ 1664 г. Въ 1601 г. австрійскій ботаникъ Карлъ Клузій описалъ картофель, присланный ему, какъ рѣдкое растеніе, въ 1588 г. изъ сада папскаго нунція въ Нидерландахъ. Въ 1616 г. картофель подается какъ рѣдкое и лакомое кушанье за столомъ французскаго короля. Въ 1716 г. онъ появляется въ Швеціи и, наконецъ, въ Россіи во время Семилѣтней войны[2]). Здѣсь онъ распространяется довольно медленно, хотя въ 1782 г. его пробуютъ разводить уже въ Камчаткѣ[3]). На сѣверѣ Россіи, въ Архангельскѣ, акклиматизація картофеля идетъ чрезвычайно медленно и не безъ противодѣйствій еще въ началѣ XIX столѣтія[4]).

Помимо причинъ чисто естественныхъ — вымерзанія, гніенія, неприспособленности къ климату картофель распространяется очень медленно, и сотрудникъ *Экономическаго Магазина* въ 1787 г. пишетъ, констатируя пользу новаго продукта: «при всемъ томъ есть много еще мѣстъ и земель, въ которыхъ жители на сей новой и изящной продуктъ *взираютъ съ презрѣніемъ* и питаютъ въ себѣ *противныя предубѣжде-*

---

1) В. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. II, вып. 1. Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ. С.-Пб. 1900.

2) *Экономическій Магазинъ* 1787 г., т. XXXI, стр. 51 и сл.

3) Тамъ же, стр. 54.

4) А. О. Подвысоцкій. Водвореніе и распространеніе картофеля въ Архангельской губерніи въ 1765—1865 гг. (*Русская Старина* 1879 г., т. XXVI, стр. 85—100).

ніями исполненныя мысли, несмотря на все, какъ бы полезность сего продукта была ни очевидна»[1]).

Съ цѣлью разсѣять такое предубѣжденіе, въ тогдашнихъ журналахъ печатается рядъ оригинальныхъ статей, по большею частью переводныхъ. «Картофель, сіе иностранное произрастеніе нынѣ уже у насъ довольно извѣстно и во многихъ мѣстахъ и городахъ и въ деревняхъ сажается, размножается и употребляется въ пищу», пишетъ одинъ авторъ въ *Экономическомъ Магазинѣ* 1787 г.[2]). Понявъ выгоды, доставляемыя картофелемъ, тогдашніе агрономы и сельскіе хозяева вмѣстѣ съ тѣмъ и преувеличивали сильно значеніе его. Въ тогдашнихъ журналахъ встрѣчаются статьи не только о томъ, какъ сажать картофель[3]), но и о выдѣлкѣ изъ него крупы, на подобіе перловой, съ тѣмъ отличіемъ, что такая крупа сообщаетъ похлебкѣ якобы «мясной видъ»[4]); о приготовленіи изъ него хлѣба[5]), о выкуриваніи вина[6]), и не простого, а виноградпаго[7]). Картофель не только является для увлекающихся его поклонниковъ удобнымъ суррогатомъ мяса, хлѣба, но, какъ сообщаетъ тотъ же журналъ, табакъ изъ листьевъ картофеля *превосходитъ* настоящій по опытамъ 1774 г. въ Стокгольмской медицинской коллегіи[8]). Не перечисляя всего, скажемъ вообще, что тогдашніе журналы рекомендовали новооткрытое растеніе—какъ универсальное средство, начиная отъ вывода пятенъ[9]), кончая исцѣленіемъ человѣчества отъ всѣхъ болѣзней[10]). Въ этомъ смыслѣ и высказывается восторженный авторъ-панегиристъ картофеля въ *Экономическомъ Магазинѣ*: его листву употребляютъ для удобренія, для куренія; изъ яблоковъ

---

1) *Экономическій Магазинъ*, т. XXXI, стр. 55.
2) Тамъ же, т. XXX, стр. 203.
3) Тамъ же, т. I, 342; XXXI, 97, 177, 225 и др.
4) Тамъ же, т. XXXI, стр. 37.
5) Тамъ же, т. XXX, 385; т. XIII, стр. 172.
6) Тамъ же, т. XXX, стр. 305, 321.
7) Тамъ же, стр. 400.
8) Тамъ же, т. XXXIV, стр. 288.
9) Тамъ же, т. XXXI, стр. 159.
10) Ср. и въ другихъ журналахъ того времени: *Труды Вольнаго Экономическаго Общества*, ч. XIV, 33; ч. XIX, стр. 155; ч. XXXIX, стр. 109; ч. XLII, стр. 186; *Еженедѣльныя Извѣстія Вольнаго Экономическаго Общества*, т. II, стр. 337; *Ежемѣсячныя Сочиненія*, т. VII, стр. 378; *Академическія Извѣстія*, ч. II, стр. 108, 311; *Библіотека ученая экономическая* 1794 г., ч. VIII, стр. 83; *Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцесловов* 1792 г., ч. IX, стр. 168.

дѣлаютъ вино, изъ корней — муку, хлѣбъ, крахмалъ, пудру, крупу, масло (sic), сыры, кофе (sic), дрожди, водку. Картофель ѣдятъ, кромѣ людей: лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, индѣйки, гуси, утки, куры, голуби, рыбы; его употребляютъ при дѣланіи жести, выведеніи пятенъ и пр., и пр.[1]).

Казалось бы, при такомъ многостороннемъ примѣненіи драгоцѣннаго растенія не могло бы и возникнуть оппозиціи противъ его употребленія въ бѣдномъ, полуголодномъ слоѣ простонародья. А между тѣмъ до нашего времени кое-гдѣ еще сохранилось враждебное отношеніе къ картофелю. Исторія наша помнитъ «картофельные бунты», вызванные упорнымъ отказомъ крестьянъ садить это растеніе; побудительной причиной упорства являлся предразсудокъ, сохранившійся кое-гдѣ и понынѣ, и отлившійся особенно характерно въ легендарныхъ сказаніяхъ, направленныхъ противъ картофеля.

Одно изъ нихъ опубликовано было г. А. Сперанскимъ въ *Русской Старинѣ*[2]), со словъ крестьянина начетчика, 85-лѣтняго старца, во Владимірской губерніи и уѣздѣ.

«Въ одной землѣ умеръ царь и оставилъ послѣ себя двоихъ сыновей. Сенатóры собрались на совѣтъ и думаютъ: кого выбрать царемъ? Думали, думали и выбрали большака.

— Нѣтъ, говоритъ одинъ сенатóръ, — давайте выберемте того, кто угоднѣе Богу. Всѣмъ эта рѣчь и полюбилась: да, правду ты говоришь, господине, нужно выбрать того, кто милѣе Богу; только какъ намъ объ этомъ узнать?

— А вотъ какъ, — говоритъ имъ сенаторъ, — заставимте ихъ молиться Богу, а лампаду не затеплимъ; у котораго во время молитвы лампада затеплится сама, тотъ и будетъ любъ Богу.

Заставили молиться большака. Молится онъ, молится, а лампада не затепляется. Потомъ сталъ молиться меньшой; помолился немного, лампада сама и затеплилась. Сенаторы и выбрали его царемъ. Сталъ онъ царствовать, а большаку дѣлать нечего. Вотъ онъ и поѣхалъ въ чужія земли. Ѣздилъ, ѣздилъ и пріѣхалъ къ Елени (эллины?). Тутъ онъ сталъ учиться волхованію и сдѣлался волхвомъ. Братъ меньшой

---

1) *Экономическій Магазинъ*, т. XXX, стр. 342 и слѣд.
2) *Русская Старина* 1895 г., т. LXXXIV, стр. 204.

прослышалъ объ этомъ и поѣхалъ къ Елени. Пріѣхалъ туда и спрашиваетъ: — «гдѣ мой братъ?» Ему на это и говорятъ: «братъ твой былъ волхвомъ, а теперь ужъ онъ умеръ». — «Сведите меня на его могилу». Пришли на могилу и глядятъ — на ней ростетъ невиданное дотолѣ стебліе. Что это за стебліе? — думаютъ всѣ, а узнать никакъ не узнаютъ. Взяли лопату, стали рыть и видятъ — стебліе ростетъ изъ ребра человѣчьяго, корни пустило во всѣ стороны, а на этихъ корняхъ ростетъ картофель. Они взяли да и сварили его, чтобы испробовать, скусенъ ли онъ. Поѣли и глядятъ — впрямь онъ скусенъ. Съ тѣхъ поръ и пошли по міру картофель садить да ѣсть.

Богъ видитъ: нехорошее дѣло дѣлаютъ православные христіяне и послалъ своего ангела. Ангелъ явился одному епископу и говоритъ: «скажи ты, епископъ, православнымъ христіянамъ, чтобы они картофель не садили и не ѣли. А кто ѣлъ, тотъ да покается и получитъ оставленіе грѣховъ; кто же не покается, тотъ не внидетъ въ царствіе Божіе».

Вторая легенда, имѣющая нѣкоторыя точки соприкосновенія съ первой, но повидимому создавшаяся независимо отъ нея — приводится нами изъ старообрядческой рукописи.

Въ богатомъ собраніи рукописей митрополита Макарія, принадлежащемъ нынѣ Кіевской Духовной Академіи подъ № 67 (Аа 162) находится небольшой, въ малую восьмушку раскольничій сборничекъ, писанный полууставомъ конца XVIII вѣка. На л. 58—59 об. находится небольшая статья, озаглавленная: «Книга пандокъ, глава 28, листъ 68, послѣдняя четверть», представляющая очевидно выписку изъ какого-то сборника. Въ этой статьѣ разсказывается о происхожденіи картофеля, подобно табаку[1]) — изъ тѣла блудницы, и именно слѣдующимъ образомъ.

«Бысть царь именемъ Мáмѣръ, имѣя дщерь едину и держалъ ю въ особой полатѣ и при ней находилась дѣвица служанка; но усмотрѣла она: по діявольскому дѣйству совокупилась съ псомъ; и [какъ] та служанка доказала царю о томъ беззаконіи, то царь самъ усмотрѣлъ и повелѣлъ ю вовреци въ ровъ глубокъ, а пса наверхъ ея, и завалить землею (л. 59). Въ древнія лѣта было, а въ послѣднее время, въ пришествіе сопротивника закона, по седьми тысящъ прихода его, открыется всѣмъ

1) Ср. Памятники старинной русской литературы, т. II, стр. 427 и слѣд.

на пагубу. Первіе человѣкъ посланъ бысть собирать траву, цвѣты для исцѣленія врачамъ, и обрѣте траву, что никогда едакой травы въ томъ мѣстѣ не было; принесе своему врачю и дивися врачь и приказалъ показать (л. 59 об.) и мѣсто раскапывать, то нашли быліе жилы, а по жиламъ круглые яйцы и докопались до костей, и вышло ис тайныхъ оудъ костей, но исплетеніи яйцы (sic) и стали лечить очюнь разслабленнаго и тотъ человѣкъ скорое здравіе получилъ. И зачали по дворамъ садить и повсюду распространилась поганая картовь и въ росію дошла; Едва которыи спаслись отъ нея употребленія, малая нѣкая часть человѣкъ божіимъ поможеніемъ; не токмо въ мірѣ но и в монастырехъ святыхъ осквернено. Богу нашему слава».

Первая, приведенная нами легенда, распадается на три части: 1) разсказъ о избраніи царя и о судьбѣ старшаго царевича-колдуна; 2) обрѣтеніе картофеля, выросшаго изъ трупа и 3) полемическая или увѣщательная часть, заключеніе, угрожающее лишеніемъ царства небеснаго нераскаяннымъ потребителямъ картофеля.

Вторая легенда — также, несмотря на свою краткость, состоитъ изъ трехъ частей: 1) разсказъ о блудодѣяніи царевны со псомъ; 2) обрѣтеніе картофеля и 3) заключеніе, сообщающее о распространеніи картофеля по свѣту, даже среди духовнаго чина.

Общая часть обѣимъ легендамъ — вторая, представляетъ, какъ намъ кажется, остовъ легенды, тотъ главный мотивъ, который варьируется при помощи различныхъ подробностей первой и второй частей. Мысль легенды ясна въ обѣихъ редакціяхъ и обличаетъ происхожденіе ея изъ старообрядческой среды. Но мотивъ, вложенный въ легенду, — происхожденіе картофеля изъ трупа чернокнижника или блудницы — имѣетъ основаніе въ народныхъ представленіяхъ задолго, можетъ быть, до появленія картофеля не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Въ народной миѳологіи прочно держится своеобразная вѣра въ метампсихозъ: по смерти сказочнаго героя душа его вселяется въ дерево, душа убитой сестрами дѣвушки—въ тростникъ, обладающій чудеснымъ свойствомъ пѣть о насильственной смерти дѣвушки. На могилахъ двухъ умершихъ до свадьбы влюбленныхъ выростаютъ яворъ и калина, сплетающіеся вѣтвями. На могилахъ умершихъ отъ несчастной любви выростаютъ цвѣты: розы, лиліи, боярышникъ. Въ соотвѣт-

ствіе этому на могилѣ злыхъ людей выростаетъ крапива или другое ядовитое, дурное растеніе. Надъ похороненнымъ утопленникомъ или повѣшеннымъ выростаетъ трава, имѣющая цѣлебное свойство. Вспомнимъ плакунъ-траву, выросшую изъ слезъ Богородицы предъ распятымъ Христомъ [1]). На могилахъ отравленныхъ матерью выростаютъ деревья [2]).

Это общее основаніе имѣетъ и легенда о происхожденіи табака, что указано было ея издателемъ, Н. И. Костомаровымъ. Для хранителей старины и ненавистниковъ новшествъ, нахлынувшихъ въ русскую жизнь въ XVII в., естественно предположить на указанномъ основаніи обратный ходъ мысли: заимствованный изъ чужой стороны картофель, предметъ ненависти уже въ силу своего чужеземнаго происхожденія, естественно могъ вырости только на трупѣ какого-либо порочнаго человѣка; здѣсь безъ особаго злого умысла могло сложиться основаніе, зерно легенды.

Но связь съ легендой о происхожденіи табака не ограничивается совпаденіемъ основного мотива: въ легендѣ о табакѣ разсказываютъ, что земля, по повелѣнію Божію, разступилась и пожрала великую блудницу вмѣстѣ съ сатаной (= любодѣйчивымъ демономъ), бывшимъ въ ея чревѣ. Отсюда-то и произошло зеліе — табакъ «на прелесть будущимъ родамъ». И вотъ, подобно какъ и во второй легендѣ о картофелѣ — нѣкто «врачъ, именемъ Тремикуръ, родомъ еллинъ, изыде въ поле врачебнаго зелія искати, и обрѣте на поли сіе зеліе травное надъ нѣкою пропастію, идѣже беззаконную и скверную блудницу ангелъ господень порази, и видѣ траву ту новорастущу пріиде нанъ, я и вложи въ него сатана мысль, еже сорвати ему, и сорвавъ обнюхати на прелесть будущимъ пароду». Тремикуръ садитъ у себя въ саду траву, становится отъ нея пьянъ и заражаетъ этимъ пьянствомъ всѣхъ. Тогда царь Анепсій разыскиваетъ мѣсто, гдѣ была найдена Тремикуромъ трава, велитъ раскопать и «обрѣтоша трупъ мерзокъ и смрадъ и зловоненъ, смердящь», всѣ кости истлѣли кромѣ «главныя и аѳендроновыя». На вопросъ царя, чьи это кости, ему разсказываютъ исторію блудницы.

Въ томъ же «сказаніи о табакѣ» мы находимъ и параллель къ за-

---

1) Памятники стар. русской литературы, т. II, стр. 435.
2) *Этнографическій Сборникъ*, т. III, стр. 219.

ключенію первой редакціи легенды о картофелѣ. Ангелъ или «мужъ свѣтелъ» является во снѣ царю Анепсію и посылаетъ его къ нѣкоему епископу съ просьбой крестить его. Епископу же послѣ сорокадневнаго поста «посла Богъ ангела своего, повелѣвающе прокляти тое зеліе, законопреступленія плодъ». Вотъ рѣчь ангела къ епископу: «Слыши человѣче господень, прокляни плодъ тоя травы понеже преступленія законоосквернениаго (?) трупа яко отъ беззаконнаго и проклятаго, отъ сосуда мерзка и чаши гнусныя посѣя сатана свой смрадный плодъ на земли надъ проклятою и поганою; аще кто отъ избранныхъ тѣмъ проклятымъ быліемъ по невѣріямъ да обоняетъ, дабы ихъ Богъ отъ царства своего небеснаго отлучилъ и царскія пищи лишилъ и въ муки лютыя сложилъ....; и аще кто престанетъ отъ сего вкуса и покается съ постами и молитвами, чистымъ сердцемъ, со слезами и воздыханіемъ чистымъ, и то малую отраду и ослабу приметъ себѣ и между рая и мукою учиненъ будетъ, а въ рай невходимъ будетъ....» Кончается рѣчь обѣщаніемъ пагубы тѣмъ народамъ, которые будутъ употреблять проклятое зелье.

Третья часть первой редакціи легенды о картофелѣ повторяетъ приведенный эпизодъ въ значительно смягченномъ видѣ и этимъ обнаруживаетъ зависимость свою отъ легенды о табакѣ.

Связь легенды о табакѣ съ легендою о картофелѣ, обнаруженная нами, существовала уже давно. Даже такая подробность, какъ упоминаніе о дѣвицѣ, соблудившей со псомъ, первоначально принадлежала легендѣ о табакѣ: въ рукописи Кіевской Духовной Академіи первой половины XVIII вѣка № 60 (Аа. 117) л. 52 об.—60 читается извѣстная статья о табакѣ озаглавленная: «Выписано изъ лѣтописца грѣчскаго о томъ отчего проклятая табака возниче, слово 21 л. 131, в лето 7061 (1553). Въ литовскомъ градѣ велицемъ бысть некій человѣкъ словенъ и многимъ богатствомъ китяше. . .». Далѣе—рѣчь о дѣвицѣ, соблудившей со псомъ и удавившейся[1]).

Что же привнесли новаго, отъ своего ума, составители легенды о картофелѣ? Въ первой редакціи—вся первая часть не имѣетъ соотвѣтствія въ вышеуказанномъ источникѣ легенды. Но за-то она представляетъ собой обычное сказочное «общее мѣсто»: умираетъ царь,

1) Н. И. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I, М. 1891, стр. 107.

приближенные гадаютъ, кому отдать царство и присуждаютъ не мудрому (= чародѣю) старшему, а благочестивому младшему сыну.

Царь Анепсій легенды о табакѣ—замѣненъ въ нашей легендѣ царемъ Мамеромъ, лицомъ чрезвычайно извѣстнымъ въ старинной русской литературѣ съ XV в.[1]); сны, истолкованные Мамеромъ,—эсхатологическаго характера и примыкаютъ къ другимъ памятникамъ этой литературы, а потому имѣютъ особенную извѣстность въ старообрядческой средѣ.

Описаніе открытія картофеля, сходное въ обѣихъ редакціяхъ легенды, несомнѣнно восходитъ къ легендѣ о табакѣ. Вторая редакція сохранила даже упоминаніе о врачахъ. Это мѣсто — намекъ на цѣлебное дѣйствіе, приписывавшееся картофелю, — можетъ объясняться не только аналогіей съ легендой о табакѣ, но имѣетъ оправданіе въ ученой литературѣ XVII—XVIII вв. о свойствахъ картофеля. Тотъ же старый журналъ, изъ котораго мы почерпнули мнѣнія XVIII в. по интересующему насъ вопросу, указываетъ, что въ то время картофель считался медицинскимъ средствомъ. Въ статьѣ «*Экономическаго Магазина*», заимствованной изъ современной нѣмецкой энциклопедіи, читаемъ слѣдующеее:

«Многіе врачи похваляли употребленіе картофеля въ пищу чахоточнымъ; потому что онъ вареной въ соусахъ и въ супахъ составляетъ легкую пищу, а у сего рода больныхъ варительныя силы въ желудкѣ и безъ того ослаблены. К. Баугинъ въ сочиненіяхъ своихъ говоритъ, что онъ, пріуготовляемой съ перцомъ въ жирныхъ соусахъ, въ особливости похваляемъ былъ нѣкогда для употребленія мужьямъ новобрачнымъ. Лоббъ похвалялъ употребленіе картофеля въ пищу, яко весьма хорошее средство отъ каменной болѣзни.... Въ Ирландіи почитается сія пища лѣкарственною отъ цынги. Кромѣ сего производитъ картофель пользу и при наружномъ употребленіи. Ежели его въ иготѣ излегка хотя изтолочь, и приложивъ къ обожженнымъ мѣстамъ, отъ времени до времени перемѣнять свѣжимъ: то онъ въ семъ случаѣ составитъ весьма легкое и дѣйствительное лекарство. А такимъ же образомъ съ хорошею пользою можно прикладывать сію толчу къ мѣстамъ, ужаленнымъ осами[2])».

1) А. Н. Веселовскій. Слово о двѣнадцати снахъ Шахайши. По рукописи XV вѣка (*Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ*, т. XX, № 2).

2) *Экономическій Магазинъ* 1787 г., т. XXXI, стр. 316—317.

Подводя итоги всему вышесказанному, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: легенды о картофелѣ возникли не ранѣе половины XVIII ст., когда это растеніе впервые было занесено въ Россію. Основаніемъ для распространенія подобнаго рода легендъ вѣроятнѣе всего было враждебное чувство недовѣрія къ правительственной пропагандѣ картофеля. Легенды о немъ создались подъ вліяніемъ сказанія о табакѣ, но со внесеніемъ новыхъ подробностей, при чемъ основой главной, центральной части легенды — было простонародное повѣрье о растеніяхъ, вырастающихъ на трупахъ людей. Убѣжденіе въ лекарственныхъ свойствахъ картофеля могло поддерживаться литературой XVIII вѣка.

В. Н. Перетцъ.

О владыкѣ Михаилѣ, упомянутомъ въ записи лицевой Псалтири 1397 года.

Въ музеѣ Императорскаго Общества любителей древней письменности хранится лицевая пергаменная Псалтирь (№ VI F°), въ которой, на листѣ 227, находится слѣдующая запись: «Въ лѣто 6905 списана бысть книга си Давыда царя повелѣньемъ смиреннаго владыкы Михаила, рукою грѣшнаго раба Спиридонья протодіякона, а писана въ градѣ въ Кіевѣ». Этою записью опредѣляется время написанія рукописи — въ 1397 году было окончено въ Кіевѣ списываніе Псалтири.

Кто же такой упомянутый въ записи «смиренный владыка Михаилъ»?

Хотя рукопись писана въ Кіевѣ, это не могъ быть митрополитъ Кіевскій, такъ какъ съ именемъ Михаила извѣстенъ только одинъ митрополитъ Кіевскій, жившій въ XII вѣкѣ; за XIV же вѣкъ вообще не извѣстно ни одного русскаго іерарха, носившаго имя Михаила, кромѣ епископа Смоленскаго, о которомъ знаемъ, что въ 1396 году, то-есть, за годъ до написанія лицевой Псалтири, онъ оставилъ свою каѳедру окончательно, такъ что на его мѣсто былъ посвященъ Насонъ. Объ этомъ епископѣ Смоленскомъ Михаилѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія.

Въ 1370 году на краю Москвы былъ основанъ племянникомъ св. Сергія Ѳеодоромъ, изъ рода Плещеевыхъ, Симоновъ монастырь. Ѳеодоръ двѣнадцати лѣтъ былъ постриженъ въ Сергіевой лаврѣ и прославился своею подвижническою жизнію, и добрая молва о ней привлекла къ Ѳеодору не мало иноковъ, послѣ того, какъ онъ положилъ основаніе своей обители. Въ числѣ этихъ иноковъ былъ между прочимъ

Кириллъ, впослѣдствіи великій подвижникъ Бѣлозерскій. Въ житіи[1]) св. Кирилла Бѣлозерскаго повѣствуется, что когда онъ былъ приведенъ, по своему желанію, въ Симоновъ монастырь и отданъ на руки архимандриту Ѳеодору, то послѣдній «пріемлетъ его съ радостію и тако постризаетъ его свершено и даетъ ему тожь именованіе Кирилъ. Бѣ же тогда имѣя житіе въ монастырѣ томъ нѣкто Михаилъ, иже послѣди бысть Смоленску епископъ, мужь велико житіе по Бозѣ преходя во молитвахъ и постѣхъ и бдѣніихъ и во всякомъ воздержаніи; сему убо Кирилъ ученіемъ Ѳеодоромъ врученъ бываетъ. Сего видецъ Кирилъ възревнова доброту его житію. . . и опасно зряше того въ молитвахъ протяженое, безгнѣвное еже и въ трудѣхъ любомудрое житіе, видячи же того безмѣрные труды, тщашеся собою вся та исправить . . . ; егда же старець въ нощи псалтырь чтяше, сему повелѣваше поклоны творити . . . . Глаголетъ же и се, яко внегда стояти оному Михаилу нощию на своемъ обычномъ правилѣ и съ нимь жь святому Кирилу стоящу . . . Бысть же у великаго того подвижника время не мало. . . ».

Извѣстно, что преподобный Кириллъ родился въ 1337 году; въ Симановѣ же онъ пробылъ до 1397 года: послѣднія шесть лѣтъ онъ былъ архимандритомъ, передъ тѣмъ девять лѣтъ, по житію, въ поварнѣ, а того ранѣе — подъ началомъ у старца Михаила, слѣдовательно, всего онъ пробылъ въ Симановѣ лѣтъ 15—20, и постриженіе его надо отнести къ концу 70-хъ или началу 80-хъ годовъ XIV вѣка, то-есть, когда ему было лѣтъ около 40; а такъ какъ, по всему вѣроятію, онъ былъ отданъ подъ началъ человѣку старше его, то стало быть, старцу Михаилу было въ это время не менѣе пятидесяти лѣтъ. Подъ 1383 годомъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что митрополитъ Пименъ, зимою этого года, поставилъ въ Переяславлѣ въ епископы Сарайскіе Савву и затѣмъ пріѣхалъ въ Кострому и здѣсь поставилъ Михаила въ епископы Смоленскіе.

Новопоставленный епископъ вскорѣ отправился въ свою епархію. О дѣятельности его тамъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Имя его упоминается въ памятникахъ въ теченіе послѣдняго де-

---

1) Рукопись Императорской Публичной библіотеки изъ древнехранилища Погодина № 732, XVI вѣка, на 110 листахъ, листъ 9 об.—15.

сятилѣтія XIV вѣка только какъ лица, прикосновеннаго къ тогдашней смутѣ въ Русской церкви.

Еще при жизни митрополита Алексѣя въ Константинополѣ было совершено, по требованію великаго князя Литовскаго Ольгерда, поставленіе Кипріана митрополитомъ для Литвы, съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ преемникомъ митрополита Алексѣя. Кипріанъ пріѣзжалъ въ Москву, но былъ тамъ принятъ сурово и потому уѣхалъ обратно въ Кіевъ. Когда же митрополитъ Алексѣй скончался въ 1378 году, великій князь Дмитрій Ивановичъ выбралъ въ преемники ему любимца своего Митяя. Между тѣмъ въ это время снова прибылъ въ Москву Кипріанъ, надѣясь занять митрополичью каѳедру, но опять принужденъ былъ удалиться въ Кіевъ, а оттуда уѣхалъ въ Константинополь «искать правды», но не нашелъ ея и тамъ и черезъ тринадцать мѣсяцевъ снова возвратился въ Кіевъ. Въ 1379 году великій князь рѣшилъ послать Митяя въ Царьградъ для поставленія. Эта поѣздка окончилась смертью Митяя, но одному изъ бывшихъ съ нимъ архимандритовъ Пимену Переяславскому удалось обманнымъ образомъ получить митрополичій санъ. Когда слухи о томъ дошли до Москвы, то великій князь послалъ своего духовника Ѳеодора, игумена Симановскаго, звать Кипріана на Москву, а когда пріѣхалъ изъ Константинополя на Русь Пименъ, онъ былъ задержанъ и заключенъ въ Твери. Впрочемъ согласіе между великимъ княземъ и митрополитомъ Кипріаномъ продолжалось не долго. Послѣ нашествія Тохтамыша Кипріанъ, поссорившись съ Дмитріемъ Ивановичемъ, удалился въ Кіевъ, а его мѣсто занялъ Пименъ. Великій князь, чувствуя себя нѣсколько виновнымъ въ происшедшей смутѣ, снова послалъ въ Царьградъ Симановскаго игумена Ѳеодора и Суздальскаго архіепископа Діонисія для улаженія церковныхъ дѣлъ. Въ Константинополѣ Діонисій былъ поставленъ въ митрополита; но на возвратномъ пути въ Россію новый митрополитъ былъ задержанъ въ Кіевѣ, заключенъ и умеръ въ темницѣ, а Ѳеодоръ благополучно вернулся въ Москву въ санѣ архимандрита. Въ 1383 году Кипріанъ снова поѣхалъ въ Константинополь, куда, по его жалобамъ, былъ вызванъ и Пименъ. Вслѣдъ за Пименомъ отправленъ былъ въ Царьградъ и архимандритъ Ѳеодоръ, по видимому, для того, чтобы хлопотать въ пользу Пимена, какъ лица болѣе пріятнаго великому князю. Видя неудачу и этой своей попытки добиться успѣха въ Константинополѣ, Кипріанъ задумалъ

устроить свое дѣло другимъ путемъ: въ 1386 году онъ снова дѣлаетъ попытку примириться съ великимъ княземъ и для того пріѣзжаетъ въ Москву, но по прежнему не достигаетъ примиренія.

Въ Константинополѣ препирательство двухъ митрополитовъ было рѣшено тѣмъ, что Кипріана отпустили въ Русь, но не въ «Великую», а Пимена—въ Москву, куда послѣдній и прибылъ лѣтомъ 1387 года, миновавъ Кіевъ. Подъ этимъ же годомъ въ лѣтописи записано извѣстіе, что въ поставленіи игумена Хутынскаго монастыря Іоанна въ Новгородскіе архіепископы принималъ участіе епископъ Смоленскій Михаилъ. По всему вѣроятію, онъ пріѣзжалъ тогда въ Москву по дѣламъ своей епархіи (съ 1383 года по 1387 годъ въ Москвѣ почти не было митрополита), а также для встрѣчи Московскаго митрополита, возвратившагося изъ дальняго путешествія.

Хотя Пименъ и былъ утвержденъ въ своемъ санѣ патріархомъ Цареградскимъ, тѣмъ не менѣе положеніе его было тяжелое: правда, великій князь призналъ его митрополитомъ, тѣмъ не менѣе Пименъ не могъ пользоваться большимъ его довѣріемъ, такъ какъ достигъ своего сана не совсѣмъ законнымъ путемъ. Свои непрочныя отношенія митрополитъ Пименъ ухудшилъ еще ссорою съ великимъ княземъ, и въ 1389 году, тайно отъ великаго князя, уѣхалъ въ Царьградъ съ цѣлью упрочить свое положеніе. Въ лѣтописи есть особая статья, озаглавленная «Хоженіе Пименово въ Царьградъ». Въ этомъ путешествіи принялъ участіе и владыка Смоленскій Михаилъ, и вотъ что̀ говорится о немъ въ этомъ «Хоженіи»:

«Тоя же весны (6987—1389) Пименъ митрополитъ втретьи поиде въ Царьградъ къ патріарху, а съ нимъ Михаилъ, владыка Смоленскый, да Сергій архимандритъ Спаскій. . . и повелѣ митрополитъ Пиминъ Михаилу, владыцѣ Смоленьскому, да Сергію, архимандриту Спаскому, и всякождо аще кто хощетъ, писати сего пути шествованіе все, како поидоша и гдѣ што случися. . . ; мы же сіа вся писахомъ».

Эти послѣднія слова нѣтъ однако повода относить къ самому епископу Михаилу: все описаніе Пименова путешествія принадлежитъ его спутнику, чернецу Игнатію смольнянину, о чемъ можно заключить изъ

1) П. С. Р. Л., т. XI; Древній Лѣтописецъ; отдѣльное изданіе сдѣлано Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, см. т. XII Сборника.

словъ самого Игнатія, какъ напримѣръ слѣдующихъ: «рече ми Михаилъ епископъ», или «отпусти Пименъ митрополитъ чернца Михаила къ Царьграду, а Михаилъ, епископъ Смоленскій, мене Игнатіа. . . ».

Путь Пимена и его спутниковъ былъ слѣдующій: изъ Московскаго княжества путешественники прибыли въ Рязанское, и здѣсь, въ Переяславлѣ Рязанскомъ, великій князь Олегъ Ивановичъ не только встрѣтилъ ихъ съ почетомъ, но и далъ имъ отрядъ для охраны. Этотъ отрядъ дошелъ до Дона, до мѣста, названнаго въ «Хоженіи» «Чюры Михайловы»; здѣсь митрополитъ Пименъ и его спутники сѣли на суда и поплыли по Дону. Они миновали рѣки Мечъ, Сосну, Воронежъ, Тихую Сосну, Битюгъ и Похоръ, то-есть, Хоперъ. На устьѣ рѣки Воронежа, то-есть, на границѣ Русской земли, къ митрополиту пріѣхалъ, по приказанію великаго князя Олега, князь Юрій Елецкій «съ бояры своими и со многими людьми и воздаде намъ честь и радость, и утѣшеніе веліе». Благополучно миновавъ Татарскую землю, путешественники прибыли къ устью Дона, гдѣ въ то время находилась генуезская колонія Тана, называемая въ «Хоженіи», изданномъ Палестинскимъ Обществомъ, Овакомъ: испорченное «Озакъ», такъ какъ подъ этимъ именемъ русскіе разумѣли городъ Азовъ, какъ и значится въ Никоновской лѣтописи. Изъ Азова Пименъ съ спутниками поплылъ на фряжскомъ кораблѣ Азовскимъ (Азачскимъ) моремъ. Тутъ съ путешественниками произошло непріятное происшествіе, о которомъ такъ разсказывается въ «Хоженіи:». . . . и отступихомъ въ море; и бысть въ полунощи кораблю стоящу на якорехъ, и нѣціи во градѣ оклеветаша насъ фрязомъ, и догнаша насъ фрязове въ сандалцехъ и наскакаша въ корабль. . . и изшедше на помостъ и видѣхомъ мятежъ велій. И рече ми Игнатію (Михаило) епископъ: «Что, брате, сице стоишь, ничтоже печали имѣя?» Мнѣ же рекшу: «Что есть, господине мой святый?» И рече ми: «Сіи убо фрязи отъ града Азова пришедше, нашего господина Пимина митрополита емше сковаша и Ивана протопопа, и Григорья протодьякона. . . длъжни бо имъ суть; мы же съ ними безъ вины погибаемъ». Таже вопросихомъ старѣйшину фрязъ тѣхъ, что хотятъ и намъ сътворити; онъ же отвѣща, глаголя: «Не бойтеся вы: что̀ убо вашего есть, и вы своя вся возмете». Кончилось все это тѣмъ, что митрополитъ уплатилъ деньги и былъ отпущенъ. Изъ Азовскаго моря путники вышли въ Великое, то-есть, Черное море, миновали Ка-

финскій заливъ и Сурожъ. На пятыя сутки ихъ плаванія поднялся вѣтеръ, который отогналъ ихъ корабль къ Синопу. Изъ Синопа плаваніе продолжалось вдоль Малоазійскаго берега. На этомъ пути «Хоженіе» перечисляетъ слѣдующіе пункты: Амастру, Понтораклію, Діополь, рѣку Сахаръ, Дафнусію, Карфію, Астравію, Фили, Риву, Фонаръ и наконецъ Царьградъ.

Всѣ эти названія легко прослѣдить по стариннымъ картамъ сѣвернаго берега Малой Азіи. На картѣ Весконте 1318 года, снимокъ съ которой приложенъ ко 2-й части «Черноморья» Бруна, мы находимъ почти всѣ эти названія совершенно въ томъ же порядкѣ, что̀ и въ «Хоженіи»: Синопъ, Самастра, Пунтарахія (Гераклея Понтійская), Зангари (р. Сангари = Сахаръ), Феносія (островъ и у Клавихо — Финогія), Карпи, Фили, Рива и Фанаръ. Названіе «Діополь» мы нашли въ атласѣ Дройзена. Что касается города Астравіи между Карфіей и Филями, находившагося, по словамъ «Хоженія», въ Турской державѣ, то его мы ни къ чему пріурочить не могли. Часть этихъ названій, только въ обратномъ порядкѣ, встрѣчается и у Клавихо, въ «Дневникѣ его путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ» 1403—1416 гг., а именно: Финогія (Дафнусія), Понторакія, Самастро и Синопъ. Названіе «Рива» упоминается еще въ «Видѣніи Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію въ 941 году»: «Они (то-есть, русы) пробрались до Ривы, простирая набѣги до Понтійской Гераклеи и Пафлагоніи и пройдя всю Никомидійскую область». Это все были во время Пименова путешествія генуезскія колоніи, которыя не попали еще во власть турокъ. Русскихъ описаній этого пути въ Царьградъ, кромѣ «Хоженія», не извѣстно ни одного, если не считать перечня городовъ, приведеннаго Хр. М. Лопаревымъ въ варіантахъ къ «Хожденію купца Трифона Коробейникова» (1593—1594 г.): «. . . отъ Черкасково Дономъ рѣкою до Азова 25 верстъ; отъ Азова моремъ Азовскимъ на полдень до крымскаго города Керчи. . . двои сутки; отъ Керчи до Кафы города. . . сутки. . .; отъ Кафы Чернымъ моремъ поперекъ бѣгу стройною погодою десять дней до Царяграда, а бѣжать Чернымъ моремъ мало не къ востоку, а притрется къ восточному брегу противъ Регли города. . ., а отъ Регли близъ восточныхъ Чернѣй бѣжать ко Царюграду на полдень 59. . .». Регли — Эрегли — Гераклея Понтійская.

Когда Пименъ со своими спутниками находился въ турецкихъ владѣніяхъ, въ «Астравіи», они пытали вѣстей о турецкомъ султанѣ Амуратѣ, отправившемся въ походъ противъ Лазаря Сербскаго. Въ Астравіи было получено извѣстіе, что Амуратъ и Лазарь оба убиты: «и мятежъ бысть велій (въ Астравіи) и смущеніе много въ той странѣ. И убоявшеся мятежа, отпусти Пиминъ митрополитъ черньца Михаила къ Царюграду, а Михаилъ, епископъ Смоленскій, мене Игнатіа, а Сергѣй архимандритъ Азаковъ своего черньца. . . ». Такимъ образомъ, путешественники раздѣлились: одни направились кратчайшимъ путемъ, черезъ Фили и Риву, въ Фанаръ, а митрополитъ съ остальными спутниками (какъ будетъ видно дальше) спустился до Халкидона.

Недѣли черезъ двѣ по прибытіи Игнатія въ Царьградъ, именно, 16-го іюля, «пріиде Михаилъ, владыка Смоленскій, отъ Пимина митрополита въ Царьградъ. . .», а «въ 30 пріатъ благословеніе отъ патріарха владыка Михаилъ. . .»[1]).

Въ это же время находился въ Константинополѣ и митрополитъ Кипріанъ. Весьма возможно, что Пименъ съ умысломъ послалъ епископа Михаила, чтобы разузнать, какъ обстоитъ дѣло относительно его, Пимена, и Кипріана. Вѣсти для Пимена были неутѣшительны: желая возстановить единство Русской митрополіи патріархъ Антоній рѣшилъ признать Кипріана митрополитомъ всей Руси. Вскорѣ, впрочемъ, митрополитъ Пименъ заболѣлъ и скончался въ Халкидонѣ (10-го (11) сентября), и Кипріанъ освободился отъ соперника. Тѣло Пимена было перевезено въ Галату и погребено тамъ въ церкви Іоанна Предтечи.

1-го октября митрополитъ Кипріанъ отправился назадъ на Русь, «а съ нимъ Михаилъ, епископъ Смоленскій, и Іона, владыка Волынскій, еще же съ нимъ и два митрополита Греческихъ, и Ѳеодоръ, архимандритъ Симановскій. . .». На пути ихъ застигла такая буря, что въ Константинополь пришло даже извѣстіе о гибели корабля съ владыками; но слухи оказались ложными, и затѣмъ получено было извѣстіе, что митрополитъ Кипріанъ съ спутниками по минованіи бури благополучно прибылъ къ Бѣлграду (Аккерману) и «отъидоша на Русь».

Такимъ образомъ епископъ Михаилъ возвратился на Русь въ концѣ 1389 года въ свитѣ митрополита Кипріана. Послѣдній пробылъ не-

1) Палестинскій сборникъ, вып. XII.

долго въ Кіевѣ и передъ великимъ заговѣньемъ двинулся со своими спутниками въ Москву, гдѣ и былъ встрѣченъ съ подобающею честью великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Въ Никоновской лѣтописи объ этомъ говорится подъ 1390 годомъ: «. . .Тогда же пріидоша съ нимъ на Москву (изъ Кіева) и прежереченныя два митрополита гречина, Матѳей Андреанопольскій и Никандръ Гаіянскій, и Ѳеодоръ, епископъ Ростовскій, ему же даде патріархъ Антоней Цареградцкій архіепископью, и нарицашеся архіепископъ Ростовскій, Ефросинъ, епископъ Суждалскій, Еремей Гречинъ, епископъ Рязанскій, Исакій, епископъ Черниговскій, Михайло, епископъ Смоленскій, Данило, епископъ Звенигородскій. Тогда же вси епископи Рустіи пріаша кождо свою епископью. . . ».

Черезъ годъ послѣ возвращенія къ своей паствѣ епископъ Михаилъ опять уѣзжаетъ изъ Смоленска: онъ является однимъ изъ лицъ, сопровождавшихъ митрополита въ Тверь къ великому князю Михаилу Александровичу, когда предстояло разобрать ссору между великимъ княземъ Тверскимъ и епископомъ Тверскимъ Евѳиміемъ Висленемъ.

Въ 1396 году великій князь Василій Дмитріевичъ съ митрополитомъ Кипріаномъ ѣздилъ въ Смоленскъ для свиданія съ Витовтомъ, и «постави (Кипріанъ) на великъ день Насона епископа въ Смоленскѣ».

Изъ этого лѣтописнаго извѣстія мы должны заключить, что епископъ Михаилъ уже оставилъ въ то время свою епархію. Причины этого поступка намъ неизвѣстны, но можно догадываться, что Михаилъ былъ недоволенъ ходомъ политическихъ событій, которыя предали Смоленскъ въ руки Литвы, соперницы Москвы; между тѣмъ какъ Михаилъ, очевидно, былъ сторонникомъ московскихъ интересовъ.

Послѣднее упоминаніе объ епископѣ Михаилѣ мы находимъ въ лѣтописи подъ 1402 годомъ: «Того же лѣта, мѣсяца маа въ 6 день, преставися Михайло, владыка Смоленскій, и положенъ бысть у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ».

Таковы скудныя извѣстія о владыкѣ Михаилѣ, какія сохранены нашими памятниками. На сколько возможно сдѣлать изъ нихъ заключеніе, это былъ старецъ подвижнической жизни, благодаря которой онъ достигъ выдающагося положенія въ іерархіи, образованный, на что̀ указываетъ повелѣніе ему Пимена записывать о событіяхъ ихъ путешествія, дѣловитый и, вѣроятно, знавшій по гречески, такъ какъ,

по порученію митрополита Пимена, онъ долженъ былъ входить въ сношенія съ греческими іерархами въ Царьградѣ и собирать нужныя митрополиту свѣдѣнія. Митрополитъ Кипріанъ тоже относится къ нему съ пріязнію, не смотря на то, что въ Царьградъ Михаилъ явился приверженцемъ Пимена; Кипріанъ беретъ Михаила съ собою на Русь, и здѣсь послѣдній принимаетъ при Кипріанѣ дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ.

Если мы сопоставимъ указаніе лѣтописи о томъ, что владыка Михаилъ въ 1389 году провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и сообщенное въ записи извѣстіе, что Псалтирь списана по повелѣнію смиреннаго владыки Михаила въ Кіевѣ, то съ полною вѣроятностью имѣемъ право заключить, что Псалтирь 1397 года была заказана протодіакону Спиридонію этимъ самымъ владыкой во время его пребыванія въ Кіевѣ въ 1389 году, и тогда опредѣлится почти точно продолжительность и самаго труда: съ 1389 года по 1397 годъ, то-есть, Псалтирь была переписана и украшена лицевыми изображеніями въ теченіе восьми лѣтъ.

Въ заключеніе нашего сообщенія позволимъ себѣ прибавить, что списываніе Псалтири не было за это время единственнымъ трудомъ, принадлежащимъ протодіакону Спиридонію: въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится пергаменная рукопись Евангельскихъ чтеній (Отд. п. I, 18), въ которой на л. 207 находится слѣдующая запись: «Благословеньемъ Кипріяна, митрополита всея Руси, повелѣньемъ благовѣрнаго князя Владимера Андреевича, списана бысть сія книга въ лѣто 6901 (1393), индикта 1. Многогрѣшный рабъ Божій Спиридонъ діяконъ». Почеркъ рукописи Евангельскихъ чтеній и Псалтири одинаковъ. Упоминаемый въ записи князь Владиміръ Андреевичъ есть двоюродный братъ Дмитрія Донского, принимавшій славное участіе въ Куликовской битвѣ. Очевидно, діаконъ Спиридоній пользовался въ свое время большою извѣстностью какъ искусный писецъ, и памятниками его искусства остались двѣ рукописи, писанныя имъ въ Кіевѣ: одна для запада Россіи, другая — для сѣвера.

Владиміръ Майковъ.

Къ литературной исторіи „Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ“[1]).

I.

При изученіи древне-русской литературы все еще замѣчается существенный недостатокъ въ серьезномъ критическомъ анализѣ памятниковъ. Это, конечно, и понятно, въ виду того, что научная разработка ихъ началась у насъ очень поздно. Въ XVIII вѣкѣ литературной критики еще не могло быть, и даже въ первой половинѣ XIX вѣка дѣло изученія произведеній ограничивалось у насъ по большей части все еще простымъ пересказомъ самихъ памятниковъ. Только ученые второй половины XIX столѣтія увидѣли наконецъ необходимость знакомиться съ критическими пріемами, то-есть изучать тексты съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, самостоятельности, связи съ другими памятниками, времени ихъ появленія и т. д. Съ этого времени начался новый періодъ въ изученіи литературы. Но въ то время, какъ разработка однихъ памятниковъ дѣлала шагъ впередъ, разработка другихъ и общее обозрѣніе литературы продолжало сохранять свой прежній характеръ. Въ учебникахъ по исторіи литературы и доселѣ еще господствуетъ ошибочный взглядъ на дѣло: повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ неизмѣнно все еще помѣщается въ числѣ произведеній литературы подъ XIV вѣкомъ, хотя общаго между памятникомъ и временемъ, къ которому онъ отно-

1) Рефератъ этотъ былъ первоначально читанъ въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, 18-го января 1895 г. (см. Сборникъ Ист.-Фил. Общества при институтѣ кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ. Кіевъ 1896, I, стр. 24—25). Нынѣ онъ является въ переработанномъ видѣ.

сится, — только одно содержаніе. Подъ памятники литературы XIV в. у насъ занесены обработки и пересказы XV и XVI вѣковъ — только потому, что ихъ по ихъ анонимности не легко пріурочить къ какому-либо другому времени. Такое пріуроченіе на первыхъ порахъ быть можетъ и было наиболѣе удобнымъ, но теперь прежній взглядъ становится совершенно неправильнымъ.

Современными свидѣтельствами войны съ татарами должны считаться нѣкоторыя, впрочемъ немногочисленныя, лѣтописи[1]), которыя мы имѣемъ право разсматривать, какъ свидѣтельства если не самихъ современниковъ, то во всякомъ случаѣ лицъ, болѣе или менѣе освѣдомленныхъ въ вопросѣ о побоищѣ. Татарскому владычеству на рѣчкѣ Непрядвѣ былъ нанесенъ въ 1380 г. жестокій ударъ, но и только; орда продолжала еще существовать и даже причинять Руси много бѣдъ. Пока надъ нами тяготѣло иго, лѣтописныя свидѣтельства оставались одинокими; но когда въ концѣ XV вѣка татарское господство было свержено, орда прекратила свое существованіе въ качествѣ самостоятельнаго политическаго организма, народное сознаніе на Руси ожило и стало крѣпнуть, — на сцену выступила литература; какъ выразительница настроенія многихъ русскихъ людей, она со своей точки зрѣнія обратилась къ прошлому и по своему пересказала лѣтописныя свѣдѣнія.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ дошло до насъ во многихъ спискахъ и въ нѣсколькихъ редакціяхъ XVI—XVIII вѣковъ, которыя все еще не приведены въ извѣстность. Вотъ однако списокъ ихъ, ни въ какомъ случаѣ, впрочемъ, не претендующій на полноту: 1) Императорской Публичной Библіотеки О. IV. 22, XVI вѣка, лл. 19—90 (Начало повѣсти, како дарова Богъ побѣду); 2) листокъ изъ Сказанія, XVI в., въ библіотекѣ Н. П. Барсукова; 3) Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 70, XVI—XVII в., лл. 5—25 (Сказаніе, како приходилъ на Русь Мамай); 4) Ермолаевскій списокъ, которымъ пользовался И. М. Снегиревъ; 5) Морозовскій, изданный И. П. Сахаровымъ: Сказанія русскаго народа. С.-Пб. 1841, т. I, ч. 4, стр. 65—82; 6) Никоновская лѣтопись (П. С. Р. Л., XI, 46—71), которою пользовались

1) Новгородская 4-я лѣтопись (П. С. Р. Л., IV, 75—83), прибавленіе къ Софійской 1-й лѣтописи (П. С. Р. Л., VI, 90—98), Воскресенская лѣтопись (П. С. Р. Л., VIII, 34—42), лѣтопись Авраамки (П. С. Р. Л., XVI, 107—119).

Карамзинъ и Снегиревъ,—послѣдній при изданіи Сказанія; 7) Императорской Публичной Библіотеки Q. XV. 27, XVII в., лл. 229—348 (безъ начала и конца); 8) Императорской Публичной Библіотеки F. IV. 215, XVII в., лл. 234—252 (Книга о побоищи Мамая царя отъ князя Димитрія): на бѣлорусскомъ нарѣчіи; 12 главъ; 9) Тихонравовскій списокъ, изслѣдованный С. П. Тимофеевымъ (Ж. М. Н. Пр. 1885 г., августъ—сентябрь); 10) кн. М. А. Оболенскаго, которымъ пользовался Снегиревъ; 11) Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 12) Снегиревскій, изданный Снегиревымъ: Русскій Историческій Сборникъ. М. 1838, т. III, кн. 1; отрывки изъ этого изданія—въ «Исторической Христоматіи» Ѳ. Буслаева. М. 1861, стт. 1329—1333; 13) Синодальный № 365; 14) Ростовскій лѣтописецъ и 15) Архангельская лѣтопись, которыми пользовался Карамзинъ; 16) Тимковская рукопись; 17—18) два бѣлорусскихъ списка; 19) Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 22, XVII—XVIII вв., лл. 116—225 (Сказаніе извѣстно о поганомъ и богомѣрскомъ царѣ Мамаѣ и о многихъ силахъ его; 54 главы)[1]); 20) Лопаревскій, XVII—XVIII вв., безъ начала и конца; отрывокъ на шести листахъ; издается нынѣ здѣсь; 21) Вяземскій F. IX (отрывокъ); 22) Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 48, XVIII в., лл. 20—50 (Повѣсть зѣло изрядна о Мамаѣ царѣ); 23) Лопаревскій, XVIII в., безъ начала (27 главъ).

Чѣмъ болѣе мы узнаемъ списковъ Сказанія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что народное творчество въ позднее время не имѣло границъ. Казалось, что писцы измѣнили своей работѣ и вмѣсто копированія занялись каждый самостоятельнымъ пересказомъ повѣсти; вотъ почему мы видимъ такъ много различныхъ списковъ съ значительными разностями въ текстѣ. Но не смотря на это разнообразіе, все-таки есть возможность раздѣлить перечисленный рукописный матеріалъ на двѣ главныхъ группы. Къ первой, съ болѣе краткимъ содержаніемъ, относятся рукописи: Императорской Публичной Библіотеки O. IV. 22, Ермолаевская, Морозовская, Тимковская и двѣ Бѣлорусскихъ; ко второй—списки: Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 70, Тихонравовскій, Оболенскій, Архивскій, Синодальный, Снегиревскій,

1) Такъ по оглавленію текстъ кончается 41-ю главою, конца недостаетъ.

Сказаніе Никоновской лѣтописи и пр. Къ этой же категоріи относится и тотъ списокъ, отрывокъ котораго приводится въ настоящее время здѣсь. Первая, болѣе краткая, редакція, какъ болѣе согласная съ лѣтописнымъ разсказомъ, безъ всякаго сомнѣнія содержитъ въ себѣ наиболѣе близкій къ не дошедшему оригиналу пересказъ событія. Вторая, болѣе распространенная редакція, есть уже позднѣйшій пересказъ Куликовскаго побоища.

Первая редакція вслѣдъ за лѣтописнымъ разсказомъ кратко передаетъ извѣстіе о великокняжескомъ послѣ Захаріи Тотшевѣ, вывѣдавшемъ военныя силы Мамая; вторая редакція Сказанія съ особенною любовью остановилась на этомъ вопросѣ и прибавила много мелкихъ подробностей о превосходствѣ русскаго предъ татариномъ. Прибавка такого рода не можетъ восходить къ древности; напротивъ, могла появиться только въ эпоху, когда сила татарская потеряла уже въ глазахъ стараго русскаго человѣка свое страшное значеніе, когда можно было и пошутить надъ безсильнымъ теперь мусульманиномъ. А это само собою предполагаетъ, что появленіе подробностей посольства Захаріи не можетъ относиться ранѣе какъ къ концу XV вѣка, когда окончательно была сломлена Золотая Орда. Затѣмъ лѣтопись ничего не говоритъ о военныхъ новгородскихъ силахъ на Куликовомъ полѣ. Первая редакція разсказываетъ, что новгородцы собирались на вѣче, но не будучи въ состояніи прибыть заблаговременно на мѣсто военныхъ дѣйствій, отказались идти въ походъ. Напротивъ, по второй редакціи, они участвуютъ въ битвѣ. Отсутствіе князя въ Новгородѣ и вообще разсказъ объ участіи новгородцевъ въ битвѣ, переданный второю редакціею, опять-таки указываетъ на позднее появленіе этого разсказа, именно на конецъ XV и на первую половину XVI вѣка и очень характеренъ именно для этого времени, когда Новгородъ вошелъ въ органическую связь съ Московскимъ государствомъ и участвовалъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Редакторъ не понималъ, какъ это Новгородъ не хотѣлъ идти на войну, на службу Москвѣ, и разрѣшилъ свое недоумѣніе передѣлкою текста въ духѣ своего времени[1]). Далѣе лѣтопись умалчиваетъ о посѣщеніи Димитріемъ Донскимъ игумена Сергія послѣ битвы; не знаетъ этого разсказа и первая редакція Сказанія. Напротивъ, вторая

1) Ср. И. П. Б. Q. XV, 27; Q. XVII, 22.

въ нѣкоторыхъ спискахъ описываетъ это довольно подробно[1]). Позднему книжнику, для котораго историческій фактъ говорилъ не все, казалось очевидно загадочнымъ, какъ это Димитрій, бывшій въ лаврѣ до похода противъ Мамая и получившій благословеніе и нравственную поддержку со стороны игумена Сергія, по возвращеніи изъ похода не посѣтилъ его, не принесъ ему своей благодарности. Было вполнѣ естественно, если бы Димитрій посѣтилъ Сергія послѣ одержанной побѣды, и вотъ поздній редакторъ внесъ въ свою обработку эту возможность въ видѣ положительнаго факта. Лѣтопись описываетъ, какъ дѣло *было*; первая редакція не безъ колебаній продолжаетъ еще оставаться на этой точкѣ зрѣнія; вторая же описываетъ событія такъ, какъ они *должны были быть*. Подобнаго рода обработка памятниковъ литературы священнаго писанія называется апокрифическою или толковою, смотря по роду и характеру самихъ сочиненій, но такая же обработка произведеній свѣтскаго содержанія не получила особенной клички, быть можетъ потому, что не существовало въ старину свѣтской цензуры: проявленіе индивидуальнаго и народнаго творчества въ области историко-литературныхъ фактовъ не было стѣсняемо свѣтскою властью, у которой, къ счастью, не было своего запретнаго индекса; будь эта цензура, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ не преминуло бы попасть въ него. Наконецъ лѣтопись говоритъ о наличности болѣе 150000 человѣкъ русскаго войска, участвовавшихъ на Куликовомъ полѣ; первая редакція сообщаетъ цифру уже болѣе 200000, а вторая въ иныхъ спискахъ даже до 400000. Безъ сомнѣнія, поздніе книжники желали представить въ болѣе выгодномъ свѣтѣ могущество Руси, ея военную силу, ея многолюдность.

Но вотъ и всѣ существенныя особенности рукописнаго преданія, извѣстныя доселѣ. Литературныя интерполяціи нашего списка, представляющаго нѣкоторую сценичность дѣйствія (особенно докладъ великому князю князей-военачальниковъ о численности ихъ войска), идутъ еще далѣе въ указанномъ направленіи. Прежде всего великій князь Димитрій Ивановичъ названъ Московскимъ и *всея Руси*[2]). Какъ извѣстно, впервые такой титулъ усвоилъ себѣ сынъ его Василій въ

1) И. П. Б. Q. XV, 27.
2) Ср. И. П. Б. Q. XV, 27; Q. XVII, 22.

XV вѣкѣ. Стало быть на Димитрія перенесена въ данномъ случаѣ черта ближайшаго послѣдующаго времени. Далѣе рукопись, говоря о новгородцахъ, называетъ совершенно иныя имена посадниковъ и тысящкихъ, нежели нѣкоторые другіе списки Сказанія. И что же оказывается? Имена этихъ лицъ мы встрѣчаемъ во второй половинѣ XV столѣтія: Якова Ивановича (правда, безъ фамиліи) въ 1456 году, Тимоѳея Микулина (правда, безъ отчества) въ 1496 году; даже численность новгородской рати, будто бы участвовавшей въ битвѣ, мы можемъ найти опять-таки въ XV вѣкѣ, въ 1471 году. Далѣе мы встрѣчаемъ въ спискѣ упоминаніе объ ертоульномъ русскомъ полкѣ на Куликовомъ полѣ[1]). Сколько мы могли доискаться, впервые въ русской арміи появляется ертоульная дружина въ 1552 году, во время похода Ивана Грознаго подъ Казань. Если это такъ, то въ такомъ случаѣ на историческое событіе XIV вѣка перенесена бытовая особенность уже XVI вѣка[2]). Быть можетъ, дальнѣйшее изученіе Сказанія приведетъ къ тому заключенію, что и всѣ другія упомянутыя подробности о составѣ и численности войскъ внесены въ памятникъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ событій XV и XVI вѣковъ. Итакъ оказывается, что книжное творчество въ отношеніи Мамаева побоища не переставало проявляться на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, пока наконецъ появившееся въ XVIII вѣкѣ печатное изданіе Сказанія не остановило его дальнѣйшаго развитія.

Мы повторимъ далеко не новую мысль, если скажемъ, что наслоенія въ Сказаніи — поздняго времени. Но къ какому же періоду надо отнести основной текстъ памятника? С. П. Тимофеевъ допускаетъ, что Сказаніе въ его первоначальномъ, не дошедшемъ до насъ, видѣ составлено вскорѣ послѣ самого происшествія. Однако очень трудно доказать

---

1) Ср. И. П. Б. Q. XVII, 70: «въ большомъ полку самъ великій князь Димитрей, въ *ертоулѣ* воевода князь Димитрей Всеволодовичь».

2) Списокъ говоритъ еще о Коломенскомъ архіепископѣ, встрѣтившемъ Димитрія въ походѣ на татаръ. Казалось бы, что здѣсь мы наталкиваемся на еще болѣе позднее пріуроченіе. Коломенскими предстоятелями были епископы до 1672 года, и только съ этого времени они получили титулъ архіепископовъ. Однако здѣсь необходима осторожность: весьма возможно, что редакторы и пересказчики Сказанія называли коломенскаго епископа архіепископомъ и въ болѣе раннее время, просто изъ желанія придать болѣе значенія этой личности, напутствовавшей великаго князя: по крайней мѣрѣ коломенскій *архіепископъ* встрѣчается въ Сказаніи уже въ спискахъ XVI вѣка (ср. И. П. Б. О. IV, 22).

это положеніе, ибо нѣтъ ровно никакихъ данныхъ для такой догадки, за исключеніемъ развѣ той общей и мало убѣдительной, что памятникъ трактуетъ о Мамаевомъ побоищѣ, стало быть вѣроятно онъ и написанъ вскорѣ послѣ Куликовской битвы. Напротивъ, изученіе рукописнаго матеріала кажется должно привести къ иному заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ редакціи Сказанія замѣчательно согласны между собою въ разсказѣ о союзѣ Мамая съ *Ольгердомъ* Литовскимъ, о молитвахъ *митрополита Кипріана* и т. д. Нѣтъ ни одного списка, въ которомъ бы было выставлено настоящее имя Литовскаго князя (Ягайла), нѣтъ ни одного текста, гдѣ бы не говорилось о митрополитѣ Кипріанѣ. Упоминаніе этихъ лицъ — это самое сильное доказательство того положенія, что Сказаніе составлено въ позднее время, когда книжники-редакторы уже утратили живую связь съ прошлымъ, забывъ имена современныхъ дѣятелей въ эпоху отечественной войны XIV столѣтія. Ольгердъ умеръ задолго до 1380 года, Кипріанъ не былъ еще митрополитомъ въ это время. Подобные анахронизмы, систематически проведенные по всѣмъ рукописямъ, во-первыхъ доказываютъ, что они существовали и въ первичномъ сочиненіи и во-вторыхъ свидѣтельствуютъ о позднемъ происхожденіи пересказа. Весьма возможно, что появленіе и основнаго текста памятника обязано XV вѣку и именно событію 1480 года, когда сила Золотой Орды была окончательно сломлена, когда при обнаружившемся подъемѣ русскаго народнаго сознанія какой-то книжникъ вспомнилъ о былой побѣдѣ надъ татарами и изобразилъ ее съ точки зрѣнія понятій XV—XVI вѣка. Работа оказалась и не самостоятельною, ибо авторъ ея почерпалъ свое вдохновеніе въ болѣе раннемъ, прекрасномъ «Словѣ о полку Игоревѣ», и слишкомъ слабою, ибо ей недоставало правильности исторической перспективы и вѣрности характеристикъ дѣйствующихъ лицъ; тѣмъ не менѣе она прямо отвѣчала тогдашнему патріотическому настроенію и потому завоевала себѣ широкую извѣстность. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ не есть памятникъ литературы XIV вѣка, оно должно быть разсматриваемо какъ литературное произведеніе позднѣйшей эпохи[1]).

1) Г. Тимоѳеевъ, изслѣдуя Сказаніе, принялъ въ основаніе Тихонравовскій списокъ, по его же словамъ самый полный изъ всѣхъ существующихъ, и сводитъ свои разсужденія къ тому, что *опущено* другими списками сравнительно съ Тихонравовскимъ; между тѣмъ намъ думается, слѣдовало бы идти какъ разъ наоборотъ: взять за

II.

<передовому полку воеводу учреди Димитрия Все-> * (л. 1) володича Холмскаго, сторожевому полку воеводу учреди Микулу Васильевича да Тимоѳея Волуевича да Івана Родионовича Квашня Угляцкие[1]); а у князя Володимера Андрѣевича в полку воеводы: Андрѣй Черкисовичъ да Данило Костянтиновичъ да князь Ѳеодоръ Елецкий да князь Юрьи Мещерской да князь Андрѣй Муромской.

И князь великий Дмитрий Івановичъ уряди полки и повелѣ имъ Оку реку возитися; і заповѣда коемуждо полку воеводамъ і всемъ ратнимъ, ꙗко *идучи ся по Резанской земли ни единому власу не прикоснутися*[2]). Самъ же князь великий Дмитрий Івановичь, принимъ благословение отъ Коломенского архиепископа, і перевезеся Оку реку, и отпусти в поле третию стражу избранныхъ витязей, ꙗко да купно видятся стражми татарскими. Рече жъ князь великий Дмитрий Івановичъ, рече брату своему Владимеру Андрѣевичю: *Поспешимъ, брате, противу безбожныхъ і не утомимъ лица своего отъ безстудныхъ: аще ли смерть приключитце намъ, то вкупе общую чашу приимемъ;* Идый же путемъ своимъ и призывая сродники своя на помощъ, святыхъ страстотерпець Бориса і Глѣба[3]).

Слышавъ же то Олегъ[4]) Рязанский, ꙗко князь великий Дмитрий Івановичъ Московской совокупися со многими силами і грядетъ (л. 1 об.) в стретение безбожному царю Мамаю, і нача Олегъ блюстись, с места на место преходити со единомысленники, други своими, і рече: *Аще намъ бо*[5]) *мощно послати вѣсть ко многоразумному Олгерду Литовскому, то како онъ имаетъ мыслити,* ꙗко *чаяхъ: князь великий Московский по прежнему сотворитъ: яко не подобаетъ Московскимъ*

основаніе болѣе краткую редакцію и слѣдить, что было *прибавлено* къ ней въ позднѣйшее время.

1) Квашню Углицкаго?

2) О. IV, 22: «да еще кто пойдетъ по Резанской земли, тотъ не коснися ни единому власу»; Q. XVII, 70: «приказалъ всему войску своему въ Резанской земле не прикоснотись ни единому власу».

3) Q. XVII, 27: «иже путемъ своимъ идетъ, призывая сродницы своя на помощь св. мученикъ Бориса и Глѣба».

4) Огегъ (*рукопись*).

5) по (*рукопись*).

княземъ противу восточнаго царя стояти; ныне жъ онъ разумѣ, откуду ему прииде помощъ, яко противу трехъ насъ вооружитися. І рекуще ему бояре его: *Намъ, господине княже, за 15 дней поведали, что есть в вотчине его калугиръ, имя ему Сергий, и велми прозорливъ, тотъ его вооружилъ, отъ своего монастыря дастъ ему пособники калугири.* Олегъ же возьярився на своихъ бояръ: *Почто вы мнѣ того не повѣдали? то бы шелъ и умолилъ бы нечестиваго царя, да ничто жъ бы зло сотворилося; горе мнѣ окаянному, — не токмо отчину свою потерялъ, но и душу свою погубилъ! но горее окаяннаго Святополка! і земля мя пожретъ: како азъ законъ имѣю істиннаго Бога, а на православную вѣру ополчихся с нечестивымъ Олгердомъ Литовскимъ, законъ имѣя великаго Петра*[1]*, яже крещениемъ ограженъ; но не быхъ возвратился к великому князю, но не приметъ мя к себѣ: вѣсть бо измену* (л. 2) *мою к себѣ.* І нача плакати горко і рече: *Воистинну великому князю Дмитрию Івановичю Богъ поможетъ за его правду і молениемъ онаго старца Сергия і Московскаго чюдотворца Петра.* И повелѣ Олегъ боляръ своихъ казнити, занежъ ему подвига великого князя Дмитрия Івановича не повѣдали.

Олгердъ же Литовский[2]) по прежереченнымъ литовскимъ книгамъ Олга Рязанского[3]) совокупи много Литвы различныхъ земель[4]) і поиде на помощъ к Мамаю царю. І прииде к Одоеву и слыша, яко великий князь Дмитрий Івановичъ Московской грядетъ со многими силами противу царя Мамая. І то слышавъ, что Олегъ Рязанский убоялся, и Олгердъ Литовский ставъ на единомъ мѣсте і не смея никуды двигнутися, і нача размышляти суетнымъ своимъ разумомъ и подвигъ, і видевъ совокупленіе свое раздно, і нача сердцемъ скорбити, і рече ему: *Елико человѣку не достанетъ своего разума, то всуе чюжюю мудрость требуетъ: николи жъ бо Литва отъ Резань учения приимала*[5]);

---

1) О. IV, 22: «нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же окаанный разумѣхъ истинный законъ Божій».

2) литовские (*рукопись*).

3) О. IV, 22: «Отъ Олега Рязанскаго принесли Ольгерду многыа дары и написаныа книгы» и «по предписаннымъ ему книгамъ Олговымъ».

4) О. IV, 22: «Литвы много и Варягъ и Жемоти»; Q. XVII, 22: «Литвы, Варягъ и Жимотъ».

5) О. IV, 22: «николи же бо Литва отъ Резани учима была»; Q. XV, 27: «никому же бо Литва учима бѣ Резанью».

ныне жъ изведе мя изъ ума і самъ паче и мене погибль, яко жъ ныне пребуду зде, дондеже услышу победу Московского князя Дмитрия Івановича.

Сынове жъ Олгердовичи, і князь Дмитрий Полоцкий да князь Андрѣй Брянской, рекоша, яко *велика беда* (л. 2 об.) *належитъ великому князю Дмитрию Івановичю Московскому і всему православному християнству отъ безбожнаго царя Мамая.* І посла князь Олгердовичъ Андрей Брянский вестьника ко брату своему князю Дмитрию Олгердовичю Полоцкому: *Слыши, брате, яко велика беда належитъ на великого князя Дмитрия Івановича Московскаго всеа Русии: ідетъ его пленити восточный царь Мамай безбожный на Рускую землю, а отецъ нашъ великий князь Олгердъ Литовский і князь великий Олегъ Рязанский вместо совокупися з безбожнымъ на православную вѣру, мы жъ, брате, с тобою единоверни, ограженi*[1]) *святымъ крещениемъ, отъ отца вѣрою отгидох⟨ом⟩ъ, а отецъ нашь отъ себѣ отверже*[2]), *наитаче Господь нашъ і Богъ присвои к себѣ, далъ намъ законъ ходити по немъ; воспомяни, брате, писание святаго еванелия: другъ другу тяготы носите, и тако скончаете законъ Христовъ; ныне жъ, брате, соберемъ во⟨и⟩ска своего, яко жъ подъ собою имѣя, і поидемъ на помощъ к великому князю Дмитрию Івановичю Московскому всеа Русіи: аще намъ случится смерть возприяти за православную вѣру і за его великую обиду, то общую чашу пришемъ с великимъ княземъ Дмитриемъ.* Дмитрі жъ Олгердовичъ, писание пріимъ отъ брата своего князя Олгердо(л. 3)вича, і нача радоватися і плакати отъ радости і рече: *Владыко Господи человѣколюбче, дай жъ рабомъ твоимъ совершити хотѣния своя; открылъ еси, Владыко, брату моему подвигъ.* І по мале времяни совокупися два брата во Брянски с вои своими с тритцетью тысящами, і скоро изъ Брянска пойдутъ на помощь к великому князю Дмитрию Івановичю Московскому. І стретоша бортникь і повѣда имъ великаго князя Дмитрия Івановича Московскаго: стоитъ близь Дону реки, ожидаетъ поганыхъ. І поидоша на сѣверу дорогою, обходятъ кругомъ отца своего, да не прогнѣваетце на нихъ отецъ и не возложитъ на нихъ клятвы. Господь жъ поспешевъствуетъ имъ пу-

1) Огражене (*рукопись*).
2) Отверзе (*рукопись*).

темъ. І придоша скоро на Донъ к великому князю Дмитрию Івановичю Московскому.

Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ не доѣхалъ Дону, стоитъ на мѣсте, нарицаемомъ Березуи. Слышавъ же князь великий Дмитрий Івановичъ, ꙗко придоша к нему на помощь Литовские князи Олгердовичи сь вои своими, і вземь брата своего князя Владимера Андрѣевича і ста на единомъ месте, і возрадовашася великою радостию і слезы отъ радости проливающе, ꙗко быстрины, і рече[1]): *Владыко Господи человѣколюбче, сотворитель небу і земли і содетель* (л. 3 об.) *і всея твари, но явна есть твоя милость к намъ, ꙗко дѣти своихъ отцовъ оставляютъ, приидоша к намъ на помощь нашу.* І стрете князь великій Дмитрий Івановичъ со многими великими дары і охапися с ними і целоваху другъ друга со слезами; і рече князь великий: *Братия моя милая, коея потребы ради пріидоша ко мнѣ? Азъ убо разумѣю*[2]), *ꙗко не мене ради приидоша*[3]) *ко мнѣ, но Господь Богъ посла васъ в путь свой, во істину ревнитель есть отца нашего Авраама, ꙗко тако вскоре Лотови поможетъ.* І седе с ними вкупѣ в шатрахъ за трапезою і посла скоро вестьника[4]) к Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну і к великой княгине Евдокѣи, ꙗко *Приидоша ко мнѣ на помощь Литовскии князи Олгердовичи со многими силами, а отца своего оставиша.* Скоро жъ вѣстьникъ[5]) приидоша к Москве. Слышавь жъ то митрополитъ Киприянъ, і воставъ прослезися і нача молитву творити: *Господи Владыко человѣколюбче, ꙗко противные наши вѣтры на тихость преложилися.* І посла скоро во все соборные церкви и во вся соборища обителей і повеле молитву творити день і нощъ.

Великому жъ князю Дмитрию Івановичю со всемъ величествомъ вои своими стояще на Березу, 20 поприщь (л. 4) отъ Дону реки, ожидая и с поля вестьниковъ. Приспѣвшу жъ дни на память сродниковъ его, убиение великаго князя Глѣба Володимеровича, і приѣхаша и с поля два сторожа Петръ Огорский да Карпъ Алексинъ и приве-

---

1) Рекоша?
2) Разумѣя (*рукопись*).
3) Пріидоста?
4) Вѣстники?
5) Вѣстники?

доша языка двора царева. И той жъ языкъ повѣда, что *ужъ царь стоитъ на Кузминѣ броду и того ради не спешитъ, ожидаетъ к себѣ Олга Рязанского и Олгерда Литовскаго к себѣ во стретение, а Московскаго собрания царь не вѣдаетъ, ни собрания не чаетъ.* Князь жъ великий воспроси языка о величестве силы царевы; языкъ жъ рече: *Никому же бо силы его не исчести: множество много; а будетъ царь на Донъ в третий день после сего дни.* Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ нача думати з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ і с Литовскими князи Олгердовичи і рече: *Зде ли намъ пребыти, или Донъ превеземся?* Рекуще жъ Олгердовичи: *Государь нашь великий князь Дмитрий Івановичъ, аще хощеши войско крепко держати, то Донъ перевеземся, то ни единъ вспять не помыслитъ, но вси вкупѣ общую чашу возпримемъ; в преидущихъ, государь, лѣтехъ Ерославъ реку перевезеся Святополка побѣди, великий князь Александръ, превезеся рѣку, і Литовского короля побѣди; тако жъ тебѣ великому князю подобаетъ тако жъ творити; но аще побѣдимъ ихъ,* (л. 4 об.) *то всю*[1]) *честь возпримемъ; но аще умремъ, то вси общую чашу возпримемъ отъ князя і до простыхъ людей, і тебѣ великому князю подобаетъ оставить же.*

Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ повелѣ воемъ своимъ Донъ реку возитися и повеле войско свое все исчести. Князь жъ Феодоръ Семеновичъ Висковатой, Московский болшей бояринъ, говорилъ великому князю Дмитрию Івановичю: *У тобя, государя у великого князя Дмитрия Івановича, в полку в болшемъ войска 70,000.* Правыя жъ руки говорилъ братъ его князь Володимеръ Андрѣевичъ Боровский: *У меня, государь, в полку силы 40,000.* Левыя жъ руки воевода князь Костентинъ Брянской говорилъ: *У меня, государь, в полку силы 30,000.* Сторожевого полку воевода Микула Васильевичъ да Тимоѳей Волуевъ да Иванъ Родионовъ Квашня говорятъ: *У насъ, государь, в полку силы 34,000.* Передового жъ полку воевода князь Дмитрий Всеволодичъ Холмецкой говоритъ: *У меня, государь, в полку силы 20,000, а в ертоулнемъ полку послано болшей статьи дворянъ і выборныхъ головъ 20,000, а с Литовскими князи Олгердовичи пришло силы 30,000.* Того жъ дни приехали изъ великого Нова города посад-

1) Все (*рукопись*).

ники Яковъ Івановъ сынъ Зензинъ да Тимоѳей Костянтиновичь Микулинъ, приехали к великому князю Дмитрию Івановичю на помощь, а с ними приехало Новгоро(л. 5)дцкие силы, пришло 30,000 князей и бояръ и ⟨в⟩сякихъ людей. Радъ же бысть великий князь Дмитрий Івановичь; и биша челомъ посадникомъ и целоваша ихь с радостию великою. І рече: *Воистину вы есте дети Авраамли, ꙗко в велицей беде есте пособницы.*

В то жъ время вѣстницы прискоряютъ ко князю Дмитрию і рекоша, ꙗко *приближаются Агаряне, и повѣдаютъ языцы, ꙗко всей силы Татарские со царемъ Мамаемъ восмь сотъ тысящь.* За многи жъ дни около поля Куликова придоша мнози волцы и воюще беспрестани день і нощь. Мнози жъ слеташася вранове и галицы, не умолчающе крычаща, і мнози жъ отъ устья Дону слеташася орьли і клекчюще і крычаху, ждуще грознаго побоища, в онъ же імать пасти трупъ человѣческий, а кровопролитию бывшу аки морской воде. И отъ таковаго страху і великие беды древа покланяютце и трава по земли постилаетце. Мнози жъ отъ таковаго страху в полцехъ унывающа, ждуще смертнаго часа. Вѣстьницы жъ прискоряютъ скоро ко князю Дмитрию Івановичю і рекоша, ꙗко *поганіи приближаютце.* В шестый жъ часъ дни прибѣже Семенъ Меликъ з дружиною своею і по нихъ же гнашася Татарове, толико безстудно гонишася, но об Руские полки ударишася, и видевъ силу Рускую, і возвратишася вспять (л. 5 об.). І вьѣха на выс⟨о⟩кое мѣсто і ту видѣвъ полки руские і Божиею милостию і погибели ради поганыхъ показася имъ рускаго во⟨й⟩ска бесчисленно і доспѣшно ꙗко морской воде колебашася. І скоро возвратишася к царю Мамаю і повѣдаша ему, ꙗко *князи рустіи ополчишася, стоятъ при Дону реке и не бѣ сметить во⟨й⟩ска ихъ.* Нечестивый жъ царь Мамай, слышавъ то, і разженъ бысть дияволомъ на свою пагубу і крыкнувъ напрасно, іспустивъ гласъ свой, і рече: *Такова ли сила моя? сего ли не одолѣютъ, то како имамъ возвратитися во свою великую орьду?* Скоро повеле во⟨й⟩ску своему всему вооружитися і на кони своя сѣсти: кабы ему мочно, не доехавъ бы, побилъ православную вѣру! Семенъ же Меликъ поведалъ великому князю Дмитрию Івановичю, ꙗко *царь Мамай прихалъ на Гусинъ*[1]) *бродъ, толко едина*

1) Гусилъ (*рукопись*).

нощь отъ насъ, утре жъ пріидетъ на Непрядву рѣчку; тебѣ жъ великому князю подобаетъ исполчитися і готову быти.

Великиі жъ князь Дмитрий Івановичь з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и с Литовскими князи. . ., именемъ Волынець[1]), нарочитый полководець велми полкъ учредилъ по достоянию, елико гдѣ кому подобаетъ стояти. Князь жъ великий Дмитрий Івановичь поимъ с собою брата (л. 6) своего князя Владимера Андрѣевича и Литовскихъ Олгердовичевъ і выѣхавъ на высокое место і видевъ во всехъ своихъ полцехъ знамена пашутце і ‹с›тези ревутъ, простирающеся аки облацы, тихо трепеща, хотя промолвити; доспѣхи жъ рустіи аки вода морская отъ вѣтра колебашася, а шеломы на главахъ ꙗко златоутренная зоря во время ведра свѣтяшася[2]); верхи жъ шеломовъ ихъ аки пламень огненъ; страшно бо видети і ужасно зрети таково рускихъ сыновъ собрание і таковаго учреженія: вси бо единъ за единаго хотяша умрети і вси единогласно глаголюще: *Боже, призри с высоты святыя своея на ны і даруй православному князю нашему, ꙗко і Костянтину, побѣду на Аммалика.* Сему же удивишася Литовские князи і рекуще: *Не видехомъ бо таковаго войска і по насъ таково не будетъ—подобно суть Македонскому войску.* Князь жъ великий Дмитрий Івановичъ сшедъ с коня своего і падъ на землю главою своею противъ великого полку черного знамени (а на знамени вышитъ образъ Владыки Господа Бога нашего Ісуса Христа) и воздохнувъ же изъ глубины сердца своего і нача со слезами молитися: *Владыко Вседержителю, призри смотреливымъ окомъ своимъ на люди своя, ижъ твоею десницею сотворени суть и твоею кровию отъ работы іскуплены, ныне, Владыко, обрати лице свое на нечестивыхъ, иже творятъ* (л. 6 об.) *пакости рабомъ твоимъ; молюся образу твоему святому и пречистые его Матери и твердому і необоримому молебнику рускому святителю Петру и преподобному старцу Сергию; на ихъ молитвы надѣемся; смею ли призывати твое святое имя Владычно?* І по мо-

1) О. IV, 22: «начатъ князь великій Дмитрей Ивановичь з братомъ своимъ княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ и съ литовскими князи Андреемъ и Дмитреемъ Волгирдовичи до шестаго часа плъци учрежати. Нѣкто въевода пріиде с литовскими князи, имянемъ Дмитрей Боброковъ»; Q. XVII, 70: «да Дмитрей Волынецъ пришолъ изъ Литвы съ Ольгердовичи».

2) Святяшася (*рукопись*).

литве воставъ отъ земля і сѣдъ на конь свой і поеха в полкъ свой і рече воеводамъ и боляромъ своимъ і всему войску: *Братия моя милая отъ мала і до велика, сия нощь преиде і приспѣ день грозный і приближись: мужайтеся і крѣпитеся; Господь с нами, во бранехъ силенъ; і зде пребудемъ коиждо на мѣстехъ своихъ, не мятущеся: утре бо тако вскоре не учредимъ ли: уже бо гости наши блиско грядутъ на реце на Непрядве; утре бо имамы вси общую чашу пити і помедвенные чары; уповайте на Бога жива, да буди миръ вамъ; і простите мя братия в семъ вѣце и в будущемъ, аще что случитце надъ нами.* И отдавъ конечное целование всемъ воеводамъ своимъ і боляромъ і всемъ местнымъ княземъ і з братомъ своимъ со княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ целовахуся; и отпусти его вверхь по Дону в дубраву, а съ нимъ войска 40000 і повеле имъ тамо утаитись отъ полковъ; да с ними жъ отпусти і вѣстьника своего воеводу Дмитрия Волынца.

Уже бо нощь приспѣ свѣтоноснаго дни праздника Рожества пресвятыя Богородица, і бысть тоя нощи великая теплота і тихость. Рече жъ Дмитрий Волынецъ * ‹великому князю: *Хощу, государь, въ нощь сію примѣту свою испытати*›.

Хр. Ловаревъ.

Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова.

О писателяхъ XVIII вѣка, даже самыхъ замѣчательныхъ, сохранилось мало біографическихъ извѣстій. Нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько случайныхъ упоминаній, оффиціальныя данныя о службѣ — этимъ часто и оканчиваются всѣ свѣдѣнія о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ. Волей-неволей приходится многаго искать въ ихъ произведеніяхъ. При этомъ уже давно и неоднократно выражалась мысль, что нѣкоторыя данныя можно получить послѣ изученія языка писателей. Напримѣръ, всегда можно собрать нѣсколько матеріаловъ для утвержденія или отрицанія принадлежности авторамъ произведеній сомнительныхъ. Можно также уяснить вліяніе одного писателя на другого; можно съ значительной вѣроятностью опредѣлить область, откуда происходилъ писатель, и говоръ, который отразился въ его произведеніяхъ. Кромѣ того, изученіе языка писателей извѣстной эпохи должно бы было дать представленіе о грамматическомъ строеніи языка въ эту эпоху. Такъ какъ для такихъ цѣлей необходимо изслѣдованіе языка писателей во всемъ его объемѣ и полнотѣ и при томъ съ различіями, зависящими отъ разныхъ періодовъ творчества писателя и рода словесныхъ произведеній, то не удивительно, что для такихъ сложныхъ и кропотливыхъ работъ находилось слишкомъ мало охотниковъ [1]).

1) Можно указать на статьи Ѳ. Е. Корша о «Русалкѣ» Пушкина (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ* 1898 г., кн. III; 1899 г., кн. I, II), отличающіяся тщательностью анализа явленій языка и научнымъ изяществомъ пріемовъ изслѣдованія, на интересныя статьи Е. Ѳ. Будде о языкѣ Ломоносова и Пушкина (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CCCXVI и CCCXXXIII) и на цѣлый рядъ работъ В. А. Истомина (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, Педагоги-

Кромѣ трудности такихъ работъ, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ массой мелочныхъ и разбросанныхъ фактовъ; кромѣ недостатка пособій, облегчающихъ работу, напримѣръ, словарей отдѣльныхъ писателей,—большое препятствіе для изученія языка нашихъ писателей мы найдемъ въ самыхъ текстахъ ихъ произведеній. У насъ упорно держится обычай «исправлять орѳографію» издаваемыхъ писателей: такимъ образомъ редакторы изданій лишаютъ изслѣдователя языка очень цѣнныхъ фактовъ; именно тѣхъ, по которымъ онъ можетъ познакомиться съ живой рѣчью писателя, со степенью его грамотности, которая должна явиться показателемъ образованія и начитанности. Почему-то не обращается вниманія на то обстоятельство, что орѳографія нашего времени является странной въ трудахъ писателей того періода, когда была другая орѳографія, и когда совсѣмъ иначе на нее смотрѣли. Тредіаковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ имѣли свою орѳографію: было бы крайне неумѣстно дѣлать въ ней измѣненія, такъ какъ оказалось бы, что они не слѣдуютъ тѣмъ правиламъ, которыя сами указываютъ. Напримѣръ, Сумароковъ пишетъ р*а*бенокъ, потому что производитъ это слово отъ рабъ. Они пишутъ *е*тотъ, *е*та, и такъ далѣе.

Если въ однихъ случаяхъ приходится жалѣть о исправленіи орѳографіи писателя, то во многихъ другихъ случаяхъ приходится возставать противъ исправленія, какъ дурного пріема, искажающаго писателя. Дѣло въ томъ, что издатели не держатся границъ, дальше которыхъ не должны идти «орѳографическія» поправки, и изъ тѣсной области замѣны однихъ буквъ другими—съ чѣмъ бы еще кое-какъ можно помириться — заходятъ въ область звуковъ, формъ склоненія и спряженія и даже словарь писателя, то-есть, исправляютъ уже его языкъ, придавая ему такія черты, которыхъ онъ не имѣлъ. Р*о*бята, уз*о*лъ передѣлывается на р*е*бята, уз*е*лъ; вмѣсто авторова живяе, скор*ѣ*й является живѣе, скорѣй; *нравы*, *родя* замѣняются — *нравы*, *радя;* ставятся ударенія тамъ, гдѣ ихъ не было у автора, и не сохраняются

ческій отдѣлъ, томы: XXXV — о Ломоносовѣ, XXXVI — о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, XXXVII — о Гоголѣ, XXXVIII — о Фонвизинѣ и Озеровѣ, XXXIX — о Херасковѣ и Сумароковѣ, XL — о Екатеринѣ II, и другія), преслѣдующихъ только учебныя цѣли (такъ, какъ ихъ понимаетъ авторъ): полноты, стройнаго изложенія, объясненія происхожденія и связи фактовъ въ работахъ трудолюбиваго автора «Главнѣйшихъ особенностей языка и слога» почти всѣхъ замѣчательныхъ писателей отъ Ломоносова до Пушкина — нѣтъ.

тѣ, которыя были поставлены, и тому подобное. Такіе пріемы изданія есть грѣхъ противъ науки и литературы. Распространенность ихъ — печальное явленіе въ дѣлѣ редактированія писателей, благодаря которому смыто не мало свѣжихъ и живыхъ красокъ съ тѣхъ картинъ, которыя были когда-то для насъ написаны.

Неудобство орѳографическихъ исправленій увеличивается еще тѣмъ, что не только редакторъ, но часто переписчикъ или наборщикъ даютъ свою орѳографію тексту, такъ какъ болѣе или менѣе общепринятая орѳографія Я. К. Грота явилась не слишкомъ давно. Наконецъ, эти исправленія и мало нужны, такъ какъ старыя печатныя изданія писателей вовсе не имѣютъ такой вопіющей безграмотности, которая рѣзала бы глаза читателя, и въ интересахъ именно орѳографіи отъ нѣкоторыхъ поправокъ нужно бы было воздерживаться.

Редакторы должны строго держаться или рукописнаго авторскаго текста, или текста послѣдняго вышедшаго при жизни автора изданія его произведеній. На точную передачу этого текста и должны направляться редакторскія усилія: накладывать свою руку на произведенія писателя редакторъ, конечно, не долженъ.

Старый обычай исправленія коренится на непризнаніи правъ живого языка, который отражался въ буквахъ. Для знакомства съ нимъ первоначальная орѳографія имѣетъ большую важность, и поправки въ ней, даже незначительныя, дѣлаютъ невозможнымъ изученія языка изданнаго сочиненія, оставляя въ совершенной неопредѣленности, что̀ принадлежитъ въ правописаніи текста автору и что̀ издателю.

Къ такимъ мнѣніямъ пришлось мнѣ придти послѣ изученія языка басенъ В. И. Майкова по изданію 1867 года, подъ редакціею П. А. Ефремова, и по 1-му изданію, вышедшему при жизни автора въ 1766—1767 годахъ.

Особенностей въ правописаніи 1-го изданія не мало, и нѣкоторыя изъ нихъ очень любопытны.

Есть случаи аканья (выск*а*чила, зар*а*сло): вѣроятно, это ошибки московскаго наборщика или переписчика. Р*а*ждаетъ, р*а*вняться (рядомъ: разл*о*мать) могутъ получить другое объясненіе.

Майковъ пишетъ именительный падежъ мужскаго рода по произношенію: смѣл*ой*, цѣл*ой*, всяк*ой*, прохож*ей*, вешн*ей*, подьяч*ей*, и многія другія; также родительный: е*во*, то*во*, ко*во*, одно*во*, жарено*ва*, худо*ва*

(но и: хорошаго), наше*ва*. Извѣстно, что такое правописаніе было нерѣдко въ XVIII вѣкѣ; его употреблялъ и отстаивалъ Сумароковъ.

Любопытно правописаніе: м*ѣ*лка, прил*ѣ*жно, н*ѣ*чемъ, п*ѣ*стъ, зм*е*й, спеси (редакторъ вездѣ исправилъ). Здѣсь во всѣхъ случаяхъ, если не держаться школьныхъ понятій объ орѳографіи, буквы поставлены правильно. Два первыя слова пишутся такъ еще по грамматикѣ Востокова 1837 года (4-е изданіе); правописаніе третьяго слова отстаивалось Потебней; *е* въ словѣ *спесь* требуютъ и Востоковъ, и Буслаевъ, и Гротъ.

Обыкновенно видимъ: *е*то, *е*та, объ *е*томъ, но и: *э*такихъ, *э*та. Старое изданіе отличаетъ ё: лисіёнка, поросіёнка, всіё, смиріёнъ (редакторъ не передаетъ такого произношенія).

Произношеніе сказывается и въ написаніяхъ: за*е*чьи, имянно (можетъ быть, и орѳографическое сопоставленіе съ словомъ имя), в*и*ть (вѣдь), оке*я*нъ. Въ случаяхъ: мѣш*е*чикъ, друж*е*чикъ трудно установить произношеніе, потому что находимъ также правописаніе: мѣш*о*чикъ, друж*о*чикъ, праотцовъ, пришолъ и полож*е*нъ (на е удареніе); но *о* послѣ *ч* несомнѣнно фонетическое.

Живому же языку обязаны: р*о*бята, уз*о*лъ; наши р*е*бята, т*е*перь— вѣроятно, такія же новообразованія, какъ областныя: в*и*силекъ, б*и*сикомъ подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога.

Въ употребленіи согласныхъ буквъ также видимъ соотвѣтствіе произношенію: берл*о*жъ (по-сѣверному), бѣдня*ш*ка, прозьбу, *з*дѣлалъ, пріѣ*жж*ивалъ, лу*т*че, во*с*тали (возстали), *щ*итаетъ, *щ*астья, бес*п*окоить. Но по производству: ес*т*ьли (если), из*п*устить, ра*з*твори.

Если невѣ*жд*ею не опечатка (въ исправленномъ: невѣжею), то *это* слѣдъ мягкихъ звуковъ ж^ж (произношеніе: невѣ*жьж*ею). Любопытно правописаніе: ѣ*жъ* (ѣшь) и подьячей (рядомъ: подъячей). Въ словахъ: ра*з*зоря, ра*з*зиня, по истин*нѣ* согласная удвоена (сравните владимірскія: ра*з*зорить, ро*з*зинуть); въ заимствованномъ ми*л*іонъ она не повторяется, какъ и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ (владимірскіе). Въ склизскія видимъ ошибочно приставленный суффиксъ *скій*.

Вѣроятно, діалекту самого Майкова обязаны написанія: сп*е*рьва (три раза), пов*е*рьхъ, в*е*рьшины.

Онъ, можетъ быть, произносилъ твердо: *съ*ѣсть, *съ*ѣстъ, даже: отнюд*ъ*, но мягко: пр*е*рьви, г*о*рьницы.

Какъ мы, онъ говорилъ: по*зно* и, какъ говорятъ иногда крестьяне, хлѣбопаше*нства*.

Въ склоненіи словъ мы тоже видимъ народныя формы: дн*и* (родительный падежъ: изъ дн*и* творила ночь; сево дн*и*), дочер*ѣ* (дательный падежъ), жит*ы* (именительный множественнаго). Множественное число именъ прилагательныхъ оканчивается на *ыя* независимо отъ рода: лестныя друзья, зефиры сладкія, милыя утѣхи, нѣжныя рѣчи, рѣчей, которыя, но: подов*ые* (пирожки). Предложный падежъ: въ кожѣ поросяч*ей*, образованный по образцу прилагательныхъ какъ синій, конечно, тоже разговорная форма; также: он*и* (птицы).

Сравнительная степень на *яе* и *яй*: жив*яе*, скор*яй* (рядомъ съ формами на *ѣе*, *ѣй*), мнѣ кажется, указываетъ ярославца. Не смотря на то, что эти формы для XVIII столѣтія, на основаніи свидѣтельства Сумарокова, были московскими, трудно допустить, чтобы въ московскомъ народномъ языкѣ такого недалекаго отъ насъ времени онѣ были въ большомъ употребленіи. Эти формы существовали въ живомъ языкѣ образованнаго общества того времени и встрѣчаются у многихъ писателей. Такъ, по указаніямъ г. Истомина и другимъ справкамъ, онѣ есть у Кантемира, Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Екатерины II, Хераскова. Но это, вѣроятно, разговорныя формы сѣверныхъ говоровъ, не московскихъ. Ихъ нѣтъ въ современномъ литературномъ языкѣ, только благодаря вліянію живого московскаго нарѣчія, при поддержкѣ котораго онѣ должны были бы сохраниться, потому что допускались книжнымъ языкомъ и грамматиками. Подтвержденіе рѣдкаго употребленія сравнительной степени на *яе* въ живомъ московскомъ языкѣ XVIII вѣка можно найти и въ томъ, что формы сравнительной степени на *яе* нѣтъ, если не ошибаюсь, въ современныхъ московскихъ нарѣчіяхъ[1]).

Вмѣстѣ съ такими чисто народными формами видимъ славянизмы: по земл*и*, раб*и* мои (звательный падежъ).

Майковъ, по тогдашней орѳографіи, ставитъ ударенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они служатъ къ различенію значеній или формы словъ:

---

1) Для села Липицъ Коширскаго уѣзда Тульской губерніи указывается произношеніе: *хитряй* (*Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ*, выпускъ II, страница 83). Но это случай исключительный, если не ошибка.

помóчь (значитъ, онъ употреблялъ слово пóмочь), потóмъ, дорóги, нóги, стоúтъ, мѣстá, письмá и другія въ отличіе отъ пóтомъ, дóроги и такъ далѣе. Точно также, напримѣръ, употреблялъ ударенія и Сумароковъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ». Редакторъ, не обозначая этихъ удареній, ставитъ удареніе вездѣ, гдѣ стихотворный размѣръ указываетъ на произношеніе для насъ необычное: éя, обоúхъ, поúманъ, съ дубинóю, хóрошства и другія. Мы можемъ читать ихъ какъ требуетъ размѣръ, но подчеркивать ихъ, ставя ударенія, излишне. Если бы у писателя оказались такія ударенія словъ, которыя не оправдываются живымъ языкомъ, то всетаки нельзя было бы навязывать поэту неестественныя произношенія. Онъ могъ просто отступить отъ стихотворнаго размѣра, но сохранить правильное удареніе. Напримѣръ, кажется, что слѣдующій Пушкинскій стихъ вполнѣ возможно прочитать такъ:

И былъ глубокій экономъ,
Тó есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ. . .

— съ нарушеніемъ размѣра, но съ естественнымъ удареніемъ; также у Крылова энклитическое *еще*:

Но время *ещé* не уйдетъ

(«Огородникъ и философъ»). Въ изданіи Суворина 1895 года, страница 78, стоитъ удареніе: éще, кажется, безъ основанія.

Прежде чѣмъ обратиться къ тексту басенъ Майкова по изданію 1867 года, укажу еще всѣ случаи разницы этого текста съ изданіемъ 1766 — 1767 гг., которые должны считаться или недосмотрами, или ошибками редакціи, неправильно понимавшей дѣло исправленія орѳографіи издаваемаго писателя.

Изданіе 1766—1767 годовъ:	Изданіе 1867 года:
трясутся	тресутся (22, 39)[1])
окн*а*	окн*ы* (38)
прытости	прыткости (38)

1) Здѣсь и далѣе цыфра въ скобкахъ означаетъ: въ басняхъ Майкова номеръ басни по изданію П. А. Ефремова; при другихъ цитатахъ — страницу того изданія, изъ котораго приводятся примѣры.

нейду	не йду (2)
подьячіе	подъячіе (5)
нѣдр*а*	нѣдр*ы* (6)
хорошаго (коня) *купя* поставили на стойло	хорошаго *коня* поставили на стойло (8)
безссорно	*безспорно* (9)
имѣ*в*ъ	имѣ*л*ъ (10)
разспоровались	*разспорилися* (16)
Окончанъ разговоръ, Пошли окончить споръ	*Окончивъ* разговоръ, Пошли окончить споръ (20)
Пирожнова съ жаркимъ, и *соусовъ* даютъ	Пирожнаго съ жаркимъ и *соусомъ* даютъ (22)[1]
отвѣдаемъ *ея* (извѣстной пищи)	отвѣдаемъ *ее* (22)
мы*ш*ши	мыш*к*и (22)
*н*равы	*к*равы (25)
р*о*дя	р*а*дя (37)
Тогда *нигдѣ взялись*	Тогда — *и гдѣ взялись?* —
Амуръ со Гиминѣемъ Летали вкругъ. . .	Амуръ со Гименеемъ, Летали вкругъ. . . (42).

Исправленіе въ разстановкѣ знаковъ препинанія также требуетъ большой осторожности, потому что и здѣсь можетъ быть ошибка въ пониманіи мысли автора или теченія его рѣчи. Послѣднее особенно важно въ стихахъ или изящной прозѣ, гдѣ разстановка знаковъ можетъ обозначать ритмъ красивой рѣчи и основываться, кромѣ синтактическаго разбора, на логическомъ и на чувствѣ образованнаго слуха, опредѣляющаго лучшее произношеніе словъ и фразъ. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше изучить произведенія писателя со стороны ихъ пунктуаціи, а не исправлять его работу, какъ сочиненіе школьника. Музыка рѣчи, безъ сомнѣнія, понимается поэтами лучше, чѣмъ учеными библіографами. Разстановка знаковъ въ ихъ произведеніяхъ даетъ указаніе на выразительное и звучное теченіе рѣчи въ живомъ произношеніи. Здѣсь комментарій къ поэту можно дать только въ томъ случаѣ,

1) Здѣсь недосмотръ оказался губительнымъ и для смысла фразы; вышло: *пирожное съ соусомъ*.

если изучать его стихи подобно тому, какъ изучаются они искусными артистами.

Приведу три случая исправленія текста въ этомъ отношеніи, которые вполнѣ могли бы остаться безъ перемѣны:

Изданіе 1766—1767 годовъ:	Изданіе 1867 года:
На то въ отвѣтъ,	На то въ отвѣтъ:
Мой свѣтъ:	Мой свѣтъ,
Иль мнишь. . .	Иль мнишь. . . (2)
Ахти! пропалъ, я	Ахти! пропалъ я,
денежекъ лишился.	денежекъ лишился (11).
Какъ сами хочете,	Какъ сами хочете вы,
вы такъ ея толкуйте.	такъ ее толкуйте (22).

Риѳмы писателя всего лучше могутъ сохраниться при перепискѣ, печатаніи и перепечаткѣ, хотя и въ этомъ случаѣ мы найдемъ въ текстѣ П. А. Ефремова странное отступленіе: вмѣсто ночно (рифмуется съ: заочно) — но*щ*но (въ изданіи 1766 года: ночно).

Прежде всего у Майкова нерѣдки риѳмы, несогласныя съ произношеніемъ, которыя показываютъ, что онъ недостаточно владѣлъ техникой стиха. Такъ онъ риѳмуетъ: слезно — безполезно (11, 12), надѣженъ—нѣженъ (17), ледъ—бѣдъ (17), нѣтъ—ледъ (17), веревки—издѣвки (20), (сказалъ) всѣмъ — (въ ремеслѣ) моемъ (27), свое — сіе (27), оселъ—сѣлъ (28), сберетъ—вредъ (31), ѣмъ—(въ домѣ) всемъ (34), разорветъ — свѣтъ (37), нѣтъ — убьетъ (38), прижметъ — нѣтъ (42), вопіетъ — нѣтъ (42). Что это не отраженіе особаго произношенія буквы е (какъ ѣ), видно изъ рѣдкихъ случаевъ подобныхъ риѳмъ у позднѣйшихъ поэтовъ, произношеніе которыхъ было, навѣрное, сходно съ нашимъ. Такіе риѳмы у Пушкина указаны Ѳ. Е. Коршемъ (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ*, томъ III, книга 3, страница 652). Замѣтимъ также у Жуковскаго: песъ — чудесъ («Двѣ загадки»), у Тютчева: нѣтъ — течетъ (Сочиненія. С.-Пб. 1900, стр. 113), клянетъ—нѣтъ (тамъ же, стр. 442); у графа А. К. Толстого: плѣнъ—временъ («Князь Михайло Репнинъ»). У новыхъ поэтовъ (А. М. Жемчужниковъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ) мы такихъ риѳмъ не найдемъ.

Также какъ поэтическую вольность, вѣроятно, нужно объяснять и риѳмы: пѣту*х*ъ—слу*г*ъ (7), опровер*г*ъ—повер*х*ъ (24), слу*г*ъ—ду*х*ъ (29)[1]). Обыкновенно: пры*г*ъ—мужи*к*ъ (42), берло*г*ъ—лего*к*ъ (42).

Далѣе въ риѳмахъ Майкова мы найдемъ указанія на произношеніе окончанія прилагательнаго мужескаго рода: скудн*ой* (предложный падежъ женскаго рода)—разсудн*ой* (именительный падежъ мужескаго рода, 7), прохож*ей* (именительный падежъ)—рож*ей* (творительный падежъ, 7), пищ*ей*—нищ*ей* (именительный падежъ, 33), въ кожѣ поросяч*ей*—подъяч*ей* (именительный падежъ, 7). Изъ риѳмъ увидимъ пропуски согласныхъ въ произношеніи: несча*ст*ной—напрасной (12), поз*д*но—розно (32). Онѣ же покажутъ особыя ударенія: лисы́ (именительный множественнаго)—усы́ (28), они́—кони́ (32, но есть и ко́ни, 38); сравните у Крылова въ баснѣ «Муха и дорожные»: кони́ измучились.

Риѳма ворож*ей*—чуж*ей* (родительный падежъ женскаго рода, 6) не понятна: можетъ быть, это неудачное созвучіе; можетъ быть, отраженіе народнаго произношенія.

Басни Майкова написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ того времени, въ которомъ славянскій элементъ соединяется съ русскимъ, и самые чистые славянизмы встрѣчаются рядомъ съ самыми простонародными областными выраженіями.

Славянскій элементъ указываетъ вліяніе книжнаго языка на Майкова; русскій открываетъ намъ его живую рѣчь, которая была болѣе проникнута народными элементами, чѣмъ рѣчь позднѣйшихъ писателей. Развитіе русскаго литературнаго языка отъ Ломоносова до Пушкина происходило при такихъ условіяхъ, которыя мало содѣйствовали значительному усиленію въ немъ народнаго элемента. Главнымъ дѣятелемъ въ литературѣ былъ дворянскій классъ, отдѣленный иностраннымъ образованіемъ и образомъ жизни отъ народа и пренебрегающій имъ. Языкъ народа былъ *подлымъ* языкомъ, и мы до сихъ поръ смѣемся надъ многими простонародными выраженіями по предвзятости и, если можно такъ выразиться, по принятому въ наслѣдство вкусу. Не только Пушкинъ, но даже лучшіе изъ современныхъ намъ

1) Сравните Корша, та же статья, страница 650, гдѣ указаны подобныя риѳмы у Пушкина и Державина.

писателей не рѣшаются вводить въ простонародный діалогъ чистую крестьянскую рѣчь. Въ 1860 году, Добролюбовъ осмѣялъ одну изъ подобныхъ попытокъ (Сочиненія. С.-Пб. 1871, т. III, стр. 271).

Эстетическими соображеніями этого объяснить нельзя. Свѣжесть и красота народной рѣчи указывается тѣми писателями, которые ея не избѣгаютъ (Л. Толстой въ драмахъ; иногда В. Г. Короленко въ рѣчи крестьянъ, передаваемой въ нѣкоторыхъ случаяхъ, надо полагать, по точнымъ записямъ; многіе, такъ называемые писатели народники, особенно Г. И. Успенскій). Вторымъ условіемъ, неблагопріятствующимъ народному элементу въ русскомъ литературномъ языкѣ, было совершенное невѣжество народа, который въ эпоху образованія литературнаго языка былъ неграмотнымъ. Безсловесная крѣпостная масса не могла оказать вліянія на развитіе языка. Теперь измѣненіе литературнаго языка въ направленіи сближенія съ народнымъ считается уже невозможнымъ[1]). Но то, чего не могли бы сдѣлать разные ревнители русскаго слова, можетъ произойти само по себѣ вслѣдствіе начавшагося и распространяющагося образованія народа[2]). При всемъ своемъ быстромъ и прекрасномъ развитіи русскій языкъ въ современномъ намъ состояніи не достигъ полнаго совершенства[3]): напримѣръ, строеніе фразъ и соединеніе предложеній въ языкѣ лѣтописей, грамотъ, старыхъ актовъ было и проще, и естественнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ; въ языкѣ книгъ еще нерѣдко можно найти теперь чуждый народной рѣчи періодъ. Здѣсь языкъ не выигралъ, а проигралъ. Древняя фраза легка, жива, проникнута разговорнымъ началомъ; современная — тяжела, суха, мертва, длинна. Чрезвычайно простая по своей конструкціи рѣчь пѣсенъ, записанныхъ въ 1619—1620 годахъ для Ричарда Джемса можетъ поспорить по своей силѣ и выразительности съ стихами нашихъ лучшихъ поэтовъ, изъ которыхъ народное строеніе рѣчи можно ука-

---

1) Опытъ русской діалектологіи *А. И. Соболевскаго*, С.-Петербургъ. 1897, страница 2.

2) Можетъ отразиться на языкѣ и появленіе новыхъ центровъ образованности. Напримѣръ, въ Петербургѣ терпимы къ мѣстнымъ сѣвернымъ формамъ: *былъ уставши, одѣть пальто.*

3) Что развитіе русскаго литературнаго языка не закончилось, что онъ долженъ совершенствоваться, положительно высказывалось не очень давно передовыми дѣятелями литературы и науки въ 60-хъ годахъ: Н. А. Добролюбовымъ (Сочиненія. С.-Пб., 1871, т. III, с. 353) и И. И. Срезневскимъ («Чтеніе о языкѣ Крылова»).

зать только у Кольцова. Изъ современныхъ писателей безыскусственностью, легкостью, живостью, выразительностью отличается фраза А. П. Чехова, который сдѣлалъ шагъ впередъ въ обработкѣ самаго литературнаго языка[1]).

Опредѣлимъ сначала славянскій элементъ въ басняхъ Майкова. Это прежде всего славянскія слова: *вопіютъ* (4), *воззри* (4), *вопрошать*, *вопросить* (4, 7), *возможетъ* (2), *внемлетъ* (4, 6, 18, 22, 41), *вѣтръ* (20, 37), *взоры* (28), *внимала* (25, 30), *виночерпій* (27), *дщерь* (12), *единый* (11, 35), *зрю* (2, 4, 24, 42), *узрѣли* (28), *испустить* (11), *колико* (2), *лієтся* (6), *многажды* (14), *мнишь* (2, 12, 21, 24, 26, 29), *око* (2, 36, 37), *обрѣтаютъ* (15), *отверзлись* (12; въ фразѣ есть оттѣнокъ важности: *отверзлись* наконецъ судейскія врата), *одра* (41), *оный* (19, 38), *область* (въ значеніи: власть, 10), *подъемлетъ* (4), *пріемлютъ* (6), *преставился* (12, 40), *предвозвѣщала* (39), *пря* (16), *рекъ* (39), *сотворилъ* (21), *содѣлала* (20), *соборъ* судей (12), *сокрыло* (9), *снѣди* (9), *сей* (2, 3, 10, 12, 16), *тако* (4, 12, 16, 21, 24), *тамо* (20), *толь* (= столь, 12), *таковой* (28).

Но, говоря о славянизмахъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: 1) то, что мы представляемъ славянской примѣсью въ языкѣ старыхъ писателей, для нихъ самихъ, согласно съ утвердившимися въ то время понятіями о языкѣ и стилѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, было закономъ языка; такъ напримѣръ, формы именъ прилагательныхъ родительнаго падежа женскаго рода съ окончаніями *ыя*, *ія* для «важной рѣчи» требуются всѣми старыми грамматиками: Ломоносова, Барсова, Греча, Востокова; 2) точное разграниченіе славянскаго и русскаго иногда представляетъ большія трудности: а) напримѣръ, слова *сей*, *око* кажутся славянскими; но *сей* есть въ великорусскихъ говорахъ[2]); *очи* есть въ малорусскомъ нарѣчіи и бѣлорусскомъ (око,

---

1) Хотя и у него, въ рѣдкихъ случаяхъ, есть тяжеловатыя по своей отвлеченности и сложности сочетанія фразъ, напоминающія Л. Н. Толстого. Напримѣръ, въ повѣсти «Дуэль» по изданію 1899 года, страницы: 14 (съ начала страницы до словъ Лаевскаго), 20, 28—29, 62—63 (отъ слова «длинные» въ концѣ 62 страницы до точки), 150—151 (отъ словъ «въ самомъ дѣлѣ» до точки), 203—204 (отъ слова «онъ» до точки), 206 (отъ слова «истина» до точки). Но и здѣсь большинство случаевъ — изображеніе «тягучихъ» мыслей Лаевскаго.

2) Въ Шенкурскомъ уѣздѣ говорятъ: *сей*-годъ; въ Покровскомъ уѣздѣ: до *сѣхъ* поръ; всѣ говорятъ: ни то ни *сё*, *сей*часъ, *сего*дня; сравните также данныя въ Допол-

воко); въ областныхъ великорусскихъ говорахъ есть: *воочью*, *заочью;* въ русскомъ языкѣ нѣтъ *оный*, но есть *онъ*, *она*, *оно;* b) есть случаи, когда мы встрѣчаемъ какъ будто славянскія слова и образованія тамъ, гдѣ ожидали бы русскихъ; это — собственныя имена: *Десна*, *Шуя*, Яросла*вль*, Володимиръ (до сихъ поръ сохранило свою форму въ мѣстномъ народномъ нарѣчіи), *Из*борскъ (по-русски употребляется префиксъ *вы*); c) есть слова, не принадлежащія ни тому, ни другому языку, напримѣръ: народное *преже*, составленное изъ русскаго *переже* и славянскаго *прежде*.

Даже не производя справокъ и разысканій, можно замѣтить, что славянскія слова, взятыя Майковымъ, были очень употребительны въ книжномъ языкѣ того времени. Писатели XVIII столѣтія заимствовали изъ славянскаго языка извѣстный кругъ словъ, которыми и пользовались всегда въ языкѣ стиховъ для размѣра и риѳмъ. Въ поэтическомъ языкѣ эти слова сдѣлались ходячими, общепринятыми и перешли въ слѣдующее столѣтіе. Многія изъ указанныхъ славянизмовъ можно найти у Пушкина (въ самыхъ лучшихъ общеизвѣстныхъ стихотвореніяхъ: *мню*, *сокройся*, *единый*, *внемлетъ*, *зритъ*). Они есть и у позднѣйшихъ поэтовъ, напримѣръ, у А. Н. Майкова, Некрасова. У послѣднихъ находимъ славянскія слова, усвоенныя литературѣ частымъ употребленіемъ лучшихъ писателей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе славянскихъ словъ происходитъ отъ сложившагося мнѣнія о ихъ особомъ соотвѣтствіи для изображенія важныхъ предметовъ и мыслей. Хотя въ извѣстныхъ случаяхъ славянизмы не замѣнимы: напримѣръ, когда русское и славянское слово отличаются по значенію: *пастырь* и *пастухъ*, *нравъ* и *норовъ*, *главный* и *головнóй;* но въ другихъ случаяхъ мнѣніе о томъ, что славянскія слова придаютъ величіе и возвышенность языку, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ вкусовъ и понятій людей, воспитанныхъ на старой, усвоившей немало славянскихъ элементовъ литературѣ. Сильная славянская окраска даже такихъ произведеній, въ которыхъ она всего болѣе умѣстна — напримѣръ, «Изъ Апокалипсиса» А. Н. Майкова, «Новый Завѣтъ» въ пере-

---

неніяхъ къ Опыту областного словаря и въ словаряхъ Подвысоцкаго и Куликовскаго; правда, что многіе изъ этихъ случаевъ могутъ объясняться какъ остатки мѣстоименій *сесь*, *ся*, *се* (сравните: тотъ, та, то), свойственныхъ старому русскому языку.

водѣ Жуковскаго — не отвѣчаетъ понятіямъ и вкусамъ нашего времени. Даже церковные писатели, переводившіе Библію, не имѣли такого преувеличеннаго понятія о достоинствахъ славянскаго языка и думали лучше о русскомъ. Если старославянскій языкъ въ IX столѣтіи могъ передать всѣ утонченныя и возвышенныя понятія Священнаго Писанія, то неужели русскій языкъ, который развивался послѣ этого въ теченіе тысячи лѣтъ, еще не въ состояніи этого сдѣлать? И можно ли считать хорошимъ переводъ съ одного языка на другой, въ которомъ многое старались оставить безъ перевода?

Но обратимся къ Майкову. Онъ относился къ языку непосредственно и, вѣроятно, мало думалъ о томъ, чтобы сообщить стихамъ тотъ или другой характеръ искуснымъ употребленіемъ двухъ равноправныхъ въ то время стихій. Славянизмъ былъ для него, повидимому, звуковой формой, которую онъ всегда бралъ, если она годилась, и за которой нисколько не гнался, если можно было обойтись безъ нея. У него былъ какой-то инстинктъ къ народному и разговорному языку, простой и вѣрный вкусъ, который выразился и въ «Одѣ о вкусѣ А. П. Сумарокову», гдѣ Майковъ порицаетъ пышность и громъ въ стихахъ и требуетъ отъ слога чистоты и ясности, — и въ нападкахъ на выспренняго В. П. Петрова. Славянскій языкъ оказалъ большую услугу выработкѣ русскаго стиха. Съ его помощью заговорила русская поэзія, получивъ въ немъ для себя обильный источникъ выраженія, но въ своемъ развитіи она обогащалась уже на счетъ чисто русскаго языка, и славянизмъ долженъ былъ отпадать самъ собою. Поэты становятся болѣе и болѣе виртуозами собственнаго языка и не нуждаются въ чужой помощи. По чувству языка, по здравому отношенію къ славянскому элементу В. И. Майковъ приближался къ позднѣйшимъ замѣчательнымъ писателямъ: они также, только съ большею умѣлостью и умѣренностью, пользовались славянскимъ языкомъ, но не создавали для него теорій, которыя все равно не сдѣлали бы его болѣе устойчивымъ.

Въ звуковомъ отношеніи для поэтическаго языка особенно полезны были неполногласныя славянскія формы. У Майкова находимъ: *блато* (4), *гласъ* (16, 19, 23), *злато* (2, 10, 12), *златилъ* (21), *златую* (34), *врата* (12), *драгой* (35), *древа* (4, 15, 36, 42), *престань* (11, 32), *времѣна* (25), *сребро* (12).

Другую судьбу имѣли славянскія формы склоненій и спряженій: онѣ исчезли изъ нашего языка, такъ какъ, за небольшими исключеніями, давали мало выгодъ поэзіи и прозѣ и мало поддерживались живымъ языкомъ, который, заимствуя чужія слова, склоняетъ и спрягаетъ ихъ по своему.

Но и теперь еще есть славянизмы въ фонетическихъ формахъ (р*а*стеніе, друзья, ро*жд*еніе, свя*щ*енникъ); во времена Майкова ихъ было больше. Онъ употребляетъ: зм*і*я (31), зм*і*й (именительный падежъ множественнаго числа), трет*і*я, прово*жд*аетъ (13, риѳмуется съ побѣждаетъ), ме*щ*утъ (26, 37). Случаевъ послѣдняго рода много осталось въ литературномъ языкѣ (ро*щ*етъ, возвра*щ*у, трепе*щ*у и пр.), но были попытки замѣнить и здѣсь славянизмы русскими формами. Такъ у Тютчева (Сочиненія, стр. 319) находимъ:

Смиренную иль ропчущую братью
Своей косой равняетъ всѣхъ она.

Такъ какъ въ поэзіи очень важно получить иногда лишній слогъ, то въ стихотвореніяхъ XVIII вѣка предлоги часто являются въ славянской формѣ. У нашего писателя: *во* званіи (27), *во* вышніе предѣлы (37), *ко* украшенію, *ко* мужику (42), *со* Адамомъ (22), *со* добромъ (26), *со* выдрами (26), *со* человѣкомъ (26), *со* трепетомъ (28), *со* розой (35), *изо* всѣхъ (6), *со*жечь (6).

Славянскія формы склоненій находимъ въ дательномъ падежѣ женскаго рода на *и* и въ творительномъ на *ъми:*

По земл*и́* (Не всякій по земл*и* скитаться будетъ звѣрь, 26). Сравните у Тютчева (стр. 60):

А я здѣсь въ потѣ и пыли
Я, царь земли, приросъ къ земл*и*.

Истоминъ отмѣчаетъ такой случай у Ломоносова (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, XXXV, 29, приложенія), также у Дмитріева, Крылова, но исключительно въ словѣ *земля*. Это показываетъ, что наши писатели употребляли не извѣстную форму, а только одно слово съ даннымъ окончаніемъ. Основаніемъ такого употребленія могло служить, кромѣ примѣра Ломоносова, существованіе этой формы слова

земля въ народномъ языкѣ: такъ, напримѣръ, и теперь говорятъ въ Новгородскомъ уѣздѣ по Волхову.

Творительный на *ьми* видимъ не только въ словахъ: смертьми, мысльми (37), звѣрьми (21), но даже въ словѣ *чертьми*, гдѣ оказалъ вліяніе на данную форму именительный падежъ множественнаго числа черт*и* (сравните: звѣри — звѣрьми).

Въ склоненіи прилагательныхъ славянизмовъ — дѣйствительныхъ или кажущихся — найдется больше. Таковъ родительный падежъ членныхъ и нечленныхъ прилагательныхъ (или мѣстоименій и причастій): бѣдн*ыя*, средь склизк*ія* дороги (16), крестьянск*ія* кобылы (42), с*ея* духовной (12);

холма высок*а* (36), толст*а* древа (36), умерш*а* льва (28), (меня) несущ*ася* (37), мужика трудящ*ася* (42);

дательный падежъ: по цесарск*у* указу (14);

именительный и винительный падежи множественнаго числа:

робѣющи его (грома) не выдутъ изъ хоромъ (38); инъ будь всѣ *мнящи* такъ, старухамъ симъ подобны (38); *сладчайши* соки (31); лижа *дымящи* раны (42).

Но больше всего встрѣчаются подобныя особенности въ формахъ именительнаго падежа женскаго и средняго рода, винительнаго женскаго и именительнаго падежа множественнаго числа всѣхъ родовъ:

a) бѣдн*а* тварь (4), котор*а* (4), вещь бездѣльн*а*... собачка постельн*а* (6), огненн*а* рѣка (6), вселенн*а* (6), навозн*а* вонь (8), крут*а* гора (38), безумн*а* (20; звательный падежъ), имѣя серце нѣжн*о* (11), мастерство приспѣшн*о* (7);

b) тих*у* жизнь (41), тварь бѣдн*у* погубя (5), вселенн*у* (6), горбат*у* спину (22), выпущенн*у* крысу (22), вчерашн*ю* кость (25), един*у* (22), картину жив*у* (24), рѣчь конск*у* (8), басню подобн*у* (11), духовн*у* (12), десят*у* долю (12);

c) проклят*ы* ворожбы (6), котор*ы* (21), невинн*ы* души (34), пламенн*ы* стрѣлы (37), небесн*ы* высоты (37), гнѣвн*ы* зубы (39).

Носимъ въ выраженіи: «Корабль, свирѣпыми *носимъ* волнами въ морѣ, лишася всѣхъ снастей, ужъ мнитъ погибнуть вскорѣ (29)» — можетъ быть понято и какъ опредѣленіе, и какъ сказуемое съ подразумѣваемымъ глаголомъ *будучи*.

Въ глаголахъ славянизмами являются: неопредѣленное наклоненіе

на *ти:* лиша*ти* (6), исполни*ти* (12), услыша*ти* (19), рѣши*ти* (24), равня*тися* (35), гремѣ*ти* (38), сидѣ*ти* (40), иска*ти* (40)

и причастіе на *ъ:* сошедъ (25), вошедъ (28).

Близкими къ славянизмамъ или совершенно славянскими являются также по формѣ или употребленію нѣкоторые мѣстоименія, нарѣчія, предлоги: *кой* (господинъ, при *коемъ* много слугъ, 29), *коя* (*коя* прилетитъ къ находкѣ прежде, той будетъ серебро, 15), *оттоль* (26), *отколь* (26), *отсель* (подите вонъ *отсель*), чурбанъ *отъ* высоты упалъ (4), пришелъ *передъ* судей (12), вернули *предъ* судей (12).

Почти всѣ приведенныя формы именъ и глаголовъ мы называемъ славянизмами условно. Такъ, употребленіе предлоговъ *ко*, *со*, *во*, дательный-предложный: земл*и́*, творительный, въ родѣ: кост*ьми*, родительный падежъ прилагательныхъ женскаго рода на *ыя*, нечленныя склоненія, неопредѣленное наклоненіе на *ти*—есть въ великорусскихъ говорахъ. Но надо думать, что для писателей эти формы всѣ были славянизмами, почему они и исчезли изъ литературнаго языка.

Въ извѣстный періодъ движеніе противъ славянскаго элемента въ языкѣ усилилось на столько, что не терпѣлись и русскія формы, совпадавшія съ славянскими. Тѣмъ болѣе, что ихъ въ большинствѣ случаевъ не было въ московскомъ нарѣчіи. Впрочемъ, многія изъ этихъ русскихъ формъ, вѣроятно, не обращались въ языкѣ образованнаго общества. Даже внѣшнее совпаденіе нѣкоторыхъ русскихъ формъ съ славянскими привело къ тому, что первыя имѣли одинаковую судьбу со вторыми: были изъяты изъ обращенія въ языкѣ. Языкъ создавался не теоретиками, а практиками, не правилами, а употребленіемъ, не анализомъ фактовъ и отношеній, но чутьемъ и вкусомъ: вотъ почему въ немъ наблюдаются явленія непослѣдовательныя съ грамматической точки зрѣнія. Люди, пишущіе на основаніи грамматической теоріи, не смѣшали бы нечленныхъ прилагательныхъ русскаго и славянскаго языка съ формами подобными: *котора*, *вселенна*, представляющими позднѣйшее стяженіе, происшедшее въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, или славянскія *кій*, *кая* съ русскими *кой*, *коя* (часто слышатся въ московскихъ говорахъ).

Сдѣлаемъ нѣсколько указаній на славянскій элементъ въ языкѣ поэтовъ позднѣйшаго времени.

Пушкинъ, признавая всѣ права народнаго языка, не избѣгалъ сла-

вянизмовъ и своимъ вліяніемъ удержалъ ихъ въ поэзіи до нашего времени. Едва ли кто изъ послѣдующихъ писателей имѣлъ такой интересъ и любовь къ простонародному языку, къ его особымъ словамъ, выраженіямъ, пѣснямъ, сказкамъ, и также едва ли кто усвоилъ такъ много изъ книжнаго языка предшествующей эпохи, какъ нашъ великій поэтъ. Чтобы убѣдиться, что проза его отражаетъ языкъ минувшей эпохи, можно сравнить ее съ языкомъ его стиховъ или, еще лучше, писемъ. «Прозой пишу я гораздо неправильнѣе» (чѣмъ стихами), говоритъ онъ въ одной замѣткѣ (Сочиненія, V, 135, по изданію П. О. Морозова). О Ломоносовѣ Пушкинъ писалъ: «Слогъ его ровный, цвѣтущій и живописный заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія его съ языкомъ простонароднымъ» (Тамъ же, V, 28). Въ замѣткѣ о стихотвореніи Батюшкова: «Тибуллова эллегія III-я. Изъ III-й книги» Пушкинъ говоритъ: «Стихи замѣчательные по счастливымъ усѣченіямъ; мы слишкомъ остерегаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ» (*Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 301). Въ другомъ случаѣ Пушкинъ какъ будто сознается, что онъ недостаточно близокъ къ народному языку: «Я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе» (Сочиненія, т. VII, стр. 57). Нѣкоторыя слова Пушкинскаго языка теперь уже не могутъ быть употреблены даже въ книжномъ языкѣ; таковы, напримѣръ: *елень*, только что приведенное *заемлетъ*, *піитъ*, *рѣшитъ* въ значеніи настоящаго времени.

Живой языкъ Пушкинскаго времени былъ, конечно, чище литературнаго. Для доказательства можно сослаться на «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Оно написано идеально чистымъ разговорнымъ языкомъ. Небольшое число славянизмовъ, которые въ немъ найдутся, оправдывается разговорнымъ языкомъ. Мы употребляемъ и слышимъ: *излить* желчь, *возсылалъ* желанья (обыкновенно: возсылалъ мольбы), *возбудитъ* (нервы), *преспѣкъ* сношенія, *преспѣчь* зло, *безпрерывно*, мыслей *здравыхъ*, съ *дражайшей* половиной, сердца *біенье*[1]), *расточитель*, *пренье*,

1) Сравните у графа А. А. Голенищева-Кутузова: *бьенье* сердца («Зимой», Сочиненія, т. I, стр. 128). Слово искусственное.

свѣта *преставленье*, *монаршимъ* лицомъ. Между славянизмами «Горя отъ ума» есть слова книжнаго происхожденія, вытѣснившія народныя, есть искусственно образованныя. Первыя: *прахъ* (чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый казался *прахъ* и суета; боялся, *прахъ* его возьми!); вторыя: *невозвратно*, *необозримый*, *благонравный*. Мы, можетъ быть, сказали бы: умъ, *алчущій* познаній или что-нибудь подобное, какъ говоримъ: *жажда* знанія; но мы не скажемъ вмѣстѣ съ Чацкимъ: «отъ матерей, отцовъ *отторженныхъ* дѣтей»; «вотъ мѣры *чрезвычайны*, чтобъ въ зашеи прогнать и васъ и ваши тайны» — или вмѣстѣ съ Фамусовымъ: «куда какъ *чуденъ* созданъ свѣтъ!». Сравнивъ съ языкомъ «Горя отъ ума» языкъ комедіи «Молодые супруги», мы увидимъ, что Грибоѣдовъ сознательно стремился очистить свой языкъ отъ славянскаго элемента. Въ этой небольшой комедіи славянизмовъ сравнительно не мало: *сей*, *пріемлетъ*, *обрѣсть*, *премѣнять*, *вопіетъ*, *преклонить*, *премѣнчивость*, *внимать*, *отвращалъ*, *есмь* (я впрямь несправедливъ, и былъ, и *есмь*, и буду); нечленныя прилагательныя встрѣчаются часто. Въ басняхъ Крылова не мало найдется славянскаго, особенно въ первыхъ редакціяхъ басенъ: *возъемля*, *возопилъ;* стихій*ныя* войны, Эолова владѣнія бурлив*а*, жизнь дѣвическ*а*, жизнь вести уныл*у*, одиноко*у*, умильн*ы* ямочки пропали на щекахъ, *да* продлитъ, и другія.

Если мы обратимся къ произведеніямъ поэтовъ нашего времени, то и у нихъ будемъ изрѣдка встрѣчать славянизмы. Это живые слѣды вліянія Пушкина и его школы; или иногда отголоски старыхъ понятій о «важности» славянскихъ словъ и оборотовъ, говоря проще и прямѣе: употребленіе «высокаго штиля».

Напримѣръ у А. М. Жемчужникова найдемъ: *нисшедшую* (10)[1]), *вѣжды* (16), *возлетѣвъ* (25), *глаголъ* (въ значеніи: слово; 26, 54), *сокрыть* (39, 120), *внемлю* (48, 113, 218), *вотще* (53, 81, 89), *объятъ* (54, 121, 182, 199), по всей долинѣ *злачной* (111), *юдоль* (120), *бдите* (139), *бдѣнье* (140), *мнится* мнѣ (148; томъ II, 173), *стезя* (по жизненной *стезѣ* осмысленно онъ шелъ, 169; и засоряется метеная *стезя*, 224), *сѣнь* (190), *восѣдъ* (стр. 107)[2]), *віющейся* (109),

1) Цыфра означаетъ страницу перваго тома по изданію стихотвореній 1898 г.
2) Здѣсь и далѣе цыфра обозначаетъ страницу второго тома.

поэмы *тихошественная* рѣчь (110), противорѣчьемъ ни *единымъ* не оскорблялся чуткій слухъ (119), *влачилъ* усталые шаги (125; обыкновенно говорятъ: ноги), такъ начали *пещись* о дѣтяхъ горячо (171), *зиждется* (199), судя, читатель, *неумытно*, признай же... (243).

Славянскій элементъ въ произведеніяхъ старыхъ поэтовъ въ нѣкоторой степени объясняется тѣмъ, что въ невыработанномъ литературномъ языкѣ находилось еще мало средствъ для выраженія мысли и сложенія стиховъ; кромѣ того, писатели находились подъ сильнымъ вліяніемъ старой славянской или полуславянской книжности. Поэты нашего времени употребляютъ славянизмы только потому, что не стремятся избѣгать ихъ. Если исключить тѣ случаи, въ которыхъ славянизмъ имѣетъ особое назначеніе: сообщить рѣчи извѣстный библейскій колоритъ, то во всѣхъ другихъ славянскія слова употребляются какъ усвоенныя языку. Но такими можно считать только слова, вошедшія въ живой языкъ народа, по крайней мѣрѣ, образованнаго класса. Въ говорѣ этого класса нѣтъ словъ: *внемлю*, *объятъ* и тому подобныхъ. Эти слова отжили свое время, потому что языкъ нельзя считать неподвижнымъ. Съ теоретической точки зрѣнія приведенныхъ славянизмовъ слѣдовало бы избѣгать, какъ и неумѣстныхъ вульгаризмовъ, которые мы найдемъ у того же поэта: «слезъ больше, нежели *чернила*», говоритъ баронъ (II, 73); «Ардатовъ, *кушаньевъ* я этакихъ не ѣмъ», говоритъ княгиня (II, 32); «не могъ я *совладать* съ озлобленнымъ умомъ» (II, 91).

Укажемъ славянизмы въ небольшой книжечкѣ стихотвореній Владимира Соловьева по московскому изданію 1891 года. При этомъ мы не будемъ считать двухъ стихотвореній: «Въ землю обѣтованную (разсказъ изъ Библіи)» и «Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ», гдѣ, по особымъ причинамъ, много весьма старыхъ славянизмовъ (*се, лѣствица, да утолится* и другіе). Здѣсь найдемъ: *безбрежный* (7), *низринуты* (23), *сей* (29), *исшедшій* (35), я иду какъ *агнецъ* кроткій, *обреченный* на *закланье* (41), *пламень* (49), *единый* (56), *взоръ* (59), *вотще* (59).

Въ «изящномъ, ровномъ и пластичномъ» стихѣ графа Голенищева-Кутузова славянизмовъ особенно много: *дерзну* (1)[1]), *забвенье* (7), *лобзанье* (8), *ложе* (8), *внимая* твой напѣвъ (8), *объятъ* (9, 10), *прерветъ*

1) Цыфра означаетъ страницу I-го тома Сочиненій. С.-Пб. 1894.

(10), *утлый* (10), *внимаю* (13), *нисходитъ* тѣнь (14), съ *подъятой* гордо головою (16), и, *отвратясь*, тихонько плачу (19), *дольній* міръ (21), *поморіе* (26), *враны* (48), куда *текли* всѣ русскія дружины (53), *согбенный* (59), *восклицать* (63), *пѣснь* (72), *гласъ* (98, 105), *благостыня* (101), *глаголъ* (въ значеніи: слово, 102), *почіетъ* (103), средь торжествующей хулы на *Духа Свята* (102), *златитъ* (104), *глава* (104), *сей* (109), *длань* смерти (114), *очи* (115), *ниспадетъ* покровъ (116), *стражъ* (128), *ограждены* деревъ густыхъ стѣнами (138), бряцанье *злата* (144), *взоръ* (144), я ихъ *пріялъ* изъ Божьей *длани* (174), *да не коснется* власть земная (174), *подвинешь* (173), *алкаетъ* (175), *подъемлю* (193), *цѣпію* (199), *во слѣдъ* (206). «Подражаніе Исаіи» (125) переполнено славянизмами. Правда, что наиболѣе устарѣлые славянизмы (*гласъ*, *златитъ*, *глава*) мы найдемъ только въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Пушкину и Майкову, гдѣ поэтъ, вѣроятно, хотѣлъ писать въ ихъ стилѣ. Но это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ наши поэты задаются стилистическими цѣлями. Вообще стремленіе писателей къ усовершенствованію языка въ стилистическомъ отношеніи со временъ Карамзина, Пушкина, Гоголя значительно ослабѣло, хотя языкъ много улучшился въ силу естественнаго прогресса. Но сравнимъ языкъ первыхъ, недавно открытыхъ Ѳ. А. Витбергомъ басенъ Крылова[1]) съ его послѣдующими баснями, также первыя редакціи басенъ съ послѣдними, или языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ темной и романтической прозы въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя съ прозой «Мертвыхъ душъ», гдѣ ровный разсказъ выработанъ на столько, что кажется безъискусственнымъ, и гдѣ знаменитый писатель съ одинаковымъ мастерствомъ пишетъ въ разныхъ стиляхъ: разсказчика — собесѣдника (напримѣръ, таково начало поэмы), классическаго описателя (картины природы), драматурга (разговоры), лирика (отступленія). Тогда убѣдимся, какъ много работали надъ своимъ слогомъ писатели того времени, и какіе они дѣлали въ этомъ отношеніи замѣчательные успѣхи.

Но обратимся къ поэтическому языку графа Голенищева-Кутузова. Въ немъ найдется еще нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что поэтъ стоитъ ближе къ старому книжному языку, чѣмъ къ современному разговорному. Такъ, особенно для сравненія съ Василіемъ Ива-

1) Первыя басни И. А. Крылова. С.-Пб. 1900.

новичемъ Майковымъ, обратимъ вниманіе на случаи употребленія окончанія *ся* послѣ гласной буквы: *забывшися* (110), *явилася* (171), *сбиралося* (197), *забываюся* (205) и другія. Такъ какъ поэтъ не обнаруживаетъ пристрастія къ народному языку, то, вѣроятно, онъ употребляетъ эти формы не какъ народныя; тѣмъ болѣе, что въ народномъ языкѣ мало употребительны дѣепричастія на *вши*, и отъ него трудно воспользоваться формами какъ *забывшися* или *прижавшися* (II, 5). Архаизмомъ же является и: *заблудшій* («*заблудшій* въ тьмѣ и духомъ обнищалый» (народъ), 98). У нашего поэта найдемъ даже Пушкинское: *музы́ка* («волнуется подъ громъ веселья и *музы́ки*», II, 203).

Разсмотримъ теперь формы языка басенъ В. И. Майкова, сгруппировавши отмѣтки, сдѣланныя по изданію 1867 года и свѣренныя съ изданіемъ 1766—1767 годовъ. У насъ остался для разсмотрѣнія русскій языкъ писателя. Здѣсь особенности языка во многихъ случаяхъ будутъ объясняться происхожденіемъ автора, внесшаго въ языкъ своихъ басенъ черты своего ярославскаго говора, который вообще не представляетъ большихъ отличій отъ современныхъ намъ сѣверныхъ говоровъ. Русскій языкъ Майкова является — какъ и языкъ другихъ писателей его времени—имѣющимъ болѣе сильную народную окраску, чѣмъ современный, до нѣкоторой степени искусственный и не свободный.

Онъ пишетъ, какъ мы: *л*омаютъ (18), разл*о*маю (34), р*о*ждаетъ (42). Можетъ быть, онъ такъ и говорилъ, какъ теперь говорятся эти слова въ окающихъ нарѣчіяхъ. Въ литературномъ языкѣ правописаніе пол*а*гать, к*а*саться при пол*о*жить, к*о*снуться, должно быть, церковнославянское. Оно непослѣдовательно (л*о*мать). — У него по-сѣверному: к*о*кушку (23), к*о*кушечки к*о*куютъ (22).

Замѣчательны: поядимъ (22), *я*дятъ (27). Первое находится въ рѣчи крестьянки, но второе въ рѣчи самого автора. Впрочемъ, можно все-таки замѣтить, что Майковъ пытался ввести въ рѣчь простолюдиновъ живыя особенности ихъ языка. Такъ, самъ онъ употребляетъ слово *ночлегъ* (9), но въ рѣчи той же крестьянки видимъ *наслегъ* (22). Въ народномъ діалогѣ и Майковъ, и другіе писатели XVIII вѣка были ближе къ народному языку. Напримѣръ, у Сумарокова старуха простолюдинка въ одной изъ его комедій цокаетъ («Опекунъ», Сочин., М., 1787 г., стр. 45: *ц*есной, стр. 46: яблоцко); она также говоритъ: поядаетъ (тамъ же, стр. 46). Писатели XIX вѣка сильно поддаются условнымъ

эстетическимъ теоріямъ, по которымъ народное считается грубымъ, и народная рѣчь не принимается въ діалогѣ народа. Она или сочиняется, или подправляется, какъ долгое время подправляются и памятники народнаго творчества. Дошедшія до насъ живыя и бойкія интерлюдіи XVIII вѣка по своему чистому народному языку стоятъ гораздо ближе къ пріемамъ реалистической литературы, чѣмъ огромное большинство случаевъ современнаго намъ народнаго діалога. Баснописецъ Крыловъ, затмившій всѣхъ своихъ предшественниковъ, въ письмѣ къ В. А. Олениной употребляетъ слово *пужать*[1]), но крестьяне въ его басняхъ никогда не скажутъ чего-либо подобнаго. Стихъ: «Которымъ все *опричь* себя постыло» исправляется имъ на: «Которымъ все *кромѣ* себя постыло», при чемъ, чтобы избѣжать слишкомъ народнаго *опричь*, берется даже слово съ малоупотребительнымъ удареніемъ. (*Кеневичъ*, Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, С.-Пб., 1868 г., стр. 124. Сравните: *А. Кирпичниковъ*, Очерки по исторіи новой русской литературы, С.-Пб. 1896, стр. 193, примѣчаніе 1).

Произношенія въ родѣ *ядимъ* извѣстны и теперь въ говорахъ Ярославской губерніи (Діалектологія *А. И. Соболевскаго*, страница 38)[2]).

По сѣверному Майковъ употребляетъ *вить*: «*Вить* мы еще ее глазами не поѣли»; «*вить* баринъ заказалъ вскрывать намъ это блюдо» (22).

Также по народному: солн*у*шко (39, 42).

Областному просторѣчію обязаны, вѣроятно, почти всѣ случаи пропусковъ гласныхъ: *сшелся* (7), *взгордясь* (19), по *зву* (19)[3]), *взнегодовали* (19, 24), *выкрабкался* (39), *сестръ* (15).

Но отпаденіе гласнаго въ частицахъ *бъ*, *жъ* необычно въ сѣверныхъ говорахъ. Частые случаи ихъ употребленія нужно объяснять вліяніемъ поэтическаго языка и московскаго нарѣчія: что*бъ* (9, 12, 20), хотя*бъ* (10), гдѣ*бъ* (11), ходя *бъ* босикомъ (27), злата *бъ* множество (10); откуда *жъ* (10), волки *жъ* (9), на волю *жъ* (42).

Въ словахъ по*и*манъ, по*и*мать у Майкова гласный звукъ вмѣсто нашего согласнаго («по*й*манъ воръ въ разбоѣ», 10; «онъ (рыбакъ) мо-

---

1) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи наукъ, т. VI, стр. 277.

2) Отъ уроженца Старицкаго уѣзда я также слышалъ произношеніе: поядáя (при чтеніи Евангелія).

3) У Крылова, въ басняхъ: «Пиръ», «Кукушка и горлинка».

жетъ поймать повсюду», 5)[1]); но рядомъ находимъ: стойло (8), пойло (8). По-сѣверному иногда — стоило, поило (Владимірская губернія). Въ этомъ случаѣ нужно не забывать того очень вѣрнаго мнѣнія, что писатели, сохраняя нѣкоторыя особенности своего природнаго нарѣчія, конечно, болѣе другихъ воспріимчивы въ особенностяхъ общенароднаго языка и пишутъ всегда не на діалектѣ, но на общелитературномъ языкѣ съ небольшими діалектическими примѣсями.

Согласные звуки литературнаго языка отличаются большой устойчивостью, какъ и въ московскомъ нарѣчіи. Поэтому, мы найдемъ у Майкова очень мало отличій отъ современной образованной рѣчи. Есть: рынувшись (42), свойственное сѣвернымъ говорамъ (архангельское, по выпискѣ изъ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій* 1787 года, приведенной въ *Живой Старинѣ* 1900 года, выпускъ III, страница 449) и южнымъ (мещовское); также: *подите* (9), *выдутъ* (38), обыкновенныя въ сѣверныхъ говорахъ.

Въ удареніи мы найдемъ много особенностей. При невыработавшемся литературномъ языкѣ, поэзіи XVIII вѣка было выгодно пользоваться для стиха словами или формами съ разнообразными удареніями, благо грамматика не подошла сюда съ своими правилами. Это было большое облегченіе писать стихами: можно было употреблять слова съ удареніями московскаго нарѣчія, слова съ удареніями того говора, который былъ природнымъ для писателя и, вѣроятно, еще слова съ удареніями, которыя предшественники или современники писателя усвоили поэтическому языку. Я приведу всѣ слова съ особенностями въ удареніи изъ басенъ Майкова, но сдѣлаю очень немного объясненій къ отдѣльнымъ случаямъ, замѣтивъ вообще, что почти всѣ ударенія Майкова могутъ быть объяснены изъ народныхъ нарѣчій.

1. Удареніе приближается къ началу слова: прямого хо́рошства (24), и́стца (родительный падежъ, 12), по спи́нѣ, къ зи́мѣ (39; есть у Крылова въ баснѣ «Слонъ на воеводствѣ»), на спи́ну (42), на хо́лмѣ (36; сравните Пушкина «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ»), лягушечья язы́ка (4), сча́сливо (25; есть у Крылова въ баснѣ «Откупщикъ и сапожникъ»), отпу́скную (29), дне́вное свѣтило (39; у Пушкина: «Погасло дне́вное свѣтило»), мате́рый дубъ (36), зна́тнѣйшаго (8), па́русы (20), ро́ги,

1) У Крылова, въ баснѣ «Левъ на ловлѣ».

цвѣтущія лѣта (9), по лѣтамъ (9), со лѣтами (9), идетъ (7, 16, 15, 24; такъ у Державина въ «Фелицѣ», у Крылова въ басняхъ: «Свинья», «Трудолюбивый медвѣдь», «Паукъ и пчела», «Рыбьи пляски»), идучи (26), похулить (24), спустя рукъ сидѣти (40), бранили совушку и мерзкій ея гласъ (19; сравните современное сѣверное ейный).

2. Удареніе отодвигается къ концу слова: съ того часа́ (5), рѣку́ (2), черезъ рѣку́ (есть у Крылова въ баснѣ «Лжецъ»), шла шагомъ (13), дубино́ю (7, 8; дубина́, дубино́ю и теперь говорятъ въ Ярославскомъ уѣздѣ); въ именительномъ множественнаго: вдовы́, бѣды́, судьи́ (12), сестры́ (15), змiи, игры́ (42); въ другихъ падежахъ: судья́мъ (12), коза́мъ (26), ворота́ми (2; предполагаетъ именительный ворота́); явится (24), тронуться (30; у Крылова: тронулися, въ баснѣ «Муха и дорожные»), разрушу́ (12), обойхъ (10, 15), обоимъ (15), дышитъ (4; по типу: рѣшу́ — рѣшитъ, бѣгу́ — бѣжитъ), положе́нъ (2, есть у Пушкина: «Сцена изъ Фауста», Сочиненія, т. III, стр. 103), сражена́ (12), вложена́ (22), истреблены́ (4), насѣчены́ (2), въ равенствѣ (8), приговоръ (12), приговоромъ (12), музы́ка, музы́ки (4; съ такимъ удареніемъ у Сумарокова, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова (*Кеневичъ*, 187 стр.), Пушкина, Тютчева («Ночные голоса»), В. И. Красова (Стихотворенія. М. 1859 г., страница 121), Лермонтова (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ*, 1897 г., томъ II, книга 2, страница 467; здѣсь же объяснено и происхожденіе слова съ такимъ удареніемъ, при чемъ къ малорусскому музы́ка можно прибавить и бѣлорусское (Словарь *Носовича*), даже великорусское Псковской губерніи (*П. В. Шейнъ*, Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ... С.-Пб. 1900, стр. 106); также, по указанію Е. Ѳ. Будде[1]), встрѣчается у Ломоносова и Державина), недалечко́ (38), проти́въ (24, козелъ возсталъ проти́въ звѣрей...), подлѣ́ (подлѣ котораго мужикъ берлогъ имѣлъ, 42), или́ (19).

Изъ извѣстныхъ филологовъ XIX столѣтія, кромѣ Востокова и Грота, никто, если не ошибаюсь, не опредѣлялъ и не устанавливалъ удареній литературной рѣчи[2]). Теперь, когда поэтическій языкъ внесъ

1) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, часть CCCXXXIII, страница 415 (1901 годъ, февраль).

2) Удареній въ словаряхъ я не считаю, потому что изучать удареніе по словарямъ чрезвычайно трудно.

массу особенностей въ удареніи словъ изъ областныхъ говоровъ, однообразное удареніе въ русскомъ языкѣ едва ли возможно, потому что примѣромъ образцовыхъ писателей можно оправдать множество отступленій отъ тѣхъ формъ, которыя болѣе приняты и распространены. Сами писатели очень свободно употребляютъ формы съ разными удареніями, и, напримѣръ, басни Крылова по ударенію, кажется, не совпадутъ ни съ какимъ однимъ живымъ говоромъ.

Живое московское нарѣчіе, какъ литературное, могло бы имѣть вліяніе въ этомъ отношеніи на другія, но, къ сожалѣнію, въ отношеніи къ словоударенію оно почти вовсе не изслѣдовано.

Въ склоненіи словъ найдемъ у Майкова родительный и предложный надежи на *у:* род*у* (8), для примѣр*у* (24), до дом*у* (38), гром*у* (38), безъ страх*у* (38), съ размах*у* (38); въ семъ чин*ý* (8), въ дом*ý* (39; рядомъ: въ до́м*ѣ*, 38), въ зад*ý* (42); предложный на *ѣ* отъ именъ на *ь:* въ печал*ѣ* (риѳмуется съ подалѣ; вѣроятно, Майковъ произносилъ въ обоихъ словахъ по діалектическому сѣверному[1]) *е*); именительный падежъ множественнаго числа: ро́ги (24); правильно: болот*а* (26), пятн*а* (42), но по вліянію московскаго произношенія или, можетъ быть, по винѣ наборщика: жит*ы* (40),

родительный падежъ множественнаго числа: безъ рогъ (24), римля́н*овъ* (39).

Все это народныя формы, такъ же какъ и *время* въ родительномъ падежѣ, *каменья* (27, собирательная форма).

Въ степеняхъ сравненія находимъ народныя: *постарѣ* (9), *зарань* (21), *болѣ* (22), *нужняе* (27), и книжныя, съ приставкой *пре: преширокомъ* (17), *преподлая* (18).

Между предложнымъ нарѣчіемъ и мѣстоименіемъ видимъ отсутствіе приставного н: *мимо ихъ*, *межъ ими* (28), *межъ ихъ* (41).

Одинъ во множественномъ числѣ не различается по родамъ: одн*и* (кости, 28).

Изъ особенностей въ формахъ глагола въ неопредѣленномъ наклоненіи осталось указать только *бресть*.

Въ изъявительномъ наклоненіи находимъ формы: *хочутъ* (15), *хо-*

---

1) Предложный на *ѣ* въ такихъ случаяхъ извѣстенъ въ разныхъ сѣверныхъ говорахъ: сергачскихъ, муромскихъ, пошехонскихъ (въ послѣднихъ: на печѣ; смотрите *Этнографическій Сборникъ, издаваемый Император. Русск. Геогр. Обществомъ*, II, 4).

чете (40; сравните: *Буслаевъ*, Историческая грамматика, § 87); ноги не *бѣжатъ* (42), *прибѣгли* (6), *разбѣлись* (6), *набѣгли* воры (13). Формы прошедшаго времени правильно произведены отъ глагола *бѣчь* (сравните: лечь — легли); наше «правильное» *бѣгутъ* взято отъ этого глагола; (сравните: лечь — лягутъ); *бѣжатъ* произведено отъ *бѣжать* (сравните: лежать — лежатъ). *Настигу* («я побѣгу и господина *настигу*») — тоже правильное образованіе отъ *настичь* (сравните: обстричь — обстригу). Также правильны: *лажу* (*лажу* по горамъ), *мучитъ* (31). По средне-русски часто неправильно: *лазію*, *мучіитъ* (послѣднее встрѣчается нерѣдко у Чехова).

Въ повелительномъ наклоненіи вмѣсто нашего *пожалуйста* болѣе старое *пожалуй* (очень часто въ актахъ и въ челобитныхъ): «Скажи, пожалуй, мнѣ всю правду, молодецъ» (14); «Пожалуй, говоритъ, сей мысли не порочь» (24). У Крылова такъ въ басняхъ: «Дерево», «Квартетъ», «Бритвы». У Грибоѣдова: «Но объяснись, пожалуй...» (комедія «Молодые супруги»).

Въ возвратномъ залогѣ много случаевъ употребленія *ся* послѣ согласныхъ. Это отчасти діалектическія формы (въ сѣверныхъ говорахъ онѣ употребительны, но окончаніе звучитъ теперь чаще *са*), отчасти славянизмы, которые принимались тѣмъ охотнѣе, что въ стихахъ часто является нужда въ лишнемъ слогѣ. Формы на *ся* послѣ гласнаго звука были еще настолько употребительны, что являлись и тамъ, гдѣ безъ нихъ можно бы было обойтись. Такъ, у нашего писателя находимъ риѳмы: напили*ся* — разобрали*ся*, которыя свободно можно замѣнить риѳмами: напили*сь* — разобрали*сь*. — Приведемъ примѣры: спасти*ся* (32), умилосердиｓ*ся* (4), осталｏ*ся* (4), осталｉ*ся* (12), спустилａ*ся* (15, 19), подкралａ*ся* (23), полюбилａ*ся* (24), сошлａ*ся* (26), раздулｉ*ся* (7), вскарабкалａ*ся* (36), надвинулｏ*ся* (38), билｉ*ся* (39), валялｉ*ся* (39), шатａ*ся* (1), лишａ*ся* (29), страшａ*ся* (38), оставшｉ*ся* (40). Сравните у Крылова въ басняхъ: закралａ*ся* (*Кеневичъ*, стр. 12), крушуｓ*ся* (тамъ же, стр. 137), покажуｓ*ся* (тамъ же, стр. 208), пригожуｓ*ся* (тамъ же, стр. 208), осталｉ*ся* (тамъ же, стр. 224), гналａ*ся* (тамъ же, стр. 227), казалｏ*ся*, случａ*ся*. Замѣчательны случаи, когда *ся* является тамъ, гдѣ мы его не употребляемъ: «Упрекались такъ другъ другу говоря» (16), или не находится тамъ, гдѣ оно у насъ есть («*оставшая* жена», 12; «поѣлъ *оставшихъ* крохъ», 33).

Замѣчательная причастная форма *смога* (4) давно уже указана въ лекціяхъ А. И. Соболевскаго и, какъ пословичная форма, въ «Исторической грамматикѣ» Буслаева (§ 54, примѣчаніе 3); въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ *мога* указываетъ Е. Ѳ. Карскій въ «Обзорѣ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи» (М. 1886, стр. 146). Удержавшись благодаря риѳмѣ (*смогá — рогá*: И кто кого *смогá*, такъ тотъ того въ *рогá*), она стоитъ совершенно особнякомъ отъ всѣхъ другихъ подобныхъ формъ, но въ такомъ примѣрѣ, который показываетъ, что формы дѣепричастій на *а* исчезли не въ очень давній періодъ. Въ древнемъ языкѣ не было формъ какъ рогá; онѣ появляются съ XV, XVI вѣковъ (*А. И. Соболевскій*, Лекціи по исторіи русскаго языка. С.-Пб. 1891, стр. 197).

Есть дѣепричастіе на *ючи:* и сидю*чи* щекочутъ[1]) (15); отъ глаголовъ совершеннаго вида нерѣдко образуются дѣепричастія съ окончаніемъ настоящаго времени для обозначенія прошедшаго: «Уду червякомъ *прикроя*, поймаешь лучшаго изъ рыбъ героя» (5); «*поворотя* мѣшокъ, не тотъ услышалъ стукъ» (11), «*разиня* ротъ» (23); «не можно спорить вамъ, другъ друга не *обидя*» (27); «*покиня* звѣрь берлогъ» (42).

Съ личными окончаніями нѣкоторые глаголы совершеннаго вида употребляются въ значеніи настоящаго времени. Таковы: (У насъ) «другъ дружку ненавидятъ; безсильныхъ сильные *обидятъ*» (4, поэтому и причастіе на мый: *обидимыхъ* не защищаетъ, 4); (судьи) «важныя дѣла *рѣшатъ* и разсуждаютъ» (12); (вашу братью) «встрѣчаютъ лишь по платью: *проводятъ* по уму» (28). Подобнымъ образомъ употребляется и неопредѣленное наклоненіе, то-есть въ смыслѣ несовершеннаго вида: не станемъ для тебя *рѣшить* мы то стократно (12). По особой замѣткѣ Пушкина видно, что такое употребленіе глагола *рѣшить* онъ ошибочно считалъ правильнымъ и самъ употреблялъ такія формы (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности* 1898 г., томъ III, книжка 3-я, страницы 708, 709; 1899 г., томъ IV, книжка 2-я, страница 583. Но у Пушкина есть и другіе, не указанные здѣсь случаи: напримѣръ, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, по новому академическому изданію страница 257). По свидѣтельству Буслаева, случаи такого употребленія глаголовъ совершеннаго вида доходятъ почти до нашего

1) У Крылова дѣепричастія на *учи*, *ючи* не рѣдки.

времени. *Кончится* вмѣсто *оканчивается*, которое онъ считаетъ употребительнымъ до самаго послѣдняго времени («Историческая грамматика», § 183) встрѣчается, напримѣръ, въ филологическихъ сочиненіяхъ П. А. Лавровскаго.

Майковъ, согласно съ живымъ языкомъ, свободнѣе употребляетъ виды, чѣмъ мы. У него: *станавливалась* (22), *пріѣзживалъ* (14), *окончали* (3).

Образованія глаголовъ иногда народныя: *владайте* (40), но иногда искусственныя: *произрастала*: [(ворожея) «по зимамъ цвѣты *произрастала* и ворожбой своей блистала»], завѣщаваетъ (12; образовано по вліянію завѣщать).

Перейдя къ синтактической сторонѣ языка, я прежде всего долженъ оговориться, что, приводя примѣры различныхъ особенностей языка Майкова, не буду различать въ нихъ славянскихъ формъ отъ русскихъ.

Обращаясь къ главнымъ членамъ предложенія, находимъ случай повторенія подлежащаго: «А *ты*, хотя тебя и вѣчно не замаютъ, *ты* жалишь всѣхъ» (8).

Сказуемое выражается глагольными междометіями: «Тутъ щука приплыла и уду *тряхъ*» (5), «межъ тѣмъ медвѣдь на пашню *шасть*» (42), (звѣрь) «изъ берлога *скокъ*» (42), «хоть онъ (стогъ) поставленъ былъ высокъ, однакоже медвѣдь съ разбѣгу *вскокъ*» (32).

Часто сказуемое является въ сложной формѣ: «Вселенна *въ цѣлости осталась*» (6), «не *нравенъ* приговоръ *казался* дѣвкѣ сей» (12), «летѣть тебѣ *не кстати* въ небесны высоты» (37).

Особенности согласованія словъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

«*Оборoти*, ребята, лошадей... *держи* коней, *держи*...» (38). «Прохожихъ двое *шло* дорогою одною» (2), «и мягко старичокъ съ старушкой *почиваетъ*» (22), «сорока съ галкою *нашли* кусокъ добра» (15). «А Неронъ всѣмъ *была* извѣстная скотина» (14).

Родомъ словъ отличаются: *пéрло* жемчужное (1), *берлогъ* (42; по народному: такъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи; сравните старославянское: брѫлогъ). Единственное число вмѣсто нашего множественнаго находимъ въ примѣрѣ: «Но гдѣ, о, муза, гдѣ возьму такую *краску*, дабы живѣе могъ я зависть описать?» (25).

Единственное число въ собирательномъ значеніи: «*Волкъ* съ *зайцемъ* будутъ въ полѣ, *баранъ*, *конь*, *быкъ* и *песъ* останутся въ неволѣ» (26), «такъ должно *денежку* на нуждицу беречь» (32).

Въ употребленіи падежей нужно обратить вниманіе на второй именительный, замѣненный у насъ нарѣчіемъ: «Хоть онъ (стогъ) поставленъ былъ *высокъ*. . .» (32), «инъ будь всѣ мнящи такъ, старухамъ симъ *подобны*» (38; этотъ примѣръ именительнаго допускаетъ и другое толкованіе), «*каковъ* и самъ онъ славенъ» (= сколько). Есть у Крылова: «Посмотримъ, на зубахъ *каковъ*-то будешь вкусенъ» («Кошка и соловей»).

Родительный падежъ употребляется для означенія времени: «Не выпущу ли я *сего* же *лѣта* душку» (23), при глаголѣ ненавидѣть: «Кто мудрыхъ стариковъ *совѣта ненавидитъ*» (37), при глаголѣ *отставать*: «Но *мнѣнья* своего никто не *отставалъ*» (24), при глаголѣ *видѣть* (можетъ быть, родительной части?): «*Надписи* (единственное число) едва ль возможетъ *видѣть* око» (2).

Для второго винительнаго отмѣченъ одинъ случай: «Натура насъ съ тобой *подобныхъ* сотворила» (18).

Этотъ падежъ употребляется при глаголахъ: *отомстить* («онъ скоро *воровство* сорокѣ *отомстилъ*», 42), *вредить* («своимъ совѣтомъ *тѣхъ вредятъ*», 34), *управлять*, *править* («*царство управлялъ*, какъ кормщикъ *правитъ судно*», 4), *толковать*, *потолковать* («Езопъ *толкуетъ духовную*», 12; «*потолковавъ писаніе* сіе», 12), *разсудить* («лишь *разсудить ее* (духовную) не всякій разумѣетъ», 12; «важныя *дѣла* рѣшатъ и *разсуждаютъ*», 12).

Творительный падежъ употребляется при глаголѣ *скучить* («Ужъ *скучилъ* онъ той *пищей*», 11), *ругаться* («онъ *матерью* своей *ругался и отцомъ*», 14).

Въ предложномъ падежѣ замѣчательны случаи обозначенія времени: «Тому и умереть *въ томъ лѣтѣ*» (23), «когда бы не было портныхъ на бѣломъ свѣтѣ, такъ вы бы *въ осени*, *въ веснѣ и жаркомъ лѣтѣ*... ходили нагишомъ» (27). Можетъ быть, они представляютъ старый мѣстный падежъ, означающій время, но снабженный предлогомъ.

Межъ употребляется съ родительнымъ и винительнымъ падежами: *Межъ васъ* (16), *межъ вами* (15), *межъ прочими звѣрьми* (21), *промежъ тѣмъ* (22).

На съ винительнымъ падежомъ означаетъ время, продолжительно или неограничено: У насъ *на всякій часъ* другъ дружку ненавидятъ (4). (Сравните: *навѣчно*: *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ*, томъ III, книжка 3-я, страница 711).

Майковъ часто сокращаетъ придаточное дополнительное предложеніе посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія *быть*: «Ледъ толстъ и зрился *быть* надеженъ» (17), «и такъ его (ледъ) я тверда *быти* мнилъ» (17), «иль въ томъ ты своему блаженству *быти* чаешь, что...» (41), «случился близко *быть* берлогъ на сторонѣ» (42); также посредствомъ существительнаго: «И денежки въ мѣшечкѣ показалъ, при томъ все *бытіе* пріятелю сказалъ» (7).

Въ употребленіи союзовъ нужно указать слѣдующіе случаи: часто употребляется *подобно какъ* («панъ въ спѣси утопаетъ, *подобно какъ* пѣтухъ», 7; «панъ щедро наградилъ, *подобно какъ* отецъ», 7; «а зубы у волковъ *подобно какъ* иголки», 32); сохраненіе въ главномъ предложеніи соотвѣтствующаго союза: *то—что*, *такъ—какъ* («я чувствую *то* самъ, *что* улечу я къ небесамъ», 37; «благодаря свою злодѣйку *такъ*, *какъ* мать», 34); также: *этотъ—который* («у Федра басню я читалъ подобну *этой*, *которую* писать намѣренъ я теперь», 12; «должно серебро отъ *этихъ* птицъ беречь, *которыя* по всѣмъ домамъ теперь летаютъ», 15), *столько—какъ* («*столько* строго, *какъ* стоикъ жилъ», 11); *когда* вмѣсто *если* («*когда* родитель твой жилъ очень небогато, откуда жъ у тебя сіе взялося злато», 10).

И соединяетъ дѣепричастіе и изъявительное наклоненіе: «Опомнясь *и* въ тоскѣ у петли ужъ стоялъ» (11), «призвавъ ее къ себѣ, *и* тако ей вѣщаетъ...» (24), «взявъ ложку въ пазуху, *и* сталъ опять валиться» (33), «но сынъ, не слушаясь ея, *и* власть беретъ...» (37). Въ старомъ языкѣ такія сочетанія часты. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, которые можно найти въ «Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина» (М., 1897 г.): «И он де Микитка тово крестьянина взявъ съ собою *и* повез в Куреск» (часть III, страница 23). У Крылова: «Плѣняся глупостью такой, *и* къ дѣлу приступилъ тотчасъ механикъ мой» («Механикъ»).

Въ словорасположеніи замѣчательны случаи постановки подлежащаго среди придаточнаго предложенія: «Летѣвши *облачко* небесный видѣть свѣтъ, пропало...» (37), «покиня *звѣрь* берлогъ, хотя и не ле-

гокъ, да изъ берлога скокъ» (42). Сравните у Крылова: «Созвавъ отвсюду *онъ* разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье» («Водолазы»), «не могши болѣ тутъ *левъ* явной лжи стерпѣть...» («Рыбьи пляски»). Такое словорасположеніе есть также у Жуковскаго («Война мышей и лягушекъ») и даже у Пушкина («Историческая грамматика» Буслаева, § 275). — Отмѣтимъ еще примѣръ особаго словосочетанія: лѣтъ со сто (23).

Съ лексической стороны языкъ Майкова замѣчателенъ употребленіемъ многихъ народныхъ словъ. Эта особенность не принадлежитъ ему лично, но всѣмъ писателямъ его времени. Разговорный языкъ XVIII вѣка содержалъ много народныхъ словъ, которыхъ мы теперь не употребляемъ. У замѣчательныхъ писателей того времени можно найти слова, теперь уже непонятныя. Значеніе этихъ словъ нужно разыскивать по областнымъ словарямъ. Но очевидно, что такія слова тогда понимались еще въ литературныхъ центрахъ: Москвѣ и Петербургѣ. Такія слова есть, напримѣръ, у Ломоносова, Державина, Карамзина (въ переводахъ послѣдняго употребляется, напримѣръ, слово *нахлучилъ* = нахлобучилъ). У Майкова мы находимъ: *рьяетъ* (портняжка прибѣжалъ, пыхтитъ и, какъ собака, *рьяетъ*; какъ собака *рьяетъ* и чуть зѣваетъ, лишася бѣгомъ силъ, 7; у Даля: *зарьять* — загорѣться, задохнуться, надорваться съ перегону); *перекóчкать* (не *перекочкавши* ни ѝстца ни судей, заплакавъ слезно, пошла и жалобы творила безполезно, 12; у Даля: *перекочкать кого* — нижегородское, переупрямить, поставить на своемъ); *хлехочетъ* (4) (по Далю: кричитъ, квакаетъ). Непонятно слово *дóрога* (съ такимъ удареніемъ въ изданіи 1767 года) въ выраженіи: Сей басни та *дорога,* что всяка власть отъ Бога (30).

Есть у Майкова нѣкоторыя слова съ старымъ значеніемъ. Грабители и разбойники называются *ворами* (10, 13); *разбивать* значитъ — грабить, отнимать посредствомъ разбоя (10; также у Крылова въ баснѣ «Сочинитель и разбойникъ»); *рóзно* (32) — въ разныя стороны, *протúву* (противу сихъ рѣчей, 24) = согласно (съ сими рѣчами). Слова *лестный*, *любезный* по употребленію тогдашняго времени значатъ: льстивый, милый, любимый. Послѣднее значеніе въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ удерживается и теперь. Такъ, въ обращеніяхъ говорятъ и пишутъ: любезный, любезный другъ. Слова: невѣжда и невѣжа обосо-

бились по значенію въ болѣе позднее время; у Майкова: «*Невѣжею* (= невѣждою) крота и глупымъ называли» (24), «которые меня (розу) съ *невѣжествомъ* ломаютъ» (17; = съ невѣжливостью). Даже Крыловъ употреблялъ такъ первое слово («Огородникъ и философъ»; *Кеневичъ*, 212). Можно указать нѣсколько словъ, исчезнувшихъ теперь вслѣдствіе измѣненія быта. Таковы: *бояринъ*, *боярыня* (38; сравните у Крылова въ баснѣ «Муха и дорожные»: «Ползутъ изъ колымаги вонъ *бояринъ*, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель»); *рабъ* («ей дьявольская сила покорна такъ была, какъ барынѣ *рабы*», 6); *приспѣшникъ* (7).

Изъ народныхъ словъ приведу только нѣсколько такихъ, которыя для насъ уже кажутся вульгарными: *владайте* (40), *здорный* (35), *замать* («не лучше ли бы намъ вѣкъ чашки не *замать*», 22; «я птичекъ не *замаю*», 34), *испужалъ* (7), *обыкъ* («быкъ, который завсегда дурачиться обыкъ» (21), *упущаетъ* (33).

Въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ у Майкова употребляются такія же ласковыя названія, къ которымъ мы такъ привыкли въ басняхъ Крылова: *ребята* (38, 40), *братъ* (7), *братцы* (28), *сестрица* (15), *кумъ* (26), *кумушка* (26), *свѣтъ* (2, 16, 26, 34), *голубчикъ* (39), *молодецъ* (14), государь (6, 7), батька старичокъ (22).

По употребленію восклицательныхъ выраженій басня Майкова тоже имѣетъ нѣкоторое сходство съ басней Крылова. Послѣдній, при большой народности языка своей басни, не избѣжалъ нѣкоторыхъ восклицательныхъ оборотовъ, мало свойственныхъ чистому русскому языку. На языкъ басенъ въ этомъ случаѣ, вѣроятно, оказалъ вліяніе языкъ одъ, которыя писались тогда въ большомъ количествѣ. Всѣ эти обороты, которые мы находимъ у Майкова, отличаются книжнымъ характеромъ: «*О*, *небо*, страшно мнѣ подумать то и нынѣ» (17), «пристойно ли тебѣ, *о*, *быкъ*, со львомъ сравниться» (21), «*о*, *вы*, охотники дѣла другихъ судить» (22), «*о*, *вы*, которые имѣете умъ здравый» (41); «*увы*, изъ мисы вдругъ вонъ выскочила крыса» (22), «*увы*, не знаешь, левъ, что барсу приключилось» (39).

Въ одной фразѣ мы находимъ, что Майковъ употребляетъ отрицаніе *не* одинъ разъ вмѣсто двухъ, по-славянски: «Ворожея не только внемлетъ (вмѣсто *не* внемлетъ) рѣчь, не дѣлаетъ и къ сожалѣнью знака» (24).

Изъ другихъ частицъ замѣчательны: *то* (тогда-то, 24; во мнѣ-то); *ко*, *тко* при глаголахъ (вздѣнь-*ко*, 27; ѣшь-*ко*; поди-*тко*, 25).

Можно указать также слова: *анъ* (34, 42), *инъ* (38).

Если мы обратимъ вниманіе на иностранныя слова, то замѣтимъ, что число ихъ у Майкова очень не велико. Это прежде всего значительно обрусѣвшія слова, заимствованныя вмѣстѣ съ понятіями или предметами: *адъ* (болото стало *адомъ*, 4), *сатана* (22), *солдатъ* (27), *мастеровой* (27), *монархъ* (27), *ноты* (для пѣнія, 19), *вокальная музыка* (4), *намалевать* (24), *камера* (судейская, 12). Нѣкоторыя слова заимствовались изъ переводовъ, въ которыхъ, при недостаточной выработанности русскаго языка, вѣроятно, еще и нельзя было замѣнить чужое слово своимъ: напримѣръ, *натура* вмѣсто нынѣшняго *природа*. Послѣднее, вѣроятно, искусственное слово позднѣйшаго происхожденія. Другія слова, какъ *понтъ*, употреблялись безъ всякой нужды: иногда по недоразумѣнію, иногда потому, что казались лучшими въ высокомъ слогѣ. Третьи передавали особыя понятія, возникшія въ другой жизни: *герой* (5, 39), *тиранъ* (14), *стоикъ* (11), *сатира* (18).

Иныя слова только входили въ литературный языкъ и до нашего времени дошли съ другимъ значеніемъ, оставшись въ просторѣчіи со старымъ. *Критиковать* въ нашемъ языкѣ: *разбирать*, *разсматривать*; въ современномъ просторѣчіи и у Майкова: *хулить*, *осуждать* (и по привычкѣ злой меня *покритикуйте*, 22).

Послѣ окончанія моей работы я имѣлъ возможность познакомиться съ той частью собственныхъ рукописей В. И. Майкова, которая поступила въ Публичную Библіотеку въ 1867 году. Я напрасно искалъ въ этихъ рукописяхъ значительныхъ діалектическихъ особенностей: послѣ изученія автографовъ Майкова я убѣдился, что онъ писалъ очень правильнымъ литературнымъ языкомъ своего времени. Эта правильность относится какъ къ стилю писателя, такъ и къ его орѳографіи, которая содержитъ немного фонетическихъ элементовъ. Вѣроятно, въ разговорномъ языкѣ самого Майкова не было такой сильной книжной и славянской окраски, которая замѣчается въ его письмѣ. Живой языкъ его содержалъ, надо думать, больше мѣстныхъ особенностей. Но вспомнимъ, что и въ наше время на писателей и поэтовъ языкъ книгъ имѣетъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ живой языкъ народа. Ко-

нечно, Майковъ дѣлалъ грамматическія ошибки, но кто тогда, при неустановившейся орѳографіи, писалъ безъ ошибокъ? Гораздо болѣе замѣчательно, что онъ обыкновенно правильно ставитъ *ѣ* въ корняхъ словъ (что тогда представляло чрезвычайную трудность, такъ какъ списка такихъ словъ еще не существовало), часто правильно ставитъ *ѣ* въ окончаніяхъ словъ (дательный и предложный падежи существительныхъ, степени сравненія, окончанія глаголовъ, нарѣчія). Онъ отличаетъ въ письмѣ неопредѣленное наклоненіе отъ изъявительнаго. Онъ довольно правильно пишетъ слова слитно и отдѣльно и часто вѣрно ставитъ большія буквы въ собственныхъ именахъ. Въ этомъ случаѣ и въ другихъ, конечно, нужно обращать вниманіе на написанія, несогласныя съ нынѣшними, но соотвѣтствующія тогдашнимъ орѳографическимъ правиламъ или обычаямъ. — Но несомнѣнно, что при печатаніи сочиненій Майкова кто-то исправлялъ его орѳографію.

Сознательное отношеніе къ правописанію видно у Майкова изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ производилъ поправки, передѣлывая одну букву на другую. Такъ въ словахъ: бѣгит*е*, небрегит*е*, пѣв*е*цъ *е* передѣлано изъ *ѣ;* будетъ гор*е* — написанное сначала *ѣ* передѣлывалось, и затѣмъ все спачкалось, такъ что неизвѣстно, на чемъ остановился Майковъ; въ словѣ в*ѣ*тчина ему казалось правильнѣе поставить *ѣ*, и онъ сдѣлалъ эту букву изъ *е*. Стремленіе Майкова къ орѳографической правильности видно еще изъ одного незначительнаго, но любопытнаго случая. Именно, онъ риѳмуетъ слова: *силу* — *сибиллу*; значитъ, онъ говорилъ: *сибилу*, но писать хотѣлъ по книжному: *сибиллу*. Эти наблюденія и все изученіе сочиненій Майкова приводятъ къ заключенію, что онъ не былъ такимъ необразованнымъ человѣкомъ, какъ объ этомъ принято думать. Онъ не зналъ языковъ, но, вѣроятно, еще въ родительскомъ домѣ познакомился съ элементарными науками и, безъ сомнѣнія, прочиталъ много книгъ. Безъ элементарнаго образованія Майковъ не могъ бы писать такъ много и такъ хорошо. Безъ достаточнаго начальнаго образованія даже такой высокій талантъ, какъ Кольцовъ, могъ написать очень немного.

Нѣсколько особенностей рукописнаго языка Майкова я приведу главнымъ образомъ изъ ненапечатаннаго въ изданіи 1867 года отрывка, озаглавленнаго въ рукописи «пѣснь пятая». Онъ написанъ въ особой тетрадкѣ на 13 листахъ въ $^1/_4$ листа, на одной сторонѣ листовъ,

какъ пишется для печати. Въ отрывкѣ этомъ описана схватка между монахами, которые изображены грубыми, но живыми чертами, подобно дѣйствующимъ лицамъ въ «Елисеѣ». Въ отрывкѣ между прочимъ хорошо изображено олицетвореніе ябеды. Главныя дѣйствующія лица — канонархъ и архіерей. Орудіемъ драки служатъ книги. Называя множество авторовъ, Майковъ дѣлаетъ иногда ихъ характеристику и обнаруживаетъ замѣчательную начитанность.

Вотъ что я успѣлъ отмѣтить для звуковъ гласныхъ: к*о*снется, з*о*ря, кр*а*шкомъ, п*о*ядалъ, (братія) *сидятъ* во трапезѣ *я*деньемъ веселяся. Для согласныхъ: е*в*о, *у*стрѣтаетъ, і*ю*дой, теятръ, оке*я*нъ, сонце, тетра*т*ь и тетра*т*ью, *щ*ахордой (чехардой). Для частей рѣчи: для теб*ѣ* (возможно, что въ то время такъ говорили въ Москвѣ), бле*ю*щія стада (интересно по правильности), спрятавшис*ъ* (единственный случай съ твердымъ окончаніемъ возвратнаго залога, который я нашелъ). Въ словарѣ: *обжирство*, *ночешный* (случившійся въ прошлую ночь), *херувви*, *херуговъ*. Въ примѣрѣ:

Сія ужасная громада, смертныхъ страхъ,
стояла въ лавкѣ сей безъ дѣйствія два вѣка
и кою *двигда* два, съ нуждой, человѣка —

слово *двигда* внѣшнимъ образомъ напоминало бы *смога*, но, говорятъ, это какое-то странное мѣсто, и этому слову трудно дать такое истолкованіе.

На этомъ я и кончу свои замѣтки. Число фактовъ, которые я приводилъ, не могло быть значительно, и мнѣ трудно представить, на сколько выяснились связывающія ихъ мысли: 1) что по отношенію къ языку В. И. Майковъ является писателемъ такого времени, отъ котораго мы не удалились на столько, чтобы не имѣть съ нимъ ничего общаго; 2) что языкъ его сочиненій находился подъ сильными вліяніями языка книгъ и народнаго языка; 3) что несовершенства его литературной рѣчи объясняются прогрессивнымъ развитіемъ русскаго языка, которое происходитъ еще и въ наше время.

В. Чернышевъ.

Замѣтки о стихотвореніяхъ А. Х. Востокова, касающихся его жизни.

Стихотворенія Востокова представляютъ интересъ по преимуществу, какъ рядъ попытокъ введенія въ литературный обиходъ и примѣненія къ русской поэзіи новыхъ размѣровъ — сначала сафическихъ и гораціанскихъ, затѣмъ размѣровъ русской народной пѣсни; чрезвычайно важно, что эти попытки не были случайны, а явились вполнѣ сознательными, критически обоснованными, какъ указываютъ и примѣчанія къ «Опытамъ лирическимъ»[1]), и тотъ переходъ отъ практики стиха къ его теоріи, который постепенно совершался въ Востоковѣ. Нѣтъ сомнѣнія, рано или поздно эта сторона поэзіи знаменитаго русскаго филолога дождется своего изслѣдователя. Въ другомъ отношеніи поэтическія произведенія Востокова можно разсматривать, какъ матеріалы для его біографіи, какъ поэтическую лѣтопись его жизни; на эту сторону стихотвореній Востокова, какъ сообщаетъ въ своей замѣткѣ Я. К. Гротъ[2]), обратили особое вниманіе на его похоронахъ. Дневники Востокова и данныя, почерпнутыя изъ его рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Академіи наукъ, могутъ значительно увеличить число автобіографическихъ стихотвореній, въ особенности стихотвореній, изображающихъ его дружескій кругъ. Это обстоятельство побуждаетъ меня представить здѣсь то, что мнѣ удалось найти въ неиз-

1) Такъ Востоковымъ былъ названъ первый сборникъ его стихотвореній. «Опыты» вышли въ двухъ книгахъ въ 1805 и 1806 гг.

2) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1864 г., № 38.

данныхъ произведеніяхъ Востокова и разъяснить въ тѣхъ, которыя извѣстны въ печати.

Поэтическая дѣятельность Востокова обнимаетъ собою приблизительно 25 лѣтъ. Первыя стихотворенія, удостоившіяся печати, были написаны въ 1798 году; въ стихахъ, которые онъ обыкновенно приписывалъ на экземплярахъ изданія своихъ стихотвореній 1821 г., онъ относится къ своей поэтической дѣятельности, какъ къ прошлому, невозвратному:

О чемъ я въ юности мечталъ,
Ведомъ надеждою отрадной,
Что наконецъ и опытъ хладной
Иль опровергъ иль оправдалъ,
Найдете здѣсь изображеннымъ
И возвратитесь вы со мной
Къ днямъ беззаботнымъ и блаженнымъ,
Когда мы зрѣли міръ иной.
Всегда-ль умнѣе мы съ лѣтами?
Повѣрьте; мудрость любитъ жить
И межъ весенними цвѣтами;
И Муза можетъ насъ дружить
Съ судьбой, столь часто къ намъ жестокой,
И можетъ истины высокой,
Играючи, покровъ открыть.

Стихотворныя работы болѣе новаго времени уже не были мечтами, бесѣдами съ музой; переводы сербскихъ пѣсенъ, печатавшіеся Востоковымъ въ 1825—1827 годахъ, являются скорѣе попытками ознакомить русскую публику съ сербской народной поэзіей, чѣмъ самостоятельными поэтическими созданіями. Отъ позднѣйшаго времени жизни Востокова сохранилось стихотвореніе, посвященное его родственницѣ П. А. Спасской; въ немъ Востоковъ сознается, что совершенно отвыкъ отъ поэтическихъ занятій:

Давно я съ Музой разлучился,
Играть на лирѣ разучился,
Корплю часъ цѣлой надъ стихомъ.

Когда вы отъ меня хотите
Стиховъ въ прекрасный вашъ альбомъ,
Ахъ! тотъ огонь мнѣ возвратите,
Которымъ прежде я горѣлъ,
Когда любовь и дружбу пѣлъ!
. . . . . .

Мало похожее на пьесы цвѣтущаго періода дѣятельности Востокова, это стихотвореніе само собою подтверждаетъ правду словъ автора.

Подобно тому, какъ послѣднія попытки писать стихи являются значительно позже времени окончанія поэтической дѣятельности Востокова, такъ съ другой стороны первые стихотворные опыты далеко ее опережаютъ. Началъ писать стихи Востоковъ очень рано, еще на школьной скамьѣ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ провелъ первые годы ученья. Отъ того времени уцѣлѣла одна тетрадь 1793—1794 годовъ, озаглавленная «Разныя сочиненія А. Остенека»; всѣ стихотворенія, вошедшія въ эту тетрадь, остались ненапечатанными; здѣсь находимъ рядъ эпитафій, частью серьезныхъ (напр. Петру Великому, Господину Ломоносову, Сумарокову и др.), частью юмористическихъ (напр. Риѳмачу), рядъ эпиграммъ, идиллію Милонъ и Дафна, оду Щастье, элегію на смерть короля французскаго, эпистолы, басни, пѣсни и пр. Изъ ряда этихъ подражательныхъ дѣтскихъ стихотвореній можно выдѣлить двѣ пьесы, для біографа Востокова представляющія извѣстное значеніе. Одна изъ нихъ «Епистола Волкову» важна, какъ указаніе на то, къ чему направлялись интересы кружка Востокова. Волковъ — одинъ изъ раннихъ друзей его — съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ выразился Востоковъ въ своей лѣтописи[1]), «занималъ его словесностью»; считавшійся, по видимости, среди товарищей поэтомъ-мастеромъ своего дѣла, онъ явился и первымъ вдохновителемъ Востокова. Въ своемъ посланіи къ Волкову Востоковъ обращается къ нему, какъ къ учителю поэзіи за совѣтами и уроками:

Любезный другъ, наставь меня, наставь,

1) «Лѣтопись моя» — дневникъ Востокова за 1794—1806 гг.; хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи наукъ.

говоритъ Востоковъ,

И, путь ближайшій мнѣ къ Парнассу показавъ,
Скажи, о чемъ мнѣ пѣть? Поэму ль, эпиграмму,
Эклогу, оду ли, сатиру или драмму;
Или съ Гомеромъ мнѣ на верхъ Парнасса взлѣзть
И храбрыя дѣла героевъ превознесть,
И, взявши лиру въ длань, воспѣть, какъ Ломоносовъ,
Безсмертную хвалу императрицы Россовъ;
Или мнѣ Боалу велишь ты подражать,
Сатирами чтобы пороки охуждать.....

Далѣе юный поэтъ перечисляетъ творенія своего друга, исполненныя ума, достойныя удивленья, блистающія остроуміемъ. Поэтическія преувеличенія, приданныя эпистолѣ для красоты слога, не лишаютъ ея значенія; въ этомъ отношеніи особенно важно указаніе на начитанность Волкова: «всѣ книги ты читалъ, піитовъ знаешь ты», говоритъ восторженный его поклонникъ; «Вольтеръ, Княжнинъ, Руссо, забавный Лафонтенъ, Виргилій и Гомеръ и стихотворцы всѣ, самъ Фебъ и музъ соборъ — знакомы всѣ тебѣ»[1]).

Второе стихотвореніе, касающее дѣтскихъ лѣтъ Востокова, озаглавлено «Стихи на разлученіе съ Петербургомъ»:

Прощаюсь съ вами я, о вы, мѣста любезны,
Въ которыхъ я возросъ и дни провелъ свои,
Сколь будутъ тѣ часы мнѣ горестны и слезны,
Какъ я оставлю васъ, о Невскія струи!
Съ какимъ прискорбіемъ я нѣкогда вспомяну,
Оставленныхъ друзей, тьму радостей, отрадъ;
Тогда съ печалію и съ грустію я стану,
Оплакивать тебя, Петрополь, славный градъ.

---

1) О Г. Г. Волковѣ сохранилось очень мало извѣстій; по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ П. Ѳ. Лузановымъ, онъ родился въ 1780 г., кончилъ корпусъ въ 1796 г. и былъ выпущенъ въ армію въ чинѣ подпоручика. Изъ печатныхъ его произведеній я знаю только одно: «Пѣснь къ Богу по истребленіи враговъ Россіи» (*Русскій Вѣстникъ*, 1818 г., т. 22, № 5).

Стихотвореніе это написано по поводу предполагавшагося отъѣзда Востокова изъ Петербурга въ Фридрихсгамъ, гдѣ дядя Востокова графъ К. И. Остенъ-Сакенъ желалъ его помѣстить для окончанія образованія, такъ какъ находилъ, что дальнѣйшее пребываніе Востокова въ корпусѣ не полезно ему изъ-за развивавшагося у мальчика заиканія. Востоковъ отмѣтилъ въ лѣтописи: «Ожидалъ, когда меня возметъ изъ корпуса Сакенъ, думалъ въ Фридрихсгамъ; во ожиданіи разлуки болѣе, нежели когда либо, видѣлъ къ себѣ пріязнь моихъ товарищей, а особливо Волкова, Лафорша и Шубникова». Переѣздъ Востокова въ Фридрихсгамъ не состоялся; Сакенъ рѣшилъ оставить его въ Петербургѣ, но перевелъ изъ корпуса въ Академію художествъ: «Въ концѣ февраля взятъ я изъ корпуса и переведенъ въ Академію художествъ», читаемъ въ лѣтописи; «тоскую на чужбинѣ». Имѣя обыкновеніе отмѣчать въ дневникѣ хронологическія даты своихъ стихотвореній, Востоковъ при настоящемъ сообщеніи записалъ «Посланіе къ друзьямъ»; стихотвореніе это не сохранилось, какъ не сохранились и всѣ другія за жизнь Востокова въ Академіи художествъ, которыя не были найдены имъ достойными напечатанія и не вошли въ собранія его стихотвореній.

Первые годы академической жизни были тяжелы для Востокова. Удаленный отъ корпусныхъ товарищей, почти лишенный слова, трудно сходившійся съ новыми лицами, нисколько не интересовавшійся предметомъ, который ему велѣли изучать, онъ часто впадалъ въ тоску, что иногда и отмѣчалъ въ воспоминаніяхъ: «Предавшись ремеслу архитектурному, я прозябалъ», читаемъ въ Лѣтописи; «можетъ быть, для того судьба оставляла меня такъ долго въ семъ бездѣйствіи и чувственной дремотѣ, чтобы пріуготовить къ живѣйшимъ душевнымъ наслажденіямъ; много терпѣлъ прискорбнаго отъ окружающихъ меня людей и учился терпѣть; учился терпѣть, потому что не имѣлъ друзей и долженъ былъ заключать въ себѣ грусть свою и радость» (августъ-декабрь 1795 г.). Но время взяло свое; нѣсколько лѣтъ совмѣстной жизни постепенно сблизили Востокова съ его новыми академическими товарищами, изъ которыхъ скоро выдѣлились И. А. Ивановъ, Ф. Ѳ. Репнинъ и А. Д. Фуфаевъ. Однимъ изъ пунктовъ, на которыхъ начала утверждаться ихъ дружба, явилась литература; наибольшее развитіе этой дружбы совпало съ началомъ расцвѣта таланта Востокова; она нашла себѣ откликъ въ его поэзіи, какъ въ посланіяхъ непосредственно обра-

щенныхъ къ друзьямъ, такъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ друзья являются подъ вымышленными именами.

Болѣе всѣхъ былъ близокъ къ Востокову Ивановъ; имя его часто мелькаетъ въ дневникахъ Востокова; съ нимъ онъ на Святой качается въ академическомъ саду, съ нимъ постоянно споритъ о разныхъ предметахъ, съ нимъ по утрамъ гуляетъ и лакомится сухарями, пеклеванниками и булками, проводитъ цѣлые дни, выдумываетъ таинственную азбуку для переговоровъ, наконецъ съ нимъ ведетъ обширную переписку, дающую много матеріала для выясненія интересовъ обоихъ друзей[1]). Въ поэзіи Востокова имя Иванова связано съ тремя стихотвореніями: «Зима, ода къ другу въ 1799 году» (здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ обращается къ другу, называя его по фамиліи), «Письмо о щастіи къ И. А. Иванову» и «Къ другу въ сентябрѣ 1802 года». Въ послѣднемъ стихотвореніи нѣтъ имени Иванова, но несомнѣнно оно имѣетъ въ виду его, какъ видно изъ упоминаній о Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ то время; это стихотвореніе наиболѣе отчетливо изображаетъ характеръ отношеній Востокова къ Иванову — другу, «который хоть вдали, но близокъ къ намъ душой».

. . . Твоя душа, оставивъ члены тѣла
Усталые въ Москвѣ въ объятьяхъ крѣпка сна,
Теперь, когда вездѣ витаетъ тишина,
Бесѣдовать со мной въ Петрополь прилетѣла,
Въ сіи, обоимъ намъ любезныя мѣста,

пишетъ Востоковъ:

Пребудь же долѣе, о званый гость, со мною,
Здѣсь долѣе пребудь, дражайшая мечта!
Я сердце все тебѣ стѣсненное открою
И облегчу его — въ немъ та же чистота,
Оно тебя еще достойно. . . .

Два другія стихотворенія, не изображая прямо отношеній Востокова къ Иванову, даютъ понятіе о характерѣ ихъ дружбы, по тѣмъ

1) Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ — архитекторъ, граверъ и живописецъ перспективныхъ видовъ и пейзажей (родился въ 1789 г., умеръ въ 1848). Дѣятельностью своею Ивановъ не выдѣлился изъ ряда современныхъ ему художниковъ.

предметамъ, которые составляютъ ихъ общій интересъ. Кромѣ этихъ стихотвореній, съ именемъ Иванова, по всей вѣроятности, слѣдуетъ соединять тѣ, въ которыхъ фигурируетъ имя Клеантъ; такое заключеніе можно вывести изъ совпаденія времени свадьбы Иванова съ временемъ написанія Востоковымъ «Эпиталамы Клеанту и Деліи». Другое стихотвореніе съ именемъ Клеанта — «Видѣніе въ майскую ночь»; въ немъ только одно обращеніе къ Клеанту въ ряду другихъ друзей.

Подобно Иванову большой слѣдъ въ поэзіи Востокова оставилъ А. Д. Фуфаевъ. Дружба между ними длилась недолго: ученикъ Академіи художествъ по классу скульптуры, Фуфаевъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; чувство любви къ нему возгорѣлось съ особенной силой въ Востоковѣ, можно думать, именно вслѣдствіе его неожиданной безвременной кончины; его памяти посвященъ Востоковымъ «Диѳирамбъ тлѣнности»: «А. Д. Ф., въ сей поэмѣ оплакиваемый», говоритъ авторъ въ примѣчаніи къ Опытамъ лирическимъ, «скончался 1800 года 22-хъ лѣтъ отъ роду; въ самое то время и автору случилось лежать въ безпамятствѣ смертельной горячки; роковая вѣсть о смерти друга дошла до ушей его какъ бы сквозь сонъ; но когда онъ сталъ оправляться, тогда ощутилъ великость своей траты: къ сладкому чувству выздоравливанья примѣшалась тихая горесть». Искренняя скорбь о другѣ, любовное изображеніе его достоинствъ, задушевный тонъ стихотворенія — все это даетъ большое біографическое значеніе пьесѣ. Впечатлѣніе утраты Фуфаева долго не могло изгладиться въ Востоковѣ; въ январѣ 1802 года онъ написалъ стихотвореніе «Видѣніе въ майскую ночь, ода къ Флору»; оно явилось прямымъ продолженіемъ «Тлѣнности». Въ стихотвореніи этомъ поэтъ обращается къ четыремъ друзьямъ своимъ: Репнину, Фуфаеву, Иванову и, можетъ быть, Теребеневу, названнымъ имъ классическими именами Флора, Филона, Клеанта и Ариста. Репнинъ, Ивановъ и третій, неизвѣстный, не играютъ существенной роли въ стихотвореніи; достойнымъ вниманія можно признать только то, что именно къ нимъ, а не къ другимъ, обратился Востоковъ съ своими вопросами:

Гдѣ ты, мой Клеантъ! (я вздыхая думалъ)
Чтобъ со мною теперь раздѣлять восторги?
Гдѣ вы всѣ?—гдѣ Флоръ? гдѣ Аристъ? Филонъ мой
Гдѣ незабвенный?. . .

Далѣе все стихотвореніе наполняется Фуфаевымъ-Филономъ:

Утромъ цвѣлъ!... О Флоръ, не давно ли плачемъ
По Филонѣ мы? ужь весна двукратно
Оживляла злакъ надъ его могилой,
Птички любились.

Флоръ Ѳомичъ Репнинъ, упомянутый въ этомъ стихотвореніи, занимаетъ третье мѣсто въ ряду друзей Востокова, нашедшихъ отголосокъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Репнинъ повидимому былъ далеко не такъ близокъ къ Востокову, какъ Ивановъ и Фуфаевъ. Изъ стихотвореній Востокова посвящено ему только одно «Исторія и баснь» («Репнинъ, мой другъ, владѣтель кисти, ліющей душу въ мертвый холстъ»); для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній стихотвореніе это даетъ немного; мало сообщаютъ свѣдѣній о Репнинѣ и дневники Востокова; изъ нихъ видно только, что по его просьбѣ Востоковъ написалъ оду въ честь Денисова (до насъ не дошедшую)[1]).

Къ кругу старыхъ друзей Востокова по Академіи художествъ примыкаетъ И. И. Теребеневъ, впослѣдствіи знаменитый карикатуристъ. Онъ особенно сблизился съ Востоковымъ уже послѣ окончанія академіи, вѣроятно, даже послѣ возвращенія въ Петербургъ въ 1806 году изъ Твери, гдѣ онъ учительствовалъ около двухъ лѣтъ. Въ ранніе годы въ дневникѣ Востокова есть только одна отмѣтка, касающаяся Теребенева, именно о томъ, что они жили въ одной комнатѣ; за 1806—1807 гг. сохранились письма Теребенева къ Востокову. Въ литературныхъ произведеніяхъ Востокова, если исключить «Тлѣнность», гдѣ, какъ сказано выше, можно (хотя и съ малой вѣроятностью) подразумѣвать Теребенева подъ именемъ Ариста, онъ вспоминается всего разъ — въ эпитафіи, написанной для его могилы; кромѣ того памяти его Востоковъ посвятилъ прочувствованный некрологъ, напечатанный въ *Сынѣ Отечества* 1815 года, ч. XIX, № 4.

Къ тому же кругу академическихъ друзей Востокова надо причислить и лицо, которое разумѣется подъ именемъ Теона въ стихо-

1) Репнинъ оставилъ по себѣ незначительный слѣдъ въ исторіи русскаго искусства; его дѣятельность ограничилась преподаваніемъ рисованья сначала въ Екатеринославскомъ главномъ училищѣ, затѣмъ въ Харьковскомъ благородномъ институтѣ и университетѣ. Онъ умеръ въ 1855 году.

твореніи «Осень, ода къ Теону въ 1801 году». Едва ли можно подразумѣвать подъ Теономъ Е. Скотникова, гравюра котораго «Зевсъ дождливый» вспоминается въ стихотвореніи.

Изъ друзей Востокова, съ которыми онъ сблизился независимо отъ Академіи художествъ, въ стихотвореніяхъ оставилъ слѣдъ только одинъ А. Г. Волковъ, братъ корпуснаго товарища Востокова, Григорія Гавріиловича Волкова; Алексѣй Гавріиловичъ Волковъ, воспитанникъ бывшей при Академіи наукъ гимназіи, адъюнктъ химіи въ Академіи наукъ, членъ Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и поэтъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ 1809 году. Стихи его по большей части были въ анакреонтическомъ родѣ; такъ Востоковъ и характеризуетъ его поэзію въ своемъ стихотвореніи:

Волковъ, милый пѣвецъ, что ты молчишь теперь?
Ты своею давно анакреонскою
Лирой насъ не плѣняешь...

И далѣе:

Волковъ! о, посѣти же
Кругъ пріятный друзей своихъ.
Въ ономъ можешь забыть все, что крушитъ тебя;
Можешь перебирать рѣзвыми перстами
Лиру, сладкія пѣсни
Пѣть, любовь и весну хвалить!

Одно изъ стихотвореній Волкова въ видѣ образца второго асклепіадейскаго размѣра было помѣщено въ примѣчаніяхъ къ «Опытамъ лирическимъ» Востокова (ч. 2-я, стр. 73; переводъ оды Горація къ Мельпоменѣ: Quem tu, Melpomene... Мельпомена безсмертная).

Наконецъ, въ стихотвореніяхъ Востокова упоминается еще имя Хризанеа («Стансы къ Хризанеу» 1805 г.); данныя дневника не разъясняютъ этого имени, хотя можно сказать съ увѣренностью, Востоковъ несомнѣнно имѣлъ въ виду представить въ немъ кого-нибудь изъ близкихъ. Само по себѣ стихотвореніе это даетъ мало для обрисовки лица, изображеннаго подъ именемъ Хризанеа.

Стихотворенія Востокова, посвященныя его друзьямъ и являющіяся поэтическою характеристикою ихъ, по стольку же важны и какъ

характеристика самого автора. Но въ этомъ отношеніи гораздо болѣе значенія имѣютъ тѣ стихотворенія, въ которыхъ авторъ хотѣлъ, по всей вѣроятности, представить самого себя. Таковы: «Откровеніе Музы» (1804), «Къ Гарпократу» (1811), «Свиданіе съ музой» (неизвѣстнаго времени), «Къ друзьямъ» (1821). Два первыя стихотворенія любопытны какъ указаніе на отношеніе Востокова къ его заиканью, недостатку сильно его стѣснявшему и мучившему. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ онъ какъ бы утѣшаетъ себя; въ первой разгаръ своей поэтической дѣятельности онъ смотритъ на свой недостатокъ нѣсколько горделиво, съ нѣкоторымъ самомнѣніемъ:

Хотя же строгая судьба отъемлетъ
Отъ устъ твоихъ вѣтійства даръ,
Создавъ тебя косноязычнымъ...

говоритъ муза поэту,

Но чувствъ сердечныхъ жаръ
Тѣмъ съ большей силою да воскресаетъ
Въ размѣрѣ сладостныхъ стиховъ.
Языкъ тебѣ не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ![1])

Въ одѣ къ Гарпократу поэтъ является совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ; онъ утѣшаетъ себя не возвышаясь, а смиряясь передъ своимъ недостаткомъ. Это стихотвореніе даетъ прекрасную характеристику Востокова; въ немъ виденъ привлекательный образъ человѣка, умудреннаго жизнью, благодушно смотрящаго на свое несчастье и ищущаго даже въ немъ свѣтлой стороны:

Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастливъ я и счастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу:
Несчастливъ, коль безмолвенъ

1) Въ замѣткѣ Н. И. Греча о Востоковѣ (*Вѣстн.* 1864 г., № 15) эта послѣдняя фраза приписана Волкову.

Въ бесѣдѣ съ добрымъ я и съ умнымъ. Ни излить
  Предъ нимъ совѣтно мысли,
Ни время съ нимъ могу пріятно раздѣлить!
  Языкъ имѣя связанъ,
Истолкователя сердечныхъ чувствъ и нуждъ,
  Я долженъ, сжавши сердце,
Полезныхъ многихъ дѣлъ и радостей быть чуждъ,
  Которыми владѣетъ
Послѣдній изъ людей, когда онъ получилъ
  Божественный даръ слова,
Сего слугу ума и движителя силъ.
  Но мнѣ, его лишенну,
Роптать ли и другихъ завидовать судьбѣ?
  Нѣтъ; я не менѣ счастливъ,
Что скрыться иногда могу въ самомъ себѣ
  Съ тобою, богъ молчанья!
Когда злословіемъ бываю оглушенъ
  И дикимъ пустословьемъ,
О радость! отвѣчать я имъ не принужденъ.
  Могу лишь помаваньемъ
Главы иль знаками отдѣлаться отъ нихъ,
  Ни въ спорахъ безполезныхъ,
Ниже часы губя въ учтивостяхъ пустыхъ.
  И отъ пороковъ многихъ,
Молчанья строгій богъ, меня ты оградилъ;
  Я по неволѣ скроменъ,
Смиренъ и терпѣливъ. Во мнѣ ты притупилъ
  Сей обоюду острый
Опасный мечъ — языкъ. Ахъ! можетъ быть во зло
  Онъ былъ бы мнѣ и ближнимъ?
Твое храненіе меня отъ бѣдъ спасло.
  Изъ сѣти искушенья
Не ты ли отрока меня еще извлекъ,
  И въ сѣнь уединенья
Пренесъ, и чистыхъ музъ служенію обрекъ?
  Священный богъ молчанья,

Которому, увы! невольно я служу,
Несчастливъ я и счастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу!

Ода «Къ Гарпократу» и въ прежнее время обращала на себя вниманіе, какъ и «Откровеніе Музы». Совсѣмъ неизвѣстною въ печати осталась сохранившаяся въ рукописи пьеса «Свиданіе съ Музой»; это чрезвычайно богатое біографическими подробностями стихотвореніе изображаетъ то время, когда поэтъ, отставъ отъ поэзіи, началъ увлекаться филологическими работами и затѣмъ снова вернулся къ поэзіи, ослабѣвшій, безсильный:

«Гдѣ ты такъ долго гостилъ, мой бѣглецъ?»—Ахъ, мало ли гдѣ я
Былъ, разставшись съ тобой? Тамъ, у восхода горы,
Я забрелъ въ вертепъ къ Грамматикѣ, къ оной Сивиллѣ,
Духъ имущей пытливъ: закабалила меня!
Корни словъ послала копать, въ стебельки, въ лепестки
Разщипать для нея нѣжны цвѣты языка.
Въ сей работѣ меня нашли проѣзжіе, взяли
Въ городъ съ собой, научить дѣльному, въ люди пустить.
Вырвали тутъ изъ рукъ моихъ и лукошко къ корнями,
Кои я накопалъ, ахъ! и священный твой даръ,
Муза! сняли съ меня, за плечами висѣвшую лиру,
И побросали во прахъ все, чѣмъ я такъ дорожилъ.
Тщетно я умолялъ ихъ пустить меня на свободу,
Брошенной ими подъ кустъ лиры глазами искалъ.
Съ хладной насмѣшкой мнѣ жестокіе такъ говорили:
«Лѣта мечтаній прошли, дѣльнымъ займися теперь;
«Трудъ и заботу возьми въ спутники къ храму Фортуны,
«Съ горемъ носи пополамъ знаки пріязни ея!»
Я вздыхалъ и, не хотя, шелъ съ трудомъ и заботой;
Часто грустилъ по тебѣ, спутницѣ прежней моей.—
«Кто-же избавилъ тебя отъ ихъ тиранства и лиру
«Отдалъ обратно тебѣ?»—Тронутъ моею мольбою,
Зевсъ послалъ Эрмія прогнать отъ меня блѣднолицыхъ
Слугъ Фортуны, суетъ. Онъ кадуцеемъ своимъ

Къ нимъ прикоснулся, вздремали. Меня онъ свободнаго вывелъ
На тропу, гдѣ я лиру оставилъ свою.
Тамъ еще она лежала, и ржавыя струны
Проросли травой, сладостный тонъ въ ней заглохъ.
Ты настроишь ли мнѣ ее вновь, благодатная Муза?—
«Попытаюсь; но нѣтъ, все уже лира не та;
«Я подарю тебѣ другую, съ пониженнымъ тономъ,
«Воспѣвать не мечты юности и не любовь;
«Воспѣвать дѣянья мужей и строгую мудрость».—
Ахъ! позволь мнѣ еще юность воспѣть и любовь.

Хронологическую послѣдовательность своей замѣтки я нарушилъ упоминаніемъ въ ея началѣ о стихотвореніи, заканчивающемъ цвѣтущій періодъ поэтической дѣятельности Востокова, и о томъ, которое можно считать послѣднимъ его сочиненіемъ въ стихахъ; оба упомянутыя стихотворенія несомнѣнно принадлежатъ къ біографическимъ и ими, можно сказать, заключается поэтическая лѣтопись его жизни.

Я позволю себѣ въ дополненіе къ стихотвореніямъ біографическимъ прибавить нѣкоторыя указанія на тѣ пьесы, которыя явились отраженіемъ современныхъ автору политическихъ событій; по большей части содержаніе этихъ стихотвореній опредѣляется заглавіемъ; таковы «При извѣстіи о кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Павловны», «Похвала Россіанамъ» (1807 г.), «Взоръ на Европу», «Къ Россіанамъ въ октябрѣ 1812 г.», «Прощаніе съ 1812 годомъ», «Россійскія рѣки» (1813 г.), «Ода на день возшествія на всероссійскій престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра I 1813 года марта 12 и на истеченіе второго столѣтія по воцареніи въ Россіи рода Романовыхъ воспослѣдовавшемъ 1613 года марта 14 дня», «На пораженіе Наполеона и бѣгство его отъ Лейпцига въ 1813 году», «Пѣснь Русскому Царю», «Государю Императору на возвращеніе его въ Россію по заключеніи всеобщаго мира». Къ нимъ надо причислить стихотвореніе «Къ дщерямъ премудрости» (1814) и «Оду достойнымъ»; первое изъ этихъ стихотвореній касается изгнанія Наполеона и окончательной надъ нимъ побѣды, за которую, какъ говорится въ стихотвореніи, «Александръ, человѣковъ отрада», обязанъ

своими лаврами Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви — милымъ дщерямъ премудрости.

.....Съ нимъ неразлучны
Были вы всегда въ благой и противной фортунѣ,

восклицаетъ поэтъ:

Будьте ему еще помощницы въ дѣлѣ великомъ,
Возвратить народамъ миръ, свободу, блаженство!
. . . . . .
Мы на олтарь вашъ благоговѣйно приносимъ трофеи
Нашихъ побѣдъ и молимъ васъ, благодатныя дѣвы,
Даруйте въ счастіи скромность намъ, въ несчастьи терпѣнье;
Въ сладкомъ ли мирѣ быть, иль еще въ войнѣ многотрудной,
Даруйте намъ любить, уповать и вѣровать твердо!

«Ода достойнымъ» написана по случаю смерти императора Павла. Въ дневникѣ своемъ Востоковъ отмѣчаетъ подъ мартомъ 1801 г.: «12-го рано поутру, проснувшись, слышу о смерти Павловой; радость — присяга; ода достойнымъ». Эта замѣтка заставляетъ предполагать, что достойными долженъ бы авторъ назвать тѣхъ, кто способствовалъ вступленію на престолъ императора Александра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе какъ бы указываетъ, что автору не по душѣ былъ переворотъ, хотя цѣль его казалась ему благородной. Врагъ насилія, защитникъ правды, онъ призываетъ «Дщерь Всевышняго, чистую истину», «страстью не связанную», какъ вдохновительницу его нельстивой рѣчи для хвалебной пѣсни достойнымъ:

Къ лаврамъ чистымъ и вѣчно невянущимъ
Я готовя чело горделивое,
Только Истину чту поклоненіемъ,

говоритъ поэтъ. Тѣ, кто видя страданья отечества, не чувствуютъ жаркой ревности и остаются «въ виновномъ бездѣйствіи», не достойны похвалъ, читаемъ далѣе.

Но кто жертвуетъ жизнью, имѣніемъ,
Чтобъ избавить согражданъ отъ бѣдствія,

И доставить имъ участь счастливую:
Пой, святая, тому свой гимнъ!

Несомнѣнно, въ этомъ стихотвореніи изображаются участники событія 11-го марта, но они не герои; герой тотъ, въ которомъ «мужество, благоразуміе, твердость духа и честныя правила» совмѣщаются съ милосердіемъ; только онъ можетъ составить народное счастье и за нимъ вслѣдъ пойдетъ вѣчное благословеніе его потомковъ. «Многихъ мнимыхъ героевъ мы видѣли», говоритъ поэтъ, «многихъ общаго блага ревнителей; всѣ ли свято хранятъ обѣщаніе быть отцами, законъ блюсти?» Только тотъ получитъ «хвалу вѣковъ», кто будетъ стремиться выполнить «долгъ священный законовъ блюстителя»;

И такому то, Муза божественна,
О, такому лишь слово хваленія,
Въ важномъ тонѣ, изъ устъ благопѣснивыхъ,
Рцы языкомъ правдивымъ ты!

Всеволодъ Срезневскій.

Николай Өеодоровичъ Кошанскій[1]).

Имя Николая Өеодоровича Кошанскаго называлось въ нашей литературѣ неоднократно, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ соединялось оно съ именемъ геніальнаго ученика его, А. С. Пушкина. Только въ послѣднее время стали раздаваться отдѣльные голоса, что личность Н. Ѳ. Кошанскаго и сама по себѣ можетъ заслуживать изученія[2]). Правда, лицейскій исторіографъ, И. Я. Селезневъ, давно уже[3]) посвятилъ почтенному профессору цѣнную біографическую статью. Работа И. Я. Селезнева имѣетъ большое значеніе и въ настоящее время,

1) Мысль о составленіи настоящей біографіи подалъ мнѣ В. И. Саитовъ, который во все время работы не переставалъ снабжать меня разнаго рода совѣтами и указаніями, за что приношу ему сердечную благодарность. Глубоко благодаренъ также я А. П. Саломону, благосклонно разрѣшившему мнѣ доступъ въ архивъ Императорскаго Александровскаго лицея, гдѣ, при любезномъ содѣйствіи К. В. Атаманова, мнѣ удалось сдѣлать нѣсколько важныхъ справокъ; Б. Л. Модзалевскому, сообщившему мнѣ формуляръ Кошанскаго; А. С. Раевскому, не потяготившемуся разыскать нѣкоторые нужные документы въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; В. Д. Троицкому, любезно доставившему мнѣ возможность ознакомиться съ архивными свѣдѣніями о службѣ Кошанскаго въ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ. Нечего и говорить, наконецъ, что настоящая работа была бы немыслима безъ дѣятельныхъ справокъ въ русскомъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ я встрѣчалъ всегда любезное содѣйствіе со стороны В. П. Ламбина.

2) См. *Пав. Черняевъ*. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ. Казань. 1899, стр. 12.

3) Въ Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго лицея на 1856—1857 г. Кромѣ того, краткіе біографическіе очерки дѣятельности Кошанскаго имѣются въ Сочиненіяхъ Батюшкова, изданныхъ подъ редакціей *Л. Н. Майкова*, т. III, стр. 616—617, Энциклопедическомъ Словарѣ *Брокгауза* и *Эфрона*, т. 31; ср. также *Пав. Черняевъ*, l. c., стр. 8 сл.

такъ какъ, для составленія ея, авторъ пользовался весьма многими рукописными источниками, теперь болѣе или менѣе недоступными; недостаткомъ ея, какъ и всѣхъ вообще работъ И. Я. Селезнева, посвященныхъ лицею, является главнымъ образомъ «оффиціальность тона»[1]), въ силу чего авторъ ограничился приведеніемъ данныхъ внѣшней біографіи Кошанскаго. Поэтому главной цѣлью настоящей статьи является пополненіе труда И. Я. Селезнева болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ литературно-педагогической дѣятельности Николая Ѳеодоровича. Скажу заранѣе, что, пользуясь преимущественно сочиненіями самого Кошанскаго и другими печатными источниками, я не могъ, къ сожалѣнію, привести много новыхъ данныхъ для уясненія внутренняго облика почтеннаго педагога.

Н. Ѳ. Кошанскій родился въ 1787 г.[2]) и происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. Среднее образованіе получилъ онъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ[3]) въ періодъ наибольшаго разцвѣта этого заведенія. Особенно развита была въ пансіонѣ писательская дѣятельность учащихся и по почину В. А. Жуковскаго, основано литературное общество для чтенія и разбора ихъ произведеній[4]). Въ 1798 г. Кошанскій поступилъ уже въ Московскій университетъ, гдѣ, по сообщенію формулярнаго списка, «обучался языкамъ Россійскому, Греческому, Латинскому, Французскому, Нѣмецкому и Англинскому»; а въ слѣдующемъ 1799 г. Николай Ѳеодоровичъ произведенъ былъ въ студенты[5]). Прослушавъ съ успѣхомъ курсъ

---

1) Ср. отзывъ объ этомъ сочиненіи графа М. А. Корфа, приведенный въ книгѣ *Я. К. Грота*: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899, стр. 270.

2) Дата эта можетъ быть подвержена сомнѣнію, такъ какъ въ формулярномъ спискѣ Кошанскаго за 1827 г. въ графѣ о лѣтахъ показано 42 года; значитъ, онъ родился въ 1785 г., и эту дату надо признать, судя по дальнѣйшей дѣятельности Н. Ѳ., болѣе вѣроятною. Безусловно невѣрна дата Энциклопедическаго Словаря, будто Кошанскій родился въ 1731 году.

3) Фактъ этотъ обыкновенно пропускается біографами Кошанскаго, но что онъ не подлежитъ сомнѣнію, показываетъ книга *Н. В. Сушкова*: Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ. Изд. 2-е. М. 1858, стр. 34; ср. статью барона *Н. В. Дризена*: «Къ исторіи Московскаго университетскаго благороднаго пансіона» — въ *Русскомъ Архивѣ* 1897 г., т. II (№ 5), стр. 114.

4) Подробный списокъ литературныхъ работъ воспитанниковъ пансіона см. въ указанной статьѣ барона Дризена, стр. 115.

5) Формулярный списокъ о службѣ за 1827 годъ.

наукъ по двумъ факультетамъ: юридическому и философскому, Кошанскій «за отличные успѣхи въ наукахъ» получилъ изъ философскаго факультета золотую медаль[1]). Успѣхи и способности Николая Ѳеодоровича были настолько выдающимися, что еще въ бытность студентомъ поручено было ему преподавать риторику въ Университетскомъ пансіонѣ, а сряду по окончаніи курса онъ вступилъ въ должность учителя латинскаго и греческаго языковъ въ Университетской гимназіи. На студенческой скамьѣ также началась и литературная дѣятельность Кошанскаго. По примѣру большинства писателей того времени, онъ открылъ ее беллетристическими переводами съ французскаго[2]), но весьма скоро Николай Ѳеодоровичъ перешелъ и къ оригинальнымъ работамъ. Именно, въ 4-й части журнала *Новости Русской Литературы* (за 1802 г.) помѣщено было стихотвореніе Кошанскаго: «На смерть ея сіятельства княгини А. Д. Касаткиной-Ростовской», подписанное скромными ини-

1) 1802 г. іюня 30 (см. формулярный списокъ).

2) Въ формулярномъ спискѣ указано, что Кошанскій перевелъ «для публики» съ французскаго языка слѣдующія произведенія: 1) Зефиръ и Флора. М. 1800. 12°; 2) Фелиція Вильмаръ, *Бланшарда*, 3 ч. М. 1801 — 1802; 3) Путешествіе Пиѳагора, первые 3 тома. М. 1803—1804, 8°; 4) Рыцари Лебедя, *Жанлисъ*, 6 частей. М. 1807—1808. 12°. Изъ этихъ книгъ въ Публичной Библіотекѣ имѣются только двѣ послѣднія, а фамилія Кошанскаго указана только на «Рыцаряхъ Лебедя»; полное заглавіе этой книги слѣдующее: «Рыцари Лебедя или Дворъ Карла Великаго. Сочиненіе г-жи Жанлисъ, изданное Кошанскимъ». Переводъ снабженъ краткимъ анонимнымъ предисловіемъ, въ которомъ проводится параллель между Карломъ Великимъ и Владиміромъ Красное Солнышко. Замѣчу кстати, что Геннади въ извѣстномъ «Словарѣ русскихъ писателей» ошибается, утверждая, будто переводъ этотъ былъ повторенъ въ Москвѣ въ 1821 году, безъ имени Кошанскаго, такъ какъ изданіе 1821 г. (въ 8 частяхъ, 18°) представляетъ совершенно иной переводъ, въ чемъ легко можно убѣдиться даже при самомъ поверхностномъ сличеніи обоихъ изданій. Что же касается первыхъ двухъ книгъ списка, то «Зефиръ и Флора» (либретто балета Дюкло) отмѣчена у Сопикова и Смирдина и имѣется въ Публичной Библіотекѣ только въ изданіи 1818 г., безъ указанія, что она переведена Кошанскимъ; точно также романъ «Фелиція Вильмаръ» находится въ Публичной Библіотекѣ въ изданіи 1805 г. въ переводѣ А. Х. Чеботарева, и это только изданіе приведено у Сопикова и Смирдина. Кромѣ того, въ формулярномъ спискѣ, въ разрядѣ «сочиненій для публики», указанъ *Журналъ Новостей* на 1804 г. По всей вѣроятности, это указаніе также должно относиться къ переводной дѣятельности Кошанскаго, такъ какъ въ Публичной Библіотекѣ есть *Журналъ Новостей*, издаваемый Господиномъ Ф. Ронкою. Москва. 1805, всѣ статьи котораго совершенно лишены оригинальности, такъ что съ 3-й книжки прибавлено: «Перевелъ съ французскаго Федоръ Кабритъ». Эта прибавка можетъ указывать, что переводъ первыхъ двухъ книжекъ принадлежитъ Н. Ѳ., хотя особенно настаивать на вѣрности этого предположенія трудно въ виду того, что въ формулярѣ ясно указанъ 1804 годъ.

ціалами *Н. К—ій*[1]), а въ слѣдующемъ году, въ томъ-же журналѣ, появляется Эклога Амарилла[2]), представляющая собою подражаніе Виргилію. На этотъ разъ авторъ рѣшается подписать свое имя уже полностью, даже съ прибавкой слова «студентъ». Прибавкой этой Кошанскій, кончившій уже тогда курсъ университета, можетъ быть, имѣлъ въ виду пріобрѣсти болѣе снисхожденія со стороны читателей.

Даровитый юноша обратилъ на себя вниманіе одного изъ образованнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ двигателей просвѣщенія того времени, попечителя Московскаго университета и товарища министра просвѣщенія, М. Н. Муравьева. Одной изъ главныхъ задачъ Муравьева было поднятіе національной науки въ Россіи, въ силу чего онъ стремился занять университетскія каѳедры русскими людьми. Кошанскій подходилъ какъ разъ для этихъ цѣлей куратора и, сообразно ходу своихъ занятій, предназначенъ былъ имъ для каѳедры археологіи и изящныхъ искусствъ[3]). Для достиженія каѳедры и въ то время необходимо было обладать двумя учеными степенями, причемъ магистерство давалось на основаніи успѣшнаго окончанія однихъ только устныхъ испытаній. Къ экзаменамъ этимъ Кошанскій приступилъ очень скоро и 30-го іюня 1805 г., въ памятный для университета день полувѣкового юбилея его, былъ утвержденъ въ степени магистра философіи и свободныхъ искусствъ[4]). Тогда-же, имѣя въ виду расширить умственный кругозоръ молодого магистранта и обогатить скудную научную литературу на русскомъ языкѣ, Муравьевъ поручилъ Николаю Ѳеодоровичу переводъ французскаго руководства по археологіи Милленя. Вполнѣ понятно, что избранная Кошанскимъ спеціальность болѣе всякой другой требовала заграничной командировки. Муравьевъ устроилъ это покровительствуемому имъ молодому человѣку, и въ августѣ 1805 г. Николай Ѳеодоровичъ поѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ чужіе края. Но обострившіяся военныя отношенія

---

1) Такимъ образомъ, указаніе г. Селезнева (Пам. Книжка, стр. 143), что Кошанскій началъ сотрудничать въ *Новостяхъ Русской Литературы* только съ 1804 г., невѣрно. Мало того, просмотрѣвъ внимательно этотъ журналъ за 1804 г., я не нашелъ ни одной статьи, которая была бы подписана именемъ Кошанскаго.

2) *Новости Русской Литературы* 1803 г., ч. VIII, стр. 321.

3) *С. П. Шевыревъ.* Исторія Московскаго университета, стр. 345.

4) *Шевыревъ*, о. с., стр. 360; *Селезневъ*, стр. 143. Формулярный списокъ, вѣроятно ошибочно, опредѣляетъ дату этого событія 30-мъ іюля.

того времени помѣшали Кошанскому привести въ исполненіе это намѣреніе, и въ замѣнъ заграничной командировки ему пришлось ограничиться въ Петербургѣ изученіемъ древностей Эрмитажа и Академіи художествъ. Впрочемъ, Кошанскій провелъ годъ съ небольшимъ въ Петербургѣ далеко не безъ пользы для себя, такъ какъ за этотъ періодъ времени, помимо работъ надъ переводомъ Милленя, онъ занялся, по совѣту Муравьева, исполнявшаго тогда въ Петербургѣ обязанности министра просвѣщенія, своей докторской диссертаціей, которую окончилъ и напечаталъ въ 1806 г. и 7-го февраля 1807 г. былъ удостоенъ Московскимъ университетомъ искомой степени. Темой для диссертаціи Николай Ѳеодоровичъ взялъ миѳъ о Пандорѣ въ связи съ относящимися къ нему памятниками искусства. По обычаямъ того времени, книга написана была на латинскомъ языкѣ. Мнѣ не удалось познакомиться съ этой работой непосредственно, по ненахожденію экземпляра ея въ Публичной Библіотекѣ, но содержаніе книги[1]) подробно передано въ рецензіи, помѣщенной въ *Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ* (№ 9, Суббота, 2-го марта 1807 года). Рецензія эта написана профессоромъ Іоганномъ Буле и переведена на русскій языкъ, которымъ Буле владѣлъ очень плохо, вѣроятно, самимъ Николаемъ Ѳеодоровичемъ. Какъ видно изъ отзыва Буле, книга Кошанскаго раздѣляется на три части. Въ первой излагается миѳъ о Пандорѣ, Промеѳеѣ и Епимеѳеѣ на основаніи различныхъ мѣстъ Гезіода, и сравниваются и разбираются версіи сказанія. Во второй части авторъ пытался уяснить смыслъ миѳа, изобрѣтатель котораго хотѣлъ, по мнѣнію Кошанскаго, выяснить начало или происхожденіе зла. Именно, зло является слѣдствіемъ образованности, которая открыла человѣку новыя потребности, пробудивъ одновременно его чувственность, перешедшую надлежащіе предѣлы и приведшую къ рожденію порока въ различныхъ соблазнительныхъ видахъ; одновременно съ порокомъ явились и болѣзни, преждевременная старость и разныя другія бѣдствія. Сообразно съ этимъ толкованіемъ Промеѳей долженъ означать образованіе человѣческаго рода посредствомъ искусствъ; Пандора есть олицетвореніе порока, привлекающаго сперва людей своей соблазнительной внѣшностью, а потомъ создаю-

1) Полное заглавіе ея: Illustratio Mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium, quam amplissimi Philosophorum ordini ad consequendum Doctoris Philosophiae gradum instituit Nicolaus Koschansky A. A. L. L. Magister. Mosquae. 1806.

щаго изъ нихъ несчастныхъ страдальцевъ. Послѣднее выражается аллегорически открытіемъ знаменитаго ящика. Наконецъ, Епимеѳей изображаетъ позднее раскаяніе, которое тѣмъ сильнѣе терзаетъ впослѣдствіи несчастныхъ, что они не могли устоять сначала противъ его соблазновъ. По вполнѣ понятнымъ причинамъ менѣе всего удовлетворительной должна была являться третья часть, въ которой Кошанскому приходилось разсуждать о памятникахъ древняго искусства, относящихся къ миѳу о Пандорѣ. Поэтому рецензентъ ограничился здѣсь только указаніемъ, что «замѣчанія (автора) о древнихъ произведеніяхъ можно читать съ удовольствіемъ». Въ общемъ тонъ рецензіи очень лестенъ для Кошанскаго, который въ началѣ ея называется «извѣстнымъ уже по многимъ трудамъ своимъ въ кругу учености». Ко времени пребыванія Николая Ѳеодоровича въ Петербургѣ Л. Н. Майковъ[1]) относилъ начало знакомства его съ Батюшковымъ и предполагалъ даже, что Кошанскій давалъ Константину Николаевичу уроки по латинской словесности. При предположеніи этомъ Л. Н. Майковъ прежде всего исходилъ изъ основательнаго знакомства Батюшкова съ античной словесностью, а затѣмъ изъ близости какъ его, такъ и Кошанскаго къ Муравьеву, который, какъ уже было сказано, пребывалъ въ то время въ Петербургѣ. Наконецъ, почтенный академикъ указывалъ на одно стихотвореніе Батюшкова, могущее быть написаннымъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ трудовъ Кошанскаго, но рѣчь объ этомъ будетъ ниже.

По защитѣ докторской диссертаціи, Николай Ѳеодоровичъ не могъ все-же получить каѳедры по своей спеціальности, такъ какъ она была занята въ то время лицомъ вполнѣ ея достойнымъ, упомянутымъ профессоромъ Іоганномъ-Теофиломъ Буле (1763—1821). Я позволю себѣ остановиться нѣсколько на этой личности, заслуживающей полнаго вниманія какъ по своей учености, такъ особенно по своему стремленію повысить науку въ Россіи, тѣмъ болѣе, что литературная дѣятельность Кошанскаго тѣсно соприкасается съ трудами Буле. Буле былъ приглашенъ въ Московскій университетъ Муравьевымъ въ 1804 г. изъ Гёттингена на каѳедру философіи и теоріи изящныхъ искусствъ[2]).

---

1) Сочиненія *Батюшкова*, т. I, стр. 19, ср. т. III, стр. 616—617.

2) *Шевыревъ*, о. с., стр. 337. Обстоятельную біографію проф. Буле см. въ Сочиненіяхъ *Н. С. Тихонравова*, т. III, ч. 1, стр. 29 и слѣд.

Но разносторонній профессоръ далеко не ограничивался этими курсами, а читалъ въ 1805—1807 гг., кромѣ предметовъ своей спеціальности, римскую и греческую литературу и народное естественное право[1]), а за періодъ отъ 1807—1810 гг. еще эстетическую психологію и логику, критическую метафизику, исторію изящныхъ художествъ въ Россіи, литературу россійскихъ древностей и исторію[2]). Не довольствуясь такой кипучей академической дѣятельностью, Буле хотѣлъ, какъ уже было замѣчено выше, насадить у насъ, по примѣру своей родины, и ученую литературу. Съ этой цѣлью основываетъ онъ въ Москвѣ въ 1805 году еженедѣльное изданіе *Московскія Ученыя Вѣдомости*, въ которыхъ, по образцу знаменитыхъ Гёттингенскихъ *Gelehrte Nachrichten*, старательно знакомитъ русскую публику со всѣми книжными новостями по историко-филологическимъ наукамъ, а также съ ученой жизнью университета. Журналъ этотъ, просуществовавшій немного болѣе двухъ лѣтъ[3]), напоминалъ собою возникшее впослѣдствіи въ Москвѣ и столь-же кратковременное *Критическое Обозрѣніе*. Помощниками и переводчиками статей Буле для этого изданія были Н. Ѳ. Кошанскій и Я. И. де Сангленъ[4]). Ко времени возвращенія Кошанскаго изъ Петербурга Буле затѣялъ новое грандіозное предпріятіе — изданіе *Журнала Изящныхъ Искусствъ*, причемъ уже въ заглавіи было оговорено, что статьи Буле, написанныя для этого журнала, будетъ переводить Н. Ѳ. Кошанскій[5]), который и помимо журнальной дѣятельности неоднократно помогалъ Буле въ его научныхъ работахъ[6]). Первая книжка открывалась статьей: «Планъ журнала», гдѣ

1) *Шевыревъ*, стр. 362.

2) *Шевыревъ*, стр. 392.

3) За 1807 г. вышло всего 27 номеровъ.

4) *Шевыревъ*, стр. 379.

5) «Журналъ Изящныхъ Искусствъ, издаваемый на 1807 годъ И. Ѳеоф. Буле, Надворнымъ Совѣтникомъ и Профессоромъ Публичнымъ Ординарнымъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Переводъ Николая Кошанскаго. Часть 1. Москва 1807». Вышло всего три книжки.

6) Такъ въ 1806 г. Кошанскій перевелъ рѣчь Буле: «О лучшемъ способѣ, какъ можно писать исторію тѣхъ народовъ, кои, по общему мнѣнію, прежде девятаго вѣка населяли, или переходили Россійскія, особенно южныя земли». «Здѣсь», говоритъ Шевыревъ (о. с., стр. 376), «въ первый разъ ученымъ образомъ сознана возможность найти историческія свѣдѣнія о нашихъ Славянскихъ предкахъ въ Греческихъ и Римскихъ писателяхъ». Академикъ В. В. Латышевъ любезно указалъ мнѣ, что, выражаясь такъ, Шевыревъ совершенно упустилъ изъ виду труды Байера и Штриттера.

говорилось, что изданіе будетъ отличаться національнымъ характеромъ: «Оно, сколько можно, будетъ ближе къ Генію и характеру Россійскаго народа, ко всѣмъ отношеніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, къ мѣстному положенію и къ нынѣшнему состоянію Изящныхъ искусствъ въ Россіи»[1]). Было прибавлено также, что «слогъ сего журнала долженъ быть достоинъ предмета»[2]). Главнымъ содержаніемъ журнала признавалась исторія искусства[3]). Повидимому, Буле хотѣлъ начать свое изданіе съ подведенія итоговъ художественной дѣятельности XVIII вѣка. Объ этомъ намѣреніи можно догадываться изъ двухъ большихъ статей его, открывавшихъ первую книжку журнала: «Взглядъ на славнѣйшихъ живописцевъ въ XVIII вѣкѣ» и «Извѣстнѣйшіе россійскіе граверы прошлаго вѣка и лучшія произведенія ихъ». Хотя ученый издатель и писалъ[4]), что для исполненія своего предпріятія, онъ давно уже согласился со многими учеными, художниками и любителями искусства, какъ Русскими, такъ и чужестранными, живущими въ Россіи», однако вышедшія книжки журнала наполнены исключительно статьями самого Буле и Кошанскаго, только въ № 1 помѣщена небольшая статья Моргенстерна: «Корреджіева ночь»[5]). Кромѣ статей Буле, Кошанскій переводилъ для *Журнала Изящныхъ Искусствъ* отрывки изъ знаменитой «Исторіи искусства древности» Винкельмана[6]) и написалъ двѣ оригинальныя статьи: «Памятникъ Пожарскому и Минину, назначенный въ Москвѣ»[7]) и «Каковъ долженъ быть истинный художникъ?»[8]). Главнымъ покровителемъ научныхъ предпріятій Буле и Кошанскаго являлся М. Н. Муравьевъ, и потому велико было горе какъ ихъ, такъ и всѣхъ дѣятелей отечественнаго просвѣщенія того времени, когда этотъ меценатъ умеръ (29-го іюля 1807 года). Со смертью Муравьева Буле прекратилъ оба свои изданія. Вообще, несмотря на свои

---

1) *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*, № 1, стр. 19.

2) Тамъ же, стр. 20.

3) Тамъ же, стр. 22.

4) Тамъ же, стр. 19—20.

5) Тамъ же, стр. 41—46. — Моргенштернъ (1770—1852) былъ извѣстный филологъ и нумизматъ, профессоръ Дерптскаго университета и почетный членъ Академіи наукъ.

6) Аполлонъ Бельведерскій (кн. III, стр. 35—38) и Лаокоонъ (тамъ же, стр. 39—43).

7) *Журналъ Изящныхъ Искусствъ*, кн. II, стр. 51—64.

8) Тамъ же, кн. III, стр. 18—34.

горячія стремленія укоренить науку въ Россіи, профессоръ этотъ далеко не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ. Главной помѣхой Буле въ его предпріятіяхъ служило незнаніе имъ русскаго языка; поэтому, по свидѣтельству А. В. Никитенки, его слушатели не только не увлекались его лекціями по философіи, для оживленія которыхъ Буле читалъ и о современныхъ ему ученіяхъ въ Германіи, но, не понимая на чуждомъ языкѣ туманныхъ философскихъ истинъ, сложили на своего профессора эпиграмму:

Господинъ профессоръ Буле,
Ты намъ строилъ чорта въ стулѣ[1]).

Столь-же безуспѣшными и малоизвѣстными остались и изданія Буле. О нераспространенности *Журнала Изящныхъ Искусствъ* можно заключать изъ того, что помѣщенную тамъ статью объ истинномъ художникѣ Кошанскій перепечаталъ впослѣдствіи въ *Сынѣ Отечества*[2]), не указавъ даже мѣста ея первоначальнаго помѣщенія[3]). Г. Черняевъ объясняетъ неуспѣхъ изданій Буле тѣмъ, что «публика того времени не была еще достаточно подготовлена къ чтенію серьезныхъ статей спеціально по исторіи искусства»[4]). Позволю себѣ замѣтить на это, что, несмотря на огромный промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ Буле, его журналъ теперь имѣлъ-бы, вѣроятно, еще меньшій успѣхъ; примѣровъ такой печальной «борьбы съ равнодушіемъ публики» можно привести болѣе, чѣмъ достаточно.

Смерть Муравьева[5]) была новой неудачей для Кошанскаго послѣ неуспѣха заграничной коммандировки. Ему не удалось даже при жизни

---

1) *А. В. Никитенко.* Александръ Ивановичъ Галичъ. С.-Пб. 1869, стр. 71.

2) № 51 (ч. 50), стр. 241—257.

3) Точно также и другая статья Н. Ѳ. Кошанскаго изъ *Журнала Изящныхъ Искусствъ* (О памятникѣ Минину и Пожарскому) была впослѣдствіи, уже по смерти автора, перепечатана почти цѣликомъ въ изданіи *К. Я. Тромонина*: «Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества, съ краткимъ описаніемъ и біографіями художниковъ». Томъ I. М. 1839, стр. 214—218.

4) *Пав. Черняевъ*, l. c., стр. 9.

5) Кошанскій посвятилъ памяти своего мецената весьма прочувствованный некрологъ, напечатанный имъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1807 г., № 19. Конечно, главнымъ содержаніемъ статьи является любовь Муравьева къ наукамъ, причемъ авторъ сообщаетъ любопытныя подробности о произведеніяхъ Михаила Никитича, какъ напечатанныхъ, такъ и оставшихся въ рукописяхъ.

своего просвѣщеннаго покровителя окончить предложенный имъ переводъ Милленя. Книга эта[1]) вышла въ 1807 г. и была посвящена переводчикомъ графу Завадовскому, въ которомъ Кошанскій пытался найти себѣ второго мецената, но, видимо, ошибся въ разсчетахъ, такъ какъ и новый покровитель не доставилъ Николаю Ѳеодоровичу желаемой имъ каѳедры. Правда, переводъ былъ представленъ государю, отъ котораго Кошанскій удостоился получить часы[2]). Книга Милленя представляетъ собою учебникъ археологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова и, какъ видно изъ заглавія, должна была служить руководствомъ для студентовъ, не только не имѣвшихъ доселѣ подъ руками никакого подобнаго пособія, но и мало знакомыхъ съ археологіей вообще, потому что предисловіе Кошанскаго къ его переводу начинается слѣдующей фразой: «Вотъ первая начальная книга на Россійскомъ языкѣ, показывающая основаніе и ходъ науки, едва-ли въ Россіи не новой!» Къ переводу своему Кошанскій, по его собственнымъ словамъ, «пользуясь благопріятствомъ случая, осмѣлился прибавить нѣкоторыя замѣчанія, относящіяся къ отечеству». Этому способствовало прежде всего недавнее пребываніе Николая Ѳеодоровича въ Петербургѣ, гдѣ, какъ я говорилъ, онъ успѣлъ ознакомиться съ коллекціями Эрмитажа и Академіи художествъ. Надо сознаться, впрочемъ, что дополненія эти весьма кратки, какъ того и требовалъ характеръ всей книги.

Между тѣмъ, для пріисканія средствъ къ жизни, Кошанскому приходилось ограничиться педагогической дѣятельностью въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и онъ опять возвращается къ преподаванію русской и латинской словесности въ свою alma mater — въ Московскій университетскій пансіонъ. Предметы преподаванія Кошанскаго съ большою подробностью перечислены въ Пансіонскихъ программахъ того времени. Позволю себѣ привести полностью одну изъ нихъ, относящуюся къ 1810 году и характеризующую какъ дѣятельность Николая Ѳеодоровича, такъ и знакомящую со среднимъ образованіемъ того времени: «Николай Ѳеодоровичъ Кошанскій, Докторъ Словесныхъ

1) Полное заглавіе перевода: «Руководство къ познанію древностей, г. Ал. Милленя, изданное съ прибавленіями и замѣчаніями въ пользу учащихся въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Николаемъ Кошанскимъ, Изящныхъ наукъ Магистромъ и Философіи Докторомъ». М. 1807.

2) Формулярный списокъ.

Наукъ, повторивъ предварительно Россійской и Латинской Синтаксисъ, изъяснитъ Россійскую Просодію, Риторику и Логику по изданнымъ для Пансіона книгамъ. Онъ будетъ переводить на Русской лучшія мѣста съ Славянскаго и другихъ языковъ; будетъ задавать выучивать наизусть образцовыя отечественныя сочиненія въ стихахъ, и постарается, чтобъ ихъ произносили съ чувствомъ и выраженіемъ; объяснивъ кратко Исторію Россійской Литературы, займется критическимъ разборомъ лучшихъ Россійскихъ писателей и постарается, чтобъ ученики его и сами упражнялись въ сочиненіяхъ; будетъ разбирать Федровы басни и учебную Латинскую книгу, изданную для пансіона; для лучшаго-же разумѣнія стихотворцовъ пройдетъ кратко Миѳологію и Древности»[1]). Помимо преподаванія Кошанскій дѣятельно занялся составленіемъ учебниковъ для воспитанниковъ Пансіона. Учебники эти, конечно, отличались вполнѣ элементарнымъ характеромъ и вышли въ свѣтъ безъ имени автора. Это были не столько руководства, сколько повторительные курсы къ устному преподаванію учителя. Книги Кошанскаго относятся къ обоимъ предметамъ его преподаванія, то-есть къ русскому и латинскому языкамъ. Вотъ ихъ перечень: 1) Правила, отборныя мысли и примѣры Латинскаго языка съ краткимъ словаремъ. М. 1806; 2) Начальныя правила Русской Грамматики. Въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. М. 1807 и 1809[2]); 3) Таблица Латинской Грамматики съ примѣрами. М. 1809[3]); 4) Учебная книжка на латинскомъ и французскомъ языкахъ.

---

1) *Н. В. Сушковъ*, о. с., стр. 54.

2) Слѣдующая перепечатка этой книги относится уже ко времени перевода Кошанскаго въ Петербургъ, именно къ 1814 г.: «Начальныя правила русской грамматики. Для Благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. Изданіе второе». М. 1814. Книга Кошанскаго перепечатана здѣсь цѣликомъ, и, кромѣ того, прибавленъ отдѣлъ «Правописаніе» (стр. 57—73). Дополненіе это сдѣлано, вѣроятно, И. И. Давыдовымъ, преемникомъ Кошанскаго по преподаванію русской словесности въ Университетскомъ пансіонѣ, такъ какъ 9-е изданіе этого руководства (1843 г.) показано въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета среди произведеній И. И. Давыдова. Формулярный списокъ относитъ первое изданіе «Правилъ» еще къ 1806 г., но въ Публичной Библіотекѣ экземпляра за этотъ годъ не имѣется.

3) Впослѣдствіи Кошанскій перепечаталъ эту книгу для нуждъ своихъ петербургскихъ учениковъ: «Таблица Латинской грамматики, изданная, для воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея и его Пансіона, Профессоромъ Кошанскимъ». С.-Пб. 1817. Въ формулярномъ спискѣ первое изданіе «Таблицы» отнесено къ 1805 г., второе къ 1810 г., но въ Публичной Библіотекѣ экземпляровъ за эти годы нѣтъ.

Въ пользу благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. М. 1809. Гораздо болѣе значительнымъ руководствомъ явилась знаменитая «Латинская грамматика», выдержавшая много изданій, изъ которыхъ только одно первое появилось въ Москвѣ, а всѣ послѣдующія въ Петербургѣ[1]). Для составленія ея Кошанскій принялъ за образецъ нѣмецкій учебникъ Брэдера (Bröder). Авторъ не предпослалъ своей книгѣ никакого предисловія, но по тону руководства видно, что Кошанскій отнюдь не имѣлъ въ виду разсматривать латинскій языкъ, какъ мертвый, но стремился приблизить его къ современнымъ потребностямъ; особенно ясно это изъ примѣровъ къ правиламъ. Напримѣръ, говоря о буквѣ к, авторъ замѣчаетъ: «к никогда не употребляется въ Латинскихъ словахъ, а только въ иностранныхъ, какъ-то *Rasumovsky*, *Kutusov*». Вообще, большинство примѣровъ взято не изъ античнаго міра, а изъ современной автору жизни, напримѣръ: Cerevisiae sapor vel dulcis est, vel amarus или Qui furti in Anglia convictus est, in Sinum Botanicum deportatur[2]). Кажется, что примѣры эти составлены были авторомъ самостоятельно, а не заимствованы у Брэдера. По крайней мѣрѣ, я не нашелъ ихъ въ единственномъ доступномъ мнѣ изданіи этой грамматики, правда, значительно болѣе позднемъ, чѣмъ переработка Кошанскаго[3]). Еще болѣе можетъ убѣдить въ этомъ предположеніи то обстоятельство, что среди этихъ примѣровъ попадаются lapsus calami, напримѣръ во всѣхъ изданіяхъ стоитъ: Plures in Turcia et India mulieres *uno* (вмѣсто uni) viro nubunt; сюда-же должны быть отнесены такія фразы, какъ: Diu *ne morare* in conclavibus modo dealbatis (весьма практичный совѣтъ)[4]) или Crabrones *ne irrita*. При изложеніи этимологіи Кошанскій вполнѣ раціонально не предполагалъ въ учащихся основательнаго знакомства съ русской грамматикой, а

1) Изданія слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 1-е М. 1811; 2-е С.-Пб. 1815; 3-е С.-Пб. 1823; 4-е С.-Пб. 1834; 5-е С.-Пб. 1834; 6-е С.-Пб. 1835; 7-е С.-Пб. 1836; 8-е С.-Пб. 1837; 9-е С.-Пб. 1839; 10-е С.-Пб. 1842; 11-е С.-Пб. 1844. За поднесеніе 3-го изданія императору Александру I Кошанскій удостоился получить бриллiантовый перстень въ 1000 рублей. 7-го изданія въ Публичной Библіотекѣ нѣтъ, и годъ его приведенъ по словарю Геннади.

2) То-есть, Ботанибей, на востокѣ Австраліи.

3) Practische Grammatik der lateinischen Sprache von *Christian Gottlob Bröder*, aufs neue durchgesehen, verbessert und vermehrt von *Ludwig Ramshorn*. Achtzehnte verbesserte und vermehrte Original Ausgabe. Leipzig. 1838.

4) Не оставайся долго въ только что выбѣленныхъ комнатахъ!

потому объяснялъ всѣ грамматическіе термины, даже такіе, какъ имена существительныя собственныя и нарицательныя. Любопытно, что въ книгѣ не встрѣчается нашихъ теперешнихъ совершенно излишнихъ терминовъ gerundium и gerundivum. Первый изъ нихъ замѣняется не совсѣмъ удачно черезъ *дѣепричастіе*. Мѣстоименіе qui, quae, quod называется возносительнымъ. Правила о родѣ именъ, вопреки общепринятому порядку, отнесены къ синтаксису. Къ грамматикѣ приложена книга для чтенія, начинающаяся съ естественной исторіи, очень обширной по содержанію, такъ какъ она охватываетъ собою весь міръ, начиная съ планетъ и кончая такими ничтожными продуктами царства насѣкомыхъ, какъ pediculi и pulces. За естественной исторіей идутъ разные разсказы и анекдоты, содержаніе которыхъ заимствовано и изъ міра античнаго, и вымышлено. При своей жизни Николаю Ѳеодоровичу удалось выпустить только три изданія грамматики; для переработки перваго у автора, занятаго тогда хлопотами въ лицеѣ, очевидно, не было времени[1]), и онъ началъ дѣлать улучшенія только съ третьяго изданія (1823 г.), именно приложилъ словарь къ книгѣ для чтенія, а также versus memoriales для 12 знаковъ зодіака, 4 временъ года и 7 дней недѣли. Къ сожалѣнію, третье изданіе было послѣднимъ, вышедшимъ въ свѣтъ при жизни автора, а потому всѣ послѣдующія изданія печатались почти безъ перемѣнъ[2]). По смерти Кошанскаго право на изданіе его книги перешло къ Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Жалованья, получаемаго отъ Благороднаго пансіона (всего 300 рублей) было далеко недостаточно Кошанскому для его существованія, поэтому онъ долженъ былъ пріискивать себѣ разныя другія занятія, какъ казенныя, такъ и частныя. А это, въ свою очередь, не могло не отразиться гибельнымъ образомъ на научной дѣятельности Николая Ѳеодоровича, хотя, видимо, онъ отнюдь не прекращалъ ея и въ 1811 году выпустилъ въ свѣтъ обширный трудъ, дѣлающій честь не только его составителю, но и вообще филологическому образованію того времени.

---

1) Кошанскій пропустилъ только сентиментальное обращеніе къ учащимся, имѣвшееся въ первомъ изданіи передъ христоматіей.

2) Мнѣ удалось замѣтить только измѣненія въ орѳографіи такихъ словъ, гдѣ она еще не установилась (напр. идти и итти), а также въ примѣрѣ большого числа, (въ отдѣлѣ объ именахъ числительныхъ) примѣнительно къ годамъ изданія, въ предѣлахъ отъ 1810 до 1844.

Я разумѣю «Цвѣты греческой поэзіи», то есть сборникъ избранныхъ отрывковъ изъ греческой поэзіи: буколической, драматической и эпической[1]). Позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ изданіи, которое, помимо его достоинствъ, вдохновило, какъ полагаютъ обыкновенно, двухъ поэтовъ нашихъ: Пушкина и Батюшкова. Книга Кошанскаго издана была по особому распоряженію Московскаго университета и посвящена императору Александру I, который, какъ говорится въ обращенныхъ къ августѣйшему покровителю стихахъ, «далъ имъ (музамъ) кровъ, призвавъ въ Россійски грады, и разпростеръ на нихъ отрадъ и свѣта сѣнь», когда «потухъ во мглѣ вѣковъ блиставшій свѣтъ Эллады, и Музъ и Грацій сонмъ объяла скорби тѣнь». За посвященіемъ государю слѣдуетъ обращеніе къ читателямъ, сперва также стихотворное, гдѣ авторъ признается, что «ищетъ себѣ цвѣтовъ и благовонныхъ травъ не всѣми виданныхъ, не всѣмъ еще извѣстныхъ, притомъ не повсемѣстныхъ, но кои въ Греціи расли». Причиной же, заставляющей Кошанскаго подѣлиться съ читателями своей любовью къ прекраснымъ цвѣтамъ греческой поэзіи, служитъ то, «что нашъ умъ насъ однихъ не можетъ веселить». За обращеніемъ поэтическимъ слѣдуетъ прозаическое, въ которомъ Кошанскій имѣетъ въ виду не только читателей, но и читательницъ, приглашая ихъ не безпокоиться, если онѣ увидятъ черезъ нѣсколько страницъ греческіе оригиналы, такъ какъ уже прошло то время, когда «нѣкоторыя изъ прекраснаго пола, увидя въ первый разъ Греческій почеркъ, назвали его—страшно выговорить—варварскимъ». Стараясь далѣе заинтересовать своихъ читателей Греками, какъ народомъ «посвятившимъ себя важной наукѣ, наслаждаться жизнію», Кошанскій рисуетъ рядъ сценъ изъ греческой жизни, съ особенной любовью изображая представленіе Еврипидовой трагедіи «Гекуба». Греческіе оригиналы Кошанскій снабдилъ примѣчаніями «историческими, критическими, эстетическими и тому подобное». Ученость автора, какъ онъ, впрочемъ, самъ признается, отнюдь не всегда оригинальна, а заимствована главнымъ образомъ изъ изданій Фалькенарія и Брунка; нѣкоторая самостоятельность замѣчается въ пріисканіи параллельныхъ текстовъ, какъ греческихъ и латинскихъ,

1) «Цвѣты греческой поэзіи, изданные Николаемъ Кошанскимъ, Докторомъ Философіи, Надворнымъ Совѣтникомъ и Профессоромъ Россійской и Латинской Словесности при Императорскомъ Царско-Сельскомъ Лицеѣ». М. 1811. 4°.

такъ въ особенности изъ новѣйшихъ писателей. Изъ послѣднихъ, помимо отечественныхъ (напримѣръ: Богдановичъ, Державинъ и Капнистъ), цитуются не только французскіе и нѣмецкіе классики, но и англійскіе, итальянскіе и испанскіе. Греческій текстъ приведенъ сводный, ибо Кошанскій говоритъ: «Издатель имѣлъ предъ глазами шесть различныхъ изданій и всѣми пользовался». За предисловіями слѣдуютъ «Творенія Біона» которымъ предшествуетъ его біографія. Далѣе идетъ греческій текстъ 10 идиллій, напечатанный великолѣпнымъ шрифтомъ, напоминающимъ шрифтъ въ изданіяхъ Firmin Didot XVIII столѣтія. Начиная со стр. 129, идутъ «Творенія Мосха» (8 стихотвореній), также съ коротенькой біографіей поэта впереди. Въ концѣ примѣчаній (на стр. 259—260) принесена благодарность «особенно Г. Маттеи и Г. Буле, мужамъ, заслужившимъ уваженіе Европы и любовь питомцевъ». Въ заключеніе Николай Ѳеодоровичъ высказалъ два желанія: «первое, чтобы Русскіе любимцы Музъ обратили вниманіе на словесность Грековъ, необходимую, кажется, для образованія нашего отечественнаго языка, и, если можно, соединяли-бы ученость со вкусомъ, а второе. . . нѣсколько не скромное, пусть останется моею тайною». Въ чемъ состояло это желаніе, можно догадываться изъ помѣщенныхъ далѣе стиховъ, въ которыхъ Кошанскій мечтаетъ о томъ, что

Орфей Дориды, звукомъ пѣнья
Плѣнявшій Нимфъ Сицильскихъ слухъ,
Плѣнитъ и Росскихъ Грацій Духъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ книги авторъ возвращается къ тому желанію, которое выставилъ онъ въ началѣ, а именно, чтобы его книга нашла себѣ не только читателей, но и читательницъ.

За изданіемъ текста и примѣчаніями слѣдуютъ стихотворные переводы приведенныхъ идиллій Біона и Мосха, написанные неровными риѳмованными стихами. Переводы Кошанскаго читаются очень легко и отличаются довольно значительной близостью къ подлиннику. Позволю себѣ привести, въ качествѣ обращиковъ, начала весьма извѣстныхъ идиллій: На смерть Адониса (Біона) и Бѣжавшій Эротъ (Мосха):

Гдѣ ты, Адонисъ, гдѣ ты несчастный?
Лейтеся слезы ручьемъ,

Плачьте Эроты по немъ:
Умеръ Адонисъ, умеръ прекрасный.

Киприда, сѣтуя, зоветъ сынка въ тревогѣ:
«Не видѣлъ ли кто гдѣ Эрота на дорогѣ?
«Бѣглецъ мой сынъ, родимой мой;
«Скажите: вѣстнику, какъ другу,
«За эту лестную услугу,
«Киприды поцѣлуй самой.
«А кто придетъ съ сынкомъ, съ отрадою моею,
«Не только поцѣлуй, я больше не жалѣю».

Кромѣ того, въ книгѣ помѣщенъ стихотворный переводъ отрывка изъ Софокловой трагедіи «Клитемнестра», найденнаго впервые Маттеи среди рукописей Московской Синодальной Библіотеки, и шестая пѣснь Одиссеи. Оба эти перевода исполнены ямбами (діалогическія партіи трагедіи и стихи Одиссеи имѣютъ отъ 6 до $6^1/_2$ стопъ).

Цѣль изданія «Цвѣтовъ», въ общемъ, не особенно понятна: съ одной стороны книга не могла служить учебникомъ, такъ какъ къ ней присоединенъ русскій переводъ; съ другой стороны, греческій текстъ не былъ нуженъ для большинства образованной публики, тѣмъ болѣе для читательницъ, которыхъ, какъ мы видѣли, особенно разумѣетъ авторъ. Къ тому же изъ многочисленныхъ древнихъ текстовъ, цитуемыхъ въ комментаріяхъ, латинскіе почти не переведены, а греческіе передаются рѣдко по-русски, чаще по-латыни, иногда даже по-французски. Изрѣдка въ примѣчаніяхъ попадаются странныя ошибки, напримѣръ на стр. 86 къ словамъ: ἐφαίνετο δ᾽ἠύτε κώρα сказано: «вмѣсто вульгарнаго ἐφαίνετο, сдѣлался, Гарлесъ написалъ ὑφαίνετο, — казался совершенно дѣвицею» (на самомъ дѣлѣ ὑφ. ἠ. κ. значитъ: ткалъ, какъ дѣвица). На стр. 241 читаемъ: «Стобей первый нашелъ ихъ (13 стиховъ Біона — τὰν ἄλα и т. д.) и напечаталъ въ своемъ Floril». Но Стобей жилъ въ V вѣкѣ, когда книгопечатаніе еще не было извѣстно.

Мнѣ уже пришлось замѣтить, что «Цвѣты греческой поэзіи» вдохновили двухъ изъ нашихъ поэтовъ: Батюшкова и Пушкина. Среди

произведеній перваго есть пьеса подъ заглавіемъ «Дружество»[1]), которая представляетъ собою свободную передачу одной изъ идиллій Біона, приведенной и въ изданіи Кошанскаго.

Для большаго удобства сравненія позволяю себѣ привести обѣ эти пьесы полностью, тѣмъ болѣе, что книга Кошанскаго давно уже стала библіографической рѣдкостью. Вотъ стихотвореніе Батюшкова:

Дружество.

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
Кто любитъ и любимъ чувствительной душой!
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пириѳой.
Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ:
Съ нимъ другъ его Пиладъ... подъ лезвеемъ мечей.
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей,
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною
И, друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою,
Счастливъ... Ты мертвъ упалъ на гибельный трофей.

Переводъ Кошанскаго озаглавленъ: «Кто счастливъ?»:

Блаженъ, кто обладалъ любовію взаимной;
Блаженъ былъ дружбою святой
Тезей, Герой гостепріимной,
Пока въ живыхъ былъ Пириѳой;
Онъ съ нимъ послѣдовалъ въ предѣлы мрачны ада.
Блаженъ средь Аксеновъ холодныхъ былъ Орестъ,
Когда, въ сопутствіи Пилада,
Хранимый дружбою средь сихъ скитался мѣстъ.
Блаженъ Ахиллъ богоподобной!
Онъ дружбою съ Патрокломъ жилъ:
Блаженъ, когда Патроклъ увялъ судьбой всезлобной,
Герой за смерть его со славою отмстилъ.

1) Сочиненія *Батюшкова*, т. I, стр. 142.

Л. Н. Майковъ[1]), не колеблясь, допускалъ зависимость Батюшкова отъ Кошанскаго. Между тѣмъ, Батюшковъ греческаго языка, несомнѣнно, не зналъ, а потому его подражаніе должно было-бы отличаться несравненно бо́льшей близостью къ переводу Кошанскаго, чѣмъ мы это видимъ. Признавая поэтому за достовѣрное, что содержаніе стихотворенія Батюшкова заимствовано изъ Біона, я позволяю себѣ предположить, что у Батюшкова былъ подъ руками другой переводъ Біоновой идилліи, или, по крайней мѣрѣ, онъ пользовался не однимъ переводомъ Кошанскаго. А если это такъ, то мнѣніе Л. Н. Майкова о вліяніи Кошанскаго на Батюшкова должно потерять подъ собою еще одну точку опоры[2]).

Всѣ изслѣдователи точно также единогласно признаютъ, что относящееся къ 1821 году подражаніе Пушкина Мосху «Земля и море» написано имъ подъ вліяніемъ «Цвѣтовъ греческой поэзіи»[3]). Отрицать достовѣрность этого, конечно, трудно[4]), но позволяю себѣ думать, что у Пушкина, помимо перевода Кошанскаго, былъ и какой-нибудь другой. Это можно доказать тѣмъ простымъ соображеніемъ, что, тогда какъ Кошанскій озаглавилъ идиллію «Къ спокойствію», Пушкинъ далъ ей обычное названіе («Земля и море»), съ которымъ она была извѣстна и ранѣе, и впослѣдствіи въ русской литературѣ[5]).

---

1) Сочиненія *Батюшкова*, т. I, стр. 353.

2) Однако, личнаго знакомства Кошанскаго съ Батюшковымъ отрицать невозможно, такъ какъ оно засвидѣтельствовано письмомъ Батюшкова къ Гнѣдичу въ сентябрѣ 1809 г.: «Ты мнѣ совѣтуешь перевести Теокритову эклогу. Или не знаешь, что Кошанскій ее перевелъ съ оригинала, а не съ Дидотова бѣднаго перевода, и скоро печатаетъ» (Сочиненія *Батюшкова*, т. III, стр. 45). Упоминаемый здѣсь переводъ Кошанскаго изъ Ѳеокрита ближе неизвѣстенъ.

3) *Л. Н. Майковъ* въ «Сочиненіяхъ Пушкина», т. I (С.-Пб. 1899), стр. 186, примѣч.; *Пав. Черняевъ*, о. с., стр. 50; ср. *С. Любомудровъ*. Античный міръ въ произведеніяхъ Пушкина (М. 1899), стр. 31.

4) Особенно близко начало того и другого стихотворенія:

Кошанскій.	Пушкинъ.
Когда Зефиръ подуетъ нѣжно, По морю синему въ пріятной тишинѣ...	Когда по синевѣ морей Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ...

5) П. И. Прозоровъ въ своемъ «Систематическомъ указателѣ книгъ и статей по греческой филологіи» (С.-Пб. 1898, стр. 57) приводитъ слѣдующіе переводы этой идилліи, озаглавленные «Море и земля»: *М. П. Загорскаго* въ «Благонамѣренномъ» 1822 г., *К. П. Масальскаго* въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., *В. В. Латышева* въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1891 г., № 9 и въ сборникѣ «На досугѣ» (С.-Пб. 1898, стр. 50).

На заголовкѣ «Цвѣтовъ греческой поэзіи» Николай Ѳеодоровичъ уже назвалъ себя профессоромъ Императорскаго Александровскаго лицея, который былъ открытъ въ томъ-же 1811 году, 19-го октября. Главной причиной, заставившей Кошанскаго покинуть Москву, была, повидимому, разбросанность его занятій. Любопытное свидѣтельство объ этомъ находимъ мы въ собственноручной запискѣ его, поданной тогдашнему министру просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому, гдѣ Кошанскій перечисляетъ, сколько изъ разныхъ мѣстъ получаетъ онъ жалованья: «отъ Университета, кромѣ квартиры, 600 рублей[1]); отъ Цензурнаго Комитета 100 рублей, изъ Благороднаго Университетскаго Пансіона 300 рублей, изъ Воспитательнаго Дома 300 рублей[2]), изъ Екатерининскаго Института 750 рублей, изъ Института Виллерса 800 рублей, отъ князя Щербатова 1000 рублей, отъ Полторацкаго 1200 рублей, отъ Нелединскаго-Мелецкаго 800 рублей, итого 5850 рублей»[3]). Очевидно, Николаю Ѳеодоровичу хотѣлось сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ-бы, при небольшихъ сравнительно служебныхъ занятіяхъ, отдаться литературно-научной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ переходъ въ Петербургъ былъ сдѣланъ имъ не изъ матеріальныхъ разсчетовъ, такъ какъ, въ качествѣ профессора лицея, онъ могъ получить, самое бо́льшее, 3000 рублей[4]). Замѣчу кстати, что къ Москвѣ и москвичамъ Кошанскій сохранилъ навсегда искреннюю привязанность. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, профессоръ Московскаго университета, П. С. Щепкинъ, бывшій ученикъ Николая Ѳеодоровича по Университетскому пансіону, который разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ 1828 году видѣлъ онъ Кошанскаго въ Петербургѣ, на университетскомъ актѣ, и прибав-

---

1) 600 рублей отъ университета, гдѣ Кошанскій никогда не читалъ лекцій, онъ получалъ, можетъ быть, за секретарство «при Комитетѣ Испытаній, которымъ, въ силу указа 6-го августа 1809 г., подвергались для полученія чиновъ VIII и V классовъ» (*Селезневъ*. Пам. книжка, стр. 148).

2) Въ Гимназіи Воспитательнаго Дома Кошанскій преподавалъ латинскую словесность въ высшемъ классѣ (формулярный списокъ).

3) *Селезневъ*, о. с., стр. 152. Записки этой нынѣ не имѣется въ архивѣ лицея.

4) 2000 руб. жалованья, 500 руб. квартирныхъ денегъ и 500 руб. за должность секретаря конференціи (*Селезневъ*, Историческій очеркъ Лицея, стр. 178—179). Въ дополненіе къ жалованью Кошанскій выхлопоталъ себѣ «имѣть общій съ питомцами столъ» (архивъ Императорскаго Александровскаго лицея, дѣло о Н. Ѳ. Кошанскомъ).

ляетъ: «Онъ 20 лѣтъ въ Петербургѣ и все еще привязанъ къ Московскимъ»[1]).

Перебравшись, сряду по своемъ утвержденіи, лѣтомъ 1811 года, въ Петербургъ, Кошанскій дѣятельно помогалъ директору лицея, В. Ѳ. Малиновскому, а именно: закупалъ учебники, составлялъ росписаніе занятій и готовилъ рѣчь для произнесенія на торжествѣ открытія[2]). Не мудрено поэтому, что на первомъ засѣданіи конференціи лицейскихъ профессоровъ (12-го сентября 1811 года) Николай Ѳеодоровичъ избранъ былъ секретаремъ совѣта. При открытіи лицея роль Кошанскаго ограничилась только чтеніемъ списка «учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, поступившимъ въ лицей, а потомъ списка принятымъ въ оный по экзамену воспитанникамъ»[3]).

Въ лицеѣ Николаю Ѳеодоровичу поручено было преподавать тѣ же самые предметы, которыми занимался онъ и ранѣе, то-есть русскую и латинскую словесность. Съ этой каѳедрой соединено было преподаваніе и церковно-славянскаго языка. По латинскому языку, помимо грамматическихъ переводовъ, читались и разбирались Корнелій Непотъ, Федръ, Цицеронъ, Виргилій и Горацій. Что касается курса отечественной словесности, или «Изящныхъ письменъ», какъ называлась она въ лицейскихъ программахъ, то главной цѣлью было здѣсь, по свидѣтельству лицейскаго историка[4]), «поощреніе направленія вкуса воспитанниковъ къ изящному слову». На послѣднемъ курсѣ Кошанскій читалъ, кромѣ того, лекціи по исторіи искусства, руководствуясь хорошо знакомой ему книгой Винкельмана[5]). Свою педагогическую дѣя-

---

1) *Русскій Архивъ*, 1899, № 6, стр. 303.

2) *Селезневъ*. Пам. книжка, стр. 153.

3) Архивъ лицея. Журналъ 1-го засѣданія Конференціи въ 1811 году.

4) *Селезневъ*. Пам. книжка, стр. 154. Подробный ходъ занятій Кошанскаго съ лицеистами перваго выпуска см. въ статьѣ *И. А. Шляпкина*: «Къ біографіи А. С. Пушкина» въ Памятной книжкѣ лицея на 189⁸/₉ уч. годъ (С.-Пб. 1899).

5) Вѣроятно, результатомъ этихъ лекцій явилась работа Кошанскаго, помѣщенная въ *Соревнователѣ Просвѣщенія* за 1821 г.: «Взглядъ на исторію искусствъ» (три статьи — № 4, стр. 3—25; № 5, стр. 117—145; № 6, стр. 259—272). Исторія искусствъ изложена здѣсь въ видѣ біографій греческихъ художниковъ. Винкельмана Кошанскій собирался переводить цѣликомъ и изложилъ свое намѣреніе Конференціи лицея, «дабы представлено было Господину Министру, не благоугодно-ли будетъ Его Сіятельству въ обезпеченіе его труда изъявить на то свое согласіе и покровительство» (журналъ Конференціи лицея за 1815 г., № 6). Но графъ Разумовскій, недолюбливавшій Кошанскаго послѣ его первой «бѣлой горячки», отказалъ въ этомъ, «ибо сіе

тельность въ лицеѣ, какъ и въ Москвѣ, Николай Ѳеодоровичъ началъ съ составленія учебниковъ. Помимо переизданія своей грамматики, въ 1814 году выпускаетъ онъ учебное изданіе басенъ Федра[1]), въ 1816 году — біографіи Корнелія Непота[2]) и въ 1818 году Сокращеніе Священной Исторіи (Epitome Historiae Sacrae) по Ломонду[3]). Принципы этихъ изданій, порученныхъ Кошанскому конференціей лицея, наиболѣе подробно изложены имъ въ предисловіи къ Федру и заключаются въ слѣдующемъ: 1) «оставить тѣ басни, кои не соотвѣтственны дѣтскому возрасту; 2) перемѣнить выраженія, оскорбляющія благопристойность нашихъ временъ; 3) напечатать текстъ самымъ вѣрнымъ образомъ и объяснить труднѣйшія мѣста краткими на Россійскомъ языкѣ замѣчаніями. Наконецъ прибавить Лексиконъ словъ, находящихся въ сей книгѣ». Изданія Федра и Корнелія Непота посвящены были императору Александру Павловичу, за что Кошанскій удостоился получить бриллiантовый перстень и монаршее благоволеніе[4]). Учебныя изданія Николая Ѳеодоровича вполнѣ достигали своей цѣли: объясненія къ тексту сжаты, цѣлесообразны и свободны отъ всякаго балласта, которымъ зачастую страдаютъ комментаріи, вродѣ излишняго приведенія параллельныхъ мѣстъ. При объясненіи Федра Кошанскій вполнѣ раціонально сближалъ его басни съ подражаніями Дмитріева, Крылова и иногда даже Сумарокова[5]). Кромѣ того, въ параллель

пространное сочиненіе можетъ быть покупаемо только для большихъ библіотекъ, для коихъ предпочитается подлинникъ переводу; притомъ Его Сіятельство, не находя нужнымъ ввести оное твореніе Винкельмана въ употребленіе въ училищахъ, не имѣетъ и другой суммы, изъ коей можно бы было сдѣлать Кошанскому пособіе къ изданію его перевода» (журналъ Конференціи за 1815 г., № 8).

1) 2-е изданіе вышло въ 1832 г.

2) 2-е изданіе вышло въ 1824 г., 3-е въ 1840 г., 4-е въ 1849 г.

3) Изданіе 1824 г. лишено предисловія; словарь его отчасти переработанъ, почему врядъ-ли оно можетъ принадлежать Кошанскому. Epitome Ломонда издавалось у насъ неоднократно: въ 1827 г. въ Москвѣ А. Кантемировымъ, въ 1832 г. въ Петербургѣ И. Эйнерлингомъ и въ 1845 г. тамъ же Я. Лангеномъ.

4) Формулярный списокъ.

5) Учебники Кошанскаго (Корнелій Непотъ, Федръ и Epitome) были одобрены для гимназій Комитетомъ, учрежденнымъ княземъ А. Н. Голицынымъ для разсмотрѣнія учебныхъ пособій, употребляемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ всей Россіи (*А. Воронов*: Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно. С.-Пб. 1849, стр. 196—197). Изданіе Федра было, впрочемъ, допущено съ ограниченіями, какъ свидѣтельствуетъ М. И. Сухомлиновъ (Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ, т. I. С.-Пб. 1889, стр. 202 и 204).

къ Милленю, Николай Ѳеодоровичъ издалъ въ 1816—17 годахъ переводъ, такъ сказать, энциклопедіи древности, принадлежащей Эшенбургу. Съ содержаніемъ этой книги легко можно ознакомиться уже изъ ея заглавія: «Ручная книга Древней Классической Словесности, содержащая: I. Археологію, II. Обозрѣніе классическихъ авторовъ, III. Миѳологію, IV—V. Древности Греческія и Римскія, собранная Эшенбургомъ, умноженная Крамеромъ и дополненная Н. Кошанскимъ» (въ 2 томахъ, in 8°, 510+474 стр.). Дополненія переводчика ограничились только приведеніемъ отечественной литературы по древнимъ языкамъ, указанія на которую, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, отсутствовали въ руководствѣ Эшенбурга, хотя въ общемъ библіографія представлена была здѣсь довольно полно. Эти дополненія Кошанскаго не могутъ не имѣть своей цѣны и по сіе время, тѣмъ болѣе, что онъ пользовался, по собственному признанію, указаніями такого опытнаго библіографа, какъ Сопиковъ. Книгу Эшенбурга Кошанскій имѣлъ на своихъ лицейскихъ лекціяхъ еще и до ея изданія на русскомъ языкѣ, и Я. К. Гротъ[1]) объясняетъ отсюда, «почему Пушкинъ еще въ Лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній». Въ предисловіи къ переводу (стр. II—IV) Кошанскій дѣлаетъ любопытную характеристику тогдашняго классицизма, который раздѣляетъ на три вида: 1) въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, послѣ долгаго изученія грамматическихъ правилъ, приступали къ чтенію нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ писателей, «а о Древностяхъ и классическихъ Авторахъ рѣдко слышали»; 2) въ свѣтскихъ училищахъ, гдѣ, познакомившись вкратцѣ съ грамматикой и съ нѣкоторыми отдѣлами древностей, «приступали къ разбору одного какого-либо классическаго Автора, не заботясь о прочихъ». Третій способъ изученія классицизма называется домашнимъ, «гдѣ изъ любопытства только, занимались познаніемъ нѣкоторыхъ началъ и нѣкоторыхъ древнихъ Авторовъ». Одной изъ главнѣйшихъ причинъ такихъ недостатковъ въ обученіи древнимъ языкамъ являлось, по мнѣнію Кошанскаго, отсутствіе хорошаго руководства по древностямъ, и притомъ охватывающаго ихъ въ полномъ объемѣ. Книга Эшенбурга и должна была восполнить этотъ недостатокъ; кромѣ того, Николай Ѳеодоровичъ при-

1) *Пушкинъ* и т. д., стр. 7.

знавалъ, что это пособіе можетъ быть полезно и всѣмъ образованнымъ людямъ, желающимъ познакомиться «съ состояніемъ искусствъ и наукъ, образомъ мыслей и произведеніями древнихъ».

Составленіе руководствъ и преподаваніе поглощало у Кошанскаго много времени, такъ что ему не удавалось почти сотрудничать въ тогдашнихъ журналахъ. Мнѣ извѣстны всего двѣ[1]) журнальныхъ работы Николая Ѳеодоровича за этотъ періодъ: 1) стихотвореніе на смерть графини Е. И. Ожаровской, жены тогдашняго управляющаго Царскимъ Селомъ[2]), за которой Кошанскій ухаживалъ. Стихи эти любопытны, между прочимъ, по тому, что одинъ изъ воспитанниковъ лицея, впослѣдствіи извѣстный поэтъ, баронъ Дельвигъ, написалъ на нихъ пародію подъ заглавіемъ: «На смерть кучера Агаѳона», напечатанную въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г., № 5[3]). Вторая работа Кошанскаго посвящена была русскому синтаксису и написана имъ по поводу вышедшаго тогда академическаго руководства по русской грамматикѣ. Въ этой статьѣ, напечатанной въ *Трудахъ Общества любителей россійской словесности* за 1819 годъ[4]), Кошанскій останавливается на томъ свойствѣ языка, что если глаголъ требуетъ извѣстнаго падежа, то въ большинствѣ случаевъ и всѣ существительныя, прилагательныя и нарѣчія одного съ нимъ корня требуютъ того-же падежа. Вѣроятно, и для того времени истина эта была слишкомъ элементарна, потому что, по всей видимости, именно про эту работу Николая Ѳеодоровича митрополитъ Евгеній писалъ В. Г. Анастасевичу 9-го февраля 1820 г., разсуждая о грамматическихъ вопросахъ: «А Кошанскаго статья самая ребяческая»[5]).

Въ лицеѣ Кошанскій съумѣлъ поставить себя въ самыя лучшія отношенія къ высшему начальству. Тогдашній главный начальникъ заведенія, министръ просвѣщенія, считалъ Кошанскаго за человѣка, «котораго разговоры и обхожденіе должны приносить пользу воспи-

---

1) Не считая упомянутой статьи «Взглядъ на исторію искусствъ».

2) См. о ней у *Л. Н. Майкова*: Сочиненія Пушкина, т. I, примѣч., стр. 187.

3) *Гротъ*, о. с., стр. 34.

4) Ч. XIV, стр. 86—118, ср. *Сынъ Отечества* 1820 г., ч. 59. И. А. Кубасовъ сообщилъ мнѣ, что Кошанскій былъ также членомъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, гдѣ, на одномъ изъ засѣданій 1818 г., прочелъ рефератъ: «О военномъ состояніи въ Римѣ».

5) *Русскій Архивъ*, 1889, № 7, стр. 329.

танникамъ»[1]). Точно также хвалилъ Николая Ѳеодоровича и авторъ анонимнаго доноса «О Лицейскомъ духѣ» 1826 года, отзываясь о немъ, какъ о человѣкѣ добромъ, образованномъ и благонамѣренномъ, который «почелъ-бы себѣ за грѣхъ и за преступленіе толковать своимъ ученикамъ то, чего не должно»[2]). Среди лицейскихъ профессоровъ Кошанскій былъ старшимъ, поэтому при отсутствіи директора, занималъ его должность[3]). Единственной служебной неудачей Николая Ѳеодоровича былъ отказъ министра на его просьбу о директорствѣ въ учрежденномъ (въ 1814 году) при лицеѣ Благородномъ пансіонѣ; Кошанскому предпочтенъ былъ нѣмецъ Гауеншильдъ, имѣвшій сильную протекцію въ лицѣ зятя министра, С. С. Уварова[4]).

Что касается воспитанниковъ, то и съ ними Кошанскій ладилъ превосходно, за исключеніемъ лицеистовъ перваго курса, да и то только отчасти. Явившись изъ такого учебнаго заведенія, какъ Московскій университетскій пансіонъ, и привыкнувъ вести тамъ свое дѣло вполнѣ серьезно, Николай Ѳеодоровичъ попадаетъ въ лицей, который при своемъ основаніи, по рѣзкому отзыву графа М. А. Корфа[5]), «былъ не университетомъ, не гимназіей, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью *всего этого вмѣстѣ*» (курсивъ подлинника). Но и тутъ Кошанскій не потерялся, а съумѣлъ внушить ученикамъ любовь и уваженіе къ себѣ и своимъ предметамъ. Этимъ объясняется, напримѣръ, увлеченіе Пушкина такимъ поэтомъ, какъ Оссіанъ, особенно въ устарѣломъ для того уже времени переводѣ Е. И. Кострова (М. 1792 г.)[6]). Но на бѣду Кошанскаго онъ подверженъ былъ слабости многихъ русскихъ людей, какъ великихъ, такъ и малыхъ, именно за-

---

1) *Селезневъ*. Пам. книжка, стр. 157.

2) *Русская Старина*, 1877, т. 18, стр. 659.

3) По смерти директора В. Ѳ. Малиновскаго (23-го марта 1814 г.) Кошанскій исправлялъ его должность съ 9-го апрѣля до 8-го мая 1814 г. Точно также, по выходѣ въ отставку директора Энгельгардта (23-го октября 1823 г.), Кошанскій былъ назначенъ исправляющимъ его должность со 2-го ноября, но 13-го ноября захворалъ, такъ что его смѣнилъ инспекторъ лицея Нуммерсъ (формулярный описокъ; Благородный Пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея. С.-Пб. 1869, стр. 26 и 79).

4) Благородный Пансіонъ, стр. 21 и 129; *Гротъ*. Пушкинъ, стр. 38—39.

5) *Гротъ*. Пушкинъ, стр. 225.

6) В. П. Гаевскій свидѣтельствуетъ, что Оссіана читали на урокахъ Н. Ѳ. Кошанскаго («Пушкинъ и его лицейскія стихотворенія», въ *Современникѣ* 1863 г., т. 97, стр. 164—165; ср. *Л. Н. Майковъ*. Сочиненія Пушкина, т. I, примѣч., стр. 31).

поямъ; одна изъ такихъ «бѣлыхъ горячекъ» (какъ тогда выражались), наиболѣе продолжительная, постигла Николая Ѳеодоровича въ 1814 году, и на его мѣсто временно былъ приглашенъ А. И. Галичъ, получившій прекрасное философское образованіе, но, по выраженію его біографа[1]), «совершенно неспособный къ той педагогической дѣятельности, которая лишь подготовляетъ молодыхъ людей къ высокому званію». Галичъ пробылъ въ лицеѣ всего годъ съ небольшимъ (съ 10-го мая 1814 года по 1-е іюня 1815 года), но за это время ровно ничего не сдѣлалъ для формальнаго образованія своихъ питомцевъ. Такъ, въ латинскомъ языкѣ воспитанники Кошанскаго достигли уже извѣстныхъ успѣховъ и еще до болѣзни его начали читать басни Федра и Корнелія Непота, какъ объ этомъ повѣтствуетъ одинъ изъ лицеистовъ перваго выпуска, А. Д. Илличевскій, въ письмѣ къ своему гимназическому товарищу, П. Н. Фуссу[2]). На урокахъ-же Галича ученики занимались по бо́льшей части разговорами со своимъ преподавателемъ, и только изрѣдка Галичъ говаривалъ, беря въ руки того или другого изъ классиковъ: «потреплемъ старика»,—выраженіе, которое твердо осталось въ памяти у лицеистовъ, такъ какъ о немъ вспоминаютъ Пушкинъ и Кюхельбекеръ. Конечно, эти бесѣды Галича, человѣка, безспорно, весьма умнаго и образованнаго, были полезны для развитія воспитанниковъ, которые очень полюбили своего чудака-философа, нерѣдко раздѣлявшаго и ихъ скромныя пиршества. Нагляднымъ доказательствомъ этой любви воспитанниковъ являются стихотворенія Пушкина: «Посланіе А. И. Галичу» и «Пирующіе студенты». Понятно поэтому, какъ трудно было Кошанскому, по его возвращеніи, поставить на прежнюю ногу дѣло формальнаго образованія. Очевидно, онъ попробовалъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ и этимъ заслужилъ нерасположеніе своихъ учениковъ, что можетъ быть опять подтвер-

---

1) *А. В. Никитенко.* А. И. Галичъ, стр. 21. Впрочемъ, Галичъ и самъ сознавалъ свою неспособность къ преподаванію латинскаго языка, потому что въ просьбѣ графу Разумовскому объ освобожденіи его отъ занятій въ лицеѣ писалъ между прочимъ: «Истощившись въ самомъ запасѣ такого рода учености, къ которому я не званъ и изъ котораго могли оставаться у меня развѣ однѣ воспоминанія, всепокорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, въ уваженіе истинно страдальческаго моего состоянія, уволить меня отъ обременительныхъ занятій по Лицею и Пансіону» (архивъ лицея, дѣло о Н. Ѳ. Кошанскомъ).

2) Приведено у *Грота*, Пушкинъ, стр. 60.

ждено стихотворнымъ посланіемъ Пушкина къ Николаю Ѳеодоровичу, озаглавленнымъ «Моему Аристарху»[1]). Въ нашей литературѣ неоднократно говорилось, что Кошанскій преслѣдовалъ стихотворческую дѣятельность Пушкина и даже завидовалъ ему, такъ какъ самъ кропалъ вирши. Послѣднее обвиненіе вышло впервые чуть-ли не отъ товарища Пушкина, графа М. А. Корфа[2]). Въ настоящее время, впрочемъ, мнѣніе это все болѣе и болѣе оставляется. Надо признать несомнѣннымъ, что Кошанскій не съумѣлъ сряду оцѣнить всю величину таланта Пушкина, нагляднымъ доказательствомъ чему служитъ отзывъ его о своемъ геніальномъ ученикѣ: «Больше имѣетъ понятливости нежели памяти, болѣе имѣетъ вкуса нежели прилѣжанія; почему малое затрудненіе можетъ остановить его; но не удержитъ: ибо онъ побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы желаетъ сравниться съ первыми питомцами. Успѣхи его въ Латинскомъ хороши; въ Русскомъ не столько тверды, сколько блистательны»[3]). Но во-первыхъ слѣдуетъ замѣтить, что отзывъ этотъ относится къ марту 1812 года, то-есть черезъ полгода съ небольшимъ послѣ поступленія Пушкина въ лицей[4]); во-вторыхъ, первый выпускъ лицея представлялъ изъ себя нѣчто необычное по своей авторской производительности, такъ что уже на школьной скамейкѣ воспитанники не только издавали рукописные журналы, но даже сотрудничали въ періодическихъ изданіяхъ того времени. Затѣмъ Пушкинъ, въ бытность въ лицеѣ, писалъ очень много, при чемъ, вѣроятно, мало заботился о тѣхъ правилахъ, которыхъ требовали тогдашняя піитика и риторика, а это не могло нравиться его педантичному наставнику, который не зналъ, вѣроятно, что писаніе стиховъ доставалось Пушкину не легко[5]), и поучалъ въ своей «Общей Риторикѣ» (стр. 8): «Не спѣшите писать...

---

1) Причина названія Кошанскаго Аристархомъ, кажется мнѣ, кроется въ томъ, что, вопреки установившемуся въ общежитіи сужденію, Н. Ѳ. былъ весьма высокаго мнѣнія объ этомъ критикѣ. Вотъ что говоритъ онъ объ Аристархѣ въ «Частной Риторикѣ» (С.-Пб. 1849, изд. 7-е, стр. 144): «Имя его означаетъ и до сихъ поръ человѣка съ возвышеннымъ умомъ и тонкимъ, разборчивымъ вкусомъ».

2) *Гротъ*, о. с., стр. 226.

3) *И. А. Шляпкинъ*. Пам. книжка, стр. 57.

4) Правда, въ силу süsse Gewohnheit Кошанскій переписывалъ этотъ отзывъ и впослѣдствіи почти безъ измѣненій; ср. тамъ-же, стр. 63 и 65.

5) Объ этомъ свидѣтельствуетъ товарищъ Пушкина по лицею, С. Д. Комовскій (*Гротъ*, о. с., стр. 219 и 222).

Научитесь прежде мыслить и чувствовать — полнота мыслей и чувствованій найдетъ способъ выражаться, и можетъ быть — лучше, нежели вы думаете». Точно также требовалъ отъ всѣхъ Кошанскій и изученія правилъ, какъ нужно писать[1]): «Скажутъ: генію правилъ не нужно. Не спорю... Но сочтите геніевъ... И притомъ не забудьте, что и кедръ *сначала* растетъ наравнѣ съ травою и грѣется тѣмъ-же солнышкомъ и питается тою-же росою». Наконецъ, въ упражненіяхъ въ сочинительствѣ, по мнѣнію Кошанскаго, должна была соблюдаться строгая постепенность, доводимая имъ до смѣшного. Такъ, въ началѣ лицеистамъ перваго выпуска вовсе запрещено было сочинять, а по снятіи этого запрещенія они начали съ періодовъ, которые въ «Общей Риторикѣ» называются «основаніями прозы»[2]). Само собой разумѣется, что молодые люди, которые еще до поступленія въ лицей пробовали свои силы въ разныхъ родахъ литературы[3]), не могли быть довольны этимъ распоряженіемъ. На основаніи всего сказаннаго понятными становятся слѣдующія строки въ посланіи Пушкина Кошанскому:

Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ!...
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.

Но всѣ тѣ многочисленныя наставленія, которыя долженъ былъ дѣлать Кошанскій Пушкину, дѣлались имъ любя[4]) и изъ желанія принести пользу; хотя Пушкинъ и не вспоминалъ впослѣдствіи о своемъ

---

1) Общая Риторика, тамъ же.

2) См. объ этомъ въ письмахъ Илличевскаго къ Фуссу у *Грота*, о. с., стр. 57.

3) Напримѣръ, Пушкинъ писалъ мадригалы и поэмы, Илличевскій — басни.

4) Надо замѣтить, что поведеніе Пушкина на урокахъ Кошанскаго было далеко не безукоризненно, какъ это явствуетъ изъ изданнаго И. А. Шляпкинымъ «Журнала о поведеніи воспитанниковъ Лицея» за ноябрь 1812 г., подписаннаго гувернеромъ И. Пилецкимъ: «30-го числа къ вечеру Г. Кошанскому изъясняхъ какія-то дела С.-Петербургскихъ модныхъ французскихъ лавокъ, кои называются Маршандъ дю Модъ, я не слыхалъ самъ сего разговора а только пришелъ въ то время когда Г. Кошанскій сказалъ ему: я по выше васъ а право не вздумаю такого вздора да и врядле кому оной прійдетъ въ голову. Спрашивалъ я другихъ воспитанниковъ но никто не могъ мнѣ его разговоръ повторить по скромности какъ видно» (*И. А. Шляпкинъ*. Пам. книжка, стр. 60).

учителѣ[1]), то тотъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью своего даровитаго ученика. У насъ имѣется нѣсколько извѣстій (Я. К. Грота, М. А. Бѣлухи-Кохановскаго), что Николай Ѳеодоровичъ часто читалъ произведенія Пушкина въ классѣ. О поэмахъ: Русланъ и Людмила, Бахчисарайскій фонтанъ и Евгеній Онѣгинъ упоминаетъ Кошанскій и въ столь презираемой Пушкинымъ «Риторикѣ», гдѣ приводятся примѣры и изъ другихъ его стихотвореній[2]). Наконецъ, немногимъ, вѣроятно, извѣстенъ тотъ фактъ, что Кошанскій едва-ли не первый и въ той же «Риторикѣ» произвелъ Пушкина въ геніи. Разбирая въ «Общей Риторикѣ» (стр. 93) извѣстную надпись Пушкина къ портрету Жуковскаго («Его стиховъ плѣнительная сладость» и т. д.), Николай Ѳеодоровичъ говоритъ:[3]) «3-й стихъ — живое чувство пылкой юности; 4-й стихъ трогателенъ, какъ поэзія Жуковскаго; а 5-й такъ плѣнителенъ своею плавностію и такъ ярко освѣщенъ прелестью идей и правдой, что нельзя не назвать его «стихомъ генія»[4]).

Чтобы покончить со взаимными отношеніями Кошанскаго и Пушкина я долженъ коснуться труднаго, но весьма любопытнаго и важнаго вопроса, имѣло-ли преподаваніе Николая Ѳеодоровича какое-нибудь вліяніе на поэзію Пушкина. Положительное рѣшеніе этого вопроса, кажется мнѣ, представляется невозможнымъ, такъ какъ намъ неизвѣстно содержаніе лекцій Кошанскаго, которыя были, несомнѣнно, значительно обширнѣе, чѣмъ его учебники риторики, да и самые эти учебники изданы уже много лѣтъ спустя, когда Пушкинъ вышелъ изъ лицея. Но, если вчитаться въ стихотвореніе «Моему Аристарху», то врядъ-ли мы ошибемся, сказавъ, что вліяніе это могло быть ничтожнымъ. Неоднократно цитованные мною изслѣдователи отношеній Пушкина къ античному міру, гг. Любомудровъ и Черняевъ, весьма склонны думать, что любовь къ произведеніямъ древнихъ писателей навѣяна Пушкину именно Кошанскимъ. Трудно согласиться съ этимъ

---

1) *В. Я. Стоюнинъ*, Историческія сочиненія, ч. II. С.-Пб. 1881, стр. 64.

2) Напримѣръ образецъ фигуры *умедленія* (Sustentatio) взятъ изъ «Руслана и Людмилы» (Общая Риторика, стр. 118; ср. Частн. Ритор., стр. 93).

3) Нижеслѣдующія строки находятся во всѣхъ изданіяхъ Общей Риторики, которыя были мнѣ доступны, начиная со 2-го, относящагося къ 1830 г. (перваго изданія, вышедшаго, по Геннади, въ 1829 г., нѣтъ въ Публичной Библіотекѣ).

4) Точно также «нѣкоторыя черты генія» усматривалъ Кошанскій у князя А. М. Горчакова еще въ 1813 году (*И. А. Шляпкинъ*, о. с., стр. 65).

мнѣніемъ, такъ какъ, если нельзя признать вполнѣ справедливымъ рѣзкій отзывъ графа М. А. Корфа, что «Пушкинъ читалъ охотно Апулея» — развѣ только въ переводѣ и то во французскомъ, потому что ни другихъ новѣйшихъ, ни тѣмъ болѣе древнихъ, онъ не зналъ»[1]), то во всякомъ случаѣ легко можно замѣтить, что занятія Пушкина классиками начались гораздо позже выхода его изъ лицея. Косвенно можетъ подтвердить это и свидѣтельство самого Пушкина въ его некрологѣ Дельвига: «Горація изучилъ онъ въ классѣ подъ руководствомъ профессора Кошанскаго»[2]). Обиліе миѳологическихъ именъ и намековъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, которое г. Черняевъ также склоненъ приписать вліянію Кошанскаго, должно являться скорѣе отголоскомъ XVIII вѣка, когда миѳологія считалась необходимой наукой въ обиходѣ образованнаго человѣка. Затѣмъ большинство этихъ миѳологическихъ именъ попадается не въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ, а представляющихъ подражаніе Парни и другимъ поэтамъ[3]).

Отрицаніе этого вліянія Кошанскаго на Пушкина не должно казаться страннымъ и въ томъ случаѣ, если мы припомнимъ, что въ кругъ обязанностей Николая Ѳеодоровича, какъ преподавателя, входило и обученіе лицеистовъ стихотворству. У насъ даже сохранился первый урокъ его въ этомъ родѣ въ разсказѣ друга Пушкина, И. И. Пущина: «Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили»[4]). Какъ видно изъ разсказа Пущина, Пушкинъ уже и

---

1) Записка графа Корфа въ книгѣ *Грота*: Пушкинъ и т. д., стр. 246.

2) Это мнѣніе оспаривалъ товарищъ Пушкина, М. Л. Яковлевъ, который приписывалъ привязанность Дельвига къ классической древности вліянію товарища его, В. К. Кюхельбекера.

3) Это мнѣніе г. Черняева должно быть признано столь же одностороннимъ, какъ и сужденіе Кюхельбекера о V-й главѣ «Онѣгина» въ его дневникѣ (*Русская Старина*, 1875, т. XIII, стр. 505): «Изъ худшихъ строфъ 35-я, свидѣтельствующая, что Александръ Сергѣевичъ родной племянникъ Василія Львовича Пушкина, великаго любителя именъ собственныхъ».

4) Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ изданы въ послѣднее время въ книгѣ *Л. Н. Майкова*: Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. С.-Пб. 1899.

тогда владѣлъ прекрасно стихомъ, что подтверждается многочисленными извѣстіями объ его поэтическихъ опытахъ еще до поступленія въ лицей. Такимъ образомъ, ему нечего было заимствовать у Кошанскаго даже относительно техники стиха. Мало того, онъ здѣсь какъ-бы расходился со своимъ наставникомъ, что могутъ доказать слѣдующія строки изъ посланія «Моему Аристарху»:

Конечно, бѣденъ геній мой:
За риѳмой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *аетъ* и на *ой*.
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто-же безъ грѣха?)
Для мѣры часто восклицанья,
Для смысла — лишнихъ три стиха:
Не хорошо!...

Къ сожалѣнію, подтвердить высказанное предположеніе очень трудно, потому что, какъ уже было замѣчено, записокъ лицейскихъ лекцій Кошанскаго нѣтъ, а съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, теорію поэзіи Николай Ѳеодоровичъ не успѣлъ обработать для печати.

Расходясь со своимъ учителемъ относительно техники стиха, Пушкинъ расходился съ нимъ и относительно общаго направленія поэзіи, именно, выражаясь словами В. Я. Стоюнина[1]) «Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать его схоластическимъ правиламъ, ставя себѣ въ образецъ пластичность стиха Батюшкова и звучность поэтическаго стиха Жуковскаго... Геній поэта самъ искалъ себѣ путь и упорно заявилъ протестъ противъ того, что уже отживало свой вѣкъ». Что Кошанскій придерживался традицій старой литературной школы, свидѣтельствуютъ бывшія подъ руками В. П. Гаевскаго отмѣтки и поправки Николая Ѳеодоровича къ неизданному стихотворенію А. Д. Илличевскаго «Освобожденіе Бѣлграда». «Эти отмѣтки и поправки», говоритъ Гаевскій[2]),

1) Историческія сочиненія, ч. II. С.-Пб. 1881, стр. 64.

2) *В. П. Гаевскій*, о. с., «Современникъ», 1863, т. 97, стр. 133 сл.; ср. *Л. Н. Майковъ*. Сочиненія Пушкина, т. I, примѣч., стр. 185.

«показываютъ, какъ, сообразно съ духомъ времени, поощрялась напыщенность и ходульность и порицалась простота, считавшаяся низкою, и свидѣтельствуютъ между прочимъ, съ какою ревностью на первыхъ порахъ занимался Кошанскій своимъ дѣломъ. Жаль, что вкусъ педагога далеко не равнялся его усердію. Вѣруя въ непогрѣшимость правилъ, предписывавшихъ поэту парить, а прозаику течь, Кошанскій требовалъ того же отъ своихъ учениковъ, и въ одѣ Илличевскаго замѣнилъ выраженія: *двѣнадцать дней*, *колодцы выкопавъ*, *напрасно*, *площади*, *говорить*, по его мнѣнію, болѣе эпическими: *двѣнадцать кратъ*, *изрывши кладези*, *тщетно*, *шумные стогны*, *вѣщать* и т. п. Кошанскому особенно понравилась слѣдующая строфа, возлѣ которой онъ приписалъ: «Вотъ поэзія! Прекрасно!».

Спускалось солнце; день ужь къ вечеру клонился;
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ толпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобный вечера осення шуму волнъ.

О томъ, какъ исправлялъ Кошанскій стихи, можно судить по слѣдующей строфѣ:

Уныло граждане другъ на друга смотрѣли,
Что̀ въ крайности такой имъ было предпринять,
Въ отчаяньи врата отверзть врагу хотѣли
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Противъ послѣдняго стиха Кошанскій отмѣтилъ: «Le plus beau vers», а остальное исправилъ такъ:

Уныло граждане *съ высокихъ стѣнъ взирали*,
Колеблясь мыслями, что̀ *въ бѣдствахъ* предпринять;
Уже врагу отверзть врата они *желали*
И, преклоня главу, о жизни умолять».

Конечно, трудно спорить противъ очевидности, но человѣку, знакомому съ оригинальными и переводными стихотвореніями Кошанскаго, трудно вѣрить въ такое пристрастіе его къ славянскимъ формамъ и оборотамъ, такъ какъ они почти отсутствуютъ въ его соб-

ственныхъ произведеніяхъ. Поэтому Л. Н. Майковъ[1]) безусловно правъ, признавая отзывъ Гаевскаго слишкомъ строгимъ.

На основаніи опыта съ лицеистами перваго выпуска Кошанскій долженъ былъ убѣдиться, что строгость и педантичность были далеко не всегда умѣстны въ его обращеніи съ воспитанниками. Поэтому, во время своей послѣдующей педагогической дѣятельности, онъ прежде всего значительно ослабилъ требованія по латинскому языку. Объ этомъ имѣемъ мы два свидѣтельства: первое въ письмахъ небезъизвѣстнаго педагога И. И. Давыдова къ А. А. Прокоповичу-Антонскому въ 1819 году. Давыдовъ былъ въ это время инспекторомъ Московскаго благороднаго пансіона и, попавъ случайно въ Петербургъ, естественно поинтересовался посѣтить лицей. Вотъ что пишетъ онъ[2]): «Мнѣ позволено было посидѣть въ классѣ. Въ это время въ высшемъ отдѣленіи былъ латинскій классъ профессора Кошанскаго. Вспоминая Лицейскій уставъ, я думалъ услышать тутъ настоящихъ Римлянъ. Но vanitas vanitatum et omnia vanitas. Изъ двадцати пяти воспитанниковъ семеро держали Корнелія Непота съ французскимъ переводомъ; прочіе, казалось мнѣ, съ жалкимъ удивленіемъ смотрѣли на Кошанскаго, которой тщетно доказывалъ имъ пользу латыни». Если отзывъ Давыдова, какъ инспектора заведенія, до извѣстной степени соперничавшаго съ лицеемъ, и можетъ показаться пристрастнымъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ-же письмѣ Иванъ Ивановичъ съ пренебреженіемъ отзывается объ успѣхахъ лицеистовъ и въ русскомъ языкѣ, то другое свидѣтельство принадлежитъ ученику Кошанскаго и этимъ самымъ исключаетъ всякое пристрастіе. Именно, лицеистъ IV выпуска, М. А. Бѣлуха-Кохановскій, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее[3]): «По части латыни мы были крайне слабы; въ большинствѣ случаевъ, урокъ Кошанскаго (два въ недѣлю) заключался въ вызовѣ поочередно всѣхъ 25, и отвѣты: «г. профессоръ, ничего не знаю», и затѣмъ единица! Но Николай Ѳеодоровичъ удивительно хорошо читалъ и, бывъ страстнымъ поклонникомъ Пушкина, съ особымъ мастерствомъ читалъ его произведенія. Вотъ и мы, еще бо́льшіе поклонники Пушкина, узнавъ о какомъ-нибудь новомъ его произведеніи, дружно приготовлялись

1) Сочиненія *Пушкина*, примѣч., стр. 185.
2) *Русскій Архивъ*, 1889, № 12, стр. 546.
3) *Русская Старина*, 1890, т. 65, стр. 841—842.

къ латинскому уроку. Кошанскій приходилъ въ восторгъ; тогда, по окончаніи урока, мы гурьбою обступали его съ назойливою просьбой:— Николай Ѳеодоровичъ, будьте такъ добры, привезите будущій разъ такое-то новое произведеніе Пушкина и прочтите намъ. Такая просьба никогда не встрѣчала отказа, и слѣдующій урокъ россійской словесности проходилъ въ пріятномъ чтеніи Кошанскаго».

Переставъ педантично относиться къ своимъ ученикамъ, Николай Ѳеодоровичъ скоро снова заслужилъ ихъ полную любовь и уваженіе. Такъ, Я. К. Гротъ въ разныхъ мѣстахъ неоднократно цитованной книги о Пушкинѣ очень тепло отзывается о своемъ бывшемъ наставникѣ и старается защитить память его отъ всякихъ взводимыхъ на него обвиненій. Точно также съ восторгомъ упоминаетъ о Кошанскомъ и безымянный авторъ книги «Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея»:[1]) «И Георгіевскій, и Троицкій (учители словесности) и преподаватели въ низшихъ классахъ преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ Кошанскій, бывшій въ свое время въ лицеѣ и пансіонѣ едва-ли не тѣмъ-же, чѣмъ профессоръ Мерзляковъ былъ въ свое-же время въ Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностью и большою опытностію въ преподаваніи онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполнѣ можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способность и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ». Нагляднымъ доказательствомъ того, какъ поощрялъ Кошанскій авторство лицеистовъ[2]), можетъ служить изданная Я. К. Гротомъ[3]) записка его при возвращеніи

1) Стр. 183, ср. *Гротъ*, о. с., стр. 43—44.
2) Ср. объ этомъ въ книгѣ «Благородный Пансіонъ», стр. 131.
3) *Гротъ*, о. с., стр. 270.

лицеистамъ VI выпуска ихъ рукописнаго журнала *Лицейскій Цвѣтникъ*: «Хвала и честь пѣвцамъ лицея. Мечты юности возвращаютъ младость и старцу. Я чувствовалъ это, читая Лицейскій Цвѣтникъ, вспоминалъ былое, сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ,—и мнѣ казалось, что слышу первыя пѣсни лицея, звуки родины, голосъ праотцевъ, воскресшій въ любезныхъ потомкахъ, и самъ становился моложе годами 18-ю. Друзья-поэты! Лицей есть храмъ Весты, въ которомъ не гаснетъ огонь поэзіи святой; онъ горитъ невидимо, и его питаетъ добрый геній (Genius loci). Кто молодъ и чувствителенъ, тому непростительно не быть поэтомъ». Строки эти наглядно показываютъ, какъ дороги были Кошанскому всѣ его ученики даже и изъ перваго выпуска, питомцы котораго такъ неблагопріятно отзывались о своемъ наставникѣ. Впрочемъ, можетъ быть, къ оцѣнкѣ трудовъ ихъ, какъ своихъ первенцовъ, Николай Ѳеодоровичъ относился строже, чѣмъ впослѣдствіи, когда опытъ заставилъ его написать слѣдующее мудрое правило Общей Риторики: «Попытки учащихся не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде*, что хорошо и почему, а *послѣ* показываетъ, что́ должно быть иначе и *какимъ образомъ*». Опытъ-же заставилъ усвоить Кошанскаго, что въ лицеѣ слѣдуетъ преподавать только практически для возбужденія вниманія и самодѣятельности учащихся[1]).

Профессоромъ лицея Николай Ѳеодоровичъ оставался до 15-го марта 1828 года, когда онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей въ размѣрѣ годового оклада жалованья (4000 руб. ассигн.). Еще задолго до этого времени, параллельно со службой въ лицеѣ и пансіонѣ, Кошанскій поступилъ въ Императорское Человѣколюбивое Общество и 23-го декабря 1824 года назначенъ былъ директоромъ Института слѣпыхъ[2]). Въ этомъ званіи Николай Ѳеодоровичъ оставался до самой смерти (съ 21-го на 22-е декабря 1831 года), получая 2000 рублей жалованья и пользуясь казенной квартирой въ домѣ Общества на Литейной. Съ января 1826 года Н. Ѳ. Кошанскій провелъ въ помощ-

1) Ср. *Гротъ*, о. с., стр. 42.

2) Краткій, но весьма содержательный историческій очеркъ этого учрежденія см. въ книгѣ *В. Д. Троицкаго*: Историческій очеркъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и подвѣдомственныхъ ему благотворительныхъ учрежденій. С.-Пб. 1898, стр. 86—91.

ники себѣ своего брата, В. Ѳ. Кошанскаго[1]). Дѣятельность Николая Ѳеодоровича въ званіи директора Института слѣпыхъ была, повидимому, далеко не такъ интенсивна, какъ предшествующая педагогическая служба его. Какъ наиболѣе крупное событіе, можно отмѣтить только, что 8-го марта 1827 года Кошанскій представилъ на разсмотрѣніе Совѣта Человѣколюбиваго Общества проектъ новаго устава для Института слѣпыхъ, выработанный имъ на основаніи двухлѣтней практики вмѣстѣ съ братомъ, «о коемъ», пишетъ Николай Ѳеодоровичъ въ объяснительной запискѣ, «хотя-бы и долженъ умолчать, яко о братѣ, но яко о чиновникѣ, отлично исполняющемъ свою должность, не могу не засвидѣтельствовать предъ Совѣтомъ»[2]). Самаго проекта устава не сохранилось въ дѣлахъ Общества, но, какъ видно, онъ не имѣлъ никакого успѣха, потому что митрополитъ Филаретъ далъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Въ томъ Уставѣ много излишнихъ подробностей, а мало существенно нужнаго для Устава, который долженъ служить руководствомъ во всѣхъ случаяхъ, до распорядительной части относящихся, а потому долженъ быть изложенъ кратче и яснѣе». Другіе члены Совѣта вернули проектъ безъ всякаго отзыва, а потому черезъ 14 мѣсяцевъ онъ былъ возвращенъ Николаю Ѳеодоровичу отъ помощника главнаго попечителя, князя П. С. Мещерскаго, съ объясненіемъ, что за этотъ срокъ Кошанскимъ могли быть сдѣланы новыя наблюденія, которыя, вѣроятно, приведутъ его къ дальнѣйшему усовершенствованію проекта. Слѣдуетъ замѣтить также, что, благодаря заботамъ Николая Ѳеодоровича, въ 1826 году введенъ былъ новый, болѣе удобный шрифтъ для печатанія книгъ для слѣпыхъ.

Многолѣтняя педагогическая дѣятельность Кошанскаго доставила ему въ 1823 году мѣсто члена Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ Пажескомъ и Кадетскомъ корпусахъ. Пробывъ въ этомъ званіи до 11-го іюня 1826 г., когда означенный Комитетъ закрылся, Николай Ѳеодоровичъ перешелъ (16-го іюня 1827 г.)

---

1) Краткая біографія В. Ѳ. Кошанскаго приведена въ книгѣ: Семидесятипятилѣтіе гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. 1820—1895 г. (С.-Пб. 1898). Прилож., стр. 15 сл.

2) Эти и дальнѣйшія свѣдѣнія о дѣятельности Николая Ѳеодоровича въ Институтѣ Слѣпыхъ взяты изъ хранящагося въ архивѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества «Дѣла объ Институтѣ Слѣпыхъ», № 93.

въ члены Комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія[1]). Занимая эту должность, Кошанскій работалъ со своими сочленами П. И. Соколовымъ и А. Х. Востоковымъ, который назначенъ былъ членомъ Комитета одновременно съ Николаемъ Ѳеодоровичемъ, сперва надъ выборомъ, а потомъ и надъ составленіемъ букваря[2]). Служба въ этомъ Комитетѣ привела также Кошанскаго къ составленію учебниковъ, доставившихъ ему наибольшую извѣстность, именно: Общей и Частной Риторики. Когда въ Комитетѣ министерства возникъ вопросъ о надлежащей постановкѣ преподаванія словесности, то прежде всего рѣшено было выработать программу этого предмета, составленіе которой было поручено академику П. И. Кеппену и членамъ Комитета Я. В. Толмачеву и Кошанскому. Программа послѣдняго заслужила наибольшее одобреніе[3]). Составленіе учебника, примѣнительно къ этой программѣ, поручено было сперва уже немолодому тогда А. Ѳ. Мерзлякову, который почти черезъ два года представилъ свой трудъ въ Комитетъ. Членъ этого послѣдняго, А. А. Перовскій, далъ весьма неодобрительный отзывъ о работѣ Мерзлякова, указавъ, что она представляетъ собою почти буквальный, но далеко не удачный переводъ извѣстной тогда книги Гейнзія: Der Redner und Dichter съ коекакими дополненіями (напримѣръ, спискомъ авторовъ древнихъ и новѣйшихъ по Эшенбургу и самостоятельнымъ, но далеко не полнымъ, перечнемъ русскихъ писателей). Видя неудачу Мерзлякова, Кошанскій представилъ свою отпечатанную уже тогда «Общую Риторику». Его руководство разбиралъ тотъ-же Перовскій, указавшій въ своемъ отзывѣ, что книга, «основана будучи на нынѣшнемъ состояніи нашей Словесности, можетъ быть съ пользою употреблена въ нашихъ гимназіяхъ»[4]). Успѣхъ «Общей Риторики» побудилъ Николая Ѳеодоровича заняться и составленіемъ «Частной», вышедшей впервые въ свѣтъ послѣ его смерти, такъ какъ Кошанскій не успѣлъ дописать піитики, или теоріи поэзіи; а что у него было такое намѣреніе[5]), показываетъ

1) *А. С. Вороновъ*, Обозрѣніе и т. д. съ 1829 по 1853 г. С.-Пб. 1854, стр. 324.

2) Тамъ же, стр. 326, прим. 2-е.

3) Тамъ же, стр. 327, прим. 4-е.

4) *Н. П. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина. Кн. III. С.-Пб. 1890, стр. 166—167.

5) Правда, когда Кошанскій представлялъ въ Комитетъ «Общую Риторику», то «изъяснялъ притомъ, что и Піитика таковая же въ рукописи у него уже изготовлена» (архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, картонъ № 1593, дѣло № 50023).

слѣдующее замѣчаніе въ «Частной Риторикѣ» на стр. 64 (по 7-му изд. 1849 г.): «Есть Поэтическіе Романы (напримѣръ *Онѣгинъ А. Пушкина*). Но объ нихъ будемъ говорить въ Поэзіи». Несмотря на эту неоконченность, книга Кошанскаго не только заслужила одобреніе Комитета (въ 1832 г.), согласно отзыву профессоровъ Плетнева, Бутырскаго и нѣкоторыхъ преподавателей столичныхъ учебныхъ заведеній, но и выдержала нѣсколько изданій подобно «Общей Риторикѣ», причемъ, конечно, и та и другая выпускались въ свѣтъ безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ большинство изданій вышло уже по смерти автора[1]).

Если я замѣтилъ выше, что «Риторики» Кошанскаго доставили наибольшую извѣстность ихъ автору, то, какъ это ни странно въ сравненіи съ ихъ успѣхомъ, извѣстность эта была довольно печальная, потому что чуть не съ 30-хъ годовъ, то-есть съ самаго времени ихъ появленія, онѣ подвергались постоянному осмѣянію, главнымъ образомъ, какъ кажется, по той причинѣ, что самое слово «риторика» представлялось тогда уже отжившимъ свой вѣкъ. «Между тѣмъ», по справедливому замѣчанію Я. К. Грота[2]), «объ этомъ учебникѣ говорили бо́льшею частію только по наслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи». Весьма многія части обѣихъ риторикъ и теперь проходятся въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ при курсѣ такъ называемой «теоріи словесности», но отличаются отъ нея обширными историко-литературными свѣдѣніями; особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи «Частная риторика». Въ сказанномъ легко можно убѣдиться изъ краткаго разбора содержанія обоихъ руководствъ. Прежде всего замѣчу, что въ основу риторикъ Кошанскимъ, очевидно, положенъ былъ его лицейскій курсъ. Такъ, примѣръ «винословнаго» періода заимствованъ изъ «Постановленія о Лицеѣ»[3]). Затѣмъ неоднократно Николай Ѳеодоровичъ приводитъ анекдоты[4]) и другія событія

---

1) Общая Риторика — 1-е изд. въ 1829 г. (по Геннади; въ Публичной Библіотекѣ нѣтъ), 2-е въ 1830 г., 3-е въ 1834 г., 4-е въ 1836 г., 5-е въ 1838 г., 6-е въ 1839 г., 7-е въ 1840 г., 8-е въ 1842 г., 9-е въ 1844 г., 10-е въ 1849 г. Частная Риторика — 1-е изд. въ 1832 г., 2-е въ 1835 г., 3-е въ 1836 г., 4-е въ 1837 г., 5-е въ 1840 г., 6-е въ 1845 г., 7-е въ 1849 г.

2) *Гротъ*, о. с., стр. 41—42.

3) Общая Риторика, изд. 10-е, стр. 23.

4) Напримѣръ, извѣстный анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I и лебедяхъ (Частная Риторика, изд. 7-е, стр. 59—60), перепечатанный у *Я. К. Грота*, о. с., стр. 44.

изъ царскосельской жизни[1]). Но, наряду съ этимъ, надо признать, что, приготовляя свои риторики для печати, Кошанскій значительно освѣжилъ ихъ, доведя библіографическія указанія до самаго послѣдняго времени. Можно думать, что онъ работалъ надъ Частной риторикой до самой смерти, такъ какъ, говоря о развитіи русской журналистики, онъ замѣчаетъ (стр. 139): «Въ 1831 году прекратился Московскій Вѣстникъ г. Погодина, достойный вниманія». Затѣмъ въ похвалу Кошанскому также надо поставить, что онъ не ограничилъ своихъ историко-литературныхъ добавленій какимъ-нибудь опредѣленнымъ срокомъ времени, но цитовалъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, всю современную ему литературу, съ которой онъ былъ прекрасно знакомъ.

Общая Риторика, по опредѣленію Кошанскаго, «содержитъ начальныя, главныя, общія правила всѣхъ прозаическихъ сочиненій». Она раздѣляется на три части и 6 отдѣленій (по 2 въ каждой части). Первая часть учитъ объ изобрѣтеніи (de inventione). Цѣль ея дать учащемуся «способъ думать и, думая, соединять одну мысль съ другою». Сообразно съ этимъ въ первомъ отдѣленіи эта часть указываетъ на источники изобрѣтенія, а во второмъ на способы перваго соединенія мыслей. Здѣсь-то и содержится столь памятное для лицеистовъ перваго выпуска правило: «періоды — начало прозы». Вторая часть говоритъ о расположеніи (de dispositione). Цѣль ея «образовать разсудокъ и нравственное чувство». Такимъ образомъ она должна пріучить къ «здравому, основательному и правильному ходу мыслей» въ описаніяхъ (1-ое отдѣленіе) и разсужденіяхъ (2-ое отдѣленіе). Третья часть посвящена «выраженію мыслей» (de elocutione). Ея цѣль «научить любить и выражать изящное». Поэтому въ первомъ отдѣленіи ея разсматривается слогъ и его достоинства, а во второмъ всѣ виды троповъ и фигуръ. Подчиняясь, такимъ образомъ, въ расположеніи матеріала строго схоластическому направленію, Кошанскій, видимо, старался придать своему учебнику практическій характеръ, такъ на стр. 72—73 онъ даетъ образцы писемъ, изъ которыхъ особенно любопытенъ одинъ: «къ государственной особѣ объ опредѣленіи на должность молодаго человѣка, окончившаго курсъ ученія». Замѣчу

1) Ср. напримѣръ объясненіе къ письму Карамзина къ Дмитріеву (Частная Риторика, стр. 22).

также, что пресловутыя «хріи», существовавшія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вплоть до 50-хъ годовъ нашего столѣтія, замѣнены у Кошанскаго русскимъ терминомъ «разсужденіе».

«Частная Риторика» по своему содержанію распадается на 6 большихъ отдѣловъ: I. Словесность, которая открывается съ краткаго обзора исторіи литературы у древнихъ и новыхъ народовъ и въ Россіи. II. Письма. Отдѣлъ этотъ понимается авторомъ очень обширно, такъ какъ здѣсь говорится не только о письмахъ и прошеніяхъ къ державнымъ особамъ и лицамъ высокопоставленнымъ, но также и о дѣловыхъ бумагахъ, которыя Кошанскій почему-то переводитъ на латинскій языкъ черезъ «questiones (sic) perpetuae». Примѣняясь къ потребностямъ своего времени, когда канцелярскій духъ достигъ апогея, Николай Ѳеодоровичъ находитъ нужнымъ сообщить своимъ питомцамъ и о такихъ прозаическихъ предметахъ, какъ регистратура, журналы входящихъ и исходящихъ бумагъ и т. д. Въ этомъ также нельзя не замѣтить вліяніе лицейскаго курса, потому что директоръ этого учебнаго заведенія, Е. А. Энгельгардтъ, пытался учредить въ 1821 г. изъ среды своихъ питомцевъ литературное общество, одной изъ задачъ котораго было «пріучить молодыхъ людей нѣсколько къ общему порядку дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ»[1]). III. Разговоры. Послѣ обозрѣнія разговоровъ философскихъ и драматическихъ авторъ съ особенной любовью останавливается на той отрасли этого рода литературы, которая въ наше время кажется наиболѣе странной—я разумѣю «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ», являвшіеся, вѣроятно, нѣкоторымъ анахронизмомъ даже и для эпохи Кошанскаго. Кажется, что главной побудительной причиной для Николая Ѳеодоровича подробнѣе распространиться объ этой отрасли литературы служило чувство благоговѣнія предъ памятью своего покровителя, М. Н. Муравьева, который явился наиболѣе виднымъ авторомъ «Разговоровъ» въ Россіи. IV. Повѣтствованія, куда причислены не только исторія съ ея подраздѣленіями, «характеры» (характеристики), некрологи, но и повѣсти, романы и анекдоты. Впрочемъ, изъ романовъ отнесены сюда только «принадлежащіе Прозѣ и по вымыслу и по

---

1) *Я. К. Гротъ.* Литературное Общество въ Лицеѣ при Энгельгардтѣ—въ книгѣ «Пушкинъ», стр. 96.

слогу и по средствамъ». V. Ораторство, гдѣ не только перечисляются виды краснорѣчія, но говорится и объ ораторскомъ изобрѣтеніи, расположеніи, выраженіи и декламаціи. Попутно здѣсь же Кошанскій касается стенографіи и графодроміи, указывая на «прекрасную Графодромію» на русскомъ языкѣ, составленную его бывшимъ ученикомъ, М. А. Корфомъ, такъ неблагопріятно отзывавшемся о своемъ наставникѣ[1]). VI. Ученость. Ученыя сочиненія раздѣляются авторомъ на систематическія, къ которымъ относятся книги, охватывающія какую-нибудь науку въ полномъ ея объемѣ, на учебныя и на отдѣльныя, къ которымъ принадлежатъ диссертаціи, всѣ повременныя изданія и критика. Въ концѣ каждаго отдѣла дается краткій перечень писателей, прославившихся въ томъ отдѣлѣ словесности, о которомъ тамъ говорится. При составленіи риторикъ Кошанскій держался того-же основного правила, которое видѣли мы и въ его комментаріяхъ, то-есть краткости. Конечно, отъ стремленія къ этой краткости при столь обширномъ матеріалѣ получались иногда неясности и неправильности, напримѣръ въ «Частной Риторикѣ» (стр. 9): «Въ 1627 г. изданъ Славянскій Словарь Памвою Беріндою, и прежде его краткій Словарь Зизаніевъ. Къ сему времени (?) относятъ древнія народныя пѣсни»; или тамъ-же, на стр. 71: «Юлій Цезарь, знаменитый вождь и первый императоръ Римскій, жилъ за 30(?) лѣтъ до Рождества Христова». Къ несомнѣннымъ достоинствамъ обѣихъ книгъ надо отнести весьма удачный подборъ примѣровъ, огромное большинство которыхъ заимствовано изъ Карамзина, затѣмъ изъ Державина, Крылова, Дмитріева, Батюшкова, Пушкина и Жуковскаго, называемаго «однимъ изъ первыхъ писателей нашего времени»[2]).

Несмотря на свою неоконченность, риторики Кошанскаго держались до 1851 года, когда замѣнены были «Теоріей русской словесности», составленной профессоромъ К. П. Зеленецкимъ и передѣлан-

---

1) Графодромія или искусство скорописи, сочиненіе г. Астье, передѣланное и примѣненное къ русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ. С.-Пб. 1820 (XX + 55 стр.). Содержаніе этой любопытной книжки подробно указано въ статьѣ *А. Ѳ. Бычкова*: «Графъ М. А. Корфъ» (*Древняя и Новая Россія*, 1876, № 4, стр. 331).

2) До какой степени удаченъ этотъ подборъ примѣровъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что и понынѣ еще наши учебники теоріи словесности повторяютъ нѣкоторые изъ нихъ; напримѣръ, въ «Учебникѣ Теоріи Словесности» *М. Г. Павловича* (С.-Пб. 1899) изъ риторикъ Кошанскаго взято 9 примѣровъ на фигуры рѣчи.

ной предсѣдателемъ Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ и пособій 1850 года, И. И. Давыдовымъ[1]). Особенно частые удары наносились руководствамъ Кошанскаго въ сороковыхъ годахъ. Такъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1845 года появилась, по поводу шестого изданія «Частной Риторики», рѣзкая замѣтка Бѣлинскаго[2]). Критикъ съ особой настойчивостью указывалъ на тотъ анахронизмъ, который представляетъ собою содержаніе книги, и въ своемъ стремленіи уронить достоинство учебника переходилъ, кажется, мѣру, потому что трудно согласиться съ слѣдующимъ концомъ отзыва: «смѣхъ и потѣха тѣмъ, которые читаютъ ее (риторику) для развлеченія, по охотѣ прочесть иногда что-нибудь курьёзное, добродушно-нелѣпое, искренно-пошлое!». Во всякомъ случаѣ, когда общее недовольство риториками дошло до Министерства, то оно не рѣшилось сряду бросить этотъ учебникъ и поручило представить о немъ отзывъ академику П. А. Плетневу. Любопытное свидѣтельство объ этомъ, исходящее отъ самого Плетнева, читаемъ мы въ недавно изданной перепискѣ его съ Я. К. Гротомъ[3]): «Теперь», пишетъ Плетневъ 28-го февраля 1848 года, «по требованію министра пишу мнѣніе о томъ, достойна-ли Кошанскаго «Риторика» оставаться еще учебною книгою въ гимназіяхъ. Улыбнись: я расхваливаю ее, находя, что ежели ужъ нужно учиться риторикѣ, то, конечно, лучше по дѣльной, умной, хотя и очень педантской книгѣ Кошанскаго, нежели по глупой, безтолковой и обличающей прямое невѣжество, какъ у всѣхъ другихъ». Нечего и говорить, что Я. К. Гротъ съ жаромъ поддерживалъ своего друга и въ своемъ отвѣтѣ (отъ 1-го марта 1848 года) посвятилъ Кошанскому нѣсколько прочувствованныхъ строкъ, говоря между прочимъ: «Впечатлѣніе, которое онъ оставилъ во мнѣ, было одно изъ самыхъ живыхъ, и до сихъ поръ я часто его вспоминаю». Дальше Гротъ сообщаетъ, что у Николая Ѳеодоровича были всѣ «качества прекраснаго преподавателя. Всѣ воспитанники любили его чрезвычайно, а это даромъ не дается». Плетневу, какъ видно изъ одного изъ слѣдующихъ писемъ

1) *Вороновъ*, Обозрѣніе и т. д., стр. 341.

2) Сочиненія *Бѣлинскаго*, изд. 4-е. М. 1885, т. X, стр. 188—189. Легкую насмѣшку надъ учебникомъ Кошанскаго читаемъ также въ Дневникѣ академика *А. В. Никитенки*, т. I. С.-Пб. 1893, стр. 447.

3) Переписка *Я. К. Грота* съ *П. А. Плетневымъ*, т. III (С.-Пб. 1896), стр. 195.

его къ Гроту (отъ 6-го марта 1848 года)[1]), пришлось перенести ожесточенную борьбу за защищаемую имъ книгу, особенно со стороны своего товарища по академіи, Я. И. Бередникова[2]). Приводя его нападки, Плетневъ даетъ слѣдующій отзывъ о руководствѣ Кошанскаго, — отзывъ, вѣрность котораго признаютъ всѣ, внимательно прочитавшіе его учебники: «Дѣло въ томъ, что всѣ теперь изъ имени «риторика» сдѣлали какое-то ругательство. Я слишкомъ увѣренъ въ томъ, что по риторикѣ не выучишься быть писателемъ. Не знать однакоже элементовъ рѣчи, не знать самой терминологіи такой науки, которая у всѣхъ на языкѣ, и быть невѣждою въ отношеніи къ древнимъ и новымъ писателямъ, обработывавшимъ разные роды сочиненій— все это по моему убѣжденію не достоинство. Кошанскій именно тѣмъ и хорошъ, что, не теряясь въ произвольныхъ разглагольствіяхъ, снабжаетъ ученика простыми, но истинными правилами и реестромъ писателей, всѣми признанныхъ за классическихъ». Но, какъ мы видѣли выше, горячая и справедливая защита Плетнева могла поддержать книги всего на два года, когда вытѣснили и самый терминъ «риторика».

Кромѣ риторикъ и букваря, Кошанскій, по должности члена Комитета учебныхъ пособій, занимался составленіемъ и другихъ учебниковъ. Такъ въ Журналѣ 94 собранія Комитета устройства учебныхъ заведеній (отъ 29-го іюля 1829 года) имѣется слѣдующее извѣстіе: «Слушано представленное профессоромъ Кошанскимъ и одобренное Комитетомъ учебныхъ пособій Наставленіе Учителямъ, заключающее въ себѣ общія правила для руководства ихъ, во первыхъ, въ отношеніи къ самимъ себѣ, во вторыхъ, въ отношеніи къ учащимся, и въ третьихъ, въ отношеніи къ искусству преподаванія. За симъ прочитано, составленное по распоряженію Г. Предсѣдателя Комитета устройства учебныхъ заведеній, введеніе къ сему наставленію, въ которомъ изъясняются обязанности Учителей отъ побужденій Вѣры. Комитетъ, одобряя вообще то и другое, нашелъ нужнымъ учинить въ первомъ нѣкоторыя измѣненія, и связавъ съ введеніемъ, утвердить въ томъ видѣ, въ какомъ оное при семъ прилагается, подъ названіемъ *Руководства для Учителей*». Комитетъ опредѣлилъ «предоставить

1) Переписка *Грота* съ *Плетневымъ*, стр. 197—198.

2) Былъ главнымъ редакторомъ Археографической комиссіи, умеръ въ 1854 году.

Министерству Народнаго Просвѣщенія напечатать нужное число экземпляровъ сего руководства и разослать для употребленія по Училищамъ и Гимназіямъ[1])». О дальнѣйшей судьбѣ этого руководства мнѣ неизвѣстно[2]). Затѣмъ, въ Журналѣ 108 собранія того же Комитета (отъ 12-го августа 1830 года) сказано, между прочимъ, что, по порученію Комитета учебныхъ пособій, Кошанскій составилъ списокъ статей для *Книги Чтенія въ Уѣздныхъ училищахъ*, «обѣщая, въ случаѣ одобренія оныхъ, нѣкоторые отрывки поновить въ слогѣ, а другіе перевесть, и всю книгу окончить въ теченіе одного мѣсяца». Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, разсмотрѣвъ списокъ статей Книги Чтенія, нашелъ нужнымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія и предназначить это руководство для уѣздныхъ училищъ[3]). Какъ видно изъ дальнѣйшаго дѣлопроизводства, смерть помѣшала Кошанскому осуществить эти желанія Комитета.

Очеркъ мой былъ-бы не полонъ, если-бы я не прибавилъ нѣсколькихъ словъ о личныхъ качествахъ и свойствахъ Кошанскаго. Портрета его, повидимому, не сохранилось. По крайней мѣрѣ, устроитель Пушкинской выставки 1899 года, Б. Л. Модзалевскій, старательно собиравшій портреты всѣхъ современниковъ Пушкинской эпохи, привелъ, касательно личности Кошанскаго, всего одно каррикатурное изображеніе его[4]). Судя по словамъ Селезнева[5]), Николай Ѳеодоровичъ обладалъ «высокимъ, стройнымъ ростомъ и красивыми, пріятными очертаніями». Затѣмъ, по всему видно, что Кошанскій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ отличался нѣкоторою торжественностью и величавостью, присущею столь многимъ изъ тогдашнихъ московскихъ профессоровъ. Всю жизнь свою Николай Ѳеодоровичъ провелъ холостымъ[6]), что далеко не мѣшало ему не быть нечувствительнымъ къ пре-

1) Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, картонъ 2848, дѣло № 87815.

2) Вѣроятно, «Руководство» издано не было. По крайней мѣрѣ, его не имѣется въ сообщенномъ мнѣ П. И. Прозоровымъ «Каталогѣ книгамъ и учебнымъ пособіямъ, имѣющимся въ книжномъ магазинѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія».

3) Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, картонъ № 1593, дѣло № 50024.

4) Оно воспроизведено въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ. Составленъ подъ редакціей *Л. Н. Майкова* и *Б. Л. Модзалевскаго*. М. 1899 г., листъ 19-й.

5) Памятная книжка, стр. 145.

6) Б. Л. Модзалевскій сообщилъ мнѣ, что въ формулярномъ спискѣ за 1817 г. Кошанскій былъ показанъ женатымъ. О томъ, что Николай Ѳеодоровичъ былъ холостъ, свидѣтельствуютъ какъ другіе формулярные списки, такъ и г. Селезневъ.

красному полу, о чемъ, какъ сказано выше, можно уже догадываться изъ разныхъ мѣстъ «Цвѣтовъ Греческой поэзіи». Въ особенности-же подтверждаетъ это слѣдующій отзывъ графа Корфа[1]): «Кошанскій былъ родъ жеманнаго и чопорнаго франта, ревностно ухаживавшаго за прекраснымъ поломъ, любившій говорить по-французски, впрочемъ довольно смѣшно, и обращавшійся къ намъ всегда съ словомъ: Messieurs, которое онъ выговаривалъ: месьёсъ».

Литературная дѣятельность[2]) Кошанскаго была, во всякомъ случаѣ, не только почтенна, но и весьма полезна, а усиленные педагогическіе труды Николая Ѳеодоровича даютъ полную возможность съ благодарностью вспомнить его имя въ исторіи русскаго просвѣщенія.

---

1) Въ книгѣ *Грота* «Пушкинъ» и т. д., стр. 226.

2) Пользуюсь случаемъ замѣтить, что мнѣ не удалось найти читаннаго въ Обществѣ Испытателей Природы и изданнаго въ Москвѣ въ 1810 году стихотворенія Кошанскаго «Природа», которое указываетъ онъ въ формулярѣ въ отдѣлѣ сочиненій для публики. Въ формулярѣ же Николай Ѳеодоровичъ свидѣтельствуетъ, что онъ сотрудничалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Journal de la Société des Naturalistes à Moscou*. Мнѣ не удалось отыскать, какія статьи принадлежатъ Кошанскому въ первомъ изданіи; что же касается второго, то его не имѣется въ Публичной Библіотекѣ.

А. Малеинъ.

Вицегубернаторство баснописца Измайлова въ Твери и Архангельскѣ[1]).

(Съ 1827 по 1829 г.).

Этюдъ по неизданнымъ матеріаламъ.

Семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ, въ Петербургѣ, на набережной еще существовавшаго тогда Лиговскаго канала, въ домѣ Моденовыхъ, подъ № 283, въ квартирѣ баснописца А. Е. Измайлова происходило необыкновенное оживленіе. Александръ Ефимовичъ получилъ по службѣ новое назначеніе — вице-

---

1) Мысль написать предлагаемый этюдъ была подана намъ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ. Покойный, просмотрѣвъ однажды письма А. Е. Измайлова (въ рукописи), которыми мы пользовались при составленіи біографіи только что названнаго писателя, выразилъ желаніе видѣть ихъ напечатанными или въ извлеченіяхъ, или въ формѣ связнаго этюда; мы выбрали послѣднее. Къ глубокому сожалѣнью, обстоятельства не позволили намъ исполнить желанія Леонида Николаевича при жизни его, и судьбамъ было угодно, чтобы статья, которую мы надѣялись дать на просмотръ дорогому руководителю, увидѣла свѣтъ лишь на страницахъ сборника, посвященнаго его памяти....

Для нашей работы, кромѣ свѣдѣній, сдѣлавшихся достояніемъ печати, послужили главнымъ образомъ матеріалы неизданные, какъ-то: нѣсколько сотъ упомянутыхъ выше писемъ Измайлова къ женѣ и къ двоюродному брату М. А. Каменеву-Любавскому, стихотворенія, замѣтки и нѣкоторые архивные документы. За сообщеніе рукописей приносимъ нашу искреннюю признательность внучкамъ покойнаго баснописца — Н. П. Эйхе-Янсенъ, Л. А. Максимовой, а также А. И. Владимировой и И. А. Бычкову. Въ заключеніе, смѣемъ думать, что читатель, знакомый съ біографіей А. Е. Измайлова, напечатанной нами въ *Русской Старинѣ* за 1900 годъ, №№ 6 и 7, не осудитъ насъ за повторенія, если, пробѣгая предлагаемый этюдъ, встрѣтитъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ и біографическія подробности, приведенныя нами

губернаторомъ въ Тверь и, собираясь оставить столицу, пригласилъ къ себѣ на прощальную вечеринку своихъ немалочисленныхъ друзей-пріятелей и близкихъ знакомыхъ. Обширныя комнаты его квартиры мало-по-малу наполнялись гостями. Тутъ были и уже извѣстные, и только что начинавшіе литераторы, и ученые, и чиновники-сослуживцы Измайлова по департаменту государственнаго казначейства[1]) и другія болѣе или менѣе близкія хозяину лица. Всѣмъ было весело у Измайловыхъ: остроумный, добродушный и веселый хозяинъ, его красавица-жена и взрослыя дѣти[2]) умѣли занять гостей.... Вечеръ близился къ концу и гостямъ былъ предложенъ ужинъ. За столомъ шла шумная бесѣда, провозглашались тосты, говорились спичи, вылетали экспромты и т. п., да и самъ Александръ Ефимовичъ, не упускавшій случая въ веселой компаніи продекламировать нѣсколько строкъ «языкомъ боговъ», предложилъ вниманію друзей слѣдующую сочиненную имъ, по случаю отъѣзда, «застольную пѣсню»:

Собираюся теперь
Въ городъ древній, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И какъ вихорь полечу.
А журналъ, стихи... хоть кинь![3])
Ѣду, ѣду — динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

ранѣе въ только что указанной работѣ. Повторенія эти неизбѣжны, какъ по тому, что при составленіи обѣихъ работъ мы пользовались одними и тѣми же матеріалами, а главное по тому, что предлагаемый этюдъ есть все же разсказъ объ одномъ изъ моментовъ жизни Измайлова, нами раньше описанной. Здѣсь вицегубернаторство нашего баснописца изложено съ бо́льшими подробностями, которыя не могли имѣть мѣста въ біографіи Измайлова, или же не могли быть включены въ рамки журнальной статьи. Въ защиту же самостоятельнаго значенія предлагаемаго этюда можемъ сказать то, что главнымъ его содержаніемъ служатъ не столько біографическія подробности изъ жизни Измайлова, сколько разсказъ о бытѣ, нравахъ и особенностяхъ тѣхъ провинціальныхъ городовъ и обществъ, въ которыхъ пришлось провести два съ половиной года нашему писателю въ качествѣ вицегубернатора. *Ив. К.*

1) Измайловъ въ то время былъ начальникомъ отдѣленія департамента государственнаго казначейства.

2) У Измайлова было три сына и три дочери.

3) Измайловъ въ этотъ годъ дѣйствительно «кинулъ» заботы о своемъ журналѣ *Благонамѣренный* и послѣднихъ книжекъ не доиздалъ.

И гости подъ тактъ сочинителю-хозяину позванивали ножами по бокаламъ:

Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

а Измайловъ продолжалъ:

Полно думать о стихахъ
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и музъ и дамъ,
Помнить только Вакховъ храмъ[1])...
Корректурѣ ужъ аминь:
Не до ней! Динь, динь, динь, динь,
Динь, динь и т. д.

А когда пріѣду въ Тверь,
То какъ страшный лютый звѣрь,
Встрѣчу винныхъ продавцовъ;
Не потрачу съ ними словъ:
Чуть не такъ что, тотчасъ вынь
И положь — динь, динь, динь, динь.

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять, какъ Барбосъ,
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь.
Слышишь? Чу, звенитъ динь, динь,
Динь, динь и т. д.

О любезные друзья!
Разстаюся съ вами я....
Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
Ради всѣхъ боговъ, богинь,
Пріѣзжайте!... динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь....

---

1) Въ число обязанностей вице-губернатора того времени входило и наблюденіе за питейнымъ дѣломъ.

Наконецъ, встали изъ-за стола, кончилась вечеринка, и гости начали расходиться по домамъ, при прощаньи осыпая любезнаго хозяина самыми лучшими благопожеланіями на новомъ предстоящемъ ему поприщѣ. Но грустно было Измайлову разставаться съ Петербургомъ, гдѣ онъ почти безвыѣздно прожилъ безъ малаго полвѣка, гдѣ, можно сказать, сложилась жизнь его и слава: оставляя столицу, онъ покидалъ своихъ друзей, обширное пріятное знакомство и — казалось ему — долженъ былъ разстаться съ своей дѣятельностью какъ литератора, съ своей любимой дѣятельностью, отъ которой за послѣдніе годы нашего писателя и безъ того отрывали постоянно служебныя и многія другія обязанности. Что же заставило Измайлова — говоря его языкомъ — промѣнять «служеніе музамъ на дѣла Вакха»? Въ своей статьѣ объ Измайловѣ мы высказали какъ предположеніе, что причинами, побудившими нашего баснописца занять — по его собственному выраженію — мѣсто «перваго цѣловальника Тверской губерніи», были разсчеты чисто матеріальные; предположеніе это, благодаря недавно найденному нами письму Измайлова къ его родственнику — А. М. Каменеву-Любавскому — подтверждается. «Надѣюсь на Бога» — писалъ Александръ Ефимовичъ черезъ три мѣсяца по вступленіи на новую должность — «Онъ даетъ мнѣ силы снести бремя, *которое возложилъ я на себя для пользы моего семейства*». Дѣйствительно, жить въ Петербургѣ, имѣя на рукахъ большую семью, хлѣбосольному и доброму Измайлову было не подъ-силу на тѣ средства, которыя ему доставляли служба въ департаментѣ и дѣятельность литературная; онъ мечталъ и именно о вицегубернаторствѣ еще въ 1813 году, что видно изъ письма его къ Н. Ѳ. Грамматину[1]). Безъ сомнѣнія, Александръ Ефимовичъ стремился самъ получить мѣстечко вицегубернатора, и въ данномъ случаѣ съ его стороны были приложены нѣкоторыя старанія. Но, добившись назначенья, уѣзжать изъ столицы Измайлову — повторяемъ, очевидно, было не легко, тѣмъ болѣе, что новая должность не рисовалась ему въ хорошихъ краскахъ. Грустное настроеніе Измайлова при сборахъ въ провинцію еще болѣе усилилось, когда его неожиданно навѣстила серьезная болѣзнь, затянувшаяся на цѣлый мѣсяцъ, а

1) *Библіографическія Записки*, 1859 г., ст. 421. См. также стихотвореніе его «Женѣ моей Катенькѣ» (Собр. сочиненій, т. I, стр. 359).

отъ высшаго начальства шли одинъ за другимъ приказы о немедленномъ выѣздѣ. Изъ боязни «раздражить министра» своимъ промедленіемъ, Александръ Ефимовичъ пустился 23-го декабря 1826 года въ дорогу, не успѣвъ даже вполнѣ оправиться отъ болѣзни. На второй день праздника, 26-го декабря, къ 8-ми часамъ утра онъ былъ уже на берегу Волги, въ виду Твери. Вотъ какъ Александръ Ефимовичъ описываетъ въ письмѣ къ женѣ свой въѣздъ въ этотъ городъ и первыя минуты своего въ немъ пребыванія: «Вскорѣ открылась Волга. Надобно было переѣхать черезъ нее.... Первая наша кибитка, съ позволенія городового, переѣхала черезъ Волгу; однако мы вышли изъ повозки и отпрягли одну лошадь. На другомъ берегу нашли нашего Ивана (ямщика), который сказалъ, что можно въѣхать въ вицегубернаторскій домъ.... Домъ прекрасный, двухэтажный, только пустой. Старая софа и большой письменный столъ съ стеклянною чернильницей — вотъ вся мебель, которую мы здѣсь нашли. Лишь только вошли въ комнаты и сбросили съ себя шубы, какъ явились въ мундирахъ: старшій совѣтникъ Ераковъ, съ плюмажною шляпою, совѣтникъ питейной части, главный надзиратель и прочіе. Я посадилъ старика Еракова подлѣ себя на софѣ и сказалъ другимъ: «Совѣстно мнѣ, господа, что вы принуждены стоять».

— «Намъ должно быть гораздо совѣстнѣе», отвѣчалъ Ераковъ, «что мы такъ принимаемъ начальство, и ничего не приготовили къ его пріѣзду».

Тутъ всѣ наперерывъ стали приглашать меня къ себѣ въ дома, предлагать мнѣ свою мебель и прочее, но я всѣмъ отказалъ. Вдругъ является губернаторъ.... Расцѣловалъ меня и, увидя, что нѣтъ мебелей, тотчасъ велѣлъ принести отъ себя софу краснаго дерева и полдюжины стульевъ. — «Когда не пеклись вы, господа, приготовить нужное къ пріѣзду вашего начальника», сказалъ онъ подчиненнымъ, «то я самъ возьму это на себя». — Просидѣлъ у меня болѣе часа и звалъ къ себѣ обѣдать»[1]).

На слѣдующее же утро въ квартиру Измайлова явился «присяжный» губернскаго правленія, который своимъ объявленіемъ, что «все обстоитъ благополучно» и вопросомъ: «не будетъ-ли какихъ прика-

1) Изъ письма отъ 26-го декабря 1826 г.

заній?» напомнилъ Александру Ефимовичу, что его ждутъ къ отправленію новыхъ обязанностей. Но, какъ человѣкъ религіозный, Измайловъ не хотѣлъ начинать своей новой дѣятельности безъ благословенія Божія; вскорѣ приглашенный священникъ отслужилъ молебенъ и кстати «выгналъ святою водою» изъ вицегубернаторскаго дома «всѣхъ нѣмецкихъ бѣсовъ, которые остались въ немъ послѣ фонъ-Кронека»[1]). Впрочемъ, на службу въ присутствіе Александръ Ефимовичъ отправился не такъ скоро: чувствуя себя еще нездоровымъ, онъ просидѣлъ болѣе недѣли дома и полубольнымъ принималъ должностныхъ лицъ и просителей въ кабинетѣ вицегубернаторскаго дома. Свободное время онъ посвятилъ убранству своего «новаго гнѣзда»: разставлялъ мебель, частью купленную, частью «одолженную добрыми людьми», развѣшивалъ по стѣнамъ портреты литераторовъ и хорошихъ знакомыхъ и т. п.; такъ, на письменномъ столѣ его, между семейными портретами, рядомъ съ портретомъ горячо любимой имъ жены, удобно помѣстился и портретъ С. Д. Пономаревой, бывшей долгое время предметомъ страстнаго платоническаго увлеченія Измайлова, и пр.... Скоро все было приведено въ порядокъ; Александръ Ефимовичъ поправился, смѣнилъ халатъ на мундиръ тверского вицегубернатора, и тучную фигуру петербургскаго «фабулиста» можно было встрѣтить въ губернскомъ правленіи, казначействѣ и прочихъ тверскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Скоро начались и знакомства Измайлова; многія изъ нихъ, благодаря общительности Александра Ефимовича, его добродушію и искренности, не замедлили перейти въ отношенія пріятельскія. На первыхъ порахъ тверское общество понравилось Измайлову; отличное впечатлѣніе произвелъ на него и губернаторъ, и прочія должностныя лица. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывается онъ о губернаторѣ В. А. Борисовѣ въ своемъ письмѣ: «Губернаторъ человѣкъ справедливый и не даетъ воли грабить ворамъ»...[2]) «Будь спокойна на счетъ губернатора»,—писалъ Александръ Ефимовичъ женѣ,—«губернаторъ истинно честный человѣкъ»[3]). Будучи самъ человѣкомъ безупречной честности, Александръ Ефимовичъ въ особенности цѣнилъ это качество въ людяхъ,

1) Предмѣстникъ Измайлова.
2) Изъ письма отъ 27-го декабря 1826 г.
3) Изъ письма отъ 24-го января 1827 г.

и немудрено, что скоро полюбилъ своего начальника, показавшагося ему человѣкомъ «истинно честнымъ», и привязался къ нему всей своей открытой душой.—«Въ губернаторѣ истинно нашелъ я друга и родного», — писалъ онъ, — «какое участіе принимаетъ онъ въ нашемъ положеніи! Какіе добрые совѣты даетъ мнѣ и самъ совѣтуется со мной»...[1]) «Какъ милостивъ Богъ ко мнѣ, что привелъ меня въ такую губернію, гдѣ нашелъ въ губернаторѣ истиннаго друга! А сколько случаевъ имѣетъ губернаторъ сдѣлать непріятность вицегубернатору и невинно очернить его»...[2]) «Какъ счастливъ я, что имѣю въ губернаторѣ не врага, какъ обыкновенно бываетъ, а друга»...[3]) «Ежедневно, ежечасно благодарю Бога, что служу съ такимъ достойнымъ и благороднымъ человѣкомъ»...[4]) Таковъ былъ губернаторъ въ мнѣніи Измайлова, любвеобильное и довѣрчивое сердце котораго скоро полюбило и супругу Борисова и весь домъ его. «Обѣдать буду у maman», писалъ однажды Александръ Ефимовичъ. — «Такъ иногда называю я добрую губернаторшу. И въ самомъ дѣлѣ любитъ она меня, какъ мать сына. Бережетъ для меня лучшій кусочекъ, замѣчаетъ что̀ болѣе я люблю и приказываетъ то для меня готовить»[5]... Взаимное расположеніе другъ къ другу Измайлова и губернатора выражалось нерѣдко и во взаимно оказываемыхъ любезностяхъ. Такъ, губернаторъ постоянно приглашалъ «бездомнаго» и волею судебъ съ семьей разлученнаго Александра Ефимовича къ себѣ обѣдать, заботился о распространеніи его сочиненій и изданій и т. п., а Александръ Ефимовичъ разсыпался въ любезныхъ комплиментахъ его супругѣ, писалъ ей въ альбомъ, да и самого Борисова угощалъ нерѣдко плодами своей музы. Вотъ, напримѣръ, какой экспромптъ сказалъ онъ ему при встрѣчѣ новаго года:

Да здравствуетъ нашъ добрый губернаторъ!
Да съ нами онъ живетъ въ Твери!
Не жалуютъ его — да чертъ ихъ побери!
Лишь только бъ жаловалъ его нашъ императоръ.

---

1) Изъ письма отъ 7-го января 1827 г.
2) Изъ письма отъ 25-го января 1827 г.
3) Изъ письма отъ 28-го февраля 1827 г.
4) Изъ письма отъ 2-го марта 1827 г.
5) Изъ письма отъ 24-го января 1827 г.

Пусть подлецы жужжатъ — объ этомъ не тужи;
Царю и вѣрою, и правдою служи.
На сплетни, клеветы — одно лишь выраженье:
Презрѣнье;
Клеветниковъ ты презирай,
Приказныхъ разрушай всѣ подленькія штучки.
Для года новаго дай Богъ тебѣ добра.
Ура!

(Губернаторшѣ):

А мнѣ поцѣловать у васъ позвольте ручки.

Но еще болѣе глубокой симпатіей Измайлова пользовался тогдашній архіепископъ тверской и кашинскій Амвросій[1]). Послѣдній понравился Александру Ефимовичу съ первой же съ нимъ бесѣды; прослушавши же нѣсколько его проповѣдей, нашъ баснописецъ рѣшилъ, что Амвросій

. . . . молвитъ не въ укоръ
Умнѣе даже Филарета,
Краснорѣчивѣе его . . . .

Не разъ онъ называлъ преосвященнаго «умнѣйшимъ, ученѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ»; особенно поражали Измайлова разностороннія познанія Амвросія: «Какъ сталъ преосвященный разсуждать о военныхъ кампаніяхъ», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ—«такъ и военные разинули ротъ. Право, кажется, можетъ онъ командовать арміей или по крайней мѣрѣ корпусомъ»[2]) . . .

Подобную же характеристику преосвященнаго даетъ онъ и въ одномъ изъ «напутственныхъ» стихотвореній И. П. Мятлеву, оставившему Тверь (проѣздомъ) 4-го іюля 1827 г.:

. . . . . .
И есть у насъ еще здѣсь чудо:
Амвросій, нашъ архіерей —
Краса ученыхъ всѣхъ монаховъ,

1) Въ мірѣ Алексѣй Протасовъ.
2) Изъ письма отъ 18-го апрѣля 1827 г.

Умнѣе даже патріарховъ,
А сердцемъ простъ, какъ іерей.
Онъ истинный поборникъ вѣры,
Но не ханжа и не сердитъ,
Какъ мистики и лицемѣры.
Вотъ былъ бы ужъ митрополитъ!
О всемъ умно какъ говоритъ;
О всемъ какъ здраво разсуждаетъ,
И не педантъ, хоть много знаетъ.
Повѣритъ ли кто въ этомъ мнѣ:
Онъ судитъ даже о войнѣ
Получше многихъ и военныхъ,
Своею службою надменныхъ.
Не всякій, право, генералъ
Съ такимъ вниманіемъ читалъ,
Какъ онъ, военные журналы.
Его взять можно въ генералы!
Хоть ростомъ онъ довольно малъ,
Но былъ бы славный генералъ
Дивизіонный, не бригадный,
И дѣловой, а не парадный.

(Неизд.).

Вообще, объ Амвросіѣ Измайловъ отзывался не иначе, какъ съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія: «Душевно люблю этого необыкновеннаго человѣка, какъ за рѣдкій умъ его, превосходное сердце, такъ и за твердый характеръ», писалъ онъ однажды женѣ. Измайловъ любилъ бывать у него, и тотъ не оставлялъ его своимъ посѣщеніемъ[1]), и назидательныя бесѣды съ преосвященнымъ оставили глубокій слѣдъ въ душѣ Александра Ефимовича; онъ вспоминалъ архіепископа и впослѣдствіи, когда былъ въ Архангельскѣ и когда вернулся въ Петер-

1) См. между прочимъ стихотвореніе Измайлова «Приглашеніе на обѣдъ», начинающееся словами:

Приди, любезный прокуроръ,
Къ вицгубернатору откушать,
Преосвященнаго послушать и т. д.

(Напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 г., ст. 1014).

бургъ. Болѣе часто Александръ Ефимовичъ встрѣчался съ преосвященнымъ въ домѣ князя С. А. Хилкова, супруга котораго — Елизавета Семеновна (рожденная Волчкова)[1]) была, судя по письмамъ Александра Ефимовича, первой дамой въ Твери. Тверяне называли ее не иначе какъ «княгиней-богиней». Нашъ писатель относился къ своей «почтеннѣйшей сосѣдкѣ» съ чувствомъ самаго глубокаго уваженія, въ особенности за ея доброе сердце (княгиня была благотворительница); княгиня отвѣчала на его любезности, приглашала часто къ себѣ и любила его бесѣды и чтеніе. Нужно замѣтить, что Е. С. Хилкова не чуждалась литературы и литераторовъ; изъ круга послѣднихъ она имѣла не мало знакомыхъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ у ней бывали И. И. Дмитріевъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, графъ Д. И. Хвостовъ и другіе, которые и запечатлѣвали въ ея альбомѣ знаки своего къ ней уваженія. Измайловъ познакомился съ ней лишь въ Твери и также нерѣдко вписывалъ стихи въ ея альбомъ.

Вообще, на первыхъ порахъ тверское общество удовлетворяло Измайлова, и оно, въ свою очередь, было довольно новымъ вицегубернаторомъ; въ честь Александра Ефимовича писали даже стихи. Любезный пріемъ, оказанный Измайлову тверянами, такъ расположилъ къ Твери сердце Александра Ефимовича, что онъ убѣдительно просилъ жену поспѣшить выѣздомъ къ нему вмѣстѣ съ дочерьми, увѣряя, что она найдетъ здѣсь прекрасное общество и всѣ удобства жизни и присовокупляя, что «*и луна* въ Твери ничѣмъ не хуже петербургской»[2]). Въ особенности пріятно было Измайлову встрѣтить въ лицѣ чиновниковъ-сослуживцевъ дѣятельныхъ и исполнительныхъ сотрудниковъ; это было для него тѣмъ болѣе важно, что, помимо исполненія текущихъ дѣлъ, Измайлову приходилось приводить въ порядокъ и къ окончанію дѣла, остававшіяся «подъ сукномъ» въ ожиданіи его пріѣзда и не рѣшенныя за время его болѣзни. Къ тому же надо замѣтить, что въ кругъ обязанностей тогдашняго гражданскаго вицегубернатора входили и обязанности предсѣдателя Казенной палаты, имѣвшей шесть разнородныхъ отдѣленій: хозяйственное, лѣсное, питейное, казначейство, соляное и наконецъ контрольное. По-

---

1) За княземъ Степаномъ Алексѣевичемъ Хилковымъ (1786—1854) была въ третьемъ замужествѣ; скончалась въ Москвѣ 2-го іюля 1856 года. См. о ней въ *Сѣверной Пчелѣ* 1856 г., № 151. — *Русскій Архивъ* 1871 г., ст. 988.

2) Изъ письма отъ 9-го января 1827 г.

мимо того, вицегубернаторъ предсѣдательствовалъ въ рекрутскомъ присутствіи и по дѣлу рекрутскаго пріема, равно какъ для цѣлей ревизіонныхъ, долженъ былъ посѣщать и уѣздныя казенныя учрежденія. Скопленіе такой массы разнообразныхъ дѣлъ въ однѣхъ рукахъ, само собою разумѣется, требовало отъ добросовѣстнаго вицегубернатора, какимъ былъ Измайловъ, затраты большого количества времени и силъ; а Александръ Ефимовичъ былъ къ тому же въ этой обязанности новичкомъ; посему можно вполнѣ повѣрить слѣдующимъ строкамъ письма его къ И. И. Дмитріеву отъ 6-го іюля 1827 года: «Въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванья не столько волею, сколько неволею, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами, что едва имѣлъ время вести переписку съ женой»[1]). Особенно тяжелымъ бременемъ ложилось на Измайлова исполненіе, помимо своихъ обязанностей, обязанностей губернатора, котораго онъ замѣщалъ на время его отлучки въ уѣзды губерніи по дѣламъ службы, а разъѣзды эти были довольно часты и продолжались иногда значительное время. Какъ тяжелы были для Измайлова эти «замѣщенія», можно судить по слѣдующему отрывку изъ вышецитованнаго письма его къ Дмитріеву, писаннаго уже по пріѣздѣ жены Александра Ефимовича въ Тверь: «Наканунѣ ея (жены) пріѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе моего губернаторства, — клянусь богами моими: Аполлономъ и Бахусомъ[2]), — не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ»[3]). Дѣлалъ разъѣзды по дѣламъ службы, главнымъ образомъ для набора рекрутовъ и ревизіи уѣздныхъ казначействъ, и самъ Александръ Ефимовичъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ; пока же отмѣтимъ, что обязанности вицегубернатора вообще не понравились Измайлову, когда онъ ближе съ ними познакомился, да и не могли ему нравиться по самому характеру ихъ. Производить внезапныя ревизіи тѣхъ или другихъ казенныхъ кассъ, зорко слѣдить за упущеніями, воровствомъ и лихоимствомъ, составлявшими столь обычное явленіе въ провинціальномъ

1) *Русскій Архивъ* 1871 г., ст. 995.

2) Аполлономъ — какъ поэтъ и Бахусомъ — какъ чиновникъ, вѣдавшій между прочимъ и питейными дѣлами.

3) Тамъ же.

чиновничествѣ того времени[1]), провѣрять состояніе винныхъ погребовъ, наблюдать за приходомъ и правильной раздачей казеннаго хлѣба въ ссуду, разъѣзжать то и дѣло изъ уѣзда въ уѣздъ, производить рекрутскій наборъ и быть свидѣтелемъ порою удручающихъ сценъ его и пр., и пр., все это было не по сердцу Александру Ефимовичу послѣ спокойной службы въ Петербургѣ. Тамъ жизнь его регулярно и не торопясь, на протяженіи трехъ десятковъ лѣтъ, протекала по утрамъ въ департаментѣ, а остальное время дня дома, за письменнымъ столомъ, въ мирной бесѣдѣ съ музами и ихъ друзьями, съ перомъ въ рукѣ, за книгой или корректурой, или же просто въ кругу горячо любимой семьи, всю горечь разлуки съ которой Александръ Ефимовичъ теперь въ особенности ощущалъ. «Пожалѣй меня, любезная Катенька!» — писалъ онъ женѣ 14-го марта 1827 г. — «Солоно приходится мнѣ отъ соляныхъ дѣлъ, тяжело отъ мѣдной монеты, тошно отъ хлѣба, розданнаго въ ссуду казеннымъ крестьянамъ, и дурѣю я отъ полугарнаго вина. Пожалѣй обо мнѣ, добрая жена: все будетъ легче, какъ ты пріѣдешь». Особенно не нравилось Измайлову слѣдить за дѣлами питейными: «Утѣшаюсь единственно тѣмъ», — писалъ онъ И. И. Дмитріеву, — «что скоро возстановятся откупа, и что не долго буду исправлять должность перваго цѣловальника въ губерніи»[2]). Но откупа не возстановлялись, и Измайловъ, можетъ быть, еще долго продолжалъ бы «исправлять должность перваго цѣловальника» въ Тверской губерніи, если бы обстоятельства скоро не перемѣнились на столько, что онъ принужденъ былъ оставить Тверь навсегда.

Дѣло въ томъ, что, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣстѣ своего новаго служенія и присмотрѣвшись поближе къ окружавшему его обществу, Измайловъ въ немъ сильно разочаровался. Начать хотя бы съ того, что добрыя отношенія, установившіяся было на первыхъ порахъ между Измайловымъ и губернаторомъ Борисовымъ, начали постепенно ухудшаться; иногда между вицегубернаторомъ и губернаторомъ

---

1) О послѣднемъ могутъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующія строки Александра Ефимовича изъ письма его къ женѣ отъ 6-го февраля 1827 г.: «Вообще о здѣшнихъ канцеляристахъ говорятъ, что имъ несравненно пріятнѣе взять 1 рубль съ просителя, нежели получить 500 рублей прибавки жалованья». «Надобно» — прибавляетъ Измайловъ — «поселить въ нихъ духъ поблагороднѣе»...

2) *Русскій Архивъ* 1871 г., ст. 995.

происходили и непріятныя столкновенія, кончившіяся взаимнымъ пренебреженьемъ и даже враждой этихъ двухъ представителей высшей тверской администраціи. Тотъ самый Борисовъ, котораго раньше, какъ мы видѣли, такъ превозносилъ Александръ Ефимовичъ въ своихъ письмахъ, на самомъ дѣлѣ былъ весьма посредственнымъ губернаторомъ и недалекимъ, безхарактернымъ человѣкомъ, находившимся во власти приближенныхъ чиновниковъ и своей супруги; губернаторша же, какъ потомъ выяснилось, была женщиной лицемѣрной и сварливой, которой боялся не только ея супругъ, но и почти весь чиновничій міръ Твери, между прочимъ и прокуроръ, часто бывавшій ея гостемъ.

Вотъ, кстати, эпиграмма, которую Александръ Ефимовичъ написалъ на этого прокурора:

Волга въ Твери.

Не широка, не глубока,
Обыкновенная рѣка,
Ничѣмъ не изумляетъ взора.
На слабаго она походитъ прокурора:
Подобно ей онъ тихъ, смирёнъ,
Не такъ, чтобъ глупъ, не такъ, чтобы уменъ;
Воды въ ней мало, въ немъ же — духу.
Радъ покровителю молчаньемъ угодить,
Боится правдой разсердить
Не только старшаго, но даже и старуху,
Которой злой языкъ
Опаснѣе, чѣмъ троегранный штыкъ.

(Неизд.).

Вообще, представители чиновничаго міра Твери были, судя по болѣе позднимъ письмамъ Измайлова, плохими сотрудниками по управленію губерніей; къ тому же чуть-ли не всѣ они находились между собою въ постоянной враждѣ. «Комедія бываетъ у меня въ Палатѣ» — писалъ Александръ Ефимовичъ женѣ — «три старшіе члена (губернскій контролеръ, губернскій казначей и совѣтникъ хозяйственной экспедиціи) цѣлуются другъ съ другомъ, а другъ друга не терпятъ»[1]).

1) Изъ письма отъ 12-го января 1827 г.

«Года четыре тому назадъ» — читаемъ въ другомъ письмѣ — «этотъ нѣмецъ (губернскій казначей) во время присутствія бросалъ чернильницей въ своего сочлена, а тотъ въ него. Вотъ до чего доходили!» [1]). Въ особенности Александръ Ефимовичъ былъ недоволенъ двумя своими ближайшими подчиненными — Вицкимъ и Мухинымъ: первый, судя по его отзывамъ, былъ большой руки плутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ при случаѣ «поподличать», а второй былъ «глупѣе Анисьи (кухарки Измайлова), хотя и добрый малый». Строгому въ правилахъ службы и добросовѣстному Измайлову было тяжело имѣть дѣло съ такими сослуживцами и постоянно поправлять и предупреждать ихъ ошибки; письма его полны жалобъ на творящіяся кругомъ него безобразія и упущенія, чинимыя сослуживцами, упущенія, отъ которыхъ страдали интересы губерніи. Все это крайне раздражало Измайлова, заставляло удваивать энергію и создавало новыя работы, а помощи ждать было неоткуда. «Одинъ только Богъ меня подкрѣпляетъ!» — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. — «Видно такая моя участь, что я долженъ терпѣть не отъ своихъ собственныхъ глупостей, а отъ глупостей чужихъ» [2]). Единственно кѣмъ вполнѣ былъ доволенъ Александръ Ефимовичъ, такъ это тѣмъ разрядомъ чиновниковъ, который обыкновенно называютъ «мелкой сошкой». Эти скромные канцеляристы въ точности исполняли всѣ порученія своего начальника и заслужили его особенное расположеніе, выражавшееся со стороны Измайлова въ гуманномъ обращеніи съ ними, снисхожденіи къ ихъ слабостямъ и заступничествѣ [3]); нерѣдко онъ бралъ ихъ подъ свою

---

1) Изъ письма отъ 17-го января 1827 г.

2) Изъ письма отъ 21-го февраля 1827 года.

3) Доказательствомъ того что Измайловъ, какъ начальникъ, оставилъ по себѣ самую лучшую память, можетъ служить слѣдующее письмо его тверскихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, которое они послали, по случаю смерти Александра Ефимовича, въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*: «Чиновники здѣшней Палаты», — говорится въ немъ — «узнавъ о кончинѣ почтеннаго начальника своего, бывшаго тверского вицегубернатора статскаго совѣтника А. Е. Измайлова, оставившаго въ сердцахъ ихъ неизгладимое временемъ благодарное воспоминаніе, совершили въ память его, вчерашняго числа, панихиду въ Желтиковомъ монастырѣ»... Извѣстіе о семъ заключается словами: «Миръ праху твоему, человѣкъ благородный! Память о тебѣ будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ и умѣлъ цѣнить тебя. Прими въ селеніяхъ вѣчности награду за твои добродѣтели» (*Московскія Вѣдомости* 1831 г., № 24). Объ Измайловѣ, какъ начальникѣ, см. также въ воспоминаніяхъ П. И. Голубева въ *Русскомъ Архивѣ* 1896 г., кн. I.

защиту отъ нападокъ раздраженнаго губернатора, что, конечно, еще болѣе ополчало послѣдняго противъ Измайлова и давало поводъ ко всевозможнымъ интригамъ и сплетнямъ, въ сѣтяхъ которыхъ и безъ того были запутаны всѣ представители тверской интеллигенціи и администраціи. Сплетни въ Твери, какъ и во всякомъ провинціальномъ городѣ добраго стараго времени (да и настоящаго) были своего рода потребностью; кумушки и наушники наводняли городъ своими розсказнями, перенося ихъ изъ дома въ домъ и даже предлагая ихъ къ свѣдѣнію «начальствующихъ» въ самыхъ стѣнахъ правительственныхъ учрежденій. Послѣднее обстоятельство побудило Измайлова сочинить слѣдующую «Надпись на дверяхъ въ моей пріемной»:

Всегда и всѣхъ принять готовъ,
Опричь клеветниковъ,
Наушниковъ, льстецовъ и сплетницъ,
Разнощиковъ, разнощицъ
Изъ дома въ домъ пустыхъ вѣстей.
Такихъ гостей
Къ себѣ не принимаю.
Торжественно имъ объявляю,
Что не приму ихъ. Не терплю!
А если и придутъ, — въ дверяхъ ихъ прищемлю.

Правда, сначала Александръ Ефимовичъ не обращалъ никакого вниманія на сплетни и пересуды, ходившіе по городу и затрогивавшіе, между прочимъ, и его личность, но когда они стали принимать форму доносовъ, Измайловъ возмутился и открыто выражалъ свое негодованье. При этомъ онъ дѣйствовалъ двумя способами: во-первыхъ, не боясь говорить правды въ глаза, онъ «отчитывалъ» виновнаго при первомъ же свиданьи, при чемъ его не стѣсняли ни рангъ, ни положеніе ябедника или сплетника; во-вторыхъ, онъ призвалъ на помощь свою музу, и въ Твери — по выраженью автора одного анонимнаго посланья къ Измайлову — «житья не стало отъ стиховъ». Но такое поведенье Измайлова еще болѣе ожесточило противъ него тверянъ, и чуть-ли не все высшее тверское общество отшатнулось отъ него. Впрочемъ, этого можно было ожидать и ранѣе, ибо интересы тверской интеллигенціи рѣзко расходились съ интересами петербургскаго журналиста. Жизнь

тверской интеллигенціи, судя по письмамъ Измайлова, скорѣе можно было назвать прозябаньемъ. Утро свое представители этой интеллигенціи проводили за работой въ различныхъ канцеляріяхъ, а остальной день въ погонѣ за средствами, какъ бы убить свободное время. Главнымъ къ тому средствомъ и чуть ли не исключительнымъ были карты; карточной игрой увлекались и мужчины, и — еще болѣе ихъ — женщины. Измайлова, какъ заклятаго врага картъ[1]), въ особенности возмущала эта всеобщая карточная эпидемія.

«Представь себѣ», — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ женѣ (отъ 27-го января 1827 г.) — «что здѣсь ежегодно продается картъ на 18000 рублей (ассигнаціями). Теперь играютъ только въ вистъ и бостонъ, а прежде играли и въ банкъ. Нарочно записные игроки пріѣзжали для этого въ Тверь. Есть и дамы, которыя понтируютъ и мечутъ банкъ. Спасибо губернатору — онъ запретилъ эту проклятую игру. Въ гостиницѣ Гальяни[2]) прибитъ листъ, на которомъ написано, что если будутъ тамъ играть въ банкъ, то первый разъ взыщется за это штрафъ 500 рублей, а послѣ, не знаю — что-то еще хуже».

«Здѣшнія дамы» — читаемъ въ другомъ письмѣ (отъ 15-го февраля

---

1) Александръ Ефимовичъ объявилъ себя врагомъ картъ еще въ первомъ своемъ юношескомъ романѣ «Евгеній» и не разъ возставалъ противъ нихъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ. О степени распространенности карточной игры въ нашемъ обществѣ въ началѣ прошлаго столѣтія можно судить уже по тому факту, что увлеченіе ею вызвало со стороны императора Александра особый указъ. Указъ этотъ многимъ нашимъ писателямъ далъ поводъ выразить чувство живѣйшей радости. (См. напримѣръ Бытіе сердца моего кн. *М. И. Долгорукова*, ч. I, Москва 1817, стр. 122—123; см. также статью Н. Ѳ. Дубровина въ *Русской Старинѣ* 1899, № 3, стр. 549, примѣчаніе).

2) Это тотъ самый содержатель гостиницы «Миланъ», котораго Пушкинъ по забывчивости назвалъ (въ письмѣ своемъ къ С. А. Соболевскому отъ 9-го ноября 1828 г.) вмѣсто Гальяни — Гальони:

У Гальони иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони
Иль янчницу свари —

рекомендовалъ поэтъ С. А. Соболевскому (Сочиненія, т. VII, стр. 204). Въ Твери, между прочимъ, и до сего времени существуетъ Гальянова улица (*В. И. Колосовъ*. А. С. Пушкинъ въ Тверской губ. въ 1827 г. Тверь. 1888, стр. 2). Объ этомъ же Гальяни упоминаетъ и князь П. А. Вяземскій въ своемъ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 8-го ноября 1818 г. (Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ, т. I. С.-Петербургъ. 1899, стр. 142).

1827 г.)—«не только мужей, но и дѣтей для картъ забываютъ и дома рѣдко бываютъ».

«Здѣсь не только 19-ти и 18-ти-лѣтнія дѣвицы страстно любятъ, *обожаютъ* бостонъ и вистъ»—говорится въ третьемъ письмѣ (29-го марта 1827 г.)—«но даже дѣвочки въ 15 и 14 лѣтъ. Заниматься хозяйствомъ и сидѣть за работою *дворянки* почитаютъ за стыдъ. Утро проходитъ у нихъ въ визитахъ, а вечеръ за картами».

Не милы мнѣ дамы—игрицы въ Твери:
Весь день козыряютъ, чортъ ихъ побери!

восклицаетъ Александръ Ефимовичъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ стихотвореній...

Итакъ, Измайловъ, не сойдясь въ Твери съ обществомъ мужскимъ, не сошелся и съ обществомъ тверскихъ дамъ, хотя онъ считался и самъ себя называлъ большимъ поклонникомъ и даже другомъ прекраснаго пола[1]). «Писатель для дамъ» не ужился съ послѣдними: его сатирическая муза нашла себѣ много пищи для хлесткаго изображенія тогдашнихъ тверянокъ, и онъ даже поплатился за свои смѣлыя картины въ обычномъ присущемъ ему теньеровскомъ жанрѣ. Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за сказки Измайлова «Бабушка и внучка»[2]), которую одна изъ тверскихъ «бабушекъ» приняла на свой счетъ. На Александра Ефимовича посыпались пасквили; тотъ отвѣчалъ, и «дѣло дошло до скандала»: губернаторша начала вести усиленныя интриги, чтобы какъ нибудь «выжить» Измайлова изъ Твери, но тотъ въ отвѣтъ на строющіяся козни отвѣчалъ посланіемъ, въ заключительныхъ строкахъ котораго говорилось:

И дама важная что хочешь говори,
Измайловъ же на зло останется въ Твери.

(Неизд.).

---

1) «Измайловъ—другъ всѣхъ дамъ, другъ всѣхъ честныхъ людей;

Для сплетницъ же старушекъ,
Нестоющихъ пяти полушекъ,
Для старыхъ дѣвокъ злыхъ—онъ самъ большой злодѣй»—

говоритъ онъ о себѣ въ одномъ неизданномъ стихотвореніи.

2) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 205. Ср. также его сказку «Дворянка-буянка» (тамъ же, стр. 230).

Говорили даже, что тверскія дамы будто бы обратились съ жалобой на Измайлова къ губернатору, и будто бы это было поводомъ къ его скорому перемѣщенію въ другую губернію. Конечно, на это можно смотрѣть какъ на одну изъ сплетенъ, и надо думать, что поводомъ и причинами перевода Измайлова было нѣчто болѣе серьезное, хотя несомнѣнно, что и сплетни тутъ сыграли свою роль. Наши разысканія въ архивахъ въ погонѣ за выясненіемъ дѣйствительныхъ причинъ происшедшаго конфликта Измайлова съ тверскими властями и удаленія Александра Ефимовича въ Архангельскую губернію, къ сожалѣнію, не увѣнчались успѣхомъ; самъ же Александръ Ефимовичъ въ своихъ письмахъ и произведеніяхъ не даетъ какихъ-либо положительныхъ объясненій по этому поводу. Но по нѣкоторымъ намекамъ и указаніямъ, встрѣченнымъ нами въ его письмахъ къ одному изъ своихъ родственниковъ М. А. Каменеву-Любавскому, можно заключить, что причинами перевода Измайлова могло быть: устраненіе имъ отъ должности одного чиновника, настойчивое заступничество за другого (нѣкоего Новосельскаго) и вмѣшательство въ распоряженія и дѣйствія губернатора; поводомъ же — рѣзкія выраженія, допущенныя имъ въ сношеніяхъ съ высшимъ начальствомъ о тверскихъ чиновникахъ и *вообще о тверскомъ обществѣ*. Дѣйствительно, почти всѣ отзывы и стихотворенія Измайлова, писанные имъ въ Твери, дышатъ сатирой на все тверское общество[1]) и на тамошніе порядки, на начальствующихъ лицъ, гимназію[2]) и прочія учрежденія. Характерно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе, написанное по случаю обратнаго отъѣзда въ Петербургъ стариннаго пріятеля Измайлова — Н. П. Мятлева, пріѣзжавшаго въ Тверь навѣстить нашего вицегубернатора:

Не любятъ здѣсь литературы —

говоритъ, между прочимъ, Александръ Ефимовичъ —

Здѣсь всѣ почти карикатуры
(Скажу я по секрету вамъ),

---

1) Постоянными симпатіями Измайлова пользовался лишь преосвященный Амвросій, княгиня Е. С. Хилкова, ея мужъ и мужъ покойной С. Д. Пономаревой — А. И. Пономаревъ, жившій неподалеку отъ Твери, да еще два, три человѣка и мелкіе чиновники, его подчиненные.

2) Измайловъ, между прочимъ, былъ почетнымъ попечителемъ тверской гимназіи.

Особенно изъ старыхъ дамъ.
Клянусь: здѣсь многія дворянки
Не стоятъ, право, и крестьянки:
Играютъ въ карты день и ночь
И сплетничаютъ во всю мочь.

(Неизд.)

Впрочемъ, скуку своего существованья тверяне разгоняли не только картами и вязаніемъ сплетенъ, но средствами и менѣе предосудительными, такъ сказать невинными, хотя и не разнообразными и незатѣйливыми. Любили тверяне, принарядившись, погулять въ хорошую погоду въ общественномъ саду, гдѣ, къ ихъ удовольствію, нерѣдко играла полковая музыка; послѣдняя гремѣла и на балахъ, которые иногда устраивалъ губернаторъ, дворянство или какая-либо важная персона тверского общества. Большое оживленіе вносило въ жизнь веселящейся Твери присутствіе военныхъ, что видно и изъ писемъ Измайлова, и изъ слѣдующаго его стихотворенія: «На отъѣздъ изъ Твери М. Ѳ. О(хлестышева)» [1]), которое начинается такъ:

Прости, дивизія шестая!
Прости, добрѣйшій генералъ!
Прости! — скажу еще, вздыхая,
Какъ насъ въ Твери ты утѣшалъ!
Что̀-бъ безъ тебя былъ нашъ воксалъ? [2])
Твои Орфеи-музыканты
Обворожали тамъ нашъ слухъ,
А офицеры-адъютанты
Тверь обращали въ Петербургъ.
При нихъ и нашъ воксалъ убогій
Вѣдь походилъ на Лѣтній Садъ
Большой аллеей иль дорогой,
Гдѣ по краямъ стояли въ рядъ

1) Собр. сочиненій, т. I, стр. 291—294.

2) Воксалъ или публичный садъ въ Твери достопримѣчателенъ тѣмъ, что при устройствѣ онаго столько посажено деревьевъ, сколько было дворянъ при открытіи тверского намѣсничества. Преданіе увѣряетъ, будто каждый дворянинъ посадилъ по дереву. *(Примѣчаніе Измайлова).*

Купцы брадаты, величавы,
Смиренны дѣвы златоглавы[1]),
Ихъ маменьки въ цвѣтныхъ платкахъ
Съ двумя концами на спинахъ...
Куда не обратимъ мы взоры,
Гдѣ, гдѣ у насъ танцоры?
Одинъ уланъ лишь мазуристъ.
Теперь хоть не танцуйте дамы:
Играйте всѣ въ бостонъ да вистъ...

Зимою любимымъ развлеченіемъ тверянъ было катанье на саняхъ; съ особеннымъ удовольствіемъ и весельемъ катались, какъ и теперь водится, на масляницу. Катающіеся устраивали длинный поѣздъ въ нѣсколько десятковъ саней и разъѣзжали по улицамъ, иной разъ въ сопровожденіи музыкантовъ. Вотъ какъ описываетъ одну изъ такихъ прогулокъ Измайловъ въ письмѣ отъ 11-го февраля 1827 г.: «...Вотъ мы сѣли съ полицеймейстеромъ и поѣхали, а по бокамъ два жандарма... За нами слѣдовали на двухъ саняхъ музыканты Внутренней Стражи; играли марши, польскій, вальсы, пѣсни и пр. За музыкантами ѣхали гуськомъ прочіе катающіеся. Число саней простиралось до 35, а впослѣдствіи присоединилось еще нѣсколько экипажей. Сначала поѣхали по Милліонной и на каждой площади дѣлали кругъ, потомъ на Мироносицкую, съ Мироносицкой мимо Гостиннаго двора и вицегубернаторскаго дома черезъ Волгу на другую сторону; послѣ того назадъ.... Вездѣ встрѣчали насъ толпы народа и снимали передъ нами шапки. Гостинный дворъ, который, какъ и петербургскій, выстроенъ въ два этажа, походилъ на театръ, то-есть на ложи, наполненныя народомъ».... Въ катаньи на саняхъ и заключалось въ сущности главное развлеченіе тверянъ на масляницу.

«Въ Твери все веселье въ эту недѣлю состоитъ въ санномъ катаньѣ» — писалъ Александръ Ефимовичъ своему двоюродному брату въ Петербургъ. — «Нѣтъ у насъ ни горъ, ни какихъ другихъ масляничныхъ увеселеній. Правда, есть театръ, но, вѣрно, у васъ «на го-

1) Тверскія дѣвицы носятъ остроконечныя шапочки изъ золотой парчи, а замужнія повязываютъ на головы большіе платки, которые сзади распускаются двумя широкими концами. *(Примѣчаніе Измайлова).*

рахъ», или подъ «горами», въ послѣднемъ балаганѣ какое бы ни было представленіе лучше нашего драматическаго спектакля». Немногимъ оживленнѣе проходила Свѣтлая недѣля, въ теченіе которой устраивалось въ Твери нѣчто въ родѣ народныхъ гуляній. Вотъ какое описаніе встрѣтили мы въ письмахъ Измайлова: «Пошли съ губернаторомъ на площадь... Музыканты играли что-то лѣниво. За качанье на качеляхъ брали самую малую цѣну — по 4 коп. съ человѣка, и никто почти не качался. Губернаторъ велѣлъ качать даромъ, то-есть на его счетъ, и тутъ стали качаться одни мальчишки.... Въ отдаленіи раскинута палатка; въ ней показываются какія-то куклы. Семь или восемь старыхъ бабъ, схватясь за руки, запѣли или, лучше, заорали пѣсню, но скоро замолчали». Въ другой разъ при Измайловѣ пѣли пѣсню: «*Молчите, струйки чисты*», затѣмъ «*Стонетъ сизый голубочекъ*» и «*Законы осуждаютъ предметъ моей любви*». — «Ну ужъ и пѣвцы!» — замѣчаетъ Александръ Ефимовичъ. — «Съ какимъ чувствомъ пѣли то, чего вовсе не понимали, какъ коверкали слова! Смѣхъ да и только. Стыдятся пѣть простыя національныя пѣсни, а поютъ такъ называемыя модныя». Впрочемъ, какъ-то разъ «подъ качелями» услышалъ Александръ Ефимовичъ и народную пѣснь. «Пошли подъ качели», пишетъ онъ. — «Время было прелестное. Слышимъ пѣніе, или лучше сказать — оранье. Подходимъ къ толпѣ. Нѣсколько бабъ поютъ пѣсни, но не сентиментальныя, а національную — «*Во лузяхъ*». Двѣ молодыя бабы пляшутъ въ кругу, подпираютъ руками, щелкаютъ, ёкаютъ. Что за па! Нѣтъ, не удастся сдѣлать такихъ ни Наташѣ[1]), ни даже самой m-me Didelot[2]). Послѣ того плясали въ присядку два мальчика. Наконецъ, затащили насъ въ кукольную комедію, въ которой главную роль игралъ какой-то плѣнный французъ». Вообще тверяне во время Измайлова были люди безжизненные и мало чѣмъ интересовавшіеся. «Тверяне не любопытны», писалъ однажды Александръ Ефимовичъ[3]). «Не знаю, не я одинъ, но всѣ замѣчаютъ, что здѣсь во всѣхъ обществахъ что-то мертво, не оживленно», писалъ онъ женѣ 13-го марта 1827 г. Единственными средствами, сближавшими тверянъ между собою, внѣ

1) Старшая дочь Измайлова.

2) Роза Диддо — жена знаменитаго балетмейстера Карла Диддо, балетная танцовщица.

3) Изъ письма отъ 12-го февраля 1827 г.

служебныхъ обязанностей и сношеній чисто дѣловыхъ, были — упомянутая выше карточная игра или просто хожденіе въ гости на чашку чаю, для пріятныхъ разговоровъ, на званный обѣдъ. Званные обѣды и вечеринки въ особенности любили заводить тверскіе купцы, которые, по отзывамъ Измайлова, хотя были (за немногимъ исключеніемъ) «большіе глупцы и обманщики» [1]), но уважали вицегубернатора, отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ, который былъ «при всей своей письменности и начитанности, безъ всякой партикулярности и амбиціи» [2]). Они часто приглашали Измайлова; тотъ иногда не отказывалъ, тѣмъ болѣе, что подобныя посѣщенія давали не мало пищи его наблюдательному уму. Въ письмахъ Измайлова можно встрѣтить два-три длинныхъ описанія этихъ длинныхъ купеческихъ обѣдовъ, тянувшихся по часамъ и состоявшихъ иной разъ изъ 7—8 блюдъ. Впрочемъ, особенно любопытнаго въ нихъ ничего не было, хотя нѣкоторые пріемы угощеній были довольно своеобразны. Вотъ, напримѣръ, какъ угощали гостей такъ называемой «прихожей рюмкой», то-есть рюмкой вина, которую гостю подносили тотчасъ по его приходѣ: «Подносить гостямъ заставляютъ дѣтей и если гость не пьетъ, то ребенокъ поставитъ подносъ на полъ, ляжетъ на него и не встанетъ, пока гость не выпьетъ. Становятся также на колѣни передъ гостями и кланяются имъ въ ноги». Впрочемъ, гостей тотчасъ по приходѣ угощали также и чаемъ, причемъ въ прежніе годы чай подавали только мужчинамъ, а дамамъ предлагали клюкву и бруснику съ медомъ. — Итакъ, вотъ какими развлеченіями заполняли свой досугъ наши дѣды, прозябавшіе въ Твери. Замѣчено, что по характеру развлеченій можно судить и о всей нравственной физіономіи человѣка и цѣлаго общества. Дѣйствительно, если безсодержательныя, однообразныя и грубоватыя развлеченія тверянъ могутъ наводить на мысль о крайней ограниченности ихъ духовныхъ потребностей и даже малокультурности, то факты, вырванные Измайловымъ изъ страницъ дѣловой жизни тверянъ и запечатлѣнныя въ письмахъ, могутъ лишь подтвердить эту мысль. На страницахъ писемъ Измайлова мы нерѣдко можемъ натолкнуться на факты, краснорѣчиво говорящіе о крайней малокультурности и дикости нравовъ даже болѣе или менѣе высшихъ

1) Изъ письма отъ 27-го января 1827 г.
2) Изъ письма отъ 29-го іюля 1827 г.

слоевъ тверского общества. Такъ, Александръ Ефимовичъ разсказываетъ намъ объ одной «интеллигентной дамѣ» (женѣ инспектора Медицинской управы), «у которой удавилась дѣвка, да еще беременная. Сказываютъ, что барыня сѣкла ее два раза въ день и хотѣла высѣчь въ третій, но отдумала, когда ее вынули изъ петли[1])».

Есть въ письмахъ его разсказы объ архимандритѣ, который принималъ въ закладъ.... образа, и о цѣломъ рядѣ «взяткобрателей», растовщиковъ и т. п. Но дикость нравовъ, какую наблюдалъ Измайловъ въ самой Твери, уступала тѣмъ звѣрствамъ и самоуправству, что имѣли мѣсто въ уѣздахъ Тверской губерніи. Вотъ, напримѣръ, о какихъ фактахъ передаетъ намъ Александръ Ефимовичъ въ своихъ письмахъ. — «У насъ въ Торжкѣ» — пишетъ онъ супругѣ 2-го марта 1827 г.—«случилось весьма непріятное происшествіе. Умерла скоропостижно у тамошняго городничаго крѣпостная двѣнадцатилѣтняя дѣвочка. Послѣ того открылось, что она незадолго передъ смертью бѣжала, была поймана и наказана. Продержали ее всю ночь на снѣгу, привязавъ за шею веревкою. Сдѣлали слѣдствіе: нашли на шеѣ знаки отъ веревки, спина вся изсѣчена и рубашка въ крови; а при другомъ слѣдствіи не нашли уже ее и въ могилѣ. ....Городничій въ Торжкѣ— бывшій фельдъегерь Завитаевъ, а родной братъ его камердинеромъ у государя».

Или вотъ, напримѣръ, любопытный образчикъ дѣйствій лицъ, властью облеченныхъ. «Въ Бѣжецкѣ украли изъ одной церкви деньги. Дворянскій засѣдатель Чаплинъ, производившій слѣдствіе, требовалъ съ священника 300 рублей и не получивъ настращалъ и научилъ церковнаго сторожа показать, будто деньги украдены священникомъ съ причтомъ, что̀ сторожъ и исполнилъ. Дьячковъ же, оставя въ одной рубашкѣ, морилъ онъ въ холодной комнатѣ и грозилъ даже высѣчь самого священника и легко могъ это сдѣлать, потому что въ три дня съ подъячими и пьянымъ депутатомъ съ духовной стороны выпилъ онъ семь ведеръ вина.... Когда дѣло поступило въ Уѣздный судъ, то новый депутатъ съ духовной стороны потребовалъ сторожа, началъ его увѣщевать; тотъ пришелъ въ раскаяніе, повалился ему въ ноги и признался торжественно при всѣхъ, что наученъ былъ засѣдателемъ

1) Изъ письма отъ 19-го марта 1828 г.

Чаплинымъ. А священникъ, изъ церкви котораго пропали деньги, чуть-чуть не сошелъ съ ума.... Этотъ же Чаплинъ подрался недавно въ городническомъ правленіи съ городничимъ. Одинъ дрался указною книгою, а другой — стуломъ...»[1])

А вотъ, напримѣръ, фактъ, о которомъ Александръ Ефимовичъ не могъ умолчать, не смотря на все свое уваженіе и снисхожденіе къ духовному сану. «Недавно случилось въ Клину странное происшествіе»,— пишетъ онъ 17-го февраля 1827 г. — «Приходитъ ночью въ питейный домъ солдатъ и стучитъ. Винопродавецъ не хотѣлъ пустить его, потому что жена третьи уже сутки мучилась родами. «Пусти его», — сказала родильница, — «авось Богъ дастъ для прохожаго». И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ родила она благополучно. Винопродавецъ послалъ за священникомъ и просилъ солдата быть воспріемникомъ младенца. Солдатъ согласился и окрестилъ, далъ попу серебряный рубль, а родильницѣ побольше. А было у него около 500 рублей. Бѣсъ и ввелъ священника въ искушенье: онъ рѣшился отнять у солдата деньги, повалилъ его въ полы и зарѣзалъ бы, если бы на крикъ несчастнаго не подъѣхала тройка...» — Таково было время, таковы были люди, нравы. Наблюденіе надъ послѣдними занимало Измайлова въ первое время его пребыванія въ Твери, но скоро стало и раздражать. Когда же онъ въ негодованіи вздумалъ было подать протестующій голосъ, то тотчасъ замѣтилъ, что не имѣетъ союзниковъ. Но, не желая играть роли «гласа, вопіющаго въ пустынѣ», онъ не раздражалъ болѣе тверскихъ гусей своими баснями, эпиграммами и т. п., а обратился лишь къ искорененію (насколько это было въ его власти) и предотвращенію лихоимства и прочихъ безпорядковъ въ подвѣдомственной ему Казенной палатѣ, которая, по словамъ Измайлова, была «настоящимъ гнѣздомъ разбойниковъ». Удалось-ли бы Измайлову добиться со временемъ значительныхъ результатовъ въ этомъ направленіи своей дѣятельности, судить не беремся, но, если вѣрить его собственнымъ свидѣтельствамъ о своихъ успѣхахъ, ему все же посчастливилось водворить нѣкоторый порядокъ и дисциплину.

«...Министръ сказалъ мнѣ», — писалъ однажды Измайловъ — «чтобы я *держалъ команду построже*. Я и выполняю въ точности его

1) Изъ письма къ М. А. Каменеву-Любавскому отъ 23-го марта 1827 г.

приказанье. До меня, могу сказать, не было порядка и дисциплины въ Палатѣ. Потачки никому не даю, и передо мною не смѣютъ забыться, какъ передъ прежними вицегубернаторами, передъ которыми забывались не только питейные надзиратели, но даже и винопродавцы, и которые подписывали все, что только имъ ни подавали. Вѣрно,—немного вицегубернаторовъ, которые столько трудятся, какъ я». Но выполнить своихъ задачъ по части «исправленія нравовъ» сотрудниковъ и подчиненныхъ подвѣдомственнаго ему учрежденія Измайловъ не могъ, какъ потому, что часто отлучался изъ Твери на болѣе или менѣе продолжительные сроки по дѣламъ службы, такъ и потому, что встрѣчалъ всегда сильную оппозицію, да и самое вицегубернаторство его въ Твери было весьма кратковременно—около полутора года. Кстати, скажемъ теперь нѣсколько словъ о разъѣздахъ Измайлова по уѣздамъ Тверской губерніи, которые онъ дѣлалъ или съ ревизіонными цѣлями, или для присутствованія при наборѣ рекрутовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, болѣе подробно говоритъ Александръ Ефимовичъ въ письмахъ, при описаніи своихъ разъѣздовъ, о картинахъ рекрутскаго набора; послѣдній будилъ и его полудремавшую въ тверской глуши музу. Правда, вербовка новобранцевъ, присутствіе при ихъ освидѣтельствованіи, рѣшеніе о принятіи ихъ или забракованіе, выслушиваніе жалобъ или слезныхъ просьбъ родителей новобранцевъ и т. п. были обязанностями далеко не пріятными и не легкими:

....признаюсь, — оглупѣлъ
Я отъ рекрутскаго пріема —

писалъ Александръ Ефимовичъ одной изъ своихъ знакомыхъ; но Измайловъ все же чувствовалъ себя при разъѣздахъ лучше, чѣмъ при исполненіи обязанностей начальника Казенной палаты въ губернскомъ городѣ, если только съ нимъ не приключалось какой-либо болѣзни отъ дорожныхъ неудобствъ. Располагая бо́льшимъ досугомъ, Александръ Ефимовичъ посвящалъ его знакомству съ жителями и нравами посѣщаемаго захолустья, а иногда отъ скуки писалъ и стихи. Впрочемъ, содержаніе сихъ стиховъ по большей части довольно прозаическаго характера. Такъ, имъ написана во время одного разъѣзда «Бѣжецкая вицегубернаторская пѣсня», въ которой Измайловъ изображаетъ свой тревожный сонъ въ Бѣжецкѣ: ему не спалось, а если и удавалось

забыться, то тотчасъ передъ нимъ вставали самыя непріятныя будничныя картины, большею частью съ сюжетомъ изъ его служебной дѣятельности. — То видѣлъ онъ

Отдатчиковъ, земскихъ головъ,
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ,

то мужиковъ, ползающихъ на колѣняхъ съ просьбой,

Которыхъ и самъ Новиковъ[1]) не пойметъ,

и ему становилось такъ плохо, что онъ готовъ былъ ускакать въ Тверь[2]). Кое-что изъ сценъ рекрутскаго набора, свидѣтелемъ которыхъ былъ нашъ писатель, занесены имъ и на страницы его писемъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ чертахъ онъ описываетъ женѣ наборъ въ Кашинѣ. «Наборъ начался благополучно. Несмотря на неопытность мою въ этомъ новомъ для меня дѣлѣ и на примѣрную безтолковость Новикова (секретаря), я сегодня отличился: заставлялъ дрожжать передъ собою, улыбаться, хохотать и плакать не только отъ страха, но и отъ умиленья.... И знаешь-ли чѣмъ я болѣе всего прославился? — Поцѣлуемъ.... да, — поцѣлуемъ, сударыня! Надобно было взять одного рекрута изъ двухъ братьевъ; старшій женатъ и имѣетъ дѣтей, младшій холостъ. Ни просьбы брата, ни приказанья отца не могли убѣдить упрямаго холостяка итти добровольно въ солдаты; онъ требовалъ, чтобы кинули жребій. Написалъ я на одной бумажкѣ: «въ солдаты», а на другой — «оставаться въ мужикахъ», свернулъ ихъ, положилъ въ фуражку и, подойдя къ младшему брату, истощилъ все свое краснорѣчіе, представилъ ему всю славу, если пойдетъ онъ добровольно въ солдаты за женатаго брата и въ заключеніе рѣчи поцѣловалъ его въ лобъ. Онъ перекрестился и сказалъ: «видно, такъ Богу угодно, иду!..» «Сколько вчера въ теченіе четырехъ или пяти часовъ видѣлъ я разнообразныхъ сценъ: и трогательныхъ, и смѣшныхъ!» — Читаемъ ниже. — «Двумъ братьямъ очень не хотѣлось итти въ рекруты. Старшій братъ ихъ, который заступалъ у нихъ мѣсто отца, не былъ раздѣтъ и поставленъ въ мѣру, хотя по лѣтамъ

1) Его секретарь.
2) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 269.

можно было и его принять въ солдаты. Я сказалъ имъ тутъ: «не хотите итти, такъ поставлю старшаго вашего брата». — «Нѣтъ, батюшка, лучше мы пойдемъ: онъ вскормилъ, вспоилъ насъ маленькихъ». А какую ужасную харю видѣлъ я у одного плута рекрута! Какъ крокодильски онъ плакалъ! Вотъ бы съ этой хари писать Лицемѣріе. Негодяй! Не давалъ отцу въ теченіе шести лѣтъ ни копѣйки. Всѣхъ насъ привелъ въ негодованье, и я закричалъ громогласно: «лобъ!» такъ, что стѣны потряслись»[1]). Или, вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ женѣ изъ Вышняго-Волочка 17-го декабря 1827 года. — «Сегодня я такъ былъ взбѣшенъ въ Рекрутскомъ присутствіи, что не могу тебѣ изъяснить. Часа два или три кричалъ съ цѣлою волостью: хотѣлъ примирить и вразумить крестьянъ... Во все время набора не имѣлъ я столько непріятностей, сколько въ одинъ нынѣшній день. Вырвали изъ глотки скупого дяди для сироты племянника 200 рублей. Ахъ, какая трогательная сцена была между двумя братьями-сиротами! Одинъ изъ нихъ объявилъ, что добровольно идетъ за брата и за братенековъ (cousins) въ солдаты. Казался съ виду здоровъ, но докторъ нашелъ у него золотуху. Тутъ онъ заплакалъ и сказалъ младшему брату: «хотѣлъ спасти тебя, да не могъ». По настоящему надобно было итти меньшому брату, потому что братенекъ его былъ женатъ, но я велѣлъ кинуть жребій. Дядя вызвался дать племяннику 50 рублей награжденія, если добровольно пойдетъ въ солдаты, но тотъ не соглашался меньше 200 рублей. Долго спорили, кричали, но мы поставили на своемъ, и бѣдный сирота-рекрутъ получилъ 200 рублей».

Литературнымъ памятникомъ рекрутскихъ наборовъ, производившихся Измайловымъ и вообще его разъѣздовъ служитъ нѣсколько его стихотвореній, изъ которыхъ немногія напечатаны. Кромѣ приведенныхъ выше, слѣдуетъ упомянуть еще его «Прокламацію Кашинскимъ и Калязинскимъ рекрутамъ», начинающуюся словами:

Здравствуйте, ребяты!
Бравые солдаты!
Полно, не тужите,
Царю послужите[2]) и пр.

---

1) Изъ письма отъ 3-го ноября 1827 г.

2) Находится и въ Собраніи сочиненій, т. I, стр. 294—295.

Но вообще муза Измайлова за время тверского вицегубернаторства нашего писателя, какъ мы уже замѣтили, полудремала, чему главными причинами были — крайній недосугъ Измайлова, да и отсутствіе другихъ благопріятствующихъ условій. Не было и людей, которые бы умѣли цѣнить плоды его музы[1]) и поддерживали бы въ немъ литературные интересы, какъ то было въ Петербургѣ. «Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы» — писалъ однажды Измайловъ И. И. Дмитріеву. — «Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ»[2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было сдѣлать что-нибудь по части поэзіи. Дѣйствительно, написалъ Александръ Ефимовичъ въ Твери очень немного. Большинство изъ напечатаннаго, равно какъ и изъ остававшаго доселѣ въ рукописяхъ, нами уже указано на предыдущихъ страницахъ; отмѣтимъ еще написанную имъ въ Твери «Инструкцію женѣ моей — тверской вицегубернаторшѣ». «Инструкція» эта, долго ходившая по рукамъ въ спискахъ, въ свое время надѣлавшая много шума, наконецъ была напечатана[3]), не разъ перепечатывалась и годъ тому назадъ вновь по какому-то случаю появилась на страницахъ *Русскаго Архива*[4]). Въ виду общеизвѣстности «Инструкціи» приводить выписокъ изъ нея не будемъ.

А между тѣмъ у Измайлова было желанье поработать перомъ по части столь любимой имъ литературы. Онъ мечталъ, между прочимъ, загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ на журналъ *Благонамѣренный*, прекратившійся по случаю его отъѣзда. «Надѣюсь», — писалъ Александръ Ефимовичъ 6-го іюля 1827 г. Дмитріеву, — «что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные номера этого

---

1) Какъ мы уже видѣли, онъ навлекъ на себя своими произведеніями даже крупныя непріятности.

2) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 999.

3) Впервые обнародована сыномъ Измайлова въ 1875 г. (*Русская Старина* 1875 г., т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что «Инструкція» эта, какъ говоритъ семейное преданіе, доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя, и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся».

4) 1900 г., № 11.

несчастнаго журнала»[1]). Но Измайловъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ. И Измайлову приходилось искать утѣшенія лишь въ воспоминаніяхъ о своей прежней широкой и кипучей литературной дѣятельности и о далекихъ друзьяхъ, друзьяхъ литературы, оставленныхъ имъ въ Петербургѣ и продолжавшихъ тамъ, какъ бы на зависть нашему писателю, свои литературныя занятія. А Измайловъ въ то время сидѣлъ въ Твери, погруженный въ заботы о питейныхъ, соляныхъ, рекрутскихъ и прочихъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ званіемъ вицегубернатора добраго стараго времени.... Въ грустную минуту обиднымъ казалась ему такая перемѣна роли, и онъ горько жалуется на это въ своихъ письмахъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что онъ находился въ перепискѣ со многими литераторами — своими знакомыми и пріятелями, но, къ сожалѣнью, почти вся эта переписка до насъ не дошла[2]). Вотъ, впрочемъ, отрывокъ изъ письма къ Измайлову отъ племянника его П. Л. Яковлева[3]), гдѣ тотъ говоритъ о Пушкинѣ: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ; всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь сбирается къ нему, какъ древле къ великому Арузту сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для (П. М.) Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и — съ позволенія сказать — Б. (М.) Ѳедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье. Впрочемъ, онъ все тотъ же, такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», сбирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»[4]); кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы».

---

1) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 996.

2) Изъ писемъ Измайлова отъ сего времени достояніемъ печати стали лишь его письма къ графу Д. И. Хвостову и И. И. Дмитріеву, выше нами цитованныя.

3) Изъ Москвы отъ 21-го марта 1827 г.

4) Разумѣется отдѣльное изданіе; отрывки поэмы появились въ печати еще въ 1825 году.

Но вообще муза Измайлова за время тверского вицегубернаторства нашего писателя, какъ мы уже замѣтили, полудремала, чему главными причинами были — крайній недосугъ Измайлова, да и отсутствіе другихъ благопріятствующихъ условій. Не было и людей, которые бы умѣли цѣнить плоды его музы[1]) и поддерживали бы въ немъ литературные интересы, какъ то было въ Петербургѣ. «Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы» — писалъ однажды Измайловъ И. И. Дмитріеву. — «Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ»[2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было сдѣлать что-нибудь по части поэзіи. Дѣйствительно, написалъ Александръ Ефимовичъ въ Твери очень немного. Большинство изъ напечатаннаго, равно какъ и изъ остававшаго доселѣ въ рукописяхъ, нами уже указано на предыдущихъ страницахъ; отмѣтимъ еще написанную имъ въ Твери «Инструкцію женѣ моей — тверской вицегубернаторшѣ». «Инструкція» эта, долго ходившая по рукамъ въ спискахъ, въ свое время надѣлавшая много шума, наконецъ была напечатана[3]), не разъ перепечатывалась и годъ тому назадъ вновь по какому-то случаю появилась на страницахъ *Русскаго Архива*[4]). Въ виду общеизвѣстности «Инструкціи» приводить выписокъ изъ нея не будемъ.

А между тѣмъ у Измайлова было желанье поработать перомъ по части столь любимой имъ литературы. Онъ мечталъ, между прочимъ, загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ на журналъ *Благонамѣренный*, прекратившійся по случаю его отъѣзда. «Надѣюсь», — писалъ Александръ Ефимовичъ 6-го іюля 1827 г. Дмитріеву, — «что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные номера этого

---

1) Какъ мы уже видѣли, онъ навлекъ на себя своими произведеніями даже крупныя непріятности.

2) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 999.

3) Впервые обнародована сыномъ Измайлова въ 1875 г. (*Русская Старина* 1875 г., т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что «Инструкція» эта, какъ говоритъ семейное преданіе, доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя, и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся».

4) 1900 г., № 11.

несчастнаго журнала»[1]). Но Измайловъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ. И Измайлову приходилось искать утѣшенія лишь въ воспоминаніяхъ о своей прежней широкой и кипучей литературной дѣятельности и о далекихъ друзьяхъ, друзьяхъ литературы, оставленныхъ имъ въ Петербургѣ и продолжавшихъ тамъ, какъ бы на зависть нашему писателю, свои литературныя занятія. А Измайловъ въ то время сидѣлъ въ Твери, погруженный въ заботы о питейныхъ, соляныхъ, рекрутскихъ и прочихъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ званіемъ вицегубернатора добраго стараго времени.... Въ грустную минуту обиднымъ казалась ему такая перемѣна роли, и онъ горько жалуется на это въ своихъ письмахъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что онъ находился въ перепискѣ со многими литераторами — своими знакомыми и пріятелями, но, къ сожалѣнью, почти вся эта переписка до насъ не дошла[2]). Вотъ, впрочемъ, отрывокъ изъ письма къ Измайлову отъ племянника его П. Л. Яковлева[3]), гдѣ тотъ говоритъ о Пушкинѣ: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ; всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь сбирается къ нему, какъ древле къ великому Арузту сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для (П. М.) Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и — съ позволенія сказать — Б. (М.) Ѳедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье. Впрочемъ, онъ все тотъ же, такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», сбирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»[4]); кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы».

---

1) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 996.

2) Изъ писемъ Измайлова отъ сего времени достояніемъ печати стали лишь его письма къ графу Д. И. Хвостову и И. И. Дмитріеву, выше нами цитованныя.

3) Изъ Москвы отъ 21-го марта 1827 г.

4) Разумѣется отдѣльное изданіе; отрывки поэмы появились въ печати еще въ 1825 году.

Но вообще муза Измайлова за время тверского вицегубернаторства нашего писателя, какъ мы уже замѣтили, полудремала, чему главными причинами были — крайній недосугъ Измайлова, да и отсутствіе другихъ благопріятствующихъ условій. Не было и людей, которые бы умѣли цѣнить плоды его музы [1]) и поддерживали бы въ немъ литературные интересы, какъ то было въ Петербургѣ. «Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы» — писалъ однажды Измайловъ И. И. Дмитріеву. — «Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ» [2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было сдѣлать что-нибудь по части поэзіи. Дѣйствительно, написалъ Александръ Ефимовичъ въ Твери очень немного. Большинство изъ напечатаннаго, равно какъ и изъ остававшаго доселѣ въ рукописяхъ, нами уже указано на предыдущихъ страницахъ; отмѣтимъ еще написанную имъ въ Твери «Инструкцію женѣ моей — тверской вицегубернаторшѣ». «Инструкція» эта, долго ходившая по рукамъ въ спискахъ, въ свое время надѣлавшая много шума, наконецъ была напечатана [3]), не разъ перепечатывалась и годъ тому назадъ вновь по какому-то случаю появилась на страницахъ *Русскаго Архива* [4]). Въ виду общеизвѣстности «Инструкціи» приводить выписокъ изъ нея не будемъ.

А между тѣмъ у Измайлова было желанье поработать перомъ по части столь любимой имъ литературы. Онъ мечталъ, между прочимъ, загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ на журналъ *Благонамѣренный*, прекратившійся по случаю его отъѣзда. «Надѣюсь», — писалъ Александръ Ефимовичъ 6-го іюля 1827 г. Дмитріеву, — «что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные номера этого

---

1) Какъ мы уже видѣли, онъ навлекъ на себя своими произведеніями даже крупныя непріятности.

2) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 999.

3) Впервые обнародована сыномъ Измайлова въ 1875 г. (*Русская Старина* 1875 г., т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что «Инструкція» эта, какъ говоритъ семейное преданіе, доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя, и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся».

4) 1900 г., № 11.

несчастнаго журнала»[1]). Но Измайловъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ. И Измайлову приходилось искать утѣшенія лишь въ воспоминаніяхъ о своей прежней широкой и кипучей литературной дѣятельности и о далекихъ друзьяхъ, друзьяхъ литературы, оставленныхъ имъ въ Петербургѣ и продолжавшихъ тамъ, какъ бы на зависть нашему писателю, свои литературныя занятія. А Измайловъ въ то время сидѣлъ въ Твери, погруженный въ заботы о питейныхъ, соляныхъ, рекрутскихъ и прочихъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ званіемъ вицегубернатора добраго стараго времени.... Въ грустную минуту обиднымъ казалась ему такая перемѣна роли, и онъ горько жалуется на это въ своихъ письмахъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что онъ находился въ перепискѣ со многими литераторами — своими знакомыми и пріятелями, но, къ сожалѣнью, почти вся эта переписка до насъ не дошла[2]). Вотъ, впрочемъ, отрывокъ изъ письма къ Измайлову отъ племянника его П. Л. Яковлева[3]), гдѣ тотъ говоритъ о Пушкинѣ: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ; всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь сбирается къ нему, какъ древле къ великому Аруэту сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для (П. М.) Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и — съ позволенія сказать — Б. (М.) Ѳедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье. Впрочемъ, онъ все тотъ же, такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», сбирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»[4]); кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы».

---

1) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 996.

2) Изъ писемъ Измайлова отъ сего времени достояніемъ печати стали лишь его письма къ графу Д. И. Хвостову и И. И. Дмитріеву, выше нами цитованныя.

3) Изъ Москвы отъ 21-го марта 1827 г.

4) Разумѣется отдѣльное изданіе; отрывки поэмы появились въ печати еще въ 1825 году.

Но вообще муза Измайлова за время тверского вицегубернаторства нашего писателя, какъ мы уже замѣтили, полудремала, чему главными причинами были — крайній недосугъ Измайлова, да и отсутствіе другихъ благопріятствующихъ условій. Не было и людей, которые бы умѣли цѣнить плоды его музы [1]) и поддерживали бы въ немъ литературные интересы, какъ то было въ Петербургѣ. «Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы» — писалъ однажды Измайловъ И. И. Дмитріеву. — «Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ» [2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было сдѣлать что-нибудь по части поэзіи. Дѣйствительно, написалъ Александръ Ефимовичъ въ Твери очень немного. Большинство изъ напечатаннаго, равно какъ и изъ остававшаго доселѣ въ рукописяхъ, нами уже указано на предыдущихъ страницахъ; отмѣтимъ еще написанную имъ въ Твери «Инструкцію женѣ моей — тверской вицегубернаторшѣ». «Инструкція» эта, долго ходившая по рукамъ въ спискахъ, въ свое время надѣлавшая много шума, наконецъ была напечатана [3]), не разъ перепечатывалась и годъ тому назадъ вновь по какому-то случаю появилась на страницахъ *Русскаго Архива* [4]). Въ виду общеизвѣстности «Инструкціи» приводить выписокъ изъ нея не будемъ.

А между тѣмъ у Измайлова было желанье поработать перомъ по части столь любимой имъ литературы. Онъ мечталъ, между прочимъ, загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ на журналъ *Благонамѣренный*, прекратившійся по случаю его отъѣзда. «Надѣюсь», — писалъ Александръ Ефимовичъ 6-го іюля 1827 г. Дмитріеву, — «что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные номера этого

1) Какъ мы уже видѣли, онъ навлекъ на себя своими произведеніями даже крупныя непріятности.

2) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 999.

3) Впервые обнародована сыномъ Измайлова въ 1875 г. (*Русская Старина* 1875 г., т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что «Инструкція» эта, какъ говоритъ семейное преданіе, доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя, и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся».

4) 1900 г., № 11.

несчастнаго журнала»[1]). Но Измайловъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ. И Измайлову приходилось искать утѣшенія лишь въ воспоминаніяхъ о своей прежней широкой и кипучей литературной дѣятельности и о далекихъ друзьяхъ, друзьяхъ литературы, оставленныхъ имъ въ Петербургѣ и продолжавшихъ тамъ, какъ бы на зависть нашему писателю, свои литературныя занятія. А Измайловъ въ то время сидѣлъ въ Твери, погруженный въ заботы о питейныхъ, соляныхъ, рекрутскихъ и прочихъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ званіемъ вицегубернатора добраго стараго времени.... Въ грустную минуту обиднымъ казалась ему такая перемѣна роли, и онъ горько жалуется на это въ своихъ письмахъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что онъ находился въ перепискѣ со многими литераторами — своими знакомыми и пріятелями, но, къ сожалѣнью, почти вся эта переписка до насъ не дошла[2]). Вотъ, впрочемъ, отрывокъ изъ письма къ Измайлову отъ племянника его П. Л. Яковлева[3]), гдѣ тотъ говоритъ о Пушкинѣ: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ; всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь сбирается къ нему, какъ древле къ великому Аруэту сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для (П. М.) Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и — съ позволенія сказать — Б. (М.) Ѳедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье. Впрочемъ, онъ все тотъ же, такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», сбирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»[4]); кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы».

---

1) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 996.

2) Изъ писемъ Измайлова отъ сего времени достояніемъ печати стали лишь его письма къ графу Д. И. Хвостову и И. И. Дмитріеву, выше нами цитованныя.

3) Изъ Москвы отъ 21-го марта 1827 г.

4) Разумѣется отдѣльное изданіе; отрывки поэмы появились въ печати еще въ 1825 году.

Но вообще муза Измайлова за время тверского вицегубернаторства нашего писателя, какъ мы уже замѣтили, полудремала, чему главными причинами были — крайній недосугъ Измайлова, да и отсутствіе другихъ благопріятствующихъ условій. Не было и людей, которые бы умѣли цѣнить плоды его музы[1]) и поддерживали бы въ немъ литературные интересы, какъ то было въ Петербургѣ. «Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы» — писалъ однажды Измайловъ И. И. Дмитріеву. — «Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ»[2]). Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было сдѣлать что-нибудь по части поэзіи. Дѣйствительно, написалъ Александръ Ефимовичъ въ Твери очень немного. Большинство изъ напечатаннаго, равно какъ и изъ остававшаго доселѣ въ рукописяхъ, нами уже указано на предыдущихъ страницахъ; отмѣтимъ еще написанную имъ въ Твери «Инструкцію женѣ моей — тверской вицегубернаторшѣ». «Инструкція» эта, долго ходившая по рукамъ въ спискахъ, въ свое время надѣлавшая много шума, наконецъ была напечатана[3]), не разъ перепечатывалась и годъ тому назадъ вновь по какому-то случаю появилась на страницахъ *Русскаго Архива*[4]). Въ виду общеизвѣстности «Инструкціи» приводить выписокъ изъ нея не будемъ.

А между тѣмъ у Измайлова было желанье поработать перомъ по части столь любимой имъ литературы. Онъ мечталъ, между прочимъ, загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ на журналъ *Благонамѣренный*, прекратившійся по случаю его отъѣзда. «Надѣюсь», — писалъ Александръ Ефимовичъ 6-го іюля 1827 г. Дмитріеву, — «что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные номера этого

1) Какъ мы уже видѣли, онъ навлекъ на себя своими произведеніями даже крупныя непріятности.

2) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 999.

3) Впервые обнародована сыномъ Измайлова въ 1875 г. (*Русская Старина* 1875 г., т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что «Инструкція» эта, какъ говоритъ семейное преданіе, доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя, и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся».

4) 1900 г., № 11.

несчастнаго журнала»[1]). Но Измайловъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ. И Измайлову приходилось искать утѣшенія лишь въ воспоминаніяхъ о своей прежней широкой и кипучей литературной дѣятельности и о далекихъ друзьяхъ, друзьяхъ литературы, оставленныхъ имъ въ Петербургѣ и продолжавшихъ тамъ, какъ бы на зависть нашему писателю, свои литературныя занятія. А Измайловъ въ то время сидѣлъ въ Твери, погруженный въ заботы о питейныхъ, соляныхъ, рекрутскихъ и прочихъ дѣлахъ, сопряженныхъ съ званіемъ вицегубернатора добраго стараго времени.... Въ грустную минуту обиднымъ казалась ему такая перемѣна роли, и онъ горько жалуется на это въ своихъ письмахъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что онъ находился въ перепискѣ со многими литераторами — своими знакомыми и пріятелями, но, къ сожалѣнью, почти вся эта переписка до насъ не дошла[2]). Вотъ, впрочемъ, отрывокъ изъ письма къ Измайлову отъ племянника его П. Л. Яковлева[3]), гдѣ тотъ говоритъ о Пушкинѣ: «А. Пушкинъ живетъ здѣсь (въ Москвѣ) съ однимъ изъ лицейскихъ товарищей. Судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ; всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь сбирается къ нему, какъ древле къ великому Аруэту сбирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смыслу въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Это покажется удивительнымъ для (П. М.) Карабанова, графа (Д. И.) Хвостова и — съ позволенія сказать — Б. (М.) Ѳедорова. Пушкинъ очень перемѣнился и наружностью: страшныя черныя бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженье. Впрочемъ, онъ все тотъ же, такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію. Онъ ревностно участвуетъ въ изданіи «Московскаго Вѣстника», сбирается печатать «Годунова» и «Цыганъ»[4]); кажется, восемь главъ «Онѣгина» уже готовы».

---

1) *Русскій Архивъ*, 1871 г., ст. 996.

2) Изъ писемъ Измайлова отъ сего времени достояніемъ печати стали лишь его письма къ графу Д. И. Хвостову и И. И. Дмитріеву, выше нами цитованныя.

3) Изъ Москвы отъ 21-го марта 1827 г.

4) Разумѣется отдѣльное изданіе; отрывки поэмы появились въ печати еще въ 1825 году.

Но, само собою разумѣется, что воспоминанія и переписка не могли замѣнить ему личныхъ свиданій и бесѣдъ съ своими братьями по Аполлону и не могли служить достаточнымъ утѣшеньемъ для него —

Забвеннаго отъ всѣхъ пѣвца,
Котораго здѣсь (въ Твери) пріютили
Къ продажѣ хлѣбнаго винца[1]).

Впрочемъ, случай скоро доставилъ Измайлову возможность свидѣться съ нѣкоторыми своими знакомыми-писателями, проживавшими въ Москвѣ. Случаемъ этимъ былъ проѣздъ Александра Ефимовича черезъ Москву на мѣсто новаго назначенія — въ Архангельскъ, куда онъ высочайшимъ указомъ былъ переведенъ весною 1828 года.

Его препирательства съ тверскимъ обществомъ и полемика съ лицами, власть въ Твери предержащими, кончилась не въ пользу его, не смотря на заступничество за нашего писателя такихъ петербургскихъ покровителей его, какъ И. И. Розенбергъ[2]), И. М. Ореусъ[3]), Д. М. Княжевичъ[4]) и др. Въ отвѣтъ на послѣднюю бумагу Измайлова въ Сенатъ, въ которой онъ рѣзко отозвался о всѣхъ представителяхъ тверской администраціи, не позабывъ кое-что присовокупить и о женѣ губернатора, пришелъ указъ о перемѣщеніи его вицегубернаторомъ же въ Архангельскъ. «Поэзія не устояла», какъ выразилась не безъ удовольствія, по поводу этого указа, супруга губернатора, и Измайловъ, оставивъ въ Твери семью, пріѣхавшую къ нему всего лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до новаго назначенья, въ первыхъ числахъ мая 1828 года оставилъ навсегда

...городъ древній, славный Тверь.

---

1) Изъ неизданнаго посланія къ И. П. Мятлеву.

2) И. И. Розенбергъ — въ то время директоръ департамента Государственнаго казначейства (умеръ 16-го декабря 1829 г.).

3) И. М. Ореусъ — въ то время тайный совѣтникъ, товарищъ министра финансовъ.

4) Д. М. Княжевичъ — въ то время директоръ департамента Государственнаго казначейства, впослѣдствіи попечитель Одесскаго учебнаго округа и основатель Одесскаго общества исторіи и древностей. А. Е. Измайловъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ братьями Княжевичами съ молодыхъ лѣтъ. Трое Княжевичей (Владиславъ Максимовичъ, Дмитрій Максимовичъ и Николай Максимовичъ) были постоянными сотрудниками его журналовъ.

Весь май мѣсяцъ Измайловъ провелъ въ дорогѣ. Длинный путь лежалъ черезъ Москву, Ярославль и Вологду. Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ Александръ Ефимовичъ посылалъ женѣ пространныя письма, въ которыхъ, впрочемъ, мало любопытнаго; главнымъ образомъ онъ говоритъ въ нихъ о пріемахъ, какіе ему оказывали тѣ или другіе знакомые. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ И. И. Дмитріевымъ, а также А. Ѳ. Мерзляковымъ, М. Т. Каченовскимъ, Н. А. Полевымъ и другими писателями, знакомыми по Петербургу; хотѣлъ было навѣстить лежавшую на одрѣ болѣзни А. П. Бунину[1]), да «убоялся, что замучитъ коммисіями». Изъ Москвы заѣзжалъ онъ въ Троицко-Сергіевскую обитель[2]), а затѣмъ и въ имѣнье графа Д. И. Хвостова взглянуть на знаменитую Кубру — рѣчку въ имѣніи графа, которую не разъ воспѣвалъ въ своихъ виршахъ знаменитый ея метроманъ-владѣлецъ[3]). Измайловъ, по примѣру графа Салтыкова, Державина и другихъ писателей, обращавшихся по этому поводу съ стихотворными посланіями къ «Пѣвцу Кубры», набросалъ слѣдующее довольно остроумное стихотворенье, за время своего пребыванья въ имѣніи графа:

Пѣвцу Кубры.

О рѣчка малая, Кубра!
Славнѣй ты Тигра и Ефрата,
Славнѣе, чѣмъ Дунай и Ра.
Хоть ты струями не богата,
Но воспоенъ пѣвецъ тобой,

---

1) А. П. Бунина — извѣстная въ свое время поэтесса. Она долго страдала отъ рака на груди и въ декабрѣ 1829 года скончалась.

2) Объ этомъ посѣщеніи лавры въ письмѣ Измайлова сохранились, между прочимъ, слѣдующія строки: «Въѣхали мы въ святую обитель и невольно соблазнились. Хороводъ разбѣленыхъ, разрумяненыхъ дѣвицъ, молодицъ и молодыхъ парней въ китайчатыхъ сюртукахъ пѣлъ громогласно пѣсню, которую никакая не только духовная, но и гражданская цензура, вѣрно, не пропустила бы. Вотъ refrain:

Чернечикъ ты мой, парень молодой!

Содержаніе пѣсни то, что чернецъ напился до безчувствія, потомъ «опамятовался и пустился плясать». Въ другомъ письмѣ, говоря о сокровищахъ лаврской ризницы, Александръ Ефимовичъ восклицаетъ: «Въ жизнь мою не видывалъ столько жемчугу и самоцвѣтныхъ каменьевъ, не говоря о другихъ драгоцѣнностяхъ!»

3) Подробности о ней см. въ акад. изд. сочиненій Г. Р. Державина, т. II, стр. 304—308).

Парнасскаго исполненъ жара,
Соперникъ древняго Пиндара;
Своей волшебною рукой
Прославилъ онъ тебя на лирѣ
И стала первой ты рѣкой
Во всемъ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ[1]).

Изъ городовъ, лежавшихъ на пути въ Архангельскъ, въ особенности понравился нашему писателю Ярославль. «Что̀ предъ нимъ ваша Тверь!» — писалъ Александръ Ефимовичъ женѣ. — «На небольшомъ разстояніи замѣтилъ я довольно домовъ прекраснѣйшей архитектуры, какихъ мало въ Москвѣ и Петербургѣ. Видъ праваго берега Волги съ противуположной стороны безподобный. Представь себѣ крутый возвышенный берегъ или валъ, покрытый сверху зеленью, а внизу вымощенный булыжникомъ, съ красивыми мостиками, переходами, съ великолѣпными, показывающимися изъ за него колокольнями... Прелесть! Не даромъ есть старинная русская пѣсня:

Охъ ты, батюшка, Ярославль городъ!
Хорошо Ярославль построился и т. д.

Не только хорошо, *очень* хорошо, безподобно! Можно отдать честь бывшему губернатору Безобразову. И какая въ городѣ чистота, порядокъ»... И дорога изъ Ярославля была пріятная. «Всю ночь мы ѣхали» — пишетъ Александръ Ефимовичъ — «и всю ночь слышали пѣнье птицъ... Въ Вокшерскомъ часа въ два пополудни сидѣлъ я на крыльцѣ у смотрителя, курилъ трубку, пилъ ярославскій медъ и слушалъ какъ вдали пѣло нѣсколько соловьевъ. Поѣхали; запѣли пѣночки, зяблики, жаворонки; потомъ услышали новаго соловья. Видѣли восхожденіе солнца»... Мѣстами, впрочемъ, дорога была скучная и тяжелая вслѣдствіе большой грязи, изъ которой шестерка лошадей едва вытаскивала экипажъ. Наконецъ, неподалеку отъ Вологды нашимъ путешественникамъ (Измайловъ ѣхалъ съ младшимъ сыномъ) пришлось надолго задержаться въ какомъ-то захолустьи «за разрушеніемъ колес-

1) Стихи эти (неизд.) Измайловъ написалъ карандашомъ на стѣнѣ въ китайской бесѣдкѣ графа подъ стихами «раболѣпнаго Воейкова», также нѣкогда заѣзжавшаго въ имѣнье графа Хвостова. (Изъ письма Измайлова къ женѣ отъ 16-го мая 1828 г.).

ницы». Кое-какъ уладивъ ее, они съ трудомъ дотащились до Вологды, гдѣ Александръ Ефимовичъ прочиталъ тамошнему губернатору, своему старому знакомому — Н. П. Брусилову[1]), басню «Кулачные бойцы», сочиненную имъ, пока сколачивали его разрушившуюся «колесницу». Въ Вологдѣ онъ прожилъ цѣлую недѣлю и успѣлъ сочинить четыре басни, то-есть «болѣе одною, нежели въ Твери въ продолженіи года и четырехъ мѣсяцевъ», какъ отмѣтилъ самъ Александръ Ефимовичъ въ письмѣ къ графу Д. И. Хвостову (*Славянинъ* 1829 г., ч. VII, стр. 254).

Въ Вологдѣ же ему поразсказали кое-что объ Архангельскѣ и тамошнихъ людяхъ. «Хвалятъ всѣ» — говоритъ Александръ Ефимовичъ — «архангельскаго генералъ-губернатора и ругаютъ правителя его канцеляріи: изъ шельмъ шельма. Видно ведетъ меня Богъ въ Архангельскъ для ниспроверженія этой шельмы... А что пріятель мой Борисовъ?» — заключаетъ письмо Александръ Ефимовичъ. — «Что супруга его? Я не забылъ еще ихъ. Довершу непремѣнно начатое и избавлю отъ этихъ изверговъ тверскую губернію, которою Великая Екатерина хотѣла управлять не скипетромъ, а однимъ только *вѣеромъ*. По этому случаю съ вѣеромъ написанъ и портретъ ея, который поставленъ въ тверскомъ дворцѣ»...

Наконецъ, на четвертую недѣлю путешествія, Измайловъ въѣхалъ въ предѣлы Архангельской губерніи. «Слава Богу! Слава Богу! Мы уже въ Архангельской губерніи» — пишетъ Александръ Ефимовичъ 31-го мая 1828 года. «Въѣхали въ нее вчера въ половинѣ шестого часа вечера. На границѣ стоятъ по сторонамъ дороги два столба съ гербами Вологодской и Архангельской губерній. На послѣднемъ изображенъ Архангелъ Гавріилъ, котораго мощи, по увѣренію Матвѣева, покоятся въ вашемъ Тверскомъ Соборѣ, и который поражаетъ діавола. А какую смѣшную гримасу дѣлаетъ діаволъ! Точь въ точь какъ иной губернаторъ, когда сенатъ потребуетъ отъ него объясненія по уголовному дѣлу».

5-го іюня, ввечеру, Измайловъ прибылъ въ Архангельскъ. «Наконецъ я въ Архангельскѣ и мнѣ чрезвычайно грустно». . . Такъ на-

---

1) Н. П. Брусиловъ вологодскимъ губернаторомъ былъ съ 1820 по 1834 г. Измайловъ познакомился съ нимъ и былъ введенъ въ его общество довольно рано, когда еще Николай Петровичъ издавалъ (въ 1805 г.) въ Петербургѣ *Журналъ Россійской Словесности*.

чинается его первое изъ этого города письмо къ женѣ. Грустное-ли настроеніе Измайлова, непокидавшее нашего писателя долгое время по пріѣздѣ на мѣсто новаго служенія, или еще незажившая рана, нанесенная въ Твери его довѣрчивому сердцу, сдѣлали Александра Ефимовича какъ бы безучастнымъ и скептическимъ къ новымъ знакомствамъ; но только въ длинномъ рядѣ его первыхъ писемъ изъ Архангельска мы не найдемъ уже тѣхъ восторговъ, того добродушія, благорасположенности къ людямъ, которыми отличаются его первыя письма изъ Твери. Его отзывы о людяхъ въ высшей степени сдержанны, нерѣшительны; ласки же и вниманье, которыми окружали его «первѣйшіе граждане Архангельска», кажутся ему далеко не искренными. Тяжелый опытъ разочарованья въ людяхъ, казалось, научилъ нашего писателя быть болѣе осмотрительнымъ въ сношеніяхъ съ людьми и держаться даже нѣсколько предубѣжденныхъ взглядовъ. Но пессимизмъ былъ несвойственъ душѣ Измайлова, и навѣянный одними обстоятельствами онъ легко былъ устраняемъ другими. Достаточно было небольшого толчка, чтобы къ Александру Ефимовичу вернулось вновь его добродушное и довѣрчивое расположеніе и къ людямъ, и ко всему окружающему. Такъ было съ нимъ и въ Архангельскѣ. Проведя нѣсколько недѣль въ этомъ городѣ, присмотрѣвшись къ нему, Измайловъ скоро отказался отъ своего предвзятаго взгляда на него и архангельцевъ и сталъ къ послѣднимъ менѣе подозрительнымъ.

Правда, онъ не вполнѣ довѣрялъ всѣмъ ихъ разсказамъ и дѣйствіямъ. Не вѣрилъ, напримѣръ, что на устройство общественнаго Александровскаго сада было употреблено сто тысячъ рублей[1]), не вѣрилъ ласковымъ и учтивымъ выраженіямъ правителя канцеляріи генералъ-губернатора; не вѣрилъ, что у генералъ-губернатора дѣйствительно законная жена, и во многое другое; но все-таки Архангельскъ и его обитатели ему скоро понравились; мало того, новое мѣсто слу-

1) «Были въ Александровскомъ саду, на который, говорятъ, употреблено 100 тысячъ рублей» пишетъ Александръ Ефимовичъ 9-го іюня 1828 г. — «Садъ этотъ обнесенъ кругомъ каменною оградой и — только! Есть въ немъ березы, сосны, травы, крапива и — только! Дорожекъ нѣту, да и на что? по травѣ мягче ходить... Комары выгнали насъ изъ саду, можетъ быть, за то, что мы усумнились будто употреблено на садъ 100 тысячъ рублей. Въ Кашинѣ» — вспоминаетъ Александръ Ефимовичъ — «каменная ограда округъ дѣвичьяго монастыря несравненно больше, но стала только 20 тысячъ рублей. Видно, игуменья — дура»... заключаетъ Измайловъ.

женія нашего писателя даже превзошло его ожиданья. «Чѣмъ болѣе живу въ Архангельскѣ» — пишетъ онъ 12-го іюля 1828 г. — «тѣмъ болѣе и болѣе онъ мнѣ нравится. Какой контрастъ Твери. Много хвалили мнѣ въ Твери Архангельскъ, но онъ превзошелъ мои ожиданья. Здѣсь можно имѣть самое пріятное общество и жить безъ малѣйшаго принужденья, а съ истиннымъ и большимъ удовольствіемъ»... «Не смотря на всѣ похвалы, слышанныя мною въ Твери объ Архангельскѣ» — пишетъ онъ опять двѣ недѣли спустя — «я никакъ не ожидалъ, чтобы здѣсь было мнѣ такъ хорошо, какъ я нашелъ. Истинно изъ ада попалъ въ рай. Здѣсь можно жить и свободно, и скромно. Общество здѣсь несравненно лучше тверского»... «Напрасно ты думаешь худо объ Архангельскѣ» говоритъ онъ супругѣ въ письмѣ отъ 17-го августа — «скажу тебѣ, что послѣ Петербурга, Москвы и Кіева врядъ-ли найдется два или три губернскихъ города, въ которыхъ можно было бы жить такъ пріятно, какъ въ Архангельскѣ. Изъ губернскихъ чиновниковъ разумѣется не такъ-то много хорошихъ, но право болѣе и теперь, чѣмъ въ Твери. И здѣсь теперь есть довольно дурного; *но, если будетъ хорошее начальство, то все будетъ хорошо*». Въ довершеніе всѣхъ благъ и къ вящему удовольствію Измайлова оказалось, что и работы казенной въ Архангельскѣ было менѣе чѣмъ въ Твери, да и подчиненные ему чиновники и сослуживцы были людьми болѣе дѣятельными. «Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ я живу въ Архангельскѣ», пишетъ Александръ Ефимовичъ, «и во все время истинно не имѣлъ я столько непріятностей и безпокойствъ, сколько бывало въ одинъ день въ Твери. . . Важныхъ и такихъ опасныхъ дѣлъ, какія были по Тверской Палатѣ, здѣсь нѣтъ. Самая важная у меня лѣсная часть устраивается какъ нельзя лучше: сами мы не плутуемъ, да и другихъ не допускаемъ. Хоть сейчасъ пришли намъ десять ревизоровъ, — милости просимъ. Въ короткое время при мнѣ и по Рекрутскому Присутствію, и вообще по Палатѣ устроенъ лучшій противъ прежняго порядокъ; а пустяки, которыми предмѣстники мои изъ тщеславія мучили понапрасну людей и отвлекали отъ настоящаго дѣла, отмѣнены»... Итакъ, оставшись довольнымъ сослуживцами по Палатѣ и значительнымъ облегченьемъ служебныхъ обязанностей, Измайловъ на первыхъ порахъ остался доволенъ вообще и архангельскимъ обществомъ, и тамошними порядками. Архангельское общество составляли

чиновники по гражданской службѣ, затѣмъ военные (главнымъ образомъ моряки), наконецъ — значительное количество купцовъ русскихъ и иностранныхъ (послѣднихъ Александръ Ефимовичъ, въ отличіе отъ купцовъ русскихъ, постоянно называетъ въ своихъ письмахъ негоціантами; большинство изъ нихъ были англичане и нѣмцы). Вотъ какъ нѣсколькими словами характеризуетъ Измайловъ архангельское общество, сравнивая послѣднее съ тверскимъ: «Въ Твери народъ все лукавый, глядитъ и кланяется по обстоятельствамъ; здѣсь почти всѣ вообще ведутъ себя гораздо ровнѣе, не кланяются такъ низко, не улыбаются такъ сладко, но и не поднимаютъ такъ высоко носа, какъ тверскіе наушники и двоедушники»[1]). Изъ чиновниковъ особеннымъ уваженьемъ и любовью Измайлова чуть-ли не съ перваго дня знакомства пользовался И. Я. Бухаринъ[2]). Правда, въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ къ женѣ Александръ Ефимовичъ далъ довольно сухой отзывъ о Бухаринѣ[3]), но познакомившись ближе онъ оцѣнилъ этого достойнаго человѣка. Въ дѣлѣ управленія губерніей за этимъ человѣкомъ была уже большая опытность. Въ качествѣ вицегубернатора или губернатора онъ побывалъ въ Финляндіи, на Кавказѣ, въ Рязани, Кіевѣ, Астрахани, — наконецъ въ Архангельскѣ[4]) и вездѣ, какъ говорится въ одномъ воспоминаніи, оставилъ по себѣ славу строгаго, но честнаго въ правилахъ службы и справедливаго человѣка[5]). Измайловъ сохранилъ намъ въ своихъ письмахъ слѣдующій о немъ анекдотъ. «Этотъ Бухаринъ во время присутствія пустилъ однажды зерцаломъ въ астраханскаго прокурора. «Какъ могъ ты это сдѣлать въ присутствіи?» — сказалъ ему покойный императоръ. — «Терпѣть не могу, государь, мошенниковъ» — отвѣчалъ онъ — «и готовъ прибить ихъ даже при Вашемъ Величествѣ». Государь улыбнулся». Самъ Александръ Ефимо-

---

1) Изъ письма отъ 18-го іюля 1828 г. Александръ Ефимовичъ долго еще не могъ забыть Твери, и въ его письмахъ сплошь и рядомъ встрѣчаемъ параллели, подобныя вышеприведеннымъ.

2) И. Я. Бухаринъ родился въ 1772 г., умеръ 6-го ноября 1858 г. (похороненъ въ Москвѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря).

3) «Въ лицѣ его есть что-то *жесткое*» — писалъ онъ ей.

4) Вицегубернаторство въ Архангельскѣ было его послѣднимъ вицегубернаторствомъ.

5) См. о немъ статью М. Н. Лонгинова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1858 г., № 122. (Перепечатано въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* того же года, № 230). См. также *Славянинъ* 1828 г., VII, стр. 257, примѣчаніе.

вичъ характеризуетъ его такъ: «Губернаторъ человѣкъ благонамѣренный, умный и любезный. Гордъ противъ подлецовъ и довольно горячъ противъ нихъ и невѣждъ. Съ эдакимъ губернаторомъ очень можно ладить. Болѣе 20 лѣтъ онъ уже губернаторомъ и очень разумѣетъ обращеніе». Кстати отмѣтимъ, что Бухаринъ былъ большимъ любителемъ литературы и даже самъ пописывалъ иногда стихи; обстоятельство это также могло лишь содѣйствовать скорѣйшему и болѣе прочному сближенію его съ нашимъ писателемъ, что на самомъ дѣлѣ и было. Впрочемъ, любителемъ литературы оказался въ Архангельскѣ не одинъ Бухаринъ: къ ней питали симпатіи и нѣкоторые другіе представители архангельской интеллигенціи; такъ, послушать чтеніе Измайлова и сами почитать любили архангельскія дамы. Ихъ нашъ писатель занималъ чтеніемъ стиховъ своихъ или чужихъ (между прочимъ, Пушкина, Крылова); кромѣ того, онъ писалъ имъ «стихи въ альбомъ», поздравительные, экспромты и т. п.; игралъ съ ними въ «вопросы и отвѣты». Но, конечно, интересъ дамъ поэзіей; литературой былъ слишкомъ поверхностный, и единственнымъ и постояннымъ болѣе серьезнымъ собесѣдникомъ Измайлова по части литературы оставался все тотъ же Бухаринъ [1]), раздѣлявшій съ нашимъ писателемъ и другіе его духовные интересы, каковыхъ у Александра Ефимовича было не мало. Пользуясь выпадавшимъ досугомъ, онъ писалъ стихи, усердно занимался Ломоносовымъ [2]) и однажды высказалъ желанье увидѣть «хорошее изданіе его твореній», не полное, но избранное, съ комментаріями».

— «Да, надъ этимъ надобно посидѣть», — писалъ онъ гр. Д. И. Хвостову — «а комментаріями немногіе любятъ и могутъ у насъ заниматься» [3]).

Собиралъ онъ старыя монеты, книги и рукописи; въ одномъ изъ своихъ писемъ приводитъ слѣдующіе образцы изъ стариннаго рукописнаго письмовника:

«Обрѣтенному сокровищу, веселію моему по закону Божію и по

---

1) Замѣтимъ кстати, что о литературѣ любили иногда поговорить съ нашимъ писателемъ и иностранные «негоціанты».

2) Въ Архангельскѣ и въ Холмогорахъ Измайловъ разыскивалъ, между прочимъ, родственниковъ Ломоносова и нашелъ нѣкоего Лопатина, занимавшагося рѣзьбой по кости; къ сожалѣнію, ничего интереснаго отъ него нашъ писатель не узналъ.

3) *Славянинъ* 1828 г., ч. VIII, стр. 364.

преданію святыхъ апостолъ и по благословенію отца нашего духовнаго Священно и протоіерея Іоанна Колченогаго, женѣ моей — Катеринѣ Ивановнѣ поклонъ». — «Такъ писали нѣкогда наши предки», — говоритъ Александръ Ефимовичъ — «какъ явствуетъ изъ присланнаго ко мнѣ древняго письмовника въ свиткѣ... А ты, милая Катенька», — прибавляетъ онъ — «впредь письма свои ко мнѣ начинай слѣдующимъ образомъ: «О сладостному моему милосердому другу! Любовь твоя снѣдаетъ утробу мою; совѣту моему и благодѣтелю, Государю моему свѣту, нелицемѣрному привѣту и законнаго житія воспріимцу» (имрекъ).

— «А къ Мишѣ и Павлинькѣ (сыновья Измайловыхъ) такъ:

«Рожденному отъ утробы моея и многогрѣшныма рукама моима воспитанному и во благоденствіе посреди винограда Христова возрастившему сыну моему отъ меня рожденному (имрекъ) благословеніе»...

Кромѣ того, Измайловъ интересовался произведеніями народнаго творчества и не разъ приглашалъ къ себѣ сказителей. Такъ, одинъ изъ нихъ сказывалъ ему однажды на распѣвъ «сказку въ виршахъ *о ерипѣ;* потомъ спѣлъ старинную пѣсню *о разбойничихъ усахъ;* наконецъ, запѣлъ третью — *о богатырѣ Добрынѣ и злой Маринкѣ — еретницѣ, безбожницѣ*». Въ другой разъ, по приглашенью Измайлова, явился къ нему какой-то мѣщанинъ Николай, архангельскій Гомеръ, рапсодъ, слѣпой пѣвецъ. «Пропѣлъ онъ намъ» — пишетъ Александръ Ефимовичъ — «три пѣсни: 1) о Добрынѣ Никитичѣ, какъ его превратила въ тура злая Маринка, и какъ ее самое мать Добрыни, старая Афимья Александровна, хотѣла оборотить въ сѣрую суку и послать въ мясной рядъ; 2) какъ царь неаполитанскій Василій укралъ черезъ поваренка Иващченко-Таракашченко жену у іерусалимскаго царя Саломона; 3) объ избавленіи отъ рукъ палача Малюты Скурлаты-собаки старшаго сына царя Ивана Васильевича Грознаго черезъ Никиту Романова, который пріѣхалъ на панихиду царевича въ цвѣтномъ платьѣ». Къ сожалѣнью, записи этихъ былинъ, сдѣланныя Измайловымъ, до насъ не дошли. Въ ничтожномъ количествѣ дошли до насъ и плоды его изученья архангельскаго говора, «нарѣчія». Извѣстно изъ писемъ нашего писателя, что имъ составленъ былъ «архангельско-русскій словарь», въ который вошло свыше 200 словъ; напечатанъ онъ не былъ и судьба его намъ неизвѣстна. Единственнымъ памятникомъ занятій Измайлова областнымъ говоромъ осталось его «Письмо къ издателю

Славянина, написанное нарѣчіемъ жителей города Архангельска» и напечатанное въ только что названномъ журналѣ (1828 г., ч. VIII). Вотъ это любопытное письмо, которое мы приводимъ полностью.

«Рано встаю я здѣсь съ *мѣста* (съ постели), сброшу *окутку* (одѣяло), надѣну *обувку* (обувь) и примусь за книгу или за перо. Когда же *обряжусь* (отдѣлаюсь) и *облакусь* (одѣнусь), велю человѣку *пахать* (мести) и прибирать комнаты, а самъ пойду на *угоръ* (на высокій берегъ); стою и любуюсь на величественную Двину, покрытую ладьями, *карбасами*, *шняками* (разнаго рода суда) и *душегубками* (челноками). *Угоръ* унизанъ красивыми деревянными домиками, а домы почти всѣ съ *вышками* (со свѣтлицами), и въ *вышкахъ палы* (окна) открыты. — Дѣлалъ я съ пріѣзда сюда визиты. Если скажутъ гдѣ «*живетъ*» (дóма), то войдешь; если же услышишь: «*повалился*» (спитъ), такъ отъ воротъ. Былъ я и на *новдѣ*[1]) (на торгу, на рынкѣ). Въ одномъ мѣстѣ сельскія красавицы въ *отдиркахъ* (въ головныхъ платкахъ) продаютъ въ *туисахъ* (въ буракахъ) морошку, *землянку* (землянику) и *кислицу* (красную смородину), въ другомъ сидятъ съ *тетерками*[2]) и *шангами* (булками и лепешками); въ третьей съ горшками и *кубами* (корчагами). Былъ у насъ недавно одинъ путешественникъ (изъ инородцевъ). Лжетъ *дородно* (очень много). Представьте себѣ: увѣрялъ торжественно здѣшнихъ старожиловъ, будто у насъ въ Архангельскѣ можно выстроить порядочный домикъ за сорокъ рублей и съ хлѣвомъ. По крайней мѣрѣ вдесятеро убавилъ[3]). Хорошо у насъ въ

---

1) *Новдемъ* называютъ здѣсь торгъ, потому что съ него привезутъ или принесутъ всегда что-нибудь *новенькое*. *(Примѣчаніе Измайлова)*.

2) Буква *е* произносится здѣсь часто какъ *ё (іо)*, напримѣръ: тетёрка, дёржать, прелёстная и т. п. *(Примѣчаніе Измайлова)*.

3) Это намекъ на П. П. Свиньина, который какъ разъ въ то время путешествовалъ по сѣвернымъ окраинамъ Россіи и о видѣнномъ и слышанномъ дѣлился съ публикой въ формѣ писемъ, печатавшихся въ *Сѣверной Пчелѣ*. Эти письма, равно какъ и письма изъ прежнихъ его путешествій и вообще всѣ разсказы Свиньина, не всегда были похожи на правду, что давало поводъ многимъ писателямъ и журналамъ такъ или иначе отмѣчать эту слабость Свиньина. Кажется, болѣе чѣмъ отъ кого другого Свиньинъ потерпѣлъ за свое хвастовство отъ Пушкина, Воейкова и нашего писателя, спеціально на него сочинившаго басню «Лгунъ» (Собр. соч., т. I, стр. 180—183) и нерѣдко поминавшаго его въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ (см. «Пѣсня» — въ Собр. соч., т. I, стр. 272). Увѣренье Свиньина, о которомъ говорится въ только что приведенномъ письмѣ, Александръ Ефимовичъ разсказалъ и въ своемъ «Прощаньѣ съ Архангельскомъ» въ слѣдующихъ строкахъ:

Архангельскѣ; годы теперь не *зеленые* (голодные), а урожайные; но *издержаться* и *рѣшиться* (умереть) желалъ бы я лучше въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Простите, *доброхотъ*: пора за дѣло».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Архангельскѣ (какъ и въ Твери) Измайловъ интересовался положеніемъ учебнаго дѣла въ этомъ отдаленномъ русскомъ городѣ и нерѣдко посѣщалъ находившіяся тамъ учебныя заведенія: гимназію, семинарію и нѣмецкое училище. Судя по письмамъ Измайлова, и постановка учебнаго дѣла въ архангельской гимназіи, и подборъ учителей были далеко неудовлетворительны. «Гимназія здѣшняя» — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 21-го января 1829 г. — «изъ рукъ вонъ плоха. Ученики 4-го класса не знаютъ какъ называются по латынѣ Богъ и хлѣбъ! Учителя же французскаго и нѣмецкаго языка едва-ли сами умѣютъ читать». Плохое впечатлѣніе произвелъ на него и экзаменъ въ гимназіи. Вотъ что говоритъ онъ по поводу этого: «Нынче (27-го іюня 1828 г.) были съ губернаторомъ на экзаменѣ въ гимназіи. Что за гимназія здѣсь! Во сто разъ хуже даже тверской. Былъ и преосвященный. Роздали намъ всѣмъ, почетнымъ посѣтителямъ, разрисованныя программы; на моей близъ архангельскаго герба изображена лира съ лавровымъ вѣнкомъ. Умерли бы со смѣху Настинька и Наташа[1]), если бы услышали экзаменъ въ россійской словесности, особливо во французскомъ языкѣ. Недавно пріѣхалъ сюда

Простите, съ вышками хоромы!
Простите, маленькіе домы,
О коихъ увѣрялъ Свиньинъ
Что съ вышкой домъ такой одинъ
Обходится здѣсь не дороже
Какъ въ 40—50 рублей.
Прости ему, великій Боже!
Безъ умысла солгалъ злодѣй! (Т. I, стр. 300).

О Свиньинѣ упоминаетъ Александръ Ефимовичъ и въ письмѣ къ издателю *Славянина*, напечатанномъ въ этомъ журналѣ: «Ожидаемъ сюда изъ Соловецкаго монастыря» — говоритъ онъ — «на воздушномъ шарѣ С. Послушаемъ его, какъ пріѣдетъ» (*Славянинъ* 1828 г., ч. VII, стр. 254). О немъ же говоритъ Александръ Ефимовичъ и въ своихъ письмахъ къ женѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 11-го іюля 1828 г. читаемъ: «Въ 12 часовъ собрались мы на завтракъ къ Соловецкому архимандриту: генералъ-губернаторъ, Свиньинъ, я и прочіе чиновники. Архимандритъ Соловецкій приготовилъ пирогъ молодецкій, потчивалъ насъ ренвейномъ и шампанскимъ. Свиньинъ сказывалъ, будто получаетъ до 60 тысячъ въ годъ, — конечно, вретъ».

1) Дочери Измайлова, изъ которыхъ первая окончила курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, вторая — въ Смольномъ.

учитель французъ изъ плѣнныхъ, большой говорунъ и хвастунъ; беретъ за годъ 500 рублей». — Скоро Измайловъ приглашенъ былъ на экзаменъ въ семинарію; повидимому и этотъ экзаменъ не удовлетворилъ нашего писателя, хотя и былъ «занимательнѣе чѣмъ въ гимназіи». — «Студентъ на каѳедрѣ читалъ какую-то рѣчь», — говоритъ Александръ Ефимовичъ, описывая экзаменъ въ семинаріи — «читалъ, читалъ, насилу кончилъ, и я сказалъ: аминь. А тутъ пошла латынь, то-есть испытанье въ богословіи и философіи на латинскомъ языкѣ... Экзаменъ былъ несравненно занимательнѣе, чѣмъ въ гимназіи. Между учениками были диспуты; многіе читали стихи, говорили рѣчи». Но болѣе чѣмъ гимназія и семинарія понравилось Измайлову нѣмецкое училище и учителя онаго, съ которыми онъ свелъ знакомство, имѣя въ виду пригласить ихъ для занятій съ его младшимъ сыномъ. Александръ Ефимовичъ хотѣлъ было его отдать въ это училище, но встрѣтилось препятствіе. Дѣло въ томъ, что «по представленію директора здѣшней гимназіи» — какъ говоритъ Измайловъ — «въ Нѣмецкое Училище не принимаютъ болѣе русскихъ, *чтобы они не сдѣлались еретиками*» [1]).

Кромѣ всего перечисленнаго, вниманіе нашего писателя привлекала къ себѣ исторія архангельскаго края, своеобразные нравы его населенія и бытъ инородцевъ, въ значительномъ количествѣ обитавшихъ тогда въ архангельской губерніи. Частые разъѣзды, которые приходилось дѣлать Измайлову, помогли ему какъ нельзя болѣе основательно ознакомиться съ этимъ краемъ въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени. Вездѣ онъ поражался громаднымъ богатствомъ этого края, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнимъ нерадѣніемъ къ нимъ русскихъ людей, халатностью, зависящею не столько отъ самаго населенія, сколько отъ плохихъ порядковъ и администраціи края. «Сколько источниковъ разнородныхъ богатствъ!» — восклицаетъ Александръ Ефимовичъ въ одномъ письмѣ, говоря объ архангельскомъ краѣ. Въ другомъ (отъ 14-го декабря 1828 г.) читаемъ: «Объ архангельской губерніи такъ же, какъ и о Сибири можно сказать, что она — золотое дно, хотя и нѣтъ въ ней золота. Здѣсь есть руды и, какъ полагать должно, богатыя. За Ижемской слободой есть богатѣйшій источникъ

1) Изъ письма отъ 13-го іюля 1828 г.

самой лучшей нефти. Есть много разныхъ минераловъ около рѣки Печоры и хорошихъ каменьевъ... И что можно изъ нея сдѣлать! и какъ легко! Народъ здѣсь *единственный*, — только дай направленье. А есть, впрочемъ, селенья, въ которыхъ мѣсяца по три и по четыре не ѣдятъ соли. Въ одномъ селеніи крестьяне въ великій постъ питаются однимъ только... *молокомъ*, а хлѣба не спрашивай; картофель же и не думали развести. Въ иныхъ мѣстахъ, особливо гдѣ производится заготовка лѣсовъ, крестьяне пропиваютъ не только зарабатываемыя деньги, но и все. И все можно легко поправить, улучшить»... Любопытно при этомъ отмѣтить, что Измайловъ, какъ строгій чиновникъ, проведшій уже не одинъ десятокъ лѣтъ за канцелярскимъ столомъ, успѣлъ глубоко увѣровать въ мощь человѣка чиновнаго, въ то непобѣдимое значеніе, какое имѣетъ для русскаго человѣка *начальникъ*. Выше мы уже цитировали письмо Александра Ефимовича, кончающееся въ своемъ родѣ классической фразой: «....но если будетъ хорошее начальство, все будетъ хорошо»; въ духѣ этой фразы онъ продолжалъ высказываться и теперь, и все зло и бѣдствія, претерпѣваемыя населеніемъ, имѣлъ склонность относить на счетъ «начальниковъ». Проникнутый подобными убѣжденіями, онъ всюду являлся рачительнымъ и строгимъ исполнителемъ своихъ обязанностей одного изъ начальниковъ края, долженствующихъ пещись о благѣ ввѣреннаго имъ населенія; всей душой желая правильнаго и честнаго отношенія къ своему дѣлу лицъ, властью облеченныхъ, онъ требовалъ неуклоннаго слѣдованія своему долгу не только отъ подчиненныхъ, но и отъ сослуживцевъ, стоящихъ хотя бы и выше его чиномъ; скажемъ болѣе, — онъ хотѣлъ преслѣдовать и преслѣдовалъ нарушеніе интересовъ казны и края тамъ, гдѣ, строго говоря, онъ не имѣлъ на то полномочій или права. Его возмущало, что «хорошее житье только исправникамъ»[1]), что «грабятъ казну очертя голову»[2]), что «въ казенную муку, которая поставлялась въ магазейны, сыпали нарочно песокъ, чтобы мука была тяжелѣе»[3]), что самъ генералъ-губернаторъ не гнушался десятирублевыми взятками[4]), что «въ прошломъ (1828) году по одному архангельскому уѣзду про-

1) Изъ письма отъ 10-го февраля 1829 г.
2) Изъ письма отъ 14-го марта 1829 г.
3) Изъ письма отъ 30-го января 1829 г.
4) Изъ письма отъ 25-го января 1829 г.

изведено было на одну починку дороги противозаконно собранныхъ съ крестьянъ 27000 рублей, а по отчету, присланному въ Казенную Палату, показано только 50 рублей»[1]) и т. д., и т. д. Впрочемъ, онъ все еще вѣрилъ, что «все легко можно поправить, улучшить», хотя тутъ же съ грустью сознавался, что «въ томъ бѣда, что скорѣе позволятъ дѣлать зло, нежели добро на пользу общую»[2]). Но онъ твердо рѣшился бороться со зломъ. Часто выставляя на видъ генералъ-губернатору С. И. Миницкому носившіеся неблагопріятные для него (Миницкаго) слухи, а иной разъ намекая и на замѣченные имъ лично факты, простодушный Измайловъ надѣялся «обратить на путь истины» этого грубаго и (какъ потомъ показало слѣдствіе) нечистоплотнаго (въ разсужденіи казеннаго добра) человѣка. Но генералъ-губернаторъ купно съ правителемъ своей канцеляріи и прочими «единомышленниками» касательно общественнаго достоянія продолжалъ вести дѣло по прежнему и даже отвѣчалъ Измайлову на его представленія грубостью. Измайловъ не вытерпѣлъ и въ одной изъ своихъ бумагъ, адресованныхъ въ канцелярію генералъ-губернатора, позволилъ себѣ выразиться о послѣднемъ и его дѣйствіяхъ въ формѣ, непринятой въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Это окончательно вооружило Миницкаго противъ Измайлова, и онъ немедленно послалъ въ Губернское правленіе предложеніе, въ которомъ просилъ сообщить Казенной палатѣ, дабы послѣдняя сносилась съ нимъ (Миницкимъ) письменно или черезъ посредство губернатора, но отнюдь не черезъ Измайлова. Приводимъ полностью это оригинальное предложенье: «Получивъ меморію Губернскаго Правленія отъ 20-го сего октября за № 15418, въ слѣдъ за тѣмъ получилъ и отъ Г. Архангельскаго вицегубернатора бумагу, въ копіи у сего прилагаемую, я предлагаю Губернскому Правленію, яко первенствующему въ Губерніи мѣсту по содержанію сей бумаги собрать надлежащія справки и ко мнѣ представить съ своимъ заключеніемъ, а между тѣмъ сообщить Казенной Палатѣ, дабы благоволила оная о всѣхъ дѣлахъ, какія касаться будутъ до разсмотрѣнія моего, обращалась бы ко мнѣ не посредствомъ вицегубернатора, а отъ лица Казенной Палаты по установленному порядку, дабы генералъ-губернатору не

1) Изъ письма отъ 2-го мая 1829 г.
2) Изъ письма отъ 14-го декабря 1828 г.

получать бумагъ, наполненныхъ, кромѣ невѣжества, *дерзостію и неосновательностію;* а г. вицегубернатору объявить, что я не имѣю никакой нужды въ его ко мнѣ посѣщеніяхъ, и потому бы онъ себя избавилъ отъ нихъ. Все же, что по службѣ требуется, обращался бы онъ (sic) ко мнѣ посредствомъ Казенной Палаты или Начальника Губерніи, то-есть гражданскаго губернатора; лично же съ г. Измайловымъ я изъясняться не желаю».

Впрочемъ, Измайловъ не устрашился такого предложенья, рѣшивъ продолжать начатое, и съ нимъ повторилась та же исторія, что и въ Твери: бо̀льшая часть архангельскаго общества, державшая сторону генералъ-губернатора (кромѣ Бухарина, чиновниковъ Казенной палаты и еще нѣсколькихъ лицъ), отвернулась отъ нашего писателя. Это крайне огорчило и раздражило Измайлова, но сводить счеты съ архангельцами ему было некогда: онъ скоро отправился въ разъѣзды по губерніи и почти все остальное время своего непродолжительнаго вицегубернаторства провелъ въ странствованіи по дебрямъ и весямъ далекаго сѣвера, разъѣзжая въ «кибиткѣ, уступающей въ величинѣ немного Ноеву ковчегу».

Разъѣзды эти, дурно дѣйствовавшіе на Измайлова еще во время тверской его службы, здѣсь, въ зимнюю стужу, совершенно разстроили здоровье Александра Ефимовича; при томъ же ему часто приходилось по дѣлу рекрутскаго набора или по другимъ служебнымъ обязанностямъ заѣзжать въ довольно далекія и глухія мѣстности. Впрочемъ, бодрое настроеніе духа и муза не покидали и здѣсь этой живой натуры. Скрѣпя сердце отправлялся онъ всякій разъ въ столь непріятные ему разъѣзды, но это не мѣшало ему честно исполнять свою миссію, и отъ наблюдательнаго и зоркаго ока его не укрывалось ничто достойное замѣчанія.

Плодомъ его разъѣздовъ, кромѣ успѣшнаго выполненія своихъ обязанностей, былъ обширный докладъ о состояніи архангельскаго края и населенія, къ глубокому сожалѣнію до насъ не дошедшій; литературнымъ же памятникомъ служатъ его стихотворенія и сверхъ того «Письма о самоѣдахъ», имѣющія для этнографа несомнѣнный интересъ. И тѣ и другія въ значительной своей части напечатаны. Бо̀льшее число стихотвореній написано Измайловымъ во время его перваго разъѣзда, сдѣланнаго въ концѣ 1828 года. Такъ, въ Шенкурскѣ написалъ

онъ «рекрутскую пѣсню» (въ стилѣ народной пѣсни)[1]), въ которой ободрялъ воиновъ на служеніе царю и отечеству; покидая Шенкурскъ, онъ сочинилъ слѣдующую «Надпись на печкѣ» въ занимаемой имъ комнатѣ:

Здѣсь двѣ недѣли жилъ извѣстный литераторъ —
Измайловъ, вицегубернаторъ.
По утру рекрутъ онъ смѣшилъ и принималъ,
Разспрашивалъ о «мимоходѣ»,
И какъ «обноситъ умъ» у рекрутъ при погодѣ;
По вечерамъ стихи хозяюшкѣ читалъ,
Иль, сидя на софѣ, мечталъ
И вздохи въ Петербургъ по вѣтру посылалъ.
Былъ веселъ, хоть былъ грудью боленъ,
Хозяиномъ, хозяюшкой доволенъ.
Дай Богъ здоровья имъ, добра,
Богатства, счастья... Пора въ Мезень, пора!
(Неизд.).

Кстати, о шенкурскихъ чиновникахъ; вотъ какъ Александръ Ефимовичъ описываетъ ихъ въ нѣсколько штриховъ: «*уѣздный судія* — презабавный старичишка, который и мышенка не поймаетъ; *почтмейстеръ* — большая каретная лошадь, который вмѣсто «Петербургъ» говоритъ «Петенбрюкъ»; *окружной лѣсничій* — le pauvre diable, всегда на вытяжкѣ и пальчики по квартирамъ; *уѣздный стряпчій* — плутъ»... Изъ Шенкурска Александръ Ефимовичъ отправился въ Мезень, гдѣ ему пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ, и коротко познакомиться съ чиновниками этого «скучнаго» — по отзыву Измайлова — города. Вотъ въ какихъ стихахъ онъ простился съ Мезенью:

Прости, *Мезень*, о городъ *скучной*,
Гдѣ мѣсяцъ *весело* я жилъ,
Хотя два раза боленъ былъ.
Прости, *маіоръ*, прямой, радушной,
Съ своей супругой добродушной.
Прости *уѣздный судія*,
Пришедшій на Мезенски долы

1) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 270—271.

Отъ дальныя гористой Колы!
Сугуба въ градѣ власть твоя:
Ты и судья, и городничій...
Прости, заботливый *лѣсничій*,
Смотритель срубленныхъ лѣсовъ!
Не заморозь Мезень безъ дровъ!
Прости, услужливый *исправникъ!*
Радушно насъ ты угощалъ
И на оленяхъ покаталъ.
Прости, беззубый нашъ забавникъ
Штабъ-лѣкарь, свой отжившій вѣкъ!
На вечеринкахъ отличался
И тѣмъ подъ старость утѣшался,
Что молодой ты человѣкъ.
Прости и *казначей* примѣрный,
Трудолюбивый, честный, вѣрный!
За подчиненными гляди,
И, какъ отецъ въ своемъ семействѣ,
Такъ ты въ уѣздномъ казначействѣ
По прежнему и впредь сиди.
Прости и ты, сосѣдъ-пріятель,
Мезѐнскихъ игръ законодатель,
Почтмейстеръ, опытный пѣвецъ!
Хоть скроменъ ты, но молодецъ!
Простите *барыни*, *дѣвицы!*
Составьте длинны вереницы,
Потомъ въ большой всѣ станьте кругъ, —
Пусть каждую цѣлуетъ другъ[1]).

. . . . . .

Простите-жъ и живите мирно,
А ссориться грѣшно и стыдно.
Не поминайте-жъ лихомъ насъ, —
Уѣдемъ скоро мы отъ васъ.

(30-го декабря 1828 г., *неизд.*).

---

1) Этимъ заканчивалась одна изъ простонародныхъ мезенскихъ игръ.

Въ общемъ, мезенцы не понравились Измайлову, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, «Надпись» его, сдѣланная надъ кроватью холмогорскаго лѣкаря Шелле, на которой онъ двое сутокъ пролежалъ больнымъ. Вотъ что читаемъ въ этой «Надписи»:

По возвращеньи изъ Мезѐни,
Гдѣ люди всѣ почти такъ дики, какъ олени,
Седьмого генваря, съ обѣда вечеръ весь
Пробродилъ здѣсь
Архангельскій вицгубернаторъ:
Въ Мезени сглазили, испортили его
И чуть не сдѣлали оленемъ самого.

(Неизд.).

Впрочемъ, не мезенцы и не земляки Ломоносова и не шенкурскіе чиновники привлекали во время разъѣздовъ наибольшее вниманіе Измайлова: его въ особенности заинтересовали самоѣды, ихъ бытъ и отношеніе къ нимъ русскихъ. Для ознакомленія съ подробностями быта и нравовъ этого полудикаго народа (во время Измайлова) отсылаемъ интересующагося читателя къ упомянутымъ выше письмамъ нашего писателя[1]); здѣсь же отмѣтимъ то, о чемъ въ свое время нашъ писатель сообщить въ печати не могъ, но что крайне возмущало его, и о чемъ онъ собирался довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ. Это — крайне безцеремонное и грубое отношеніе русскихъ къ дикимъ, но беззащитнымъ самоѣдамъ. Не говоря о томъ, что власти обращались съ ними до возмутительности жестоко, само русское населеніе нещадно злоупотребляло ихъ простотой и невѣдѣніемъ. Русскіе грабили ихъ и прямымъ, и косвеннымъ путемъ: или прямо отнимая и угоняя ихъ оленей[2]), или дѣйствуя на нихъ силою водки, до которой самоѣды были очень цадки; если же русскіе и продавали имъ водку (конечно, мѣновымъ образомъ), то брали чуть не вдесятеро дороже. «Третьяго дня» — пишетъ Александръ Ефимовичъ своему двоюродному брату 8-го марта 1829 г. — «были у меня самоѣды, которыхъ выбрали было въ лѣсные сторожа.

1) Собраніе сочиненій, т. II, стр. 188—202; также см. въ *Славянинѣ* 1829 г., ч. XII, стр. 497—571, и въ *Маякѣ* 1844 г., т. XV.

2) Изъ письма отъ 23-го декабря 1828 г.

Повѣришь-ли, что за мѣру вина, которая стоитъ въ кабакѣ 20 коп., безсовѣстные промышленники въ тундрѣ берутъ съ нихъ по 1 р., по 1 р. 50 к. и даже по 2 рубля, и вино несравненно хуже кабацкаго,— съ большою примѣсью воды, такъ что продаютъ его въ видѣ льда, кусками. Платятъ за вино не деньгами, а мѣхами и оленями. Лучшаго оленя, который стоитъ 10—15 рублей, промышленники цѣнятъ въ 2 рубля; итакъ, 20-ти-копѣечная мѣрка обходится иногда дороже пяти рублей». Но и съ этимъ самоѣды мирились, ибо могли водки и не покупать; на грабежи же они нерѣдко и сами отвѣчали грабежомъ; но что въ особенности озлобляло ихъ, это — посягательство на ихъ свободу и насильственное обращеніе ихъ въ православную вѣру русскими миссіонерами. «Вчера и сегодня» — пишетъ Александръ Ефимовичъ женѣ 24-го декабря 1828 г. — «приходили опять ко мнѣ самоѣды жаловаться, что ихъ насильно крестятъ. И сегодня какой-то попъ съ дьячкомъ грозилъ имъ засадить ихъ *въ желѣзы*». А въ письмѣ отъ 27-го января 1829 г. читаемъ: «Архимандритъ Веніаминъ[1]) велѣлъ самоѣдовъ парить въ банѣ, чтобы они охотнѣе крестились»... Да и вообще касательно духовенства архангельскаго края, опираясь на письма Измайлова, можно замѣтить, что оно дѣйствовало довольно энергично, хотя и не всегда стояло на высотѣ своего духовнаго призванія и святости своего сана; и за духовными лицами, какъ и вообще за людьми, водились кое-какіе грѣхи, на описаніе которыхъ нашъ писатель не поскупился. Такъ, онъ говоритъ, что одинъ священникъ, въ пылу своей чрезмѣрной ревности къ православной вѣрѣ и патріотизму, сочинилъ и отправилъ «нелѣпѣйшій доносъ на преосвященнаго, состоящій въ томъ, что преосвященный Ааронъ присутствовалъ при освященіи евангелической церкви и будто бы служилъ молебенъ за здравіе англинскаго короля Георга, тогда какъ тотъ отслужилъ только молебенъ великомученику Георгію»[2]). Въ другомъ письмѣ Александръ Ефимовичъ, между прочимъ, отмѣчаетъ: «Многіе изъ священниковъ

---

1) Веніаминъ (въ мірѣ Василій Смирновъ) — въ то время архимандритъ архангельскаго, а затѣмъ сійскаго монастыря. Съ 1824 по 1830 г. занимался обращеніемъ въ христіанство самоѣдовъ и, какъ свидѣтельствуетъ поданная имъ записка, успѣлъ за этотъ промежутокъ крестить до 3000 человѣкъ (*Христіанское Чтеніе* 1851 г., № 1). Умеръ въ 1848 г. настоятелемъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря.

2) Изъ письма отъ 13-го іюля 1828 г.

здѣсь ..... и весьма буйные. Однажды, на другой день Пасхи, три попа въ соборѣ прибили и раскосматили діакона и бѣжали за нимъ по улицѣ съ полверсты»...[1]). Не особенно одобрительно отзывается Измайловъ и о бывшемъ въ его время епископѣ архангельскомъ Ааронѣ[2]). Это былъ большой знатокъ языковъ и переводчикъ; между прочимъ, онъ подарилъ однажды Измайлову свой переводъ съ англійскаго «Еммануилъ»[3]); писалъ онъ также и стихи[4]). Но особенно онъ любилъ говорить проповѣди, и онѣ наименѣе ему удавались. Со стороны Измайлова преосвященный, какъ проповѣдникъ, вызывалъ довольно ѣдкія остроты, хотя — повторяемъ — нашъ писатель съ большимъ уваженіемъ относился къ духовному сану, будучи человѣкомъ весьма религіознымъ. Изъ менѣе рѣзкихъ отзывовъ его позволимъ себѣ привести хотя-бы слѣдующіе: «У нашего преосвященнаго Аарона» — пишетъ онъ 5-го апрѣля 1829 г. — «говорить проповѣди охота смертная, но участь горькая». Преосвященный часто прибѣгалъ въ своихъ рѣчахъ къ сравненіямъ и другимъ фигурамъ духовнаго витійства, но онѣ у него не выходили надлежащимъ образомъ или были не совсѣмъ умѣстны.

«Третьяго дня» — пишетъ Александръ Ефимовичъ 8-го марта — «нашъ преосвященный заставилъ Спасителя гонять голубей, говорилъ о кротости ослиной и о какихъ-то контрактахъ, заключенныхъ съ бѣсами... А человѣкъ, истинно, не глупый». Въ одномъ стихотвореніи, «посвященномъ» преосвященному, Измайловъ, между прочимъ, такъ передаетъ какую-то его проповѣдь:

Царя пожаловалъ онъ *видимымъ Христомъ*,
Христа жъ — въ *фельдмаршалы* и даже въ *генералы*...[5])

Впрочемъ, не прибѣгая болѣе къ выпискамъ, считаемъ нужнымъ

---

1) Изъ письма отъ 5-го апрѣля 1829 г.

2) Въ мірѣ — Алексѣй Нарциссовъ; епископомъ архангельскимъ былъ съ 1826 по 1830 г.; умеръ въ 1842 г. Оставилъ послѣ себя нѣсколько переводовъ и сочиненій. (См. о немъ въ *Москвитянинѣ* 1842 г., т. III).

3) По свидѣтельству Геннади (Справочный словарь, т. I, стр. 1), книга эта въ каталогахъ не указана.

4) «Преосвященный запотчивалъ меня стихами», — пишетъ Александръ Ефимовичъ 14-го апрѣля 1829 г. — «написалъ преуморную поэму на сооруженіе памятника Ломоносову; хочетъ печатать».

5) Изъ письма отъ 24-го іюля 1828 г.

замѣтить, что не одно духовенство подвергалось такому рѣзкому осужденію Измайлова, особливо въ послѣдніе мѣсяцы его пребыванія въ Архангельскѣ. Нашъ писатель, постоянно раздражаемый выходками и беззаконными поступками Миницкаго и правителя его канцеляріи, былъ озлобленъ вообще измѣнившимся отношеніемъ къ нему чуть-ли не всѣхъ архангельцевъ, не умѣвшихъ цѣнить его искренность и полное желаніе добра ихъ же краю. И, быть можетъ, подъ вліяніемъ такого раздраженнаго состоянія нашъ писатель выразился однажды такъ о своихъ новыхъ знакомыхъ:

Въ Архангельскѣ, Шенкурскѣ и Мезѐни
Люди хуже, чѣмъ олени...
Иной, ей Богу, людоѣдъ —
Страшнѣе дикихъ самоѣдъ[1]).

Не трудно догадаться, что Измайловъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ мѣтилъ въ самого генералъ-губернатора, отношенія съ которымъ становились для Александра Ефимовича часъ отъ часу невыносимѣе. Однако онъ долго терпѣлъ, ожидая лишь удобнаго случая «вывести на свѣжую воду всѣ плутни» и продолжалъ дѣйствовать по своему.

Ни жалованья здѣсь, ни взятокъ не беру, —

писалъ онъ женѣ —

За то, когда умру,
Не попаду къ бѣсамъ въ подземныя селенья:
Не дѣлалъ никому по службѣ притѣсненья,
А защищалъ крестьянъ, сколь могъ, отъ разоренья.
За правду хоть теперь терплю,
А все ее такъ, какъ тебя, люблю.
Амвросій[2]) запретилъ мнѣ ревновать лукавымъ
И беззаконникамъ: «Изсохнутъ, какъ трава!» —
Прощаясь мнѣ сказалъ. — Ахъ, что за голова!
Быть лучше бѣднымъ, лишь бы правымъ.

1) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 360.
2) Архіепископъ тверской и кашинскій (см. выше).

Архіерея я ослушаться не могъ,
За правду же заплатитъ Богъ[1]).

Наконецъ, случай скоро представился. Миницкій однажды вмѣшался въ распоряженія Измайлова по дѣлу кое-какихъ злоупотребленій губернскаго казначея; затѣмъ выразилъ Александру Ефимовичу свое неудовольствіе на то, что тотъ круто обошелся съ однимъ изъ его фаворитовъ; въ довершеніе всего генералъ-губернаторъ повелъ интриги противъ Измайлова и въ архангельскомъ обществѣ. Терпѣніе Измайлова, незнавшаго низкопоклонства и «колѣноподгибательства» (его выраженье), истощилось, и онъ рѣшилъ отписать обо всемъ къ министру. Бухаринъ, хотя и держался взглядовъ Александра Ефимовича, все же совѣтовалъ ему сначала не дѣлать такого рѣшительнаго шага, но убѣжденный Измайловымъ въ невозможности дѣйствовать иначе, склонился на его сторону и самъ отправилъ въ Петербургъ бумагу о подвигахъ Миницкаго, отношенія съ которымъ у этихъ двухъ представителей архангельской гражданской администраціи изъ натянутыхъ перешли въ открыто враждебныя.

«Война началась!» — писалъ Измайловъ женѣ...

Тяжело читать письма Измайлова, въ которыхъ онъ описываетъ всѣ мельчайшія перепитіи завязавшейся борьбы и своихъ непріязненныхъ столкновеній съ архангельскимъ обществомъ; непріятное чувство сжимаетъ сердце, когда видишь до какого озлобленія могли довести люди такого добродушнѣйшаго человѣка, какимъ былъ А. Е. Измайловъ. Не будемъ приводить пространныхъ выписокъ изъ этихъ его писемъ и стихотвореній: они такъ мелочны, такъ дышатъ злобой, что въ нихъ порой не узнаешь нашего писателя, и не хочется вѣрить, что они вышли изъ подъ его пера.

Жена Измайлова, отъ которой Александръ Ефимовичъ ничего не скрывалъ, сильно встревожилась и изъ опасенья, что его могутъ отставить, умоляла его въ своихъ письмахъ прекратить «эту войну». Но Александръ Ефимовичъ, твердо увѣренный въ своей правотѣ и успѣхѣ донесеній министру, успокаивалъ ее, совершенно серьезно выставляя ей на видъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ и всю неоснователь-

1) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 360.

ность ея страха; часто онъ упрекалъ ее въ малодушіи[1]). Вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчаетъ на одно изъ ея писемъ:

«Сегодня получилъ отъ тебя, милая Катенька, письма отъ 12-го ноября. Вмѣсто того, чтобъ укрѣпить мое здоровье[2]), они его разстроили. Побойся Бога, не будь такъ малодушна. Министръ сердится на меня: его воля — пусть и побранитъ... Не брань министра страшитъ меня, а твои слезы. И такъ, мой другъ, довольно въ жизни настоящаго, существеннаго горя; для чего же прежде времени плакать и изнурять себя по пустякамъ? За что меня отставить? за то, что я берегъ государево добро? что привелъ Палату въ такое положеніе, въ какомъ никогда она до меня не была? что соблюдаю въ точности присягу? Нѣтъ, за это нынѣшній государь не отставляетъ, а если бы и отставилъ, то опять опредѣлитъ и дастъ еще лучшее мѣсто. Лучше быть отставлену за правду, нежели за участіе и связь съ плутами и ворами. Я надѣюсь твердо на Бога.... Неужели ты на Него не надѣешься?»[3])

Надежду на Бога онъ высказываетъ не разъ въ своихъ письмахъ:

«Не безпокойся обо мнѣ, милая Катенька: у меня сильный покровитель и защитникъ — Богъ, *сильнѣе графа Аракчеева*»[4]).

Но на Екатерину Ивановну подобныя рѣчи супруга все-таки не дѣйствовали успокоительно. Тогда Александръ Ефимовичъ (зная, что она привыкла видѣть его всегда въ веселомъ настроеніи), дабы увѣрить ее, что у него совѣсть чиста и спокойна, посылаетъ ей рядъ писемъ, въ которыхъ отношенія свои (купно съ Бухаринымъ) къ Миницкому описываетъ въ самомъ шутливомъ тонѣ.

«Войска наши, какъ слышно, размѣщены по зимнимъ квартирамъ», — писалъ онъ ей 23-го октября 1828 г., — «а у насъ въ Архангельскѣ съ начала зимы открылась междоусобная война. Одинъ мужъ уже имѣлъ нѣсколько сраженій (хотя не генеральныхъ) съ своей женой и каждый разъ оставался побѣдителемъ; принялъ всѣ мѣры,

---

1) Ср. его басню «Орелъ и Сорока», написанную въ Архангельскѣ (Собраніе сочиненій, т. I, стр. 100—101).

2) Замѣтимъ, что въ Архангельскѣ Измайловъ бывалъ очень часто боленъ; въ особенности онъ страдалъ отъ одышки.

3) Изъ письма отъ 22-го ноября 1828 г.

4) Изъ письма отъ 19-го октября 1828 г.

чтобы не допускать къ своей супругѣ непріятельскаго войска. Начальникъ штаба генерала Миницкаго — Ш...[1]) искуснымъ и рѣшительнымъ маневромъ раздѣлилъ два соединенныхъ корпуса Бухарина и Измайлова; послѣдній принужденъ отступить; но ретирада его для непріятеля была страшнѣе атаки. Начальникъ штаба Ш. раненъ не въ бровь, а въ самый глазъ картечью и даже главнокомандующій получилъ нѣсколько контузій, которыя переноситъ съ примѣрнымъ терпѣньемъ. Хотя и открылъ было онъ недавно съ одной маскированной батареи огонь, но выстрѣлы не причинили никакого вреда».

Или: «Сегодня въ два часа пополудни непріятель сдѣлалъ самый сильный натискъ на корпусъ Измайлова; но онъ давно уже приготовился къ нападенію, и непріятельскія войска, командуемыя рапортующимъ больнымъ начальникомъ штаба отретируются со скандаломъ; а начальникъ штаба въ лазаретѣ и главнокомандующій въ обозѣ получатъ тяжелыя и опасныя раны не въ генеральномъ сраженіи, но въ партизанской схваткѣ. Въ первомъ дѣлѣ уже убитъ одинъ человѣкъ— старый атаманъ разбойниковъ, то-есть командиръ уѣздныхъ казначеевъ — губернскій казначей»[2]).

Или вотъ, напримѣръ, какъ онъ рисуетъ програму своей будущей дѣятельности, если его лишатъ должности:

«Если не дадутъ мнѣ хорошаго вицегубернаторскаго мѣста,— пойду... въ актеры трагическіе: лѣтъ десять еще могу украшать сцену. А не то — въ шуты: еще лучше! То-то начну проказить... Всего выгоднѣе быть шутомъ»[3]). Но отпоръ Миницкому кончился для Измайлова и Бухарина плохо. Миницкій, явившись заблаговременно въ Петербургъ, успѣлъ оклеветать передъ лицомъ высшаго начальства того и другого, и оба его противника должны были оставить свои должности; Измайловъ поплатился болѣе своего союзника: онъ

1) Шамаринъ — правитель канцеляріи архангельскаго генералъ-губернатора. Между прочимъ на Шамарина Измайловъ написалъ «былъ»: «Воевода и подъячій съ приписью», не вошедшую въ Собраніе сочиненій (*Сборникъ въ память А. Ѳ. Смирдина.* С.-Пб. 1858, т. I, стр. 335). Стихотвореніе это въ свое время не было пропущено въ печать цензоромъ Корсаковымъ, написавшимъ: «Или измѣнить конецъ, или вовсе исключить» (Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1889 г. С.-Пб. 1893, стр. 668). См. также басню: «Скотское правосудіе» (Собр. сочиненій, т. I, стр. 101—102).

2) Изъ письма отъ 25-го октября 1828 г.

3) Изъ письма отъ 1-го марта 1829 г.

былъ уволенъ вовсе отъ службы. Впрочемъ, у Александра Ефимовича были въ Петербургѣ сильные друзья и покровители, которые своимъ заступничествомъ добились того, что Измайловъ былъ причисленъ къ Министерству финансовъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Положеніе Измайлова, въ которомъ онъ очутился, было для него слишкомъ тяжело; не говоря о томъ, что онъ лишился такимъ образомъ средствъ къ существованію, онъ былъ глубоко возмущенъ и такимъ незаслуженнымъ, несправедливымъ отношеніемъ къ нему, которое — отмѣтимъ — приходилось ему испытывать уже не въ первый разъ.

«Вся моя вина» — писалъ онъ съ горечью своему двоюродному брату — «въ томъ, что тверской губернаторъ золъ, архангельскій генералъ-губернаторъ глупъ, а правитель канцеляріи его мошенникъ и возмечталъ о себѣ, какъ второй Навуходоносоръ. Непремѣнно надобно было подличать передъ ними, или же рѣшительно съ ними при первомъ случаѣ поссориться, когда честь и польза службы того потребуютъ. Я такъ и сдѣлалъ... Пусть говорятъ обо мнѣ что̀ угодно[1]); но, надѣюсь, не скажутъ, по крайней мѣрѣ, чтобы я подличалъ передъ старшими себя и кривилъ душой. Пишу, что̀ велитъ Тотъ, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду... Если бы Спаситель» — заключаетъ свое письмо Александръ Ефимовичъ — «сошелъ опять на землю и опредѣлился въ россійскую службу по гражданской части не въ столицѣ, а въ *провинціи*... не прослужить бы ему и мѣсяца въ одной губерніи: тотчасъ бы перевели въ другую, а изъ другой въ третью, и т. д.»[2]).

Измайловъ рѣшилъ продолжать дѣло, войти съ ходатайствомъ къ самому государю и «объяснить ему все какъ было». «Les absents sont toujours torts» — писалъ Александръ Ефимовичъ женѣ 1-го мая 1829 г. — «Но я въ долгу не останусь: выведу всѣхъ на свѣжую воду и отплачу уроду, этому»... Для этого нужно было ѣхать въ Петербургъ, средствъ же у Александра Ефимовича на дорогу не было, и

---

1) Ср. его послѣсловіе къ баснѣ «Орелъ и Сорока», написанной въ Архангельскѣ (Собраніе сочиненій, т. I, стр. 101):

Пускай меня зовутъ излишне строгимъ,
Неосторожнымъ, дерзкимъ, злымъ, и т. д.

2) Изъ письма отъ 2-го марта 1829 г.

ему пришлось вести по этому поводу обширную и долгую переписку. Сидя въ Архангельскѣ безъ дѣла въ ожиданіи денегъ и не будучи въ состояніи заняться чѣмъ-либо болѣе серьезнымъ, Александръ Ефимовичъ принялся за пересмотръ своихъ бумагъ, выправку «старыхъ стишковъ» и сочиненіе новыхъ. Такъ, въ концѣ апрѣля 1829 года онъ написалъ слѣдующую довольно любопытную въ автобіографическомъ отношеніи «Исповѣдь», которую посвятилъ одной изъ своихъ знакомыхъ архангельскихъ дамъ. Вотъ эта исповѣдь, сохранившаяся въ его рукописяхъ:

За множествомъ хлопотъ и дѣлъ,
Два года я ужъ не говѣлъ;
Грѣховъ скопилось много, много,
Не исповѣдывайте жъ строго!
Боюсь я Бога одного
И Богомъ только чту Его.
Не покланяюся болвану
И гнуть спины предъ нимъ не стану.
Болванъ хоть въ золотѣ, но всѣмъ
Извѣстно: глупъ онъ, глухъ и нѣмъ;
Народъ вокругъ него толпится,
Когда жъ онъ сверху внизъ свалится,
Когда съ него нарядъ сдерутъ,
Достанется болвану тутъ.

* * *

Нѣтъ никогда я не божуся
И имя Божіе страшуся
Порукой всуе призывать;
И въ шуткахъ не люблю я лгать.
Притомъ, ценсуру помня строгу,
Гдѣ былъ Красовскій, Бируковъ[1])
Не напишу въ стихахъ: «ей Богу»
И прочихъ запрещенныхъ словъ.

* * *

1) Извѣстные цензоры.

О, очень помню я субботу!
Отправлю почту и работу,
Оставлю кипу до утра.
Когда же поутру пора
Придетъ принесть для воскресенья
Во храмѣ съ прочими моленья,
Боюсь итти я въ Божій храмъ,
Коль проповѣдникъ буйный тамъ [1]).
Галиматья экспромтомъ льется,
Народъ исподтишка смѣется,
Скрываются въ платкахъ носы,
Невольно вверхъ стремятся плечи...
Не только склада и красы,
И смысла не бываетъ въ рѣчи.
. . . . . .
. . . . . .
Досада, стыдъ и срамъ и смѣхъ!
Соблазна въ церкви избѣгаю
И рѣдко потому бываю.
Такъ не на мнѣ и этотъ грѣхъ.

* * *

Противу заповѣди пятой,
Равно шестой, осьмой, девятой
Я никогда не согрѣшалъ.
Родителей я почиталъ,
Не убивалъ, не воровалъ,
Ругался только, взятки бралъ
(Тогда, какъ издавалъ журналъ) [2])
И на враговъ не клеветалъ.

* * *

---

1) См. выше.

2) Со всѣхъ издателей — по экземпляру каждой новой книжки, съ дурныхъ литераторовъ не книгами, а разными вещами и даже деньгами въ пользу бѣдныхъ; съ дамъ за стихи въ альбомъ — кошельками, снурками и только два раза поцѣлуями; со старухъ за прозу — просвирами. *(Примѣчаніе Измайлова).*

По счастью, робкимъ я родился
И рано-же притомъ женился;
Пять люстровъ я съ женою жилъ,
Съ женою милой и прекрасной,
Какъ добрый мужъ, любовникъ страстной,
А то-бъ.... быть можетъ, согрѣшилъ
Противъ параграфа седьмого;
Полюбитъ кто теперь сѣдого?
Хоть я и прозванъ l'art d'aimer,
Крылова дружкой и Теньеромъ,
Хоть «милъ», «уменъ» и славенъ... mais
Что̀ я предъ юнымъ офицеромъ?
«Ma chère! il est volage et bête! —
Но militaire и въ двадцать лѣтъ»...
Ахъ! дамамъ[1]) нравятся не лиры,
Но съ эполетами мундиры.
У статскихъ хоть и есть шитье,
Но имъ плохое все-жъ житье.
А эполеты, эполеты!
Какъ много придаютъ красы!
Притомъ же — черные усы
Особенно въ младыя лѣты.

* * *

Не только женъ *желалъ* чужихъ,
Я и теперь *желаю* ихъ:
Своей давно со мною нѣту,
Безъ дамъ нельзя же жить поэту.
Не съѣмъ я ихъ, не укушу,
Не на вѣкъ вѣдь себѣ прошу —
Кто нравится, той напишу
Стишки на память для альбома,
Но ужъ не увезу изъ дома!

---

1) Хотя и не всѣмъ, особенно въ Архангельскѣ. Желательно, чтобы по примѣру иностранокъ наши провинціальныя дворянки любили своихъ мужей, дѣтей, рукодѣлья, музыку и чтенье. *(Примѣчаніе Измайлова).*

Кто дѣлаетъ въ семьѣ раздоръ,
Тотъ хуже для меня чѣмъ воръ.
Кто жъ за хлѣбъ, за соль и за ласки
Выноситъ изъ избы весь соръ,
Тотъ истинно достоинъ таски.
Люблю не только молодыхъ,
Но даже умненькихъ старушекъ:
Пріятнѣй мнѣ бесѣда ихъ
Чѣмъ говоръ суетныхъ вертушекъ.
Не жалую я красоты
Безъ разума и доброты,
Безъ воспитанья, просвѣщенья,
Безъ ловкости, безъ обращенья.
Какъ снѣгъ зимою будь бѣла,
Какъ клюква-ягода ала,
По «Галатеѣ» нарядися,
Какъ стрекоза перетянися,
Но ежели глупа иль зла
Или завидлива безъ мѣры,
Будь лучше хоть самой Венеры, —
Противнѣй для меня Мегеры.
Нѣтъ въ сердцѣ для такой квартеры!

* * *

Вотъ всѣ, вотъ всѣ мои грѣхи!
Скажите-ка теперь мнѣ ваши:
Переложу я ихъ въ стихи,
Чтобъ знали и потомки наши.

Наконецъ, деньги и подорожная были получены, и Измайловъ началъ спѣшно собираться въ Петербургъ, два съ половиной года тому назадъ имъ оставленный съ смутными и нехорошими предчувствіями, которыя, къ его горю, оправдались. Скоро все было готово къ отъѣзду, и немногіе хорошіе знакомые нашего писателя, съ которыми онъ былъ въ Архангельскѣ въ добрыхъ отношеніяхъ, устроили Александру Ефимовичу трогательные проводы. Бухаринъ написалъ ему стихи, хотя и

не блестящіе, но прочувствованные[1]). Измайловъ въ отвѣтъ прочиталъ свое стихотворное adieu Архангельску[2]), а женѣ послалъ письмо, заканчивающееся слѣдующими строками: «Итакъ, милая Катя, пой по вечерамъ: «*Я жду тебя!*», а потомъ запоемъ вмѣстѣ: «*Желанья наши совершились!*». [Е. И. Измайлова выѣхала изъ Твери вмѣстѣ съ семействомъ въ Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ до возвращенія въ столицу самого Александра Ефимовича изъ Архангельска; причиной такого долгаго пребыванія въ провинціи, судя по письмамъ, были денежныя затрудненія, изъ которыхъ семья нашего писателя была выручена лишь содѣйствіемъ проживавшаго въ Кашинѣ супруга покойной С. Д. Пономаревой]. 16-го мая 1829 года Измайловъ былъ уже въ дорогѣ.

Оскорбленнымъ, разбитымъ физически и нравственно прибылъ Измайловъ въ Петербургъ, гдѣ на первое время его ждала участь не лучшая, чѣмъ въ Архангельскѣ. Прежде всего нужно было позаботиться о пріисканіи средствъ къ жизни, ибо «ни родового, ни благопріобрѣтеннаго» у нашего писателя не было[3]); жалованья же онъ не получалъ, хотя и былъ, какъ мы уже замѣтили, причисленъ къ Министерству финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій. И вотъ теперь-то, на склонѣ лѣтъ, Александру Ефимовичу пришлось болѣе чѣмъ когда-либо извѣдать, что̀ значитъ людская неблагодарность и жестокосердіе. Ему, этому щедрому благотворителю, еще два-три года тому назадъ по петербургскимъ чердакамъ и подваламъ разыскивавшему бѣдныхъ и сирыхъ и въ буквальномъ смыслѣ ихъ защитнику и другу, суждено было теперь изъ-за насущнаго куска хлѣба выносить цѣлый рядъ уни-

---

1) Вотъ они:

Друзей не умъ, а сердце избираетъ.
Ты испыталъ со мной, какъ увлекаетъ
Къ душѣ родной невольное желанье
Дѣлиться чувствами. А на прощанье
Ты съ нами подѣлись по дружески умомъ.
Вѣдь здѣсь, въ Архангельскѣ, большая нужда въ немъ,
И совѣсть обвинитъ тебя за то сама,
Измайловъ! Грѣхъ, — коль насъ оставишь безъ ума.

2) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 300—301.

3) Правда, отъ родителей онъ получилъ въ наслѣдство деревню Волченки, съ *семью* душами крестьянъ, да и отъ той отказался въ пользу сестры, о чемъ свидѣтельствуетъ его дарственная крѣпость.

женій и оскорбленій. Послѣ долгихъ и настойчивыхъ хлопотъ ему удалось, наконецъ, получить (и то не безъ большихъ затрудненій) должность преподавателя россійской словесности въ Пажескомъ корпусѣ... И вотъ, пока шло разслѣдованіе его дѣла, по поводу архангельской службы — а оно тянулось болѣе года — Измайловъ съ семьей жилъ на крохи, доставляемыя ему службой въ корпусѣ и... частными уроками. Наконецъ, дѣло его было рѣшено. Слѣдствіе показало, что Измайловъ (приводимъ подлинныя слова изъ доклада графа Е. Ф. Канкрина) былъ виновенъ только «*въ нѣкоторыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, допущенныхъ имъ въ сношеніяхъ съ архангельскимъ генералъ-губернаторомъ*» [1]), а С. И. Миницкій былъ изобличенъ въ «*предосудительныхъ и пользамъ службы несоотвѣтственныхъ поступкахъ*» и посему отъ службы «вовсе уволенъ» [2]). Измайловъ былъ обласканъ Высочайшими милостями: повелѣно было «считать Измайлова начальникомъ одного изъ контрольныхъ отдѣленій департамента Государственнаго казначейства [3]) съ производствомъ ему штатнаго жалованья по 3000 рублей въ годъ»; въ ноябрѣ того же 1830 года, какъ значится въ формулярѣ, онъ былъ уволенъ вовсе отъ службы съ пенсіономъ въ 2000 рублей въ годъ.

Счастье, такимъ образомъ, улыбнулось Измайлову, но лучи его уже не долго согрѣвали въ одинъ годъ сильно постарѣвшаго и осунувшагося нашего писателя. Перенесенныя невзгоды и тяжкія болѣзни, одна за другой обрушившіяся на него, совершенно надломили его организмъ, лишили бодраго и веселаго настроенія духа и, наконецъ, внезапная смерть [4]) мгновенно прекратила печальный остатокъ этой разбитой жизни...

На этомъ мы разстаемся съ письмами А. Е. Измайлова, послужившими для насъ главнымъ матеріаломъ предлагаемаго этюда, съ письмами, въ которыхъ нашъ писатель явилъ себя не только правдивымъ разскащикомъ настоящаго, но и вѣрнымъ провидцемъ своей судьбы. Онъ говорилъ:

---

1) Изъ доклада графа Е. Ф. Канкрина его императорскому величеству отъ 8-го августа 1830 года (Архивъ Министерства финансовъ по департаменту Государственнаго казначейства, отъ 11-го августа 1830 г., за № 51).

2) Общій морской списокъ. С.-Пб. 1890, стр. 365.

3) Хотя, нужно замѣтить, таковая должность была уже упразднена.

4) А. Е. Измайловъ скончался 16-го января 1831 года, отъ удара, послѣдовавшаго на лекціи въ корпусѣ.

«если и отставитъ меня нынѣшній государь, то опять опредѣлитъ и дастъ еще лучшее мѣсто»[1]) и

«...на мою могилу, когда и внуковъ уже нашихъ не будетъ, зайдутъ добрые люди и помолятся. — «Вотъ — скажутъ — здѣсь погребенъ баснописецъ Измайловъ, котораго немногіе при жизни умѣли оцѣнить»[2]).

И было такъ какъ онъ говорилъ.

---

1) См. выше.
2) Изъ письма отъ 1-го марта 1829 года.

Ив. Кубасовъ.

О шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ пріемахъ.

Исторія русской литературной критики не разъ привлекала вниманіе изслѣдователей; на подобную тему писались отдѣльныя статьи и общіе обзоры, гдѣ были сдѣланы попытки охарактеризовать дѣятельность какого-нибудь одного критика или цѣлый процессъ развитія русской критической мысли. Не смотря на это, никакъ нельзя утверждать, что вопросъ исчерпанъ, что мы знакомы съ интересующимъ насъ предметомъ... Многія изъ указанныхъ изслѣдованій, въ особенности общіе обзоры, лишены убѣдительности въ своихъ выводахъ вслѣдствіе недостатка въ подготовительныхъ, детальныхъ работахъ, которыя могутъ иногда пролить совсѣмъ иной свѣтъ на неизученные вопросы и дать новые любопытные матерьялы. Только постепенно изъ разрозненныхъ, сначала частичныхъ изысканій, касающихся того или другого момента въ исторіи критики, выяснится связь этихъ моментовъ между собой и съ теченіями западно-европейской мысли,—и сдѣлается возможной общая характеристика. Посильную лепту въ сокровищницу русской науки долженъ представить нашъ очеркъ, посвященный оцѣнкѣ критической дѣятельности издателя *Московскаго Телеграфа* (1825—1834) Николая Алексѣевича Полевого.

Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія на русскую мысль стала дѣйствовать крупная сила, которой суждено было внести много измѣненій въ сложившееся міровоззрѣніе общества, — это была нѣмец-

кая философія или такъ-называемый «шеллингизмъ»[1]). Лекціи, читанныя въ Москвѣ И. И. Давыдовымъ и М. Г. Павловымъ, интересовали сбиравшихся на нихъ слушателей; вліяніе новыхъ вѣяній отражалось на образованіи литературно-философскихъ обществъ и кружковъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали одинъ изъ учителей Благороднаго пансіона С. Е. Раичъ и извѣстный князь В. Ѳ. Одоевскій; философское направленіе сказалось и въ періодическихъ изданіяхъ, въ родѣ *Мнемозины* и *Московскаго Вѣстника*. Къ числу лицъ, увлеченныхъ новымъ направленіемъ, принадлежалъ и Николай Полевой, хотя онъ, собственно говоря, далеко не сошелся со всѣми московскими «любомудрами» или «архивными юношами». Впрочемъ, благодаря М. П. Розбергу[2]), талантливому ученику И. И. Давыдова и впослѣдствіи профессору Дерптскаго университета, Полевой имѣлъ счастливый случай познакомиться съ нѣкоторыми молодыми шеллингистами и составить свой небольшой кружокъ. Упоминаніе объ этомъ сохранилось въ запискахъ Ксенофонта Алексѣевича Полевого. «М. П. Розбергъ вскорѣ сдѣлался близкимъ нашимъ знакомымъ» — пишетъ онъ — «и ввелъ въ нашъ кругъ нѣсколько достойныхъ своихъ товарищей по университету. Назову изъ числа ихъ Ивана Ивановича Безсомыкина, Ивана Николаевича Камашева[3]) и Михаила Николаевича Лихонина[4]). Всѣ мы были тогда молоды, беззавѣтно любили все, что только относится къ просвѣщенію, и съ жаромъ изучали глубокомысленныя, но трудныя для яснаго уразумѣнія книги Шеллинга и его послѣдователей. Такое общее стремленіе чрезвычайно сближаетъ людей, особливо молодыхъ, безкорыстно преданныхъ изысканію истины. Прибавьте къ этому тогдашнее направленіе европейской литературы, восторгъ, съ какимъ читали тогда безсмертныя созданія великихъ современныхъ писателей — Бай-

---

1) Прекрасное изслѣдованіе судебъ русскаго шеллингизма (въ общихъ чертахъ) представляетъ трудъ *П. Милюкова:* Главныя теченія русской исторической мысли, т. I. М. 1898.

2) О Розбергѣ см. Записки *Кс. А. Полевого.* С.-Пб. 1888; также есть указанія А. Ѳ. Шидловскаго въ *Русской Старинѣ* 1896 г., № 4: «Изъ бумагъ В. Г. Теплякова».

3) О П. Среднемъ-Камашевѣ см. «Главныя теченія» *Милюкова*, стр. 323—325. И. И. Безсомыкинъ — зять К. А. Полевого.

4) М. Н. Лихонинъ (умеръ въ 1864 г.) занимался переводомъ на русскій языкъ произведеній Шиллера, Шекспира («Донъ Карлосъ», «Макбетъ») и помѣщалъ свои статьи въ *Московскомъ Телеграфѣ*, затѣмъ въ *Москвитянинѣ* (*Московскія Вѣдомости* 1864 г., № 110).

рона, Вальтера Скотта, Гете, Томаса Мура и многихъ достойныхъ ихъ послѣдователей и соревнователей; вспомните, что тогда началась новая жизнь во французской литературѣ, что всѣ благородныя стремленія воскресали и развивались съ необычайною силою, и вы согласитесь, что было о чемъ побесѣдовать и поспорить въ искреннемъ кругу молодымъ людямъ, больше жившимъ идеальною жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не бывало между ними и рѣчи о современныхъ сплетняхъ, о спекуляціяхъ на литературу и жизнь, ни даже о томъ, какъ сдѣлать свою карьеру. Никто и не думалъ, что онъ будетъ, и какъ пойдетъ по тернамъ жизнь. За то умственная, идеальная жизнь, изслѣдованіе вѣчныхъ задачъ міра были въ полномъ разгарѣ. Но въ то время, которое описываю я, особенно занимала всѣхъ и была предметомъ жаркихъ сужденій нѣмецкая философія. Хотѣли объяснить себѣ ея положенія и примѣненія, потому что философія даетъ взглядъ на все и отражается во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка. Соглашаясь въ общихъ положеніяхъ и выводахъ Шеллинговой философіи, не всегда соглашались въ подробностяхъ, и это было поводомъ къ безконечнымъ спорамъ. Тутъ-то въ первый разъ показалъ вполнѣ и свой сильный умъ, и свою діалектическую способность Ив. Вас. Кирѣевскій. C'était un fort jouteur! Съ нимъ особенно состязался М. П. Розбергъ, достойный его соперникъ въ діалектикѣ и въ словѣ. Помню, что разъ, какъ-то вечеромъ завязался споръ, не кончившійся до глубокой ночи, и, чтобы окончить его, согласились собраться на другой день у Кирѣевскаго. На другой день явились тамъ всѣ спорившіе, но жаркое состязаніе длилось до того, что, наконецъ, Розбергъ, усталый, утомленный, перемѣнившійся въ лицѣ отъ двухъ-дневнаго спора, съ глубокимъ убѣжденіемъ и очень торжественно произнесъ, обращаясь къ Кирѣевскому: «Я не согласенъ, но спорить больше нѣтъ силъ у меня»[1]).

Вращаясь въ подобной средѣ, Полевой, естественно, долженъ былъ увлечься общимъ направленіемъ мыслей, интересовавшихъ его сотоварищей. Это, дѣйствительно, и случилось. Но, не отличаясь отъ природы

---

1) Записки *К. А. Полевого*, стр. 153, 154. Къ приведеннымъ выше извѣстіямъ слѣдуетъ прибавить, что если благодаря Розбергу Полевой сдѣлался членомъ небольшого кружка шеллингистовъ, то первоначальнымъ знакомствомъ съ нѣмецкой философіей онъ обязанъ былъ В. П. Андросову, «отчаянному шеллингисту», по сообщенію К. А. Полевого (Записки, стр. 89).

философскимъ складомъ ума, онъ не чувствовалъ влеченія къ обстоятельному изученію нѣмецкихъ философскихъ системъ: вмѣсто обстоятельнаго знакомства съ Шеллинговой теоріей, Полевой ограничился участіемъ въ указанныхъ нами жаркихъ преніяхъ и усвоеніемъ эклектизма Кузена. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* были переведены первая и десятая лекціи изъ курса исторіи философіи, читаннаго Кузеномъ [1]); кромѣ того, французскому эклектику были посвящаемы строки, подобныя слѣдующимъ: «Никогда еще философія французовъ не достигала такой высокой степени философскаго воззрѣнія, какой достигаетъ она съ Кузеномъ. И этотъ обширный умъ, эта глубокость мысленія, стройною гармоніею составляющія высшее познаніе великихъ истинъ, изъ мнѣній, опытовъ и заблужденій человѣчества, соединены у Кузена съ удивительнымъ искусствомъ излагать свои мысли, съ духомъ критицизма, съ умѣніемъ быть понятнымъ для самаго неопытнаго человѣка» [2]). «Въ наше время найденъ путь къ философическому воззрѣнью на предметы», писалъ Полевой въ своей статьѣ о «пѣсняхъ и романсахъ Мерзлякова» [3]). «Нынѣшній *эклектизмъ* совсѣмъ не безчувствіе, но опытная мудрость. Тщеславиться нечѣмъ, что старики наши его не знали: онъ составился не нами, но временемъ. Эклектизмъ, при методѣ *исторической критики*, при *этнографической*, такъ сказать, *эстетикѣ*, даетъ намъ средства быть справедливыми ко всѣмъ и ко всему. Все это не сдѣлалось еще общею принадлежностью нашего вѣка, но число избранныхъ уже довольно велико».

Въ сочиненіяхъ Кузена Полевой встрѣчалъ много мыслей, принадлежащихъ не только Шеллингу, но и Гегелю; эти мысли иногда довольно глубоко западали въ его умъ, отражаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его критическихъ очерковъ. Любопытно, что, при всемъ этомъ,

---

1) *Московскій Телеграфъ* 1829 г., №№ 10 и 3.

2) *Московскій Телеграфъ* 1828 г., № 17.

3) Очерки русской литературы, т. I, стр. 433. Надо отмѣтить, что курсъ Кузена объ истинѣ, благѣ и красотѣ, читанный имъ въ 1818 году, увидѣлъ свѣтъ не ранѣе 1836 г. и могъ быть извѣстенъ Полевому черезъ такихъ лицъ, какъ С. Д. Полторацкій или А. И. Тургеневъ, жившихъ за границей и любителей книжныхъ новинокъ, ибо рукописный курсъ существовалъ въ Ecole normale и, повидимому, имѣлъ успѣхъ. Что же касается «Fragments philosophiques», то ихъ Полевой, безъ сомнѣнія, имѣлъ подъ руками. О сочиненіяхъ Кузена см. книгу *Поля Жанэ*: Victor cousin et son oeuvre. Paris. 1885, pp. 60—61 и «Préface de l'éditeur» къ «Cours de philosophie». Paris. 1836, p. V.

Полевой нѣсколько иронически относился къ прямымъ послѣдователямъ нѣмецкихъ философовъ, вліявшихъ и на его патрона. «Ничего нѣтъ забавнѣе теоретиковъ», — говорилъ онъ, — «которые сводятъ умствованіе человѣческое въ чернильницу какого-нибудь Шеллинга или Гегеля, находя хаосъ человѣчества на Востокѣ, младенчество въ Греціи, юность въ Римѣ, лѣта буйныхъ страстей въ среднихъ вѣкахъ и умную старость въ нынѣшней Европѣ, которой головою полагаютъ Германію» [1]).

Отмѣтивъ отношенія Полевого къ представителямъ западно-европейской философіи, переходимъ къ выясненію его взглядовъ на міръ и искусство [2]).

«Міръ и природа не проявляютъ намъ ни одной чистой, отдѣленной идеи; они суть соединеніе всѣхъ возможныхъ идей, кои смѣшеніемъ частныхъ жизней составляютъ общую жизнь природы и человѣка: отъ сего происходитъ, что, при поверхностномъ взглядѣ, міръ кажется совершенною неправильностью. Но умъ человѣчества, опытомъ и умозрѣніемъ, узналъ и частные виды различныхъ идей, и общіе роды ихъ, и полноту всеобщей жизни ихъ. Онъ составилъ изъ нихъ цѣлые ряды однородныхъ понятій, и такимъ образомъ раздѣлилъ общую жизнь природы и человѣка, открылъ для себя вѣрныя отдѣльныя идеи истины, блага и красоты, проявилъ ихъ философіею и науками точными, политикою или общественною жизнью и изящными искусствами и художествами» [3]). Законы истины, блага и красоты царятъ всюду:

---

1) Очерки русской литературы, т. I, стр. 383. Также см. статью *С. Ставрина* въ журналѣ *Дѣло* 1875 г., № 7, стр. 168—169. («Въ одномъ изъ журналовъ нашихъ», писалъ Полевой, «предлагали намъ жалкіе обломки гегелевской схоластики, излагая ее языкомъ, едва ли даже для самихъ издателей журнала понятнымъ»).

2) О примѣненіи Полевымъ философскаго взгляда къ русской исторіи уже писалъ г. Милюковъ въ своихъ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли»; мы оставляемъ себѣ разрѣшеніе другого, не затронутаго имъ вопроса.

3) По мнѣнію В. Кузена, кромѣ собственнаго «я» и физической природы, существуетъ нѣчто третье — абсолютное, безконечное начало, сливающееся съ Божествомъ, проявляющееся въ трехъ видахъ, доступныхъ для человѣческаго разумѣнія: истины, блага и красоты. Но человѣкъ живетъ сначала полубезсознательною жизнью, и только постепенно подходитъ къ познаванію Божества: «Le point de vue le plus élevé de la vie intellectuelle est la connaissance du rapport qui rattache les idées absolues à l'être infini, c'est-à-dire à la source et au fondement de toute vérité, c'est la conception de l'être infini, par delà ses formes absolues». «La pensée ne peut ni comprendre ni imaginer l'être lui-même, mais en deçà de l'infini sont les formes sous lesquelles il se révèle: ces formes sont les idées du vrai, du beau, du bien» (Cours de philosophie. Paris. 1836, pp. 69—70).

«они разлиты въ безчисленномъ множествѣ народовъ, людей, вѣковъ и лѣтъ. Надобно, чтобы одинъ народъ другому, одинъ вѣкъ другому передавали свои участки. Между тѣмъ, природа и воля человѣка сражаются, ибо каждое подчиненіе частнаго эгоизма закону всеобщей необходимости есть уже пожертвованіе физическаго для духовнаго, или уступка слабѣйшаго сильнѣйшему. Отъ сего происходятъ всѣ видимые безпорядки, уклоненія, разнообразія. По вѣчнымъ законамъ истина превозмогаетъ. Торжество заблужденія бываетъ всегда временно; но оно необходимо, дабы истина потомъ восторжествовала. Необходимъ и переходъ отъ грубаго къ нѣжному, отъ тѣла къ духу. Хотите ли видѣть сей ходъ въ идеѣ истины? Сличите умозрѣнія языческихъ философовъ и христіанскихъ: основанія мудрости у тѣхъ и у другихъ одни, но какая разница? Хотите ли видѣть сей ходъ въ идеѣ блага? Читайте исторію. Человѣкъ не можетъ даже ускорить хода судебъ и перепрыгнуть черезъ ступеньки лѣствицы ихъ, ибо онъ самъ только ступенька въ сей лѣствицѣ. Были примѣры, что люди хотѣли упредить ходъ времени, хотѣли насильно наставить людей слѣдовать своей идеѣ; но всѣ сіи покушенія оканчивались неудачею, когда, напротивъ, съ наступленіемъ времени идеѣ, она была принимаема безспорно»[1]).

«Въ каждой землѣ» — продолжаетъ Полевой — «есть особенный край, въ которомъ идеи обобщаются и развиваются на всѣ остальныя части земли». «Въ отношеніи къ цѣлому земному шару такое мѣсто занимаетъ Европа. Говоря собственно, почти ни одна всемірная идея не началась въ Европѣ, но всѣ онѣ, безъ исключенія, обобщены и развиты Европою. Въ ней кончился періодъ вещественнаго бытія чело-

1) Отраженіе гегелевскихъ взглядовъ въ философіи Кузена. Ср. *Paul Janet*. Victor Cousin et son oeuvre», pp. 260—261. «Si nous passons à la seconde partie du cours de 1828, à la philosophie de l'histoire, nous y remarquerons les points suivants, dont le développement nous entrainerait trop loin et qui sont d'ailleurs passablement connus: la théorie de l'histoire en général ramenée à l'évolution des idées; — la théorie des grandes époques de l'histoire (Orient, Grèce, temps modernes), chacune de ces grandes périodes résumant une idée: l'Orient l'idée de l'infini; la Grèce l'idée du fini, le monde moderne ou chrétien l'union intime de l'infini et du fini; — la théorie des peuples; — la théorie des grands hommes, chaque peuple, chaque grand homme étant l'expression d'une idée et toutes les grandes luttes de l'histoire n'étant que le triomphe d'une pensée plus avancée sur une pensée épuisée et finie: d'où la célèbre apologie de la victoire et du succès. En résumé, la philosophie de l'histoire contenue dans les leçons de 1828 se réduisait à une sorte d'optimisme fataliste, emprunté à Hegel, et qui pouvait être trop facilement intepréte en une apologie de la force».

вѣческаго и начата жизнь духа человѣческаго. Первый періодъ явили Европѣ: Греція, какъ высочайшій идеалъ *изящества вещественнаго*, и Римъ, какъ высочайшій идеалъ *силы вещественной*». «Затѣмъ наступилъ періодъ жизни духа человѣческаго. Святая Земля сказала вѣчное слово истины, на обломкахъ языческихъ миѳовъ, и указала на судьбу человѣка *внѣ міра*. Пришли дѣятели новые, разрушили міръ древнихъ, явили новыя идеи политическаго духа и общества человѣческаго»[1]).

Отъ самихъ идей Полевой дѣлаетъ затѣмъ переходъ къ тому, кто способствуетъ ихъ развитію, то-есть къ человѣку, признавая въ немъ двойственность.

«Умъ человѣка погрузился въ высокую идею Бога. Всеобъемлющая, божественная религія простерла къ нему свои материнскія объятія и утѣшила его мыслью о другомъ, неизвѣстномъ прежде мірѣ. Человѣкъ хотѣлъ предать ея власти даже все то, что видѣлъ на землѣ. Но міръ, но земля взяли свое. Бытіе за гробомъ, *другой лучшій* міръ могутъ тогда только наполнить все существованіе человѣка, когда онъ отдѣлится вовсе отъ земли. Но до того онъ *долженъ* здѣсь существовать. Бытіе земное обнаруживается у него жизнью внутреннею и внѣшнею. Въ первой—умъ, открывающій міръ мысленія, или истины, и воображеніе, открывающее міръ фантазіи, или изящнаго. Таковы стихіи его *внутренней* жизни». «Міръ *внѣшній* заключается въ уравненіи воли одного человѣка съ волею другихъ, для общаго ихъ блага. Въ первомъ открывается для него источникъ всѣхъ наукъ и знаній; въ другомъ — источникъ поэзіи и изящныхъ художествъ; въ третьемъ — политическій и общественный бытъ его, какъ законы взаимныхъ людскихъ сношеній, и управленія людской воли».

«Человѣкъ, въ одно время, живетъ идеею неба и идеею земли. Въ одно время, онъ часть человѣчества, часть вселенной, и отдѣленъ отъ нихъ самобытною жизнію. *Это безконечность и конечность, дробь самая мѣлкая (sic) и цифра, выражающая цѣлый міръ, даже отблескъ, болѣе нежели міра — Бога*».

«Отъ того безчисленное дѣленіе и уравненіе человѣка; онъ можетъ совершенно объединиться въ одной идеѣ, можетъ разлиться въ цѣлый

---

1) *Московскій Телеграфъ* 1832 г., № 2, стр. 220—221; № 1, стр. 93 (статья: «О романахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ романахъ»).

міръ идей. Но чѣмъ всеобщнѣе онъ, тѣмъ выше другихъ; чѣмъ отдѣльнѣе, тѣмъ ниже. Отъ того, мужъ силы, ума и воли необъятной является превышающимъ другихъ, великимъ дѣятелемъ политическимъ; человѣкъ ума всеобщаго — философомъ; человѣкъ, увлеченный идеею изящнаго, — поэтомъ. Они худо понимаютъ другъ друга, отъ того, что каждый объемлетъ міръ изъ своей идеи. Но чѣмъ они болѣе, тѣмъ ближе другъ къ другу. Такъ высшія минуты жизни политическаго дѣятеля восходятъ къ поэзіи, и высшая практическая жизнь ведетъ къ философіи, а поэтъ въ минуты восторга понимаетъ глубокія философскія и политическія идеи, и разгадку міра и человѣка»[1]). Но не смотря на это, «исключительности рѣшительной не можетъ и не должно быть, ибо тогда все должно разрушиться или быть совершенно ничтожнымъ. Но и всеобщность есть то же уничтоженіе, ибо она не

---

1) *Московскій Телеграфъ* 1832 г., № 1, стр. 95; № 2, стр. 222. — Абсолютное начало проявляется въ природѣ и человѣкѣ, хотя и не зависитъ отъ нихъ, по теоріи Кузена: «L'absolu, quoiqu' également indépendant du monde interne et du monde externe, fait toute fois son apparition dans l'un et dans l'autre; il descend et se repose sur la nature en même temps qu'il se réfléchit dans l'intelligence: si l'homme tient de l'absolu les vérités nécessaires, l'univers en a reçu les lois qui le régissent. L'absolu plane sur l'humanité et sur la nature, les domine et les gouverne éternellement, avec cette seule différence que *l'une le sait* et que l'autre *l'ignore*» (Cours de philosophie, p. 126). Сначала *сознаніе* произвольно, схватываетъ только явленія, затѣмъ начинаетъ открывать въ преходящемъ и мѣняющемся подъ тремя видами истины, блага и красоты вѣчное и абсолютное начало (тамъ же, стр. 101—104). «Tout ce qui existe participe donc à l'absolu; tout ce qui est n'est pas Dieu, mais doit avoir quelque chose de Dieu» (211). «Chose remarquable, moi qui ne suis qu'un individu, qu'un phénomène passager, je conçois quelque chose d'universel et d'éternel» (320). Съ проясненіемъ сознанія, человѣкъ менѣе и менѣе замыкается въ своемъ *я* и природѣ, приближаясь къ познанью истинной сущности. По мѣрѣ развитія каждой идеи (истины, блага и красоты), ея носитель (философъ, художникъ, политическій дѣятель) болѣе постигаетъ абсолютное начало, а слѣдовательно ему доступнѣе становятся и другія формы, въ которыхъ обнаруживается то же самое начало: то-есть, носитель идеи истины можетъ постигать идею блага и красоты, и т. д.

Фраза же Полевого: «Но и всеобщность есть то же уничтоженіе, ибо она не есть удѣлъ человѣка», не указываетъ ли на знакомство его съ гегелевымъ опредѣленіемъ абсолютнаго. Ср. *Фалькенберга*. Исторія новой философіи С.-Пб. 1894, стр. 435: «Какъ прежде всего должно мыслиться *абсолютное*, какъ прежде всего оно должно быть опредѣлено? Очевидно, какъ, по меньшей мѣрѣ, не нуждающееся ни въ какихъ предварительныхъ предположеніяхъ. А самое *общее* понятіе, которое останется, если отвлечься отъ всякаго опредѣленнаго содержанія мысли, при чемъ отъ самаго этого понятія уже нельзя болѣе отвлечься, самое неопредѣленное и непосредственное понятіе — есть чистое бытіе. А какъ лишенное всякаго качества и содержанія, *оно равно небытію*».

есть удѣлъ человѣка. Что же изъ сего слѣдуетъ? То, что только тогда явится совершенство, когда частное и общее уравнены и не превышаютъ одно другого. Человѣкъ, забывающій свои частныя отношенія для общихъ и общія для частныхъ, равно несовершенъ. Но люди безпрерывно впадаютъ въ такую крайность, и это распространяется даже на цѣлые народы. Безпрерывно и народы, и люди ставятъ себя средоточіемъ и на все смотрятъ только въ отношеніи къ себѣ и къ своей идеѣ. Такъ умозритель презираетъ опытъ, эмпирикъ — умозрѣніе, математикъ — слова, поэтъ — цифры».

Свои общія положенія Полевой примѣняетъ и къ сужденіямъ объ искусствѣ.

«То же и въ изящномъ. Здѣсь есть своя общность и своя частность. Ими вѣрно раздѣляются изящныя искусства и художества, и опредѣляются законы идей изящнаго. Собственно, изящное не есть истина, не есть и благо: красота есть прямой символъ и настоящая цѣль онаго. Истина и благо совершенно слиты съ нимъ[1]); но если ихъ будемъ имѣть преимущественно въ виду, мы ошибемся, точно такъ же, какъ жертвуя ими единственно для красоты. Поэтъ, художникъ, будучи гражданиномъ, будучи философомъ, долженъ быть собственно поэтомъ, собственно художникомъ; но онъ не будетъ ни тѣмъ, ни другимъ, если откажется въ произведеніяхъ своихъ отъ правъ философа и гражданина».

«Въ произведеніяхъ его путеводитель восторгъ, коимъ руководствуютъ въ мірѣ фантазіи умъ и сердце. Міръ представляется художнику загадкой, его твореніе есть рѣшеніе сей загадки. Онъ дѣйствуетъ притомъ какъ художникъ; не рѣшаетъ какъ философъ, не судитъ какъ гражданинъ того или другого общества, но возсоздаетъ свои идеи въ образахъ, взятыхъ изъ природы и человѣка, слѣдственно, необходимо впадаетъ въ идею истины и блага, если только изящное у него совершенно».

«Разумѣется, что могутъ и должны быть особенныя, частныя на-

1) Ср. *Московскій Телеграфъ* 1832 г., № 2, стр. 229: «Изящное есть прямая цѣль созданій изящныхъ. Не силлогизма нравственнаго ищемъ мы въ немъ. Если поэтъ будетъ изященъ и истиненъ, то благо или нравственность непремѣнно освѣтитъ его твореніе. Но для этого онъ долженъ изобразить намъ человѣка вполнѣ, вѣрно, и если его созданіе будетъ таково, оно будетъ изящно; а тогда истина и благо отразятся на его твореніи».

правленія изящнаго. Какъ музыкантъ выражается звуками, ваятель формами, живописецъ цвѣтами, поэтъ словами, такъ поэтъ въ гимнѣ можетъ говорить о любви къ отечеству, музыкантъ грозными звуками вести воина на брань, ваятель—изсѣчь его изображеніе на память потомству».

«Но чѣмъ менѣе явна частность, тѣмъ выше изящное, и чѣмъ болѣе въ немъ всеобщаго стремленія, тѣмъ болѣе оно понятно всякому. Такъ въ Шекспирѣ, Данте, Омирѣ, Гете — все удовлетворено; но односторонніе Шиллеръ, Тассъ, Исіодъ, Расинъ удовлетворяютъ только тогда, когда мы станемъ на ихъ точку зрѣнія».

«Надобно вспомнить, что сказали мы объ уравненіи общаго съ частнымъ. На семъ основано дѣленіе впечатлѣній и роды изящнаго, создана трагедія, комедія, эпопея, лирика, раздѣлена проза отъ стиховъ, утверждена критика, существуетъ вкусъ, какъ судія произведеній изящныхъ, и опредѣляются отношенія изящнаго къ нравственному и истинному».

«У каждаго народа сначала все бываетъ смѣшанно и потомъ постепенно раздѣляется. У каждаго народа дѣлятся постепенно роды и наклоненія, образуется драма, эпопея, лирика, и у каждаго народа, совершившаго полный періодъ жизни, является потомъ въ семъ случаѣ уклоненіе схоластическое, ибо народъ, забывая, что онъ самъ не есть цѣлое, и что изящное не есть полный міръ мысленія, думаетъ, что можно сыскать полныя правила, какъ производить изящное, и одному народу выполнять ими абсолютно всѣ требованія ума и сердца цѣлаго человѣчества. Такъ было у китайцевъ, индійцевъ, грековъ и у новыхъ классиковъ»[1]).

---

1) Ср. Кузена «Cours de philosophie», p. 260. «Le beau est un, c'est le beau moral ou intellectuel, c'est-à-dire le beau incorporel qui, se manifestant par des formes *visibles*, constitue le beau physique, le beau incorporel, c'est la vérité elle-même, c'est la substance, c'est l'éternel, c'est l'infini; si la vérité se montre dans les actes humains, elle devient la vérité morale, la sainteté, la justice, en un mot, *le bien*; si elle se répand dans les êtres pour leur communiquer l'harmonie et la vie, c'est la *beauté*, soit incorporelle, soit corporelle. Le vrai, le bien et le beau sont donc réunis intimement, et se pénètrent l'un l'autre dans l'unité de leur substance; ce qui est bon est beau, ce qui est beau est bon, ce qui est beau et bon est vrai. Dieu est la substance métaphysique du beau, du bien et du vrai, en d'autres termes, le bien, le beau et le vrai, conçus dans l'unité de leur substance, c'est Dieu».

Будучи абсолютной идеей, прекрасное не можетъ вполнѣ проявиться въ природѣ: «L'ideé peut faire son apparition au sein de la nature; mais elle y est toujours *voilée* et

Таковы были общія, основныя положенія философскихъ взглядовъ Николая Полевого, заставлявшія его отречься отъ прежней теоріи «подражанія природѣ» въ изящныхъ искусствахъ[1]) и развивать иногда свои мысли въ духѣ шеллингіанской школы, какъ онъ и поступилъ при разборѣ извѣстной книги А. И. Галича: «*Опытъ науки изящнаго*»[2]). Изъ этихъ же основныхъ положеній онъ сдѣлалъ выводъ о громадномъ значеніи народности, какъ извѣстной идеи, развиваемой тою или другой націей, и о необходимости примѣнить болѣе строгія требованія къ пріемамъ современной ему критики, къ которой относился далеко недоброжелательно.

«Русская критика», писалъ онъ, «или дико поетъ съ чужого голоса, или говоритъ и свое, но говоритъ, какъ избалованный, злой ребенокъ. Совершенное отсутствіе плана и цѣли, безмыслица (чтобы не сказать:

---

mutilée» (p. 190). Болѣе ярко обнаруживается она въ созданномъ человѣческими руками: «L'idée apparaît d'une manière plus éclatante dans les oeuvres humaines, parce que le bras guidé par l'intelligence, se rapproche davantage du modèle conçu par celle-ci; mais l'idée ne peut jamais s'y réaliser tout entière» (p. 190).

Искусство изображаетъ жизнь въ ея цѣлости; а послѣдняя состоитъ изъ видимаго и невидимаго, конечнаго и безконечнаго. «Le phénomène et l'être se partagent toutes les idées, le phénomène est varié, l'être est unique, l'art qui représente l'unité et la variété représente donc aussi la substance et le phénomène. Unité et variété, telles sont donc les deux règles suprêmes de l'art» (p. 208—209). «L'artiste, en détruisant et en reformant *la matière*, marche à la fin de l'art qui est le triomphe de la nature humaine sur la nature physique: *élever le réel jusqu'à l'idéal*, telle est la mission du génie» (p. 267).

Выставляя насколько возможно ясно одухотворяющее начало природы, скрытое въ преходящихъ явленіяхъ и матеріи (p. 265), художникъ имѣетъ цѣлью возбудить чувство прекраснаго; и чѣмъ лучше онъ выполнитъ свою миссію, тѣмъ яснѣе обнаружитъ одну изъ формъ, въ которыхъ доступно для насъ безконечное начало, и тѣмъ самымъ, приблизивъ насъ первоисточнику бытія, сдѣлаетъ для насъ болѣе доступными и другія формы: то-есть идеи истины и блага. Ср. «Cours de philosophie», p. 226. Не отсюда ли вытекаетъ общее положеніе Полевого, примѣняемое имъ и для теоріи искусства: «чѣмъ менѣе явна частность, тѣмъ выше изящное»?

1) Ср. *Московскій Телеграфъ* 1826 г., № 7: «Теорія подражанія природѣ опровергается. Не природа *творящее*, но человѣкъ; природа только *творимое*. Человѣкъ развилъ въ своихъ способностяхъ и знаніяхъ внутренній, духовный міръ свой. Это положеніе, основанное на умозрѣніи и доказываемое опытностью, должно быть краеугольнымъ камнемъ всѣхъ нашихъ системъ и изслѣдованій».

2) Въ отмѣченныхъ же номерахъ журнала (№№ 6, 7, 8, 10), кромѣ доказательствъ несостоятельности теоріи изящнаго по системѣ Батте, Полевой повторяетъ общеизвѣстныя воззрѣнія шеллингистовъ на мірозданіе: трактуетъ о микрокосмѣ, повторяющемъ въ себѣ макрокосмъ, о расширяющемся и сжимающемся движеніи и т. д. (Ср. *Московскій Телеграфъ* 1826 г., № 7 и слѣд.; также «Главныя теченія» *Мизюкова*, изд. 2-е, стр. 311—323).

безсмыслица), и упорная, остервенѣлая брань, ложно, пристрастно прикрываемая именами вѣры, закона и добра — таково бываетъ содержаніе многихъ русскихъ критическихъ статей. Не именуемъ никого, но знающій современную русскую литературу, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, конечно согласится, что весьма часто даже чувство собственнаго достоинства не позволяетъ входить въ полемику со многими русскими журналистами и критиками»[1]).

Жалуясь, подобно Пушкину, на отсутствіе у насъ серьезной критики, Полевой видѣлъ причину зла едва ли не въ увлеченіи отживавшими свой вѣкъ піитиками и риториками въ ложноклассическомъ вкусѣ: «Не будемъ уподобляться старымъ Лагарпамъ, доказывая правилами риторики изящество, прелесть стихотвореній, не станемъ доказывать читателямъ каждаго слова и подсказывать имъ: «здѣсь восхищайтесь, здѣсь плачьте, здѣсь радуйтесь, здѣсь печальтесь»[2]).

Въ своихъ статьяхъ Полевой любилъ упоминать имена двухъ своихъ предшественниковъ въ области литературной критики: Жуковскаго и Мерзлякова. И тотъ, и другой, очевидно, не должны были удовлетворить его, ибо держались враждебныхъ ему теорій. Вотъ, напримѣръ, отзывъ о критическихъ опытахъ Жуковскаго:

«Наконецъ, въ сочиненіяхъ Жуковскаго находимъ три опыта критическіе: статьи: «О критикѣ», «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира». Въ первой Жуковскій думалъ изобразить идеалъ критика, и изобразилъ портретъ добраго, умнаго, просвѣщеннаго человѣка, живущаго въ какой-то литературной утопіи. Эту оптическую картину можно положительными примѣрами опровергнуть въ основаніи и подробностяхъ. Впрочемъ, касательно мнѣній Жуковскаго объ ученыхъ основаніяхъ критики, должно замѣтить, что они принадлежали къ тогдашней французской школѣ Лагарпа и Батте. Статья: «О баснѣ и басняхъ Крылова» вовсе неудовлетворительна. Авторъ видитъ въ поэзіи подражаніе природѣ; нравиться воображенію, образуя разсудокъ и сердце — вотъ цѣль поэзіи, по мнѣнію Жуковскаго. Басня выходитъ у него легкій урокъ, облеченный красивымъ разсказомъ. Въ Крыловѣ видитъ Жуковскій искуснаго переводчика Ла-

1) *Московскій Телеграфъ* 1832 г., № 1, стр. 86. Ср. *Дѣло* 1875 г., № 7, стр. 168—169, (статья Ставрина).

2) Очерки русской литературы, стр. 172.

фонтеновыхъ басенъ, и всю критику свою ограничиваетъ разборомъ нѣсколькихъ выраженій. То же находимъ въ статьѣ: «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира». Критикъ выписываетъ нѣсколько мѣстъ изъ Кантемировыхъ сатиръ, и приставляетъ къ нимъ разсужденіе, составленное изъ мнѣній Сульцера, Эшенбурга, Лагарпа. Не ищите тутъ ни характеристики Кантемира, ни взгляда на то, когда онъ жилъ, ни на то, о чемъ онъ писалъ, ни теоріи сатиры внѣ рамочекъ теоріи Лагарповой»[1]).

Но не соглашаясь въ принципѣ съ критическимъ методомъ предшественниковъ, Полевой платилъ имъ должную дань, признавалъ ихъ заслуги и мѣсто въ исторіи литературы; такимъ характеромъ отличается его отзывъ о Мерзляковѣ. «Нельзя также отказать въ признательности», писалъ онъ: «напримѣръ, Мерзлякову, за его умные и смѣлые разборы Россіяды и трагедій Сумарокова, хотя основанные на ложной теоріи»[2]). «Какъ послѣдователь Лагарпа, Мерзляковъ былъ теоретикомъ умнымъ и краснорѣчивымъ, сражался съ предразсудками и современными нелѣпостями неустрашимо — указывалъ и на нескладицу Сумарокова, и громадную пустоту Хераскова, и поддѣльный эллинизмъ Озерова. Таковы были его заслуги вообще. Послѣ Гнѣдича, Омиръ Мерзлякова не для насъ. Дезульеръ забыли и въ подлинникѣ; на Горація, Виргилія смотрятъ иначе. О Синавѣ и Россіядѣ не спорятъ; одъ торжественныхъ вообще не читаютъ — но виноватъ ли Мерзляковъ? Нѣтъ! вините его вѣкъ, а литературной чести у него не отнимайте. Дай Богъ, чтобы въ наше время являлись свои Мерзляковы. Покажите намъ хоть одного человѣка, который бы въ *нашъ* вѣкъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ *свой* вѣкъ?»[3]). Позднѣйшія изслѣдованія подтвердили справедливость сужденій Полевого.

«Самыя заглавія статей: «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира», по словамъ Галахова: «ужъ показываютъ методу критики Жуковскаго. Значитъ онъ идетъ отъ общаго къ частному. Не приступая еще къ литературному явленію, онъ предварительно излагаетъ теорію рода, къ которому это явленіе относится. За изложеніемъ началъ слѣдуетъ исторія словесныхъ произведеній, въ которыхъ, не смотря на ихъ разнообразіе, обнаруживается единство

1) Очерки русской литературы, стр. 142—143.
2) Тамъ же, стр. 379—380.
3) Тамъ же, стр. 434—435.

родовыхъ принадлежностей. Показавъ, что такое сатира вообще, критикъ предлагаетъ характеристику Горація и Ювенала, какъ наилучшихъ сатириковъ. При отчетѣ о трагедіи: Электрѣ и Орестѣ, онъ сравниваетъ ее съ пьесами другихъ авторовъ, трудившихся надъ тѣмъ же сюжетомъ: Эсхила, Софокла, Эврипида, Кребильона, Вольтера и Альфіери».

«Такое соединеніе теоріи и исторіи при разборѣ словесныхъ произведеній — новый пріемъ, новый шагъ въ исторіи нашей критики. Отсюда начинается ея *теоретико-сравнительная метода*, требующая знанія и правилъ искусства и превосходнѣйшихъ образцовъ его. Образчикъ ея частію указанъ Карамзинымъ въ разборѣ «Душеньки». У Жуковскаго она является полною и отчетливою, какъ плодъ основательнаго знакомства съ нѣмецкой эстетикой и исторіею литературъ у разныхъ народовъ, обработанною также нѣмцами. Тому же методу слѣдовалъ Мерзляковъ въ оцѣнкѣ отечественныхъ писателей, хоть въ критическихъ основаніяхъ его замѣтно *сильное вліяніе французской теоріи* и какая-то недовѣрчивость къ лучшимъ нѣмецкимъ поэтамъ. Исторической точки зрѣнія нѣтъ въ критикѣ Жуковскаго, потому что она только что зарождалась и во Франціи, и въ Германіи» [1]).

Освѣтить произведенія нашихъ поэтовъ съ исторической точки зрѣнія и такимъ образомъ пополнить значительный пробѣлъ въ русской критикѣ суждено было именно Полевому. И вотъ, онъ выбираетъ себѣ другихъ авторитетовъ, рѣзко подчеркивая ихъ разницу съ прежними.

«Могла ли публика не замѣтить», писалъ онъ въ *Телеграфѣ*: «разницы свѣтлой, глубокой критики прежнихъ издателей газеты *Le Globe* или журнала *Revue française* и старыхъ сужденій Лагарпа, Мармонтеля и даже остроумныхъ Дюссо, Гофмана, Фелеца? Могли ли не видѣть безчисленнаго множества новыхъ идей, свѣдѣній, понятій, отвсюду ее обогатившихъ, и прежней бѣдности во всѣхъ отношеніяхъ» [2]).

---

1) *А. Д. Галаховъ*: «В. А. Жуковскій» (*Отечественныя Записки* 1853 г., № 12).

2) *Московскій Телеграфъ* 1832 г., № 2, стр. 214. — *Jean-Joseph Dussault* (1769 † 1824), *François-Benoît Hoffmann* (1760 † 1828) и *Charles-Marie Félets* (1767 † 1850)— извѣстные въ свое время критики, сотрудничавшіе въ *Journal des Débats* и державшіеся болѣе старыхъ классическихъ традицій, чѣмъ новыхъ литературныхъ направленій (особенно ратовалъ противъ новшествъ области литературы—*Félets*). См. *Московскій Телеграфъ* 1829 г., № 2, стр. 216.

Слова Полевого вполнѣ понятны. Человѣкъ съ недюжиннымъ умомъ, онъ видѣлъ (и не могъ не видѣть) недостатки современной ему критики, искалъ случая исправить ихъ, а случай представился при ознакомленіи съ новыми направленіями нѣмецкой, французской и англійской литературы.

Имя Шлегелей уже пользовалось въ то время извѣстностью въ Европѣ и Россіи; въ 1834 году переводъ «Исторіи древней и новой литературы» вышелъ у насъ вторымъ изданіемъ, первое же относится къ 1829 году. Полевой не преминулъ сказать объ этомъ крупномъ событіи въ своемъ журналѣ. «Мы ожидаемъ большой пользы отъ сего перевода», читали его подписчики: «и просимъ читателей нашихъ обратить на оный особенное вниманіе. Незнакомые съ подлинникомъ сей книги найдутъ здѣсь чтеніе самое поучительное, ибо авторъ, одинъ изъ первѣйшихъ европейскихъ критиковъ, обозрѣваетъ въ исторіи своей почти всѣ литературы и говоритъ о нихъ, какъ философъ, обогащенный величайшими филологическими познаніями. Появленіемъ такихъ книгъ должно дорожить и учиться изъ нихъ. Всякому, кто только имѣетъ возможность, совѣтуемъ прочитать Шлегеля: время, употребленное имъ на сіе чтеніе, не погибнетъ втуне»[1]).

Смотря на литературу, какъ на «совокупность умственной жизни народа», Шлегель имѣлъ намѣреніе «представить духъ литературы въ каждомъ вѣкѣ, всю цѣлость оной и ходъ ея развитія у важнѣйшихъ народовъ»[2]); кромѣ того, «показать вліяніе литературы на общественную жизнь, на судьбу народовъ и на ходъ вѣковъ»[3]). «Чтобы сдѣлать европейское образованіе болѣе понятнымъ, онъ почиталъ всего приличнѣе упомянуть объ образѣ мыслей и образованности Востока тамъ, гдѣ они пріобрѣли вліяніе на Европу и начали дѣйствовать на нее. Потомъ посвящено особенное вниманіе нашимъ первобытнымъ вѣкамъ, сѣверному богоученію и отъ него происшедшимъ: поэзіи рыцарскихъ столѣтій и искусству среднихъ вѣковъ, когда, во время Крестовыхъ походовъ, Европа снова пришла въ обильныя сношенія съ Во-

---

1) *Московскій Телеграфъ* 1829 г., № 12, стр. 504.

2) *Фр. Шлегель*. Исторія древней и новой литературы, переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Комовскаго. С.-Пб. 1834, ч. I, стр. VIII.

3) Тамъ же, стр. 1.

стокомъ. Слѣдующія за тѣмъ лекціи посвящены эпохѣ со времени возстановленія наукъ и подробному начертанію литературы осьмнадцатаго столѣтія»[1]).

Относительно же послѣдняго Шлегель говоритъ: «Намъ необходимо должно, хотя краткою характеристикою, привести въ воспоминаніе Бакона, Декарта, Локка и нѣкоторыхъ другихъ героевъ семнадцатаго столѣтія для того, чтобы умѣть правильно изобразить и постигнуть всѣ духовныя и нравственныя дѣйствія, произведенныя Вольтеромъ и Руссо, не только на Францію, но и на всю Европу»[2]).

Представить общее развитіе всемірной литературы, выяснивъ сначала постепенный расцвѣтъ литературы каждой національности и указавъ на взаимодѣйствіе между разными народами, было бы невозможно безъ историческаго метода, который достаточно ясно проявляется въ приведенныхъ словахъ автора курса «О древней и новой литературѣ».

Г-жѣ де-Сталь принадлежитъ починъ въ проведеніи новыхъ взглядовъ на критическіе пріемы во Франціи. Ея произведенія были извѣстны въ нашемъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Полевой часто упоминалъ ея имя какъ въ своемъ періодическомъ изданіи, такъ и въ позднѣйшихъ статьяхъ. Г-жа Сталь фигурируетъ даже героиней переводнаго романа Жанлисъ «Замокъ Коппетъ», помѣщеннаго въ *Московскомъ Телеграфѣ*[3]); ясные намеки на большое значеніе ея литературной дѣятельности заключаются хотя бы въ слѣдующихъ словахъ Полевого: «Въ самое несчастное время французской литературы были Вольтеры, Руссо, Монтескье, и послѣ нихъ явились Шатобріаны, *Сталь* и *славные товарищи ихъ*»[4]).

Въ своей книгѣ «De la littérature» (1800), исходя изъ положенія, что «les sciences ont une connexion intime avec toutes les idées dont se compose l'état moral et politique des nations», Сталь слѣдующимъ

---

1) *Шлегель*, ч. I, стр. 17—18.

2) Тамъ же, стр. 169—170.

3) *Московской Телеграфъ* 1831 г., №№ 20, 21, 22; см. тамъ же, 1834 г., № 3.

4) Очерки русской литературы, т. I, стр. 442. Ср. *Московскій Телеграфъ* 1826 г., № 22, стр. 62—63, или Полное собраніе сочиненій князя *П. А. Вяземскаго*, т. I, стр. 223: «.... на всѣхъ споспѣшниковъ литературнаго переворота первая и болѣе всѣхъ дѣйствовала г-жа Сталь: ее можно назвать Лютеромъ французской литературы, а книгу ея: «*О Германіи*» — кормчею книгою французскаго литературнаго протестантизма».

образомъ намѣчаетъ задачу своего труда: «Je me suis proposé d'éxaminer quelle est l'influence de la religion, des moeurs et des lois sur la littérature, et quelle est l'influence de la littérature sur la religion, les moeurs et les lois. Il existe dans la langue française, sur l'art d'écrire et sur les principes du goût, des traités qui ne laissent rien à désirer; mais il me semble que l'on n'a pas suffisamment analysé les causes morales et politiques qui modifient l'esprit de la littérature...» «En observant les différences caractéristiques qui se trouvent entre les écrits des Italiens, des Anglais, des Allemands et des Français, j'ai cru pouvoir démontrer que les institutions politiques et religieuses avaient la plus grande part à ces diversités constantes»[1]). Этотъ «новый, широкій, плодотворный принципъ заключаетъ въ себѣ», по мнѣнію Лансона, «все позднѣйшее развитіе критики»[2]).

Абель-Франсуа Вильменъ былъ достойнымъ продолжателемъ Сталь. Его труды по исторіи литературы XVIII вѣка и среднихъ вѣковъ привлекали вниманіе соотечественниковъ и иноземцевъ. Полевой ознакомился съ сочиненіями Вильмена, указывалъ на ихъ крупныя достоинства, но и не закрывалъ глаза на встрѣчающіеся въ нихъ, съ его точки зрѣнія, недостатки. Въ 17-мъ номерѣ *Московскаго Телеграфа* за 1828 годъ помѣщенъ слѣдующій общій отзывъ о Гизо и Вильменѣ: «При всемъ уваженіи нашемъ къ талантамъ г-дъ Гизо и Вильмена, мы признаемся, что зная нѣкоторыя сочиненія ихъ, можемъ надѣяться отъ нихъ блестящаго изложенія, важныхъ истинъ, сказанныхъ краснорѣчиво, и ничего болѣе. Они оба еще не достигли того высшаго критицизма, который можетъ отвлекаться отъ всѣхъ частныхъ заблужденій, отъ предразсудковъ народныхъ и природныхъ, такъ сказать, препятствующихъ познанію истины вполнѣ. Они не являютъ еще намъ и той всеобщности, той способности переселяться во всѣ вѣка и ко всѣмъ народамъ, думать, смотрѣть такъ, какъ сіи вѣка и народы думали и смотрѣли. Читая Гизо, видите просвѣщеннаго, умнаго, здраво и искренно мыслящаго человѣка, но замѣчаете и пристрастіе, и предразсудки француза и недостатокъ универсальнаго просвѣщенія, какой въ практикѣ видѣнъ у англичанина, въ теоріи у нѣмца. Говорятъ, что Виль-

1) *M-me de Staël.* De la littérature. Paris. 1858, pp. 9, 12, 13.

2) *Г. Лансонъ.* Исторія французской литературы, переводъ съ французскаго подъ редакціей П. О. Морозова. С.-Пб. 1897, XIX вѣкъ, стр. 28.

менъ обладаетъ непреоборимымъ даромъ краснорѣчія и что, слыша его говорящаго, увлекаетесь невольно. Само по себѣ разумѣется, что въ печати сія увлекательность исчезаетъ и недостатки виднѣе. На нынѣшній годъ Вильменъ читаетъ лекціи о французской литературѣ XVIII вѣка. *Въ изданныхъ имъ лекціяхъ помѣщено обозрѣніе англійскихъ писателей, имѣвшихъ особенное вліяніе на французскую литературу.* Онъ подробно разобралъ Ричардсонову «Клариссу»: этотъ разборъ, и мысли Вильмена объ исторіи, полагаютъ въ числѣ лучшихъ, какія только бывали, его лекцій».

Въ 1833 году, то-есть пять лѣтъ спустя послѣ появленія приведенной рецензіи, напечатана въ *Московскомъ Телеграфѣ* другая рецензія, переведенная съ французскаго и принадлежавшая Вильмену, который разбиралъ въ ней «Эпикурейца» Томаса Мура. Въ предисловіи къ переводу сказано: «При появленіи сего романа (a tale) *извѣстный Вильменъ* напечаталъ въ одномъ французскомъ журналѣ рецензію онаго, *съ которою мы совершенно согласны*»[1]).

Безпристрастная и научно-обоснованная критика была конечной цѣлью изслѣдованій Вильмена[2]). Исторія литературы тѣсно связана, по его представленіямъ, съ внутренней жизнью народа. Потому слѣдующія задачи представляются для разрѣшенія историка литературы XVIII вѣка. «Enfin, il restait à marquer l'influence que la littérature du XVIII siècle avait exercée sur l'Europe et sur le monde. Dans la gloire de l'empire, on semblait oublier que le règne de nos idées avait précédé celui de nos armes; on eût craint, pour ainsi dire, que l'un ne fît tort à l'autre; on parlait à peine de ce privilège qu'avaient eu les livres français de dominer au loin, dans l'inertie politique de l'ancien gouvernement, et de représenter à eux seuls toute l'activité extérieure de la France»[3]).

Французская литература и заимствовала многое изъ другихъ литературъ, и сама оказывала вліяніе на послѣднія, давая любопытные для изслѣдователя примѣры международнаго обмѣна идей.

«C'est ainsi que la dernière partie de ce cours a nécessairement compris plusieurs points de littérature et d'histoire étrangère: non seu-

1) *Московскій Телеграфъ* 1833 г., № 13, стр. 106.
2) «Cours de littérature française» *Вильмена* былъ изданъ въ 1828 году.
3) *Villemain*. Cours de littérature. T. I (Paris. 1847), pp. III—IV.

lement j'ai signalé le contre-coup du génie français au dehors, dans plusieurs productions célèbres d'Angleterre et d'Italie; il m'a fallu montrer les idées de la France agissant sur les institutions des autres Etats, avant de se réaliser dans les nôtres...» ...«Mais d'abord j'avais à retracer tout ce qui a précédé cette influence et la rendait irrésistible. Je fais voir combien l'esprit français, au commencement du XVIII siècle, emprunta lui-même à l'étranger, et que de choses il rendit puissantes, en les répétant»[1]).

Направленіе французской литературы XVIII вѣка съ ея скептической философіей, съ ея подражаніемъ иноземному и политическими преобразованіями имѣетъ мало общаго съ духомъ литературныхъ произведеній предшествовавшаго столѣтія, когда царила религіозность, приверженность античному міру и монархія Людовика XIV — однако предыдущее подготовило послѣдующее, и, говоря словами Вильмена: «la grandeur et les abus de la première (époque) devaient enfanter l'autre».

Это случилось въ силу дѣйствія закона непрерывнаго и послѣдовательнаго развитія историческихъ явленій, которыя не допускаютъ скачковъ и пробѣловъ.

«De même que dans l'ordre matérial les altérations les plus profondes s'opèrent par degrés insensibles, ainsi ce prodigieux changement des esprits fut d'abord graduel; mille symptômes l'avaient annoncé; et il se produisit par nuances successives. Les deux époques si disparates ont des points où elles se confondent»[2]).

Дальнѣйшее развитіе литературной критики во Франціи неразрывно связано съ дѣятельностью знаменитаго Сентъ-Бева; слава его достигла предѣловъ Россіи, и первымъ изъ нашихъ журналистовъ, обратившихъ на него вниманіе русскаго общества, былъ тотъ же Николай Полевой[3]). Дѣлаемъ выдержки изъ его статей, характеризующихъ критико-біографическіе этюды Сентъ-Бева.

«Сентъ-Бевъ считается однимъ изъ лучшихъ французскихъ кри-

---

1) *Villemain*, pp. III—V.

2) Тамъ же, t. I, pp. 1—3.

3) О Сентъ-Бевѣ упоминали, впрочемъ, и другіе журналы, но недостаточно цѣнили его крупный критическій талантъ; такъ въ *Литературной Газетѣ* 1831 г., № 32, стр. 258 — была помѣщена рецензія по поводу «Vie, poésies et pensées».

тиковъ нашего времени. Подъ именемъ «Разборовъ и портретовъ литературныхъ», онъ издалъ теперь статьи свои, доселѣ разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Книга Сентъ-Бева отмѣнно любопытна».

«Кромѣ различія въ духѣ и направленіи своемъ, нынѣшняя критика отличается и самою формою отъ прежней. Прежняя, приступая къ дѣлу, прежде всего изображала и выводила правила и законы, установленные для каждаго предмета. Потомъ растягивала она разбираемый ею предметъ на эти рамы, а затѣмъ обращалась къ работѣ мѣлочной (sic), химически разлагая подробности. Теперь дѣло идетъ совсѣмъ иначе. Всего менѣе занимаются критики подробностями; всего болѣе самымъ творцомъ, чтобы по изъясненію его духа и условій его жизни, изъяснять и его творенія. Такъ въ исторіи, напримѣръ, критикъ изъяснитъ и опредѣлитъ не условныя правила, но самый предметъ, и ему легко уже послѣ того показать достоинства и недостатки новаго сочиненія, легко узнать, что̀ прибавляетъ оно къ суммѣ знанія прежняго, что̀ представляетъ хорошо и что̀ недостаточно и невѣрно».

Для прежней критики словъ и мѣлочей (sic), увѣренной въ непреложности основаній искусства, время, вѣкъ, страна, самъ творецъ, жизнь его и средства, духъ его, образъ его понятій ничего не значили. «Лузитане», «Освобожденный Іерусалимъ», «Потерянный рай», «Генріяда», «Фарсалія» судились, какъ эпическія поэмы, по общимъ мнимоаристотелевскимъ правиламъ. И отъ того Мильтонъ и Камоэнсъ сдвигались въ понятіи критики ниже другихъ, а о Divina Comedia, «Неистовомъ Орландѣ», «Магабхаратѣ» критики не знали даже, что̀ сказать: у нихъ не было аршина, которымъ можно бы было все это смѣрить».

«Самый образъ изложенія старинныхъ критикъ походилъ отъ того на просмотръ учителемъ ученическихъ тетрадокъ и на ученыя, сухія диссертаціи. *Нѣмецкая* критика, не смотря на измѣненія духа, до сихъ поръ сохранила вообще эту ученую и учебную форму. Критика *англійскихъ* обозрѣній приняла форму болѣе живую, болѣе движимую и болѣе объемлющую. Ей послѣдовала новая *французская* критика, кромѣ нѣкоторыхъ журналовъ, упорно держащихся старины. Новая критика дѣлаетъ такъ, что *разборъ книги* самъ по себѣ *становится твореніемъ художническимъ:* это лекція основательная, умная, складная, занимательная, а не утомительная диссертація, не сухой переборъ словъ и

мыслей и не урокъ ученическій. Въ *Телеграфѣ* помѣщали мы много разборовъ и рецензій, взятыхъ изъ лучшихъ англійскихъ и французскихъ журналовъ, такъ что читатели *Телеграфа* могли хорошо ознакомиться съ сущностью и самой формою новѣйшей критики».

«Сентъ-Бевъ принадлежитъ къ новой школѣ критики. Онъ смотритъ обширнымъ взглядомъ не на слова, но на духъ, и каждая изъ его статей есть характеристика не только созданія, но и самого автора. Прочитавъ статьи его о Корнелѣ, Расинѣ, Буало, Лафонтенѣ, Севиньи, вы видите картины вѣка ихъ и портреты ихъ самихъ. По личнымъ отношеніямъ, можетъ быть, слишкомъ увлекаемый пристрастіемъ въ статьяхъ о Шенье, Гюго, Фарси, Оберманѣ и Ламене, Сентъ-Бевъ совершенно безпристрастенъ въ сужденіяхъ своихъ о классикахъ. Даже иногда видна въ немъ излишняя свѣтская уклончивость. Но въ то же время любопытно видѣть изъ его примѣра, какъ теперь перемѣнилось во Франціи все литературное направленіе. Не узнаете, не вѣрите, что это пишутъ потомки Лагарповъ, Батте, Френоновъ, Жоффруа! Основательность, безпристрастіе, умѣренность — доказательства правоты и увѣренности въ дѣлѣ своемъ отличаютъ, какъ мы сказали, критики Сентъ-Бева. Но желательно бы было видѣть въ нихъ нѣсколько болѣе изложенія теорій. Авторъ, кажется, уже слишкомъ боится всякихъ теоретическихъ выводовъ—можетъ быть, напуганный тѣмъ, что предшественники его, старое поколѣніе французской литературы, городили ихъ безъ всякой жалости, и отъ того практика тонула въ морѣ своевольныхъ правилъ и выводовъ. Это неоспоримая правда; но ошибка однихъ доказываетъ ли, что всѣ должны ошибаться? Во всемъ есть притомъ средина. Говоря о Корнелѣ и Расинѣ, говоря о томъ, что въ нихъ такъ или не такъ, надобно же предложить, если не *дидактически*, то *исторически* и *критически* идеалъ истинной драмы. Безъ этого все остается въ сужденіи вашемъ какая-то пустота и неполнота. Но гдѣ *истинная* драма и что̀ такое *истинная* драма? Вы не беретесь за рѣшеніе такихъ вопросовъ? И прекрасно: не выводите общихъ положительныхъ *правилъ*; положите правиломъ, что *каждое явленіе литературное создается изъ условій жизни творца его; но, въ дополненіе, сообразите же различныя условія вѣковъ и общества.* И тогда явится теоретическое воззрѣніе на Корнеля, Расина, Шекспира; и ваши изученія сихъ великихъ людей будутъ полны и будетъ

замѣщено то, что у прежнихъ критиковъ занимали выводы правилъ, произвольно общіе для всѣхъ».

«Намъ кажется, что переводъ книги Сентъ-Бева былъ бы полезенъ и для русскихъ читателей. Любопытно и поучительно было бы для нихъ новое воззрѣніе французской критики на людей, столь извѣстныхъ имъ. Имена: Буало, Севиньи, Корнеля, Лафонтена, Расина, Ж.-Б. Руссо, Лебрена, Ренье, А. Шенье, Дидеро, Прево, знакомы нашей публикѣ, не менѣе именъ Ломоносова, Державина, Карамзина. Но до сихъ поръ къ этимъ именамъ, у многихъ, привязаны еще побрякушки старинныхъ предубѣжденій. Пусть же увидятъ, что̀ думаютъ и говорятъ о нихъ сами французы въ наше время. Пусть увидятъ, напримѣръ, *Буало*, о которомъ у насъ до сихъ поръ повторяются многими условныя слова старыхъ классиковъ: «Le poète du bon sens, le législateur de notre Parnasse»; пусть увидятъ его изображеннымъ во всей его парнасской щепетильности, во всемъ мѣлочничествѣ (sic) его вѣка, въ то же время съ отдачею справедливости Буало въ томъ, въ чемъ должно отдать ее»[1]).

Свои взгляды на критическіе пріемы Сентъ-Бевъ высказалъ въ статьѣ, посвященной разбору жизни и литературной дѣятельности Буало[2]).

«De nos jours», читаемъ въ его этюдѣ, «une haute et philosophique méthode s'est introduite dans toutes les branches de l'histoire. Quand il s'agit de juger la vie, les actions, les écrits d'un homme célèbre, on commence par bien examiner et décrire l'époque qui précéda sa venue, la société qui le reçut dans son sein, le mouvement général imprimé aux esprits; on reconnaît et l'on dispose, par avance, la grande scène où le personnage doit jouer son rôle; et lorsqu'il intervient, tous les développements de sa force, tous les obstacles, tous les contre-coups, sont prévus, expliqués, justifiés; et de ce spectacle harmonieux, il résulte par degrés dans l'âme du lecteur une satisfaction pacifique où se repose

1) *Московскій Телеграфъ* 1833 г., № 1, стр. 164—169. Статья по поводу выхода въ свѣтъ: «Critiques et portraits littéraires».

2) *Sainte-Beuve*. Critiques et portraits littéraires, t. I (Bruxelles. 1832), pp. 5—8. Хотя первое, намъ извѣстное, собраніе статей Сентъ-Бева помѣчено 1832 годомъ, но эти статьи появлялись въ журналахъ ранѣе (Сентъ-Бевъ сотрудничалъ въ журналахъ: *Le Globe*, *Revue des deux mondes*, *Revue de Paris* и др.) и могли быть въ первичномъ видѣ знакомы Полевому.

l'intelligence. Cette méthode ne triomphe jamais avec une évidence plus entière et plus éclatante que lorsqu'elle ressuscite les hommes d'état, les conquérants, les théologiens, les philosophes; mais quand elle s'applique aux poètes et aux artistes, qui sont souvent des gens de retraite et de solitude, les exceptions deviennent plus fréquentes, et il est besoin de prendre garde». «Vous aurez fait de beaux et légitimes raisonnements sur les races ou les époques prosaïques; mais il plaira à Dieu que Pindare sorte un jour de Béotie, ou qu'un autre jour André Chénier naisse et meure au XVIII-e siècle. Sans doute ces aptitudes singulières, ces facultés merveilleuses reçues en naissant se coordonnent toujours tôt ou tard avec le siècle dans lequel elles sont jetées et en subissent des inflexions durables. Mais pourtant ici l'initiative humaine est en première ligne et moins sujette aux causes générales».

«Il me semble donc que lorsqu'on parle d'un artiste et d'un poète, surtout d'un poète qui ne représente pas toute une époque, il est mieux de ne pas compliquer dès l'abord son histoire d'un trop vaste appareil philosophique, de s'en tenir, en commençant, au caractère privé, aux liaisons domestiques, et de suivre l'individu de près dans sa destinée intérieure, sauf ensuite, quand on le connaîtra bien, à le traduire au grand jour, et à le confronter avec son siècle».

Уже Сентъ-Бевъ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на личность, изучая ея воспитаніе, домашнюю жизнь, чтобы выяснить характеръ ея творчества, положилъ во Франціи блестящее начало цѣлому ряду критико-біографическихъ *опытовъ* (essays); но настоящей родиной такого рода литературныхъ критикъ была Англія, гдѣ приблизительно въ это время началась плодотворная дѣятельность Маколея, помѣщавшаго свои статьи въ *Эдинбургскомъ Обозрѣніи (Edinburg Review)* и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

«Essays» англійскихъ критиковъ увлекали многихъ, которые ихъ читали; восторгался ими и Полевой, переводившій подобнаго рода этюды въ *Московскомъ Телеграфѣ*[1]). Эти этюды были оцѣнены должнымъ образомъ.

---

1) *Московскій Телеграфъ* 1828 г., №№ 5 и 6, статья «Oeuvres complètes de Machiavel» (изъ *Edinburgh Review*, 1827, мартъ), неправильно приписанная, вмѣсто Маколея, Роско. Также, «Jean Paul Richter's Leben», статья изъ «Bibliothèque universelle» (переводъ на французскій языкъ англійскаго этюда изъ *Edinburgh Review*)— *Московскій Телеграфъ* 1828 г., № 14, стр. 232—258.

«Мы уже говорили», напечатано въ журналѣ Полевого, «что англійскія обозрѣнія состоятъ только изъ критическихъ разборовъ книгъ. Образъ и расположеніе разборовъ сихъ доставляетъ рецензентамъ средства излагать свои мысли, представлять соображенія предметовъ такъ, что *собственно разборъ книгъ* составляетъ самую малую часть ихъ статей. Исключивъ изъ статьи обозрѣнія, что̀ говорится о разбираемой книгѣ собственно, вы найдете превосходную диссертацію о какомъ-нибудь любопытномъ, занимательномъ предметѣ. Такъ мы представили нашимъ читателямъ переводы статей: «О послѣднемъ переломѣ англійской торговли» и «Сравненіе промышленности Англіи и Франціи» (*Московскій Телеграфъ* 1827 г., т. XVII, 283; XVIII, 5, 92 и 177), взятыхъ нами изъ «Edinburgh Review» и «Quarterly Review». И въ нынѣшнемъ году была у насъ статья: «Объ огнедышущихъ (sic) горахъ», изъ «Westminster Review»: всѣ онѣ въ подлинникѣ суть *рецензіи на книги*, изъ коихъ мы исключили, что̀ относится собственно къ книгамъ, которыя разбирались въ рецензіяхъ. Обширные предметы часто заставляютъ англійскихъ журналистовъ писать статьи огромныя: такъ, мы принуждены были нѣсколько сократить важную статью о Макіавелѣ, занимающую въ англійскомъ подлинникѣ почти сорокъ страницъ»[1]).

Въ этюдѣ Маколея нарисована художественная картина итальянскаго общества XV вѣка, и дана блестящая характеристика Макіавеля.

«Макіавель», говоритъ авторъ, «представляется намъ чудовищнымъ смѣшеніемъ несовмѣстимыхъ качествъ: великодушія и эгоизма, жестокости и благодѣтельности, хитрости и простоты, отвратительнаго злодѣйства и героизма праведника или гражданина древней Греціи».

Это непонятное совмѣщеніе діаметрально противоположныхъ свойствъ *объясняется съ исторической точки зрѣнія*. На необходимость подобнаго объясненія указываетъ хотя бы тотъ фактъ, что «*мнѣнія Макіавеля не были предосудительны въ понятіяхъ его соотечественниковъ и современниковъ*», и что «*при жизни своей Макіавель наслаждался всеобщимъ уваженіемъ*».

«Итакъ: не въ нравственности ли итальянцевъ Макіавелева вре-

1) *Московскій Телеграфъ* 1828 г., № 6, стр. 246 и слѣд.

мени должны мы искать изъясненія всего, что̀ кажется непонятно въ жизни и сочиненіяхъ сего знаменитаго флорентійца?»

Подробный анализъ эпохи приводитъ Маколея къ слѣдующему выводу: «Макіавель сдѣлался жертвой потомства за свой вѣкъ, за своихъ современниковъ», и «единственная вина его состояла въ принятіи нѣкоторыхъ правилъ, тогда всѣми принятыхъ, и въ изложеніи ихъ съ бо́льшею силою, въ бо́льшемъ порядкѣ, нежели излагали ихъ другіе писатели современной ему эпохи».

На чтеніи и изученіи произведеній перечисленныхъ авторовъ, представителей европейской критики, зрѣли вкусы и литературно-критическіе взгляды Николая Полевого, съ интересомъ слѣдившаго за всѣмъ новымъ и полезнымъ, что̀ только ни появлялось на Западѣ... Замѣчательная воспріимчивость и способность усваивать и перерабатывать чужое дали ему возможность стряхнуть съ себя тягостныя оковы псевдоклассической критики, проникнуться нарождающимися, животворными вѣяніями и примѣнить многое къ русской литературѣ... Отъ его критическихъ статей одинъ шагъ къ статьямъ знаменитаго родоначальника новѣйшей художественно-аналитической школы — Виссаріона Бѣлинскаго, безспорно, много обязаннаго своему даровитому предшественнику...

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ Полевой не былъ доволенъ критическими опытами современныхъ писателей; еще рѣзче проявилось это недовольство въ его позднѣйшихъ статьяхъ. Онъ не удовлетворяется «безотчетною хвалою», которая славила великихъ писателей; раздражается, читая «возгласы тонкаго цѣнителя твореній Державина»; онъ твердо убѣжденъ, что невозможно судить Державина «по уложенію англинскаго, греческаго, нѣмецкаго суда», «не зная различія эпохъ, направленій, образованій духа человѣческаго» [1]).

Слова: «радуемся» и «сожалѣемъ», писалъ Полевой, «составляютъ у насъ два великіе столпа критики. И должно признаться, что несмотря

1) Очерки русской литературы, стр. 3—4.

на свою шаткость, они суть весьма хорошія средства выпутаться изъ всякаго критическаго затрудненія. Ими такъ легко можно встрѣтить и проводить всякое литературное предпріятіе. Тотъ, кому не далось ихъ искусство, принужденъ думать, размышлять, отдѣлять добрую цѣль отъ образа исполненія, разсматривать то и другое, взвѣшивать цѣль съ средствами, средства съ исполненіемъ, исполненіе съ пользою. Сколько работы! Правда, мы ставимъ сей родъ критики выше перваго и полагаемъ, что только подобное обсуживаніе дѣла должно почесться доказательствомъ желанія добра предпріятію со стороны критики, потому что оно приноситъ пользу несомнѣнную, если только мнѣніе высказано совѣстливо»[1]).

Новая критика будетъ руководствоваться *исторической* точкой зрѣнія.

«Критическій взглядъ на прошедшее въ русской словесности имѣетъ для насъ особенный интересъ. Любопытно слѣдить шаги, взвѣшивать усилія, перецѣнивать, относительно къ своему времени, прежніе подвиги такой словесности, которая давно уже начинается, но еще не установила своихъ законовъ, не воздвигла себѣ непоколебимыхъ памятниковъ, и даже не узнала всѣхъ основныхъ стихій, изъ которыхъ она будетъ составлена. Такова наша словесность. Здѣсь каждый новый взглядъ, каждая новая критическая работа можетъ быть заслугой. *Если не станемъ перебирать прежнюю, какимъ же образомъ выведемъ положенія для настоящаго? Какъ узнаемъ мѣру этого настоящаго и гдѣ найдемъ точки сравненія при опредѣленіи нашихъ успѣховъ?* Конечно, наши предшественники судили, рѣшали, распредѣляли славы, жаловали въ безсмертіе, осуждали и обрекали забвенію. Но предшественники были люди; у нихъ были страсти и личныя отношенія къ людямъ, которыхъ они миловали или карали. *Сіи страсти, сіи личныя отношенія для насъ уже не существуютъ, и чѣмъ болѣе мы отъ нихъ удаляемся въ порядкѣ времени, тѣмъ основательнѣе можемъ надѣяться, что становимся безпристрастнѣе не только первыхъ судей, но и послѣдовавшихъ за ними перецѣнщиковъ, можемъ видѣть предметы нѣсколько лучше ихъ и опредѣлять мѣру вѣрнѣе.* Во всякомъ случаѣ, пусть только мнѣнія наши будутъ скромны, добро-

1) Очерки русской литературы, стр. 355—356.

совѣстны, основаны на той логикѣ, которая намъ кажется ближайшею къ здравому сужденію; въ нихъ всегда найдется участокъ пользы, а всѣ общія пользы состоятъ изъ участковъ»[1]).

Навѣянный чтеніемъ нѣмецкихъ и французскихъ критиковъ историческій взглядъ на судьбы нашей литературы нашелъ себѣ практическое примѣненіе въ критико-біографическихъ этюдахъ Полевого и въ его критическихъ статьяхъ, посвященныхъ разбору одного какого-либо извѣстнаго литературнаго произведенія.

Критико-біографическій этюдъ былъ чуждъ русской литературѣ до Полевого; встрѣчавшіеся до него критическіе опыты въ этомъ родѣ отличались иными свойствами, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія.

Однимъ изъ первыхъ попытавшихся соединить критику съ біографіей писателя былъ Карамзинъ, написавшій статью «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» (1803). Задача была выполнена, не смотря на талантливость автора, довольно неумѣло и неискусно. Біографическія свѣдѣнія о творцѣ «Душеньки» приводятся безъ связи съ его произведеніями, а также безъ всякой связи съ эпохой и ея взглядами. Разбору «Душеньки» не предпослано никакого очерка развитія подобнаго рода произведеній на Западѣ, не выяснены историческія условія ея появленія въ русской литературѣ. Самъ разборъ—исключительно эстетическій съ классической закваской, выражающейся въ анализѣ отдѣльныхъ выраженій; при этомъ видны уже начатки сравнительнаго метода, столь распространеннаго впослѣдствіи. Карамзинъ откровенно признавался, что онъ критикуетъ «безъ всякаго ученаго масштаба», хотя и безъ классическаго педантизма, ибо къ произведеніямъ, которыя «основаны на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса», не примѣнимы суровыя «правила Аристотеля».

По слѣдамъ Карамзина[2]) пошелъ князь Вяземскій съ тою только

---

1) Очерки, стр. 384.

2) «По крайней мѣрѣ въ нашей словесности», пишетъ Вяземскій, «не имѣлъ я предъ собою образца, за которымъ могъ бы слѣдовать — развѣ статья Карамзина о Богдановичѣ нѣсколько подходила къ цѣли, мною себѣ предназначенной. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ, едва ли не съ дѣтскихъ, любимымъ чтеніемъ моимъ были

разницей, что онъ болѣе усовершенствовалъ свой этюдъ, руководствуясь западно-европейскими образцами. Статьи князя П. А. Вяземскаго: «О жизни и сочиненіяхъ Озерова» (1817) и «Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ив. Ив. Дмитріева» (1823), по словамъ автора, «должны были имѣть въ свое время отпечатокъ и какой-то запахъ новизны». Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы онѣ напоминали позднѣйшіе англо-французскіе «essays», которые всегда писались по поводу изданія въ свѣтъ сочиненій какого-либо поэта или общественнаго дѣятеля и стали появляться въ литературѣ не ранѣе второй половины двадцатыхъ годовъ (Маколей, Сентъ-Бевъ).

Въ этихъ опытахъ Вяземскій даетъ прежде всего, подобно Карамзину, свѣдѣнія о жизни писателя, затѣмъ дѣлаетъ эстетическую оцѣнку его произведеній и прибѣгаетъ къ помощи стараго сравнительнаго анализа, на основаніи котораго опредѣляетъ вкусы разбираемаго писателя. Такъ поступилъ онъ при разборѣ «Эдипа въ Аѳинахъ», сопоставляя его съ «Эдипомъ» Софокла и «Эдипомъ у Адмета», трагедіею Дюсиса, и другими, указывая также вліяніе Оссіана на трагедію «Фингалъ». Кромѣ того Вяземскій любилъ разбору какого-либо литературнаго вида предпосылать историческій (правда краткій) очеркъ исторіи этого вида въ русской литературѣ. «Приступая къ разсмотрѣнію произведеній Озерова», онъ «сказалъ нѣчто о русскомъ театрѣ». Здѣсь разсматриваются вкратцѣ трагедіи Сумарокова и Княжнина, чтобы было легче указать мѣсто, которое должны занимать произведенія Озерова въ ряду другихъ, однородныхъ имъ; въ статьѣ о Дмитріевѣ Вяземскій останавливается на исторіи басни, разбираетъ бѣгло произведенія Сумарокова, Хемницера, Баркова, Хераскова, Майкова, а затѣмъ уже переходитъ къ баснямъ Дмитріева.

Но всѣ эти предпосылаемые краткіе очерки о предшественникахъ не даютъ представленія о понятіяхъ и литературныхъ вкусахъ современнаго разбираемому поэту общества, и тѣмъ менѣе связываютъ эти понятія и вкусы съ извѣстными направленіями иностранной литературы. Такимъ образомъ, почва, на которой возникли творенія Озерова и Дмитріева, остается все-таки неизслѣдованной, читатель не знако-

---

біографическіе очерки, литературно-біографическія академическія рѣчи, которыми французы такъ богаты и въ которыхъ достигаютъ они до блестящихъ успѣховъ» (Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 52).

мится съ духомъ времени данной эпохи, и имѣющіе претензію на названіе «историческихъ» упомянутые очерки сводятся на рядъ простыхъ сопоставленій или даже упоминаній объ однородныхъ литературныхъ видахъ[1]).

Другимъ болѣе или менѣе выдающимся критикомъ разбираемой эпохи былъ П. А. Плетневъ, пріобрѣвшій извѣстность своими этюдами о разныхъ поэтахъ. Но, во первыхъ, эти этюды были болѣе біографическаго, чѣмъ критическаго характера; во вторыхъ, до появленія статей Полевого о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, Плетневъ не написалъ еще своихъ лучшихъ очерковъ, такъ какъ его статья «О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго» и знаменитая біографія Крылова появились значительно позже. Поэтому Полевой едва-ли не справедливо, умолчавъ объ имени автора, сдѣлалъ выдержку изъ статьи Плетнева: «Замѣтка о сочиненіяхъ Жуковскаго и Батюшкова»[2]) и указалъ на неудовлетворительность отзывовъ послѣдняго о Державинѣ и Жуковскомъ[3]).

Такимъ образомъ, изложенныя выше соображенія заставляютъ думать, что Полевой первый, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ, далъ намъ опытъ критико-біографическаго этюда, или «essays», руководствуясь принципами преимущественно *историческаго* анализа литературныхъ явленій.

Мы остановимся на наиболѣе удавшемся Полевому этюдѣ, посвященномъ Державину, причемъ попутно будемъ сравнивать съ нимъ другія статьи его, трактующія или о Жуковскомъ, или о Кантемирѣ, или объ иномъ какомъ-либо писателѣ.

---

1) Впрочемъ, Вяземскій, какъ и Полевой, уже сознавалъ пробѣлы критики Жуковскаго. «Чтобы не оставаться при однѣхъ похвалахъ безпрекословныхъ», пишетъ онъ, «замѣчу, что въ статьяхъ: «О критикѣ» и «О басняхъ Крылова» обнаруживается слишкомъ безусловная покорность правиламъ литературы французской и слишкомъ отзывается французская школа» (Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 263).

2) Написана въ 1822 году и помѣщена въ книгѣ Греча: «Опытъ краткой исторіи русской литературы». С.-Пб. 1822, стр. 307—314 и въ «Собраніи сочиненій», т. I. С.-Пб. 1885, стр. 23—29.

3) Очерки русской литературы, т. I, стр. 92—93: «Читая сужденія критика не скажетъ ли всякій, что онъ, повидимому, вовсе не читалъ ни Жуковскаго, ни Державина? Такимъ критикамъ можно ли было оцѣнить Державина?»

«Пѣвецъ Екатерины» принадлежалъ всецѣло къ числу поэтовъ второй половины XVIII вѣка, когда созданы были имъ его лучшія произведенія. Онъ умеръ въ 1816 году, но еще съ 1808-го стали появляться наиболѣе полныя собранія его стихотвореній, которыя были переизданы еще удовлетворительнѣе Смирдинымъ въ 1831, 1833 и 1834 годахъ. Правда, это не были еще строго-научныя изданія, но во всякомъ случаѣ о Державинѣ представлялся уже удобный случай написать критико-біографическій этюдъ, неразрывно связанный съ тѣмъ или другимъ изданіемъ его твореній. Полевой помѣстилъ о немъ рядъ статей въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1832 года[1]) по поводу тѣхъ четырехъ томовъ его сочиненій, которые вышли въ свѣтъ въ 1831 году.

Но и до Полевого были попытки[2]) оцѣнить творческую дѣятельность поэта, среди которыхъ особенно выдавались критическіе очерки трехъ лучшихъ цѣнителей того времени: Мерзлякова, Вяземскаго и Плетнева. Первымъ по времени появленія былъ очеркъ Вяземскаго, лучшимъ — очеркъ Мерзлякова.

Статья Мерзлякова[3]) не представляетъ собой критико-біографическаго этюда и чужда исторической точки зрѣнія. О состояніи литературы XVIII вѣка критикъ говоритъ мало; только въ одномъ мѣстѣ, и то бѣгло, указываетъ онъ, что тогдашняя лирика состояла изъ похвальныхъ одъ и дурныхъ пѣсенъ, что оды и гимны были рабскія подражанія Ломоносову и Сумарокову, а пѣсни — искаженныя копіи сочиненій послѣдняго. Почтенный профессоръ по самому характеру своихъ литературныхъ воззрѣній, не смотря на свою даровитость, не могъ бы, даже при желаніи, сдѣлать надлежащую оцѣнку ложноклассической лирики. Не даромъ, еще Галаховъ писалъ, что «лжеклассическая теорія французовъ, вмѣстѣ съ французскими образцами, почитаемыми за высшее выраженіе изящества, много повредила Мерзлякову»[4]). Кромѣ того, самъ Полевой отмѣтилъ, что Мерзляковъ «вы-

---

1) *Московскій Телеграфъ*, ч. 46 и 47.

2) Эти статьи были разсѣяны въ разныхъ журналахъ, начиная съ 1804 г.: *Патріотъ*, *Амфіонъ*, *Другъ Просвѣщенія*, *Сынъ Отечества*, *Благонамѣреннымъ* и другихъ.

3) Помѣщена въ *Трудахъ Общества любителей россійской словесности* 1820 г., ч. 18, стр. 3—42.

4) Исторія русской словесности, изд. 2-е, т. II. С.-Пб. 1880, стр. 464.

тягивалъ творенія Державина на классическую мѣрку», что, впрочемъ, не помѣшало ему высказать о поэтѣ много умныхъ и дѣльныхъ мнѣній.

Всѣ творенія Державина, по словамъ Мерзлякова, дѣлятся на гимны, преложенія псалмовъ, на оды героическія, философскія, анакреонтическія, трагедіи, драматическія представленія и прочія мелкія сочиненія, или смѣсь. Здѣсь находятся подражанія «вѣнчанному старцу Оссіану» («Гимнъ солнцу») и Пиндару («На взятіе Варшавы»); болѣе же удались поэту оды гораціанскія и философскія, особенно послѣднія, которыя составляютъ «самое драгоцѣннѣйшее нетлѣнное сокровище нашей словесности». Достоинства этихъ стихотвореній—велики. Державинъ первый далъ нашей одѣ видъ «гораціанскій», то-есть «исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ сочиненій», не чуждыхъ риторики, и даровалъ ей истинное движеніе чувства, заставивъ даже дамъ читать свои произведенія; затѣмъ онъ «соединилъ вмѣстѣ съ важнымъ и величавымъ тономъ нѣчто игривое, забавное, затѣйливое и даже колкое, дабы, въ семъ по существу своему труднѣйшемъ родѣ сочиненій, дѣйствовать на всѣ силы ума и сердца». Державинъ «украшалъ мысли свои картинами природы и искусства», былъ «живописецъ-стихотворецъ»: «воображеніе пламенное и прилежное наблюденіе за природой отразилось въ творчествѣ поэта»—это было великолѣпіе востока: «нѣга, роскошь, благоуханныя розы, пушистый ковыль и тундры».

Мотивы его пѣснопѣній выдвигаются своимъ благородствомъ, ибо онъ «первый началъ говорить въ одѣ, какъ свободный пѣснопѣвецъ, оракулъ, другъ и учитель земныхъ владыкъ», ибо «сильный голосъ правды иногда открыто гремитъ въ его пѣсняхъ» и «въ шуткѣ тонкой». Въ виду всего этого, Державину надо отдать преимущество передъ Ломоносовымъ: ода послѣдняго «носила еще оковы школы», ода перваго «съ распущенными крыльями воспарила орломъ къ небесамъ».

Но нельзя закрыть глаза и на недостатки произведеній поэта, «геній котораго единственно образованъ былъ природою». Отъ этой причины «слогъ его почти вездѣ неровенъ, неисправенъ», метафоры невыдержаны, перестановки странны, риѳмы и мѣры неправильны. Отсутствіе серьезнаго образованія проявилось еще въ томъ, что Державинъ «утопалъ въ морѣ всеобъемлющаго воображенія», «былъ обильнѣе въ умственныхъ своихъ способностяхъ, нежели въ сред-

ствахъ языка». Итакъ, «Державинъ не могъ быть напитанъ заблаговременно позднѣйшими правилами искусства», потому и породилъ «неровность тона почти вездѣ и порядокъ, рѣдко опредѣленный относительно къ цѣлому»[1]). Это были уже болѣе существенные недостатки, касающіеся внутренней, а не внѣшней стороны произведенія[2]).

Въ заключеніе должно сказать, что Мерзляковъ, повидимому, предчувствовалъ нѣкоторые пробѣлы своей критики. Онъ сознавалъ необходимость комментарія къ стихамъ Державина и ожидалъ его появленія въ печати.

Князь Вяземскій «написалъ о Державинѣ нѣсколько легкихъ страницъ, исполненныхъ ошибками и противорѣчіями» — таковъ былъ суровый, но не лишенный извѣстной доли справедливости отзывъ Полевого. Небольшая статейка Вяземскаго[3]), безспорно, уступаетъ трактату Мерзлякова и въ силѣ мысли, и въ логичности ея развитія, но имѣетъ и нѣкоторыя достоинства... Прежде всего указываются два учителя Державина: Ломоносовъ и Петровъ, изъ которыхъ первый «научилъ его звучности языка піитическаго и живописи поэзіи», а другой — «тайнѣ заключать живую или глубокую мысль въ живомъ и рѣзкомъ стилѣ». Державинъ превзошелъ своихъ наставниковъ и оставилъ въ наслѣдіе потомству цѣлый рядъ одъ: пиндарическихъ, гораціанскихъ, анакреонтическихъ — и *собственно державинскихъ;* въ послѣднихъ поэтъ выказалъ свою оригинальность, показалъ, что обладаетъ «своенравнымъ геніемъ, пробившимъ себѣ путь особенный». Часто также Державинъ «пламенѣлъ негодованіемъ Ювенала», и «струны пиндарической лиры метали укоризны въ порокъ». «Нѣкоторыя изъ одъ его, какъ напримѣръ «Вельможа», могутъ по справедливости назваться *лирическими сатирами*».

Кромѣ этихъ «піитическихъ достоинствъ», въ твореніяхъ Державина есть и «другая привлекательная сторона». «Онъ одинъ живописуетъ глазамъ нашимъ картину двора великой монархини, родитъ

---

1) Ср. слова Пушкина въ статьѣ «О вдохновеніи и восторгѣ» (1824): «Какой планъ въ «Водопадѣ», лучшемъ произведеніи Державина?»

2) Многія умныя замѣчанія разобранной нами статьи побудили новѣйшаго критика восторженно писать, что «Мерзляковъ предвосхитилъ мысли Бѣлинскаго» (*Ив. Ивановъ.* Исторія русской критики. С.-Пб. 1898, ч. I и II, стр. 313).

3) Статья написана въ 1816 году; см. I т. Полнаго собранія сочиненій или *Сынъ Отечества* 1816 г., ч. 32, № 37; также *Вѣстникъ Европы* 1816 г., ч. 88, № 15.

въ сердцахъ нашихъ драгоцѣнныя воспоминанія и сохраняетъ для внуковъ нѣкоторыя черты лицъ, игравшихъ значительныя роли въ семъ періодѣ, столь обильномъ чудесными происшествіями». При сравненіи съ Ломоносовымъ, Державинъ выигрываетъ, какъ поэтъ передъ ораторомъ, хотя и заслуги Ломоносова — исполинскія: именно, благодаря его трудамъ, Державинъ «не имѣлъ нужды бороться съ предлежащими трудностями языка».

Статьи о Державинѣ Плетнева, такъ же какъ и очеркъ Вяземскаго, не отличаются особой оригинальностью, чужды исторической точки зрѣнія и не производятъ впечатлѣнія законченнаго этюда. Одна изъ нихъ, написанная въ 1824 году, заключаетъ разборъ «анакреонтической оды Державина: «Мечта»[1]); въ другой, извѣстной подъ именемъ: «Письмо къ графинѣ С. И. Соллогубъ о русскихъ поэтахъ», говорится о Державинѣ лишь попутно, между прочимъ[2]).

Плетневъ — критикъ съ пріемами старой школы: онъ большой любитель исключительно эстетическихъ разборовъ и оцѣнокъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій — таковъ онъ, преимущественно, въ упомянутыхъ выше статьяхъ. Но человѣкъ, надѣленный гибкимъ умомъ и чувствомъ изящнаго, Плетневъ сдѣлалъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о великомъ поэтѣ. По его мнѣнію, въ анакреонтическихъ произведеніяхъ «нѣжные цвѣты поэзіи» скрываютъ въ себѣ философію, и воображеніе развито въ нихъ наравнѣ съ умомъ; это понялъ Державинъ и выразилъ въ своей «Мечтѣ», «послужившей убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что важныя музы не чуждаются веселыхъ грацій». Талантъ Державина — самобытный; онъ «больше всѣхъ оправдалъ на себѣ мнѣніе, что поэтами родятся», и «никому не передалъ тайны своего искусства». Сжатость и сила его выраженій, удачность аллегоріи и живость слога приводятъ критика въ восхищеніе. Тѣмъ рельефнѣе долженъ отразиться въ твореніяхъ Державина восемнадцатый вѣкъ. «Это поэтическая Россія во времена Екатерины».

---

1) Помѣщена въ *Трудахъ вольнаго Общества любителей россійской словесности*, ч. 25; Сочиненія и переписка, т. I. С.-Пб. 1885, стр. 113—121.

2) Помѣщена въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г.; Сочиненія, т. I, стр. 164—166.

Таковы сужденія о Державинѣ лучшихъ представителей критики двадцатыхъ годовъ. Не мало разсѣяно въ нихъ вѣрныхъ мыслей, но это, по большей части, эстетическія оцѣнки, написанныя отъ руки, безъ тщательнаго изученія литературнаго матерьяла, безъ всякой претензіи на проведеніе историческаго метода и безъ намѣренія дать всестороннюю характеристику таланта поэта. Пробѣлы современниковъ не ускользнули отъ Полевого; изъ его статьи о Державинѣ видно, какой значительный шагъ впередъ сдѣлала русская критика.

Историческій взглядъ на какого-либо писателя невозможно установить безъ близкаго знакомства съ развитіемъ его дарованія, а знакомство немыслимо при отсутствіи изданія всѣхъ его твореній. И Полевой, естественно, обратилъ на это вниманіе. Слова князя Вяземскаго: «Желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусомъ и безпристрастіемъ, собрала *избранныя* творенія Державина»—вызываютъ порицаніе Полевого. «Не можемъ согласиться съ сею мыслію», пишетъ онъ: «ибо Державинъ поэтъ *не на выдержку*. Поэзію его можно уподобить долинѣ, цвѣтущей и дикой, съ снѣжными вершинами горъ и дремучими лѣсами окрестъ ея. Нѣсколько деревъ, нѣсколько цвѣтовъ, вынесенныхъ изъ сей долины, не покажутъ вамъ ея дикой, высокой прелести» [1]).

Старыя дѣленія стихотвореній Державина по родамъ не годятся для изученія *послѣдовательнаго* расцвѣта его генія: здѣсь надо держаться иного порядка, именно *хронологическаго*. «Все заставляетъ насъ сказать, «что сочиненій Державина никакъ нельзя дѣлить на роды, и въ изданіи ихъ всего вѣрнѣе принять порядокъ хронологическій. Тогда получили бы мы поэтическую лѣтопись внутренней жизни его, и могли видѣть, какъ и что дѣлало впечатлѣніе на пламенную душу поэта, вмѣсто того, что какія бы ни приняли мы дѣленія, всегда будемъ путаться въ нихъ» [2]). Съ этой точки зрѣнія Полевого не удовлетворяло и Смирдинское изданіе: «Новое изданіе сочиненій его вели-

---

1) Очерки русской литературы, т. I, стр. 70—71. Ср. тамъ же, стр. 34: «Въ 1817 году изданы были избранныя его стихотворенія, подъ названіемъ: «Лира Державина». Намъ не случалось видѣть сего выбора. Впрочемъ, изъ Державина не должно выбирать. Надобно читать все, что онъ писалъ, иначе никогда его не узнаете: онъ не изъ числа поэтовъ на выдержку».

2) Тамъ же, стр. 70.

колѣпно, но порядокъ, въ какомъ они расположены, намъ не нравится. Что это за раздѣленіе на пьесы: духовныя, философическія, торжественныя! Хронологическій порядокъ былъ бы всего лучше, ибо сочиненій Державина нельзя дѣлить на роды[1]). Жаль, что нѣтъ варіянтовъ; жаль, что и не все собрано... Не говоримъ о примѣчаніяхъ, которыхъ, говорятъ, оставилъ Державинъ двѣ большія тетради, и только малую часть издалъ г-нъ Остолоповъ. Проза его также остается неизвѣстною. Намъ мало нужды въ его дѣловыхъ бумагахъ: проектахъ объ устройствѣ Евреевъ, о патріотическомъ банкѣ, о межеваньѣ, о продовольствіи столицъ, объ опекахъ, о крымской соли, о третейскомъ судѣ. Но Державинъ описалъ, говорятъ, подробно бунтъ Пугачева — какъ это любопытно! И почему этого не издать?»[2]) Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Болѣе всего достойно сожалѣнія, что донынѣ извѣстны намъ не всѣ подробности его жизни, политической и частной. При новомъ изданіи сочиненій Державина нѣтъ ни записокъ, которыя хранятся у его родныхъ (см. Предисловіе, стр. VII), ни примѣчаній, ни поясненій. Нѣкоторыя сочиненія Державина — «потому ли, что писаны въ прозѣ, или по инымъ причинамъ» (тамъ же, стр. VII), также и теперь остались намъ неизвѣстными. Не знаемъ этихъ *иныхъ причинъ*, но жалѣемъ, что съ Державинымъ поступаютъ столь небрежно, что объ немъ все еще думаютъ, какъ будто о чиновникѣ, о превосходительномъ современникѣ... Какъ бы то ни было, намъ остается довольствоваться тѣмъ, что есть, что издано, краткими жизнеописаніями, и особенно книжкою, за которую нельзя не поблагодарить г-на Остолопова»[3]).

Очевидно, что Полевому хотѣлось имѣть подъ руками критическое изданіе, вмѣщающее въ себѣ всѣ поэтическія произведенія Державина, расположенныя въ строго-хронологическомъ порядкѣ и снабженныя біографическими и историко-литературными примѣчаніями, которыя объясняли бы то или иное стихотвореніе... Но такого изданія не было, а Смирдинское казалось ему неполнымъ и недостаточнымъ для выпол-

---

1) Вмѣсто прежнихъ дѣленій Полевой предлагалъ свое, состоявшее въ томъ, что наименованіе *ода* уничтожалось, а всѣ пьесы его дѣлились на пѣснопѣнія: торжественныя, духовныя, сатирическія, элегическія, эротическія и вакхическія. «Все это не оды, но иныя имѣютъ форму посланія, другія элегіи, иныя пѣсни, нѣкоторыя суть небольшія поэмы» (Очерки русской литературы, т. I, стр. 69).

2) Тамъ же, стр. 34—35.

3) Тамъ же, стр. 8.

ненія намѣченной задачи — исторически разобрать и оцѣнить Державина... И вотъ передъ началомъ своей работы, Полевой старается самъ собирать свѣдѣнія о жизни и творчествѣ поэта, что представляло въ тѣ времена большія затрудненія при полной неразработанности литературнаго матерьяла. Онъ пересматриваетъ журналы, сравниваетъ и провѣряетъ находимые имъ обрывки біографическихъ данныхъ, которые могутъ имѣть какое-либо значеніе. Въ двухъ мѣстахъ своего очерка онъ приводитъ цитаты изъ статей, помѣщавшихся въ *Сынѣ Отечества*[1]) и часто съ благодарностью отзывается о главномъ тогдашнемъ издателѣ комментарія къ произведеніямъ поэта — Н. Ф. Остолоповѣ. Изданный послѣднимъ «Ключъ къ сочиненіямъ Державина» (С.-Пб. 1822) представлялъ, дѣйствительно, наиболѣе цѣнную книжку изъ державинской литературы. Кромѣ приведенныхъ похвальныхъ отзывовъ объ Остолоповѣ, Полевой пишетъ еще слѣдующее: «Мы пользовались по возможности сею любопытною книжкою г-на Остолопова, но за всѣмъ тѣмъ посовѣтуемъ прочитать ее особенно: это *исповѣдь* Державина, и множества подробностей, въ ней заключающихся, мы не могли вмѣстить въ предѣлы нашей статьи». «Это собственныя замѣчанія Державина: посему, выписывая ихъ въ статьѣ нашей, мы вездѣ ставили ихъ прямо отъ лица Державина»[2]). При всемъ томъ у Полевого было ясное представленіе о недостаточности и скудости находящагося въ «Ключѣ» матерьяла, и онъ искренно скорбѣлъ о томъ, что ему неизвѣстны записки Державина, которыя «хранятся у его родныхъ», и «двѣ большія тетради» примѣчаній, оставленныхъ поэтомъ, изъ которыхъ «только *малую* часть издалъ г-нъ Остолоповъ». Быть можетъ, слова Полевого имѣютъ отношеніе къ появившимся вскорѣ послѣ его статьи «Объясненіямъ на сочиненія Державина» Ф. П. Львова (С.-Пб. 1834)...[3]) Эта сторона критическихъ пріемовъ Полевого была въ высшей степени полезна и снискала ему одобреніе позднѣйшихъ изслѣдователей: мы разумѣемъ въ частности отзывъ академика Я. К. Грота. «Я сталъ читать Дер-

1) Очерки русской литературы, т. I, стр. 15—16.

2) Тамъ же, стр. 90, 3; 16, 35, 84.

3) Какъ характерный примѣръ стремленія Полевого къ библіографической точности отмѣтимъ его сожалѣнія, что въ Смирдинскомъ изданіи Державина не приведено первоначальное заглавіе оды «Фелица» (Очерки, стр. 56).

жавина», пишетъ онъ: «по Смирдинскому изданію тридцатыхъ годовъ, съ помощью отдѣльныхъ къ нему объясненій, напечатанныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. При этомъ позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы отдать справедливость слишкомъ забытому нынѣ писателю, въ свое время принесшему великую пользу литературѣ, именно Полевому. Его критическія статьи о русскихъ авторахъ, помѣщавшіяся сначала въ *Московскомъ Телеграфѣ*, а потомъ составившія книгу «Очерки русской литературы», при всемъ несовершенствѣ своемъ съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, имѣли, однако-жъ, очень благотворное дѣйствіе, распространяя въ обществѣ историко-литературныя знанія и возбуждая любознательныхъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Ему былъ я обязанъ первымъ моимъ знакомствомъ съ названными двумя комментаріями къ Державину»[1]).

И вотъ, запасшись набраннымъ гдѣ было возможно матерьяломъ, Полевой приступилъ къ оцѣнкѣ творчества «пѣвца Екатерины», но при этомъ онъ заранѣе набросалъ въ общихъ чертахъ тотъ планъ, которому будетъ слѣдовать. Онъ приводитъ слова Э. Легуве[2]), примѣняя къ себѣ ихъ содержаніе:

«Какое наслажденіе: взять человѣка, подобнаго Альфіери, Байрону, Дидеро, запереться съ этимъ человѣкомъ на нѣсколько времени, перечитать все, что осталось отъ него — записки, письма, сочиненія, сообразить одни съ другими всѣ сіи памятники его жизни и возсоздать изъ нихъ для себя живое созданіе. Первые дни такого занятія тягостны, раздражаютъ васъ: ошибаетесь, возвращаетесь на прежнее, почитаете прихоть характеристическою чертою; но мало-по-малу, великій человѣкъ, изучаемый вами, обозначается передъ вами въ совершенной точности; образъ его дополняется, очерки души останавливаются, и, наконецъ, нравственный исполинъ, угасшій навсегда геній,

1) *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ, т. II, стр. 368. Должно замѣтить, что Гротъ защищалъ Полевого отъ жаркихъ нападокъ Плетнева (см. ихъ «Переписку» passim).

2) Эрнестъ Легуве (р. 1807) — французскій литераторъ, пробовавшій свои силы и въ области беллетристики, и въ области критики. «Il a si bien su profiter des heureuses *réformes* tentées dans le style et dans la contexture même des vers par de plus hardis novateurs, qu'il se place sans peine à leur suite et quelquefois à côté d'eux» (*Larousse.* Dictionnaire, t. X, 333). Его академическія чтенія заслуживаютъ вниманія, а книга «Soixante ans de souvenirs» (1886—1888) возбуждаетъ любопытство. Приводимыя Полевымъ слова сказаны Легуве въ чтеніи объ Альфіери.

возсоздается, дѣлается современникомъ души вашей; у васъ стало однимъ другомъ болѣе». «Не критику твореній писателя, но образъ его самого, и въ разборѣ его созданій человѣка хотѣлось бы мнѣ показать вамъ вполнѣ»[1]).

Державинъ представляется Полевому въ двойственномъ видѣ: поэтомъ, гражданиномъ всѣхъ вѣковъ, съ индивидуальными чертами, свойственными ему одному, и человѣкомъ, на которомъ отразилось вліяніе современныхъ ему общественныхъ взглядовъ и литературныхъ направленій. «Не дерзаемъ сказать», пишетъ критикъ: «что мы успѣемъ вполнѣ оцѣнить Державина; по крайней мѣрѣ, мы постараемся изобразить его, *какъ человѣка* и *какъ поэта*, уединимся въ его творенія, стряхнемъ съ нихъ все тлѣнное, все вещественное, и преклонимъ колѣна только предъ тѣмъ таинственнымъ алтаремъ, гдѣ вѣчнымъ огнемъ горитъ безсмертный геній Державина, *сквозь туманъ слабостей и страстей вѣка его*, и — онъ былъ человѣкъ — сквозь мракъ его собственныхъ страстей и слабостей. Для сего надобно намъ предварительно изобразить жизнь Державина, разобрать характеръ его, какъ русскаго чиновника XVIII вѣка, и какъ гражданина всѣхъ вѣковъ, взглянуть на вѣкъ его, и наконецъ, разсмотрѣть самыя его творенія»[2]).

Полевой опредѣляетъ натуру Державина, какъ поэтическую преимущественно, для которой «поэзія — необходимость жизни, вся душа, все бытіе»; онъ оглядывается на прошлое русской литературы, перебираетъ многихъ писателей восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка, — и убѣждается, что ни для одного изъ нихъ поэзія не была «непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ», а

1) Очерки, ч. I, стр. 1—2. Ср. слова Сентъ-Бева, сказанныя о собственномъ методѣ въ статьѣ о Буало: «Ce sera assez pour nous de causer librement de Boileau avec nos lecteurs, de l'étudier dans son intimité, de l'envisager en détail selon notre point de vue et les idées de notre siècle, passant tour à tour de l'homme à l'auteur, du bourgeois d'Auteuil au poète de Louis-le-Grand, n'éludant pas à la rencontre les graves questions d'art et de style, les éclaircissant peut-être quelquefois sans prétendre jamais les résoudre. Il est bon à chaque époque littéraire nouvelle de repasser en son esprit et de revifier les idées qui sont représentées par certains noms devenus sacramentels, dût-on n'y rien changer, à peu près comme à chaque nouveau règne on refrappe monnaie et on rajeunit l'effigie sans altérer le poids» («Boileau», Critiques et portraits littéraires, t. I, 4—5).

2) Очерки русской литературы, ч. I, стр. 4—5, 36. Той же цѣлью задается Полевой и въ другихъ статьяхъ, напримѣръ, въ статьѣ о Кантемирѣ: «Бѣглый взглядъ на Кантемира, какъ *человѣка* и какъ *писателя*, представитъ въ частномъ выводѣ полное сходство съ общими нашими выводами». (Тамъ же, стр. 368).

выражалась «въ частномъ, одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи»[1]). Съ Державинымъ можно сравнивать только Пушкина. Направленіе таланта Державина—лирическое. «Душа», «геній» поэта проявляется даже среди риторическихъ разсужденій его о лирической поэзіи; всѣ умственныя и нравственныя силы его направлены въ одинъ пунктъ, въ одну точку, а не разливаются на все окружающее, не отвлекаются по сторонамъ, разрушая энергію собственно-поэтическаго стремленія... Но для характеристики Державина мало одной оцѣнки его поэтической натуры; онъ былъ человѣкъ, а слѣдовательно жилъ въ извѣстную эпоху, которая наложила на него свою неизгладимую печать. «Для жизни общественной, для дольнаго міра, гдѣ духъ человѣка связывается предѣлами вещества, мало одного чистаго ума, мало однѣхъ только идей. Согласіе духа и вещества требуетъ *приложеній*, и сіи-то приложенія составляютъ законы и условія человѣческаго общества»[2]). «Вѣдь, никакое дарованіе не выйдетъ изъ уровня, какой налагаетъ время», ибо «для созданія и развитія генія надобны не одни только дары природы, но другія обстоятельства, извѣстная степень общей образованности и національной самобытности»[3]). А потому и Державина «вполнѣ тогда только узнаемъ мы», «когда разсматриваемъ *какъ* и *когда* онъ жилъ»[4]).

Восемнадцатый вѣкъ съ его общественною жизнью и литературными теченіями тѣсно связанъ съ западно-европейской культурой. И Полевой рисуетъ картину умственнаго движенія на Западѣ, отмѣчая тѣ факты русской дѣйствительности, которые создались подъ вліяніемъ указаннаго движенія. Въ литературѣ царилъ псевдо-классицизмъ.

«Литература новая начала создаваться по образцу не русскому,

---

1) Очерки русской литературы, ч. I, стр. 36—37: «Ломоносовъ столько же ученый, сколько стихотворецъ»; у Крылова, Дмитріева, Фонвизина поэзія была вдохновеніемъ ума»; у Жуковскаго — «навѣяна пріемчивостью чужихъ впечатлѣній» и «уныніемъ души»; муза Грибоѣдова «иногда только вспыхивала огнемъ поэтическаго восторга» и т. д.

2) Тамъ же, стр. 41.

3) Тамъ же, стр. 366.

4) Тамъ же, стр. 65. Не тѣ же ли мысли въ статьѣ о Кантемирѣ: «Спрашиваемъ: жизнь Кантемира, безпристрастно разсмотрѣнная, не доказываетъ ли, что ни *по времени, когда онъ жилъ*, ни *по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился*, ни по свойству ума и характера онъ не могъ быть литераторомъ, писателемъ, и еще менѣе поэтомъ?» (стр. 376).

чуждому. Переводили, передѣлывали, подражали, а не творили. Классицизмъ вѣка Людовика XV, со всѣми его привычками, правилами, съ его эпопеею, драмою, лирикою обладалъ тогда Европой и перешелъ въ Россію, замѣнивъ латинскую западную схоластику. Пока проказничалъ Тредьяковскій и готовился Сумароковъ—явился необыкновенный человѣкъ: Ломоносовъ, Петръ въ своемъ родѣ. Говорятъ, что онъ перенялъ складъ поэзіи своей у нѣмцевъ. Но что дѣлали тогда нѣмцы? Подражали классическимъ французамъ, такъ какъ и англичане не смѣли тогда преклониться предъ великимъ своимъ Шекспиромъ и отвергали даже пріобрѣтенную ими могучую самобытность литературную. Начало первой оды Ломоносова взято было изъ оды Буало. Но Ломоносовъ, соединивъ съ классицизмомъ схоластику, вставлялъ цѣликомъ въ оды свои мѣста изъ Цицерона, какъ въ слова и рѣчи свои вклеивалъ мѣста изъ Плинія. Подражаніе и классицизмъ были сущностью всей русской литературы: схоластически обработывалъ Ломоносовъ языкъ русскій; Лафонтенъ внушилъ Богдановичу шутливую поэму; Расинъ, Корнель, Вольтеръ вдохновили Сумарокова; Тассъ и Генріада—Хераскова; Княжнинъ и другіе пошли еще далѣе: они просто переставляли русскія имена вмѣсто иностранныхъ и выдавали переводы за оригиналы».

«Въ такомъ-то мірѣ явился поэтъ Державинъ. Онъ увлекся въ началѣ другими, впалъ во всѣ тогдашнія ошибки и недостатки; переводилъ Горація и Овидія, не понимая духа древнихъ; надувалъ торжественную трубу; искалъ правилъ у Тредьяковскаго и Батте—такъ ошибался онъ въ поэзіи своей. Еще важнѣе была ошибка въ жизни. Едва успѣвши выйти изъ предѣловъ тѣснаго, затруднительнаго своего существованія, состоя въ рангѣ бригадирскомъ до сорока почти лѣтъ, Державинъ думалъ, что здѣсь было настоящее его назначеніе; думая такъ, онъ *служилъ* и почиталъ поэзію мимолетнымъ занятіемъ. Это было еще извинительно Державину въ тогдашнемъ его положеніи»[1]).

1) Очерки, т. I, стр. 48—49. Ср. стр. 55. Точно также разсматривая Жуковскаго, какъ «литератора русскаго», Полевой рисуетъ картину ослабленія классицизма въ Европѣ и пробужденія сентименталиэма, а затѣмъ романтизма въ Россіи — и такимъ образомъ доказываетъ, что «Жуковскій составляетъ въ Россіи переходъ къ романтизму, какъ Карамзинъ составлялъ переходъ отъ латино-французской эпохи къ чисто французской эпохѣ XVIII вѣка и т. д. (99—110). Въ статьѣ Полевого о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкинъ является совершенно современнымъ поэтомъ, отразившимъ въ себѣ

Полевой подробно разсматриваетъ первые шаги Державина на литературномъ поприщѣ и его переводы. До 1782 года Державинъ является «подражателемъ Сумарокова и Ломоносова, ученикомъ Тредьяковскаго и Готшеда», «подражаетъ Гагедорну, Клейсту, Захаріи, Галлеру», переводитъ двѣ пѣсни «Мессіады» Клопштока. Но «душа его уже отзывается сама собою», начинаетъ развиваться его талантъ — и, «будучи предводимъ наставленіями Батте и совѣтами Львова, Капниста и Хемницера», «избралъ онъ совершенно особый путь»[1]). Порывы чувства начинаютъ замѣнять возгласы «по правиламъ риторики и схоластики», среди нѣсколько приподнятыхъ, торжественныхъ фразъ прорывается шутливость, язвительность.... Наконецъ, въ народности, обнаружившейся въ стихахъ Державина, безспорно, сказались его самостоятельность и самобытность[2]). Литературныя преданія восемнадцатаго вѣка еще внушаютъ Державину ложное понятіе о русской старинѣ, «по которому Карамзинъ полагалъ необходимымъ скрашивать родное наше даже въ исторіи»; но, все-таки, «сочиненія Державина исполнены русскаго духа, котораго видомъ не видать, слыхомъ не слыхать у другихъ мнимо-русскихъ поэтовъ нашихъ».

«Замѣтьте особенно», пишетъ Полевой, «повсюдную унылость души, это веселіе забывчивости, это разгулье русское, прорывающіяся сквозь восторгъ и радость, сквозь громъ и бури генія: это изъ русскаго сердца выхвачено. Въ торжественной пѣсни, въ эротической пьесѣ Державина найдете вы сіи родныя сердцу черты. Найдете и добродушіе насмѣшки, и русскій гуморъ, и родную шутку въ образахъ»[3]).

Оригинальность Державина замѣтно проявилась въ «разнообразіи» «безчисленныхъ» чудныхъ образовъ, созданныхъ его геніемъ, рисуетъ ли онъ намъ картину русской природы, подымаетъ ли бокалъ свой за друзей въ радушной бесѣдѣ, идетъ ли по Альпамъ, указывая на Суворова, описываетъ ли пиръ Екатерининскаго вельможи[4]); та-же оригинальность видна въ живости и яркости этихъ картинъ,—въ «полнотѣ,

---

результаты многолѣтней работы западно-европейской и русской мысли (148—157 и далѣе). Что касается взгляда Державина на свое призваніе, то о немъ упоминаетъ нашъ критикъ очень часто; ср. тамъ же, стр. 18, 22, 23, 28, 44, 57, 58.

1) Очерки, ч. I, стр. 8—11, 16, 52 и др.

2) О самобытности Державина, см. стр. 58, 61, 62, 66, 74 и др.

3) Тамъ же, стр. 76—78 (ср. 55—56).

4) Тамъ же, стр. 80—83.

съ какою онъ весь проникается каждымъ предметомъ»,—въ его «преувеличеніяхъ», которыя однако «не кажутся излишними»... [1])

Переводы и подражанія Державина, «нося на себѣ слѣды его генія», не всегда однако точно передавали духъ и характеръ подлинниковъ, отчего Полевой называетъ нѣкоторыя пьесы «мнимо-анакреонтическими» и полемизируетъ по поводу этого съ Вяземскимъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой не закрываетъ глаза и на недостатки Державина, который «не получилъ никакого образованія» и прекрасные «образы» и «мысли» излагалъ иногда въ «дурныхъ» стихахъ [3]). Отсутствіе образованія и неправильные взгляды эпохи не позволили поэту «истощить всего своего генія» и заставляли впадать въ противорѣчія съ самимъ собой. Яснѣе всего пробѣлы въ его «Разсужденіи о лирической поэзіи». «Не думаете ли вы найти здѣсь тайны поэзіи его? Совсѣмъ нѣтъ: это бѣдная компиляція, выбранная изъ жалкихъ эстетикъ, разсужденіе о внѣшнихъ риторическихъ приправахъ пѣснопѣній». Дѣлается выдержка изъ статьи Державина, въ которой онъ, слѣдуя классическимъ традиціямъ, исчисляетъ 24 качества или достоинства одъ, съ слѣдующей замѣткой Полевого: «Какая смѣсь понятій! Прибавьте, что Державинъ приводитъ при томъ самые нелѣпые стихи Хераскова, Боброва, восхищается ими....» Но стоитъ заговорить «душѣ» Державина, сразу забыта ложно-классическая схоластика и, по представленіямъ его, единственнымъ источникомъ лирики является вдохновеніе, а сама она характеризуется, какъ «отливъ разгоряченнаго духа, отголосокъ растроганныхъ чувствъ, упоеніе, изліяніе восторженнаго сердца...» [4])

Державинъ только смутно понималъ себя и свое творчество. «Вступая въ міръ, поэтъ нерѣдко начинаетъ терять, уступать, промѣнивать свое высокое назначеніе, покоряясь отношеніямъ общества, увлекаясь общественными условіями....» «Отличенный небеснымъ знаменіемъ

---

1) Очерки, ч. I, стр. 75, 71, 73. Полевой не разъ также указывалъ на то, что Державинская поэзія тѣсно связана съ царствованіемъ императрицы Екатерины. «Державинъ видѣлъ въ ней богиню Сѣвера», «вдохновлялся Екатериной, какъ изображеніемъ божества на землѣ», а сама она «понимала *пѣвца своего* лучше, нежели онъ понималъ ее и самого себя» (стр. 19, 54, 63 и др.).

2) Тамъ же, стр. 29, 62, 68. Ср. стр. 50.

3) Тамъ же, стр. 85, 50.

4) Тамъ же, стр. 83—90.

поэзіи», поэтъ силится итти по дорогѣ, на которую увлекаетъ его геній, но «міръ охватываетъ его желѣзными когтями», начинается борьба «неба съ землею», то-есть индивидуальныхъ наклонностей съ соціальными условіями жизни. Иногда бываетъ побѣда генія, иногда «на цѣлыя эпохи налегаетъ униженіе духа, и цѣлыя поколѣнія поэтовъ раболѣпствуютъ міру». Но, какъ бы ни выдавался талантъ поэта, «въ жизни его не всегда продолжается очарованіе; никакая сильная душа не выдерживаетъ постоянно тяжкихъ условій міра, и сквозь мракъ цѣлой жизни сверкаютъ поэтическія, святыя минуты вдохновенія, высокаго самопознанія поэтовъ». Здѣсь ключъ къ рѣшенію всевозможныхъ вопросовъ съ исторической точки зрѣнія. И правъ былъ Полевой, говоря: «Не имѣли ли мы послѣ сего права изумляться противоположности жизни Державина съ его поэзіей и думать, что онъ не можетъ быть ни изъясненъ, ни понятъ, если мы не знаемъ предварительно его характера, какъ человѣка и поэта, и не знаемъ вѣка его?»[1]).

Итакъ, изучается личность поэта, отличающаяся тѣми или другими индивидуальными наклонностями, извѣстной самобытностью дарованія; личность эта живетъ въ извѣстное время, которое сообщаетъ ей свои взгляды и понятія, то-есть за личностью проглядываетъ эпоха въ исторіи русскаго общества; эта эпоха, въ свою очередь, связана съ какимъ-либо моментомъ въ развитіи западной цивилизаціи... Задача постепенно расширяется... Сначала чисто психологическая характеристика любопытнаго дарованія, затѣмъ характеристика ближайшей среды, — наконецъ, характеристика вѣка... Передъ нами первая попытка создать критико-біографическій этюдъ, столь распространенный въ западно-европейской литературѣ.

Были, конечно, и недостатки въ этой первой попыткѣ, какъ во всякомъ начинаніи. Такъ, не совсѣмъ удачна выборка стихотвореній Державина, не вполнѣ выяснена его личность (быть можетъ, вслѣдствіе недостатка матерьяла), не вездѣ строго выдержанъ планъ статьи, встрѣчается риторичность въ общей оцѣнкѣ[2]), но большія достоинства покрываютъ пробѣлы.

---

1) Очерки, т. I, стр. 39—40, 43—45, 83.

2) Этотъ недостатокъ далъ поводъ критику газеты *Русскій* (1868 г., № 114) ловить Полевого иногда въ мнимыхъ противорѣчіяхъ.

И не объ одномъ Державинѣ высказалъ Полевой много мѣткихъ мыслей. Онъ первый указалъ основныя черты поэзіи Жуковскаго [1]), однообразіе главной идеи его твореній [2]), измѣненіе колорита оригинала въ его переводѣ [3]), отсутствіе народности въ его поэзіи [4]), его непониманіе Шекспира и Байрона [5]), а также и тѣ усовершенствованія, какія произвелъ Жуковскій въ стихахъ и въ прозѣ [6]), и недостатки его критическихъ пріемовъ [7]). Полевой напечаталъ два дѣльныхъ этюда о драмахъ Пушкина и Кукольника и впервые далъ надлежащую оцѣнку басенъ Хемницера, незаслуженно забытыхъ критиками [8]).

Иного метода держался Полевой, когда подвергалъ анализу не цѣлый процессъ творческой дѣятельности поэта, а какое-либо произведеніе, взятое въ отдѣльности. Тогда онъ прибѣгалъ къ помощи уже не новаго сравнительнаго метода, съ тою только разницею, въ сравненіи съ предшественниками, что онъ старался допускать въ свои изслѣдованія какъ можно менѣе общихъ теоретическихъ положеній. Старинным обычаемъ классиковъ было создавать общія теоретическія положенія, обязательныя рѣшительно для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ и народовъ и признанныя за непогрѣшимый сводъ законовъ; Полевой считаетъ подобныя положенія излишними. «Какова должна быть наша драма?»— задаетъ онъ вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣтъ такого рода: «Намъ кажется, что это вопросъ совершенно безполезный. Отвѣтъ на него заключается въ сущности драмы вообще, въ направленіи дарованій писателя и въ предметѣ, какой избираетъ онъ для своей драмы. Что намъ за дѣло, увлекается ли онъ въ мысль о судьбѣ древнихъ, въ фатализмъ германцевъ, въ духовность мистерій! — Вѣренъ ли онъ выбранному идеалу созданія? Выполняетъ ли онъ изящно свою идею въ развитіи частей? Вотъ вопросы, заключающіе въ себѣ рѣшеніе кри-

---

1) Очерки, т. I, стр. 111, 121.
2) Тамъ же, стр. 117, 119, 135.
3) Тамъ же, стр. 136.
4) Тамъ же, стр. 117, 138.
5) Тамъ же, стр. 112, 136.
6) Тамъ же, стр. 115, 123, 139, 140.
7) Тамъ же, стр. 143.
8) Тамъ же, стр. 382—412.

тики!»[1]). Съ самыхъ древнихъ временъ «поэзія не измѣнилась въ своихъ основаніяхъ, человѣкъ остался одинъ и тотъ же, только онъ ходитъ иначе, смотритъ иначе. Это дѣло формъ. И развѣ о подробностяхъ кто-нибудь споритъ? Передъ вами всѣ они, всѣ роды, всѣ формы, всѣ выраженія, и свобода дается вамъ совершенная! Творите, какъ Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Вернеръ; изобрѣтайте свое направленіе, особенное, самобытное — мы ни въ чемъ не споримъ»[2]).

Полевой признавалъ полную свободу творчества; но было бы несправедливо, если бы онъ не имѣлъ совершенно никакихъ основныхъ принциповъ при оцѣнкѣ поэтическаго творенія. Эти принципы, дѣйствительно, были, что мы видимъ въ разборахъ Пушкинскаго «Бориса Годунова» и драмы «Торкватъ Тассъ» Нестора Кукольника. Но они были выведены не путемъ теоретическимъ, а практическимъ, — путемъ *сравнительнаго* анализа однородныхъ произведеній... Любимой фразой Полевого бывала въ подобныхъ случаяхъ слѣдующая: «Вмѣсто всякихъ объясненій романтической формы и изложеній теоретическихъ, мы рѣшаемся представить здѣсь практическій примѣръ ея, взятый изъ Шекспира...»[3])

Такіе сравнительные анализы литературныхъ произведеній давали въ результатѣ рядъ дѣльныхъ основоположеній, не построенныхъ à priori и висящихъ на воздухѣ, а вытекающихъ изъ цѣлаго ряда сопоставленій, добытыхъ à posteriori... Сличеніе «Бориса Годунова» съ «Королемъ Ричардомъ II» Шекспира и съ «Димитріемъ Самозванцемъ» Шиллера, а «Торквата Тасса» Кукольника съ драмами на ту же тему Гете и Розини — уясняетъ условія, необходимыя для созданія истинной исторической драмы... Уразумѣніе поэзіи истины въ героѣ и слѣдующее отсюда соблюденіе исторической точности, проникновеніе духомъ эпохи, единство дѣйствія, выдержанность характера и, безспорно, отрицаніе трехъ единствъ — вотъ чего долженъ держаться, по мнѣнію Полевого, драматургъ его времени. И нельзя сказать, что онъ ошибался во многомъ, произнося такія сужденія!

---

1) Очерки, ч. I, стр. 177—178.
2) Тамъ же, ч. I, стр. 178.
3) Тамъ же, стр. 200.

Мы разсмотрѣли основные критическіе пріемы Полевого. Нужно думать, что введеніе небывалаго у насъ критико-біографическаго этюда — съ одной стороны, а также эстетико-сравнительнаго — съ другой — было чрезвычайно важнымъ фактомъ въ развитіи нашей литературной критики и даетъ историку право съ благодарностью помянуть имя честнаго и талантливаго писателя, поработавшаго такъ много и такъ полезно въ столь разнообразныхъ областяхъ на широкомъ поприщѣ слова. И безусловно справедливо мнѣніе самого Полевого, высказанное имъ въ предпосланной «Очеркамъ» короткой автобіографіи:

«Я не судья самъ себѣ. Но, да позволятъ же мнѣ представить мои статьи, какъ личное оправданіе мое и какъ первые опыты русской самобытной критики. До появленія моего въ журнальной литературѣ, критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ. Отдадимъ справедливость немногимъ критическимъ статьямъ Греча, Мерзлякова, Каченовскаго, Булгарина и Воейкова: имена сихъ почтенныхъ литераторовъ останутся какъ имена остроумныхъ критиковъ, за написанныя ими критическія статьи. Но никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны — скажутъ мнѣ — и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую»[1]).

Критическія статьи Полевого не прошли незамѣченными въ современной ему журналистикѣ, особенно тогда, когда были собраны имъ и изданы въ 1839 году подъ заглавіемъ: «Очерки русской литературы». Новая книга привлекла вниманіе многихъ, и по поводу ея высказывались разнообразныя сужденія, любопытные показатели общественнаго

1) Очерки, ч. I, стр. XIV; срв. тамъ же, стр. VII—VIII.

вкуса и мнѣнія. *Сѣверная Пчела* привѣтствовала Полевого, какъ «одного изъ лучшихъ въ Россіи литературныхъ критиковъ», «не оспаривала у него права судить въ дѣлѣ изящной словесности», признавая, что «въ этомъ дѣлѣ онъ имѣетъ сильный голосъ». Разборы произведеній Державина, Ломоносова и Жуковскаго Булгаринъ считаетъ «возможнымъ совершенствомъ въ нашей критикѣ»; по его мнѣнію, «если бы Полевой написалъ во всю жизнь свою только эти три статьи и ничего болѣе, то и этимъ онъ занялъ бы почетное мѣсто въ литературѣ и одно изъ первыхъ мѣстъ между критиками». Критика Пушкина, хотя и умна, но кажется ему несправедливой: авторъ слишкомъ увлекается одною музыкою, забывая, что Пушкинъ не создалъ ни одного «типа», не выразилъ «идей» и «высокихъ чувствъ». «Вообще», заключаетъ рецензентъ: «мы почитаемъ «Очерки русской литературы» такимъ грузомъ, который пройдетъ къ потомству чрезъ всѣ литературныя заставы и таможни и внесетъ имя автора въ почетный списокъ литературныхъ дѣятелей, не взирая на привязки литературныхъ крючкотворцевъ»[1]).

Въ *Литературной Газетѣ* было напечатано, что книга Полевого «долженствовала быть теоретическою», «но по времени ея появленія сдѣлалась историческою». «Въ самомъ дѣлѣ» — читаемъ въ *Газетѣ:* «жестоко ошиблись бы тѣ, которые стали бы искать въ «Очеркахъ» теоріи изящнаго, идей объ искусствѣ, критической оцѣнки отечественныхъ поэтовъ; они не нашли бы въ нихъ ничего и похожаго на то, чего искали, но нашли бы другое, чего совсѣмъ не искали, но что очень важно — именно, памятникъ прошедшаго, богатый сборъ матеріаловъ и фактовъ для цѣлой эпохи русской литературы». Книга Полевого любопытна въ томъ отношеніи, что «изъ нея можно видѣть, какъ идея совершаетъ свой *кругъ* въ общественномъ развитіи». «Въ этомъ отношеніи французская пословица: «Les extremités se touchent» — имѣетъ глубокій смыслъ. Сличите первыя статьи г. Полевого съ его же послѣдними, — и вы увидите, что въ первыхъ онъ отрицалъ то самое, что утверждаетъ въ послѣднихъ, а въ послѣднихъ утверждаетъ то самое, что отрицалъ въ первыхъ». Характеризуя личность Полевого, какъ писателя, критикъ говоритъ: «Задача Полевого была

1) *Сѣверная Пчела* 1840 г., № 65.

разрушеніе, отрицаніе идей, понятій и предубѣжденій XVIII вѣка въ нашей литературѣ и провозвѣстіе новаго времени и новыхъ идей. Уже по одному этому его дѣятельность долженствовала быть отрицательною, а не положительною. И потому, пока онъ дѣйствовалъ отрицательно — его успѣхи были неимовѣрны, и его заслуги были важны; но какъ скоро онъ начиналъ дѣйствовать положительно — его дѣятельность представляетъ рядъ поразительныхъ неуспѣховъ». Но критическія статьи Полевого, повидимому, были исключеніемъ и съ суровой точки зрѣнія взыскательнаго критика. Статья о Державинѣ кажется ему «живой», «одушевленно» и «увлекательно» написанной; онъ хвалитъ и статью о Жуковскомъ, и тольно «статья о Пушкинѣ есть точка, въ которой Полевой сошелся во мнѣніяхъ съ тѣми, которые нападали на «Руслана и Людмилу», и войною противъ которыхъ онъ началъ свое литературное и журнальное поприще». «Впрочемъ», прибавляетъ критикъ: «всѣ статьи въ *Очеркахъ*, некасающіяся собственно до искусства и науки, примѣчательны живымъ изложеніемъ и умнымъ взглядомъ на вещи»[1]).

Среди пространныхъ рецензій, посвященныхъ книгѣ Полевого *Сѣверною Пчелою* и *Литературной Газетой* совершенно теряется глухой отзывъ *Современника*, очевидно недовольнаго вообще критическими взглядами редактора *Телеграфа*. *Современнику* казалось, что «воззрѣніе на предметы литературы и самый образъ выраженія мыслей заимствованы авторомъ изъ критическихъ статей *новѣйшей французской школы*. Поэтому онъ чаще и болѣе говоритъ о постороннихъ обстоятельствахъ, нежели о самомъ дѣлѣ»[2]).

Гораздо полнѣе и обстоятельнѣе всѣхъ приведенныхъ выше рецензій отзывъ Бѣлинскаго, напечатанный въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 года. Здѣсь разбираются, главнымъ образомъ, три статьи Полевого: о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, изъ которыхъ критикъ особенно хвалитъ первую и порицаетъ послѣднюю. «Статья о Державинѣ — лучшая, о Жуковскомъ — изъ лучшихъ; ихъ и теперь

---

1) *Литературная Газета* 1840 г., № 8.

2) *Современникъ* 1840 г., т. 18, стр. 154. Не очень доволенъ вліяніемъ западной критики на Полевого остался и С. А. Бурачекъ, вообще доброжелательный къ автору «Очерковъ русской литературы»; по мнѣнію Бурачка, не совсѣмъ вѣрно основаніе теорій и системъ, выписанныхъ Полевымъ изъ-за моря (*Маякъ* 1840 г., ч. I, гл. II).

можно читать съ услажденіемъ и пользою. Онѣ отличаются если не всегда глубокимъ, то часто вѣрнымъ и, по тогдашнему, новымъ взглядомъ, множествомъ замѣчаній тонкихъ и дѣльныхъ, изложеніемъ мастерскимъ, увлекающимъ, одушевленнымъ. Никто до г. Полевого не судилъ лучше о Державинѣ и Жуковскомъ, никто до него не былъ ближе къ истинѣ при оцѣнкѣ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Особенно въ Державинѣ подмѣтилъ онъ много сторонъ, которыхъ въ немъ никто прежде не подмѣчалъ, указалъ въ немъ на многое, на что прежде никто не смотрѣлъ, и прошелъ основательнымъ молчаніемъ многое, на что дотолѣ всѣ указывали (по привычкѣ и преданію), какъ на самыя могущественныя проявленія великаго генія Державина». Полевой первый «вѣрно подмѣтилъ въ Державинѣ сторону *народности*, которой до него не подозрѣвали въ этомъ поэтѣ. Это заслуга, и заслуга важная». Но, въ то же время, руководствуясь «непосредственнымъ чувствомъ», при «недоступности» мысли, Полевой не могъ «положительно опредѣлить цѣну и мѣру заслугъ Державина и Жуковскаго» и «указать ихъ настоящее мѣсто въ исторіи русскаго творчества». Потому то Полевой, отмѣчая въ Державинѣ «борьбу между понимавшимъ себя поэтомъ и мнимо дѣловымъ человѣкомъ», вредившую развитію его дарованій, не понялъ, что подобный фактъ, въ связи съ отсутствіемъ интереса къ Державину современнаго общества, прямо отрицаетъ его геніальность; потому-то Полевой впадалъ иногда въ риторику при произнесеніи окончательнаго приговора «пѣвцу Екатерины». Въ статьѣ о Жуковскомъ, которая менѣе нравится Бѣлинскому, Полевой яко бы несправедливо ставитъ въ вину поэту отсутствіе народности, непониманіе «Гамлета» Шекспира и однообразіе колорита въ переводахъ изъ Шиллера, Гете и Байрона. По словамъ рецензента, «Полевой нашелъ въ поэзіи Жуковскаго недовольство земнымъ, стремленіе къ небесному, юношескую мечтательность, идеальную любовь и пр., и пр., что и другіе, больше или меньше, лучше или хуже, находили въ ней» и что, прибавимъ отъ себя, нашелъ въ ней самъ Бѣлинскій; «но онъ (Полевой), якобы, не сказалъ, что такое это найденное имъ, и оно осталось для него искомымъ». Наиболѣе же неудалась Полевому статья о Пушкинѣ, этотъ «хаосъ крутящихся понятій», гдѣ критикъ, не отдавая ни въ чемъ отчета, «судитъ по шемякински», гдѣ онъ утверждаетъ, что карамзинизмъ «повредилъ» «Борису

Годунову» (не за то ли и самъ Бѣлинскій упрекалъ Пушкина?), что руссизмъ «Руслана и Людмилы» — щеголеватая «народность» Флоріановскаго пошиба, что «Кавказскій плѣнникъ» «блѣденъ и ничтоженъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыганы» «нерѣшительны», а «Евгеній Онѣгинъ» — «легокъ»; гдѣ Полевой совѣтуетъ Пушкину выкинуть изъ собранія его сочиненій «Дорожныя жалобы» и «Къ вельможѣ» и т. д. Рецензентъ подчеркиваетъ, что Полевой, нѣкогда восхищавшійся Пушкинымъ, «поспѣшилъ взять назадъ свои критическіе приговоры», когда «геній поэта началъ мужать и возмужалъ».

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ Бѣлинскаго оказывается и доля истины, и доля несправедливости, ибо если «Дорожныя жалобы» — прекрасная пьеса и «Евгеній Онѣгинъ» — серьезный романъ[1]), то поэмы Пушкина, дѣйствительно, не вполнѣ «рѣшительны», а народности въ «Русланѣ и Людмилѣ» — мало... Впрочемъ, заключеніе критика объ «Очеркахъ» Полевого благопріятно для послѣдняго. — «Во всякомъ случаѣ», пишетъ онъ: «Очерки русской литературы» г. Полевого — книга въ высшей степени интересная, достойная полнаго вниманія и стоящая оцѣнки важной и безпристрастной. Г. Полевой можетъ назваться представителемъ мнѣній объ искусствѣ и наукѣ цѣлаго періода нашей литературы. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на свое время, произвелъ переворотъ въ мертвой журналистикѣ того времени, оживилъ литературу, далъ быстрое теченіе обмѣну мнѣній, сбавилъ цѣны со многихъ авторитетовъ, не совсѣмъ по праву стоявшихъ слишкомъ высоко, уничтожилъ множество знаменитостей по преданію и на-кредитъ. Его дѣятельность была многостороння и неистощима; какъ понималъ, онъ передавалъ русской публикѣ все новое въ Европѣ; ни одно примѣчательное явленіе не ускользнуло отъ его недремлющаго вниманія».

Эти выдающіяся заслуги побудили впослѣдствіи Бѣлинскаго поставить имя Полевого рядомъ съ именами Ломоносова и Карамзина, а самого автора «Очерковъ русской литературы» написать слѣдующія строки: «Отношеніе, время и мѣсто оцѣняютъ каждое дѣло. Всякому

---

1) На 165-й страницѣ «Очерковъ» Полевой дѣлаетъ въ высшей степени сочувственную оцѣнку «Евгенія Онѣгина», въ которомъ видитъ исторію развитія и постепеннаго расцвѣта дарованій Пушкина.

свое. И если мысль пережить себя есть мысль отрадная — пусть не гремитъ шумная молва потомства о какомъ-нибудь смиренномъ труженикѣ ученія, о томъ, кто безвѣстно погибъ, сражаясь въ рядахъ другихъ — будетъ и имъ память немногихъ, и ихъ дѣла также оцѣнитъ, узнаетъ избранный, и для нихъ также забьется сочувствіемъ сердце какого-нибудь потомка—исторія и имъ дастъ строчку на своихъ скрижаляхъ, если только истина была цѣлью скромнаго труда ихъ, если польза ближнихъ руководила ихъ, если совѣсть не упрекала ихъ за сдѣланное»[1]).

---

1) Очерки, т. I, стр. VII.

Николай Козминъ.

И. Е. Великопольскій.

(1797—1868).

Настоящій историко-біографическій очеркъ, посвященный разсказу о жизни, трудахъ и злоключеніяхъ одного изъ малоизвѣстныхъ писателей нашихъ, былъ начатъ мною по указанію Л. Н. Майкова, который совѣтовалъ мнѣ заняться собираніемъ и разработкой свѣдѣній о лицахъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ Пушкину. Одобрительно отнесшись къ составленному мною, по его же указанію, біографическому очерку Я. Н. Толстого[1]), Леонидъ Николаевичъ ввѣрилъ моимъ попеченіямъ другого знакомца Пушкина — Ивана Ермолаевича Великопольскаго, которому нашъ геніальный поэтъ въ 1826 году написалъ посланіе. Объ этомъ писателѣ въ нашей литературѣ не оказалось никакихъ свѣдѣній, если не считать одного небольшого некролога, написаннаго, по всей вѣроятности, его пріятелемъ В. Р. Зотовымъ и помѣщеннаго въ *Иллюстрированной Газетѣ* 1868 г.[2]), двухъ извѣстій о смерти въ газетахъ[3]), да составленныхъ по нимъ краткихъ замѣтокъ въ «Словарѣ» Геннади и въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова. Но счастливый случай далъ мнѣ возможность познакомиться съ дочерью Ивана Ермолаевича — Надеждою Ивановной Чаплиной, которая съ рѣдкою любезностью прислала ко

1) *Русская Старина* 1899 г., №№ 9 и 10 и отдѣльно.

2) Т. XXI, № 9, стр. 143; извлеченіе изъ него — въ *Иллюстрированномъ Календарѣ* на 1869 г., стр. 311.

3) *Московскія Вѣдомости* 1868 г., № 40, стр. 3 и перепечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1868 г., № 54.

мнѣ изъ с. Чукавина, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, всѣ сохранившіяся бумаги своего отца[1]), а также сообщила мнѣ свои о немъ воспоминанія, которыми я и буду пользоваться, какъ матеріаломъ.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить при этомъ случаѣ глубокоуважаемой Надеждѣ Ивановнѣ мою искреннюю благодарность за ея просвѣщенное содѣйствіе.

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій былъ потомкомъ стариннаго и богатаго дворянскаго рода, еще съ начала XVI ст. поселившагося въ нынѣшней Псковской губерніи и верстаннаго за разныя службы помѣстьями въ Лукахъ Великихъ[2]). Одному изъ членовъ этого рода — Николаю Великопольскому были пожалованы въ теперешнемъ Великолуцкомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Куніи, обширныя имѣнія, часть которыхъ и въ настоящее время состоитъ во владѣніи одного изъ его потомковъ — Ник. Ив. Великопольскаго[3]).

Отецъ нашего писателя — Ермолай Ивановичъ, послѣдніе годы своей жизни проживавшій въ Казани, съ 1760 г. находился въ военной службѣ и въ 1774 г. въ чинѣ артиллеріи капитана служилъ въ Канцеляріи Конфискацій въ Москвѣ, затѣмъ былъ членомъ въ 1-мъ Департаментѣ Вотчинной Коллегіи, но вскорѣ снова одѣлъ военный мундиръ, былъ въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку полковникомъ (1789 г.), командовалъ нѣкоторое время Пермскимъ полкомъ (1793 г.) и, наконецъ, дослужившись до чина генералъ-маіора (28-го іюля 1796 г.), вскорѣ вышелъ въ отставку[4]).

Еще въ молодыхъ годахъ овдовѣвъ послѣ кратковременнаго и безплоднаго брака съ Устиньей Никитичной Радиловой (умерла 3-го іюля 1779 г.[5]), Ермолай Ивановичъ женился вторично на богатой Казан-

---

1) Бо́льшая часть ихъ не сохранилась; кое-что изъ полученныхъ матеріаловъ было обнародовано мною въ *Русской Старинѣ* 1901 г., №№ 6, 7 и 8 подъ заглавіемъ «Изъ архива И. Е. Великопольскаго»; тамъ же былъ помѣщенъ и портретъ Ивана Ермолаевича.

2) Архивъ Департамента Герольдіи Сената: гербовое дѣло Великопольскихъ 1794 г., съ продолж. 1814 и 1817 г.

3) Сообщеніе Н. И. Великопольскаго.

4) Мѣсяцесловы 1773—1779; «Пестрый альбомъ» И. Е. Великопольскаго (рукоп.).

5) «Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ», ч. IV М. 1793, стр. 127 (здѣсь она названа Елизаветой) и семейныя бумаги Е. И. Великопольскаго.

ской помѣщицѣ княжнѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ Болховской[1]), отъ которой имѣлъ, кромѣ сына Ивана, еще четырехъ дочерей[2]). Объ немъ намъ извѣстно только то, что онъ «былъ стародавнимъ пріятелемъ М. Я. Мудрова и принадлежалъ къ одной съ нимъ масонской ложѣ»[3]).

Иванъ Ермолаевичъ родился въ Казани 27-го декабря 1797 г. въ домѣ кн. Болховскихъ на Проломной улицѣ[4]). Дѣтство его прошло въ кругу богатой помѣщичьей семьи, жившей на широкую ногу. Такъ, у Ермолая Ивановича, получившаго за женою большія помѣстья и жившаго то въ Казани, то въ 30 верстахъ отъ нея — въ селѣ Черемышевѣ, дважды въ недѣлю были пріемные дни съ пышными обѣдами, за которыми однихъ слугъ было до тридцати человѣкъ. Несомнѣнно, поэтому, что нашъ писатель еще съ ранняго возраста пріобрѣлъ тѣ широкія замашки, которыя онъ проявлялъ, когда у него бывала къ тому возможность и отказаться отъ которыхъ его принудила только сила стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Ивану Ермолаевичу едва исполнилось семь лѣтъ, какъ онъ лишился отца; а мать его, овдовѣвъ, вскорѣ (въ 1805 или 1806 г.) вышла замужъ вторично — за казанскаго же помѣщика надв. сов. Алексѣя Ѳедоровича Моисеева[5]), отъ брака съ которымъ имѣла еще троихъ дѣтей[6]). Повидимому, вся семья жила дружно и весело, вполнѣ обезпеченная тѣми 2000 душъ крестьянъ, которые принадлежали ей въ Казанской, Тверской и Псковской губерніяхъ и которыми руководила сама Надежда Сергѣевна, женщина умная и чрезвычайно энергичная.

---

1) Род. 3-го іюня 1770 г., ум. 9-го апрѣля 1823 г. въ Казани.

2) Изъ нихъ Любовь Ермолаевна (род. 21-го декабря 1791 г.) — за Александромъ Андреевичемъ Ростовскимъ; Прасковья Ермолаевна (род. 24-го декабря 1792 г., ум. 1-го октября 1842 г.) была за Гавр. Ив. Осокинымъ; Надежда Ермолаевна (род. 17-го іюня 1794 г.) — за Николаемъ Васильевичемъ Колбецкимъ и Фавста Ермолаевна (род. 16-го мая 1801 г.) — за Ив. Александр. Нератовымъ.

3) Воспоминанія Д. К. Тарасова — въ Рукоп. Отдѣл. Императорской Публичной Библіотеки. Сообщеніемъ этого свѣдѣнія я обязанъ Вл. Вл. Майкову.

4) Н. Н. Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета, т. I, Казань, 1887 г., стр. 277—279.

5) Род. 20-го мая 1755 г., ум. въ концѣ 1833 г.

6) Василій Алексѣевичъ (род. 4-го декабря 1809 г., ум. 1-го октября 1834 г.), бывшій драгоманомъ при посольствѣ въ Персіи; Николай Алексѣевичъ (род. 8-го октября 1808 г.; о нихъ см. мою замѣтку въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 6, стр. 634—637) и дочь Варвара Алексѣевна (род. 27-го декабря 1812 г.), бывшая замужемъ за извѣстнымъ математикомъ, ректоромъ Казанскаго Университета Ник. Ив. Лобачевскимъ.

Въ концѣ января 1812 г. она подала въ Казанскій Университетъ прошеніе о принятіи сына ея Ивана «въ число студентовъ для слушанія профессорскихъ и адъюнкторскихъ лекцій на своекоштное дворянское содержаніе»[1]). При прошеніи была приложена записка съ перечнемъ предметовъ, которые проходилъ Великопольскій въ домѣ родителей. Изъ записки этой явствуетъ, что онъ, на первомъ мѣстѣ, изучалъ «французскій и нѣмецкій языки по правиламъ», затѣмъ — «всеобщую исторію, географію и статистику, ариѳметику, алгебру, геометрію и тригонометрію, начало физики, грамматику и правила слога россійскаго языка».

Съ такимъ-то запасомъ свѣдѣній и знаній нашъ писатель предсталъ 6-го февраля 1812 г. передъ профессоромъ Иваномъ Томасомъ и адъюнктами Петромъ Кондыревымъ и Григоріемъ Никольскимъ, которые произвели ему экзаменъ и на другой же день подали въ Совѣтъ Университета слѣдующее представленіе:

«По препорученію Совѣта испытывали мы просящагося въ студенты Университета Ивана Великопольскаго въ предметахъ, нужныхъ для слушанія академическихъ преподаваній и нашли его весьма хорошо успѣвшимъ и достойнымъ быть помѣщеннымъ въ число студентовъ младшаго отдѣленія». Перечисливъ, затѣмъ, подробно всѣ предметы, по которымъ произведено было испытаніе, экзаменаторы пришли къ вполнѣ благопріятному выводу о результатахъ домашняго образованія, полученнаго богатымъ баричемъ.

Въ Университетѣ Великопольскій пробылъ всего неполныхъ три года. Пройдя въ это время «положенный студентскому ученію курсъ», онъ въ октябрѣ 1814 г. подалъ въ Правленіе Университета прошеніе объ увольненіи его для поступленія на службу. Изъ отзывовъ профессоровъ И. Ѳ. Яковкина, Іог. Бартельса, К. Ф. Ренца, бар. Е. В. Врангеля, В. М. Перевощикова, П. С. Кондырева, Г. Н. Городчанинова, И. Г. Томаса, И. М. Симонова, А. С. Лубкина, К. Ѳ. Фукса, А. В. Кайсарова, Н. М. Алехина и С. С. Петровскаго видно, что Великопольскій съ отмѣнными успѣхами прослушалъ курсы: исторіи, географіи, статистики, алгебры, тригонометріи, дифференціальнаго исчисленія, аналитики, геометріи, россійскаго и уголовнаго права, исторіи правъ рос-

1) Архивъ Казанскаго Университета: дѣло о студентѣ Великопольскомъ 1812—1814 г.; копіи съ документовъ получены мною отъ А. И. Михайловскаго при любезномъ содѣйствіи Вс. И. Срезневскаго.

сійскихъ, правъ естественнаго и римскаго, политической экономіи, россійской словесности, психологіи, логики, естественной исторіи, опытной физики, практической геометріи и даже основаній военной и гражданской архитектуры.

19-го октября 1814 г. Иванъ Ермолаевичъ получилъ аттестатъ, простился съ Университетомъ и отправился искать счастья въ Петербургъ, гдѣ уже 2-го мая 1815 г. поступилъ на службу — подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Съ молодымъ бариномъ былъ отправленъ изъ Казани старый его дядька Николай Малышевъ, который съ этого времени уже не разставался съ нимъ, раздѣляя его горе и радость, будучи ему и другомъ, и слугою, и совѣтникомъ.

Со времени переселенія въ Петербургъ, Великопольскій начинаетъ предаваться литературнымъ занятіямъ и входитъ, мало-по-малу, въ петербургскіе литературные кружки.

Страсть къ писательству появилась у Великопольскаго очень рано; такъ, изъ собственноручныхъ его помѣтокъ видно, что уже въ 1810 г. онъ писалъ стихи; первымъ его произведеніемъ была пѣсня «Къ голубку» — весьма слабое подражаніе Дмитріеву[1]). Въ 1811 г., то-есть 14-ти лѣтъ отъ роду, какъ значится въ рукописи, имъ переведена была въ прозѣ, съ французскаго языка, «драма въ одномъ дѣйствіи» — «Филемонъ и Бавкида»[2]). Этими двумя произведеніями открывается длинный, можно сказать безконечный рядъ опытовъ Великопольскаго «во всѣхъ родахъ»: среди его стихотвореній мы находимъ элегіи, посланія, эпиграммы, мадригалы, тріолеты, bouts-rimés, пѣсни въ русскомъ духѣ, басни, эпитафіи, надписи и т. д. до шарадъ и загадокъ въ стихахъ включительно.

Всѣ свои досуги (а ихъ, конечно, было не мало у гвардейскаго офицера) Великопольскій посвящалъ литературнымъ занятіямъ, и видно по его тетрадямъ, что занятія эти съ годами становятся для него болѣе и болѣе дорогими. Онъ съ рѣдкимъ усердіемъ работаетъ надъ своими стихотвореніями (среди которыхъ есть не мало удачныхъ), часто перечитываетъ ихъ, и на многихъ піесахъ молодыхъ лѣтъ, написанныхъ

---

1) Рукописный сборникъ «Мои досуги», стр. 40—41.

2) Тамъ же, стр. 5—38 и «Опыты въ словесности», тетр. I (рукоп.).

красивымъ и мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ, видны поправки, сдѣланныя уже старческой рукой, а это свидѣтельствуетъ намъ объ одномъ изъ отличительныхъ свойствъ Ивана Ермолаевича — изумительной энергіи, подвижности и вѣчной юности духа.

Дальше мы ближе познакомимъ читателя съ музой Великопольскаго, сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ дошедшихъ до насъ его многочисленныхъ рукописей, а пока остановимся на жизни нашего писателя въ Петербургѣ до 1820 года.

Пріѣхавъ въ столицу, молодой подпрапорщикъ повелъ веселую жизнь свѣтскаго богатаго гвардейца. Мать высылала ему по 1500 р. въ годъ, что̀ по тѣмъ временамъ являлось суммою весьма приличною; онъ не отказывалъ себѣ въ развлеченіяхъ, завязывалъ знакомства въ высшемъ свѣтѣ, чему, между прочимъ, способствовало прекрасное знаніе имъ французскаго языка, остроуміе и живой и веселый характеръ. Поселился онъ со своимъ однополчаниномъ — Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ [1]), такъ же какъ и онъ самъ не чуждымъ занятій словесностью [2]), и, мало-по-малу, познакомился со многими представителями тогдашней литературы, черезъ которыхъ вошелъ и въ литературныя общества. Такъ, въ первой половинѣ 1819 г. онъ былъ избранъ [3]), по представленіи басни «Розы и рожа» [4]) въ дѣйствительные члены Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Иванъ Ермолаевичъ, какъ видно изъ протоколовъ, усердно посѣщалъ эти засѣданія, представляя на судъ сочленовъ свои стихотворенія и прозаическіе опыты. Въ первый же годъ своего членства онъ былъ на шести собраніяхъ и представилъ: «Отрывокъ изъ комедіи «Стихокраповъ» [5]), читанный

---

1) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта (род. 1800 ум. 1865).

2) Стихи его, между прочимъ, помѣщались въ *Благонамѣренномъ*; онъ такъ же, какъ и Великопольскій, былъ членомъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

3) Сообщено мнѣ изъ архива общества Ив. Андр. Кубасовымъ.

4) Напечатана въ *Благонамѣренномъ* 1819 г., ч. VI, № 10, стр. 213—214.

5) Эта комедія была имъ написана гораздо раньше. Вотъ что писалъ Иванъ Ермолаевичъ къ редактору какого-то журнала въ Москвѣ, уже въ октябрѣ 1817 г.: «М. Г.! Читая Державина или Дмитріева, кто не позавидуетъ ихъ генію, кто не пожелаетъ быть на ихъ мѣстѣ и наслаждаться ихъ славою? Но, къ несчастію, судьба слишкомъ дорожитъ такими дарами, а тѣ, которые хотятъ насильно ихъ у нея похитить и приступомъ взобраться на Парнассъ, —

19-го сентября; стихотвореніе «Сила воображенія»[1]); далѣе—«Счастливая минута» (читаны 25-го сентября), «Рѣшительная минута (послѣ небольшого проигрыша)»[2]), «Въ альбомъ А. Ф. Ш.» (акростихъ)[3]), «Ода къ безбожнику во время сильной грозы»[4]) и «Внезапная перемѣна»[5]). Въ 1820 году, на торжественномъ собраніи Общества 15-го іюля, одинъ изъ членовъ его — В. М. Княжевичъ — прочелъ стихотвореніе Ивана Ермолаевича — «Срубленная роща (подражаніе Мильвуа)»[6]), а самъ авторъ въ одномъ изъ засѣданій представилъ написанную имъ въ прозѣ «Мадагаскарскую повѣсть» — «Король Заунно», которую онъ напечаталъ въ журналѣ *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* за 1820 годъ (ч. XI, № 8, стр. 178—189), а затѣмъ,

---

Оступаются и внизъ летятъ
Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
Но съ ушами (ахъ!) ослиными!

Я также былъ восхищенъ при чтеніи сихъ безсмертныхъ твореній и также воспламенился желаніемъ писать, если не надѣясь сравниться съ сими великими поэтами, то, по крайней мѣрѣ, ревнуя чести подражать имъ. Итакъ, свободное время, остающееся мнѣ отъ занятій военной службы, посвятилъ я на служеніе Музамъ. Не знаю, пріятны-ли имъ мои жертвы, но молю ихъ подать мнѣ руку, — если не для того, чтобы взвести выше на священную гору, то хотя поддержать и не дать упасть съ перваго шага, который я осмѣлился сдѣлать.

Между прочими сочиненіями началъ я комедію «Стихокраповъ», написалъ первое явленіе и, по нѣкоторымъ причинамъ, раздумалъ продолжать. Многіе изъ моихъ пріятелей, которымъ этотъ отрывокъ понравился, совѣтовали мнѣ его напечатать. Я сперва отговаривался, но, наконецъ согласился. Чортъ дернулъ — такъ и быть!

Общее уваженіе, которое имѣютъ къ издаваемому Вами журналу, возродило во мнѣ желаніе помѣстить въ немъ и мой отрывокъ. Смѣю надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ этой чести.

Признаюсь, я не безъ страха пускаюсь въ первый разъ на поприще литературы: мнѣ кажется, что звѣровидная критика уже точитъ лезвее косы своей, готовясь погубить несчастное дитя моего воображенія при самомъ появленіи его на свѣтъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.».

Письмо это, должно быть, осталось не отправленнымъ, а отрывокъ изъ «Стихокрапова» былъ помѣщенъ въ 1819 г. въ № 19 *Благонамѣреннаго* (стр. 16—20).

1) *Благонамѣренный* 1819 г., ч. VIII, № 20, стр. 65—67.

2) Тамъ же, 1820 г., ч. XI, № 16, стр. 261—263.

3) Тамъ же, 1819 г., ч. VIII, № 22, стр. 209.

4) Тамъ же, 1820 г., ч. XI, № 14, стр. 107—108.

5) Тамъ же, ч. XI, № 15, стр. 188. Кромѣ того, въ томъ же журналѣ за 1819 г. были напечатаны еще слѣдующія произведенія Великопольскаго: «Восторгъ» (ч. VI, № 10, стр. 213—214) и «Аполлонъ на чердакѣ поэта» — подражаніе баснѣ Измайлова «Стихотворецъ и чортъ» (ч. VIII, № 22, стр. 205—206).

6) Напечатано тамъ же, 1820 г., ч. XI, № 14, стр. 111—113.

въ 1823 г. переложивъ въ стихи, двѣ послѣднія пѣсни ея помѣстилъ въ *Благонамѣренномъ* 1824 г. (ч. XXVI, № 11).

Слѣдующіе годы, какъ мы увидимъ ниже, Великопольскій проводилъ уже не въ Петербургѣ, но, не смотря на это, онъ продолжалъ присылать въ Общество плоды своей музы[1]), которая навѣщала его очень часто.

Почти одновременно со вступленіемъ въ общество Измайлова, Иванъ Ермолаевичъ былъ также принятъ въ члены-сотрудники Вольнаго Общества любителей россійской словесности (23-го августа 1818 г.)[2]); но здѣсь его участіе выразилось лишь въ томъ, что онъ напечаталъ въ органѣ Общества — *Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія* повѣсть «Король Заунно», да маленькую, въ четыре строки, эпиграмму:

«Клитандръ! Я слышалъ, ты намѣренъ
Писать комедію на смѣхъ твоимъ врагамъ:
Смѣяться станутъ, — будь увѣренъ,
Да не заплачь ты самъ![3])

Чтобы покончить съ обзоромъ литературной дѣятельности Великопольскаго за этотъ періодъ времени, слѣдуетъ только сказать, что произведенія его печатались, главнымъ образомъ, въ томъ же *Благонамѣренномъ*, который, какъ извѣстно, съ охотой помѣщалъ на своихъ страницахъ стихотворенія начинающихъ авторовъ, а особенно тѣхъ, которые состояли членами Общества, во главѣ коего стоялъ издатель этого журнала Измайловъ[4]). Кромѣ того, въ *Сынѣ Отечества* 1820 г. (ч. 61,

---

1) Такъ, онъ представилъ въ 1821 г. стихотворенія (см. ниже, примѣчаніе 4): «Прогулка» (писано въ лагерѣ), «Къ печальной красавицѣ», «Философія счастливаго», «Надпись къ портрету Кутузова», «Эпиграмма», «Къ Н. Н. Анненкову при подареніи ему книги для вписыванія его сочиненій», «Посланіе» и «Элегическая пѣснь». Въ 1822 г. онъ представилъ стихотворенія: «Чувства при видѣ Бородинскаго поля» (читано 12-го января; напечатано въ *Благонамѣренномъ* въ 1822 г., ч. XVII, № 3, стр. 119—122, въ «Собраніи новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 г.» (С.-Пб. 1824 г., ч. I, стр. 271—273) и въ *Славянинѣ* 1827 г., ч. I, стр. 52—54), «Тоска въ разлукѣ», и «Непонятная грусть»; въ 1824 г. былъ представленъ 1-й актъ изъ переведенной имъ трагедіи Вольтера «Заира».

2) *Соревнователь* 1823 г., ч. 24, № 12, стр. 315.

3) *Соревнователь* 1820 г., ч. XI, № 8, стр. 213.

4) Въ *Благонамѣренномъ* напечатаны слѣдующія произведенія Великопольскаго, кромѣ названныхъ уже выше: въ 1820 г.: «Романсы» (ч. IX, № 1, стр. 44—46); «Роза»

№ 19, стр. 316—320) было напечатано «Письмо» Великопольскаго къ издателю, заключающее въ себѣ описаніе торжественныхъ проводовъ, устроенныхъ 22-го апрѣля 1820 г. офицерами л.-гв. Семеновскаго полка своему полковому командиру генералъ-адъютанту Я. А. Потемкину, пользовавшемуся особенною любовью своихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ, по случаю ухода его изъ полка; здѣсь же приведены были и стихи, сочиненные на этотъ случай однимъ изъ офицеровъ полка и пѣтые во время прощальнаго обѣда, а также «Пѣсня», сочиненная товарищемъ Великопольскаго — Н. Н. Анненковымъ для солдатскаго хора. Самъ Иванъ Ермолаевичъ также написалъ по этому случаю элегію «Воины, разлучившіеся съ вождемъ», которая была напечатана въ *Благонамѣренномъ* 1820 г. (ч. X, № 8, стр. 189—191).

1820-й годъ имѣлъ особенное значеніе въ жизни Великопольскаго и навсегда остался для него памятнымъ: въ этомъ году блестящій гвардеецъ попалъ въ глухую провинцію и, вслѣдствіе несчастнаго проигрыша, сильно разстроилъ свое состояніе.

Отправившись въ трехъ-мѣсячный отпускъ въ концѣ 1819 г.[1]), онъ въ Москвѣ пустился въ крупную игру и, сдѣлавъ большой долгъ своему счастливому партнеру[2]), явился къ матери въ Казань. Надежда Сергѣевна Моисеева съ большою строгостью отнеслась къ этому извѣстію, привезенному сыномъ, и наотрѣзъ отказалась уплатить его долгъ; а Иванъ Ермолаевичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и пытаясь отыграться, проигрывалъ все больше и больше.

(ч. XI, № 15, стр. 192) и «Федулова находка» (тамъ же, стр. 196—197); въ 1821 г.: «Надпись къ портрету Кутузова» (ч. XIII, № 3, стр. 143), «Н. Н. А(нненкову) при подареніи ему книги для вписыванія его сочиненій» (тамъ же, стр. 146), «Къ А.....ву (при полученіи повелѣнія о походѣ во время безпокойствъ въ Италіи)» (тамъ же, № 4), «Философія счастливаго» (тамъ же, № 5, стр. 270—271), «Прогулка; писано въ лагерѣ 1820 г.» (тамъ же, № 6, стр. 310—312) и «Къ печальной красавицѣ» (ч. XVI, №№ 19 и 20, стр. 11—12); въ 1822 г.: «Тоска въ разлукѣ» (ч. XVIII, стр. 513—514); «Непонятная грусть» (тамъ же, стр. 514—515); «Къ вѣроломной Темирѣ» (ч. XVII, № 8, стр. 325—326), «Тріолетъ (въ альбомъ Е. А. Т....вой)» (тамъ же, № 9); «Въ альбомъ П. Н. А.» (тамъ же, № 9) и «Мальчишка и оселъ», басня (тамъ же, № 10, стр. 397—398). Наконецъ, въ 1825 г. — «Лошадь съ возомъ», сказка (ч. XXIX, № 2).

1) Съ 9-го февраля этого года онъ имѣлъ уже чинъ подпоручика (Формулярный списокъ за 1826 г. въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба).

2) По сообщенію Н. И. Чаплиной, это былъ его товарищъ по Семеновскому полку Ив. Степан. Зворыкинъ, выигравшій у Ивана Ермолаевича 30000 рублей.

Къ этому несчастію вскорѣ присоединилось и другое: въ октябрѣ 1820 г. весь Семеновскій полкъ, какъ извѣстно, взбунтовался противъ своего жестокаго командира полковника Шварца, отличавшагося безчеловѣчнымъ обхожденіемъ съ солдатами. И хотя Иванъ Ермолаевичъ (какъ сообщаетъ Н. И. Чаплина) былъ въ это время въ отпуску, однако и онъ раздѣлилъ участь остальныхъ своихъ товарищей, которые, при раскассировкѣ Семеновскаго полка, были разосланы, безъ права отставокъ и отпусковъ, по разнымъ армейскимъ полкамъ, квартировавшимъ по провинціальнымъ городкамъ и мѣстечкамъ: высочайшимъ приказомъ отъ 2-го ноября 1820 г. онъ былъ переведенъ въ Пѣхотный фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго (Псковскій) полкъ, однако, съ повышеніемъ въ чинъ штабсъ-капитана, но уже 12-го января 1821 г., вѣроятно еще не явившись къ мѣсту новаго своего служенія, перевелся въ Староингерманландскій пѣхотный полкъ, стоявшій во Псковѣ и его окрестностяхъ. По счастью, здѣсь онъ встрѣтился со своимъ сослуживцемъ по Семеновскому полку и пріятелемъ Иваномъ Андреевичемъ Михайловымъ[1]), съ которымъ съ этого времени и дѣлилъ всѣ свои невзгоды.

Вспоминая, 10 лѣтъ спустя, объ этой грустной эпохѣ своей жизни, вотъ что, между прочимъ, писалъ въ откровенную минуту Иванъ Ермолаевичъ къ своей старой знакомой — Аннѣ Михайловнѣ Еремѣевой[2]), которая въ это время играла роль его свахи: ...«Жизнь моя представляетъ много колебаній; но, каковъ-бы ни былъ пловецъ, онъ долженъ, наконецъ, бросить якорь, или онъ — сумасшедшій! Кто не безумствовалъ, но кто же и не переставалъ безумствовать? Впрочемъ, въ моей жизни нѣтъ чернаго пятна, нѣтъ поступковъ безнравственности, а были только порывы необдуманной молодости: таковъ былъ московскій мой проигрышъ въ 1820 году, который все отравилъ! Несчаст-

---

1) Воспоминанія Н. И. Чаплиной. Ср. П. П. Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, т. I, С.-Пб. 1883 г., стр. 52 приложенія: онъ изъ подпоручиковъ Семеновскаго полка также былъ переведенъ въ 1820 году штабсъ-капитаномъ въ Староингерманландскій полкъ.

2) Письмо изъ Петербурга отъ 1-го октября 1831 г. Анна Михайловна Еремѣева (р. 28-го января 1795 г., † 18-го марта 1865 г.), дочь Мих. Ант. Прокоповича-Антонскаго, была замужемъ за гвардіи поручикомъ Львомъ Ивановичемъ Еремѣевымъ († 1853 г.); ея братъ, Дмитрій Михайловичъ Прокоповичъ-Антонскій († 1870 г.), впослѣдствіи д. т. с., былъ также въ дружескихъ отношеніяхъ съ И. Е. Великопольскимъ.

ный переворотъ съ Семеновскимъ полкомъ лишилъ меня возможности заниматься имѣніемъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ! Вотъ что сдѣлалъ мой долгъ. Вы знаете, что я никогда не былъ игрокомъ, но былъ заведенъ людьми черными; мнѣ было двадцать лѣтъ — вотъ мое оправданіе».

Итакъ, Иванъ Ермолаевичъ попалъ въ глухую провинцію. Полкъ его былъ въ постоянномъ движеніи: онъ стоялъ то во Псковѣ, то въ Великихъ Лукахъ, то по разнымъ деревнямъ губерніи, какъ то̀ можно видѣть изъ помѣтокъ подъ стихотвореніями нашего автора, для котораго литературныя занятія теперь являлись чуть ли не единственнымъ якоремъ спасенія среди окружавшей его сѣрой кочевой жизни армейскаго офицера; недавній долгъ также, вѣроятно, напоминалъ о себѣ... Прибавимъ къ этому, что «полковое начальство его не жаловало»[1]), да и новые товарищи также относились не совсѣмъ дружелюбно къ бывшему гвардейцу, который сразу и по чину, и по должности (онъ былъ ротнымъ командиромъ) сталъ выше многихъ старыхъ полковыхъ служакъ.

Намъ ничего неизвѣстно о знакомствахъ, пріобрѣтенныхъ Иваномъ Ермолаевичемъ въ новомъ мѣстѣ своего пребыванія, которое, къ тому-же, какъ мы сказали, часто мѣнялось. По словамъ Н. И. Чаплиной, во Псковѣ отцу ея, вмѣстѣ съ товарищемъ его И. А. Михайловымъ, «единственной отрадой служило семейство Бибиковыхъ[2]): тамъ было три дочери, взрослыя дѣвицы; и отецъ мой, и Михайловъ были въ этомъ домѣ завсегдатаями» и ухаживали за барышнями; слѣды

1) Воспоминанія Н. И. Чаплиной.

2) Это было семейство ст. сов. Михаила Ивановича Бибикова († въ февралѣ 1827 г.), бывшаго съ 1800 по 1812 г. Псковскимъ вице-губернаторомъ; въ 1812 г., по именному указу Александра I онъ былъ освобожденъ отъ слѣдствія (подъ коимъ находился долгое время) во вниманіе къ заслугамъ зятя его А. С. Фигнера и съ тѣхъ поръ жилъ то во Псковѣ, то въ одномъ изъ своихъ имѣній, которыя у него были въ Псковскомъ, Холмскомъ и Опочецкомъ уѣздахъ Псковской губерніи (въ послѣднемъ уѣздѣ ему принадлежали: село Клишковичи и дер. Бараново и Шитиково). Семья его состояла изъ жены — Маргариты Ивановны, рожд. Назимовой и дочерей: Софьи Михайловны (род. 17-го апрѣля 1795 г., ум. 27-го августа 1864 г.), вышедшей впослѣдствіи за полк. Джонсона; Елизаветы Михайловны, умершей въ дѣвичествѣ и Настасьи Михайловны, бывшей впослѣдствіи за Григоріемъ Васильевичемъ Томилинымъ. Старшая дочь Михаила Ивановича — Ольга Михайловна (ум. въ С.-Пб. 15-го февраля 1858 г.) также жила съ родителями, потерявъ въ 1813 г. своего мужа, извѣстнаго партизана А. С. Фигнера.

дружескихъ отношеній Ивана Ермолаевича къ Настасьѣ и Софьѣ Михайловнамъ Бибиковымъ сохранились въ тетрадяхъ его стихотвореній. Читатель найдетъ ихъ ниже.

Литературная дѣятельность Ивана Ермолаевича, какъ мы уже сказали, шла не только не ослабѣвая, но, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ, развивалась все болѣе и болѣе и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи: по его словамъ (въ посланіи къ А. П. Великопольской, 1826 г.) онъ

...часто весь службы
Досугъ посвящалъ
Богинямъ Парнасса...

Онъ не переставалъ посылать плоды своей музы въ редакцію *Благонамѣреннаго*, на страницахъ коего они и появлялись въ 1821—1825 гг.[1]), по прекращеніи же его въ 1826 г., стихотворенія Великопольскаго помѣщались въ альманахахъ: *Сѣверные Цвѣты* на 1826 и на 1827 гг.[2]) и въ *Календарѣ Музъ* на 1827 г.[3]).

Я позволю себѣ привести, какъ образчикъ, нѣсколько большею частью неизданныхъ произведеній музы нашего писателя, изъ которыхъ выяснится какъ настроеніе Ивана Ермолаевича во время жизни въ провинціи, такъ равно получится возможность каждому судить о качествахъ его стихотвореній. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ[4]).

I.

Курная изба

(во время зимней военной стоянки).

Одинъ, въ умѣ съ тяжелой думой,
Въ душѣ съ обманутой мечтой,
Во мракѣ темноты угрюмой

---

1) См. выше.

2) «Къ подаренному локону» (*Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 116—117) и «Воспоминаніе» (Изъ Ламартина) — въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1827 г., стр. 307—309.

3) «Нерида». Элегія (изъ сочиненій Мильвуа), стр. 74—78.

4) Пользуемся рукописнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ «Мои новыя стихотворенія», изъ коихъ сохранились тетради съ 1 по 16; въ нихъ вошли стихотворенія съ 1821 до 1829 г. включительно.

Избы холодной и курной,
Безъ наслажденій, безъ надежды
Къ премѣнѣ будущаго дня, —
Сижу, задумчиво склоня
Къ землѣ поникнувшія вѣжды.
Ничто не борется съ тоской,
Ничто душѣ не улыбнется,
Лишь птица, снѣгъ бразда крыломъ,
Порою вскрикнетъ подъ окномъ;
Лишь искра свѣтлая сорвется
Со дровъ, трещащихъ надъ огнемъ,
И въ дымномъ облакѣ провьется
Подъ закоптѣлымъ потолкомъ.
Не скрипнетъ дверь, впуская друга;
Не улыбнется мнѣ подруга,
Сквозь мракъ подкравшися тайкомъ...
Отрада сердцу измѣнила,
Какъ будто смерть своимъ жезломъ
Въ могилу все преобразила...
Сижу съ стѣсненною душой
И, молча, вслушиваюсь въ бой
Часовъ, лежащихъ предо мной,
И на глазахъ моихъ блистаетъ
Невольно рядъ тяжелыхъ слезъ...
Какую мысль въ умѣ рождаетъ
Цѣпь эта звуковъ, сихъ колесъ
Однообразное движенье?
Напрасно слухъ спѣшитъ имъ въ слѣдъ!
Нѣтъ настоящаго мгновенья:
Едва ударитъ, — и ужъ нѣтъ,
И новый звукъ, и снова стихнетъ,
И вслѣдъ другой уже идетъ.
И жизнь не такъ-же-ли? Вдругъ вспыхнетъ
И чрезъ мгновеніе замретъ!
Къ чему-жъ безумное стремленье
За всей толпой мірскихъ суетъ?

Всегда благое Провидѣнье
Насъ къ благу создало на свѣтъ
И цѣль одна въ немъ — наслажденье!
Мы умираемъ каждый часъ,
Минута каждая для насъ
Есть къ гробу тихое сближенье...
Чего-же медлить? Часъ пробьетъ, —
Никто былого не вернетъ!
Спѣшите-жъ склонностей любимыхъ
Желаньямъ чистымъ угодить
И дни младые угостить
Какъ ужъ гостей невозвратимыхъ!
Но я?.. Злой рокъ уже сгубилъ
Мою развѣнчанную младость
И жизни вѣтреную радость
Слезой тяжелой заточилъ!
Въ печали сердца, безъ привѣта,
Младые дни разсорены!
Еще не зрѣвъ моей весны,
Ужъ я стою въ срединѣ лѣта!
Не дремлетъ время, мигъ летитъ,
За часомъ часъ во слѣдъ спѣшитъ
И годъ за годомъ такъ промчится. —
Былое въ память возвратится,
Но наслажденье не придетъ!
Съ лѣтами тихо отпадетъ
За листомъ листъ отъ жизни цвѣта, —
И я угасну безъ разсвѣта!

1-го марта 1824 г.
Дер. Сидорово, близъ Пскова [1]).

---

1) Напечатано въ сборникѣ произведеній Великопольскаго: «Раскрытый портфель» (С.-Пб. 1859, стр. 221—223).

II.

Посланіе Вольтера къ Бернарду.

Въ честь Музамъ и Эроту
Вольтеру велѣно Бернарда извѣстить,
Что, юнымъ граціямъ въ угоду,
Науку милую любить
Искусство правиться ждетъ ужинать въ субботу.

Псковъ, 25-го марта 1824 г.

III.

Въ альбомъ Наст. Мих. Бибиковой.

Я не пророкъ, не чародѣй:
Волхвовъ не вѣдая ученья,
Я не могу судьбы людей
Читать въ безмолвіи путей
Свѣтилъ полунощныхъ теченья.
Но я Васъ знаю — я поэтъ:
Чего-же больше? Вдохновенный,
Моей души пролью я свѣтъ
Во мракъ судьбины отдаленной.
Завѣса тайны, прочь съ очей!
Но что я вижу? Средь лучей,
Цвѣтами радуги блестящихъ,
Средь юныхъ геніевъ, парящихъ
Въ кипящихъ свѣтомъ облакахъ,
Я слышу жалобы, вздыханья,
Я вижу томныя страданья,
Съ слезой тяжелой на очахъ,
И мрачной скорби покрывало
На ихъ накинуто главы.
Кто-жъ всѣхъ несчастій сихъ начало?
Хотите-ль знать? — То сами Вы.
Вы ужаснулись? Но судите,
Отъ Васъ сокрыть могу-ли зло?
Предъ Вами зеркало: взгляните, —

И то-же скажетъ Вамъ стекло.
Съ такою милой красотою,
Съ такой прелестною душою
Нельзя не быть виною бѣдъ:
Такъ боги міръ установили,
Такъ терніемъ они покрыли
Веселія земного слѣдъ.
Но успокойтесь! Безъ сомнѣнья
Не вѣчно будетъ время слезъ:
Къ Вамъ геній спустится съ небесъ, —
И улыбнется утѣшенье,
И счастье въ радостныхъ лучахъ
Опять появится въ очахъ,
Освобожденное отъ плѣна.
Кто-жъ вѣстникъ счастія сего?
Вглядитесь пристально въ него, —
И Вы узнаете Гимена.

Псковъ, 6-го апрѣля 1824 г.

Другой сестрѣ, Софьѣ Михайловнѣ Бибиковой Иванъ Ермолаевичъ написалъ 8-го апрѣля 1824 г., во Псковѣ, слѣдующее не лишенное остроумія четверостишіе:

IV.

Въ Альбомъ.

Пусть скептики добра, въ бреду своемъ рѣчистомъ,
Любовь къ изящному софизмомъ назовутъ
И мракъ души своей на свѣтъ природы льютъ:
Я знаю Софію — и буду вѣкъ софистомъ!

V.

Отрывокъ изъ письма къ Ив. Ив. Пущину.

Давно невѣрная забыла
Гвардейца милаго любовь!
Волнуясь новой страстью, кровь
Мечты дней прежнихъ измѣнила...

Средь молчаливыхъ спальни стѣнъ,
Рукой супруга торопливой,
Уже совлекъ съ нея Гименъ
Покровъ невинности стыдливой.
Она краснѣетъ и молчитъ,
Но блѣдность розъ и томны очи, —
Все тихо взору говоритъ
О наслажденьѣ тайномъ ночи.

. . . . . .

Но ты-ль, въ столицѣ красоты,
Припомнишь прежнія забавы?
Оставя поле суеты,
Трудясь для блага и для славы,
Быть можетъ съ важностью судьи,
Наперсникъ, жрецъ и другъ Ѳемиды [1]),
Давно ты вымолвилъ «прости»
Любимцу рѣзвому Киприды?
Или, отбросивши усы,
Но такъ-же пламенный душою,
Ведешь волшебные часы,
Но ужъ съ волшебницей другою,
И въ нѣжной радости сердецъ
Вамъ настоящее лишь мило, —
А я твержу тутъ, какъ глупецъ,
О томъ, что годъ назадъ ужъ было!

Динабургъ, 28-го іюля 1824 г.

VI.

Романсъ.

Пѣвецъ любви! Крѣпясь отъ слёзъ,
Ты-ль молишь дружбы состраданья!
Кто мракъ и скорбь къ тебѣ занесъ,

1) Какъ разъ въ это время И. И. Пущинъ, по собственнымъ словамъ, «сбросилъ конно-артиллерійскій мундиръ и преобразился въ судьи Уголовнаго Департамента Московскаго Надворнаго Суда» (*Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 76).

Кто сердца обманулъ желанья?
Давно-ль еще въ кругу друзей
Ты беззаботную пѣлъ радость?
Кто потушилъ огонь очей
И жизни пламенную младость?
Несчастный другъ! Въ борьбѣ души
Я тайнѣ внялъ сердечной боли;
Ты пѣлъ любовь, не знавъ любви,
Въ свободѣ чувствъ искалъ неволи.
Поклонникъ музъ и красоты,
Безпечно радости ты вѣрилъ,
Но опытъ снялъ покровъ мечты
И сердце въ счастьѣ разувѣрилъ.
Узнавъ любовь, позналъ ты въ ней
Одинъ обманъ очарованій,
Ничтожность клятвъ и ложь очей
И ядъ плѣнительныхъ лобзаній.
И дружбою-ль минувшихъ дней
Ты возвратишь часы крылаты?
Увы, пѣвецъ! Сердца друзей
Не замѣнятъ любви утраты!

16-го сентября 1824 года,
дорогою изъ Динабурга въ Великіе Луки.

VII.

Къ друзьямъ [1]).

Мои друзья! Я вамъ наскучилъ
Моимъ нахмуреннымъ челомъ!
Всегда въ враждѣ съ моимъ умомъ,
Невольно васъ я всѣхъ измучилъ
Меня измучившей тоской.
Какъ пѣшки, слабыя собой,
Въ боренье шахматномъ забыты
Небрежной игрока рукой

1) По Семеновскому полку. Б. М.

Стоятъ безъ пользы и защиты, —
Такъ я забытъ моей судьбой,
Вашъ собесѣдникъ неучтивый,
Сижу угрюмый, молчаливый,
Между друзьями, какъ одинъ.
Напрасно, слабый властелинъ
Души въ болѣзни прихотливой,
Я понуждаю умъ лѣнивой
Къ игрѣ затѣйливыхъ бесѣдъ:
Какъ своенравный домосѣдъ,
Въ страданьѣ сердца неумѣстномъ
Онъ заключенъ въ предѣлѣ тѣсномъ
Моей склоненной головы.
Мнѣ такъ-же все любезны вы,
Но ваши шумъ и разговоры
Моей души не веселятъ:
Съ печалью думы, какъ дозоры,
Повсюду мысль мою слѣдятъ
И отравляютъ жизнь младую.
Но я-ль одинъ, друзья, тоскую?
Постигнулъ равный жребій насъ:
Всегда внимательный, — и васъ,
Товарищей изгнанья милыхъ,
Не часто-ль вижу я унылыхъ?
И вы, друзья мои, порой
Съ враждебной ссоритесь судьбой!
Не укротимъ душевный ропотъ,
Не заглушимъ сердечный стонъ:
Какъ утромъ яснымъ листьевъ шопотъ
Въ васъ и въ весельѣ слышенъ онъ.
Но, больше разуму послушны,
Вы больше можете, чѣмъ я,
Къ бѣдѣ казаться равнодушны.
О, не чуждайтесь же меня!
Младенецъ въ скорби малодушный, —
Тернѣнья нити не нашелъ

Въ Дедалѣ темномъ я страданья,
Но тѣмъ не больше-ль пріобрѣлъ
Я правъ на дружества вниманье?

* * *

Не все мы въ горѣ станемъ жить,
Промчится время, можетъ быть,
Туманны тучи разойдутся,
Въ душахъ угаснувшихъ проснутся
Опять бывалыя мечты;
Въ шумящемъ вихрѣ наслажденій, —
Какъ сердцу страшныя черты
Сна безпокойнаго видѣній, —
Для насъ прошедшее мелькнетъ;
Тогда и другъ вашъ отдохнетъ,
Тогда, весельемъ вдохновенный,
Въ бесѣдѣ музъ уединенной
И онъ о счастьѣ запоетъ!

12-го октября 1824 г.
Деревня Подберезье подъ Псковомъ.

VIII.

Князю Ѳед. Ив. Циціанову[1]).

(Подписано подъ стихами, имъ начатыми въ честь Элизы).

Ага! и князь съ обновой!
И въ княжескую кровь
Элизы взоръ суровой
Вдохнулъ измѣнницу-любовь,
И очарованная сила

1) Кн. Циціановъ, сослуживецъ Великопольскаго по полку, былъ знакомъ съ Пушкинымъ, который подарилъ ему свой портретъ. (Соч. Пушкина, изд. Литературн. Фонда, т. VII, стр. 178; см. ниже). Кн. Циціановъ въ 1820 г. былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики л.-гв. Семеновскаго полка, но въ томъ же году, вмѣстѣ съ Иваномъ Ермолаевичемъ, былъ переведенъ въ Псковскій пѣхотный полкъ поручикомъ (*П. П. Дирин*ъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, т. I. С.-Пб. 1883, приложеніе, стр. 177).

Очей плѣнительныхъ и словъ
И князя нашего вмѣстила
Въ число вздыхателей-пѣвцовъ!
Такъ при стихій волненьѣ бурномъ
Возставшій свѣта великанъ,
На сводѣ вспыхнувши лазурномъ,
Съ земли лучемъ своимъ пурпурнымъ
Сгоняетъ ссѣвшійся туманъ.

12-го января 1825 г. Псковъ.

IX.

Музы [1]).

Соскучивъ шумомъ суеты,
Въ мои часы уединенья
Зову обманъ я вдохновенья
И заблужденіе мечты.
Не знаю, любятъ-ли Камены
Цѣвницу тихую мою,
Но я — ихъ искренно люблю
И часто, думой увлеченный,
Миролюбивый домосѣдъ,
Мой призывая добрый Геній
На пиръ отрадныхъ пѣснопѣній,
Живую радость ихъ бесѣдъ
Я чту всѣхъ выше наслажденій!
И какъ могу ихъ не любить?
То было время — я не вѣрилъ
Ихъ божеству, и, можетъ быть,
Никто-бъ души не разувѣрилъ
И не возжегъ бы въ ней огня.
Но, ахъ, забыть могу-ли я
Тѣ годы, тяжкіе гоненьемъ?
Онѣ, единыя онѣ

1) Въ «Раскрытомъ портфелѣ» (стр. 224—225) названа «Обманъ уединенія».

Тогда, съ ихъ тайнымъ утѣшеньемъ,
Сходили добрыя ко мнѣ;
Толпою легкою летали,
Меня манили и плѣняли
И по мелькающимъ цвѣтамъ
И мысль, и сердце увлекали
Къ недоступимымъ небесамъ!
Тогда каратель Прометея
И неподвижный, и живой,
Съ крыломъ опущеннымъ, съ главой
Полуподъятою, не смѣя
Нарушить Тартара покой,
При звукахъ сладостныхъ Орфея,
При взорѣ ихъ, свирѣпый вранъ
Моихъ не рвалъ живучихъ ранъ.
Съ тѣхъ самыхъ поръ, благоговѣя,
Усерднымъ сталъ я ихъ жрецомъ.—
Такъ на святой помостъ чертога,
Увидѣвъ чудо, въ прахъ лицомъ
Язычникъ палъ предъ олтаремъ
Имъ вдругъ увѣданнаго Бога!

18-го февраля 1826 г. Псковъ.

X.

Къ грусти (или „Мой демонъ").

(Подражаніе «Демону» Пушкина)[1]).

Зачѣмъ ты, грусть, въ меня впилась
И, съ непонятною мнѣ цѣлью,
Вкругъ сердца, жаднаго къ веселью,
Змѣей грызущей обвилась?
Въ какой ты алчущей утробѣ
Свой ядъ мучительный впила?
Какая Фурія, во злобѣ,

1) Напечатано въ «Раскрытомъ портфелѣ», стр. 226—227.

Тебя съ главы своей сняла
И въ міръ закинула несчастный
Изъ нѣдръ пылающихъ огня?
Кто указалъ тебѣ меня?
Преодолѣть тебя не властный,
Вотще отрады я ищу!
Я впечатлителенъ и молодъ, —
Но въ сердце бьетъ твой тяжкій молотъ —
И я тоскую и грущу!
Твоя рука отяготѣла
Надъ грудью пламенной моей...
И все ты, злобная, одѣла
Завѣсой мрачною твоей!

Рига, 23-го мая 1826 г.

XI.

* * *

Булгаринъ въ зависти пустой
И по внушенію клевретовъ,
Хотѣвъ содѣлаться грозой
И прозаистовъ, и поэтовъ,
На поле критики вступилъ, —
Но сталъ межъ критиковъ уродомъ;
Увидѣлъ то, — и съ новымъ годомъ
Свою методу измѣнилъ:
Сначала сѣверный зоилъ,
Безъ жара къ Фебову потомству,
Онъ по разсчету всѣхъ бранилъ, —
Теперь всѣхъ хвалитъ по знакомству.
И что-жъ? Прекрасно разсчиталъ,
Въ потьмахъ набрелъ на путь успѣха:
Его намъ брань была для смѣха,
Но Богъ избави отъ похвалъ!

1826 г. Псковъ.

XII.

Барону Ант. Ант. Дельвигу,

при полученіи отъ него «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» съ надписью «милому поэту».

Поэтъ-лѣнивецъ и дѣлецъ!
О мнѣ ты вспомнилъ, наконецъ,
Въ моемъ изгнаніи печальномъ:
Я получилъ твои «Цвѣты»
И на листочкѣ ихъ начальномъ
Прочелъ руки твоей черты.
Ты далъ названье мнѣ поэта,
Но дружбѣ вѣрить-ли твоей?
Увы! Поэтъ въ устахъ друзей —
Еще поэтъ-ли я — для свѣта?
Отецъ безмѣдныя «Пчелы»[1])
Мнѣ своего не далъ привѣта
Въ страницахъ длинной похвалы.
Богъ съ нимъ, съ судомъ его ничтожнымъ!
Сначала, сѣверный зоилъ,
Кривымъ путемъ идя къ потомству,
Онъ по разсчету всѣхъ бранилъ,
Теперь — всѣхъ хвалитъ по знакомству!
Его суда я не боюсь:
Еще не вышелъ я на сцену;
Пора придетъ, — я появлюсь,
Одеждой праздничной одѣну
Мою ревнивую Камену —
Тогда ни Сомовъ[2]), ни Ѳаддей
О мнѣ въ умахъ уставятъ мнѣнье,
Но я подслушаю сужденье
Такихъ, какъ ты, мой другъ, людей:
Отъ нихъ я жду себѣ награды,

---

1) Булгаринъ.
2) Орестъ Михайловичъ, критикъ, поэтъ, переводчикъ и журналистъ.

Я ихъ въ судьи мои беру,
Восторжествую, иль съ досады
Стихи и прозу издеру!

Псковъ, 26-го апрѣля 1826 г.

Кромѣ стихотвореній, Великопольскій въ 1824 г. написалъ двѣ комедіи въ стихахъ: въ 1 дѣйствіи подъ названіемъ «Хватъ невпопадъ, или недочесаная невѣста» и въ 2 дѣйствіяхъ — «Влюбленный», которыя, какъ видно изъ помѣтъ на имѣющихся у насъ рукописяхъ секретаря Цензурнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ В. И. Соца, 18-го декабря 1826 г. были дозволены къ представленію на театрѣ; но, насколько намъ извѣстно, играны онѣ не были. Въ 1825 г. Иванъ Ермолаевичъ написалъ еще «Нимфодору, простонародную русскую повѣсть въ стихахъ», напечатанную въ книгѣ «Раскрытый портфёль» (стр. 67 — 117), и др.

Мы привели выше стихотвореніе Великопольскаго «Къ грусти»,— весьма слабое подражаніе «Демону» Пушкина. Въ это время авторы обѣихъ піесъ были уже знакомы другъ съ другомъ. Пушкинъ попалъ въ Псковскую губернію въ сентябрѣ 1824 г., когда и Великопольскій былъ уже въ изгнаніи и поэтому вѣроятнѣе всего предположить, что знакомство ихъ состоялось именно во Псковѣ, какъ думаетъ и дочь Ивана Ермолаевича — Н. И. Чаплина[1]). Вполнѣ вѣроятно, что Великопольскій бывалъ и въ Михайловскомъ; у него самого было родовое имѣніе въ Великолуцкомъ уѣздѣ—с. Опимахово, находящееся отъ Михайловскаго на разстояніи около 150 верстъ[2]) и посѣщавшееся имъ во время службы въ Псковѣ. Какъ бы-то ни было, вотъ что писалъ Пушкинъ нашему поэту уже 10-го марта 1826 г.[3]), изъ с. Михайловскаго:

---

1) Впрочемъ, изъ того факта, что Великопольскій еще въ Петербургѣ былъ знакомъ съ Дельвигомъ и Пущинымъ, можно предположить, что они познакомились и раньше встрѣчи въ Псковѣ.

2) Въ 1830-хъ годахъ имѣніе это Иванъ Ермолаевичъ продалъ Ѳ. Тыртову, у наслѣдниковъ котораго оно состоитъ во владѣніи и понынѣ (Сообщилъ Н. И. Великопольскій изъ Великолуцкаго уѣзда).

3) Въ этотъ день Великопольскій какъ разъ былъ у себя въ с. Опимаховѣ и затѣмъ въ имѣніи своихъ родственниковъ, въ с. Ушицахъ. Февраль же 1826 г. онъ провелъ во Псковѣ.

Милостивый Государь Иванъ Ермолаевичъ!

Сердечно благодарю Васъ за письмо, пріятный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова къ Вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣстъ и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

Письмо это, какъ видитъ читатель, написано было послѣ посѣщенія Пушкинымъ Пскова, гдѣ онъ видѣлся съ Великопольскимъ. Послѣдній уже въ ранней молодости, наученный горькимъ опытомъ (разумѣемъ его московскій проигрышъ), былъ большимъ врагомъ карточной игры, которая неоднократно являлась темою его сатирическихъ стихотвореній. Вотъ какъ, напримѣръ, изображалъ онъ «Богиню игры» въ своемъ стихотвореніи «Живописцу», написанномъ еще въ 1823 г. въ Казани:

Станъ женщины, но смутный взоръ
И видъ уродливый и злобный,
Мегеры образу подобный,
Являетъ страсти въ ней позоръ.
Змѣя по груди изогбенна,
Скрижаль закона преломленна
И книгъ полураздранныхъ пукъ,
Въ знакъ ею попранныхъ наукъ,
У ногъ лежатъ, какъ соръ ненужный.
Изъ картъ корона надъ главой,
Но, въ знакъ невинности наружной,
Все платье блещетъ бѣлизной.
Одной рукою скиптръ желѣзный
Она подъемлетъ съ торжествомъ, —
Въ другой, съ наружностью любезной,

Съ вѣнчаннымъ розами челомъ,
Видна смѣющаяся маска;
Невинности притворной краска
Играетъ въ лиліяхъ ланитъ;
Богиня, будто бы случайно,
Впередъ подавъ ее, манитъ
Къ себѣ взоръ каждаго, но тайно
Кинжалъ въ рукѣ ея блеститъ
Съ концомъ, чернѣющимъ отъ яда...

Однако, нашъ сатирикъ часто и самъ забывалъ нарисованную имъ страшную картину и, усердно принося жертвы страшной богинѣ, часто испытывалъ на себѣ удары ея кинжала... Несчастливо для него было посѣщеніе Пскова и въ этотъ разъ: не удержавшись отъ соблазна, онъ сѣлъ играть въ штоссъ съ Пушкинымъ и... проигралъ ему 500 рублей. Уплатить эти деньги онъ сразу затруднился, а Пушкинъ, самъ проигравшійся и всегда нуждавшійся въ деньгахъ, настаивалъ на уплатѣ долга и потребовалъ у Великопольскаго свой выигрышъ слѣдующими стихами, написанными 3-го іюня 1826 г. изъ с. Преображенскаго:

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штоссъ:
500 рублей, проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою;
Сейчасъ, мой другъ, узнаешь, почему:

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову[1]), чѣмъ очень обяжете преданнаго Вамъ душевно

Александра Пушкина.

---

1) Въ сборникѣ Великопольскаго «Мои новыя стихотворенія» есть слѣдующій «Отрывокъ изъ письма къ Г. П. Назимову изъ Риги, 1826 г., мая 21-го»:

«Судьба, или, лучше сказать, трактирщикъ сдѣлали меня сосѣдомъ Шоберлехнера, ученика Гуммеля. На дняхъ онъ даетъ концертъ, въ коемъ жена его, урожден-

Великопольскій получилъ это письмо (должно быть переданное самимъ Назимовымъ) въ Юрбургѣ, куда онъ былъ командированъ для производства слѣдствія по контрабандѣ, и немедленно же написалъ не лишенное для насъ интереса «Посланіе къ А. С. Пушкину», помѣченное въ рукописи[1]) 12-мъ іюня 1826 г.:

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огнь души,
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши,
А за посланье — благодарствуй!

Не правъ-ли я, пріятель мой,
Не говорилъ-ли я заранѣ:
Не сдобровать тебѣ съ игрой,
И есть дыра въ твоемъ карманѣ!
Поэтъ! Ты честь родной странѣ,
Но, — смѣлый всадникъ на Пегасѣ, —
Ты такъ же пылокъ на сукнѣ,
Какъ ты заносчивъ на Парнасѣ!
Конечно (къ слову то нейдетъ),
Съ тобою тамъ никто не равенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ,
Передъ тобою все падетъ,

ная Даль-Окка (Dall'Occa) будетъ пѣть. Фортепіано стоитъ у самыхъ моихъ дверей; онъ и она поминутно приготовляются, а я,

Не шевелясь и не дыша,
Сижу, къ дверямъ припавши ухомъ,
И рвется къ нимъ моя душа,
Моимъ восторженная слухомъ.
Къ тому-же, помнится, была
Dall'Occa дѣвушкой мила,
А это, въ скобкахъ, не пустое!
Я не святой, я не потухъ,
И если радуется слухъ, —
Меня мечта волнуетъ вдвое...

1) «Мои новыя стихотворенія»; см. также сборникъ Великопольскаго «Раскрытый портфѣль» (С.-Пб. 1859), гдѣ стихотвореніе это названо просто «Посланіемъ въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ», безъ указанія на Пушкина.

Тебя привѣтствуетъ и нѣжитъ, —
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ разсчетъ:
Иной пяти не перечтетъ,
А вмигъ писателя подрѣжетъ...[1])
Въ стихахъ ты — только, что не святъ,
Но счастье — лживая монета,
И когти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ!
Надменно плавая по небу,
Во многомъ ты подобенъ Фебу,
Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
Ты не пошелъ его путемъ:
Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта,
И берегись, чтобъ и тебѣ,
Подобно горестной судьбѣ
Вождя блистательнаго свѣта,
(Слова не сбудутся, авось!)
Подъ-часъ сойти бы не пришлось
Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Послѣ этого эпизода, поэты наши больше не видались: ибо Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ вызванъ въ Москву съ фельдъегеремъ и покинулъ Михайловское 4-го сентября, а Великопольскій тогда былъ еще въ командировкѣ въ Юрбургѣ. Судьба столкнула ихъ еще разъ черезъ два года, когда въ положеніи обоихъ произошла рѣзкая перемѣна.

Во время своей командировки въ Юрбургъ по дѣлу о контрабандѣ Великопольскій 18-го іюня 1826 г. произведенъ былъ въ маіоры съ переводомъ снова въ Псковскій пѣхотный полкъ, въ которомъ онъ числился нѣкоторое время по исключеніи изъ Семеновскаго полка.

Здорово, братцы, дайте руки!
Насилу вырваться успѣлъ

---

1) Варіантъ вмѣсто зачеркнутаго:

А вмигъ и Пушкина подрѣжетъ.

Изъ лапъ жидовской этой скуки
И контрабандныхъ этихъ дѣлъ!
Насилу выбился въ маіоры!

писалъ онъ по полученіи извѣстія о своемъ производствѣ.

Однако, послѣ этого Иванъ Ермолаевичъ служилъ уже не долго: не будучи никогда фронтовикомъ, онъ уже давно задумалъ выйти въ отставку, о которой приходилось все больше и больше подумывать еще и потому, что денежныя дѣла его приходили все въ большій упадокъ. Мать его, завѣдывавшая всѣми имѣніями, уже умерла, а вотчимъ былъ старъ и давно звалъ пасынка пріѣхать и заняться имущественными дѣлами; долги давали себя знать, и поэтъ нашъ дошелъ уже до того, что долженъ былъ продать свое имѣніе въ Великолуцкомъ уѣздѣ—с. Опимахово; не имѣя денегъ, онъ долгъ свой Пушкину вынужденъ былъ уплатить «родительскими алмазами и 35-ю томами «Энциклопедіи»...[1]). Въ ноябрѣ 1826 г. Иванъ Ермолаевичъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ и отправился, какъ значится въ формулярномъ его спискѣ, «въ С.-Петербургскую, Тверскую, Новгородскую и Казанскую губерніи». Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ, должно быть, здѣсь уже окончательно рѣшилъ выйти въ отставку, чтобы заняться устройствомъ своихъ денежныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что, по смерти матери, онъ былъ выдѣленъ и ему приходилось самому взяться за хозяйство; онъ получилъ въ удѣлъ имѣнія: въ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда—село Чукавино и Зубцовскаго уѣзда—с. Денежное и Прасолово, и въ Новгородской — с. Можжерово, всего — 1200 душъ. Февраля 11-го 1827 года Великопольскій получилъ просимую отставку, побывалъ въ Казани у сестеръ, съ которыми всегда былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, а затѣмъ поселился въ своемъ живописномъ, лежащемъ на берегу Волги, Чукавинѣ, которое съ этихъ поръ становится его излюбленнымъ мѣстопребываніемъ.

Итакъ, нашъ писатель сдѣлался помѣщикомъ, выбравъ въ помощники себѣ того-же дядьку, «неразлучнаго съ нимъ Николая Малышева». Иванъ Ермолаевичъ съ жаромъ принялся за хозяйство и заботы о благоустройствѣ своихъ крестьянъ. «Отецъ мой», вспоминаетъ Н. И.

---

1) См. ниже.

Чаплина, «всѣхъ своихъ крѣпостныхъ обучалъ грамотѣ и училъ ремесламъ и раньше женитьбы своей, и послѣ. Онъ устроилъ школу для ребятъ и больницу для крестьянъ; для этого онъ перестроилъ Чоглоковскіе[1]) кирпичные кормовые сараи въ новыя помѣщенія; устроилъ кирпичный заводъ. Крестьянами занялся усердно, строго наблюдалъ за ихъ хозяйствомъ. Одну деревню—Ладениково—барщиной, то-есть на свой счетъ и въ свое рабочее время перестроилъ: камнемъ изъ Чукавинскихъ каменоломенъ выложилъ имъ подъ дома высокіе фундаменты и поставилъ на нихъ свѣтлыя избы въ три окна на улицу и съ большими пролетами между домовъ... Такъ, будучи въ деревнѣ, отецъ мой занимался своимъ хозяйствомъ, проводя часть ночей за своими любимыми занятіями — литературными; полевое же, доходное оставлялъ на распоряженіе управляющаго, которому довѣрялъ безпредѣльно, но который, проведя всю жизнь по городамъ съ своимъ бариномъ, плохо справлялся съ непривычнымъ для него дѣломъ».

Великопольскій не долго, однако, высидѣлъ въ деревнѣ: онъ все чаще и чаще сталъ уѣзжать въ Москву, «сдѣлался театраломъ, писалъ драмы, намѣревался ставить ихъ на сцену и, наконецъ, началъ большую часть времени проводить въ Москвѣ»[2]). Онъ вошелъ въ литературные кружки, познакомился со многими писателями, стараясь поближе сойтись съ ними и вступить въ ряды записныхъ литераторовъ. Въ 1828 г. онъ впервые появляется передъ публикой съ отдѣльнымъ изданіемъ и съ полною своею подписью[3]): въ февралѣ выходитъ въ свѣтъ его піеса «Къ Эрасту (Сатира на игроковъ)»[4]), прекрасно напечатанная, украшенная картинкою и виньетками извѣстнаго гравера А. А. Флорова по рисункамъ Гампельна[5]). Красивая внѣшность изданія обратила на себя общее вниманіе любителей словесности въ Москвѣ и Петербургѣ, но не удовлетворила критиковъ своимъ содержаніемъ. *Сѣверная Пчела* ограничилась лишь слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ[6]): «Ав-

---

1) Чоглоковы были прежніе владѣльцы Чукавина.

2) Воспоминанія Н. И. Чаплиной.

3) До этого онъ почти всегда подписывалъ только свои инициалы (И. В.), а иногда — псевдонимъ «Ивельевъ» составленный изъ начальныхъ буквъ его имени и фамиліи (И. Вел.).

4) М. 1828 г., въ типографіи Августа Семена, 4⁰, 24 стр.

5) *Д. А. Ровинскій*. Подробный словарь русскихъ граверовъ. С.-Пб. 1895, стр. 714.

6) № 26, 1-го марта 1828 г.

торъ сатиры», говорится тамъ: «имѣлъ цѣль самую благонамѣренную: представить всю гнусность картежнаго ремесла, всю пагубу молодыхъ людей, предающихся страсти къ картамъ. Успѣетъ ли онъ устранить первыхъ, остановить послѣднихъ? Не думаемъ! Не даромъ сказалъ И. А. Крыловъ, описывая вора Ваську, который «слушаетъ, да ѣстъ»:

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ можно власть употребить».

Мнѣнія другихъ критиковъ раздѣлились: такъ, *Московскій Телеграфъ*[1]) сочувственно отнесся къ «Сатирѣ» и къ ея содержанію, говоря, что благая цѣль автора «можетъ извинить въ глазахъ нашихъ всѣ поэтическіе недостатки» ея, тогда какъ *Московскій Вѣстникъ*[2]), ограничившись сперва лишь двумя насмѣшливыми словами, въ № 4 помѣстилъ большую рецензію нѣкоего А. Т., на которую Великопольскій отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ *Атенеѣ*[3]), въ коемъ также появилась коротенькая рецензія: здѣсь критикъ благодарилъ автора только за то, что онъ «напоминаетъ о дидактической поэзіи, съ нѣкотораго времени забытой на нашемъ Парнассѣ»[4]).

«Сатира на игроковъ» имѣетъ, несомнѣнно, автобіографическое значеніе. Н. И. Чаплина въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ даже, что Иванъ Ермолаевичъ написалъ ее на самого себя, именно послѣ своего проигрыша Пушкину; какъ бы то ни было, очевидно, что къ этому времени Великопольскій рѣшилъ освободиться отъ своей слабости и, самъ побывавъ въ положеніи, близкомъ къ тому, въ которое попалъ его

1) Ч. 19, № 4, стр. 558—560.
2) Ч. VII, № 3, стр. 394 и № 4, стр. 478—481.
3) Ч. I, № 4, стр. 132—134.
4) Ч. I, № 4, стр. 90—91. Возражая противъ замѣчаній критиковъ, Великопольскій въ началѣ 1829 года написалъ очень обстоятельный и пространный «Отвѣтъ на отзывы журналовъ о «Сатирѣ на игроковъ», оставшійся въ рукописи и теперь находящійся у меня. Здѣсь, между прочимъ, Великопольскій писалъ въ заключеніи: «Автору пріятно при этомъ случаѣ сказать (если угодно будетъ повѣрить ему въ томъ на слово), что этотъ «Отвѣтъ» былъ читанъ А. С. Пушкину, и первымъ его словомъ по прочтеніи было: «Непремѣнно напечатать». Почему, день за день, оно не было напечатано, авторъ не можетъ теперь же дать отчета».

Аристъ, проигравшій въ карты въ одну ночь все состояніе, погубившій свою честь, счастье и лишившійся разсудка,—захотѣлъ передъ всѣмъ свѣтомъ излить свои чувства. Это благородное стремленіе его вызвало, однако, злую выходку со стороны Пушкина, осмѣявшаго въ остроумномъ своемъ «Посланіи къ В., сочинителю «Сатиры на игроковъ», напечатанномъ въ № 30 *Сѣверной Пчелы* отъ 10-го марта, безхарактерность Ивана Ермолаевича, которую онъ, должно быть, неоднократно наблюдалъ у своего пріятеля во Псковѣ за карточнымъ столомъ, среди веселой компаніи товарищей. Вотъ что писалъ Пушкинъ:

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта, — дѣльно міру:
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь и — такъ пропалъ!
Дамонъ твой — человѣкъ ужасной:
Забудь его ужасной домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ...
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой.
Нѣкто, мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды
Хлебнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,

На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, — и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировалъ!
Тебѣ знакомъ-ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Выходка Пушкина (не подписавшагося подъ стихами)[1]) была слишкомъ рѣзка и, не будучи вызвана ничѣмъ со стороны добродушнаго Ивана Ермолаевича, должна была сильно его обидѣть: буква В*, какъ бы долженствовавшая скромно закрыть лицо, къ которому поэтъ обращался, ничего не скрывала, такъ какъ только что передъ тѣмъ въ той же *Сѣверной Пчелѣ*, лишь за четыре номера, была помѣщена замѣтка о сатирѣ Великопольскаго и, слѣдовательно, имя его было еще на памяти у читателей газеты; а такіе сарказмы, какъ наименованіе автора «Персіевымъ наслѣдникомъ» или «хлебнувшимъ Кастальскихъ водъ бокалъ», были поистинѣ злы. Великопольскій узналъ «ex ungue leonem» и немедленно же отправилъ къ Булгарину, для напечатанія въ его газетѣ, «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ, помѣщеннаго въ № 30 *Сѣверной Пчелы*[2]):

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
Тебя, насмѣшливый поэтъ!
Твой стихъ весенней легче пташки
Порхаетъ и чаруетъ свѣтъ.

---

1) Булгаринъ въ примѣчаніи подъ ними сказалъ: «Имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem».

2) А. С. Пушкинъ (сборникъ *П. И. Бартенева*), т. II, М. 1881, стр. 134; въ рукописномъ сборникѣ «Мои новыя стихотворенія» подъ этимъ отвѣтомъ стоитъ дата: 17-го марта 1828 г. Москва.

Я радъ, что геній удосужилъ
Тебя со мной на пару словъ;
Ты очень мило обнаружилъ
Бесѣды дружескихъ часовъ.

Съ твоимъ проказникомъ сосѣднимъ
Знакомъ съ давнишней я поры:
Обязанъ другу онъ послѣднимъ
Урокомъ вѣтреной игры!

Онъ очень помнитъ, какъ, смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава «Онѣгина» вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ...

Блуждая въ молодости шибкой,
Онъ спотыкался о порогъ;
Но гдѣ послѣдняя ошибка —
Тамъ первый мудрости урокъ.

Булгаринъ, однако, не рѣшился напечатать этихъ стиховъ въ своей *Пчелѣ*, да и Пушкинъ не согласился на это, усмотрѣвъ, почему-то, въ стихахъ Великопольскаго бо́льшую личность, чѣмъ въ своихъ стихахъ къ нему. «Любезный Иванъ Ермолаевичъ», писалъ къ нему Пушкинъ 29—30-го апрѣля: «Булгаринъ показалъ мнѣ очень милые ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава «Онѣгина» вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ —

и Ваше примѣчаніе[1]) — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна Вашего пера[2]). Прочія — очень милы. Мнѣ кажется, что Вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайней

1) Къ сожалѣнію, оно намъ неизвѣстно. *Б. М.*

2) Вѣроятно, намекъ на неудачныя риѳмы въ 4-й строфѣ: «кисѣ» и «тузѣ».

мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ Ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели Вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю главу «Онѣгина»? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ Вы заплатили мнѣ свой — родительскими алмазами и 35-ю томами «Энциклопедіи». Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ Вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи. Простите! Весь Вашъ А. П.[1])».

Получивъ это письмо черезъ Е. А. Боратынскаго (Пушкину не былъ извѣстенъ его адресъ), Иванъ Ермолаевичъ пришелъ въ совершенно справедливое негодованіе и 7-го апрѣля послалъ Булгарину письмо слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь, Ѳаддей Венедиктовичъ! Третьяго дня получилъ я письмо отъ Ал. С. Пушкина. Онъ увѣдомляетъ, ссылаясь на Васъ, что безъ его согласія цензура не пропускаетъ, какъ личность, моихъ къ нему стансовъ; а что онъ согласиться не можетъ.

Это меня очень удивило. Развѣ его ко мнѣ посланіе не личность? Въ чемъ онаго цѣль и содержаніе? Не въ томъ-ли, что сатирикъ на игроковъ — самъ игрокъ? Не въ обнаруженіи-ли частнаго случая, долженствовавшаго остаться между нами?

Я слишкомъ увѣренъ въ благородствѣ Пушкина, чтобы предполагать такой доносъ на дружбу истиннымъ его намѣреніемъ; но дѣло не въ намѣреніи, а въ самомъ дѣлѣ, и стихи, вышедшіе изъ-подъ типографскаго станка, берутъ направленіе сами, независимо отъ автора. Почему же цензура полагаетъ себя въ правѣ пропускать личности на меня, не сказавъ мнѣ ни слова, и не пропускаетъ личности на Пушкина безъ его согласія? Кто позволитъ одному посмѣяться надъ другимъ, тотъ не обязанъ-ли, ежели онъ безпристрастенъ, не отнимать, по крайней мѣрѣ, у другого способовъ отыграться? И даже противный поступокъ, будучи притѣсненіемъ для одного, не можетъ ли почесться неуваженіемъ къ другому? Простите, ежели я, можетъ

---

1) Подлинныя письма Пушкина къ Великопольскому, какъ сообщила мнѣ Н. И. Чаплина, были проданы сыномъ ея, Николаемъ Николаевичемъ, П. И. Бартеневу.

быть, неумѣстно такъ распространился: я хотѣлъ оправдать себя въ вашемъ мнѣніи и доказать односторонность дѣйствій цензуры, при которомъ литературный бой никогда не можетъ быть равенъ.

Но Пушкинъ, называя свое посланіе одною шуткою, моими стихами огорчается болѣе, нежели сколько я могъ предполагать. Онъ даже даетъ мнѣ чувствовать, что слѣдствіемъ напечатанія оныхъ будетъ непримиримая вражда. Надѣясь, что онъ имѣетъ ко мнѣ довольно почтенія, чтобы не предполагать во мнѣ боязни, дорожу его дружбою и, прилагаемымъ при семъ къ нему письмомъ (которое по незнанію адреса имѣю честь Васъ просить доставить), отдаю на его полную волю, при нѣкоторомъ условіи, печатать мои стансы или не печатать, предоставляя себѣ въ послѣднемъ случаѣ отыграться въ другомъ мѣстѣ, другимъ образомъ.

Я счелъ неизлишнимъ Васъ объ этомъ увѣдомить, полагая, что Вамъ самимъ непріятна такая односторонность цензуры».

Этотъ эпизодъ еще болѣе испортилъ отношенія между Пушкинымъ и Великопольскимъ, и, какъ мы слышали, Иванъ Ермолаевичъ впослѣдствіи не любилъ вспоминать о своемъ счастливомъ соперникѣ[1]).

---

1) Отношенія ихъ обострились еще въ 1826 году, послѣ проигрыша Великопольскаго. Въ рукописномъ сборникѣ «Мои новыя стихотворенія» мы находимъ слѣдующую эпиграмму, въ минуту раздраженія написанную Великопольскимъ несомнѣнно на Пушкина:

Аристъ-поэтъ.

Аристъ — негодный человѣкъ,
Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой:
Отцомъ покинутъ, брошенъ службой,
Провелъ безъ совѣсти свой вѣкъ;
Его исправить — трудъ напрасенъ,
За то кричитъ о немъ весь свѣтъ:
Вотъ онъ-то истинный поэтъ,
И каждый стихъ его прекрасенъ.
И точно: вѣрь или не вѣрь, —
Не правда-ли (сказать межъ нами)?
На всю поэзію теперь
Другими взглянемъ мы глазами!

Критингенъ,
1-го сентября 1826 года.

Варіанты: къ 1-му стиху — «Мытаринъ — скверный человѣкъ» и къ 4-му — «Шумитъ, бунтуетъ цѣлый вѣкъ».

Послѣ неудачнаго дебюта съ сатирой «Къ Эрасту» Иванъ Ермолаевичъ, повидимому, не рѣшался нѣкоторое время выступать въ печати и какъ бы охладѣлъ къ литературнымъ занятіямъ; быть можетъ его отвлекали и заботы о разстроенномъ хозяйствѣ. Только черезъ два года появилась его маленькая піеса — «Сюрпризъ, опера-интермедія-водевиль въ стихахъ» (М. 1830 г., 32°) [1]) — съ музыкой О. О. Геништы, напечатанная Великопольскимъ по поводу постановки ея на сцену (она была играна на Московскомъ театрѣ); это слабое юношеское произведеніе Ивана Ермолаевича (оно написано было еще въ 1818 г.) почти не встрѣтило въ печати никакого отголоска, если не считать насмѣшливаго отзыва, появившагося въ *Московскомъ Телеграфѣ* [2]); здѣсь авторъ замѣтки говорилъ, между прочимъ: «Совѣтуемъ всякому, кто хочетъ себѣ доставить истинное наслажденіе, прочитать Предисловіе къ «Сюрпризу»: въ немъ господствуетъ такая прелестная naïveté, что мы не знаемъ ничего подобнаго въ семъ родѣ». И дѣйствительно, вотъ что, напримѣръ, писалъ Великопольскій по поводу страннаго названія своей пьесы «оперой-интермедіей-водевилемъ»: ....«Смѣшеніе рода опернаго съ водевильнымъ образуетъ родъ смѣшанный: *опера-водевиль*. Въ моей піесѣ второе явленіе есть водевильное; слова пѣнія въ ономъ имѣютъ цѣлію одно приданіе большей игривости и разнообразія разговору. По сему, по всей строгости, оная должна также быть причислена къ упомянутому разряду. Но сіе впаденіе въ родъ водевильный,

---

Въ концѣ упомянутаго выше «Отвѣта на отзывы журналовъ о «Сатирѣ на игроковъ», Великопольскій, вспоминая обо всемъ этомъ эпизодѣ, говоритъ слѣдующее: «Въ заключеніе могу-ли позволить себѣ сказать слово о «Посланіи» ко мнѣ, напечатанномъ въ 30-мъ нумерѣ *Сѣверной Пчелы* прошлаго (1828) года? Любезный сочинитель, котораго блистательное въ словесности нашей имя слишкомъ хорошо узнается безъ всякой надобности для того въ его подписи, доставилъ мнѣ прекрасными своими стихами истинное удовольствіе. Признаюсь, что сначала я не такъ это принялъ, чему главною причиною было, собственно, не «Посланіе», а недобрая, присоединенная къ нему выноска («ex ungue leonem») издателя газеты, дававшая обращеннымъ ко мнѣ стихамъ видъ не пріятельской шутки, а сатирической насмѣшки. Теперь, пообдумавъ и поразсудивъ, а главное — перечитавъ стихи съ хладнокровіемъ, я очень радъ, что авторъ «Посланія» не согласился на напечатаніе отвѣтныхъ моихъ стаицовъ (какъ самъ увѣдомилъ меня о томъ), слишкомъ наскоро мною написанныхъ и посланныхъ издателю газеты на другой же день полученія листка его въ Москвѣ».

1) Рондо Лизы изъ «Сюрприза» («Въ шестнадцать лѣтъ»), съ нотами О. О. Геништы, напечатано было тогда-же въ *Радугѣ*, альманахѣ П. Арапова и Д. Новикова. (М. 1830, прилож., стр. 8, съ подписью И. В.).

2) 1830 г., ч. 31, № 4, стр. 507—509.

въ моей піесѣ, можетъ быть принято какъ нѣкоторое только отступленіе отъ господствующаго духа, въ цѣломъ чисто опернаго, чѣмъ она отличается отъ всѣхъ другихъ оперъ-водевиль, имѣющихъ, при нѣкоторыхъ оперныхъ нумерахъ, господствующій духъ водевильный, что было заставило меня сначала дать своей піесѣ названіе оперы.... Размысливъ потомъ, я нашелъ, что... умозрительная словесность обязана отличить, въ распредѣленіи драматическихъ произведеній, роды оперъ: чистой и смѣшанной; и потому оставилъ при моей піесѣ названіе оперы-водевиль; но думаю, что, руководствуясь тою же въ распредѣленіяхъ точностью, должно положить различіе и между двумя вышепоказанными разрядами сего послѣдняго, смѣшаннаго рода, образуемыми господствующимъ духомъ піесъ: опернымъ или водевильнымъ. Предлагаю», заключаетъ Великопольскій: «для перваго прежнее названіе оперы-водевиль, а для второго—*Опероводевиль*... Всякое слово кажется страннымъ, покуда не укоренится въ употребленіи... Слово *интермедія*, поставленное въ заглавіи, обозначаетъ піесу маленькую, предназначенную для помѣщенія въ спектаклѣ между двумя представленіями, какъ междудѣйствіе». Всѣ эти разсужденія (а ихъ 10 страничекъ) невольно напоминаютъ пословицу: «за мухой гоняться съ обухомъ», и поэтому становится понятенъ насмѣшливый отзывъ *Московскаго Телеграфа*.

Однако, уже въ слѣдующемъ году Иванъ Ермолаевичъ выступилъ съ новымъ своимъ произведеніемъ. Теперь это была уже «повѣсть въ стихахъ» — «Московскія минеральныя воды»[1]), изданная подъ псевдонимомъ *Ивелева*. Маленькая брошюрка эта, въ 54 странички in 16° (изъ коихъ 15 заняты письмомъ къ «будущей невѣстѣ» автора), представляетъ изъ себя I-ю главу[2]) повѣсти — «Консиліумъ», въ которой описывается молодой богатый человѣкъ — баронъ Веленъ, отъ скуки воображающій себя больнымъ и созывающій докторовъ для консиліума о его болѣзни. Все это изложено весьма живо, читается легко и подчасъ вызываетъ улыбку. И размѣръ стиховъ, и способъ изложенія, и

1) Это — насмѣшка надъ «Московскимъ заведеніемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ», открытымъ въ Москвѣ лѣтомъ 1828 г. и бывшимъ одно время въ большой модѣ среди высшаго класса москвичей (см. *Московскій Вѣстникъ* 1828 г., ч. IX, стр. 167—186 и 415—419).

2) Больше не появлялось.

отступленія, и дѣленіе на строфы, наконецъ, и самый типъ Велена даютъ возможность предположить, что піеса написана была Великопольскимъ въ подражаніе «Евгенію Онѣгину». Вотъ, напримѣръ, строфа

XII.

«А гдѣ-жъ больной?» — Сейчасъ онъ будетъ!
Немножко докторъ помолчалъ
И головою покачалъ:
«Пожалуй, онъ и позабудетъ;
Онъ все вѣдь тотъ-же, какъ бывалъ:
Иль весь въ прожектахъ, иль голубитъ,
Съ утра забравшись въ кабинетъ,
«На прыщикъ Деліи» сонетъ.
Межъ тѣмъ приказано ужъ Трошкѣ
За нимъ отправиться верхомъ.
Но вотъ онъ, вотъ онъ! Ѣдутъ дрожки,
На нихъ, съ накинутымъ плащомъ
И въ пестрой шляпѣ изъ соломы,
Сидитъ... но только не больной,
А очень милый, молодой,
Во всѣ пріятно вхожій домы,
Заѣзжій докторъ къ намъ чужой.

Или строфа

XX.

.... Баронъ любезный
Былъ новый Стернъ, коль Стерны есть.
Онъ былъ рожденъ корзины плесть
Для дѣвъ Аркадіи прелестной,
Жить въ вѣкъ златой, и Богъ ужъ вѣсть,
Какъ онъ попалъ въ нашъ вѣкъ желѣзный,
Гдѣ вся работа — ѣсть и пить.
Онъ одного хотѣлъ: любить
И съ мыслью, полною мечтою,
Съ душой, исполненной огня,

Скучалъ онъ сердца пустотою,
Худѣлъ примѣтно день отъ дня.
Задумчивый въ веселомъ кругѣ,
Молчать на балы онъ ѣзжалъ,
Чего-то въ тайнѣ тамъ искалъ:
Искалъ цвѣтовъ на русскомъ лугѣ
И весь лугъ русской браковалъ.

* * *

XXXI.

Съ утра отправленную въ ссылку
Въ подвалъ запасливый, на ледъ,
Слуга навстрѣчу имъ несетъ
Вина мятежнаго бутылку;
Снимаетъ палецъ, пробка бьётъ;
Упавъ на длинную подстилку,
Дала скачекъ, и на себѣ
Вертитъ, катяся, V. C. P.
Бокалъ шумитъ, вино играетъ
И бьетъ и въ голову, и въ носъ;
Хозяйка милая чихаетъ,
И докторъ тронулся до слёзъ.
Осушено. Ужъ быстро къ дому
Колёса шумныя бѣгутъ.
Враги, раскланявшись, идутъ,
Привѣтно вымолвивъ больному:
«Wo gutes Ende, alles gut!»

Затѣмъ въ литературной дѣятельности Великопольскаго наступаетъ перерывъ до 1837 г.[1]). Вызванъ онъ былъ женитьбой нашего писателя, а затѣмъ — устройствомъ его имущественныхъ дѣлъ.

1) Въ этотъ промежутокъ времени Великопольскій напечаталъ, насколько намъ извѣстно, только пiеску: «Старикъ (Романсъ)» — въ альманахѣ *Альціона* на 1832 г., стр. 65 (съ подписью Ивельевъ).

Въ Москвѣ проживалъ почтенный, пользовавшійся широкой, вполнѣ заслуженной извѣстностью докторъ, профессоръ и бывшій ректоръ Московскаго Университета — Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ съ женою своей Софьей Харитоновной, рожденной Чеботаревой[1]) и единственною дочерью — Софьей Матвѣевной[2]). Иванъ Ермолаевичъ былъ издавна знакомъ съ семействомъ Мудровыхъ; еще отецъ его, какъ уже было сказано выше, былъ въ дружескихъ связяхъ съ Матвѣемъ Яковлевичемъ и въ молодости принадлежалъ къ одной съ нимъ масонской ложѣ. По выходѣ въ отставку Иванъ Ермолаевичъ часто ѣздилъ въ Москву и посѣщалъ семью почтеннаго доктора. Вскорѣ между нимъ и Софьей Матвѣевной завязались дружескія отношенія, затѣмъ перешедшія въ любовь, и, въ концѣ концовъ, Иванъ Ермолаевичъ въ 1831 г. рѣшился просить руки Софьи Матвѣевны. За нее сватался въ то же время докторъ Д. К. Тарасовъ, впослѣдствіи директоръ Медицинскаго Департамента, но рѣшительнаго отвѣта ни тотъ, ни другой получить не могли. Между тѣмъ М. Я. Мудровъ, командированный въ разные города Россіи для принятія мѣръ въ борьбѣ со свирѣпствовавшею тогда холерой, 8-го іюля скончался въ Петербургѣ, но передъ смертью передалъ женѣ свое непремѣнное желаніе, чтобы Софья Матвѣевна вышла именно за Великопольскаго. Иванъ Ермолаевичъ въ это время долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ, передавъ дѣло о своемъ сватовствѣ старой своей пріятельницѣ Аннѣ Михайловнѣ Еремѣевой, рожденной Прокоповичъ-Антонской, у которой иногда и живалъ въ Москвѣ, въ ея домѣ на Большой Якиманкѣ, у Калужскихъ воротъ[3]). Та энергично принялась за дѣло, и результатъ былъ благопріятный. Получивъ отъ Анны Михайловны извѣщеніе о согласіи Софьи Матвѣевны и ея матери, Иванъ Ермолаевичъ писалъ 26-го сентября 1831 г. своей свахѣ:

Любезнѣйшая Анна Михайловна! Богъ да вознаградитъ Васъ за сдѣланное мнѣ благодѣяніе. Сію минуту получилъ Ваше письмо отъ 19-го. Руки мои дрожали; я помолился Богу. Наконецъ, онъ выслушалъ меня: мое счастіе началось; мнѣ позволено произнести вслухъ

---

1) Род. въ 1786 г., ум. 10-го августа 1833 г., погребена въ с. Чукавинѣ. Она была дочь профессора и также бывшаго ректора Московскаго Университета Х. А. Чоботарева и жены его — Софіи Ивановны Вилькинсъ; послѣдняя приходилась родственницей Н. И. Новикову (сообщеніе Н. И. Чаплиной).

2) Род. 23-го августа 1815 г., ум. въ Чукавинѣ 7-го апрѣля 1897 г.

3) См. Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, т. VII, стр. 201.

тѣ обѣты, исполненіе которыхъ такъ слилось съ моимъ существованіемъ! Ея благополучіе во всякомъ случаѣ было бы для меня драгоцѣнно: теперь — это сдѣлалось цѣлію моей собственной жизни; теперь Богъ возлагаетъ это на меня, какъ священную обязанность. Одно право себѣ сказать это есть уже такое чувство, какого я до сей поры еще не испытывалъ. Богъ да вознаградитъ Васъ! Всегда видѣвъ истинное участіе, которое Вы принимаете и во мнѣ, и въ ней, я знаю, что и Вамъ ничѣмъ другимъ я не могу заплатить за Вашу дружбу и посредничество, какъ умѣніемъ цѣнить мое благополучіе и осчастливленіемъ той, которой судьба теперь будетъ мнѣ ввѣрена. Клянусь Вамъ, что всѣ минуты моей жизни будутъ посвящены на то, чтобы содѣлаться ея достойнымъ. Эта клятва вѣрна, потому что она прямо отъ сердца» и т. д. 28-го сентября онъ снова пишетъ своей доброй свахѣ: «Я ужъ не прежній Иванъ Ермолаевичъ, я ужъ не безумствую: я веселъ! Волненія продолжаются, но ужъ это — совсѣмъ не та тревога, это ужъ только чувство, которое тѣмъ и хорошо, что въ поминутной вспышкѣ, въ непрестанной жизни. Ежели безумствую, то это ужъ только отъ нетерпѣнія быть въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я высвободилъ душу откровеннымъ покаяніемъ, высказалъ все, что тревожило меня въ моихъ обстоятельствахъ, съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отъ Васъ волшебную записку, — я ужъ рыцарь безъ страха и упрека, смотрю прямо на солнце, прямо на людей. Говорятъ, что любовь непремѣнно ревнива; нѣтъ! Я испытываю, что когда она дружна съ истиннымъ уваженіемъ, то это неправда. Вчера мнѣ сказалъ Андрей Харитоновичъ [1]), что въ Москву поѣхалъ къ ней другой искатель, какой-то [Тарасовъ] [2]) генералъ, человѣкъ не старый (какъ мнѣ бы, впрочемъ, того хотѣлось), — а я спокоенъ; не потому, что слово дано (тутъ дѣло не въ словѣ, а въ сердцѣ), но потому, что... однимъ словомъ я спокоенъ, я увѣренъ. Не правда-ли, что это счастливое чувство? Я даже хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ молодъ, хорошъ, уменъ, любезенъ; чтобы имѣлъ всѣ, всѣ достоинства. Хотѣлъ бы потому, что

---

1) Чеботаревъ (род. въ 1784 г., ум. въ 1833 г.), братъ Софьи Харит. Мудровой.

2) Дмитрій Клементьевичъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1866 г.), бывшій въ это время лейбъ-хирургомъ и гражданскимъ генералъ-штабъ-лѣкаремъ; авторъ «Воспоминаній», напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ* 1871 и 1872 гг. Фамилія его *вырѣзана* изъ письма.

въ жизни нужны испытанія, что мнѣ тогда было бы такъ пріятно, ведя ее подъ вѣнецъ, сказать: «Позвольте, г. Тарасовъ!» Впрочемъ, онъ женихъ странный: онъ никогда ея не видалъ, а она — его. Лучше бы ужъ ему ее и не видать».... «Вашу записку», пишетъ онъ далѣе: «подали мнѣ третьяго дня, только-что я успѣлъ проснуться. Я сорвалъ печать съ конверта Дмитрія Михайловича[1]), и остановился, не смѣя ни распечатать Вашего письма, ни читать того, что онъ ко мнѣ пишетъ. Изъ этого свѣта счастія едва одинъ лучъ свѣтился моей надеждѣ. Я помолился Богу и *Казанской*. Письмо Дмитрія Михайловича, поздравляющаго меня съ чѣмъ-то, ободрило меня: я распечаталъ Ваше; вижу — записка Софьи Харитоновны, но въ которой она просто только пишетъ къ Вамъ, что пріѣдетъ Васъ навѣстить. Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что это рука Софьи Матвѣевны (Вы знаете, что мнѣ знакомъ ея почеркъ); я искалъ моего имени, но когда разсмотрѣлъ и прочиталъ, то не зналъ, что заключить, хотя поздравленіе Дмитрія Михайловича и предувѣдомило уже меня о развязкѣ. Разумѣется, что все это недоумѣніе продолжалось одну минуту. Я прочиталъ Ваши строки, заплакалъ и поблагодарилъ Бога. Первою моею мыслію было поспѣшить въ церковь, второю — написать къ Вамъ, излить мои чувства, поблагодарить Васъ, мою благодѣтельницу. Только-что принялся за письмо, явился Юдинъ[2]) и началъ торопить ѣхать по обѣщанію въ Кронштадтъ... На обратномъ пути... насъ застигнулъ такой туманъ, что мы, не доѣзжая верстъ семь до Петербурга, должны были бросить якорь и ночевать. Каково положеніе? Съ нами ѣхалъ сенаторъ кн. Любомірскій, Кронштадтскій архитекторъ и еще человѣка два людей хорошихъ. Мы составили вистъ, но послѣ четырехъ робберовъ всѣ сенаторы и не сенаторы начали призывать Морфея: кто на лавкѣ, кто на полу, кто на стулѣ. Мнѣ, Юдину, архитектору и еще одному иностранцу, котораго мы пригласили съ собой для потѣхи, спать не хотѣлось. На пароходѣ есть ресторація; мы пошли туда ужинать; между всхрапывающими пассажирами я раскупорилъ моимъ товарищамъ двѣ бутылки шампанскаго. Добрый Юдинъ, никогда не пьющій,

---

1) Прокоповича-Антонскаго, брата А. М. Еремѣевой, служившаго въ это время начальникомъ отдѣленія въ Особой канцеляріи при главноначальствовавшемъ надъ Почтовымъ департаментомъ кн. А. Н. Голицынѣ.

2) Это былъ старинный пріятель Ивана Ермолаевича.

выпилъ за мое счастье два стакана; архитекторъ и иностранецъ — также. Я пилъ отъ души, но вливалъ въ стаканъ половину воды, потому что мнѣ вино вредно и потому что не хотѣлъ быть пьянымъ, и слѣдовательно я былъ трезвымъ наблюдателемъ дѣйствій искрометнаго напитка. Такъ какъ шампанскому предшествовали нѣсколько рюмокъ мадеры, то веселые гости, поблагодаривъ, какъ сидѣли, такъ и заснули. Кругомъ сонъ, одинъ я бодрствую и мечтаю. Вотъ Юдинъ началъ грезить, вздыхать, ударилъ по столу кулакомъ и поблѣднѣлъ. Такъ какъ онъ очень полнокровенъ, то я, испугавшись послѣдствій вина, сталъ его будить. Полуопомнившись, онъ опять началъ вздыхать, но ужъ это не во снѣ, а обо снѣ. Вообразите, ему видѣлось, что онъ въ раю. Это бы ничего, но что и въ раю-то онъ сидитъ на пароходѣ и видитъ насъ. Мысль, что и на томъ свѣтѣ все тѣ-же люди и предметы, его такъ разнѣжила, что онъ опять захотѣлъ въ рай и, положивъ мою голову къ себѣ на грудь, сталъ засыпать. Я высвободилъ голову, прилегъ на лавку и былъ въ моемъ раю: я ее видѣлъ; она мнѣ мелькнула, и я проснулся, потому что въ эту минуту кто-то сонный свалился съ лавки. Пожелавъ ему съ досады синее пятно, я хотѣлъ опять заснуть, но ужъ не могъ; а ежели и забывался, то ужъ не видѣлъ моего рая...»

Изъ писемъ этихъ можно видѣть, какъ долженъ былъ стремиться Иванъ Ермолаевичъ къ своей невѣстѣ; но дѣла его задерживали. 1-го октября («Ахъ, батюшки, ужъ октябрь!», приписываетъ онъ подъ датой) онъ пишетъ А. М. Еремѣевой, что онъ простудился, слегъ въ постель. «Мысль, что ежели я не совсѣмъ лишусь блага земного», продолжаетъ онъ: «то можетъ быть слабость — всегдашнее послѣдствіе этой болѣзни (горячки) — задержитъ меня мѣсяца три, такъ меня тревожила, что я чувствовалъ, что жаръ отъ того усиливался». «Вчера я провелъ вечеръ у Людмилы Сергѣевны»[1]), продолжаетъ онъ: «тамъ была Марья Борисовна[2]) съ дочерью и маленькимъ сыномъ; Дмитрій Михайловичъ[3]) также былъ дома. Мы провели время весело. Да! Не-

1) Прокоповичъ-Антонской, рожд. Даргомыжской, жены Николая Михайловича Прокоповича-Антонскаго, дочери писательницы Марьи Борисовны и сестры извѣстнаго композитора.

2) Даргомыжская (ум. 7-го ноября 1851 г., 64 лѣтъ), дѣтская писательница, жена д. с. совѣтника Сергѣя Николаевича Даргомыжскаго (род. 9-го сентября 1798 г., ум. 2-го апрѣля 1864 г.), мать композитора.

3) Прокоповича-Антонскаго, брата А. М. Еремѣевой.

смотря на то, что я встревоживаюсь, что дѣло тянется, что я не въ Москвѣ, а я гораздо веселѣе прежняго. А ежели бы я зналъ, что *она* немного груститъ, — мнѣ было бы еще веселѣе. Скажете-ли вы это ей? Ежели бы на эту мою строку упала ея слезка, какъ бы мнѣ это было весело! Есть же вѣдь такія слезы, отъ которыхъ весело! А когда мнѣ будетъ позволено отереть ихъ платочкомъ, мнѣ кажется, что я тогда самъ заплачу, особливо, когда увижу, что это ей весело!»

«Вчерашній вечеръ», пишетъ онъ отъ 5-го октября, «я провелъ у Людмилы Сергѣевны, по приглашенію Дмитрія Михайловича послушать ея игру на арфѣ. Мы провели время очень пріятно; тѣмъ болѣе я тому былъ радъ, что весь день мнѣ было грустно... Отъ того-ли нашла на меня тоска, что меня здѣсь тянутъ день за день, отъ того-ли, что между нами нѣтъ еще ничего положительнаго, или отъ того, что я никогда еще съ такою заботливостью не думалъ о поправленіи моихъ дѣлъ, но мнѣ что-то было очень тяжело..... Людмила Сергѣевна хорошая музыкантша; я не ожидалъ такой прекрасной игры. Два ея брата также прекрасно играютъ: одинъ на скрыпкѣ[1]), другой — на фортепіано[2]). Я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ тріо изъ «Севильскаго Цырульника». Музыка — моя страсть!»

Наконецъ, Иванъ Ермолаевичъ 17-го октября выѣхалъ изъ Петербурга, по дорогѣ въ Москву заѣхалъ къ себѣ въ Чукавино, а уже оттуда явился въ Бѣлокаменную и, при посредствѣ той же А. М. Еремѣевой, получилъ возможность представиться своей невѣстѣ и ея ма-

---

1) Эрастъ Сергѣевичъ Даргомыжскій; вотъ что писала 25-го января 1832 г. А. М. Еремѣева въ письмѣ къ Ивану Ермолаевичу: «Брата Николая съ Людмилой встрѣтитъ горе въ Петербургѣ: Людмила оставила брата своего Эраста совершенно здоровымъ, — и болѣе уже съ нимъ не увидится; воображаю ея горесть, когда она узнаетъ о кончинѣ его!» — О немъ говоритъ И. И. Козловъ въ стихотвореніи своемъ «Жалоба» (1832 г.):

...Давно-ли — жизнь семьи родной —
Являлся юноша межъ нами
Съ высокой, пылкою душой,
Съ одушевленными струнами?
И вдругъ отъ насъ сокрылся онъ!
Умолкъ напѣвъ, мечтанью милой,
Лишь вѣетъ въ полночь дивный стонъ
Надъ тихою его могилой....

2) Знаменитый впослѣдствіи композиторъ Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (род. въ 1813 г., ум. въ 1869 г.).

тери. «Наконецъ, почтенная Софья Харитоновна», писала Анна Михайловна 30-го октября: «будущее дитя Ваше явилось въ Москву, и я буду ожидать приказанія Вашего подвести его подъ Ваше благословеніе... Иванъ Ермолаевичъ рвется къ Вамъ и потому его именемъ прошу Васъ назначить не позже завтрашняго дня, но для меня собственно желала бы, чтобы это было не утромъ, а послѣ обѣда, потому что утромъ будетъ докторъ у папиньки[1]) и мнѣ непремѣнно надобно быть у него; сегодня же у меня гости, да и Вамъ нѣтъ времени прежде помолиться, какъ Вы того хотѣли».

Наконецъ, всѣ формальности, требовавшіяся этикетомъ того времени, были закончены, Иванъ Ермолаевичъ и Софья Матвѣевна были объявлены женихомъ и невѣстою, а 13-го ноября того же 1831 г. состоялась и ихъ свадьба. 19-го декабря Иванъ Ермолаевичъ отправился въ Казань, чтобы познакомить молодую жену съ своей многочисленной родней. Молодые провели тамъ не болѣе мѣсяца: они торопились вернуться къ Софьѣ Харитоновнѣ, на Прѣсненскіе Пруды, такъ какъ она очень скучала въ непривычномъ одиночествѣ, особенно безъ своей 16-ти-лѣтней Сонюшки. Она писала молодымъ въ Казань ежедневно, начиная съ слѣдующаго за отъѣздомъ дня, сообщала имъ всѣ московскія новости, передавала поклоны знакомыхъ и аккуратно въ каждомъ письмѣ свидѣтельствовала почтеніе «милостивому государю Алексѣю Ѳедоровичу (вотчиму Ивана Ермолаевича) и всѣмъ любезнѣйшимъ сестрицамъ и братцу (Ивана Ермолаевича), тетушкѣ и всѣмъ роднымъ». Мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ писемъ этихъ нѣсколько небезынтересныхъ выписокъ. — «Не забудьте навѣстить Василья Андреевича Загорскаго[2]) и побывать у преосвященнаго Филарета», наставительно пишетъ она 23-го декабря 1831 г. Далѣе, жалуясь на пустоту въ домѣ послѣ отъѣзда молодыхъ, она говоритъ: «Получивъ списокъ медицинскихъ книгъ, я сокращаю часы скуки трудами. Вчера и сегодня вписывала цѣны медицинскихъ увражей[3]), которые могу

1) Ст. сов. Михаилъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, бывшій оберъ-секретарь Общаго собранія Московскихъ Департаментовъ Сената (род. 8-го ноября 1760 г., ум. 29-го мая 1844 г.).

2) Бывшій адъюнктъ Московскаго Университета по каѳедрѣ математики 1805—1810 г., писатель.

3) Богатѣйшей библіотеки покойнаго М. Я. Мудрова. Часть ея была перевезена въ Чукавино, но, кажется, тамъ не сохранилась.

пріискать въ каталогахъ Готье. Но такъ какъ весьма многихъ уврaжей, которые мы имѣемъ, въ нихъ не означено, то я и хочу промыслить каталоги другихъ книгопродавцевъ, чтобы все означить; трудъ не малый, особенно по недостатку источниковъ и помощниковъ, ибо самый вѣрный помощникъ мой — Петръ Ларіоновичъ[1]) убитъ горестью: бѣдная Варинька день ото дня слабѣетъ, и не думаю, чтобы дожила до Вашего возвращенія». «Я получила отъ брата[2]) письмо», сообщаетъ она 30-го декабря, «въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что добрый и почтенный другъ нашъ Иванъ Ѳедоровичъ Журавлевъ[3]) сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ». Въ письмѣ отъ 5-го января 1832 г. она спрашиваетъ: «Были-ли вы, милыя мои дѣти, у преосвященнаго Филарета, приняли-ль его благословеніе?.. Вчера я нечаянно была обрадована посѣщеніемъ доброй и милой Надежды Тимоѳеевны Карташевской[4]), которая, оставя мужа и дѣтей въ Витебскѣ (ты знаешь, Соничка, что Григорій Ивановичъ — попечитель Бѣлорусскаго Университета), ѣдетъ за 1800 верстъ въ Оренбургъ навѣстить больную, слѣпую мать свою: примѣръ дѣтской любви! Она, остановясь въ Москвѣ на нѣсколько часовъ, не хотѣла ѣхать, не видавъ меня, и была у меня вмѣстѣ съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ. Благодарю Бога за добрыхъ друзей!» — «Были ли вы у почтенной игуменьи? Покойный другъ мой[5]) былъ ею очень обласканъ. Я бы желала также, чтобы Вы навѣстили старичка Василья Андреевича Загорскаго, давнишняго знакомаго Матвѣя Яковлевича». Въ письмѣ отъ 27-го января 1832 г. Софья Харито-

---

1) Страховъ, докторъ медицины, ординарный профессоръ ветеринаріи въ Московскомъ Университетѣ (род. въ 1792 г., ум. въ 1856 г.); онъ былъ женатъ на одной изъ семи воспитанницъ М. Я. и С. Х. Мудровыхъ — Варварѣ.

2) А. Х. Чеботарева.

3) Род. въ 1776 г., ум. въ 1842 г.; въ 1810-хъ годахъ онъ былъ масономъ и уже тогда зналъ М. Я. Мудрова.

4) Рожденной Аксаковой, сестры С. Т. Аксакова; со всѣмъ семействомъ ихъ были хорошо знакомы Мудровы и Великопольскіе. Вотъ что писала Софьѣ Харитоновнѣ Ольга Семеновна Аксакова 3-го ноября 1831 г.: «Съ истиннымъ удовольствіемъ получила извѣщеніе Ваше, сердечно радуюсь о помолвкѣ любезнѣйшей Софіи Матѳеевны, тѣмъ болѣе, что мы лично знакомы съ Иваномъ Ермолаевичемъ; надѣюсь скоро сама поздравить васъ. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивая Государыня, Вамъ покорнѣйшая ко услугамъ Ольга Аксакова.

Сергѣй Тимоѳеевичъ, свидѣтельствуя Вамъ свое истинное почтеніе, искренно радуется и поздравляетъ Васъ».

5) То-есть, М. Я. Мудровъ.

новна пишетъ: «Поблагодарите за меня почтеннѣйшаго братца Вашего Михайла Николаевича[1]) за то полезное удовольствіе, которое онъ доставилъ тебѣ, Соничка моя, показавъ тебѣ всѣ достопамятности Казанскаго Университета. Были-ли у игуменьи? Образъ, которымъ папенька благословилъ тебя, Соня, пріѣхавши изъ Казани, получилъ онъ отъ нея въ благословеніе. Какъ мнѣ завидно, что я съ Вами вмѣстѣ не слушаю лекцій почтеннаго профессора физики[2]) Казанскаго Университета. Но было время, когда и я слушала лекціи славнаго профессора физики Страхова[3]). Это было во время ректорства покойнаго моего родителя[4]). Тогда нѣсколько курсовъ дано было публичныхъ, и многія дамы-охотницы прилежно ихъ посѣщали. Изъ прилежныхъ, не прогуливавшихъ ни одной лекціи, теперь въ Москвѣ только двѣ: графиня Брогліо[5]) и Анисья Ѳедоровна Вельяминова-Зернова[6]). Вскорѣ по перемѣнѣ ректора и лекціи публичныя кончились; а жаль, что кончились: онѣ были очень занимательны».

Прогостивъ въ Казани, молодые вернулись въ Москву и поселились въ домѣ Мудровыхъ на Прѣсненскихъ Прудахъ; Иванъ Ермолаевичъ, впрочемъ, часто уѣзжалъ по дѣламъ своего имѣнія. Вотъ отрывокъ изъ письма его[7]) изъ Чукавина отъ 3-го марта 1832 г. къ женѣ и тещѣ: «Написавъ къ Вамъ съ дороги[8]), я хотѣлъ отправить письмо съ извощикомъ, который нанялся было везти въ Москву попавшагося намъ навстрѣчу князя Николая Ивановича Хованскаго. Торгъ изво-

---

1) М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, двоюродный братъ Ивана Ермолаевича, сынъ родной тетки его — Евдокіи Сергѣевны, рожд. княжны Болховской (род. 7-го іюня 1771, ум. 5-го января 1843 г.), тогда попечитель Казанскаго, а впослѣдствіи С.-Петербургскаго Учебнаго Округа; умеръ въ 1862 г. въ чинѣ д. т. совѣтника и въ званіи сенатора.

2) Ник. Ив. Лобачевскій, женатый, какъ сказано было выше, на единоутробной сестрѣ Ивана Ермолаевича — Варварѣ Алексѣевнѣ Моисеевой. Братъ ея, Николай Алексѣевичъ Моисеевъ, питомецъ Казанскаго Университета, въ 1827—1832 г. былъ лекторомъ французскаго языка въ томъ же Университетѣ.

3) Петръ Ивановичъ Страховъ, профессоръ Московскаго Университета, род. въ 1757 г., ум. въ 1813 г.

4) Х. А. Чеботарева.

5) Быть можетъ, графиня Анна Петровна, въ 1814 г. генералъ-маіорша.

6) Въ замужествѣ Кологривова (род. 28-го декабря 1788 г., ум. 25-го марта 1876 г.).

7) Одно изъ весьма немногихъ уцѣлѣвшихъ его писемъ.

8) Изъ села Петровскаго, въ 73 верстахъ отъ Москвы, 29-го февраля 1832 г.

щика не состоялся, и потому я послалъ моего Николая къ самому князю просить о доставленіи письма. Онъ былъ такъ добръ, что взялся и обѣщался доставить въ понедѣльникъ, чѣмъ-свѣтъ; слѣдовательно, Вы уже его получили, а ежели нѣтъ, то — князь Хованскій живетъ на Никольской, въ домѣ графа Орлова. — Въ Денежное[1]) я пріѣхалъ часу въ первомъ ночи. Едва проснулся, — жидки уже меня дожидались; они давали 70 руб. асс. за дерево и хотѣли непремѣнно купить 200 сосенъ; я просилъ 150 и продавалъ не болѣе 10; между тѣмъ получилъ отъ нихъ записку, какой мѣры имъ сосны надобны, а это для меня было главное. Они очень около меня ухаживали: имъ хотѣлось купить хотя сосенъ двадцать. Такъ какъ я, боясь связываться съ жидами, не хотѣлъ съ ними рѣшительно покончить, а между тѣмъ желалъ и сберечь ихъ на всякій случай, то я поторопился скорѣе изъ Денежнаго выѣхать, тѣмъ болѣе, что это приближало и время моего возвращенія. Получивъ въ тотъ же день пригласительную записку отъ Новосильцова, я поѣхалъ къ нему ночевать. Тамъ нашелъ его родственниковъ: Горчакова съ женою[2]) и Юрьеву[3]); послѣдняя (рожденная Лихачева) — очень милая женщина и родная племянница Гаврилѣ Ивановичу Осокину. И Горчаковы, и она на-дняхъ отъ Новосильцова отправляются и, быть можетъ, проѣздомъ черезъ Москву, будутъ у Васъ; впрочемъ, я не думаю, чтобы они успѣли заѣхать, потому что имъ по зимнему пути надобно поспѣть: однимъ въ Казань, а другой — въ Рязань. Отъ Новосильцева .... я заѣхалъ по дорогѣ къ Шелеховымъ[4]) обѣдать... Такъ какъ у нихъ семи-, пяти- и четырехъ-польное хозяйство, то, хотя они уже и не берутъ учениковъ, но я на нынѣш-

---

1) Имѣніе Ивана Ермолаевича въ Зубцовскомъ уѣздѣ, богатое своимъ мачтовымъ лѣсомъ.

2) Вѣроятно, Горчаковъ, женатый на Марьѣ Александровнѣ Лихачевой, сестрѣ Семена Александровича.

3) Екатерина Семеновна, дочь Семена Александровича Лихачева (ум. 28-го мая 1821 г.) и жены его Прасковьи Ивановны Осокиной (свойственницы Великопольскаго).

4) Извѣстный сельскій хозяинъ, гвардіи полковникъ (потомъ ст. совѣтникъ) Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ, писатель по вопросамъ агрономіи, проживавшій въ сельцѣ Фроловѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи и тамъ умершій 16-го мая 1854 года; у него было заведено, вмѣсто рутиннаго трехъ-польнаго, плодопеременное хозяйство съ травосѣяніемъ и сѣяніемъ картофеля. Шелеховъ принималъ къ себѣ безплатно учениковъ на курсъ съ 20-го апрѣля по 15-е октября (см. *Московскія Вѣдомости* 1830 г., № 24, стр. 1156 и 1833 г., № 16, стр. 722—723).

ній годъ упросилъ ихъ взять одного моего и отдаю къ нимъ самаго выборнаго. Можетъ быть на будущій годъ и я заведу четырехъ-польное въ Чукавинѣ..... Отобѣдавъ у Шелехова, я пріѣхалъ на ночь въ Чукавино; на другой же день пріѣхалъ ко мнѣ архитекторъ. Я рѣшился весною отштукатурить, но на всякій случай велю очистить нѣсколько комнатъ въ большомъ домѣ, чтобы въ нихъ жить, ежели тамъ будетъ сыро».

Такъ, въ переѣздахъ съ семьей изъ Москвы въ Чукавино и обратно, потекла мирная жизнь Ивана Ермолаевича. Осень и зиму 1832 г. молодые съ С. Х. Мудровой провели въ деревнѣ, гдѣ 13-го сентября у нихъ родилась дочь — Надежда Ивановна, которой авторъ этой статьи обязанъ сообщеніемъ многихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Зиму Великопольскіе обыкновенно проживали въ Москвѣ, въ своемъ Прѣсненскомъ домѣ, ведя довольно открытый образъ жизни, къ которому Иванъ Ермолаевичъ всегда былъ предрасположенъ, проводя вечера въ Англійскомъ клубѣ или принимая гостей у себя и посѣщая своихъ знакомыхъ. Такъ, онъ часто бывалъ у Аксаковыхъ, у которыхъ въ 1835 году присутствовалъ при первомъ чтеніи «Ревизора»[1]), къ автору котораго относился съ какимъ-то обожаніемъ. По свидѣтельству И. И. Панаева Сергѣй Тимоѳеевичъ любилъ по вечерамъ играть въ карты, и «между прочими партнерами его были тогда И. Е. Великопольскій и Н. Ф. Павловъ»[2]). Заимствуемъ изъ тѣхъ же воспоминаній Панаева любопытное описаніе вечера, даннаго Иваномъ Ермолаевичемъ въ 1839 году: «Великопольскій имѣлъ тогда собственный домъ на Прѣсненскихъ прудахъ. Однажды онъ давалъ въ этомъ домѣ по какому-то случаю, а можетъ быть — безъ всякаго случая, балъ и пригласилъ къ себѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ и, въ томъ числѣ, меня и Бѣлинскаго.... Часу въ девятомъ я отправился на балъ.... вмѣстѣ съ К. С. Аксаковымъ и Бѣлинскимъ... Домъ его былъ набитъ биткомъ гостями, оркестръ гремѣлъ, танцы были во всемъ разгарѣ. Лакеи безпрестанно разносили разныя прохладительныя, конфекты и фрукты. Толпы любопытныхъ собрались у дома. Садъ на Прѣсненскихъ пру-

1) Полное Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, т. III, С.-Пб. 1886, стр. 328 и его же «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» — *Русскій Архивъ* 1890 г., № 8, стр. 10—11.

2) Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 158.

дахъ былъ также наполненъ гуляющими. Бѣлинскій, К. Аксаковъ и я недолго оставались въ комнатахъ, гдѣ была нестерпимая духота. Мы пошли гулять на Прѣсненскіе пруды. Когда стемнѣло, къ изумленію нашему, часть Прѣсненскихъ прудовъ была иллюминована и импровизировалось народное гулянье. Около подъѣзда дома, на дворѣ, толпы гудѣли; многіе господа, незнакомые хозяину праздника, входили безцеремонно въ домъ и угощались. Хозяинъ дома появлялся на крыльцо, разговаривалъ привѣтливо съ стоявшими тутъ и отдалъ приказаніе угощать всѣхъ лимонадомъ, оршадомъ и конфектами. Подносы появлялись даже на Прѣсненскихъ прудахъ. Изъ толпы явился какой-то поэтъ и продекламировалъ стихи въ честь великодушнаго хозяина. Все это было чрезвычайно оригинально.

— «Вотъ, какіе праздники даютъ у насъ въ Москвѣ!» воскликнулъ К. Аксаковъ, съ торжественнымъ, сіяющимъ лицомъ обращаясь ко мнѣ: «гдѣ вы увидите что-нибудь подобное?.. Не выражается-ли въ этомъ широкая, размашистая славянская натура? (и Аксаковъ при этомъ размахнулъ рукою). Какъ не любить нашу Москву, Иванъ Ивановичъ, не правда-ли?» [1])

И дѣйствительно, натура у Ивана Ермолаевича была очень широкая: когда у него бывали деньги, онъ не любилъ считать ихъ и сыпалъ ими на-право и на-лѣво; а первые годы послѣ своей женитьбы онъ часто получалъ значительныя суммы съ имѣній и съ капитала, полученнаго имъ въ приданое [2]), особенно отъ продажи мачтоваго лѣса изъ своего Денежнаго; онъ много тратилъ на различныя литературныя затѣи, на театръ, котораго сталъ ревностнымъ посѣтителемъ; много денегъ уходило у него и на устройство праздниковъ, подобныхъ описанному Панаевымъ. По добротѣ своего сердца, Великопольскій не упускалъ случаевъ помочь нуждающимся, а оказать поддержку литератору, къ кругу которыхъ онъ съ гордостью причислялъ и себя и среди которыхъ постоянно вращался, было для него прямымъ удовольствіемъ. Такъ, напримѣръ, сохранилось извѣстіе о томъ, съ

---

1) Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 161—164.

2) За Софьей Матвѣевной Великопольскій взялъ: сельцо Ефимьяново и дер. Галузину въ Корчевскомъ и дер. Зарѣчье въ Калязинскомъ уѣздахъ Тверской губерніи, каменный домъ въ Аѳанасьевскомъ переулкѣ, деревянный на Прѣсненскихъ прудахъ, денегъ и драгоцѣнныхъ вещей болѣе чѣмъ на 200.000 рублей.

какимъ жаромъ отнесся Иванъ Ермолаевичъ къ распространившимся по Москвѣ въ концѣ 1838 г. слухамъ о томъ, что находившійся заграницей Гоголь посаженъ за долги въ тюрьму. «Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій», писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину, «сказалъ мнѣ, что видѣлъ у Васъ[1]) Кони, который подтвердилъ непріятное извѣстіе о Гоголѣ и предложилъ мнѣ составить для него подписку. Великопольскій даетъ тысячу рублей. Мысль святая! Вѣдь это позоръ всѣмъ намъ, если Гоголя засадятъ въ тюрьму![2]) Подписка состоялась, и извѣстно, какъ кстати пришла къ Гоголю помощь его московскихъ пріятелей и почитателей...

Въ слѣдующемъ, 1839 году, Иванъ Ермолаевичъ свое пребываніе въ Москвѣ отмѣтилъ поддержкой, оказанной имъ, также весьма во-время, Бѣлинскому, бывшему тогда въ большой нуждѣ; вотъ что писалъ нашъ знаменитый критикъ И. И. Панаеву 19-го августа 1839 г., въ минуту тяжелой нужды и во время болѣзни, когда ему не на что было купить даже лѣкарствъ: «Я было и носъ повѣсилъ, но вдругъ является И. Е. Великопольскій, освѣдомляется о здоровьѣ и проситъ меня быть съ нимъ безъ церемоній и сказать, нужны-ли мнѣ деньги. Я попросилъ 50 рублей, но онъ заставилъ меня взять 100. Вотъ такъ благодѣтельный помѣщикъ! На другой день, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, опять навѣстилъ меня»[3]). По словамъ Панаева, Великопольскій, познакомившійся съ Бѣлинскимъ черезъ Аксаковыхъ, и знавшій стѣсненное положеніе, въ которомъ тотъ часто находился, «*нерѣдко* помогалъ ему»[4]), чѣмъ, быть можетъ, объясняется тотъ фактъ, что Бѣлинскій, не имѣвъ возможности съ похвалой отзываться о произведеніяхъ добряка Великопольскаго и не желая огорчать его дурными рецензіями, старался обходить молчаніемъ творенія своего великодушнаго покровителя.

---

1) Съ Погодинымъ Великопольскій познакомился еще въ 1834 г. (см. книгу *Барсукова* «Жизнь и труды Погодина», т. IV, С.-Пб. 1891, стр. 239—240).

2) *Барсуковъ* «Жизнь и труды Погодина», т. V, С.-Пб. 1892, стр. 159; см. также «Исторію моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 г., № 8, стр. 13—14 и 24.

3) Литературныя воспоминанія *И. И. Панаева*. С.-Пб. 1888, стр. 296. Къ сожалѣнію, письма Бѣлинскаго къ Великопольскому, о которыхъ есть упоминаніе въ перепискѣ Ивана Ермолаевича съ женою, кажется погибли.

4) Тамъ же, стр. 161.

Иванъ Ермолаевичъ и послѣ женитьбы не оставлялъ своихъ излюбленныхъ литературныхъ занятій, постоянно создавая новыя темы для драматическихъ и иныхъ произведеній, занимаясь для того чтеніемъ, историческими и другими изысканіями. По нѣсколькимъ сохранившимся черновымъ тетрадямъ намъ извѣстно, что въ 1820—1840 годахъ имъ были написаны піесы: «Мнемозина, большая пастушеская лирическая фантазія въ 2-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, съ хорами, превращеніями, балетомъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ», «Сирота» (сцены); «Вдова», драма въ 5 дѣйствіяхъ, «Пьеретта и Душета, или полицейское слѣдствіе» (сцены), «Чудо Перуна» (1828—1829 гг.), лирическое представленіе въ 2-хъ частяхъ, изъ коихъ первая, подъ заглавіемъ «Заряна», напечатана была въ изданномъ Великопольскимъ въ 1859 году «Раскрытомъ портфелѣ» (стр. 121—151), и трилогія «Часы съ флейтой», первая часть которой была напечатана позже въ томъ же сборникѣ произведеній Великопольскаго. Наконецъ, онъ перевелъ въ стихахъ всю Вольтерову «Заиру», рукопись которой свидѣтельствуетъ объ изумительномъ усердіи Ивана Ермолаевича и его настойчивости. Кромѣ того, изъ имѣющихся у насъ двухъ томовъ «Пестраго альбома», — записной книжки, въ которую Иванъ Ермолаевичъ заносилъ всякія замѣтки, выписки, замѣчанія, наблюденія и т. п., мы видимъ, что имъ задуманы были и собирались матеріалы для трагедіи «Сумбека», для историческихъ драмъ «Крещеніе Владиміра», «Михаилъ Ярославичъ Тверской» и «Иванъ Сусанинъ», для драмъ «Торжество мнѣнія» и «Воскресное дитя», (впослѣдствіи была окончена) для комедій «Добросовѣстный», «Скупой» и т. д., и т. д. Съ этой цѣлью онъ записывалъ случайно слышанныя имъ лѣтнія выраженія, народныя пѣсни, пословицы, остроумныя замѣчанія; выписывалъ изъ книгъ, газетъ и журналовъ интересующія его свѣдѣнія по самымъ разнороднымъ наукамъ, отмѣчая противъ каждой выписки, къ какой комедіи, трагедіи, повѣсти и т. п. ее слѣдуетъ отнести. Весь этотъ обильно собранный матеріалъ Великопольскій старательно, часто насильственно, вставлялъ въ свои драматическія произведенія, отъ чего они теряли цѣльность и представляли изъ себя лишь рядъ отрывочныхъ наблюденій, набросковъ, часто не связанныхъ между собою. Такими именно качествами отличалась и изданная Великопольскимъ въ Москвѣ, въ февралѣ 1837 г., трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ «Владиміръ

Влонской», надъ которой онъ трудился очень долго, начавъ ее еще «въ холостомъ быту»[1]); примѣчанія къ предисловію и къ піесѣ поражаютъ количествомъ ссылокъ автора, для подтвержденія своихъ мнѣній, на многочисленныхъ писателей по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ[2]) и на произведенія Гюго, Байрона, Руссо, баронессы Сталь, баронессы Криденеръ, виконта d'Arlaincourt и др., на сочиненія Козлова, Грибоѣдова, на журнальныя статьи и т. д. Въ предисловіи онъ написалъ цѣлое изслѣдованіе въ защиту мелодрамы... Піеса эта, отвергнутая Петербургскою Театральной Дирекціей, при первомъ же появленіи своемъ на свѣтъ навлекла на автора насмѣшки со всѣхъ сторонъ. Бѣлинскій, прочитавъ ее, въ письмѣ къ А. А. Краевскому отъ 4-го февраля 1837 года предлагалъ прислать разборъ «Владиміра», говоря, что «трагедія издана очень красиво, съ большими затѣями, а написана еще съ большею бездарностію»[3]). Въ *Библіотекѣ для Чтенія* и въ *Сынѣ Отечества* появились предупредительныя извѣщенія о выходѣ трагедіи: «Въ Москвѣ явилась вещь неслыханная», писалъ въ *Библіотекѣ для Чтенія*[4]) Сенковскій: «несравненно любопытнѣе Галлеевой кометы, — *трагедія съ двумя хвостами*. Никогда еще родъ человѣческій не видывалъ такого дивнаго феномена! Это необычайное явленіе называется «Владиміръ Влонской», *трагедія Ивельева*», — и только. Изъ объявленія, приложеннаго къ «трагедіи Ивельева», видно, что она продается *пачками по двѣнадцати экземпляровъ*, и между прочимъ продается у Ротгана, который, не дождавшись «трагедіи Ивельева», умеръ въ началѣ прошлаго года». Вслѣдъ за тѣмъ, въ «Литературной лѣтописи» той же *Библіотеки для Чтенія*[5]) помѣщена была слѣдующая замѣтка о «Владимірѣ Влонскомъ»: «Два мѣсяца любовались мы на эту трагедію. Сама по себѣ она, если хотите, штука не важная, что́-то въ родѣ драмы: вся завязка въ томъ, что мужъ ревнуетъ жену ко всякому мужчинѣ, — дѣло очень позволительное. Онъ ревнуетъ ее особенно къ молодому гусару, — это еще позво-

1) Какъ сказано въ посвященіи трагедіи «Моей женѣ».

2) По теоріи и исторіи театра, музыкѣ, физикѣ и исторіи и т. д.

3) Систематическое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изданіе *Н. Зинченко*, вып. V, С.-Пб. 1899, стр. 4.

4) 1837 г., мартъ, т. 21, отд. VI, стр. 31—32.

5) 1837 г., т. XXII, отд. VI, стр. 18—20.

лительнѣе. А развязка, — развязка въ томъ, что мужъ подозрѣваетъ жену, будто она уѣхала изъ Московскаго Благороднаго Собранія съ вышереченнымъ гусаромъ. Это уже непозволительно. — Куда? зачѣмъ? — Крикъ, шумъ, чуть не драка. Однако, мужа разувѣряютъ наконецъ, и онъ, отъ досады ли, что былъ правъ, или отъ радости, что оказался неправымъ, бѣжитъ въ свой кабинетъ, схватываетъ пистолеты, — вы думаете, чтобъ стрѣляться? нѣтъ! — и застрѣливается самъ. — «Увы, что̀ зрю?», вскрикиваетъ жена и умираетъ со страху отъ такой глупости мужа.

Вѣчный покой всѣмъ тремъ, мужу, женѣ и «трагедіи Ивельева». Но трагедія тутъ дѣло самое послѣднее, а главное то, что авторъ не-шутя грозится сдѣлать этою трагедіей драматическую реформу, которой слѣдствія могутъ быть хуже слѣдствій реформы Англійскаго парламента. Для этой цѣли —

1. Трагедія написана четырехъ-стопнымъ хореемъ, безъ риѳмъ, какимъ Радищевъ написалъ «Бову Королевича», а Сумароковъ и Херасковъ писали анакреонтическія оды.

2. Пока авторъ писалъ «Владиміра Влонскаго, трагедію Ивельева», успѣли явиться въ свѣтъ «Горе отъ ума», «Ревизоръ» и «Урокъ матушкамъ». Открылось давно извѣстное дѣло — столкновеніе геніевъ. Авторъ принужденъ былъ послѣ этого, въ огромномъ предисловіи, клясться, что онъ и не думалъ заимствовать у Грибоѣдова, Гоголя и «Урока матушкамъ», хотя въ его трагедіи найдется похожее на то, на другое и на третье. «Могъ ли я заимствовать изъ «Ревизора», говоритъ авторъ, когда моя трагедія отцензурована 17-го февраля, а «Ревизоръ» цензурованъ 17-го марта прошлаго 1836 года!» Это правда; да дѣло не въ томъ, а въ реформѣ, и потому —

3. Показавши примѣръ новаго стихосложенія для сцены, авторъ изобрѣлъ нѣчто еще важнѣйшее — новый способъ ставить драму на сценѣ *по нотамъ*[1]). Что̀ это такое? Вотъ что: вся сцена театральная дѣлится на *графы;* дѣйствующія лица изображаются *нотами*, и всѣ

1) Дѣйствительно, этотъ курьезный «Способъ нотной постановки театральныхъ представленій» (стр. XV—XXIII), придуманный Великопольскимъ по образцу хореграфическихъ знаковъ и нотъ, вызываетъ невольную улыбку при мысли о томъ трудѣ, который онъ потратилъ на разработку этого никому не нужнаго сложнаго способа, дѣлающаго, къ тому-же, изъ актера какую-то машину.

ихъ разговоры, переходы, выходы, входы, маханья руками подводятся подъ музыкальные звуки. Остается только изобрѣсть огромные клавиши, машину, которая изъ оркестра шевелила бы актеровъ по нотамъ, и всякая сцена будетъ послѣ того разыгрываться стройно, какъ концертъ.

Мы не мистифируемъ. Прочтите сами предисловіе и послѣсловіе къ «Владиміру Влонскому, трагедіи Ивельева». Авторъ приложилъ даже двѣ длинныя таблицы нотъ сценическихъ, которыя образуютъ два хвоста у sternum трагедіи, и совсѣмъ не думаетъ шутить. Но это ли одно онъ предлагаетъ! Какъ до сихъ поръ актеры у насъ заколались и заколали своихъ товарищей на сценѣ? Это срамъ! Просто, покажутъ видъ, будто ткнутъ кинжаломъ, и тотъ, кого ткнутъ, падаетъ и умираетъ. Но какъ можно умереть *безъ крови?* Это вовсе не естественно. Авторъ требуетъ, чтобы кровь текла непремѣнно у того, кого убиваютъ или кто убивается. Какъ это сдѣлать, не объяснено, но можно вообразить, что это было бы прекрасно.

Не должно думать, чтобы авторъ только требовалъ «реформы» сценической, и самъ не подавалъ къ ней примѣра. Онъ добивается вѣрнаго подражанія природѣ, безъ чего нѣтъ искусства. Въ третьемъ дѣйствіи, напримѣръ, выходятъ на сцену *пятьдесятъ* человѣкъ, и всѣ они, вдругъ и порознь, разсуждаютъ, пляшутъ, играютъ въ карты, ссорятся, смѣются, и въ одно время говорятъ по-русски, по-французски и по-нѣмецки, потому что театръ изображаетъ въ это время Благородное Собраніе. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является «каррикатурная мужская маска», которая «*отличается женоподобіемъ, полна, бѣла и румяна; на головѣ у нея колпакъ, а въ рукѣ хлопушка для мухъ*». Особеннымъ механизмомъ, мухи летаютъ по сценѣ, чтобы маска могла ихъ бить[1]). Тутъ же выходитъ «*Неприличная маска*», которая должна быть «*въ кофтѣ и шароварахъ, съ птицеобразнымъ лицомъ*». Но она мало дѣйствуетъ. Она только подбѣгаетъ къ одной изъ дамъ, кричитъ: «*Кукекекя!*» Дама пугается, кричитъ: «Ахъ, ахъ!» Другіе кричатъ: «Э! э!» Маска между-тѣмъ «*бѣгаетъ по сценѣ и дурачится*». Тутъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ «*подзываетъ полицейскаго офицера, приказываетъ ее вывести, что тотъ и выполняетъ*». Все, какъ въ природѣ!»

---

1) Этого у Великопольскаго нѣтъ. *Б. М.*

Отзывъ критика *Сына Отечества*—В. В. В. (Вл. Мих. Строева[1]) былъ не менѣе жестокъ. Мы позволимъ себѣ, не излагая содержанія трагедіи Ивана Ермолаевича, ограничиться приведеніемъ этого отзыва, такъ какъ онъ дастъ достаточное представленіе о піесѣ и ея странностяхъ, а также покажетъ намъ отношеніе къ Великопольскому тогдашней критики. Предупредивъ читателей о выходѣ «Владиміра Влонскаго»[2]) и совѣтуя имъ купить трагедію «и прочесть для смѣха, если у нихъ достанетъ терпѣнія на этотъ подвигъ», такъ какъ «авторъ вводитъ разныя театральныя преобразованія, надъ которыми можно прохохотать нѣсколько часовъ сряду», В. М. Строевъ писалъ[3]): «Трудъ г-на Ивельева обращаетъ на себя особенное вниманіе по своей странности, по претензіямъ на ученость, на знаніе химіи и сердца человѣческаго, физики и сцены, механики и кулисъ,—всего, что подъ небомъ и надъ землею.

Въ длинномъ предисловіи, занимающемъ 35 страницъ, почтенный авторъ старается доказать, что его трагедія хороша, очень хороша, чрезвычайно хороша, удивительно хороша, несравненно хороша, такъ хороша, что мочи нѣтъ ее слушать или читать! Авторъ признается и чувствуетъ, что ее не станутъ играть на сценѣ, однако же это благородное убѣжденіе не мѣшаетъ ему длинно-предлинно толковать о постановкѣ «Владиміра Влонскаго» на сцену. Въ этихъ толкахъ г-нъ Ивельевъ негодуетъ на теперешнюю систему театральныхъ перемѣнъ и предлагаетъ свою новую методу, которая очень хороша, удивительно хороша, несравненно хороша.... въ книгѣ!

Потомъ почтенный авторъ разрѣшаетъ другой вопросъ: *нѣтъ ли музыки въ самой тишинѣ?* и находитъ, что есть, *какъ есть цвѣтъ въ черномъ цвѣтѣ, отсутствіи всѣхъ цвѣтовъ*. Далѣе авторъ разрѣшаетъ еще вопросъ: *не слышимъ-ли мы того, что видимъ?* и думаетъ, что слышимъ. Глухіе, juges compétents въ этомъ дѣлѣ, увѣряютъ, что они все видятъ и ничего не слышутъ, а слѣпые говорятъ, что они все слышутъ и ничего не видятъ. Это немного несогласно съ теоріею г-на Ивельева; но что за дѣло до опыта? На основаніи этой новодока-

1) См. эпиграмму Великопольскаго на Н. Ѳ. Щербину, напечатанную мною въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 6, стр. 629.

2) Ч. CLXXXVI, стр. 364.

3) Тамъ же, стр. 455—460.

занной истины авторъ думаетъ, что въ его трагедію нужно ввести изобразительную музыку, то-есть такую, которую мы будемъ разомъ и слышать, и видѣть, такъ что даже глухіе могутъ присутствовать съ успѣхомъ при разыгрываніи этой новой музыки, изобрѣтенной г-мъ Ивельевымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ современныхъ изобрѣтеній это — самое полезное, самое удивительное, самое непостижимое и самое неудобоисполнимое!

Но повѣримъ на-слово и пойдемъ далѣе по слѣдамъ предисловія. Мы идемъ какъ бы на удачу, безъ руководства логики, по порядку, избранному самимъ авторомъ. Доказавъ и открывъ *видимую* музыку, г-нъ Ивельевъ начинаетъ оправдываться въ нечаянныхъ встрѣчахъ съ извѣстными авторами. У г-на Ивельева есть графъ Чутьлипкинъ, удивительно похожій на князя Тугоуховскаго въ комедіи Грибоѣдова. Авторъ не шутя увѣряетъ, что онъ не занялъ этого лица у Грибоѣдова, а *такъ*... нечаянно встрѣтился съ нимъ.

Потомъ есть еще слуга Василій, похожій на Осипа (въ «Ревизорѣ» Гоголя), какъ двѣ капли воды. Г-нъ Ивельевъ предупреждаетъ, что и этого лица онъ не занималъ у Гоголя, а *такъ*... нечаянно встрѣтился съ нимъ[1]).

Есть еще нѣкоторыя тирады, очень похожія на тирады въ «Урокѣ матушкамъ», но и это, по увѣренію почтеннаго автора, тоже случилось *такъ*.... нечаянно!.....

Передъ драмою напечатанъ списокъ дѣйствующихъ лицъ съ означеніемъ ихъ лѣтъ, примѣтъ и свойствъ. Списокъ этотъ занимаетъ девять страницъ!!! Примѣты означены очень подробно[2]); про дѣвицу

---

1) Великопольскій сравниваетъ слова своего Василія (дѣйствіе 2-е, явл. 6-е)

«Право,
Господамъ житье: вотъ возлѣ
Два шага платокъ, нѣтъ: «Васька!
Дай сюда!» А Васька будто
И не человѣкъ!» и т. д.

съ извѣстными словами Осипа: «Нѣтъ, вишь-ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (дразнитъ): «Эй, Осипъ! Ступай, посмотри комнату!». Общаго, конечно, въ этихъ двухъ монологахъ ничего нѣтъ.

2) Характеристики дѣйствующихъ лицъ въ драмахъ Великопольскаго, въ самомъ дѣлѣ, иногда до смѣшного излишне-подробны и часто даже не доказываются ихъ поступками въ піесѣ.

Любиньку Брылову сказано, что она должна имѣть золотушные знаки на щекѣ.....

Два раза прочли мы трагедію и затрудняемся разсказать ея содержаніе. Авторъ говоритъ, что онъ положилъ въ основу своей трагедіи нравственную мысль: *въ семейственномъ счастіи любовь супружеская неразлучна съ уваженіемъ*. Если-бъ мы этого давно не знали, то вѣрно бы не узнали изъ «Владиміра Влонскаго». Мы подумали бы, что авторъ хочетъ доказать намъ, что въ семейственномъ счастіи нѣтъ ни любви, ни уваженія,—и вотъ почему: Владиміръ Влонской любитъ и уважаетъ жену свою, миленькую Оленьку, и оба они очень несчастливы. Стало-быть, наоборотъ: если-бъ Владиміръ не любилъ и не уважалъ Оленьки, то онъ былъ бы счастливъ! Это выводъ самый простой и вѣрный!

Отчего же авторъ такъ горько ошибся и доказалъ противное тому, что онъ хотѣлъ или думалъ доказать? Оттого, что его происшествіе дурно изобрѣтено и характеры ложны. Если мужъ любитъ жену, то онъ ея не подозрѣваетъ; онъ можетъ ее ревновать, беречь, но не можетъ оскорбить гнуснымъ подозрѣніемъ [1].....

Въ концѣ книги приложены двѣ литографированныя таблицы. Первая представляетъ сцену Александринскаго театра, раздѣленную на квадратики, а вторая изображаетъ, какъ актеры должны *ходить по нотамъ*. Польза этихъ таблицъ будетъ оцѣнена только дальнѣйшимъ потомствомъ»....

И. Е. Великопольскій обладалъ изумительною энергіею, настойчивостью и твердостью въ убѣжденіяхъ. Такъ и теперь: отзывы, нами приведенные и имъ подобные, сильно огорчивъ его, не ослабили въ немъ желанія писать и появляться передъ читающей публикой. Будучи убѣжденъ въ достоинствѣ своихъ произведеній, онъ находилъ под-

---

1) Эту то мысль, по нашему мнѣнію, Великопольскій и доказываетъ вполнѣ убѣдительно, а критикъ только «передергиваетъ» его слова. То же убѣжденіе Иванъ Ермолаевичъ проводилъ и въ жизни. Вотъ, что писалъ онъ своей женѣ по случаю какого-то происшедшаго между ними недоразумѣнія: «Поразсуди хорошенько, вспомни мое слово, успокойся и утвердись въ полномъ ко мнѣ довѣріи, съ которымъ, авторъ «Владиміра» говоритъ, неразлучна и любовь, потому что довѣріе неразлучно съ уваженіемъ. Ошибка не должна еще разрушать уваженія, тѣмъ болѣе, когда авторъ ошибки сознается въ своемъ произведеніи. Авторъ «Владиміра» и авторъ ошибки можетъ еще быть одинъ и тотъ же человѣкъ».

держку и одобреніе и со стороны нѣкоторыхъ друзей, а также своей жены — Софьи Матвѣевны[1]). Проживая въ Петербургѣ въ 1840 г., онъ затѣялъ изданіе альманаха «Метеоръ», для котораго, какъ видно изъ его «Пестраго альбома», предназначалъ «двѣ или три повѣсти», два драматическихъ произведенія: «Любовь и Честь» (свою трагедію) и «Олега»[2]), одну поэму или повѣсть въ стихахъ, а также разсчитывалъ достать отрывокъ «Мертвыхъ Душъ», о чемъ и писалъ Погодину, прося его посредничества между нимъ и Гоголемъ[3]). Однако, предпріятіе Великопольскаго осталось лишь въ области однихъ предположеній, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса въ 1841 году совпало съ дѣломъ о запрещеніи и уничтоженіи его новой трагедіи: «Янетерскій»,— и Иванъ Ермолаевичъ получилъ категорическій отказъ изъ Цензурнаго Комитета. За то въ этомъ 1841 году Иванъ Ермолаевичъ сразу выступилъ въ свѣтъ съ двумя піесами: драмой «Любовь и Честь» и трагедіей «Янетерской»[4]); послѣдняя, изъ побужденій, которыя мы изложимъ ниже, была немедленно же изъята изъ продажи и уничтожена, не попавъ, такимъ образомъ, на судъ критики, а первая — «Любовь и Честь», вызвала многочисленные о себѣ отзывы, но.... опять не со-

---

1) Вотъ, напримѣръ, что писала она Ивану Ермолаевичу (по поводу его драмы «Любовь и Честь») изъ Чукавина въ Петербургъ 22-го сентября 1840 г.: «Тебѣ предстоитъ великое дѣло: ты скажешь имъ, что такое драма; ты имъ покажешь ее во всей простотѣ, во всей строгости, во всемъ изяществѣ. Знаешь-ли, какое на меня дѣйствіе имѣетъ чтеніе твоихъ драмъ? Я въ эти минуты не живу только жизнью дѣйствующихъ лицъ, но я вхожу въ какой-то необъятный міръ, гдѣ я вижу не одинъ разыгрывающійся случай, какъ на бѣдной картинкѣ, въ бѣдной рамкѣ, но гдѣ меня со всѣхъ сторонъ окружаетъ общая жизнь и въ этой общей жизни я заинтересовываюсь нѣкоторыми лицами: жизнь идетъ, драма идетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаются происшествія заинтересовывающихъ лицъ. Для твоихъ драмъ нѣтъ никакой сработанной рамы ни подзолоченной, ни подточенной».... и т. д.

2) По сообщенной мнѣ И. А. Кубасовымъ выдержкѣ изъ неизданнаго еще письма А. В. Кольцова къ Бѣлинскому (изъ Москвы отъ 10-го января 1841 г.) видно, что подъ «Олегомъ» слѣдуетъ здѣсь разумѣть драматическую пародію въ стихахъ К. С. Аксакова, «Олегъ подъ Константинополемъ» написанную еще въ 1830-хъ годахъ. Піеса эта была издана лишь въ 1858 г. тѣмъ же лицомъ, какъ и «Раскрытый портфѣль» Великопольскаго, напечатанный вторымъ выпускомъ въ серіи предпринятыхъ «изданій любителя» (то-есть, Я. В. Писарева).

3) *Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. V, С.-Пб. 1892, стр. 324.

4) Вторую онъ предполагалъ посвятить «талантамъ Александры Михайловны и Василія Андреевича Каратыгиныхъ», а первую — «высокому русскому комику Михаилу Семеновичу Щепкину», которому въ ней была предназначена роль Майева. («Пестрый Альбомъ», ч. I, рукопись).

всѣмъ благопріятные для нашего автора. Такъ, П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту 14-го февраля 1841 г., что піесы «Янетерской» и «Любовь и Честь» такъ смѣшны и небывалы, что онъ, «вырывая на удачу сцены», чуть не уморилъ со смѣху своего знакомаго [1]). Мнѣнія критики о второмъ произведеніи были почти единогласны: за піесой «Любовь и Честь» признавались несомнѣнныя достоинства, но отмѣчалось то-же отсутствіе связи между отдѣльными сценами и общимъ ходомъ дѣйствія, вызванное всегдашнимъ желаніемъ автора наполнить свои произведенія возможно большимъ числомъ наблюденій и картинокъ, списанныхъ съ натуры. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* [2]):

«Г. Ивельевъ (имя, не безызвѣстное въ русской литературѣ) даритъ русскую публику новою драмою и при томъ хорошею драмою, въ такое время, когда кромѣ глупыхъ и плоскихъ водевилей въ драматической литературѣ нашей ничего не является. «Любовь и честь» написана прозою. Это—сборъ отдѣльныхъ сценъ, мѣстами очень живыхъ и занимательныхъ, но которыя не находятся во внутренней связи между собою и не образуютъ собою цѣлаго. Герой драмы постоянно боленъ и унылъ отъ мысли о дѣвушкѣ, которую онъ когда то, еще будучи мальчикомъ, соблазнилъ. Потомъ тутъ часто является дѣвушка Майева. Отецъ отдаетъ ее за дурака Телепаева—разумѣется противъ воли. Вотъ рядятъ ее къ вѣнцу,—а тутъ совершилось странное событіе, довольно обстоятельно изложенное авторомъ въ прописи. Пересказываемъ словами автора: «Зеркало начало покрываться мракомъ. Майева вся устремилась въ него, не слыша и не видя, что̀ около нея происходитъ. Графиня, надѣвъ серьгу, берется за другую. Вдругъ представляется въ зеркалѣ изба. Умирающій Брецкій, въ сюртукѣ, безъ эполетъ, сидитъ на постели, постланной на лавкѣ. Онъ простираетъ къ ней руки, что-то хочетъ сказать и испускаетъ духъ. Она вскрикиваетъ, встаетъ и упадаетъ безъ чувствъ на зеркало. Все исчезло. Дѣвушки ее поддерживаютъ».

Признаемся, мы въ этомъ очень мало поняли; но даровитый авторъ какъ будто предвидѣлъ это и особеннымъ примѣчаніемъ въ концѣ книги

---

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I, С.-Пб. 1896, стр. 244.
2) 1841 г., т. XV, отд. VII, стр. 11—12.

поспѣшилъ очень удовлетворительно разрѣшить наше недоумѣніе. Выписываемъ его объясненіе слово въ слово:

«Нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кому я читалъ мою драму и судомъ которыхъ я не могу не дорожить, показалось съ перваго взгляда окончаніе неестественнымъ и приведеннымъ будто бы только для эффекта. Изъ опасенія, чтобъ и мои читатели не раздѣлили этого мнѣнія, я прошу ихъ вникнуть въ то, что хотя Майева и Брецкой ни разу не встрѣчаются въ драмѣ, но страстно другъ друга любятъ и находятся въ непрестанномъ душевномъ магнетическомъ другъ къ другу влеченіи. Въ торжественныя же минуты смерти одного и насильственной свадьбы другой, когда изъ всей земной жизни осталась для нихъ только память взаимной любви, нравственныя ихъ силы должны были возвыситься до величайшаго напряженія, а взаимное соотношеніе могло развиться до проявленія.—Сколько ходитъ между нами разсказовъ о подобныхъ случаяхъ, подтверждаемыхъ даже исторіею. Можно сомнѣваться, но нельзя отрицать».

Въ этой драмѣ *сто-семь* дѣйствующихъ лицъ, не считая присутствующихъ только на сценѣ. Содержанія ея мы не будемъ разсказывать читателямъ: пусть они сами прочтутъ драму; увѣряемъ ихъ, что скажутъ намъ спасибо за совѣтъ и въ накладѣ отъ труда не останутся. Впрочемъ, предувѣдомляемъ читателей, они найдутъ много страннаго въ драмѣ г. Ивельева; но это—слѣдствіе его особеннаго и оригинальнаго взгляда на сущность драмы, который мы, признаемся, не хорошо понимаемъ, а потому и желали бы, чтобъ талантливый авторъ изложилъ въ особенномъ теоретическомъ сочиненіи свои понятія о драматической поэзіи[1]). Тогда мы поговорили бы съ нимъ объ этомъ интересномъ предметѣ и, можетъ быть, поспорили бы. Кстати о странностяхъ: мы очень желали бы знать, какое впечатлѣніе произведетъ на читателей вотъ эта пѣсня изъ «Любви и Чести», которую поютъ пѣсенники въ Москвѣ, въ Марьиной рощѣ:

Великая нацья при морѣ живетъ,
Ѣстъ хлѣбенный супъ, виноградное пьетъ.

---

1) Свои теоретическіе взгляды на драму Великопольскій высказалъ, между прочимъ, въ брошюрѣ «Опытъ оправданія піэсы «Память Бородинской битвы» (С.-Пб. 1848), о которой сказано будетъ ниже.

А есть на востокѣ другая страна,
Море то при ней, не при морѣ она;
Хлѣбъ рѣжетъ ломтями, и кашу да щи
Простымъ запиваетъ, что въ горлѣ трещи.

Хоръ: Гой, гой, гой!
Буки азъ,
Буки разъ,
Буки люди,
Буки жлуди,
Буки еръ
Кавалеръ....
Вивъ Генри катеръ,
Виве Наполео!

Окончанія этой прекрасной пѣсни не выписываемъ, не почитая себя въ-правѣ брать цѣликомъ лучшія мѣста (какъ это, вѣроятно, сдѣлаютъ другіе журналы) и помня пословицу: «хорошаго по немногу»...

Драма г. Ивельева издана со всею типографическою роскошью и изяществомъ».

Мнѣніе *Литературной газеты*, редактировавшейся тогда Ѳ. А. Кони, было болѣе благопріятно для Великопольскаго:

«Въ наше время» писали здѣсь [1]): «время совершеннаго упадка драматической литературы, «Любовь и честь» очень отрадное явленіе. Въ піесѣ разбросано много искръ ума, въ ней есть движеніе, хотя нѣтъ общей связи между этимъ движеніемъ и ходомъ самаго происшествія, то-есть, нѣтъ драмы въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее доселѣ понимали. Прочитавъ драму г. Ивельева, вы увидите, что у автора совсѣмъ другой взглядъ на этотъ предметъ, но какой именно — трудно понять. Если почтенный авторъ издастъ еще нѣсколько піесъ въ этомъ родѣ, мы, можетъ быть, возьмемся объяснить его *взглядъ* и степень пользы и необходимости нововведенія, которое онъ, повидимому, усиливается усвоить современной драматургіи. Не смотря на странности, которыя на каждомъ шагу поражаютъ читателя, «Любовь и честь» читается съ удовольствіемъ. Есть много сценъ живыхъ, оригинальныхъ, спи-

1) 1841 г., № 45, 26-го апрѣля, стр. 179.

санныхъ съ природы бойко и вѣрно. Такова, напримѣръ, *Марьина роща*[1]), гдѣ авторъ васъ совершенно переноситъ на мѣсто дѣйствія и до того поражаетъ вѣрностью картины, что всякій, кто только живалъ въ Москвѣ, невольно вспомнитъ веселую, разгульную *Марьину Рощу*. Нѣкоторыхъ критиковъ особенно поразилъ своею оригинальностію хоръ пѣсенниковъ[2])... Имъ эта пѣсня показалась невѣроятною; но одинъ коренной москвичъ, которому случилось слышать эту пѣсню отъ одного солдата, сообщилъ намъ ее даже еще въ гораздо большемъ объемѣ.... Вообще въ драмѣ очень много прекрасныхъ мѣстъ.... и мы совѣтуемъ прочесть ее; читатели останутся ею довольны, а за недостатки и длинноту великодушно простятъ автора, имѣющаго свой взглядъ на это дѣло, точно такъ, какъ прощали нѣкогда сухость и почти *безконечность* драматическихъ фантазій Кукольника».

Самымъ удачнымъ, по нашему мнѣнію, отзывомъ о піесѣ Великопольскаго является разборъ, напечатанный въ *Маякѣ*[3]) и принадлежащій перу одного изъ его редакторовъ—П. А. Корсакова: онъ, разсматривая «Любовь и честь», находилъ, что въ ней, такъ же какъ и во «Владимірѣ Влонскомъ», «есть хорошія сцены, видна наблюдательность, начитанность, умъ, но нѣтъ цѣлаго, нѣтъ драматическаго интереса. Это — рядъ картинъ, иногда довольно удачно схваченныхъ, но сшитыхъ между собою на живую нитку. Авторъ..., гоняясь.... за частностями, совершенно уничтожилъ главный интересъ, расхолодилъ его до утомительности бездной другихъ мелкихъ интересовъ, цѣлымъ строемъ дѣйствующихъ лицъ, появляющихся одно за другимъ какъ китайскія тѣни въ волшебномъ фонарѣ[4]). Такое множество характеровъ, рачительно выставленныхъ на показъ, каждый въ своей сферѣ, въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ, до того развлекаютъ вниманіе читателя, что онъ по-неволѣ холодѣетъ къ главнымъ дѣйствователямъ....

---

1) Дѣйствіе 3-е, видъ VII.

2) См. выше, въ рецензіи Бѣлинскаго.

3) 1841 г., ч. XV, гл. IV, стр. 209—211.

4) Обиліемъ ихъ, дѣйствительно, поражаютъ произведенія Великопольскаго: во «Владимірѣ Влонскомъ» ихъ — 60 человѣкъ, въ «Любви и чести» — 105 человѣкъ, въ «Янетерскомъ» — 57 человѣкъ, не считая статистовъ; піесы, оставшіяся ненапечатанными, также переполнены дѣйствующими лицами и къ каждому изъ нихъ Великопольскій пріурочиваетъ то или иное изъ записанныхъ имъ наблюденій, замѣтокъ, выписокъ и т. п.

Мы далеки отъ того», пишетъ далѣе Корсаковъ, «чтобы отрицать въ почтенномъ авторѣ всякій талантъ: мы даже увѣрены, что если онъ послушается добросовѣстнаго совѣта нашего, то можетъ подарить отечественную публику произведеніемъ, достойнымъ и родины, и пишущаго ея сына»...[1]).

Выше уже было вскользь упомянуто объ уничтоженіи изданной Великопольскимъ, одновременно съ драмой «Любовь и Честь», трагедіи «Янетерской»[2]). Причиной этого уничтоженія цензурой выставлена была «безнравственность» произведенія Ивана Ермолаевича, который представилъ въ немъ печальную судьбу своего героя, не знающаго ни отца, ни матери.

Содержаніе піесы состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ молодой человѣкъ; по фамиліи Янетерской[3]), — тщательно скрывающій свое неза-

1) Въ *Современникѣ* (1841 г., т. XXIII, стр. 23—24) былъ помѣщенъ слѣдующій коротенькій отзывъ о драмѣ Великопольскаго, принадлежащій Плетневу (см. его Сочиненія и переписку, т. II, С.-Пб. 1882, стр. 322): «Авторъ увлекся мыслію совершенно новою: вмѣсто обыкновенныхъ пружинъ, которыми движутся драматическія лица, вмѣсто страстей огненныхъ или запутанной интриги, онъ употребилъ магнетическое стремленіе. Есть-ли истина въ его соображеніи? Конечно, трудно это опровергнуть, потому что существованіе силы животнаго магнетизма не подвержено сомнѣнію. Но въ искусствѣ, которое должно быть основано на ощущеніяхъ ясныхъ и всѣмъ понятныхъ, едва-ли можно употребить съ успѣхомъ побужденія темныя и безотчетныя. Впрочемъ, всякое покушеніе расширить кругъ искусства замѣчательно и не должно быть пренебрегаемо, особенно если въ немъ выражается полное сознаніе автора. Мы желали бы только въ этой драмѣ видѣть болѣе простоты дѣйствія и болѣе естественнаго движенія сценъ». Въ 1848 г. баронъ Е. Ѳ. Розенъ, разбирая въ *Сынѣ Отечества* (кн. 10, отд. VI, стр. 9—15) «Опытъ оправданія піэсы «Память Бородинской битвы» Великопольскаго и говоря объ отличающемъ всѣ произведенія его «отсутствіи въ нихъ движенія драматическаго и единства его», выразился объ уничтоженномъ «Янетерскомъ», что эта драма «поразила его геніальностью созданія, смѣлостью художественныхъ пріемовъ, обширностью своего круга дѣйствій». Такъ разнообразны были мнѣнія современной Великопольскому критики о его произведеніяхъ.

2) Передъ напечатаніемъ ея, Иванъ Ермолаевичъ читалъ ее въ кружкѣ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, въ «Отелѣ Демута». «На этомъ чтеніи», разсказываетъ свидѣтель его И. И. Панаевъ: «присутствовалъ, между прочими, и С. Т. Аксаковъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ. Передъ чтеніемъ слушателямъ данъ былъ роскошный обѣдъ... Чтеніе началось въ 7 часовъ и продолжалось до полуночи. Насыщенные слушатели дремали и отъ времени до времени вздрагивали. Съ лица С. Т. Аксакова, сидѣвшаго противъ самаго автора, лился потъ градомъ; онъ безпрестанно вытиралъ свой лобъ и съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ опирался о спинку стула, который трещалъ при этомъ напорѣ. Когда чтеніе кончилось и Сергѣй Тимоѳеевичъ всталъ со стула, — стулъ совсѣмъ развалился...» (Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 161—162).

3) «Я не Терской».

конное происхожденіе, но сообщившій о немъ полковнику Глуминцеву, вызываетъ послѣдняго на дуэль, когда тотъ выдаетъ его тайну княгинѣ Ситской, за дочерью которой они оба ухаживаютъ, и убиваетъ Глуминцева. Затѣмъ, изъ духовнаго завѣщанія, полученнаго Янетерскимъ изъ суда, онъ узнаетъ, что воспитавшій его человѣкъ, котораго онъ почти и не зналъ, но считалъ своимъ отцомъ, былъ нѣкто Терской, но что на самомъ дѣлѣ онъ не былъ его отцомъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи Янетерскому дѣлается извѣстно, что одна сумасшедшая женщина, Стешнева, уже давно помѣшавшаяся отъ потери своего ребенка, никто иная, какъ его мать, а Глуминцевъ, котораго онъ убилъ на дуэли, его настоящій отецъ. Какъ видитъ читатель, на нашъ современный взглядъ въ содержаніи піесы нѣтъ ничего противоцензурнаго; нѣтъ его и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Но въ 1841 году судили иначе: піесу сочли болѣе, чѣмъ безнравственной и опасной по содержанію, и по поводу пропуска ея цензоромъ возгорѣлось цѣлое дѣло, изъ котораго мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые характерные документы[1]).

Узнавъ о разрѣшеніи на выпускъ въ свѣтъ «Янетерскаго», попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій одновременно и предсѣдателемъ Цензурнаго Комитета, немедленно послалъ запросъ пропустившему ее цензору Евстафію Ивановичу Ольдекопу,—и послѣдній 20-го февраля представилъ князю свои объясненія въ слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. князь Михаилъ Александровичъ! Вашему Сіятельству угодно было предписать мнѣ изложить, на какомъ основаніи одобрена мною трагедія «Янетерской».

Вашему Сіятельству извѣстно, что я въ теченіе двѣнадцати лѣтъ былъ театральнымъ цензоромъ, и во все это время единственное и безпрестанное мое занятіе состояло въ чтеніи неистовыхъ произведеній новѣйшихъ романистовъ. То, что мнѣ сначала было отвратительно, въ теченіе многихъ лѣтъ сдѣлалось менѣе непріятнымъ, и піесы самыя гнусныя, безъ всякой нравственной цѣли, какъ напримѣръ «Антоній», были даже, хотя противъ моего мнѣнія, одобрены и представлены на здѣшней сценѣ[2]). Такимъ образомъ, я, мало-по-малу, привыкъ къ

1) Они сохранились въ бумагахъ Великопольскаго.

2) Вѣроятно разумѣется переведенная В. А. Каратыгинымъ драма А. Дюма того же названія, представленная на Петербургской сценѣ въ 1832 году.

этимъ ужасамъ, которые показались мнѣ болѣе сносными отъ привычки. Человѣкъ можетъ привыкать ко всему: Митридатъ привыкъ даже къ яду.

Въ прошедшемъ году, лѣтомъ и осенью, я страдалъ сильнымъ ревматизмомъ въ головѣ, но, несмотря на ужасную боль, ревностно занимался не только порученными мнѣ дѣлами цензурными, но и дѣлами двухъ моихъ почтенныхъ товарищей, находившихся тогда въ отсутствіи. Въ это самое время явился ко мнѣ г. сочинитель піесы «Янетерской», котораго я зналъ и уважалъ прежде. Онъ изложилъ мнѣ весь ходъ своей піесы, мнѣ уже прежде извѣстной. Я просилъ его обращаться къ его сіятельству князю Григорію Петровичу Волконскому. Онъ это сдѣлалъ, и его сіятельство сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, піеса можетъ быть одобрена. Главная вина моя та, что я увлекся убѣжденіями г. сочинителя, въ которомъ я нашелъ человѣка самаго благороднаго, съ честнѣйшими правилами. Находя въ немъ истиннаго дворянина и удостовѣрившись, что главная цѣль піесы самая моральная, я одобрилъ ее. Теперь я ясно вижу всю необдуманность моего поступка, но, по крайней мѣрѣ, могу увѣрить Ваше Сіятельство, что главная вина моя состоитъ въ томъ, что не устоялъ противъ убѣжденій г. сочинителя, который во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ извѣстенъ, какъ уваженія достойный человѣкъ.

Книга еще не поступила въ продажу, даже еще не объявлена. Г. сочинитель сообщилъ мнѣ, что отпечатано было 720 экземпляровъ, изъ которыхъ только 40 разосланы, всѣ другіе находятся въ С.-Петербургѣ, отчасти у сочинителя, отчасти — у его коммиссіонера и книгопродавца Юнгмейстера. Г. сочинитель, всегда вѣрный благородству души своей, готовъ ко всѣмъ перемѣнамъ, даже — къ уничтоженію книги.

Изложивъ Вашему Сіятельству все дѣло, какъ оно было, съ полною откровенностью, я повторяю, что теперь чувствую всю вину мою, но почти увѣренъ, что каждый другой цензоръ, уважая благородство сочинителя и увлеченный его убѣжденіями, можетъ-быть, сдѣлалъ-бы подобную ошибку.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Евстафій Ольдекопъ».

Въ дополненіе къ этому письму, на другой же день Ольдекопъ писалъ слѣдующее:

«Въ письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству сознавшись въ моей ошибкѣ—въ пропущеніи трагедіи «Янетерской», я немедленно спѣшилъ исправить вину мою по мѣрѣ силъ моихъ. По вторичномъ разсмотрѣніи піесы и снесшись съ авторомъ, честь имѣю представить Вашему Сіятельству перепечатанные картоны со всѣми нужными перемѣнами. Если Вашему Сіятельству благоугодно будетъ согласиться на эту мѣру, то покорнѣйше прошу приказать вклеить эти картоны во всѣ прочіе экземпляры, находящіеся въ Петербургѣ, отчасти — у сочинителя, отчасти — у книгопродавца Юнгмейстера. Г. сочинитель обязывается отправить картоны ко всѣмъ лицамъ, которымъ онъ отослалъ свое сочиненіе.

При одобреніи трагедіи «Янетерской» я находился, можетъ-быть, невольнымъ образомъ подъ вліяніемъ мнѣнія автора, но, подвергая себя просвѣщенному сужденію Вашего Сіятельства, осмѣливаюсь надѣяться, что піеса, въ нынѣшнемъ ея видѣ, несмотря на романическую ея оболочку, можетъ быть пропущена, уважая моральную цѣль ея, тѣмъ болѣе, что г. авторъ сказывалъ мнѣ, что, вслѣдствіе сдѣланнаго ему запроса, самъ будетъ имѣть честь представить Вашему Сіятельству свой взглядъ о сочиненіи своемъ и ту точку зрѣнія, съ которой онъ желаетъ, чтобы его трагедія была разсмотрѣна».

Мы позволимъ себѣ привести суть тѣхъ объясненій, которыя были представлены Великопольскимъ Предсѣдателю Цензурнаго Комитета въ длиннѣйшемъ оффиціальномъ «оправдательномъ письмѣ» отъ 22-го того-же февраля 1841 года, такъ какъ оно небезынтересно во многихъ отношеніяхъ. Вотъ что писалъ Иванъ Ермолаевичъ:

«М. Г. Князь Михайло Александровичъ! Г. секретарь Цензурнаго Комитета сообщилъ мнѣ вчерашняго числа, что Ваше Сіятельство, по прочтеніи напечатанной мною трагедіи «Янетерской», бывшей прежде въ рукописи частнымъ образомъ на Вашемъ разсмотрѣніи и не удостоившейся Вашего одобренія, поручили ему передать мнѣ, что Вы желаете знать, какимъ образомъ эта піеса, послѣ извѣстнаго уже мнѣ Вашего о ней отзыва, была представлена мною на разсмотрѣніе Цензуры. — Имѣю честь дать на это Вашему Сіятельству слѣдующее объясненіе со всею полностью, требующеюся обстоятельствами.

Написавъ, нѣсколько лѣтъ уже тому назадъ, трагедію «Янетер-

ской», прежде бывшую подъ названіемъ «Незаконнорожденный», я ее читалъ нѣсколькимъ изъ моихъ пріятелей. Мнѣнія ихъ были различны. Говорить объ ихъ отзывахъ насчетъ литературной стороны сочиненія считаю здѣсь неумѣстнымъ; но, тогда какъ нѣкоторые поощряли меня къ ея напечатанію и даже отдачѣ на сцену, другіе, болѣе знакомые съ требованіями цензуры, съ сожалѣніемъ говорили, что піесы не пропустятъ. Предметъ сочиненія: судьба незаконнорожденнаго; мой взглядъ на драму: человѣкъ и жизнь въ полномъ ихъ развитіи; мое, основанное на твердомъ убѣжденіи, мнѣніе, что нравственная сторона всякаго сочиненія выходитъ изъ впечатлѣнія цѣлаго, а не изъ частностей, служащихъ только орудіемъ къ воспроизведенію этого цѣлаго, — ввели въ мою драму многія лица, сами по себѣ, конечно, безнравственныя, но не мѣшающія нравственности цѣлаго и необходимыя для піесы, какъ тѣни въ картинѣ. Эти лица образовали сцены, можетъ быть, точно нѣсколько вольныя, но впрочемъ такія, подобныя которымъ, и еще гораздо худшія, то и дѣло представляются на всѣхъ европейскихъ театрахъ, не выключая и русскихъ. Слѣдовательно, все зависѣло отъ взгляда, съ котораго мое сочиненіе было бы разсматриваемо. Около этого времени, тому назадъ, кажется, уже два года, я узналъ о Вашемъ пріѣздѣ въ Москву. Мое собственное и общее всѣхъ къ Вамъ уваженіе, мѣсто, Вами занимаемое, и та увѣренность, что Вы, давно уже меня зная, ни въ какомъ отношеніи, въ случаѣ даже и неблагопріятнаго взгляда на мое сочиненіе, не сдѣлаете невыгоднаго заключенія объ авторѣ, побудили меня отнестись къ Вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою — прочитать мою трагедію частнымъ образомъ и указать на поправки, которыя должны быть сдѣланы для того, чтобы піеса могла пройти сквозь цензуру. Вслѣдствіе того Ваше Сіятельство взяли мою піесу съ собою въ Петербургъ, откуда вскорѣ мнѣ ее возвратили, съ приложеніемъ мнѣнія цензора (Петра Александровича Корсакова, какъ я узналъ послѣ), написавъ съ своей стороны, что Вы во всемъ съ нимъ согласны. Мнѣніе г. цензора, присланное ко мнѣ безъ подписи имени, сдѣлано было въ объемѣ гораздо большемъ, нежели я смѣлъ надѣяться. Это былъ написанный съ одного почерка пера, но полный, съ критическою опытностію, взглядъ на мое сочиненіе, по своему обзору выходившій уже изъ короткихъ указаній цензорскихъ, но заключавшій въ себѣ чисто-литературную критику съ добросовѣст-

ными осужденіями и, вмѣстѣ, похвалами[1]), которыхъ — я былъ бы очень счастливъ, если бы смѣлъ находить себя достойнымъ. Въ концѣ всего было горестное для меня заключеніе, что піеса не можетъ быть одобрена... Цѣлый годъ, если не болѣе, послѣ того піеса лежала въ моемъ портфелѣ. Самыя похвалы, разсѣянныя г. ценсоромъ между нѣкоторыми осужденіями, подстрекали, однако-же, меня къ попыткѣ представить мою піесу снова на его разсмотрѣніе, сдѣлавъ нужныя въ ней передѣлки. Но имя г. ценсора мнѣ было неизвѣстно, слѣдовательно, я не могъ съ нимъ переписаться; затруднять Васъ второю просьбою я счелъ неумѣстнымъ, а въ разборѣ не было подробныхъ указаній на противныя правиламъ ценсуры мѣста.

Каждый сочиняющій знаетъ, что часто казавшееся невозможнымъ вчера, дѣлается легкимъ сегодня, и что все зависитъ отъ минуты и расположенія. Въ одно такое время, прошлою осенью, я сталъ перечитывать мою піесу, соображаясь со сдѣланными мнѣ замѣчаніями и стараясь смотрѣть на все такими глазами, какъ бы я самъ былъ ценсоромъ чужого сочиненія. Въ два или три дня я исправилъ мою трагедію такъ, какъ, по моему мнѣнію, она могла уже быть пропущена. При этомъ я долженъ съ благодарностію сказать, что нѣкоторыя замѣчанія г. ценсора послужили къ значительному даже улучшенію моей піесы.

Тою же осенью прошлаго года пріѣхалъ я сюда, въ намѣреніи показать сдѣланныя мною поправки Петру Александровичу и, въ случаѣ его одобренія, снова представить піесу Вамъ. Но какъ Ваше Сіятельство, такъ и Петръ Александровичъ — были въ отсутствіи. Не думавъ, чтобы случай привелъ меня опять въ скоромъ времени быть въ Петербургѣ, я показалъ мою рукопись, прежде также частнымъ образомъ, г. ценсору Евстафію Ивановичу Ольдекопъ, передавъ ему съ полною добросовѣстностію о томъ, какому суду она подверглась въ прежнемъ своемъ видѣ, и при этомъ случаѣ изложивъ ему мой собственный взглядъ на мое сочиненіе. Экземпляръ былъ самый тотъ же, который находился у Вашего Сіятельства. Онъ ее прочиталъ, — и вотъ его слова, какъ они мнѣ помнятся: «Я не знаю, въ какомъ видѣ была Ваша трагедія прежде; ни князя, ни Петра Александровича я, въ настоящее время, по ихъ отсутствію, спросить не могу. Я вижу,

1) Мы уже видѣли выше взглядъ Корсакова на произведенія Великопольскаго.

однако-же, по самой рукописи, что Вы сдѣлали перемѣны, и теперь, соглашаясь съ Вашимъ взглядомъ на сочиненіе, считаю, что пропустить его можно, ежели Вы сдѣлаете еще исправленія въ нѣкоторыхъ, обозначенныхъ мною, мѣстахъ». Я сдѣлалъ поправки и на другой же день привезъ ихъ къ нему. Но онъ, все еще останавливаясь прежде высказанными мнѣніями какъ Вашего Сіятельства, такъ и Петра Александровича, просилъ меня, для большей осторожности, отнестись къ г. исправляющему тогда должность попечителя — князю Григорію Петровичу Волконскому. Я тотъ же часъ поѣхалъ къ князю, объяснилъ ему всѣ обстоятельства дѣла и, въ отсутствіи Вашего Сіятельства, просилъ его покровительства. Вскорѣ послѣ того піеса получена мною уже одобренною къ печати».

Изложивъ, далѣе, свой взглядъ на положительную нравственную силу, заключающуюся даже въ такой піесѣ, въ которой выставлены отрицательные типы, Великопольскій рисуетъ передъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ характеристики дѣйствующихъ лицъ его трагедіи:

«Въ моей піесѣ лицо Янетерскаго есть тотъ характеръ, около котораго обвивается окружающая жизнь. Онъ есть камертонъ, по которому настроена піеса и по которому должно ее повѣрять. Онъ — сынъ порочной любви. Его отецъ могъ-ли быть иначе выведенъ, какъ развратникомъ; его мать — иначе, какъ презрительною [sic] женщиной? Поэтому—та скрытая безнравственность въ словахъ и поступкахъ Глуминцева, хотя въ полной мѣрѣ обладающаго чувствомъ свѣтской чести... Вѣрный слуга государю и отечеству, справедливый человѣкъ, рыцарь чести по свѣтскому понятію этого слова, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и заслуженно обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ и — свыше; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зараженный внутреннимъ, невидимымъ свѣту развратомъ, онъ ни разу въ немъ не раскаивается, онъ сжился съ нимъ, составляетъ съ нимъ одно, — и тѣмъ его характеръ остается вѣренъ самому себѣ, наводя на себя въ то-же время нравственное пятно. Оттуда же истекаетъ и цинизмъ лица Стешневой. Но вникните въ этотъ цинизмъ. Стешнева выведена здѣсь уже почти старухой. Развратные примѣры и наученія матери, сластолюбіе, въ которое она погрузила ее почти отъ рожденія, усвоились ею. Она потеряла стыдъ и является вакханкою, обвитою цвѣтами и виноградомъ, эмблемою порочныхъ радостей и упоеній жизни. Но это вакханка уже покинутая, которая, въ

неистовыхъ своихъ пѣсняхъ, уже только напоминаетъ себѣ прежнее, между тѣмъ какъ превратности жизни, опытность и морщины заставляютъ ее внутренно чувствовать всю презрительность [sic] своего положенія и не закрывать наготы потому только, что она къ ней привыкла. Она выкупаетъ заблужденіе молодости слезами всей своей жизни; порокъ разврата, уже наказанный въ ней, исчезаетъ въ несчастномъ материнскомъ чувствѣ, которымъ наполнены всѣ ея послѣдніе дни; а потому она имѣетъ права на состраданіе. Лиза — обманывающая мужа распутница[1]). Читатель, можетъ быть хотѣлъ бы ее выкинуть изъ піесы, какъ негодную траву; но она въ піесѣ потому, что находится въ жизни, и этотъ въ читателѣ порывъ ее выбросить есть то чувство, которое дѣлаетъ характеръ безнравственный литературно-нравственнымъ. Злодѣйство мужа ея Петра, доведеннаго ея поведеніемъ и низкимъ поступкомъ Глуминцева до горячки мстительной жажды[2]), есть слѣдствіе правственнаго наблюденія того, до чего могутъ обстоятельства довести человѣка. Къ нему нѣтъ въ піесѣ презрѣнія, но есть ужасъ и сожалѣніе, какъ къ человѣку больному, — сожалѣніе, носящее въ себѣ вмѣстѣ и осужденіе..... Княгиня [Ситская] представляетъ собою образецъ дамы высокаго общества, которая подъ блескомъ имени и положенія своего въ свѣтѣ скрываетъ свои пятна. Ея дочь — прекрасныхъ душевныхъ свойствъ дѣвица, но подвластная предразсудкамъ общества. Я очень былъ бы счастливъ, еслибъ характеръ гувернантки предостерегъ хотя одну нѣжную мать, занимающуюся воспитаніемъ дочери. Возвышенные поступки уже покойнаго Терскаго держатъ на себѣ общее уваженіе драмы..... Всѣ прочія лица — побочныя: они выведены въ піесѣ, какъ предметы жизни, вошедшіе въ объемъ картинной рамы, — лица стороннія, но безъ которыхъ ландшафтъ былъ бы не полонъ»....

Такъ защищался Великопольскій, стараясь доказать нравственное значеніе своей трагедіи, въ которой цензура углядѣла опасныя мѣста.

---

1) Съ ней въ связи находится Глуминцевъ.

2) Не будучи въ состояніи собственноручно отмстить Глуминцеву за разрушеніе его семейнаго очага, Петръ, знающій тайну происхожденія Янетерскаго, открываетъ ему ее и съ чувствомъ дьявольскаго злорадства любуется впечатлѣніемъ, какое производятъ на него слова Стешневой, изъ которыхъ Янетерской узнаетъ, что убитый имъ Глуминцевъ былъ его отцомъ.

Но доказательства Ивана Ермолаевича были «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»: ревностный предсѣдатель счелъ за лучшее дать дѣлу дальнѣйшій ходъ и 23-го февраля писалъ министру народнаго просвѣщенія Уварову:

«М. Г. Сергій Семеновичъ! Около двухъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ моихъ старыхъ сослуживцевъ г. Великопольскій прислалъ мнѣ рукопись — драму, подъ заглавіемъ «Незаконнорожденный», и просилъ моего мнѣнія о пропускѣ ея по цензурѣ. Передавъ частнымъ образомъ рукопись на разсмотрѣніе одного изъ цензоровъ и основываясь на его мнѣніи, я сообщилъ автору, что піеса его не можетъ быть пропущена для напечатанія. На-дняхъ я получилъ при письмѣ автора вновь отпечатанную драму подъ названіемъ «Янетерской»; по содержанію книги хотя во многомъ измѣненной, не могъ я не узнать прежняго сочиненія Великопольскаго и былъ приведенъ въ недоумѣніе мѣстами, коихъ пропускъ показался мнѣ явно противнымъ правиламъ цензуры.

Піеса, какъ оказалось, была пропущена отдѣльнымъ цензоромъ здѣшняго Комитета, Ольдекопомъ, и билетъ на выпускъ книги подписанъ имъ-же 5-го числа этого мѣсяца. Узнавъ, что всѣ экземпляры вновь отпечатанной книги находятся у книгопродавца Юнгмейстера, я, нимало не медля, отнесся къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру о запрещеніи дальнѣйшаго выпуска въ свѣтъ этого сочиненія и объ отобраніи въ томъ подписки[1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ цензора и сочинителя объясненія, которыя имѣя честь приложить при семъ въ подлинникѣ, смѣю обратить благосклонное вниманіе Вашего Высокопревосходительства на отзывъ сего послѣдняго. Не совсѣмъ соглашаясь съ его теоріею въ литературѣ, я считаю долгомъ свидѣтельствовать о его благонамѣренности, которая видна, впрочемъ, и изъ готовности его къ перепечатанію на свой счетъ указанныхъ ему мѣстъ. Дѣло сіе, при принятыхъ уже мною мѣрахъ, не представляетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, ибо 5-го числа сего мѣсяца только выданъ

1) Подписка Юнгмейстеромъ дана была 20-го февраля, а 24-го числа Великопольскій поручился въ томъ, что всѣ экземпляры трагедіи, розданные какъ имъ, такъ и Юнгмейстеромъ, будутъ возвращены и, вмѣстѣ съ остальными, у него находящимися, представлены въ Цензурный Комитетъ къ уничтоженію, безъ всякаго предоставленія себѣ права требовать за то какого-нибудь вознагражденія.

билетъ на выпускъ сей книги, которая еще не поступила въ продажу, и объявленіе о ней еще не было сдѣлано, а 20-го числа уже просилъ я оберъ-полиціймейстера о запрещеніи ея впредь до дальнѣйшаго рѣшенія.

Представляя нынѣ все дѣло, а равно и книгу на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, я буду имѣть честь ожидать Вашего по сему рѣшенія. Князь Дондуковъ-Корсаковъ».

Отвѣтомъ Уваровъ не замедлилъ, и уже 25-го февраля писалъ князю Дондукову:

«Разсмотрѣвъ съ особымъ вниманіемъ донесеніе Вашего Сіятельства отъ 23-го февраля, равно и объясненія цензора и самое драматическое сочиненіе подъ названіемъ «Янетерской», я убѣдился, что ничего предосудительнѣе въ печати не могло быть допущено оплошностью цензора, и что предлагаемыя измѣненія[1]), на двухъ особо припечатанныхъ листкахъ изложенныя, ни мало не измѣняютъ ряда безнравственныхъ картинъ, коими наполнена вся вообще трагедія. Относя важную ошибку, сдѣланную цензоромъ Ольдекопомъ къ нарушенію его обязанностей, и къ его неспособности постигнуть силу и духъ существующихъ узаконеній, я предлагаю Вашему Сіятельству уволить немедленно Ольдекопа отъ должности цензора съ тѣмъ, чтобъ, вслѣдствіе особаго Вашего ходатайства, ему дозволено было представить просьбу объ увольненіи отъ сей должности. Сверхъ сего, покорнѣйше прошу Васъ принять неукоснительныя мѣры къ истребленію всѣхъ имѣющихся экземпляровъ трагедіи «Янетерской» и къ возвращенію чрезъ посредство автора тѣхъ изъ нихъ, которые были имъ розданы разнымъ лицамъ. Если-же сочинитель, по выполненіи сихъ условій, ссылаясь на право, пріобрѣтенное имъ чрезъ соблюденіе цензурныхъ формъ, будетъ просить вознагражденіе за понесенные при напечатаніи этой книги убытки, то въ такомъ случаѣ остается мнѣ дополнить сіе предложеніе указаніемъ, что, по сему-же самому началу, удовлетворенія слѣдуетъ автору искать съ цензора, а о моихъ по сему предмету распоряженіяхъ донести Его Императорскому Величеству. Министръ Народнаго Просвѣщенія С. Уваровъ».

---

1) Въ имѣющемся у меня экземплярѣ «Янетерскаго» стр. 43—44 и 45—46, дѣйствительно, перепечатаны на болѣе толстой бумагѣ и вклеены (см. выше, въ письмѣ Ольдекопа); но и на нихъ даже самый щепетильный человѣкъ не найдетъ ничего предосудительнаго.

Во исполненіе полученнаго предложенія, Великопольскій написалъ всѣмъ восьми лицамъ, которымъ успѣлъ послать свою трагедію, письма съ просьбой возвратить ему экземпляры піесы. Изъ нихъ Д. Ю. Струйскій, В. А. Каратыгинъ и Е. А. Егоровъ отвѣтили Великопольскому, что они не могутъ отыскать книги; П. А. Корсаковъ и А. И. Нератовъ — что они уже отправили ее въ деревню, Ѳ. Булгаринъ сообщилъ, что книга была доставлена къ нему въ его отсутствіе и что люди затеряли ее; В. С. Межевичъ отвѣтилъ, что «по особеннымъ причинамъ» онъ ее уже уничтожилъ; наконецъ Несторъ Кукольникъ писалъ Ивану Ермолаевичу: «Не смѣю думать, чтобъ она [книга] была украдена, но за слугъ нерасторопныхъ и неграмотныхъ не могу отвѣчать. У меня весь почти Вальтеръ-Скоттъ переѣхалъ на кухню. Не удивительно, если и Ваше произведеніе попало туда же вмѣстѣ съ журналами, которыхъ я не читаю. Разсѣянность моя приводитъ меня въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что, прочитавъ Ваши піесы, я именно назначилъ ихъ къ сохраненію въ библіотекѣ, но, приготовляясь сдѣлать имъ разборъ для себя,— что̀ я дѣлаю съ каждою замѣчательною книгою,— оставилъ ихъ на верху, между журналами... Примите удостовѣреніе въ отличномъ уваженіи къ прекрасному таланту Вашему».

Немедленно по собраніи нужныхъ свѣдѣній о количествѣ, въ которомъ книга была издана (всего было напечатано 720 экз.), въ Цензурномъ Комитетѣ было сожжено 628 экземпляровъ[1]), о чемъ и былъ составленъ актъ, за подписью цензоровъ А. В. Никитенка и М. С. Куторги[2]).

---

1) Изъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ одинъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а другой, оставленный у автора съ разрѣшенія III Отдѣленія, въ настоящее время переданъ мнѣ Н. И. Чаплиной. По этому экземпляру видно, что трагедія была написана въ 1838 г. и что Иванъ Ермолаевичъ, послѣ ея запрещенія, снова передѣлалъ ее, но уже болѣе не печаталъ, хотя и хлопоталъ о томъ въ 1864 году.

2) Вотъ что записалъ А. В. Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» подъ 5-мъ марта 1841 года: «Нѣкто Великопольскій, псевдонимъ Ивельевъ, написалъ драму «Янетерской». Она плоха и, сверхъ того, безнравственна и наполнена сценами и выраженіями, которыя у насъ не допускаются въ печати. По непонятному недоразумѣнію, она, однако, была пропущена цензоромъ Ольдекопомъ. Лишь только драма вышла изъ печати и попала въ руки министру, онъ немедленно отрѣшилъ отъ должности цензора и велѣлъ повсюду отобрать экземпляры ея и сжечь. Сегодня въ 11 час. утра состоялось это аутодафе, при которомъ велѣно было присутствовать мнѣ и Куторгѣ. Вотъ, однако, два хорошіе поступка: Великопольскій, узнавъ о несчастіи, постигшемъ, по его милости, цензора, предложилъ послѣднему 3000 рублей, чтобы тому было на что

Вся эта исторія свалилась на голову Великопольскаго совершенно неожиданно. Зная его образъ мыслей, можно съ увѣренностью сказать, что онъ никакъ не думалъ и во всякомъ случаѣ не желалъ въ своей трагедіи дать, какъ писалъ Уваровъ, «ряда безнравственныхъ картинъ» (да ихъ безусловно и нѣтъ во всей піесѣ): цѣль его была самая «благонамѣренная» — изобразить несчастную судьбу незаконнорожденнаго, невинно страдающаго и нравственно, и физически. Иванъ Ермолаевичъ, желая оправдаться отъ взведеннаго на него обвиненія въ неблаговидномъ поступкѣ (онъ полагалъ сперва, что его обвиняютъ въ незаконномъ полученіи разрѣшенія на пропускъ книги), написалъ 28-го февраля слѣдующее письмо князю Дондукову:

«М. Г. Князь Михайло Александровичъ! Не знаю, какимъ образомъ могла распространиться такая низкая на меня клевета: но въ городѣ идетъ молва, и это было говорено третьяго дня за какимъ-то большимъ обѣдомъ, что будто бы я провелъ мою піесу сквозь цензуру обманомъ. Отношеніе автора къ предсѣдателю Цензурнаго Комитета идетъ своимъ чередомъ; я теперь пишу къ Вамъ просто, какъ знакомый. Оскорбленіе кипитъ въ моей душѣ; такая клевета могла только идти отъ человѣка, не имѣвшаго случая слышать объ этомъ дѣлѣ прямо отъ Васъ. Вполнѣ увѣренный въ благородствѣ всѣхъ Вашихъ словъ и дѣйствій, я ни мало не сомнѣваюсь, что Вы, будучи единственнымъ человѣкомъ, который можетъ снять съ меня низкій этотъ извѣтъ, снабдите меня, въ отвѣтъ на это, письмомъ, которымъ бы я могъ заставить молчать каждаго, осмѣливающагося произнести что-либо подобное».

Князь Дондуковъ удовлетворилъ просьбу автора и отвѣтилъ Ивану Ермолаевичу письмомъ, въ которомъ удостовѣрялъ фактъ вполнѣ законнаго пропуска его піесы цензоромъ. Но все это, какъ мы видѣли, ни привело ни къ чему, хлопоты и старанія Великопольскаго не имѣли успѣха, — и экземпляры піесы были уничтожены...

Такая крупная неудача не сломила, однако, энергіи Великопольскаго. Быть можетъ изъ той строгости, съ которой отнеслись къ «Яне-

---

жить, пока онъ найдетъ себѣ другое мѣсто. Ольдекопъ отказался». (Записки и дневникъ (1826—1877) *А. В. Никитенко*; т. I, С.-Пб. 1893, стр. 413). О предложеніи Ольдекопу жалованья разсказываетъ также И. И. Панаевъ (Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 161).

терскому», онъ вывелъ заключеніе о могущественномъ вліяніи и большомъ значеніи, какое могутъ имѣть на читателей его произведенія, а потому и послѣ описанной катастрофы онъ не только не пересталъ работать на избранномъ имъ поприщѣ бытописателя-драматурга, но отдался излюбленнымъ занятіямъ съ еще большимъ усердіемъ. Его «Пестрый альбомъ» по прежнему пополняется наблюденіями, замѣтками, выписками, соображеніями и т. п. для вновь задумываемыхъ піесъ. Въ томъ же 1841 г. онъ особенно увлекся историческими изслѣдованіями скончавшагося въ 1839 г. Юрія Венелина. «Меня очень заинтересовалъ», писалъ онъ Погодину изъ Петербурга отъ 20-го августа 1841 г.: «первый томъ изысканій Венелина: его доказательства о тожествѣ гунновъ и болгаръ, о россіянахъ, какъ старожилахъ Россіи, и, наконецъ, прямое наименованіе Аттилы *Царемъ Русскимъ* просто не давали мнѣ покою. Здѣсь мнѣ вдругъ пришла мысль его повѣрить. Поэтому я перечиталъ о Гуннахъ и Аттилѣ, что могъ найти[1]) и, признаюсь, отдавая справедливость остроумію покойнаго Венелина, потерялъ нѣкоторымъ образомъ уваженіе къ его добросовѣстности. Высказывая такое дерзкое своею оригинальностью мнѣніе, онъ долженъ былъ представить на разсмотрѣніе читателя все, что есть этому противорѣчащаго, и все это опровергнуть. А онъ умолчалъ, и о чемъ же? — о сохранившемся описаніи наружности Аттилы, которое явно свидѣтельствуетъ о его азіатскомъ происхожденіи, и одно наводитъ сомнѣніе на все то, что говоритъ Венелинъ. Не смотря на это, въ изысканіяхъ его столько ума и дѣятельности, что все это можно теперь назвать загадкою. Изучивъ такимъ образомъ Аттилу въ его характерѣ и дѣяніяхъ, я (грѣшенъ) вздумалъ написать историческую драму, въ которой [хочу] развернуть, между прочимъ, мой взглядъ на то, что я понимаю подъ историческою драмою. Изъ этой горы можетъ родиться мышь, но вы все-таки не откажетесь помочь мнѣ, въ чемъ можете. А мнѣ нужно, чтобы вы указали мнѣ только на источникъ, откуда Венелинъ почерпнулъ извѣстіе о томъ, что Аттила подступалъ къ стѣнамъ Рима, и что папа Левъ Святой поднесъ ему скипетръ обладанія міромъ. У Венелина это въ первомъ томѣ на страницѣ 242-й. Я нигдѣ объ этомъ не

1) Въ «Пестромъ альбомѣ», дѣйствительно, большое количество страницъ занято выписками изъ разныхъ сочиненій, касающихся Аттилы и его времени.

нашелъ. Гиббонъ рѣшительно говоритъ, что Аттила не доходилъ до Рима, указывая на мѣсто свиданія его съ папою — близъ Мантуи. Я предполагаю, что это должно быть одно изъ сказочныхъ извѣстій историковъ венгерскихъ; но фреска Рафаэля, представляющая (сколько мнѣ извѣстно) папу выѣзжающимъ на встрѣчу Аттилѣ изъ вратъ Рима, служитъ нѣкоторымъ доказательствомъ о существованіи подобнаго преданія. Самъ папа Левъ Святой упоминаетъ объ Аттилѣ только вскользь, въ одномъ своемъ письмѣ, котораго мнѣ не случилось еще видѣть. Между тѣмъ, это обстоятельство очень важно для драмы. Напишите строчку, но сдѣлайте одолженіе — съ первою почтою. Не думайте, чтобы я вслѣдъ за Венелинымъ вздумалъ представить Аттилу Русскимъ царемъ: нѣтъ, пусть это останется въ драмѣ загадкою, какъ въ исторіи»[1]). Не знаемъ, отвѣчалъ-ли Погодинъ Великопольскому; знаемъ только, что драма съ сюжетомъ изъ жизни Аттилы осталась лишь въ области многочисленныхъ литературныхъ предположеній нашего писателя.

Съ этого времени излюбленныя занятія Великопольскаго отходятъ на задній планъ. Онъ начинаетъ дѣло, сулившее ему громадные барыши, но въ дѣйствительности совершенно разорившее его: это былъ новый способъ обработки льна и другихъ прядильныхъ растеній, о которомъ мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже, покончивъ обозрѣніе литературныхъ трудовъ Ивана Ермолаевича. Итакъ, на этотъ разъ только послѣ долгаго промежутка[2]), нашъ писатель снова выступилъ передъ публикой; на этотъ разъ онъ появился со своимъ произведеніемъ на сценѣ Александринскаго театра: 28-го апрѣля 1848 г., въ бенефисъ режиссера Н. И. Куликова, была дана «Память Бородинской битвы, сельская картина 1839 года, сочиненіе, современное торжеству открытія Бородинскаго памятника.... съ хоромъ, преобразующимъ [!] общій народный голосъ (музыка соч. г. Кажинскаго)».

Содержаніе этой «картины» состояло въ слѣдующемъ[3]):

---

1) *Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, С.-Пб. 1892, стр. 270—272.

2) Впрочемъ въ 1842 году, въ 12-й книжкѣ *Москвитянина*, онъ напечаталъ, подъ псевдонимомъ Ивельева, отдѣльную сцену: «Фантастъ, или сила воображенія» (стр. 280—291, отд. оттискъ — М. 1842, 14 стр.), о которой нельзя сказать ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже было говорено о другихъ піесахъ нашего автора.

3) Передаемъ словами Р. М. Зотова, помѣстившаго о піесѣ отчетъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 7-го мая 1848 г., № 101.

«Отставной унтеръ-офицеръ Илья Степановъ, потерявшій руку подъ Бородинымъ, живетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ, то-есть съ дочерью Аннушкою, матерью, братомъ и невѣсткою. Разсказы о подвигахъ русскихъ воиновъ въ 1812 году составляютъ первую его страсть, а какъ онъ грамотный, то и читаетъ всякій день исторію этой знаменитой кампаніи, которую онъ даже выучилъ наизусть. За дочь его сватаются двое. Одинъ — богатый цѣловальникъ, а другой — молодой бѣдный парень. Аннушка любитъ послѣдняго. Отецъ склоняется въ пользу богача, но бѣднякъ придумываетъ самую удачную хитрость. Въ день ангела отца своей возлюбленной онъ составляетъ для него сюрпризъ, представляя ему на лугу изъ простынь, досокъ и флаговъ все Бородинское сраженіе, о которомъ разсказъ тоже выучилъ изъ книги. Это до того восхищаетъ стараго инвалида, что онъ выдаетъ дочь свою за бѣдняка и благословляетъ ихъ. Въ заключеніе сходятся крестьяне и поютъ хоръ», написанный на музыку извѣстнаго въ свое время композитора Виктора Кажинскаго. Піеса написана была Великопольскимъ въ 1839 г. подъ впечатлѣніемъ торжества открытія памятника на мѣстѣ Бородинской битвы. Иванъ Ермолаевичъ присутствовалъ на этомъ торжествѣ; онъ видѣлъ устроенный на полѣ Бородинскомъ временный театръ, но съ грустью узналъ, что никто изъ писателей русскихъ «не осмѣливался принять изъ рукъ Музы театра перо, которое она держала». «Авторъ піесы «Память Бородинской битвы», говоритъ Великопольскій: «побужденный минутою, взялъ это перо, не съ тою дерзостію, которая заставляетъ иногда слишкомъ надѣяться на свои силы, но съ тѣмъ увлеченіемъ, которое невольно порождается минутою» [1]).

Не смотря на это восторженное увлеченіе, находясь въ которомъ Великопольскій написалъ піесу всего въ три дня, она вышла неудачною и не понравилась публикѣ, которая встрѣтила ее холодно, а мнѣнія критиковъ были діаметрально противоположны. Рецензентъ *Сѣверной Пчелы* Р. З. (Р. М. Зотовъ) находилъ, напримѣръ, что въ піесѣ этой *піесы*, собственно, нѣтъ, то-есть, нѣтъ завязки и развязки, чѣмъ и объяснялъ то равнодушіе, съ которымъ она была принята публикой. Однако, отмѣтивъ нѣсколько ошибокъ въ изложеніи фактовъ, онъ нахо-

1) «Опытъ оправданія піесы «Память Бородинской битвы». С.-Пб. 1848, стр. 6.

дилъ, что авторъ «очень хорошо схватилъ главныя черты сельскаго быта», главную же заслугу его видѣлъ въ томъ, «что онъ бойкимъ и живымъ разсказомъ возобновилъ въ памяти зрителей великія событія исполинской битвы». Критикъ *Пантеона*[1]) былъ болѣе строгъ къ нашему автору, обвиняя его піесу въ неестественности, натяжкахъ, ошибкахъ и тому подобномъ и вообще не одобряя самой ея идеи. Совершенно обратнаго мнѣнія былъ издатель *Литературной Газеты* В. Р. Зотовъ. Въ августѣ того же года онъ удѣлилъ на страницахъ своего изданія мѣсто не только обширному «Опыту оправданія «Памяти Бородинской битвы»[2]), и самой піесѣ[3]), но даже снабдилъ первый очень лестнымъ для нашего автора примѣчаніемъ[4]): «И. Е. Великопольскій», говорилъ онъ: «принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, о которыхъ сожалѣешь, что они не исключительно занимаются литературою. Конечно, другія занятія отъ этого выигрываютъ, но литература во всякомъ случаѣ теряетъ. Давно уже имя г. Великопольскаго, въ возмужалой эпохѣ своей литературной дѣятельности взявшаго псевдонимъ «Ивельевъ», не появлялось въ печати. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года явилась на Александринской сценѣ его піеса «Память Бородинской битвы». Она показалась намъ до того замѣчательной, не только въ сценическомъ, но и въ литературномъ отношеніи, что мы съ удовольствіемъ напечатаемъ и въ слѣдующихъ же нумерахъ нашей газеты. Предлагаемая теперь статья составляетъ объясненіе этой піесы и отвѣтъ на рецензіи ея, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ журналахъ. Это не чисто критическая статья, потому что въ ней изложены многія идеи автора о драмѣ и сценическомъ искусствѣ. Надѣемся со временемъ представить нашимъ читателямъ еще одну піесу г. Великопольскаго, не игранную, и очеркъ литературной дѣятельности этого талантливаго писателя, который въ особенности замѣчателенъ въ исторіи русской

---

1) 1848 г., № 5; это былъ вѣроятно, самъ издатель *Пантеона*, Ѳ. А. Кони.

2) 26-го августа 1848 г. № 34.

3) №№ 35 и 36.

4) Знакомство ихъ, сначала заочное, состоялось въ іюнѣ 1848 г. черезъ посредство Н. И. Куликова, передавшаго Великопольскому желаніе Зотова познакомиться подробнѣе съ его литературною дѣятельностью, о которой Куликовъ былъ высокаго мнѣнія. Слѣдствіемъ ознакомленія Зотова съ произведеніями Ивана Ермолаевича (изданными и неизданными) и явилась его лестная замѣтка о Великопольскомъ въ № 34 *Литературной Газеты*.

литературы новымъ и оригинальнымъ взглядомъ на сценическое искусство»[1]).

Статья Великопольскаго, въ которой онъ оправдывался отъ нападокъ критиковъ *Сѣверной Пчелы* и *Пантеона*, была выпущена имъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ[2]), въ виду повторенія піесы на сценѣ въ томъ же году, съ тою цѣлью, «чтобы располагающіе быть въ спектаклѣ 26-го августа могли, предварительнымъ обсужденіемъ взглядовъ автора и его критиковъ, составить себѣ вѣрное понятіе о представленіи, котораго будутъ зрителями». Здѣсь же онъ старался доказать, что «блистательный переворотъ славной для Россіи войны 1812 года произошелъ не отъ случая, какъ то еще полагаютъ многіе, но былъ неоспоримымъ слѣдствіемъ плана, глубоко соображеннаго и заранѣе обдуманнаго великимъ русскимъ полководцемъ».

Послѣ спектакля 26-го августа, въ годовщину Бородина, піеса была поставлена всего еще одинъ разъ и съ тѣхъ поръ навсегда сошла съ репертуара. Успѣху ея не посодѣйствовало и то обстоятельство, что исполнителями въ ней ролей явились В. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ 1-й, В. М. Самойловъ, А. Е. Мартыновъ и Е. Я. Сосницкая[3]).

Въ то время, какъ Великопольскій былъ занятъ постановкой на сцену, а затѣмъ защитой своей «сельской картины», онъ уже работалъ надъ новымъ произведеніемъ — «высокой», какъ онъ назвалъ ее, комедіей въ 5 дѣйствіяхъ «Міръ Слѣпыхъ». Эта піеса была любимымъ дѣтищемъ Ивана Ермолаевича, для котораго онъ уже давно собиралъ матеріалы и обдумывалъ планъ: такъ, въ «Пестромъ альбомѣ» уже съ 1843 г. встрѣчаются замѣтки къ драмѣ «Слѣпые»;

---

1) Зотовъ такъ и не собрался этого сдѣлать, но благорасположеніе его къ нашему писателю сохранилось до самой смерти послѣдняго. Объ участіи Зотова въ Посреднической коммиссіи по дѣламъ Великопольскаго см. ниже и въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 7, стр. 172.

2) Статью эту очень сочувственно встрѣтилъ баронъ Е. Ѳ. Розенъ, помѣстившей о ней въ *Сынѣ Отечества* 1848 г. (кн. 10, отд. VI, стр. 9—15) восторженный отзывъ, равно какъ и о самой піесѣ; Р. М. Зотовъ возражалъ на «Опытъ оправданія» и критиковалъ спектакль 26-го августа въ статьѣ, помѣщенной въ *Сѣверной Пчелѣ* 1848 г., № 197, отъ 3-го сентября.

3) *А. И. Вольфъ*. Хроника Петербургскихъ театровъ, ч. II, С.-Пб. 1877, стр. 141, 145 и 146.

вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Слѣпому всѣ кажутся въ томъ видѣ, какъ были тогда, когда онъ былъ еще зрячимъ». — «Любопытно знать, какъ представляетъ себѣ человѣка слѣпой отъ рожденія?» — «Представить двухъ слѣпыхъ: одного слѣпого отъ рожденія, другого — ослѣпшаго въ юности. Ихъ разговоры. Послѣдній разсказываетъ первому о красотѣ человѣка, о красотѣ женской. Понятіе перваго о человѣкѣ. Носъ очень пугаетъ слѣпого отъ рожденія: онъ представляетъ себѣ его уродствомъ». — «Сюжетомъ драмы «Слѣпые» сдѣлать то, что молодой человѣкъ любилъ и былъ любимъ — и вдругъ ослѣпъ. Дѣвушка за него не вышла... Подъ старость онъ на ней женится. Слѣпой же отъ рожденія именно не женится потому, что носъ представляется ему уродствомъ». — «Слѣпому возвращаютъ зрѣніе, и онъ приходитъ въ отчаяніе, увидѣвъ всѣ предметы не въ томъ видѣ, какъ они ему представлялись» и т. д.

Принявшись за разработку намѣченныхъ вопросовъ и соображеній, Великопольскій опять, какъ и раньше, запутался въ мелочахъ и подробностяхъ, и въ результатѣ далъ произведеніе, быть можетъ, самое курьезное изъ всѣхъ другихъ его твореній. Онъ вывелъ на сцену четырехъ слѣпыхъ: Владимірова («характеръ возвышенный»), Тизо («пустой, но возвышенный»), Ежа («злой и отвратительный») и Нищаго, «возсылающаго къ Богу благодарность за свое несчастіе» и одного глухого. Владиміровъ, слѣпой отъ рожденія, живетъ въ домѣ нѣкоего Прибрежнаго, исполняя обязанности учителя его 16-лѣтней дочери Вареньки; она неравнодушна къ слѣпому, въ которомъ уважаетъ умъ и высокія душевныя качества; братъ ея Михаилъ, по прозванію *Ежъ*, также слѣпецъ, ненавидитъ Владимірова. Съ Прибрежными знакомится нѣкто Тизо, слѣпой музыкантъ-таперъ, бывшій прежде прекраснымъ живописцемъ; въ домъ ихъ вводитъ его невѣстка Прибрежнаго, но слѣпецъ сперва не знаетъ, что она — та самая Маша, въ которую въ молодости онъ былъ влюбленъ, но за котораго она не вышла потому, что была сосватана за другого. Теперь же, спустя 14 лѣтъ и уже овдовѣвъ, она рѣшается выйти за него за-мужъ, предварительно убѣдившись въ томъ, что Тизо можно вылѣчить отъ слѣпоты; тотъ въ восторгѣ отъ своего счастія, они обвѣнчиваются, и Тизо дѣйствительно вновь получаетъ зрѣніе. Но тутъ начинаются его разочарованія: «Маша моя», говоритъ Тизо Владимірову про свою жену: «не та, какою была

прежде... Теперь это чудное наливное прежде личико уже носитъ начатки морщинъ. Она все еще хороша, но художникъ не найдетъ въ ней того невыразимаго созданія, которое, едва вступивъ въ свою весну, является восторженному юношѣ въ видѣ существа, обитающаго въ лучахъ зари. Глаза ея, все еще такъ же свѣтлые, окружены впалыми синеватыми рамками. Дивное отраженіе розы замѣнено таинственно румянами..,... Но всего болѣе поразило меня измѣненіе ея маленькаго, обаятельнаго прежде носика[1]) въ какой-то... не уродливый... но придающій ей совершенно другую наружность. Одна минута, которой я ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ высшей благодати, разрушила очарованіе 14 лѣтъ, проведенныхъ мною безъ Божьяго свѣта». — «Не касайся меня такое зрѣніе!» въ ужасѣ восклицаетъ Владиміровъ, создавшій уже въ своемъ воображеніи образъ Вариньки, въ которомъ ему было бы страшно разочароваться.

Эта странная фабула до нельзя запутана разными отступленіями, длинными монологами дѣйствующихъ лицъ, устами которыхъ авторъ непремѣнно хочетъ подѣлиться съ читателями своими знаніями, наблюденіями и совершенно неидущими къ дѣлу отклоненіями отъ темы, вплетенными имъ въ піесу все съ тою же цѣлью. Въ его комедіи мы находимъ цѣлыя разсужденія изъ области физики, психологіи, краніологіи, медицины, обоснованныя на сочиненіяхъ Каруса, Юнкена, Пулье, Descuret, Кленке, Кабаниса, Деппинга, Вольтера, Дидеро и т. д., и т. д. Піеса представляетъ изъ себя смѣсь глубокомысленныхъ разсужденій, явившихся, очевидно, плодомъ долгой работы и размышленій автора, съ смѣшными по своей нелѣпости сценами и комичными подробностями. Такъ, напримѣръ, Великопольскій заставляетъ говорить слѣпого Тизо съ глухимъ вожатымъ слѣдующимъ образомъ: Тизо, топнувъ, чтобы обратить на себя вниманіе, упираетъ палку себѣ въ грудь, а Гавриловъ (глухой) беретъ другой ея конецъ въ ротъ — и такъ выслуши-

---

1) «Я не могу», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Владиміровъ: «въ формахъ человѣческаго лица примириться съ этимъ уродливымъ возвышеніемъ между глазами и ртомъ, съ этимъ угловатымъ, чихающимъ наростомъ. Онъ представляетъ осязанію самую отвратительную выпуклость. Древніе называли ее вмѣстилищемъ злобы, но, впрочемъ, признавали ее самою честною частью лица, потому что она краснѣетъ, когда человѣкъ объѣется или обопьется». — «О, какъ ты ошибаешься», возражаетъ ему Тизо: «Для зрѣнія это совсѣмъ не такъ: есть носики удивительно прелестные» и т. д.

ваетъ вопросы Тизо; «такимъ образомъ», говоритъ Великопольскій въ примѣчаніи, «если не повреждена слуховая улитка, могутъ явственно слышать, по передающемуся сотрясенію, нѣкоторые глухіе, на которыхъ не дѣйствуютъ даже самые сильные звуки («Начальное основаніе физіологіи человѣческаго тѣла», соч. Валентина). Владиміровъ, желая узнать поближе Тизо, говоритъ ему: «Дай прежде слѣпцу-краніологу познакомиться съ тобою по своей наукѣ» и затѣмъ «ощупывая его черепъ», говоритъ: «Лобъ не обширный, но возвышенный по срединѣ. Средняя часть черепа развита болѣе прочихъ. Слѣдовательно справедливо, что ты художникъ, а малое образованіе ушного позвонка, дѣйствительно, не свидѣтельствуетъ о музыкальныхъ способностяхъ» и т. д. еще на полстраницѣ, съ постоянными ссылками на «Основанія краніологіи» Каруса. Съ тѣмъ же глухимъ Гаврилковымъ Тизо иногда объясняется знаками глухонѣмыхъ. Въ одной сценѣ Варинька, въ лунатизмѣ, одѣтая въ бѣлую ночную блузу, заходитъ въ комнату Владиміровa въ то время, какъ онъ поетъ гимнъ Богу, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Нѣкоторыя сцены, напримѣръ дуэли на пистолетахъ между Владиміровымъ и Тизо (слѣпцами!) грубо-комичны. Можно себѣ вообразить, поэтому, что было бы со зрителями, если бы они увидѣли все это на сценѣ! [1])

Мы нѣсколько подробнѣе остановились на «Мірѣ Слѣпыхъ» какъ по тому значенію, которое ему придавалъ самъ авторъ (онъ передѣлывалъ его много разъ и закончилъ лишь въ 1857 г.), вложившій въ него всѣ свои знанія и все искусство, такъ и по тому, что въ бумагахъ Ивана Ермолаевича мы нашли цѣлый листъ замѣчаній на эту піесу, сдѣланныхъ стариннымъ знакомцемъ Великопольскаго С. Т. Аксаковымъ. Приводимъ какъ письмо его, такъ и замѣчанія [2]).

15-го февраля [1853 г.].

«Я получилъ оба Ваши письма, любезнѣйшій Иванъ Ермолаичъ! Очень радъ, что Вы проводите масляницу въ Москвѣ. Желаю Вамъ,

---

1) По распредѣленію ролей на одномъ изъ рукописныхъ экземпляровъ «Міра Слѣпыхъ» видно, что Великопольскій намѣренъ былъ разыграть ее (а можетъ быть и разыгралъ) на домашней сценѣ при помощи актеровъ-любителей.

2) Къ сожалѣнію, не всѣ они ясны для насъ, такъ какъ сдѣланы были Аксаковымъ къ первоначальной редакціи піесы, до насъ не дошедшей.

почтеннѣйшей Софьѣ Матвѣевнѣ и Вашей милой дочери провести пріятно время. Мы, слава Богу, живемъ по прежнему; я продолжаю постоянно заниматься моими скромными трудами. Прилагаю Вамъ біографію Загоскина, изуродованную ценсоромъ и типографіей[1]). Прощайте! Обнимаю Васъ. Вашъ С. Аксаковъ».

Начинаю мои замѣчанія съ того, что *прописи*[2]) Васъ увлекаютъ. Для читателей онѣ, точно, дополняютъ драматичность, а для зрителей не могутъ быть выражены мимикой. Надобно, чтобы смыслъ *прописей* истекалъ изъ словъ, изъ положенія лицъ.

№ 1. Щавельской[3]) могъ сказать такое неприличное предложеніе; но Притекинъ[4]) не могъ его одобрить: это человѣкъ съ душой, понимающій оскорбительность этой выходки, особенно послѣ всего, разсказаннаго слѣпымъ Тизо.

№ 2. Вся сцена съ вѣнкомъ, по моему, не годится. Во-первыхъ потому, что всѣ церемоніи, до которыхъ охотники французы, русскому человѣку смѣшны[5]). Во-вторыхъ, для увѣнчанія вѣнкомъ Гомера и Мильтона, надобно, чтобъ стихи были гораздо лучше. Я замѣтилъ въ нихъ много выраженій неправильныхъ, напыщенныхъ и не нахожу — прошу не сердиться — поэтическаго одушевленія.

№ 3. Послѣ чтенія вдохновенныхъ, по ходу и смыслу сцены, стиховъ, такое предложеніе — гадко со стороны Притекина[6]).

№ 4. Какія же это *земныя* и *неземныя* жилища у мечты? Жилище мечты — воображеніе, слѣдовательно — духовное. Можно мечтать о земномъ или о духовномъ, — это дѣло другое.

№ 5. Владиміровъ не могъ повѣрить уверткѣ Тизо: слѣпые осо-

---

1) Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853 г. (оттискъ изъ *Москвитянина*).

2) То-есть, напечатанныя передъ словами дѣйствующихъ лицъ пояснительно-дополнительныя замѣчанія, долженствующія дать указанія актеру и читателю; смотри, напримѣръ, ниже, примѣчаніе 5-е.

3) Офицеръ, типъ фата.

4) Такъ, вѣроятно, прежде былъ названъ Прибрежный.

5) Это, дѣйствительно, смѣшная сцена. Послѣ произнесенія Владиміровымъ сочиненной имъ «Пѣсни вечерней звѣзды», «Прибрежная», какъ объяснено «прописью», «подвигнутая восторгомъ Тизо, сняла съ Мильтонова бюста вѣнокъ и надѣла на Владимірова. Владиміровъ ощупалъ вѣнокъ и задрожалъ. Варинька, сложивъ благоговѣйно ладони, съ восторгомъ на него смотритъ». Великопольскій, однако, не согласился исключить эту сцену.

6) Онъ проситъ Тизо сыграть на фортепіанахъ какіе-нибудь танцы.

бенно понимаютъ звуки, тоны. По естественному ходу сцены, Тизо долженъ былъ сказать правду.

№ 6. Эту молитву[1]), по моему, надо написать прозой! Простота и естественность, дѣйствительность ея, такъ сказать, послѣ лирической пѣсни были бы поразительны и чувствительны для зрителей. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе.

№ 7. Даже подозрѣніе слишкомъ поспѣшно, а здѣсь уже является увѣренность. Вотъ если бы Владиміровъ не повѣрилъ уверткѣ Тизо и выразилъ для зрителей, что не вѣритъ ему, тогда бы теперешняя увѣренность въ обманѣ была бы естественна.

№ 8. Вся эта сцена не достойна Владимірова, этого высокаго существа, какимъ авторъ хотѣлъ сначала его представить. Онъ могъ пожелать удостовѣриться въ своемъ нещастіи — и только. Тутъ нѣтъ ни измѣны, ни вѣроломства. Владиміровъ долженъ былъ сейчасъ догадаться, что эта женщина — та самая, которая давно любила Тизо: за что же гнѣваться? Онъ могъ только страдать, но драться... фи! весь характеръ его погибъ[2]).

№ 9. Мысль о дуэли нелѣпа для такого умнаго и нравственнаго человѣка, какъ Владиміровъ; а его ругательства и самохвальство становятъ его ниже *Легкаго*[3]).

№ 10. Ну можетъ-ли добрый отецъ свою дочь, невинную, слишкомъ молодую дочь, ставить на очныя ставки съ служанками? Положимъ, что подозрѣніе могло закрасться въ сердце отца (чего не должно быть); но открывать истину онъ будетъ наединѣ съ дочерью[4]).

№ 11. Если уже дозволить Владимірову мысль о дуэли, для кото-

---

1) Въ ней, между прочимъ, среди высокопарныхъ, напыщенныхъ фразъ, встрѣчаются, напримѣръ, такіе стихи:

Лишь слѣпца
Безъ вѣнца
Ты пустилъ для тяжкой доли!
Какъ полипъ,
Онъ прилипъ
Безъ очей къ земной юдоли!

2) Владиміровъ подозрѣваетъ, что Тизо увлекся Варинькой и, въ ревности, вызываетъ его на дуэль.

3) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ.

4) Ежъ говоритъ отцу, что видѣлъ сестру ночью въ комнатѣ Владимірова (она туда зашла въ лунатизмѣ).

рой нѣтъ причинъ, то мысль эта должна была уничтожиться его сознаніемъ и раскаяніемъ.

Вотъ Вамъ мои частныя замѣчанія; ихъ не мало, если соединить съ замѣчаніями, сдѣланными въ самой рукописи. Общее заключеніе, лично мое, состоитъ въ томъ, что «Міръ Слѣпыхъ» можетъ имѣть мѣсто въ художественныхъ произведеніяхъ и даже на сценѣ, хотя многіе не согласятся со мной. Ваша піеса, имѣя свои достоинства, не удовлетворяетъ меня. Восторженность главнаго лица, то-есть, Владимірова, сначала лишаетъ его достоинствъ дѣйствительности, а потомъ — такъ противорѣчитъ съ его ни на чемъ не основанною ревностью и злобой, что такая непослѣдовательность бросается въ глаза всякому [1]). Мысль же о дуэли и исполненіе такой мысли лишаетъ его достоинства умнаго человѣка. Въ немъ уже нельзя принимать участія, — и весь интересъ піесы уничтожается. — Его набожность — чисто поэтическая; во всѣхъ его поступкахъ нѣтъ признака вѣрующаго христіанина. Тизо исправить не трудно, но Владимірова надо создать вновь. Я нахожу положеніе Тизо, забывшаго время и не нашедшаго прежняго образа милой женщины, — поэтичнымъ и драматичнымъ; новая любовь или склонность [2]), конечно, — скоренька, но она возможна, и драматичность положенія увеличивается. Желая быть вѣрнымъ дѣйствительной жизни, Вы дѣлаете иногда слѣпыхъ смѣшными и допускаете другихъ смѣяться надъ ними; по моему это не нужно. Не надъ всѣми, не всегда и не всѣ смѣются надъ слѣпыми. Въ этомъ нѣтъ необходимости. Выводя вдругъ четырехъ слѣпыхъ, Вы и такъ подвергаетесь опасности, что это покажется смѣшно для зрителей, а Ваша цѣль — возбудить къ нимъ живое участіе».

Мнѣніе Аксакова не возымѣло дѣйствія, и въ 1857 г. Великопольскій представилъ свою любимую комедію на конкурсъ только-что учрежденной Уваровской преміи, скрывъ свое имя въ запечатанномъ конвертѣ съ девизомъ «Всѣ музы сестры и живутъ семействомъ». Коммиссія по присужденію наградъ графа Уварова, собравшись

---

1) Дѣйствительно, Великопольскій сначала заставляетъ его говорить высокими, напыщенными словами, а потомъ вкладываетъ въ его уста самыя грубыя ругательства и ставитъ въ такія положенія, которыя вызываютъ въ читателѣ только смѣхъ.

2) Къ Варенькѣ.

15-го іюня 1857 г., постановила разборъ комедіи Великопольскаго поручить Вл. Ив. Далю, но онъ подъ благовиднымъ предлогомъ отъ труда рецензированія отказался, отвѣтивъ Непремѣнному Секретарю Академіи слѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь. Оцѣняя довѣренность гг. академиковъ, желающихъ поручить мнѣ разборъ комедіи «Міръ слѣпыхъ», представленной на соисканіе Уваровской награды, я однако же, какъ по совѣсти, такъ и по обстоятельствамъ, долженъ отъ чести этой отказаться.

По совѣсти, потому что не признаю въ себѣ достаточныхъ на дѣло это способностей: я не критикъ, и разборъ этотъ легко бы вышелъ одностороннимъ, что было бы несогласно съ положеніемъ учредителя и съ достоинствомъ Академіи. Къ сожалѣнію, этому бывали примѣры, еще болѣе меня напугавшіе — напримѣръ разборъ словаря Павлова, представленнаго на Демидовскую награду. — По обстоятельствамъ — за недосугомъ. Я получилъ рукопись сегодня, 3-го іюля; къ 1-му августа разборъ долженъ быть уже на мѣстѣ, а между тѣмъ, я только что возвратился изъ поѣздки по губерніи, долженъ кончить множество дѣлъ, ожидавшихъ моего прибытія, и снова ѣхать.

По симъ причинамъ, прошу снисхожденія Академіи и Вашего. Рукопись при семъ имѣю честь возвратить. Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности моей. В. Даль.

3-го іюля 1857 г. Нижній. № 10[1]).

Послѣ отказа Даля, Академія 15-го іюля обратилась съ тою же просьбою къ Аполлону Николаевичу Майкову; однако, Великопольскій и здѣсь потерпѣлъ неудачу: премія не была ему присуждена...

Слѣдуя хронологическому порядку изложенія, намъ надлежитъ сказать теперь о сочиненіи Ивана Ермолаевича, которое онъ издалъ въ 1854 году (С.-Пб.) подъ иниціалами И. Е. В.: «Русское чувство, драматическая фантазія, по поводу репетиціи на Петербургской сценѣ представленія «Морской праздникъ въ Севастополѣ», при чемъ выручка отъ продажи 1000 экземпляровъ этой піесы была назначена авторомъ «на патріотическое употребленіе». Успѣхъ на Александринской сценѣ «Морского праздника въ Севастополѣ», написаннаго Н. В. Кукольни-

1) Архивъ Конференціи Императорской Академіи Наукъ, д. № 374, л. 158.

комъ, подалъ Великопольскому «мысль о возможности написать піесу въ томъ же патріотическомъ родѣ и по отношенію къ тому же событію [то-есть, Синопскому бою], но въ совершенно другихъ очеркахъ, перенеся сцену въ закулисный бытъ, а потому не впадая въ повтореніе. Завязки, собственно такъ называемой, тутъ и ожидать не должно. Всякая драматическая интрига, введенная для нея въ піесу, отвлекла бы только отъ главной цѣли — прославленія торжествъ русскаго оружія»[1]).

«Вывести дѣйствующими лицами самихъ актеровъ», говоритъ онъ далѣе: «есть мысль совершенно новая въ драматическомъ искусствѣ[2]), но это не можетъ помѣшать представленію, потому что все въ піесѣ служитъ имъ къ чести. При томъ, хотя каждый изъ нихъ выведенъ на сцену собственнымъ своимъ лицомъ, но все-таки исполняетъ роль, данную ему въ піесѣ, дѣйствуетъ по указанію и говоритъ словами автора».

Сцена въ «Русскомъ Чувствѣ» представляетъ собою кулисы Александринскаго театра, гдѣ собрались, для репетиціи «Морского праздника въ Севастополѣ» и другихъ репетицій, одновременно съ нею назначенныхъ, артисты: В. В. Самойловъ, А. М. Читау, Н. И. Подобѣдова, П. И. Григорьевъ 1-й, А. М. Максимовъ 1-й, Е. Я. Сосницкая, П. И. Орлова, Г. Н. Жулевъ, П. И. Григорьевъ 2-й, П. А. Каратыгинъ, П. П. Булаховъ, А. Е. Мартыновъ, Л. П. Фалѣевъ, солдаты-статисты, хористы, пѣвцы, а также «проведенный на сцену подъ видомъ статиста, по любопытству видѣть представленіе Синопскаго сраженія», унтеръ-офицеръ Балтійскаго флота Боченковъ. Артисты разговариваютъ между собою о томъ-о семъ; А. М. Читау, между тѣмъ, говоритъ, что въ представленіе «Морского праздника» ей хотѣлось бы вставить одну сцену, «которая не выходитъ у нея изъ головы». П. И. Григорьевъ 1-й говоритъ, что просить автора о вставкѣ этой

1) «Русское чувство», предисловіе, стр. 5.

2) Это не вѣрно: подобныя піесы бывали и гораздо раньше; такъ, въ 1821 г. Н. И. Хмельницкій и Н. В. Всеволожскій написали водевиль: «Актеры между собою», въ которомъ вывели актеровъ Троепольскихъ, Попова и Шумскаго; затѣмъ — кн. А. А. Шаховской написалъ комедію «Ѳ. Г. Волковъ» (1827 г.); въ 1841 г. былъ разыгранъ водевиль Д. Т. Ленскаго: «Мочаловъ въ провинціи»; въ 1847 г. была дана на сценѣ комедія «Ал. Сем. Яковлевъ», а въ 1807 г. была поставлена въ Петербургѣ переведенная Д. И. Языковымъ комедія «Влюбленный Шекспиръ».

сцены въ піесу уже поздно и предлагаетъ ее съимпровизировать. Каратыгинъ одобряетъ мысль, Читау приглашаетъ для импровизаціи Самойлова, Максимова, Орлову и Сосницкую, и они вмѣстѣ разыгрываютъ сцену, дополнительную къ «Морскому празднику»: проводы моряка Ипполита на войну и прощаніе съ нимъ его невѣсты и ея отца, обѣщающаго выдать за него дочь только въ томъ случаѣ, если онъ вернется «съ Георгіемъ или весь израненый». Послѣ этой сцены, разыгранной экспромптомъ, артисты продолжаютъ между собой бесѣдовать по поводу совершающихся военныхъ событій, наполняющихъ ихъ патріотическимъ воодушевленіемъ и восторгомъ при чтеніи новыхъ стиховъ, посвященныхъ прославленію военныхъ подвиговъ русскихъ въ Крыму и при пѣніи солдатскихъ и матросскихъ пѣсенъ. Въ это время вбѣгаетъ Г. Н. Жулевъ и сообщаетъ извѣстіе о новой побѣдѣ подполковника Огарева надъ кокандцами у форта «Перовскій»; всѣ кричатъ «ура!» и бѣгутъ смотрѣть на то, какъ несутъ взятыя у непріятеля турецкія знамена. Второе дѣйствіе все занято кантатою «Молитва русскаго народа». Однако, піеса эта, которая могла бы понравиться публикѣ, находившейся тогда въ восторженномъ настроеніи по случаю нашихъ побѣдъ, краснорѣчиво описывавшихся на страницахъ *Сѣверной Пчелы*, не была поставлена на сценѣ: «дозволеніе цензуры на представленіе піесы», говоритъ Великопольскій, «вышло передъ самою масляницею, а потому, по отзыву Дирекціи, не было уже времени изучить и поставить ее не только вполнѣ, но даже и въ отрывкѣ послѣднихъ сценъ, какъ имѣлось въ виду»[1]).

Литературную дѣятельность свою Великопольскій думалъ заключить изданіемъ въ 1859 году сборника своихъ сочиненій, вышедшаго подъ вычурнымъ заглавіемъ: «Раскрытый портфёль»: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе «Любителя»[2]). С.-Пб. 1859 г.

---

1) Стр. 6. Піеса эта, по выходѣ ея въ свѣтъ, была придирчиво раскритикована въ *Сѣверной Пчелѣ* (1854 г., №№ 73 и 79) Булгаринымъ, которому Великопольскій отвѣтилъ пространною антикритикой, помѣщенной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г., № 117).

2) Этотъ «Любитель», издавшій въ 1858 году драматическую пародію К. С. Аксакова «Олегъ подъ Константинополемъ» (см. выше), былъ С.-Петербургскій 3-й гильдіи купецъ Яковъ Васильевичъ Писаревъ, имѣвшій свою типографію и книжный магазинъ (въ 1861 году перешедшій къ Лермантову и К°, владѣльцу из-

Долго останавливаться на немъ намъ не приходится, такъ какъ о нѣкоторыхъ помѣщенныхъ тамъ піесахъ мы говорили уже выше. Скажемъ только, что въ него вошли, кромѣ 20 стихотвореній Великопольскаго, статья его «О творчествѣ въ искусствѣ» (изъ предисловія къ трилогіи «Часы съ флейтой»[1]); «Нимфодора», простонародная русская повѣсть въ стихахъ (1825 г.); «Чудо Перуна», лирическое представленіе въ двухъ частяхъ. Часть 1-я: «Заряна»[2]); «Отрывки изъ драматической фантазіи-ералажъ: «Приключеніе знаменитаго артиста, или Недоконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ публики». Предварительныя понятія о піесѣ, Примѣчаніе объ Ихтіосаврѣ и Бованіи, Отрывокъ первый (Родослонъ и Красавица) и Отрывокъ второй (Цвѣты и деньги, Идиллія)».

Издавая «Раскрытый портфёль», Великопольскій хотѣлъ, такъ сказать, подвести итогъ своей «40-лѣтней литературной дѣятельности, естественно переходившей отъ юности къ лѣтамъ возмужалымъ, отъ незрѣлости и соединенной съ ней неопредѣленности, — къ опыту и сознанію. Цѣль эта», говорилось далѣе въ предисловіи издателя: «очень понятна въ сочинителѣ, какъ человѣкѣ, уже пережившемъ 60 лѣтъ, въ особенности при обстоятельствахъ, въ которыя поставили его исключительные случаи жизни, отчуждивъ въ послѣднее время отъ всего, что составляетъ наслажденіе въ искусствѣ и фантазіи и, слѣдовательно, оставивъ для него въ литературѣ одно прошедшее. Это душевное состояніе такъ ярко выражено въ стихотвореніяхъ «Мечта о поминкахъ» и «Я умеръ», а также въ христіанскомъ чувствѣ преложенія молитвы: «Господи и Владыко живота моего», обличающей минуты умилительнаго обращенія души къ Подателю силъ въ борьбѣ съ судьбою, начавшейся для автора еще съ первыхъ лѣтъ молодости, что онѣ помѣщаются въ этомъ первомъ выпускѣ «Раскрытаго портфёля» съ особенною цѣлію: съ перваго же раза ознакомить съ нѣкоторыми данными

вѣстной библіотеки для чтенія). Это видно изъ подлиннаго, находящагося у насъ, условія съ нимъ И. Е. Великопольскаго касательно изданія «Раскрытаго портфёля». Писаревъ издавалъ газету *Русскій Міръ*, редактировавшуюся В. Я. Стоюнинымъ.

1) Піеса написана была въ 1828 г.

2) Издатель въ предисловіи помѣстилъ отъ себя «Пояснительную статью о славянскомъ баснословіи, къ напечатанной въ этой книгѣ первой части литературнаго представленія «Чудо Перуна».

касательно сочинителя...»[1]) Тамъ же говорилось, что въ томъ случаѣ, если «первый выпускъ «Раскрытаго портфёля» будетъ принятъ публикою одобрительно, то можетъ еще выйти четыре и болѣе...» Но пріемъ книги оказался болѣе, чѣмъ неблагопріятенъ: оба извѣстные намъ разбора: въ *Русскомъ Словѣ*[2]) и *Современникѣ*[3]) представляютъ изъ себя сплошную насмѣшку надъ произведеніями нашего автора, имя котораго, кажется, дѣйствительно осталось неизвѣстно критикамъ. Болѣе всего насмѣшекъ вызвали «Отрывки изъ драматической фантазіи-ералажъ: «Приключенія знаменитаго артиста, или Незаконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публики»[4]); по опредѣленію Великопольскаго, это ничто иное, какъ «своенравіе творчества, литературная забава», «сонъ и явь, смѣсь обыденной жизни, волшебства, мелодрамы, водевиля, оперы, фарса, идилліи, комедіи, концерта, балета, пляски, декламаціи, стиховъ и прозы, съ таинственнымъ окончаніемъ піесы — возрожденіемъ ихтіосавра». Суть фантазіи въ томъ, что актеръ Дмитріевъ (въ рукописи А. Е. Мартыновъ), который долженъ играть въ свой бенефисъ, засыпаетъ, выпивъ слишкомъ много шампанскаго, и видитъ во снѣ всякія небылицы, попадаетъ въ волшебныя страны и т. д. Критикъ *Современника* выставилъ всю піесу въ шутовскомъ видѣ, котораго, строго говоря, она быть можетъ и не заслуживаетъ: это просто фантазія, вполнѣ допустимая, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остроумная и съ очень недурными стихами. Романтическая повѣсть «Нимфодора», написанная въ 1825 г., разсказываетъ печальную судьбу двухъ любовниковъ, передъ самымъ вѣнцомъ разлученныхъ злодѣемъ, отвергнутымъ прежде Нимфодорою, которая, убивъ его, сходитъ съ ума, а женихъ ея идетъ въ монахи. Не всегда удачные стихи мѣшаютъ общему хорошему впечатлѣнію отъ повѣсти. Дидактическая трилогія «Часы съ флейтой», написанная въ 1828 г., представлена въ сборникѣ лишь первымъ дѣйствіемъ; она по своимъ качествамъ стоитъ гораздо выше всѣхъ дру-

---

1) Стр. II—III. «Раскрытый портфёль» былъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ книгъ, назначенъ, какъ премія, для подписчиковъ *Русскаго Міра*, издававшагося Я. В. Писаревымъ (см. *Русскій Міръ* 1860 г., № 33, стр. 132).

2) 1859 г., т. V, библіографія, стр. 68—74.

3) 1859 г., т. LXXV, стр. 120—126.

4) «Раскрытый портфёль», стр. 157—217. Въ рукописи піеса названа «Мартыновъ и Жулева. Драматическая фантазія-ералажъ».

гихъ піесъ Великопольскаго и по мысли, и по изложенію, и по подробностямъ. Однако, какъ видно по помѣткѣ на рукописи, представленной въ Театрально-Литературный Комитетъ въ 1865 г., піеса не была имъ одобрена къ представленію, такъ какъ не могла понравиться публикѣ: въ ней нѣтъ завязки, а это просто печальная повѣсть о тлѣнности земного счастія и его кратковременности, повѣсть, вставленная въ излюбленныя Великопольскимъ рамки драматическаго произведенія. Приведемъ отзывъ о ней изъ Журнала Театрально-Литературнаго Комитета отъ 11-го декабря 1865 г. за № 39: «Вся пьеса состоитъ изъ размышленій и разсужденій дѣйствующихъ лицъ о томъ, что все живущее умираетъ. Они постоянно горюютъ объ умершихъ. Въ I актѣ старикъ и старуха съ грустью вспоминаютъ о лицахъ, имъ близкихъ, похищенныхъ смертію. Во II актѣ [1])—старикъ и старуха уже умерли, а ихъ дочь и зять горюютъ о ихъ смерти, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ зять опасается, чтобъ не умерла его жена, которая уже страдаетъ какою-то болѣзнію. Въ III актѣ [2]) жена уже умерла, а мужъ — въ отчаяніи, чуть не въ помѣшательствѣ по поводу ея смерти и самъ уже совсѣмъ готовъ умереть. Впродолженіе всѣхъ трехъ актовъ бьютъ стѣнные часы съ флейтой [3]), и сидящая возлѣ нихъ дурочка, послѣ каждаго боя часовъ, приговариваетъ: «А часы идутъ». Посредствомъ участія этихъ часовъ авторъ хотѣлъ выразить мысль о безпощадной настойчивости времени, въ полетѣ своемъ сокрушающаго все живущее. Пьеса не имѣетъ драматическаго, ни даже сценическаго интереса. По этимъ основаніямъ пьеса не можетъ быть одобрена къ представленію».

Одновременно съ этой піесой, Иваномъ Ермолаевичемъ была представлена въ Театральный Комитетъ и другая: «Мечта и дѣйствительность, фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ, основанная на германскомъ повѣрьѣ» (С.-Пб. 1865 г.). Не имѣвъ возможности ознакомиться съ нею [4]), мы должны ограничиться приведеніемъ выписки изъ того же Журнала Театрально-Литературнаго Комитета: «Содержаніе этой пьесы

---

1) Между I и II актомъ проходитъ десять лѣтъ.

2) Проходитъ еще два года.

3) Они выставлены Великопольскимъ какъ memento mori.

4) Единственный экземпляръ ея въ Императорской Публичной Библіотекѣ вмѣсто 88 имѣетъ только 16 страницъ и то изъ середины.

основано на нѣмецкомъ преданіи, мало извѣстномъ въ самой Германіи и совершенно не интересномъ для русской публики. Самая завязка неестественна, потому что человѣкъ, живущій два мѣсяца въ одномъ семействѣ въ качествѣ распорядителя дѣлами и домашняго друга, не могъ не знать, что меньшая дочь хозяйки дома два года назадъ умерла. Неестественно и то, чтобы онъ, любя два мѣсяца дѣвушку, которую видитъ очень часто, не сказалъ ей ни одного слова, не слыхалъ даже ея голоса. По этимъ причинамъ драма не можетъ ожидать никакого успѣха на сценѣ, а потому и не одобряется къ представленію»...

Таково было заключеніе критики о послѣднемъ произведеніи нашего автора, который не терялъ вѣры въ свое призваніе драматурга и не складывалъ оружія, несмотря на столько неудачъ, на свой преклонный возрастъ (въ это время ему было уже 68 лѣтъ) и на цѣлую цѣпь годовъ, исполненныхъ для него тяжелой борьбы съ несчастіями.

Мы уже упоминали выше, что въ 1842 г. Великопольскій началъ большое дѣло по вопросу о новомъ—простомъ, но необыкновенно доходномъ—ручномъ (мяльно-толчейномъ) способѣ обработки и подготовленія къ пряжѣ волоконъ прядильныхъ растеній — льна и преимущественно пеньки; принадлежавшій ему секретъ этого новаго способа обѣщалъ ему большія выгоды, которыя онъ разсчитывалъ получить, добившись въ правительственныхъ сферахъ признанія его выгодности и полезности[1]). Изобрѣтателемъ этого способа былъ Московскій мѣщанинъ

1) При изложеніи всего этого дѣла мы пользуемся: 1) архивомъ оффиціальныхъ бумагъ и записокъ по предпріятію Великопольскаго, сообщеннымъ намъ Н. И. Чаплиной и 2) многочисленнымъ рядомъ статей, объявленій, брошюръ и т. п., касающихся этого предпріятія; изъ нихъ назовемъ нѣкоторыя: «О предпріятіи учредившагося въ Санктпетербургѣ Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній. Статья изъ *Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества*, № 4, 1845». С.-Пб. 1845, 36 стр. [Рец.: *Отечественныя Записки* 1845, т. XLII, отд. VI, стр. 16—18]; «Письмо учредителя товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растеній къ редактору *Отечественныхъ Записокъ* (*Отечественныя Записки* 1845 г., т. XLII, отд. VIII, стр. 109—116: отвѣтъ Великопольскаго на предыдущій разборъ) и «Отвѣтъ учредителя товарищества..... на примѣчанія, помѣщенныя къ его письму, напечатанному въ 9-й книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*» (*Отеч. Зап.*, т. XLIII, отд. VI, стр. 41—46); *Коммерческая Газета* 1845 г., №№ 110 и 111; *Московскія Вѣдомости* 1845 г., №№ 111, 115—118, 1846 г., №№ 12 и 13 (отзывы о его способѣ сравнительно со способомъ мѣщанина Николая Игнатьева); «Разсмотрѣніе статьи проф. Усова о мяльно-плющиль-

Петръ Ивановичъ Игнатьевъ (ум. 13-го августа 1846 г.). Послѣдній

номъ способѣ обработки льна и пеньки Лихачева и Канаева», статья Великопольскаго въ *Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* 1847 г., ч. II, отд. 2, стр. 151—185. и его же статья «О химической вымочкѣ пеньки и льна по способу г. Биссона и Праделя»—тамъ-же 1846 г., ч. II, отд. 2, стр. 194—208; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1848 г., № 9 и 1849 г., № 49 (объявл.); «Отзывы о принадлежащемъ.... Великопольскому способѣ простой и выгодной обдѣлки волокна прядильныхъ растеній, изданные по порученію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества». С.-Пб. 1849 (63 стр. съ табл.); «Обзоръ хода предпріятія..... Великопольскаго и выводъ прибыли, по разсчету на каждую мужескую ревижскую душу, доставляемой принадлежащимъ ему способомъ обдѣлки волокна прядильныхъ растеній; представленіе Коммиссіи, бывшей для того въ 1855 году отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, составленное по оффиціальнымъ документамъ». С.-Пб. 1856 г. (55 стр.); *Сенатскія Объявленія* 1859 г., № 44; «Объясненіе..... Великопольскаго по случаю происшедшей съ 1848 г. остановки по его предпріятію и объявленной его несостоятельности (сентябрь 1859 г.)» — отд. листъ. С.-Пб. 1859 и *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1859 г., № 217; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1860 г., № 80 и 1861 г., №№ 5 и 121; *Московскія Вѣдомости* 1861 г., № 20; Мѣсяцесловъ на 1862 г.: «О Высочайше утвержденномъ предпріятіи.... Великопольскаго....» и отд. оттиски. С.-Пб. 1861, 8 стр.; «О Высочайше утвержденномъ предпріятіи Великопольскаго, соединенномъ, по Высочайшему соизволенію, съ лотерейнымъ розыгрышемъ премій. Отзывъ учредителя съ краткимъ повтореніемъ правилъ и разсчетовъ, къ особому свѣдѣнію публики». С.-Пб. 1862, f°; «О лотереи г. Великопольскаго». С.-Пб. 1862, 24 стр.; «Правила и наставленія для агентовъ и коммиссіонеровъ Высочайше утвержденнаго предпріятія Великопольскаго, соединеннаго, по Высочайшему соизволенію, съ лотерейнымъ розыгрышемъ премій, для продажи лотерейныхъ свидѣтельствъ и разсрочныхъ квитанцій, если не заключено особаго договора. Составлено учредителемъ Великопольскимъ, согласно съ объявленными съ дозволенія правительства основаніями». С.-Пб. 1862; *Московскія Вѣдомости* 1862 г., №№ 59, 157 и 230; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1862 г., №№ 42, 69, 103, 150, 154, 222 и 228; *Современное Слово* 1862 г., № 94; *День* 1862 г., № 38; *Иллюстрированный Листокъ* 1862 г., №№ 36, 40, 44, 45, 47 и 1863 г., №№ 51 и 57 (№№ 1862 года изданы отд. отт. подъ загл. «Дѣло Великопольскаго». С.-Пб. 1862, съ двумя прибавленіями изъ №№ 1863 года); *Иллюстрированная Газета* 1863 г., №№ 4 и 5; *Биржевыя Вѣдомости* 1863 г., № 149 (фельетонъ); *Вѣдомости С.-Пб. Городской Полиціи* 1863 г., №№ 155 и 156; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1863 г., № 94 (Договоръ, заключенный Великопольскимъ съ Совѣтомъ церкви Св. Петра въ Петергофѣ); *Голосъ* 1864 г., №№ 46 (письмо Великопольскаго), 85 и 86 (отвѣтъ его); «Окончательное оправданіе Великопольскаго». С.-Пб. 1863, 30 стр.; «Объявленіе отъ посреднической Коммиссіи надъ имѣніемъ.... Великопольскаго» (отт. въ 4 стр. изъ *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1866 г., № 24); «Объявленіе отъ Великопольскаго объ окончаніи дѣла о его предпріятіи» (отт. изъ *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1867 г., № 68); *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1867 г., № 106 (о его дѣлѣ); *Народный Голосъ* 1867 г., № 85; *Москва* (И. С. Аксакова) 1867 г., №№ 103 и 150; *Русскій* (Погодина) 1867 г., № 14; *Московскія Вѣдомости* 1867 г., № 96; *Петербургскій Листокъ* 1867 г., № 15; *Голосъ* 1867 г., №№ 131 и 159; «Двѣ печатныя записки по дѣлу его, слушавшемуся въ Сенатѣ въ 1864 и 1867 гг.»; «Извѣщеніе отъ Великопольскаго о положеніи его дѣла по Высочайше утвержденному сельско-хозяйственному его предпріятію», f°, С.-Пб. 1867 (дозв. ценз. 30-го октября 1867 г.) и др.

въ 1841 г. показывалъ свой способъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, получилъ одобреніе отъ директора М. А. Байкова, а въ 1842 г. — произвелъ опыты обработки передъ Коммиссіею, назначенной отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ подъ предсѣдательствомъ члена его А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, — и также получилъ одобреніе. Въ 1843 г. съ Игнатьевымъ встрѣтился Иванъ Ермолаевичъ, который и купилъ у него секретъ открытія за 1000 рублей; начавъ работать надъ его улучшеніемъ, онъ вскорѣ значительно усовершенствовалъ способъ обработки благодаря разнымъ новымъ приспособленіямъ въ устройствѣ орудія и въ 1845 году подалъ о немъ записку въ Вольно-Экономическое Общество, которое поручило разсмотрѣніе его Предсѣдателю Ученаго Отдѣленія Общества, тогда инспектору Технологическаго Института Ал. Петр. Максимовичу. Какъ Максимовичъ, такъ и Директоръ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища Байковъ, изслѣдовавшій способъ по порученію Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Товарища Министра удѣловъ, дали объ изобрѣтеніи Великопольскаго самые лестные отзывы, найдя способъ его крайне простымъ, легкимъ, чрезвычайно выгоднымъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ и заслуживающимъ всякаго поощренія и возможно широкаго распространенія; къ такому же заключенію пришли: въ 1846 году — образованная по распоряженію графа П. Д. Киселева особая секретная коммиссія изъ одного члена Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ (барона Герм. Карл. Дальвица) и Вольнаго Экономическаго Общества (А. П. Максимовича и самого вице-президента этого Общества д. т. совѣтника князя Вас. Вас. Долгорукова), а въ 1848 г. — высочайше утвержденная Коммиссія изъ представителей Министерствъ: Военнаго, Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Финансовъ[1]). Въ виду всего этого Совѣтъ Вольно-Экономическаго Общества[2]) отнесся циркулярнымъ извѣ-

1) Всѣ эти мнѣнія были Великопольскимъ собраны и изданы въ особой брошюрѣ: «Отзывы о принадлежащемъ отставному маіору Ивану Ермолаевичу Великопольскому способѣ простой и выгодной обдѣлки волокна прядильныхъ растеній, изданные по порученію Имп. Вольнаго Экономическаго Общества». С.-Пб. 1849, 63 стр. + 1 таблица.

2) Въ 1845 г. Великопольскій былъ избранъ въ члены его (*А. И. Ходневъ*. Исторія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, С.-Пб. 1865, стр. 184 и *Труды* этого Общества за 1846 г., ч. I, отд. 1, стр. 26), равно какъ и въ члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (*С. А. Масловъ*. Историческое Обозрѣніе Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. М. 1846, стр. 259).

щеніемъ ко всѣмъ лицамъ, могшимъ имѣть, «по разнымъ отношеніямъ, вліяніе на введеніе во всей Россіи новаго способа Великопольскаго,— съ цѣлью обратить на предпріятіе ближайшее ихъ вниманіе и пріобрѣсти распространенію способа попечительное ихъ содѣйствіе». Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, дозволило Великопольскому открыть на льготныхъ условіяхъ въ Петербургѣ особую контору, а другія министерства обѣщали оказать предпріятію всевозможное содѣйствіе. Одно время даже былъ поднятъ вопросъ о пріобрѣтеніи секрета этого полезнаго способа въ государственную собственность для наивозможно широкаго его распространенія, но затѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ 15-го ноября 1848 г., рѣшено было: выдать Великопольскому безвозвратную ссуду (15000 р. сер.) и административныя льготы для успѣшнаго веденія предпріятія и назначить въ Александровской Мануфактурѣ опыты въ присутствіи депутатовъ отъ заинтересованныхъ министерствъ; испытаніе это, состоявшееся лишь въ 1850 году, дало самые лучшіе результаты. Между тѣмъ какъ денежныя дѣла Великопольскаго, отъ долгой волокиты дѣла и сопряженныхъ съ нею издержекъ, приходили постепенно въ упадокъ, а онъ все не могъ получить отъ казны обѣщанныхъ на веденіе дѣла 15000 р., въ 1852 году, въ виду новыхъ усовершенствованій, введенныхъ имъ въ машину, при Экономическомъ Обществѣ, по высочайшему повелѣнію отъ 8-го января, была образована для производства дополнительныхъ опытовъ новая коммиссія изъ представителей трехъ министерствъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Общества князя В. В. Долгорукова; послѣднему предоставлено было главное руководительство дѣлами предпріятія Великопольскаго, который, однако, не могъ получить отъ министерскихъ канцелярій ничего, кромѣ одобрительныхъ отзывовъ и обѣщаній содѣйствія ему. Князь Долгоруковъ, не видя способовъ поправить запутавшееся по департаментамъ дѣло и облегчить денежное положеніе Великопольскаго, которому уже грозила продажа съ молотка имѣній его и жены, внесъ ходатайство о немъ (уже въ 1854 году) въ Комитетъ Министровъ; здѣсь дѣло, не смотря на всю желѣзную энергію и настойчивость Ивана Ермолаевича, тянулось опять два года и окончилось рѣшеніемъ: назначить новую (уже 9-ю!) коммиссію для разсмотрѣнія способа и, въ случаѣ признанія его полезнымъ (что уже было признано 8 разъ), предоставить ему право взять привиллегію (это онъ

могъ сдѣлать уже съ 1843 г.) въ установленномъ порядкѣ или уступить его правительству за извѣстную сумму. Истерзанный нравственно и уже доведенный почти до нищеты, Иванъ Ермолаевичъ добивался разсмотрѣнія своего дѣла въ Сенатѣ, о чемъ и просилъ въ 1857 году. Въ 1858 г. дѣло его, по высочайшему повелѣнію, было снова пересмотрѣно, въ слѣдующемъ году Великопольскій взялъ привилегію на 10 лѣтъ, а затѣмъ представилъ въ Сенатъ составленный имъ планъ распространенія его изобрѣтенія; по этому плану онъ предполагалъ, продавая, до истеченія срока своей привилегіи, свидѣтельства на право употребленія своего способа, войти въ соглашеніе съ однимъ или нѣсколькими благотворительными учрежденіями о розыгрышѣ, въ дозволенныхъ имъ лотереяхъ, премій въ деньгахъ и вещахъ. Не получивъ со стороны Сената возраженій на свой планъ, онъ въ декабрѣ 1860 года заключилъ договоръ съ Церковнымъ Совѣтомъ лютеранской церкви св. Петра въ Петергофѣ на два розыгрыша. Добившись этого, Великопольскій воспрянулъ духомъ и повелъ дѣло съ присущею ему энергіею, не ослабѣвшею несмотря на 20 лѣтъ борьбы и неудачъ. Съ 1861 года снова открылась его контора, появились агенты во всѣхъ городахъ Россіи и началась продажа свидѣтельствъ на право узнать секретъ способа на льготныхъ и заманчивыхъ условіяхъ: изъ двухъ такихъ свидѣтельствъ (съ четнымъ и нечетнымъ №) имѣвшій ихъ выигрывалъ непремѣнно на одно въ денежной преміи не менѣе цѣны свидѣтельства и въ вещевыхъ преміяхъ — на счастье; кромѣ того, были еще и условные выигрыши; все дѣло было построено на строгомъ математическомъ разсчетѣ (Великопольскій довольствовался ничтожнымъ % прибыли) и велось безукоризненно честно: онъ добился даже назначенія особой оффиціальной коммиссіи отъ четырехъ вѣдомствъ для ревизованія его конторы каждые три мѣсяца съ опубликованіемъ журналовъ ея во всеобщее свѣдѣніе и, кромѣ того, предоставилъ Губернскому Правленію право ревизовать ее во всякое время [1]).

---

1) Членами Правленія дѣлами предпріятія Великопольскаго были: ген.-маіоръ Николай Алексѣевичъ Аммосовъ (извѣстный изобрѣтатель Аммосовскихъ печей, ум. въ 1868 г.), инженеръ-подполковникъ Мих. Андр. Агамоновъ (ум. въ 1867 г.) и колл. сов. Влад. Раф. Зотовъ (литераторъ); см. *Русскую Старину* 1901 г., № 6, стр. 627—628 и № 7, стр. 172.

Будучи такъ обставлено, дѣло пошло успѣшно[1]), и къ серединѣ 1862 г. было продано паевъ уже на сумму около 120.000 рублей, хранившихся въ Государственномъ Банкѣ. Казалось, все шло благополучно, какъ вдругъ, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, въ дѣло вмѣшался «Главноначальствующій надъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», который погубилъ окончательно дѣло и разорилъ самого Великопольскаго. Онъ нашелъ, что лотерея въ томъ широкомъ развитіи, которое она получила, вышла изъ границъ, предоставленныхъ ей высочайшимъ повелѣніемъ, такъ какъ-де Великопольскій устроилъ какую-то свою лотерею, независимо отъ церкви св. Петра. Ивана Ермолаевича обвиняли, кромѣ того, въ будто бы неблаговидныхъ уловкахъ для завлеченія довѣрчивой публики, въ неясности его предложеній и т. под. Пошла опять безконечная переписка между III Отдѣленіемъ, Управой Благочинія, Петербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и т. д. Наконецъ, дѣло снова дошло до Комитета Министровъ, по представленію котораго 6-го іюля 1862 года состоялось высочайшее повелѣніе, коимъ приказано было прекратить дальнѣйшую раздачу билетовъ и обязать Великопольскаго разыграть уже розданные при лотереѣ церкви св. Петра[2]). Иванъ Ермолаевичъ, съ присущей ему энергіею, настойчивостью и вѣрою въ правоту дѣла, ходилъ и просилъ всюду, гдѣ только видѣлъ хоть малѣйшую надежду на то, что его выслушаютъ, примутъ въ соображеніе его оправданія и признаютъ права. Не добившись ничего, окончательно разорившись[3]) и потерявъ надежду на поправленіе самаго дѣла, но желая, по крайней мѣрѣ, возстановить свое честное, невинно поруганное имя, Великопольскій 13-го мая 1863 г. подалъ прошеніе въ Сенатъ, жалуясь на С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора за запрещеніе ему продолжать лотерею, разрѣшенную ему по высочайшему повелѣнію, и на Министра Внутреннихъ Дѣлъ за то, что онъ не исполнилъ совершенно законнаго его требованія о разрѣшеніи произвести при

1) Хотя были голоса и противъ лотереи: сравни, напримѣръ, брошюру І. Григоровича: «Играть въ лотерею или нѣтъ? или вѣрнѣйшій способъ пріобрѣсть себѣ выигрышъ». М. 1862 г.

2) Это и было исполнено.

3) Припомнимъ, что въ это время онъ лишился и своихъ «душъ».

церкви Петра второй розыгрышъ (по контракту). По возникшему между сенаторами и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ разнорѣчію, дѣло Великопольскаго дошло до Общаго Собранія Сената. Только 2-го апрѣля 1865 г. оно окончилось Высочайшимъ утвержденіемъ рѣшенія Сената, признавшаго за Великопольскимъ право продолжить его дѣло. Вслѣдствіе этого онъ 18-го октября подалъ въ Сенатъ, на разсмотрѣніе, новый планъ второй лотереи; только 19-го мая 1867 г. послѣднее прошеніе его было разсмотрѣно въ Общемъ Собраніи, и за нимъ было окончательно признано право продолжать свою лотерею (то-есть, произвести, по договору, второй розыгрышъ) и требовать назначенія формальнаго изслѣдованія по взведенному на него обвиненію въ учрежденіи собственной лотереи. Теперь право было признано, но.... не было уже никакихъ средствъ для продолженія дѣла. Чукавино, въ которомъ онъ проживалъ теперь, уже и раньше много разъ чуть не проданное съ молотка, но спасенное разными невѣроятными ухищреніями, было снова назначено въ продажу. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ про себя въ циркулярномъ воззваніи къ публикѣ (помѣченномъ «С.-Петербургъ, 29-го ноября 1867 г.»[1]):

«Въ настоящее время, уже при 70-ти годахъ жизни Великопольскаго, за рѣшеніемъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената по предмету продажи лотерейныхъ свидѣтельствъ, предстоитъ ему возобновить свои дѣйствія для распространенія его, Великопольскаго, изобрѣтенія, на основаніи правъ, уже признанныхъ за нимъ тѣмъ Общимъ Собраніемъ. — Но покуда онъ получитъ возможность къ тому, бѣдствія его и семейства достигнутъ крайнихъ предѣловъ.

«Въ теченіе 24-хъ лѣтъ дѣла его и жены его достигли такого положенія, что все имѣніе жены уже назначено къ продажѣ по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, а многіе изъ кредиторовъ Великопольскаго, уже потерявъ терпѣніе въ ожиданіи возобновленія предпріятія и оставивъ, наконецъ, всю прежнюю свою снисходительность, домогаются немедленной продажи всего и его имущества. Впереди — позоръ и самыя крайнія лишенія, а при душевномъ состояніи жены, долженствующей быть изгнанной изъ единственнаго своего убѣжища, грозятъ

1) Цензурою дозволено 20-го ноября 1867 г. Оно было напечатано въ долгъ.

еще и болѣе ужасныя послѣдствія. Между тѣмъ, изсякли всѣ средства даже къ жизни, тогда какъ и самое возобновленіе предпріятія требуетъ еще времени и большихъ предварительныхъ издержекъ.

«О содержаніи упомянутаго рѣшенія Сената и о мѣрахъ, принимаемыхъ Великопольскимъ по его руководству, изложено имъ къ общему свѣдѣнію въ статьѣ, напечатанной въ № 150 газеты *Москва* и № 151 *Петербургскаго Листка*, а въ № 68 *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, чрезъ которыя всегда поставлялись въ извѣстность о ходѣ этого дѣла кредиторы, помѣщено формальное о томъ объявленіе.

«Безвыходность положенія, при истощеніи всякаго кредита, вынуждаетъ Великопольскаго къ шагу, который уже самъ собою доказываетъ крайность и высшую степень отчаянія.

«Посредствомъ этого циркулярнаго обращенія, онъ рѣшается прибѣгнуть къ содѣйствію г.г. Предводителей Дворянства и Городскихъ Головъ, а чрезъ нихъ и другихъ лицъ, которымъ дорога̀ отечественная польза, доказательно, по 8-ми изслѣдованіямъ способа, ожидаемая отъ успѣха его предпріятія, и сочувствію которыхъ не чужды подобныя бѣдствія человѣка, употребившаго все лучшее время своей жизни и убившаго все свое состояніе на такое важное промышленное дѣло.

«Не скрывая, что настоящее обращеніе заключается въ просьбѣ о денежной поддержкѣ, Великопольскій, для приданія ей, сколько возможно, благовидности и для отстраненія отъ нея характера унижающаго, присоединяетъ объявленія изъ №№ 103 и 141 газеты *Москва*, о заблаговременной подпискѣ на двѣ его, уже готовыя къ изданію, брошюры: «Чудо Перуна» и «27 басенъ и сказокъ»[1]), съ назначеніемъ, уже болѣе по обстоятельствамъ, цѣны каждой изъ нихъ по 1 руб. 50 коп., съ пересылкою внутри Россіи, прося о наибольшей, и при томъ самой поспѣшной, подпискѣ на нихъ».

Мы не знаемъ, откликнулась-ли публика на его призывъ, въ которомъ было столько искренности, простоты и непоколебимой вѣры въ свое дѣло и правоту его. Впрочемъ, если и нашлись сочувствующіе Ивану Ермолаевичу люди, ему скоро сдѣлалась уже ненужна ихъ помощь. Уѣхавъ 15-го декабря 1867 г. въ Чукавино, чтобы отдохнуть

1) Сверхъ этихъ 27 басенъ и сказокъ, за недозволеніемъ цензурою трехъ изъ 30-ти, предварительно объявленныхъ въ текстѣ № 103 газеты *Москва*, двѣ уже дозволены, а третья будетъ добавлена новая.

въ семьѣ[1]) послѣ петербургскихъ треволненій и провести въ деревенской тишинѣ праздники и день своего рожденія, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и счетовъ по предпріятію и собирая матеріалы для подачи жалобы въ Окружной Судъ, какъ судъ новый, «скорый, правый и милостивый»; въ этомъ, только-что вводившемся тогда институтѣ онъ надѣялся найти, наконецъ, свое оправданіе. Но и этой мечтѣ его не удалось сбыться: утромъ 6-го февраля 1868 г. Иванъ Ермолаевичъ, совершенно здоровый наканунѣ, былъ найденъ мертвымъ въ постели. 9-го числа онъ былъ погребенъ при церкви села Чукавина, гдѣ, много лѣтъ спустя (7-го апрѣля 1897 г.), съ нимъ рядомъ легла и жена его — Софья Матвѣевна...[2])

Душевное состояніе и матеріальное положеніе Ивана Ермолаевича, о коемъ уже съ достаточною, кажется, ясностью можно судить по прочтеніи вышеприведенной грустной повѣсти о его неудачахъ, еще ярче обрисовывается изъ его собственнаго письма къ Погодину, писаннаго еще въ мартѣ 1852 года. «Я все еще предъ Вами виноватъ», писалъ онъ: «но Вы теперь, изъ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствъ, вдругъ сдѣлались милліонщикомъ и генераломъ[3]), все-таки оставшись добрымъ человѣкомъ, — и не требуете съ меня. Спасибо Вамъ! Но этого мало. Я, зная Ваше сердце, увѣренъ, что при такомъ внезапномъ, Богомъ и царемъ устроенномъ оборотѣ Вашихъ дѣлъ, Вы не забудете ближняго, измучившагося въ неимовѣрныхъ страданіяхъ, и подадите мнѣ руку помощи. Дѣло мое идетъ хорошо, честію увѣряю Васъ въ томъ; могу даже показать доказательства, хотя положительный результатъ также еще зависитъ отъ Бога и царя. Оно въ такомъ положеніи, что въ нынѣшнемъ году я надѣюсь быть совершенно обезпеченъ во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить всѣхъ моихъ кредиторовъ, съ которыми черезъ годъ или два, можетъ быть, окончательно расплатиться, не безъ остатка и для себя. Но теперь мое положеніе

---

1) Жена его — Софья Матвѣевна, въ это время уже страдала душевнымъ недугомъ, въ которомъ и кончила жизнь; съ ней жила дочь ея — Надежда Ивановна, здравствующая и понынѣ, тогда уже вдова подполковника Николая Андреевича Чаплина (ум. въ 1866 г.).

2) *Новое Время* 25-го апрѣля 1897 г.

3) Погодинъ тогда только что продалъ свое извѣстное «древлехранилище».

самое ужасное. Я въ Москвѣ съ больною женой. Живу уже мѣсяцъ. Сегодня послѣднія деньги отдаю бабушкѣ. Нечѣмъ ни жить, ни платить доктору, а на дняхъ должна быть консультація. Обратиться совершенно не къ кому; у всѣхъ много меду истекаетъ изъ устъ, но мало—изъ сердца. Помогите мнѣ, если можете, пятью-стами руб. сер., а не можете,—то хоть тремя-стами. Бога призываю въ свидѣтели, что деньги Ваши не пропадутъ»[1]). Погодинъ отвѣчалъ уклончиво и въ вѣжливой формѣ далъ отказъ. «Сію минуту, поздно вечеромъ, возвратился домой и прочелъ Вашу записку», писалъ на это Иванъ Ермолаевичъ: «Благодарю, что Вы не оставили меня безъ отвѣта, но изъ Вашей записки ясно вижу только то, что Вы не можете ссудить меня деньгами. Извиняюсь же въ моей просьбѣ, но извиняюсь тѣмъ, что я обратился не столько къ Вашему карману, сколько къ Вашему сердцу, потому что кармановъ много, но безъ сердецъ. При томъ я вспомнилъ о Вашей запискѣ ко мнѣ, когда я выигралъ 60.000 р. асс., изъ которыхъ получилъ 40. Вы тогда находили, что я долженъ удѣлить что-нибудь Шафарику, а когда я привезъ Вамъ для него четыреста, то Вы съ Ольгой Семеновной Аксаковой находили, что я долженъ былъ дать тысячу. Все это обнадеживало меня, что я не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи безъ участія съ Вашей стороны. Что касается прочаго содержанія Вашего письма, то сначала я не разобралъ его, а потомъ сожалѣлъ, что разобралъ. Вы пишете, что весь медицинскій факультетъ готовъ пріѣхать на консультацію къ дочери Мудрова, что Университетъ отведетъ ей комнату и что Вы уже и писали къ нѣкоторымъ (!!!!), наконецъ, чтобы *я не вступался въ это дѣло*, потому что я хотя и прекрасный гражданинъ, но не сего міра и дѣлъ никакихъ дѣлать не умѣю. Позвольте, со всею почтительностію, отвѣчать Вамъ на это, что за участіе благодарю, даровыми посѣщеніями докторовъ я пользоваться не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что они этого не любятъ, а о Мудровѣ давно забыли, ежели еще не бранятъ; что отдавать мою жену въ Университетскую больницу я постыжусь, а какъ вести мои дѣла,—то знаетъ мой умишко, который совѣтовъ ни у кого не проситъ. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Пожалуйста, не разсердитесь: не съ тѣмъ пишу, чтобы огорчить Васъ. Но, по прочтеніи Вашей записки, мнѣ сдѣлалось тошно.

---

1) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, С.-Пб. 1898, стр. 374.

Вѣроятно, она подѣйствовала на желчь, которая въ 55 лѣтъ легко отъ такихъ рѣчей раздражается. — Я разорвалъ на части... Къ кому изъ докторовъ писали Вы? Что Вы писали? Кто просилъ Васъ о томъ? Это удивляетъ и оскорбляетъ меня. Конечно, это легче, нежели дать денегъ, но такая непросимая услуга хуже, нежели отказъ въ деньгахъ»[1]).

На другой день, поуспокоившись немного, Иванъ Ермолаевичъ написалъ Погодину другое письмо, въ которомъ говорилъ слѣдующее: «Вчера я отвѣчалъ на Вашу записку словомъ «благодарю», потому что другого нечего было отвѣчать; но какъ она содержитъ сильное негодованіе на духъ, въ которомъ было послѣднее мое письмо, то я сейчасъ перечиталъ первое, отъ Васъ полученное. Вотъ, послѣ сорока восьми часовъ я и хладнокровнѣе; а все-таки скажу, что нельзя было принять Вашихъ словъ равнодушно. Въ моемъ положеніи они почти насмѣшка, а въ мои лѣта — глубокое оскорбленіе. При томъ, не мало не сомнѣваясь въ участіи душевномъ, я искалъ того участія дѣломъ, о которомъ Вы пишете. Неужели оно состоитъ въ намѣреніи написать къ Страхову[2]) и Гульковскому. Обращаясь къ Вашей справедливости, я пишу эту записку, съ цѣлью остаться съ Вами въ прежнихъ отношеніяхъ, въ которыхъ до сего времени не проходило ни одного облачка. Между тѣмъ, мое положеніе дѣлается съ каждымъ часомъ ужаснѣе. Послѣ Васъ моя надежда была на управляющаго здѣшнею Коммиссаріатскою Коммиссіею — генерала Щулепникова, служившаго юнкеромъ у меня въ ротѣ. Вчера хотѣлъ писать къ нему — и вдругъ узнаю, что онъ — въ холерѣ. Его жаль душевно, и мое въ этомъ видно особое несчастіе. Я не объяснилъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что къ маю мѣсяцу ожидаю денегъ изъ казны; слѣдовательно, я просилъ у Васъ только до мая; повторить просьбу не смѣю, но если Вы пришлете хоть 200, хоть 150, наконецъ, хоть 100 рублей серебромъ, то сдѣлаете величайшее мнѣ добро, тѣмъ болѣе, что дѣла мои требуютъ скорой поѣздки, дня на два, въ Петербургъ, а я останавливаюсь ѣхать даже и къ Броку, для приглашенія его къ женѣ, потому уже нѣтъ и на извощика. Посылаю эту записку по городской почтѣ для того, чтобы

1) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 374—375.
2) Петру Ларіоновичу, женатому на одной изъ воспитанницъ М. Я. Мудрова.

не вынуждать Васъ на отвѣтъ, непріятный для Васъ въ случаѣ отказа; но стану то-и-дѣло посматривать на дверь, не входитъ ли въ нее мужичекъ съ бородкою, принесшій отъ Васъ вчерашнюю записку»[1]).

Изъ положенія дѣлъ Великопольскаго можно видѣть, что участь его такъ и не облегчилась до самаго дня его смерти. Не помогли ему и разныя другія предпріятія, къ которымъ онъ обращался въ надеждѣ поправить свои дѣла, какъ, напримѣръ, взятый имъ на себя, въ компаньонствѣ съ нѣкіимъ Труведлеромъ, подрядъ на поставку изъ Зубцовскаго своего имѣнія лѣсу въ Тверь для моста черезъ Волгу. Дѣло было выгодное, но Иванъ Ермолаевичъ, по словамъ его дочери, какъ человѣкъ крайне непрактичный, и тутъ, вмѣсто барышей, получилъ одни убытки: «онъ доставилъ весь матеріалъ въ Тверь водою къ сроку, но Труведлера тамъ не было, и никто не былъ уполномоченъ имъ принять лѣсъ. Каждый благоразумный человѣкъ засвидѣтельствовалъ бы свою исправность полиціи и потомъ взыскалъ бы стоимость убытковъ съ компаньона, а отецъ своими рабочими вытаскалъ дерева изъ воды и караулилъ ихъ, а Труведлеръ пріѣхалъ и забраковалъ лѣсъ... И вотъ они другъ съ друга стали требовать ежедневную неустойку и каждый насчиталъ свыше 90.000 рублей; судились много лѣтъ, тратили гербовую бумагу, вносили пошлины и дошли до Сената, который, разсмотрѣвъ дѣло, окончилъ его въ десяти строкахъ и въ 90 или 93 копѣйкахъ»[2]).

Къ такимъ же неудачнымъ опытамъ относится и устройство, въ концѣ 1850-хъ годовъ, фабрики сигаръ въ Чукавинѣ и много другихъ подобныхъ предположеній. Уже въ послѣдніе годы жизни Иванъ Ермолаевичъ задумалъ разыграть въ лотерею имѣвшійся у него замѣчательный портретъ Шекспира[3]), но не получилъ на то надлежащаго

1) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 375—376.

2) См. «Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената», т. I. Рѣшенія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи (1835—1864 г.). С.-Пб. 1864, стр. 897—899.

3) Этотъ портретъ онъ получилъ, въ 1830-хъ годахъ, отъ «одного доктора», которому онъ достался отъ бѣдной паціентки. Описаніе портрета со снимкомъ съ него было помѣщено въ № 23 *Иллюстраціи* за 1858 г.; въ 1864 г., въ виду наступавшаго 300-лѣтняго юбилея дня рожденія Шекспира, Иванъ Ермолаевичъ написалъ статью въ *Голосѣ* (№ 75), разсчитывая на то, что извѣстіе о портретѣ дойдетъ до Шекспировскаго Общества, которое пожелаетъ пріобрѣсти портретъ за приличную

разрѣшенія и отправилъ черезъ Англійскаго консула въ Петербургѣ Ѳ. И. Мичелля въ Лондонъ, въ Шекспировское Общество; вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, а дочь его — Н. И. Чаплина — уже не могла добиться возвращенія портрета изъ Англіи: просвѣщенные мореплаватели оставили себѣ эту рѣдкость на память.

Литературныя предпріятія, какъ мы уже видѣли выше, также не переставали занимать Ивана Ермолаевича, и даже въ самыя тяжелыя времена своей жизни онъ не разъ появлялся въ печати. Такъ, напримѣръ, въ 1856—1858 г.г. онъ задумывалъ издавать сочиненія своего тестя Мудрова и хлопоталъ передъ духовною цензурою о разрѣшеніи ему напечатать трудъ Матвѣя Яковлевича «Духовное врачевство»[1]); въ 1864 году намѣревался переиздать уничтоженнаго въ 1841 году «Янетерскаго»[2]). Наконецъ, уже совсѣмъ незадолго до своей смерти предполагалъ приступить къ изданію сборника «27 басенъ и сказокъ Ивельева» и своей лирической драмы «Чудо Перуна»[3]), сюжетъ которой былъ взятъ имъ изъ древняго славянскаго быта, — съ посвященіемъ ея бывшимъ въ Россіи въ 1867 г. «славянскимъ гостямъ». «Къ настоящему изданію въ свѣтъ этого моего сочиненія», говорилъ онъ въ приведенномъ выше воззваніи: «побудило меня особое стремленіе. Заключительный хоръ драмы свидѣтельствуетъ, что панславическая мечта уже занимала меня въ то время, когда она еще не высказывалась въ гласныхъ желаніяхъ всеславянскаго духовнаго объединенія. Послѣ же съѣзда славянъ на Этнографическую Московскую выставку, когда смыслъ панславизма окончательно опредѣлился тѣмъ объединеніемъ, я также, хотя въ значеніи послѣдняго члена въ обширномъ братствѣ, заявляю себя однимъ изъ горячихъ и давнихъ его сторонниковъ. — Исполняю это заявленіе изданіемъ настоящаго моего сочиненія подъ истиннымъ, на этотъ разъ, полнымъ моимъ именемъ, рядомъ съ псевдонимомъ, подъ которымъ я печаталъ произведенія моихъ зрѣлыхъ лѣтъ, и посвящая его «бывшимъ въ Россіи въ 1867 году славянскимъ гостямъ».

сумму. Но Общество, по отправленному Великопольскимъ описанію и снимку съ портрета, усомнилось тогда въ его подлинности.

1) Подробности см. въ статьѣ моей «Изъ архива И. Е. Великопольскаго» въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 6, стр. 629—634.

2) Тамъ-же, стр. 628—629.

3) См. выше.

Но ни то, ни другое изданіе, предполагавшееся къ выходу въ апрѣлѣ 1868 г., не могло уже состояться.

Мы заключимъ нашъ очеркъ приведеніемъ любопытнаго письма Ивана Ермолаевича къ Анатолію Ѳедоровичу Кони[1]), съ отцомъ котораго, извѣстнымъ литераторомъ, Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, Великопольскій былъ въ давнихъ дружескихъ отношеніяхъ[2]). Анатолій Ѳедоровичъ зналъ Ивана Ермолаевича еще со времени своего дѣтства, но болѣе близко познакомился съ нимъ въ первой половинѣ 1860-хъ годовъ, будучи на одномъ изъ старшихъ курсовъ юридическаго факультета Московскаго Университета, и отъ этого знакомства сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. По словамъ его, Иванъ Ермолаевичъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, сердечный и отзывчивый, готовый подѣлиться съ нуждающимся ближнимъ послѣднимъ, что только имѣлъ; онъ живо интересовался, несмотря на свой преклонный возрастъ и привычки богатаго барина-помѣщика, преобразованіями Александрова времени, — и между молодымъ студентомъ и поломаннымъ судьбой старикомъ не разъ происходили затягивавшіеся далеко за полночь оживленные споры по разнымъ современнымъ вопросамъ. Иванъ Ермолаевичъ внимательно слѣдилъ не только за беллетристикой, но и за научною литературой. Его молодой собесѣдникъ прежде, чѣмъ перешелъ на Юридическій факультетъ въ Москву, слушалъ математику и естественныя науки въ Петербургскомъ Университетѣ и помнитъ, что Великопольскаго очень занимала и даже волновала теорія происхожденія видовъ Дарвина, съ которою онъ ознакомился по переводу Рачинскаго и по поводу которой онъ не разъ высказывалъ оригинальные взгляды, полные наблюдательности. Анатолій Ѳедоровичъ помнитъ также, что Иванъ Ермолаевичъ приходилъ въ восторгъ отъ появившейся тогда поэмы Майкова «Смерть Люція»[3]). — Послѣдній разъ Анатолій Ѳедо-

---

1) Пользуемся случаемъ, чтобы выразить глубокоуважаемому Анатолію Ѳедоровичу нашу искреннюю признательность за сообщеніе этого интереснаго документа и своихъ воспоминаній объ И. Е. Великопольскомъ.

2) Ѳ. А. Кони высоко ставилъ Ивана Ермолаевича, какъ человѣка, но не вводилъ его въ заблужденіе, когда дѣло касалось его произведеній. (См., напр., выше — отзывъ въ *Пантеонѣ* о «Памяти Бородинской битвы»).

3) *Русскій Вѣстникъ* 1863 г., февраль; ср. Полное собраніе сочиненій *А. Н. Майкова*, изд. 7-е, т. IV, С.-Пб. 1901, стр. 367—428.

ровичъ видѣлся съ Великопольскимъ въ концѣ 1865 года. Узнавъ, что окончившій курсъ молодой юристъ колеблется въ выборѣ между судебною службою и приготовленіемъ себя къ каѳедрѣ уголовнаго права, старикъ пришелъ къ нему, въ маленькую студенческую квартиру на Малой Бронной и, хотя возлагалъ большія надежды на новый судъ, горячо убѣждалъ его предпочесть практической дѣятельности науку, предъ которой благоговѣлъ. Вотъ что писалъ Великопольскій въ упомянутомъ письмѣ отъ 13-го мая 1865 года изъ Чукавина: «М. Г. Анатолій Ѳедоровичъ! Въ послѣднемъ Вашемъ ко мнѣ письмѣ Вы, не объяснивъ мнѣ, остались-ли Вы съ Вашею маменькою на прежней Вашей квартирѣ — на Сивцевомъ Вражкѣ, въ домѣ Капустина, или переѣхали на другую, сообщили, чтобы отвѣчать Вамъ просто въ Университетъ, студенту юридическаго факультета, какъ я и отвѣчалъ Вамъ. Поэтому теперь, хотя я и самъ располагаю быть въ Москвѣ очень не въ продолжительномъ времени, мнѣ удобнѣе снестись съ Вами письмомъ, нежели, пріѣхавъ безъ человѣка, отыскивать Вашу квартиру. А я имѣю къ Вамъ слѣдующую просьбу.

Я приготовилъ къ изданію брошюру: «Три важные для государства проэкта: 1) Внутренняго займа, выгоднаго для казны и для народа, 2) Переводныхъ денежныхъ листовъ Почтоваго вѣдомства и 3) Гласнаго суда, равно примѣнимаго какъ къ старымъ, еще существующимъ, такъ и къ предстоящимъ, по изданнымъ уставамъ, новымъ судебнымъ порядкамъ».

Вы можете видѣть уже изъ одного содержанія, что брошюра выйдетъ довольно пространная, такъ что можно натянуть ее, избравъ покрупнѣе шрифтъ, на 10 листовъ и тѣмъ избавиться, по новымъ цензурнымъ правиламъ, отъ предварительной цензуры. (Это освобожденіе отъ предварительной цензуры есть, впрочемъ, чистый миѳъ законодательства, самая даже неловкая ловушка простаковъ къ восхваленію либерализма полезныхъ для Россіи дѣйствій П. А. Валуева. По ст. 13-й «сочиненіе, напечатанное безъ предварительной цензуры, можетъ быть выпущено въ свѣтъ не прежде, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки въ принятіи Цензурнымъ Комитетомъ узаконеннаго числа экземпляровъ», — а въ эти три дня его и цапъ-царапъ! Извольте перепечатывать, если хотите издать, да еще выдержать цѣлый судебный процессъ! Не лучше-ли по-старому: все цензиро-

вать?). Во всякомъ случаѣ, я не желаю печатать безъ цензуры, тѣмъ болѣе, что новыя правила будутъ введены съ сентября, а я имѣю причины торопиться изданіемъ. Но для меня не удобно представить всю рукопись на предварительное разсмотрѣніе: во 1-хъ—надобно для этого отдать въ чистую переписку, а для этого потребуются время и издержки,—у меня же нѣтъ ни времени, ни денегъ; во 2-хъ: я такъ имѣлъ мало досуга для окончательной отдѣлки сочиненія, что неминуемо придется дѣлать большія поправки и перемѣны во время самаго напечатанія. Всё это объяснивъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету прошеніемъ, посланнымъ 23-го апрѣля изъ деревни, я просилъ о дозволеніи мнѣ представлять на предварительную цензуру корректурные листы, но отъ 5-го мая за № 356 получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Канцелярія С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета имѣетъ честь увѣдомить Васъ, м. г., что на основаніи 62 § Устава Ценз. просьба о дозволеніи печатать сочиненія Ваши—проэкты внутренняго займа, переводныхъ денежныхъ листовъ и гласнаго суда, съ представленіемъ на просмотръ цензуры въ корректурахъ, не можетъ быть удовлетворена».

У меня подъ рукою нѣтъ Цензурнаго Устава, но, сколько я помню, то предварительное разсмотрѣніе журналовъ и газетъ опредѣлено дѣлать въ корректурныхъ листахъ, но нѣтъ воспрещенія, которое послужило бы препятствіемъ къ такому же разсмотрѣнію и другихъ отдѣльныхъ изданій, если Цензурный Комитетъ найдетъ это удобнымъ и возможнымъ. Гораздо же удобнѣе и для цензора читать не рукопись, а корректурные листы. Лѣтъ 15 тому назадъ одно мое сочиненіе мнѣ даже и дозволено было печатать такимъ образомъ[1]). Какъ бы то ни было, затрудненіе, въ которое вошелъ, по настоящей моей просьбѣ, С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, не можетъ имѣть въ себѣ ничего обязательнаго для Московскаго Цензурнаго Комитета.

Не сдѣлаете ли же Вы мнѣ одолженія переговорить объ этомъ лично съ предсѣдателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета, не скрывая отъ него содержанія бумаги, полученной мною отъ Петербургскаго.

Я былъ здѣсь цѣлыхъ двѣ недѣли и, только что поправляясь, со-

1) Не знаемъ, какое сочиненіе имѣетъ здѣсь въ виду Иванъ Ермолаевичъ; нѣкоторыя онъ издавалъ и безъ имени, и даже безъ псевдонима, почему они и остались намъ неизвѣстными.

бираюсь завтра или послѣ-завтра ѣхать въ Петербургъ, не заѣзжая въ Москву, какъ располагалъ прежде; но въ Петербургѣ пробуду, вѣроятно, не болѣе недѣли или двухъ и думаю побывать въ Москвѣ, гдѣ начну немедленно и печатаніе, если Московскій Цензурный Комитетъ окажется храбрѣе Петербургскаго. Сдѣлайте же одолженіе, не оставьте безъ вниманія моей къ Вамъ просьбы и поспѣшите отвѣтомъ, адресовавъ его въ Петербургъ, до востребованія, такъ какъ прежнюю квартиру я оставилъ, а гдѣ буду жить — еще не знаю.

Свидѣтельствуя мое душевное почтеніе Милостивой Государынѣ Иринѣ Семеновнѣ, я непремѣнно буду имѣть честь посѣтить ее (разумѣется и Васъ), если Вы сообщите мнѣ адресъ квартиры.

Сейчасъ возвратился съ прогулки и очень утомился. Не знаю, какъ выдержу дорогу. Многоуважающій Васъ И. Великопольскій».

Такъ писалъ сохранившій юношескую бодрость семидесятилѣтній старикъ, до конца дней своихъ не терявшій вѣры въ людей и въ лучшее будущее, съ сочувствіемъ встрѣчавшій всѣ реформы просвѣщеннаго Александрова царствованія. И хотя вся жизнь его представляетъ собою рядъ неудачъ, недоразумѣній и разочарованій, хотя онъ не оставилъ намъ въ наслѣдство ни высокихъ литературныхъ произведеній, ни вещественныхъ богатствъ, мы все-таки не можемъ не поблагодарить его за то, что своею жизнью онъ показалъ намъ хорошій примѣръ, какъ человѣкъ безусловно честный, всегда къ чему-нибудь стремившійся и, несмотря на кажущуюся погоню за наживой, — совершенно безкорыстный. Вся разгадка жизненной драмы Великопольскаго состоитъ въ томъ, что онъ, будучи, по выраженію Погодина, «гражданиномъ не сего міра», брался за дѣла, вершить которыя могутъ лишь люди съ болѣе практическимъ умомъ и съ болѣе растяжимой, чѣмъ была у него, совѣстью...

Борисъ Модзалевскій.

Отношеніе Пушкина къ романтизму.

Имя Пушкина тѣсно связано съ исторіей русскаго романтизма. Наряду съ Жуковскимъ критика считала выразителемъ новой романтической школы и Пушкина; поэма «Русланъ и Людмила» вызвала ожесточенную борьбу между нашими романтиками и классиками, Вяземскій всѣ свои сужденія о романтизмѣ сосредоточилъ около Пушкинской поэзіи, самъ Пушкинъ, наконецъ, былъ, повидимому, не прочь считать себя однимъ изъ представителей новаго литературнаго направленія. Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніи Пушкина къ романтизму представляется довольно любопытнымъ. Однако, если спросить, что такое романтизмъ, то получится очень много отвѣтовъ, поражающихъ своей разноголосицей: то романтизмъ понимается какъ культъ фантазіи, удаляющій поэзію отъ дѣйствительности, то онъ является союзомъ поэзіи и философіи, то онъ отожествляется съ поэзіей, въ которой господствуетъ лиризмъ, то онъ представляется реакціей въ области литературной и общественной и т. д. Очевидно, историческаго опредѣленія за романтизмомъ не утвердилось, а вся разноголосица происходитъ: 1) отъ того, что для характеристики этого литературнаго движенія берутъ различные моменты его развитія въ Германіи или Франціи, 2) отъ того, что нѣтъ въ немъ, повидимому, такихъ основныхъ и характерныхъ признаковъ, которые могли бы войти въ строго научное опредѣленіе. Но тѣмъ не менѣе, отказавшись отъ характеристики и оцѣнки романтизма со стороны его содержанія, можно подмѣтить въ немъ одинъ основной мотивъ, красной нитью проходящій

черезъ всю исторію — это *освобожденіе творчества отъ условностей*. Такъ, если мы обратимся къ зародышамъ германскаго романтизма, то найдемъ, что періодъ «бури и натиска» — прелюдія романтизма — прежде всего открывалъ путь къ свободной работѣ творчества. Этотъ періодъ создался подъ непосредственнымъ вліяніемъ теорій Руссо, но въ Германіи изъ его ученія откинули все, имѣвшее политическій колоритъ: «молодую Германію» Руссо увлекъ, какъ проповѣдникъ чувства. Это было тѣмъ легче, что французская классическая и философская литература, по выраженію Гете, была слишкомъ «стара и знатна» (bejahrt und vornehm), чтобы имѣть обаятельное вліяніе на молодежь, а въ произведеніяхъ Руссо видѣли *непосредственное, безыскусственное вдохновеніе*. Другимъ руководителемъ по пути къ новому литературному направленію былъ Шекспиръ, поэзія котораго совершенно не имѣла холоднаго внѣшняго аристократизма французской литературы. Третье вліяніе было научное и основывалось на изученіи народной жизни и исторіи, въ особенности среднихъ вѣковъ.

Всѣ эти вліянія вызвали въ германской литературѣ *національное направленіе*, и Клопштокъ, какъ пѣвецъ національной старины, становится кумиромъ. Геттингенскій союзъ бардовъ, по нѣкоторымъ выходкамъ очень походившій на нашъ Арзамазъ, объявляетъ войну противъ эстетическаго формализма и создаетъ культъ личности, чувства и природы. Это новое направленіе въ концѣ столѣтія принимаетъ болѣе опредѣленную окраску и стремится дать себѣ теоретическое оправданіе. Толкователями являются братья Шлегели. Однако въ началѣ своего существованія теорія еще очень смутна и только мало-по-малу выростаетъ нѣкоторая система. Такъ, Августъ Шлегель проповѣдуетъ классическій идеализмъ, то-есть соединеніе и согласіе формы съ содержаніемъ, затѣмъ, увлекшись фантастическимъ вымысломъ въ народныхъ сказкахъ, заявляетъ, что главною цѣлью поэта должно быть созданіе гармоничнаго въ своемъ причудливомъ разнообразіи ряда явленій, пропитанныхъ фантазіей настолько, чтобы очарованіе читателя не прекращалось ни на минуту. Такимъ образомъ, эстетическое равновѣсіе замѣнилось у Августа Шлегеля культомъ фантазіи.

Фридрихъ Шлегель, охватывая своимъ критическимъ взоромъ всю поэзію человѣчества, указываетъ на то, что въ новѣйшей поэзіи замѣчается стремленіе къ заманчивости, представляющей переходъ къ объек-

тивной поэтической красотѣ. Таковы, напримѣръ, произведенія Гете, но они только утренняя заря чистаго искусства: для полнаго разсвѣта необходимъ радикальный литературный переворотъ, который можетъ быть достигнутъ только при наличности правильной эстетической теоріи, опредѣляющей прототипъ истинной поэзіи. Такой прототипъ можно найти въ греческой литературѣ. Вскорѣ, однако, Шлегель признался, что для полноты теоріи слѣдуетъ принять въ расчетъ и новѣйшіе поэтическіе виды: прежде онъ считалъ за высшую ступень поэтическаго творчества трагедію; теперь онъ утверждаетъ, что краеугольнымъ камнемъ философіи поэзіи долженъ быть романъ, что онъ является совокупностью всего поэтическаго. Этотъ поэтическій идеалъ Шлегель и называетъ романтической поэзіей, которая безпредѣльна, такъ какъ «она одна свободна и признаетъ *за главное основное правило, что произволъ поэта не выноситъ никакихъ стѣснительныхъ для него законовъ*». Поэтъ въ своемъ творчествѣ, такимъ образомъ, независимъ отъ какихъ бы то ни было правилъ. Далѣе: всякая поэзія, имѣющая національный отпечатокъ, должна быть связана съ миѳологической натурпоэзіей. Этимъ положеніемъ и объясняется сочувствіе романтиковъ къ среднимъ вѣкамъ, въ которыхъ они видѣли не столько хранилище политическихъ, общественныхъ и личныхъ идеаловъ, сколько родину своей поэзіи.

Несмотря на нѣкоторую неустойчивость въ самой теоріи, основнымъ ея мотивомъ все-таки можно считать провозглашеніе *свободы творчества, соединенія поэзіи съ жизнью и, наконецъ, связи всякой поэзіи съ національнымъ духомъ.*

Выросшій на почвѣ національнаго самосознанія и укрѣпленный философіей, нѣмецкій романтизмъ почти совсѣмъ не вызвалъ оппозиціи со стороны такъ называемыхъ классиковъ. Не то случилось во Франціи. Перенесенный сюда терминъ «романтизмъ» былъ тоже понятъ прежде всего какъ освобожденіе творчества отъ какихъ бы то ни было условныхъ правилъ и соединеніе литературы съ національными основами. Въ двадцатыхъ годахъ образуется уже школа и появляется цѣлая программа романтизма, девизомъ котораго провозглашается *природа и правда, независимость въ художественныхъ вопросахъ и индивидуальная творческая свобода.* На ряду съ этимъ идетъ реформа прозаическаго и стихотворнаго языка: академическій, тщательно отдѣ-

ланный языкъ XVIII вѣка признается отжившимъ; языкъ романтиковъ долженъ выражать чувство безъ всякихъ прикрасъ; для него нѣтъ низкихъ реченій, мозолившихъ глаза французскимъ классикамъ со временъ появленія «Поэтики» Скалигера. Все это было несогласно съ литературнымъ наслѣдіемъ XVIII вѣка, оскорбляло «хорошій вкусъ» и потому вызвало борьбу. На засѣданіяхъ академіи романтики осыпались ругательствами, классики даже подали королю петицію, въ которой просили не допускать къ представленію драматическихъ произведеній романтиковъ и т. п. Такая ожесточенная борьба только и могла быть въ отечествѣ классицизма, гдѣ «ужасающія» трагедіи Кребильйона, въ родѣ «Радамистъ и Зенобія», съ успѣхомъ давались еще въ 1829 году.

Что же такое представляетъ изъ себя русскій романтизмъ? Слухи объ этомъ новомъ литературномъ направленіи начинаютъ проникать къ намъ съ 1813 года. Въ 1817 г. Вяземскій, говоря объ Озеровѣ, замѣчаетъ, что трагедіи его принадлежатъ «къ новѣйшему роду, такъ называемому романтическому», при чемъ подъ романтизмомъ разумѣетъ не что иное, какъ нарушеніе обычныхъ правилъ драматической композиціи. Въ 1820 году появляется «Русланъ и Людмила», и съ этого времени начинается у насъ война между классиками и романтиками. Вяземскій, котораго Бѣлинскій назвалъ русскимъ Нодье, пишетъ статью о «Кавказскомъ плѣнникѣ» и знаменитое предисловіе къ «Бахчисарайскому фонтану». Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» критикъ видитъ «успѣхи посреди насъ поэзіи романтической» и, хотя не объясняетъ, что такое романтизмъ, однако, очевидно, отожествляетъ его съ принципомъ свободы творчества. Предисловіе къ «Бахчисарайскому фонтану» написано Вяземскимъ по просьбѣ Пушкина, который далъ и матеріалъ: «Припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе», писалъ онъ Вяземскому изъ Одессы 4-го ноября 1823 г., «прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ». Въ черновомъ наброскѣ этого письма у Пушкина есть еще нѣсколько словъ о романтизмѣ. Повидимому, вопросъ о новомъ литературномъ направленіи волновалъ умы, но взгляды тогдашнихъ писателей, издали присматривавшихся къ литературному движенію на западѣ, были неопредѣленны. Предисловіе Пушкину очень понравилось: «Разговоръ прелесть», писалъ онъ въ мартѣ или апрѣлѣ

1824 г., «какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Твой «Разговоръ» болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. *Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи*».

«Разговоръ» Вяземскаго представляетъ апологію Пушкина и романтизма. Классикъ Вяземскаго обвиняетъ новую школу въ несоблюденіи правилъ, въ искаженіи языка Ломоносова, въ щегольствѣ новыми выраженіями и новыми словами, въ введеніи въ нашъ языкъ формъ и духа германскихъ, въ неопредѣленности изложенія. Вяземскій въ лицѣ издателя опровергаетъ эти обвиненія, указывая между прочимъ на то, что «мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ..., но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова». Романтизмъ предполагаетъ, по мнѣнію Вяземскаго, *національную самобытность*, *отпечатокъ народности*, поэтому «Гомеръ, Горацій, Эсхилъ, имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами романтической школы, чѣмъ со своими холодными, рабскими послѣдователями, кои силятся быть греками и римлянами заднимъ числомъ».

Классикъ подъ перомъ Вяземскаго принялъ обликъ слишкомъ наивнаго, необразованнаго педанта, а потому вызвалъ отпоръ со стороны защитника старыхъ литературныхъ традицій, М. А. Дмитріева, который и выяснилъ недостатки «новой школы». Основными признаками ея онъ считаетъ несовмѣстное соединеніе словъ, смѣсь мрачности съ сладострастіемъ, быстроту разсказа съ неподвижностью дѣйствія, невыдержанность характеровъ, «а у плохихъ подражателей новой школы», прибавляетъ онъ, «есть еще свойственный имъ однимъ признакъ, состоящій въ томъ, что части картинъ ихъ разбросаны, несоотвѣтственны одна другой и неокончены, чувства неопредѣленны, языкъ теменъ». Но считаетъ-ли критикъ въ числѣ *такихъ* романтиковъ Пушкина? Оказывается, нѣтъ! «Стихотвореніе прекрасное», говоритъ онъ, «исполненное чувствъ живыхъ, картинъ вѣрныхъ и плѣнительныхъ; и все это облечено въ слогъ цвѣтущій, невольно привлекающій свѣжестью и разнообразіемъ! — Короче, въ послѣднихъ двухъ поэмахъ Пушкина замѣтно, что *этотъ романтикъ похожъ во многомъ на классиковъ*». Классикъ требуетъ, слѣдовательно, только *большей стройности въ формѣ* и не прочь считать нашихъ романтиковъ классиками, а романтикъ-Вяземскій готовъ греческую поэзію считать романтической.

Появлялись въ спорахъ и другіе курьезы: такъ, *классикъ*-Дмитріевъ совѣтовалъ прочесть *романтику*-Вяземскому слѣдующія сочиненія: Драматургію Лессинга, Курсъ А. Шлегеля, Исторію древней и новой литературы Ф. Шлегеля, статьи о словесности Гердера, Шиллера, книгу о Германіи г-жи Сталь и т. п. Все это, повидимому, читалось, обо всемъ этомъ хотѣлось потолковать, но яснаго представленія не было, и романтизмъ загадочнымъ призракомъ носился въ воздухѣ. Рѣчь шла о частностяхъ, говорили о томъ, что было предметомъ обсужденія въ западной литературѣ, но говорили, какъ ученики, не совсѣмъ понявшіе своего учителя. Въ массѣ новыхъ идей, пришедшихъ отъ сосѣдей, еще не успѣли разобраться, а на родной почвѣ эти идеи вырасти не могли.

Пушкина тоже очень занималъ вопросъ о романтизмѣ, но и его представленія о немъ не совсѣмъ устойчивы. Въ одномъ изъ писемъ 1825 г. къ Вяземскому онъ говоритъ: «Я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать». Въ томъ же году онъ пишетъ А. А. Бестужеву: «Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то: даже Кюхельбекеръ вретъ». При этомъ Пушкинъ прибавляетъ, что онъ написалъ трагедію, которая и является продуктомъ «истиннаго романтизма». Что же разумѣлъ Пушкинъ подъ истиннымъ романтизмомъ? Въ 1834 году онъ писалъ, что считать романтизмомъ все, что ознаменовано печатью мечтательности и нѣмецкаго идеологизма, заблужденіе; что, по его мнѣнію, къ романтизму нужно относить тѣ произведенія, *формы* которыхъ или не были извѣстны, или измѣнились; что только тогда и можно выпутаться изъ опредѣленій, если оставаться на почвѣ формальной, не принимая за основаніе *духа* произведеній. Такимъ образомъ, Пушкинъ смотритъ на романтизмъ не со стороны содержанія, а со стороны формы. «Борисъ Годуновъ» кажется ему проникнутымъ истиннымъ романтизмомъ потому, что онъ къ нему примѣнилъ «народные законы драмы Шекспировой», а не придворный обычай трагедіи Расина. Онъ даже боится, что недостатки его трагедіи будутъ отнесены на счетъ романтизма и, благодаря этому, замедлятъ нашу *литературную реформу*.

Прислушиваясь къ голосамъ писателей, считавшихъ себя русскими

романтиками, мы легко подмѣтимъ, что точкой соприкосновенія русскаго романтизма съ западно-европейскимъ является провозглашеніе свободы творчества и требованія народныхъ основъ въ литературѣ, но это единственное и чисто внѣшнее сходство. Сходства въ содержаніи и быть не могло; общественная жизнь у насъ совершенно не имѣла тѣхъ элементовъ, которые дали опредѣленную окраску романтизму нѣмецкому и французскому: среднихъ вѣковъ у насъ не было, идеаловъ мы не утрачивали, вѣкъ разума насъ только коснулся, но слиться съ нимъ мы не успѣли, политическая жизнь пробивалась не въ обществѣ, а въ правительствѣ; въ то время какъ на западѣ революція сокрушила прежнія воззрѣнія, вѣковые идеалы, а въ реакціи слышался страхъ, видно было недоумѣніе и отчаяніе, у насъ съ воцареніемъ Александра I поднялся общественный духъ, будущее было полно свѣтлыхъ надеждъ. Вотъ почему мы тщетно будемъ искать въ нашемъ романтизмѣ элементовъ западно-европейскаго. Что же касается провозглашенія независимости творчества, то и здѣсь произведенія Пушкина могли вырости совершенно независимо отъ чуждыхъ вліяній, и тотъ фактъ, что споръ нашихъ романтиковъ съ классиками былъ вызванъ его творчествомъ, не что иное, какъ случайность. Вотъ почему произведенія Пушкина и стояли въ сторонѣ въ этихъ спорахъ, такъ какъ враждующіе теоретики одинаково признавали его выдающійся талантъ. Случайность эта объясняется тѣмъ, что споры о романтизмѣ были наносны, борьба романтиковъ съ классиками во Франціи совпала со временемъ появленія Пушкинскихъ произведеній, и у нашихъ критиковъ явилось желаніе «показать, что и мы что-нибудь да смыслимъ по этой части», какъ откровенно признался впослѣдствіи самъ Вяземскій. Пушкинъ въ сущности уже *завершалъ* то освободительно-національное движеніе, которое замѣтно въ нашей литературѣ, начиная со второй половины XVIII столѣтія. Въ лицѣ Державина русская поэзія уже сдѣлала важный шагъ: освободившись нѣсколько отъ тяжелыхъ оковъ ложно-классическихъ заповѣдей, она стала отливаться въ новую форму, перемѣнила торжественный слогъ на легкій, «забавный» и русскій, и получила нѣкоторый отпечатокъ народности: свободный творецъ не могъ сидѣть спокойно въ тѣсныхъ піитическихъ рамкахъ и, отдаваясь вдохновенію, невольно забывалъ о томъ, прилично или нѣтъ то или другое слово. Въ связи съ Державинской поэзіей и критика

подмѣчаетъ охлажденіе общества къ поэтическимъ произведеніямъ, переносящимъ читателей въ сонмъ греческихъ боговъ и героевъ. Съ этого времени на французскій классицизмъ одинъ за другимъ начинаютъ сыпаться удары. «Мѣщанская драма» имѣетъ громадный успѣхъ, взгляды Вольтера подвергаются подъ перомъ Карамзина рѣзкой критикѣ, начинаются толки о Шекспирѣ, требуютъ свободы творчества и уничтоженія господства правилъ вкуса. Общество предъявляетъ авторамъ требованіе народности и такія пьесы, какъ «Великодушіе или рекрутскій наборъ» Ильина, благодаря народной основѣ, имѣютъ выдающійся успѣхъ. Когда въ одной части критики появились нападки на Ильина за то, что онъ беретъ предметомъ драматическаго изображенія простыхъ людей, то въ другой раздался голосъ защиты, желавшій вѣчной памяти всѣмъ писателямъ отъ Аристофана до Плавта и отъ Мольера до Коцебу, провозглашавшій независимость творчества. Вотъ уже гдѣ была борьба съ классиками, подготовлявшая эпоху Пушкина, но термины «классическій» и «романтическій» еще не употреблялись, потому что не были извѣстны, а между тѣмъ несомнѣнно, что борьба шла за самобытность, національность и художественную свободу. Произведенія Пушкина вполнѣ соотвѣтствовали уже опредѣлившемуся настроенію читающей публики, и споръ классиковъ съ романтиками по поводу ихъ былъ анахронизмомъ. При этомъ Пушкинъ не только выполнилъ задачу, намѣченную исторіей нашего литературнаго развитія, — сблизить поэзію съ дѣйствительностью, но и пошелъ далѣе: *онъ объединилъ поэзію съ жизнью*, о чемъ мечтали нѣмецкіе романтики. Его поэзія искренна, свободна отъ всякаго формализма, онъ — реалистъ, останавливающій свое творческое око на всякомъ безъ различія проявленіи жизни. Пушкинъ осуществилъ идеалъ истинной поэзіи, о которомъ толковали нѣмецкіе романтики, но этотъ идеалъ былъ намѣченъ всѣмъ ходомъ русской литературы, хотя, правда, и не получилъ теоретическаго выраженія.

Вотъ почему поэзія Пушкина и привела къ тому, что являлось *логическимъ* выводомъ изъ романтизма на западѣ — *къ національной реалистической литературѣ*.

Н. Кульманъ.

А. С. Пушкинъ по его письмамъ.

«Жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей» (Соч. *Пушкина*, т. VII, стр. 150).

....Читая однажды біографію Байрона, и видя, какъ искажается великій образъ подъ безцеремоннымъ перомъ его судьи, Пушкинъ совершенно справедливо напалъ на «толпу», дерзающую судить генія, оскорбляющую его святую память старательнымъ собираніемъ разныхъ «мерзостей» изъ его жизни[1]). Дѣйствительно, такая «толпа», ликующая по поводу слабостей выдающихся людей, можетъ вызвать негодованіе у всякаго, кому дороги великія имена свѣточей цивилизаціи! Вотъ почему порою такъ непріятно бываетъ читать нѣкоторыя «добросовѣстныя» біографіи, представляющія собою пестрое собраніе всѣхъ анекдотовъ, всѣхъ сплетень о какомъ-нибудь дѣятелѣ! Кому приходилось имѣть въ рукахъ старыя біографическія статьи, тотъ, конечно, чувствовалъ, какъ подъ ворохомъ мелочей, ненужныхъ никому, искажались и туманились человѣческіе образы. Передъ біографомъ нашихъ дней другія задачи: онъ стремится понять прежде всего внутреннюю жизнь великаго писателя, онъ пытается уяснить себѣ и другимъ психологію и физіологію творчества великаго художника, сущность и характерныя черты его духа. Біографъ не можетъ обойтись безъ мемуаровъ, записокъ и переписки великихъ людей, онъ прислушивается иногда и къ анекдоту, и сплетнѣ, и, часто, его вниманіе остановится на томъ, что иногда совсѣмъ не занимаетъ добросовѣст-

1) Соч. *Пушкина*, изд. 1887 г., т. VII, стр. 160.

наго собирателя разныхъ историческихъ курьезовъ. Онъ не будетъ *судить* великаго человѣка, ни, тѣмъ менѣе, злорадствовать и ликовать, — онъ будетъ только воскрешать прошлое sine ira et studio, создавать изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ мозаики образъ, цѣльный, живой, *уясняющій твореніе писателя*. Поэзія и жизнь въ такомъ взаимодѣйствіи между собой, что раздѣлить ихъ нельзя и понять ихъ отдѣльно — нѣтъ возможности: мы не оцѣнимъ по достоинству казовой стороны жизни, если не будемъ знать закулисной, — ея бояться критикъ-біографъ не долженъ, но въ его работѣ она не должна закрывать собою все остальное.

О Пушкинѣ говорилось уже очень много, но, конечно, не мало еще будетъ говориться впредь: нелегко дается пониманіе великаго, и долго еще будетъ онъ загадкой для пытливыхъ умовъ, — лишь «по горсти бѣдной» собираются тѣ знанія, изъ которыхъ со временемъ сложится пониманіе великаго человѣка. Мы имѣемъ большое число разныхъ біографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ, въ которыхъ иногда блеснетъ вѣрно схваченная черта дѣйствительно-пушкинскаго образа, но до сихъ поръ не имѣемъ мы еще полной характеристики его, какъ человѣка, до сихъ поръ не использованы даже его письма[1]), богатѣйшій біографическій матеріалъ.

Попробуемъ быстро перелистывать лирическія стихотворенія Пушкина, — насъ поразитъ, прежде всего, ихъ страшное *разнообразіе*. Какой пестрый калейдоскопъ отдѣльныхъ шёдевровъ всякаго рода! Вотъ — застольная пѣсенка въ честь вина и любви, вотъ — мѣткая эпиграмма, невольно вызывающая улыбку, вотъ — задушевная, теплая элегія, вся дышащая любовью къ людямъ, сейчасъ же за нею осколокъ злой сатиры, за нею возвышенная молитва, страстный вопль, какая-то скабрезность, ласковая шутка, обломокъ какой-то, какъ будто религіозной, поэмы, обильно изуродованной цѣломудренными точками, тамъ — дружески-теплое посланіе, опять любовь, опять смѣхъ и слезы, радость и горе, вѣра и невѣріе... Нѣтъ почти ни одного однороднаго стихотворенія, которое по времени стояло бы рядомъ — пе-

---

1) Статья *Е. А. Ляцкаго*: «А. С. Пушкинъ и его письма» въ *Сборникѣ журнала Русское Богатство* (1900 г.) представляетъ изъ себя лишь обстоятельный подборъ *фактическихъ* данныхъ, почерпнутыхъ изъ писемъ Пушкина.

редъ читателемъ все время сверкаютъ дивнымъ букетомъ разноцвѣтныя искры.

Откуда такое богатство мелодій, разнообразіе настроеній? Какъ это въ одномъ сердцѣ можетъ звучать столько струнъ, что на *всякое* впечатлѣніе могутъ отзываться онѣ своими звуками?

Не даромъ душу поэта назвали «многогранной»[1], — въ ней, какъ въ хорошемъ алмазѣ, не пропадаетъ ни одна искорка свѣта, ни одно впечатлѣніе красоты. Югъ и сѣверъ, западъ и востокъ, — отовсюду беретъ онъ свои мелодіи и своихъ героевъ: старушка няня и красавецъ Донъ-Жуанъ, суровый скупецъ-рыцарь и нѣжная Татьяна, Годуновъ и Ленскій, Мефистофель и Маша Миронова, — всѣ эти пестрые образы тѣснятся передъ нами. Какое страшное разнообразіе лицъ, сердецъ, костюмовъ! Откуда это неизсякаемое богатство образовъ, яркихъ, живыхъ, какъ впечатлѣнія самой жизни?

Жизнь поэта отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ. Заглянемъ въ закулисную жизнь великаго человѣка; перечитаемъ, хотя-бы, его письма и постараемся понять тѣ психическія особенности его, которыя объяснятъ намъ разнообразіе его генія.

Первое, что бросается въ глаза при чтеніи этихъ «писемъ», — это, опять-таки, то-же *разнообразіе*. Оно сказалось и въ выборѣ друзей-корреспондентовъ, и въ характерѣ писемъ, къ нимъ отправленныхъ; если сравнить нѣкоторыя изъ нихъ одно съ другимъ, — положительно нельзя повѣрить, что писаны они однимъ лицомъ; стоитъ вчитаться въ нихъ, всмотрѣться, — и мы сможемъ по нимъ писать характеристики тѣхъ, *кому* они были отправлены! Какой, напримѣръ, прекрасной, серьезной и доброжелательной женщиной рисуется Осипова, окруженная неизмѣннымъ уваженіемъ поэта. Какимъ легкомысленнымъ эгоистомъ представляется братъ поэта, «милая пустельга» Левушка... Мелькаетъ тревожный, страстный образъ красавицы Керпъ; въ нѣсколькихъ короткихъ записочкахъ очерчивается «свѣтлая душа» Жуковскаго, вѣчнаго заступника поэта; тутъ же, недалеко отъ пѣвца Свѣтланы, обыкновенно отпечатывается жесткій, каменный профиль Бенкендорфа, попутно мелькаютъ разные литераторы, поэты, критики и, наконецъ, все это вытѣсняетъ красавица Nathalie, легкомысленная

1) *А. Ѳ. Кони.* Общественные взгляды А. С. Пушкина — въ книгѣ: Чествованіе памяти А. С. Пушкина Имп. Акад. Наукъ. С.-Пб. 1900, стр. 34.

до жестокости, пустая и холодная, вся окруженная нѣжнѣйшей любовью поэта,—роковой образъ, покрытый его поцѣлуями, облитый его слезами и кровью.

Особенность этихъ писемъ, повторяемъ, заключается въ томъ, что образъ поэта мѣняется въ зависимости отъ того, *къ кому* онъ пишетъ, мѣняется до неузнаваемости, до сліянія съ чуждымъ образомъ: съ литераторомъ — онъ только литераторъ, съ политикомъ онъ — политикъ, съ сплетникомъ — сплетникъ, съ гулякой — только гуляка и ничего болѣе. Какъ хорошій артистъ, котораго никто не узнаетъ въ разныхъ роляхъ, сживается Пушкинъ со всякими ролями. О такихъ людяхъ принято говорить, что у нихъ нѣтъ личности, нѣтъ воли, нѣтъ духа; ихъ любятъ немногіе, сумѣвшіе открыть, что подъ измѣнчивой уступчивой внѣшностью кроется духъ ясный, опредѣленный, но не легко себя проявляющій. Оттого-то ихъ легкая приспособляемость — не слабость, а чуткость впечатлительнаго духа, всегда инстинктивно соразмѣряющаго себя со средой. Невольно припоминаются намъ по этому поводу слова апостола Павла: «Будучи свободенъ онъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя... Для Іудеевъ я былъ, какъ Іудей... Для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона... Для немощныхъ былъ, какъ немощный... Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ!..»[1]) Эта «зеркальность» души апостола сдѣлала его властителемъ сердецъ человѣческихъ. Онъ понималъ всѣхъ — и всѣ понимали его...

«Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобными»[2]) — пишетъ Пушкинъ, критикуя Чацкаго. Да, онъ не былъ Чацкимъ, потому что обладалъ способностью заразъ жить интересами и Репетилова, и Чацкаго, искренне любя ихъ сегодня, такъ же искренне презирая завтра. У него былъ тѣсный кругъ друзей, съ которыми онъ всегда былъ неизмѣненъ и ровенъ. Дельвигъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, Осипова, — вотъ эти лица, судя по его письмамъ; къ остальному же пестрому міру людей онъ относился такъ же пестро. Когда, напримѣръ, друзья упрекали его за то, что онъ вступаетъ въ сношенія съ Булгаринымъ, котораго завѣдомо презиралъ, онъ отвѣчалъ: «потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка,

1) Посланіе къ Коринѳянамъ, гл. X, 19, 20, 21, 22, 23.
2) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 108.

Мухановъ, Давыдовъ и прочіе. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ»[1]). Такая нравственная неразборчивость связала его тѣсной дружбой съ Нащокинымъ, человѣкомъ можетъ быть и добродушнымъ, но совершенно пустымъ, безтолковымъ и въ нравственномъ отношеніи невысокимъ. «Домъ его», пишетъ Пушкинъ, — «такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы»[2])... Надо сознаться, что приблизительно такой-же букетъ пріятелей былъ и у нашего великаго поэта, и, если онъ иногда скучалъ[3]), глядя на эту галлерею, то порою, оказывается, смѣялся «до упаду»[4]). Припомнимъ, какъ привязался онъ къ своимъ друзьямъ по обществу «Зеленой Лампы», перечитаемъ его письмо къ Мансурову[5]), письмо, въ которомъ юноша захлебывается скабрезнымъ духомъ «Зеленой Лампы»,— и невольно намъ припомнятся его слова о томъ, какъ поэтъ теряется въ толпѣ, дѣлается «ничтожнѣе» многихъ «ничтожныхъ».

Но мгновенье, — и поэтъ воскреснетъ. Да, *мгновенье* играло въ его поэтической жизни большую роль: почти всѣ его лирическія стихотворенія — отзвуки такого минутнаго настроенія. Именно оттого въ нихъ столько разнообразія, порой граничащаго съ противорѣчіемъ. Какъ помирить, напримѣръ, представленіе о поэтѣ, какъ священнослужителѣ, жрецѣ, съ тѣми стихами, которые написаны на злобу дня, или посвящены «выметанію сора» путемъ эпиграммъ и сатиръ. Онъ искренне воспѣваетъ декабристовъ, — стоитъ императору Николаю сдѣлать что-нибудь пришедшееся по вкусу поэту — онъ искренне воспѣваетъ Николая. Онъ самъ признается, что «мгновенье» имѣетъ надъ нимъ большую силу[6]), — подъ вліяніемъ минуты онъ можетъ то совершенно пренебречь мнѣніемъ свѣта[7]), то не въ силахъ удержаться отъ собиранія великосвѣтскихъ сплетенъ, его касающихся[8]). Онъ самъ со-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 104.
2) Тамъ же, стр. 297.
3) Тамъ же.
4) Тамъ же, стр. 306.
5) Тамъ же, стр. 5.
6) Тамъ же, стр. 11.
7) Тамъ же.
8) Тамъ же, стр. 111.

знаетъ эту слабость, оттого пишетъ Жуковскому, что его поведеніе по отношенію къ правительству будетъ зависѣть «отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія» съ нимъ правительства[1]).

Эта впечатлительность, жизнь во власти минуты, помѣшала Пушкину устойчиво относиться къ людямъ, — отсюда вытекаетъ та двойственность, которая легко изобличается письмами. Вотъ онъ пишетъ поэтессѣ А. А. Фуксъ теплое, сердечное письмо, проникнутое чувствомъ признательности за то гостепріимство, которое она ему оказала: «Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, милостивая государыня, изъявленіе моей глубокой признательности, и пр.»[2]). Послушаемъ теперь, что пишетъ онъ черезъ четыре дня своей очаровательной женѣ, желая ее, конечно, разсмѣшить: «Попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхваливалъ ея красоту и геній»[3]). «Съ жадностью прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія», пишетъ Пушкинъ той же поэтессѣ, «и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить» и т. д.[4]). Таково-же двойственное отношеніе поэта къ Дмитріеву[5]), Катенину[6]),

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 173, 174.

2) Тамъ же, стр. 324.

3) Тамъ же, стр. 325.

4) Тамъ же, стр. 372. Прекрасной иллюстраціей къ этимъ отношеніямъ могутъ служить выдержки изъ записокъ самой Фуксъ. Пушкинъ, добродушный, милый, сердечный, какъ живой, встаетъ передъ нами, — въ его искренности сомнѣваться нельзя. «Я простившись съ нимъ, думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенно свѣтскою любезностью, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе... Онъ писалъ ко мнѣ по нѣскольку разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я, по пріѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ, была удостоена ихъ посѣщеніемъ» (*А. С. Архангельскій*. А. С. Пушкинъ въ Казани. Казань. 1899). См. также статью *Н. П. Загоскина*: «Пушкинъ въ Казани» — *Историческій Вѣстникъ*, 1899, № 5.

5) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 57, 75, 187, 301, 376, 408.

6) Тамъ же, стр. 7, 35, 118, 153, 167, 175.

Хвостову[1]). Насколько мы понимаемъ Пушкина, здѣсь нельзя говорить о неискренности, фальши поэта въ отношеніяхъ къ людямъ, — напротивъ, онъ всегда *черезъ чуръ искрененъ*: стóитъ кому-нибудь сказать ему теплое слово, онъ сейчасъ-же уступалъ его вліянію и отвѣчалъ такимъ-же теплымъ словомъ. Но пролетала эта минута, уносилось это впечатлѣніе, подвертывался новый собесѣдникъ, мелькала какая-нибудь новая мысль, шутка, — и часто, въ глазахъ Пушкина, вся картина освѣщалась другимъ свѣтомъ, — и гостепріимная поэтесса обращалась въ смѣшную каррикатуру. Уважая Плетнева онъ, напримѣръ, не въ силахъ удержаться, чтобы не посмѣяться надъ нимъ въ письмѣ къ Вяземскому[2]); искренне любя своего поэта-дядюшку, добродушнѣйшаго Василія Львовича, онъ потѣшается надъ нимъ, пристегнувъ за-одно и только что скончавшуюся тетушку[3]). Въ тридцатыхъ годахъ отношенія его къ правительству были уже вполнѣ ровными, — однако въ веселую минуту онъ не прочь зло пошутить надъ тогдашнимъ режимомъ. И. И. Дмитріевъ въ его присутствіи нашелъ страннымъ сочетаніе словъ: «*московскій англійскій* клубъ», — Пушкинъ со смѣхомъ замѣтилъ, что есть названіе еще страннѣе, — «*императорское человѣколюбивое* общество»[4]).

Отличаясь (говоря его же словами) «веселымъ лукавствомъ ума», а потому большой любитель «поповѣсничать и въ язычки постучать»[5]), онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, что въ минуту смѣшливаго настроенія «ради краснаго словца не пожалѣютъ и отца». А такóе настроеніе, какъ извѣстно, часто посѣщало его: во многихъ письмахъ слышится его неудержимый хохотъ, тотъ заразительный, всепобѣждающій хохотъ, о которомъ въ своихъ запискахъ писала такъ много Смирнова[6]).

Минутное настроеніе[7]) иногда заставляло его дѣлать такіе по-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 286, 310.

2) Тамъ же, стр. 106.

3) Тамъ же, стр. 126, 132, 156.

4) *Д. Н. Садовниковъ*: «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» — *Историческій Вѣстникъ*, 1883 г., т. XIV, стр. 536.

5) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 67.

6) Тамъ же, стр. 182.

7) Насколько впечатлителенъ былъ Пушкинъ къ вліяніямъ минуты, видно изъ словъ А. П. Кернъ: «Трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то

ступки, которые потомъ долго мучали его совѣсть. Обласканный Карамзинымъ, принятый въ его семью, какъ родной, слишкомъ впечатлительный юноша, въ минуту обиды, вдругъ сочиняетъ эпиграмму на своего стараго друга[1]), — прошло это настроенье, и раскаянье его мучитъ, и любовь снова возвращается въ его сердце... «Карамзинъ боленъ», пишетъ онъ Плетневу при вѣсти о болѣзни исторіографа: «милый мой, это хуже многаго — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты»[2]). Обиженный Петербургомъ, поэтъ, узнавъ о наводненіи 1825 года, легкомысленно восклицаетъ: «Что это у васъ? Потопъ? ниито проклятому Петербургу!»[3]) «Я очень радъ этому потопу, потому что золъ!»[4]), — но стоило перемѣниться настроенію, и онъ говоритъ иное: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго»[5]).

Такое неожиданное заключеніе ликованій по поводу наводненія приводитъ насъ къ основной чертѣ Пушкина, — къ его добротѣ. Мы понимаемъ, почему многіе современники, начиная съ лицейской скамейки до могилы, ненавидѣли поэта[6]): его глубокая любовь къ людямъ скрыта была отъ близорукаго взгляда его непостоянствомъ, вѣтренностью, его высмѣиваньемъ слабыхъ сторонъ въ глаза и за глаза, — вѣдь для сухого педанта, человѣка «правилъ», — всѣ эти недостатки выростали до громадныхъ размѣровъ, а за ними мало кто видѣлъ живое, доброе, отзывчивое сердце поэта. Онъ самъ признается, что «добродушіемъ преисполненъ до глупости, несмотря на опыты жизни»[7]). Бороться съ

нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту» (*Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 241).

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 176.

3) Тамъ же, стр. 91.

4) Тамъ же, стр. 92.

5) Тамъ же, стр. 99.

6) Напримѣръ его товарищъ графъ М. А. Корфъ (см. его «Записку» въ книгѣ *Я. К. Грота*: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». С.-Пб. 1899; также Записки *А. О. Смирновой*, ч. I, С.-Пб. 1895, стр. 16, 19, 33, 73, 91, 103).

7) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 353.

врагами ему не подъ силу, — пройдетъ его настроеніе, — и онъ пишетъ: «Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ»[1]). Послѣ различныхъ суровыхъ прижимокъ со стороны правительства, Пушкинъ хотѣлъ было уйти въ отставку, но ея онъ не получилъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что задоръ у Пушкина прошелъ, и онъ все простилъ: «Долго на него (Николая I) сердиться не умѣю: хоть онъ и неправъ»[2]). Незлобивость его доходитъ до того, что, сосланный на окрайну Россіи, забытый всѣми, онъ не только не ожесточается, но даже тона раздраженія не слышится въ его отношеніяхъ къ друзьямъ, не присылающимъ ему вѣстей. Только иногда тихая жалоба на свою участь прозвучитъ въ его письмахъ, да легкій упрекъ вырвется, словно противъ воли. «Представь себѣ», пишетъ онъ брату, «до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ — друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно»[3]). «Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ» — жалуется онъ. «Попеняйте ему и обнимите его за меня»[4]). «Не могу повѣритъ», пишетъ онъ Всеволожскому, «чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, — ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, — Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго»[5]). «Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ»[6]). За-то, когда долетаетъ до него вѣсточка отъ друга, онъ забываетъ упрекнуть его за годовое молчаніе, а радостно восклицаетъ: «Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейской; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину!»[7]).

Почти съ лицейской скамейки онъ является ходатаемъ за разныхъ несчастныхъ, пришибленныхъ судьбой[8]). Кюхельбекеръ, этотъ потѣшный «Кюхля», о которомъ Пушкинъ не можетъ говорить безъ смѣха, окруженъ его вѣчными заботами и самой нѣжной любовью[9]). Сер-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 94.
2) Тамъ же, стр. 364.
3) Тамъ же, стр. 28.
4) Тамъ же, стр. 50—51.
5) Тамъ же, стр. 82.
6) Тамъ же, стр. 96.
7) Тамъ же, стр. 58.
8) Тамъ же, стр. 4, 93, 96 и др.
9) Тамъ же, стр. 109, 169.

диться Пушкинъ, по-крайней мѣрѣ, въ письмахъ (мы исключаемъ письма наканунѣ дуэли) совершенно не умѣетъ. Единственный разъ раздраженіе зазвучало въ объясненіи съ И. Е. Великопольскимъ (см. выше, статью г. Модзалевскаго о Великопольскомъ), и то оно сейчасъ-же разрѣшилось шуткой и миромъ. За этимъ исключеніемъ его упреки всегда мягки, скорѣе напоминаютъ жалобы. Бестужевъ напечаталъ стихи, которыхъ Пушкинъ печатать не хотѣлъ. «Я давно уже не сержусь за опечатки», пишетъ онъ по этому случаю Бестужеву, «но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ, какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute?»[1]) «Что это со мною дѣлаютъ журналисты!» восклицаетъ онъ — «Булгаринъ хуже Воейкова. Какъ можно печатать партикулярныя письма — мало-ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать — это разбой!»[2]). Особенно много испытаній долготерпѣнію и добротѣ причинилъ поэту его братъ Левъ. Въ первыхъ письмахъ А. С. Пушкинъ съ самой теплой любовью относится къ нему[3]): разсказываетъ свою жизнь[4]), даетъ разные совѣты житейской мудрости[5]); затѣмъ очень скоро неблагодарная роль «вождя по жизни» пріѣдается Пушкину, и онъ обращается къ Льву съ разными просьбами и порученіями[6]). Левушка, по легкомыслію и эгоизму, очень халатно относился къ просьбамъ брата: стихи его, еще не напечатанные, но уже проданные, раздавалъ въ спискахъ по всему городу[7]), писалъ ихъ въ альбомы дамъ[8]), деньги, вырученныя отъ продажи сочиненій брата, проигрывалъ[9]), — въ результатѣ, тонъ писемъ къ нему А. С. Пушкина дѣлается все суше, и скоро они принимаютъ дѣловой характеръ. Не менѣе интересна переписка съ женой, — здѣсь любовь Пушкина, положительно, неисчерпаема: онъ заботится о своей женѣ,

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 70.
2) Тамъ же, стр. 76.
3) Тамъ же, стр. 16.
4) Тамъ же, стр. 16.
5) Тамъ же, стр. 36, 37, 43—44.
6) Тамъ же, стр. 91, 92.
7) Тамъ же, стр. 76.
8) Тамъ же, стр. 139.
9) Тамъ же, стр. 159.

какъ о ребенкѣ, въ каждомъ письмѣ шлетъ ей прописныя наставленія, умоляетъ ее вести себя въ обществѣ прилично, не кокетничать, беречь себя,—а она, въ отвѣтъ на эти отеческія посланія, поддразниваетъ его, сообщаетъ о своихъ побѣдахъ, о своемъ веселомъ, но глупомъ времяпровожденіи и пр. Въ отвѣтъ на эти письма поэтъ пишетъ опять нѣжныя посланія, выражая изрѣдка порицаніе укоризненнымъ: «Женка, женка! Но оставимъ это!»[1]) Или: «Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? Для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc.»[2]). Когда никакія мольбы не помогаютъ, поэтъ разрѣшаетъ своей женѣ «кокетничать». «Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ», пишетъ онъ, «но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую»[3]). Въ такомъ тонѣ всѣ письма Пушкина къ женѣ: его любовь къ ней выдерживала всѣ испытанія, она приковала его къ мелкимъ хозяйственнымъ хлопотамъ, къ заботамъ объ экипажахъ, квартирахъ, обстановкахъ, она заставила его страдать отъ разныхъ назойливыхъ поползновеній назойливой женниной родни, считаться съ разными сплетнями... Эта жизнь медленно отравляла его, — его, свѣтлая душа котораго была такъ далека отъ отчаянья: пессимизмъ вообще былъ чуждъ его природѣ. «Судьба не перестаетъ съ тобой проказить», писалъ въ 1826 году онъ Вяземскому. «Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего!»[4]). Еще въ 1831 году, когда онъ уже вкусилъ сладостей супружеской жизни, онъ еще не терялъ надежды на счастье: любовь къ женѣ и дѣтямъ освѣщала ему жизнь. «Опять хандришь!» — писалъ онъ Плетневу: «Эй, смотри: хандра хуже холеры,—одна убиваетъ только тѣло, другая уби-

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 308.
2) Тамъ же, стр. 333.
3) Тамъ же, стр. 369.
4) Тамъ же, стр. 180.

ваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ рости, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычовки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ душа моя; не хандри, холера на-дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы»[1]). Сколько всепрощающей, всепримиряющей любви въ этомъ образѣ поэта, много страдавшаго, но не утратившаго вѣры въ будущее!

Если ко всѣмъ этимъ чертамъ мы прибавимъ живость его духа, вѣчно ищущаго новыхъ настроеній и впечатлѣній, мы исчерпаемъ главнѣйшія черты его души, *поскольку онѣ высказались въ его письмахъ*. Послѣднія слова выразительно подчеркиваемъ, желая указать этимъ, что, конечно, въ своемъ бѣгломъ очеркѣ мы далеко не исчерпали всѣхъ чертъ пушкинскаго духа, — въ письмахъ своихъ онъ не выразилъ всего себя, такъ какъ между корреспондентами его не было ни одного по плечу ему. Оттого письма помогаютъ понять Пушкина лишь въ обществѣ его друзей; они объясняютъ намъ, насколько его человѣческія черты отразились на его творчествѣ, но они не даютъ пониманія Пушкина, какъ «пѣвца земли», понявшаго духомъ драматизмъ ея жизни, съ ея радостями и горемъ, — передъ нами чисто внѣшнія черты его облика, черты, однако характерныя и важныя.

Сравнимъ этотъ образъ съ тѣмъ, что просвѣчиваетъ въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы увидимъ полное совпаденіе. И это безконечное разнообразіе мотивовъ, и этотъ всепрощающій свѣтъ любви, искренность и живость настроенія, отличительныя черты пушкинской лирики, — все это черты поэта, какъ человѣка; для него, не въ примѣръ многимъ другимъ поэтамъ, жизнь и поэзія во всякій отдѣльный моментъ сливались въ одно!

Разнообразіе героевъ въ его эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ вытекало изъ того-же богатства его природы. Мы говорили уже выше, что онъ легко сживался со всякимъ, легко жилъ его думами и чувствами. Всякій эпическій писатель непремѣнно проходитъ въ

---

1) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 283.

своемъ творчествѣ чрезъ такой процессъ. Нужно сдѣлаться самому немного Чичиковымъ, Подколесинымъ, чтобы заставить ихъ жить. Истинно художественное творчество (и лирическое, и эпическое) можетъ быть только субъективнымъ, въ большей или меньшей степени: образы, созданные объективно — или не живы, отвлеченны, сухи, — или портреты, не болѣе. Наконецъ, и духъ примиренія, которымъ былъ богатъ Пушкинъ въ жизни, сказался въ его герояхъ: онъ освѣтилъ ихъ всѣхъ свѣтомъ любви, — въ Пугачевѣ мы видимъ мягкія черты благодарности и милосердія, суровый Петръ изображенъ въ моментъ примиренія съ врагами, — въ его душѣ отмѣчено Пушкинымъ мягкое чувство признательности и даже нѣжности; въ Донъ-Жуанѣ, жизнерадостномъ, какъ ясный день, беззаботномъ, какъ сама юность, не остается почти ничего для суроваго судьи-моралиста, образъ преступнаго Годунова внушаетъ только глубокое сожалѣніе; Скупой Рыцарь и Сальери, несчастные мученики глубокой страсти, у одного къ поэзіи золота, у другого — къ божеству музыки, тоже ни въ комъ не пробудятъ къ себѣ злобы.

Заканчивая этимъ нашъ очеркъ, мы не можемъ, въ заключеніе, не указать, что образъ поэта, бѣгло очерченный нами, вполнѣ сливается съ тѣмъ, что встаетъ передъ нами при чтеніи записокъ Смирновой. Странная судьба постигла эти живые, талантливые мемуары, встрѣченные такъ сурово нашей критикой! Точно ко всѣмъ запискамъ можно примѣнять одну и ту же мѣрку, — одни даютъ факты, имена, устанавливаютъ хронологію, сохраняютъ для историка рядъ мелкихъ историческихъ данныхъ, — другіе не даютъ ничего этого, за-то рисуютъ живыя лица далекаго прошлаго, а вѣдь это вовсе не мало! Записки Смирновой принадлежатъ къ послѣднему роду мемуаровъ, — пусть въ нихъ спутана хронологія, иногда невѣрны факты, пусть они даже подправлялись издательницей, пусть Dichtung превышало порою Wahrheit, — за то въ этихъ запискахъ жизнь 20—30-хъ годовъ бьетъ ключемъ, за то передъ нами встаютъ ясныя, характерныя лица, намъ дорогія... И между ними — центральная фигура — Пушкинъ! Стоитъ сравнить письма Пушкина съ воспоминаніями Смирновой, и мы убѣдимся, что они — документъ цѣнный, заслуживающій уваженія и вниманія! Какія стороны своей души Пушкинъ раскрывалъ передъ друзьями въ письмахъ, тѣ-же раскрылъ онъ и въ салонѣ Смирновой!

Оттого записки ея и письма поэта взаимно провѣряютъ и дополняютъ другъ друга, — стоитъ ихъ перечитать вмѣстѣ и, какъ живой, возстанетъ передъ нами, безконечно добродушный и благожелательный, порою насмѣшливый, то грустный, то блестящій и сверкающій «Искра»-«Сверчокъ» — весь яркое воплощеніе мгновенія, вѣчно живущій впечатлѣніемъ минуты, нѣжный и ласковый съ одними, задорный съ другими, съ его веселымъ, раскатистымъ беззаботнымъ смѣхомъ, съ его серьезными думами и страданіями, съ его горячими рѣчами...

В. В. Сиповскій.

Новый списокъ поэмы А. С. Пушкина „Кавказскій Плѣнникъ“.

I.

Небольшіе и никому неизвѣстные частные архивы хранятъ въ себѣ иной разъ весьма цѣнные историко-литературные матеріалы, которымъ ихъ обладатели не придаютъ подобающаго значенія и которые, поэтому, подвержены всякаго рода случайностямъ.

Лишнимъ подкрѣпленіемъ этого общеизвѣстнаго наблюденія можетъ служить недавняя находка новой рукописи «Кавказскаго Плѣнника» А. С. Пушкина, подвергавшейся весьма серьезному риску быть совершенно и навсегда утраченной. Найдена она среди бумагъ скончавшейся 5-го апрѣля 1901 года въ Петербургѣ княжны Ольги Георгіевны Чагадаевой, которая берегла ее какъ память отца, но не какъ рукопись Пушкина и потому не вспомнила о ней даже въ дни Пушкинскихъ празднествъ, когда все говорило о Пушкинѣ и когда тщательно выносили на свѣтъ Божій каждую Пушкинскую строчку. Передъ смертью она подарила эту рукопись въ числѣ прочихъ, небольшой цѣнности вещей, своей племянницѣ Татіанѣ Александровнѣ Лодыженской, у которой проживала нѣкоторое время до своей смерти. Судебный приставъ, производившій опись имущества покойной, очень пренебрежительно отнесся къ небольшой старенькой тетрадкѣ и выбросилъ ее какъ вещь никому ненужную и не представляющую собой никакой цѣнности. Только благодаря тому, что на тетрадку обратилъ вниманіе Дмитрій Викторовичъ Лодыженскій, которому почеркъ показался напоминающимъ руку Пушкина и который замѣтилъ на одномъ изъ лист-

ковъ типичный Пушкинскій портретъ, рукопись была сохранена и не погибла среди другого хлама, какъ погибли нѣкоторыя рукописи, быть можетъ, даже Пушкинскія, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ бросила въ огонь сама княжна Чагадаева, унаслѣдовавшая ихъ вмѣстѣ съ рукописью «Кавказскаго Плѣнника» отъ своего отца князя Георгія Николаевича Чагадаева[1]).

Князь Г. Н. Чагадаевъ (родился 18-го января 1812 года, умеръ 4-го іюля 1878) получилъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По тому времени это былъ человѣкъ разносторонне образованный и большой почитатель Пушкина. Начавъ службу въ драгунскомъ нижегородскомъ полку, куда поступилъ въ 1829 году юнкеромъ, онъ почти все время служилъ на Кавказѣ и въ 1839 году былъ назначенъ адъютантомъ къ другу Пушкина генералъ-лейтенанту Н. Н. Раевскому, занимавшему въ то время должность начальника Черноморской береговой линіи. Въ этой должности онъ оставался до февраля 1842 года, когда Н. Н. Раевскій былъ отчисленъ по кавалеріи. Эта небольшая біографическая справка, заимствованная нами изъ формуляра князя Г. Н. Чагадаева показываетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ автографъ А. С. Пушкина очутился въ частныхъ рукахъ князей Чагадаевыхъ. Очевидно, сохранившаяся, благодаря счастливой случайности, рукопись была подарена Н. Н. Раевскимъ своему адъютанту, большому почитателю Пушкина, а отъ него уже перешла къ дочери.

Что найденная г. Лодыженскимъ рукопись—дѣйствительно автографъ Пушкина въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для всякаго, кто имѣлъ случай работать надъ Пушкинскими рукописями. Кромѣ того, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и сама редакція поэмы, совпадающая не съ печатнымъ текстомъ, а съ текстомъ рукописи «Кавказскаго Плѣнника», хранящейся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ. Печатный текстъ поэмы заканчивается строфой «Подобно племени Батыя» и т. д. Строфы этой нѣтъ ни въ нашей рукописи, ни въ рукописи Румянцовскаго Музея, а взамѣнъ ея въ обѣихъ рукописяхъ эпилогъ заканчивается такимъ образомъ:

---

1) Въ настоящее время Т. А. Лодыженскою рукопись передана во владѣніе прямыхъ наслѣдницъ: Зинаиды Георгіевны Лисициной и Надежды Георгіевны Стояновской, урожденныхъ княженъ Чагадаевыхъ.

Рукопись Румянцовскаго Музея.	*Рукопись князей Чагадаевыхъ.*
Смирились вы — умолкли брани	Смирились вы — умолкли брани
И тамъ гдѣ.... лани	И тамъ гдѣ прежде только лани
За вами пробѣгать могли	За вами пробѣгать могли —
[Князья] заоблачной державы,	Торжественно при кликахъ громкой славы
[Тамъ] мы при кликахъ громкой славы	Князья заоблачной державы
Знамена наши провели.	Мы наше знамя провели.

Впрочемъ, повторяемъ, въ подлинности рукописи не можетъ быть никакихъ сомнѣній, и потому, не останавливаясь болѣе на этомъ вопросѣ, перейдемъ прямо къ ея описанію.

II.

Рукопись представляетъ собою небольшую тетрадку, состоящую изъ 18 обычныхъ четвертушекъ синеватой старой бумаги, и въ общемъ прекрасно сохранилась, если, впрочемъ, не считать того, что двѣ четвертушки рукописи вырваны и очевидно утрачены[1]). Бумага нашей рукописи заключаетъ въ себѣ водяные знаки, изображающіе льва съ жезломъ въ овальной рамкѣ. Водяными-же буквами обозначена фирма «Г. Шо(с)ночкина» и «1818 г.».

Начинается рукопись посвященіемъ «Н. Н. Раевскому». Существующихъ въ печатномъ текстѣ и рукописи Румянцовскаго Музея (см. «Рукописи А. С. Пушкина», В. Е. Якушкина — въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLII, стр. 87—90) эпиграфовъ изъ Pindemonte и Göthe въ нашей рукописи нѣтъ.

Строфа:

Забуду-ли, мой другъ, кавказскія вершины
до
Таится въ тишинѣ глухой

1) Вырваны мѣста, соотвѣтствующія печатному тексту: «Когда съ глухимъ сливаясь гуломъ» до «Коварный хищникъ съ нимъ таится» и затѣмъ отъ «Забытый средь пустыхъ долинъ» до «Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ» (Сочиненія Пушкина, т. II (ред. П. О. Морозова), стр. 283—285 и 292—293.

первоначально слѣдовала за стихомъ:

Я въ мирной пристани боговъ благословилъ,

но затѣмъ переставлена Пушкинымъ на то мѣсто, въ которомъ она стоитъ теперь въ печатномъ текстѣ.

Стихъ:

Я сердцемъ отдыхалъ

исправленъ изъ стоявшаго ранѣе:

Ты сердце зналъ мое.

Первоначальный стихъ:

Въ степяхъ Молдавіи, въ печальны дни разлуки

исправленъ такъ, какъ онъ читается въ печатной редакціи, то-есть:

Въ дни печальны, дни разлуки.

Листъ 1 об. даетъ нѣсколько новыхъ варьянтовъ.

Стихъ:

Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ

въ рукописи читается:

Какъ жертву милую, *какъ вѣрный цвѣтъ надеждъ.*

Затѣмъ стихъ:

Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ

имѣетъ варьянтъ:

Я жертва клеветы, зоиловъ и невѣждъ.

Стихъ:

И счастіе моихъ друзей

былъ редактированъ первоначально:

Поэтъ не унывалъ, и щастіе друзей и т. д.

Листъ 2. Здѣсь начинается поэма заглавіемъ «Кавказскій Плѣнникъ». Пѣснь I. Передъ заглавіемъ рисунокъ, изображающій женщину съ распущенными волосами, въ широкомъ длинномъ платьи. На поляхъ фигура Наполеона, въ его типичной трехуголкѣ и плащѣ. Здѣсь-же, рядомъ, женская головка, въ восточной повязкѣ, и недоконченный мужской силуэтъ.

Листъ 2 об. Стихъ:

Несчастный *тихо* приподнялся

ранѣе былъ:

Несчастный *плѣнникъ* приподнялся...

Листъ 3. На поляхъ нарисованъ вооруженный черкесъ, въ папахѣ. Вся страница исчерчена линіями, изображающими горы. На вершинѣ одной изъ нихъ стоитъ маленькая фигура человѣка, въ пледѣ и шляпѣ. Рядомъ съ нимъ стихи:

Кругомъ обводитъ слабый взоръ
И видитъ — неприступныхъ (сначала было:
«каменистыхъ») горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада.

Листъ 3 об. Послѣ стиха:

Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ

въ рукописи стоитъ два ряда точекъ и затѣмъ зачеркнутая Пушкинымъ строфа, которой въ печатномъ текстѣ нѣтъ:

Родился онъ среди снѣговъ,
Но въ немъ страстей таился пламень;
Въ минуты щастья сынъ пировъ
Во дни гоненья хладный (зачеркнуто
«твердый») камень,
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ и т. д.

Листъ 4. Куплетъ:

Свобода! Онъ одной тебя

до стиха:

Твой гордый идолъ обнималъ

въ рукописи перечеркнутъ крестомъ и затѣмъ цѣлымъ рядомъ спиральныхъ линій. Кромѣ того, на немъ набросанъ рисунокъ бѣгущаго въ скачь осѣдланнаго коня, безъ всадника. Въ куплетѣ есть два варьанта. Вмѣсто:

Еще искалъ въ *подлунномъ* мірѣ
Страстями *сердце погубя*

въ рукописи стоитъ:

Еще искалъ въ *пустынномъ* мірѣ
Страстями *чувства истребя*...

Кромѣ того, на этомъ-же листѣ вмѣсто стиховъ:

Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты

у Пушкина стояло:

Наскуча жертвой быть привычной
Презрѣнной *скучной* суеты

Листъ 4 об. Стихъ:

Ужъ меркнетъ солнце за горами

въ рукописи читается:

Ужъ вечеръ. Солнце за горами.

Надъ этимъ стихомъ, впрочемъ, имѣется блѣдная карандашная поправка (но безъ вычеркиваній), которую, очевидно, Пушкинъ и ввелъ потомъ въ текстъ. Поправка эта измѣняетъ стихъ такимъ образомъ:

Но меркнетъ солнце за горами.

Листъ 5. На поляхъ, на фонѣ темнаго, зачерченнаго густыми штрихами квадрата изображена стоящая на колѣняхъ женщина въ бѣломъ, съ растрепанными волосами — такая-же, какъ и на заглавной страницѣ. У ея ногъ лежитъ, облокотившись, повидимому, плѣнникъ. Рядомъ съ рисункомъ слова:

Луною чуть озарена
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ она и т. д.

Первоначально первый стихъ этой цитаты въ рукописи читался такъ:

Во мглѣ луной озарена.

Другими чернилами внесена поправка, которую мы привели выше. Равнымъ образомъ поправленъ также послѣдній стихъ въ куплетѣ:

Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи — и плѣнникъ оживаетъ,
Собравъ остатокъ *слабый* силъ...

Послѣдній стихъ измѣненъ тѣми-же чернилами:

И онъ собравъ остатокъ силъ...

Листъ 5 об. Первоначальная редакція:

И долго *дѣва* передъ нимъ
Опершись на руку сидѣла

измѣненъ Пушкинымъ въ:

И долго *долго* передъ нимъ
Она задумчива (зачеркнуто: «недвижна»,
«грустна») сидѣла.

Затѣмъ стихи:

Уста *невольно* каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались

первоначально были редактированы Пушкинымъ такъ:

Уста *живыя* каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались.

Листъ 6. Типичный портретъ поэта, встрѣчающійся и въ другихъ его рукописяхъ. Рядомъ съ нимъ головка военнаго. Стихи:

Быть можетъ, *сонъ любви забытой*
Боялся онъ воспоминать

въ рукописи Пушкинымъ поправлены:

Быть можетъ *сонъ давно забытый*
Боялся онъ воспоминать.

Листъ 6 об. Стихъ: *О, первый пламень* упоенья

въ рукописи читается:

Небесный пламень упоенья!

Вмѣсто стиха:

Вперялъ онъ неподвижный взоръ,

рукопись даетъ варьянтъ:

Остановлялъ онъ долгой взоръ.

Заканчивается л. 6 об. стихомъ:

Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ...

Затѣмъ слѣдуетъ пропускъ, объясняемый вырванной страницей рукописи, о чемъ сообщалось уже выше.

Листъ 7. Начинается стихомъ:

Коварный хищникъ съ нимъ таится.

Листъ 7 об. Въ стихахъ:

Черкесъ на *корни* вѣковые
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ

было написано раньше:

Черкесъ на *вѣтви* вѣковыя
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ.

Въ стихахъ:

Гдѣ на курганахъ *омраченныхъ*
Склонясь на копья, казаки...

было написано раньше:

Гдѣ на курганахъ *отдаленныхъ*...

Листъ 8. Стихи:

О чемъ ты думаешь казакъ!
Воспоминаешь прежни битвы
На смертномъ полѣ свой бивакъ и т. д.

представляютъ собой редакцію, сдѣланную Пушкинымъ въ рукописи князей Чагадаевыхъ взамѣнъ первоначальной редакціи:

Воспоминаешь прежни битвы
У стѣнъ Парижа твой бивакъ...

Въ стихѣ:

Съ окровавленнаго кургана

слово «окровавленнаго» было зачеркнуто, замѣнено словомъ «уединеннаго», но затѣмъ опять возстановлено.

Листъ 8. Строфа:

Когда-же съ мирною семьей

до стиха:

Ночлега кровъ гостепріимный

(Сочиненія, т. II, стр. 286) пропущена, хотя относящіяся къ ней примѣчанія (9-е и 10-е) помѣщены въ числѣ прочихъ примѣчаній. Повидимому она была написана на отдѣльномъ листкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ буква «а», соотвѣтствующая поставленной, какъ увидимъ далѣе, на вставленной также позднѣе Черкесской пѣснѣ буквѣ «b». На поляхъ рукописи стоятъ значки, указывающіе на пропускъ строфы, очевидно, написанной отдѣльно.

Листъ 8 об. Стихи:

И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ

имѣютъ варьянтъ, на нашъ взглядъ болѣе удачный:

И въ прахъ летятъ главы рабовъ
И жены робкія трепещутъ...

Послѣ стиховъ:

Когда друзьями окруженный
Онъ съ ними шумно пировалъ[1])

въ рукописи слѣдовали четыре стиха, которые, впрочемъ, Пушкинъ зачеркнулъ:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ
И жаръ безумства и похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

Листъ 9 об. Начинается заглавіемъ: «Пѣснь II». Послѣ словъ:

Свободу, родину забудь

и передъ стихомъ:

Скрываться рада я въ пустынѣ

стоитъ значекъ, которымъ Пушкинъ указываетъ на перенесеніе въ это мѣсто четырехъ послѣднихъ стиховъ строфы, противъ которыхъ стоитъ такой же значекъ:

Непостижимой чудной (зачеркнуто «тайной») силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена!

Послѣдній стихъ, вошедшій и въ печатный текстъ, надписанъ другими, пожелтѣвшими чернилами вмѣсто ранѣе стоявшаго:

Тобою жизнь моя полна (л. 10).

Листъ 10. Стихъ:

Тоска любви безъ упованья

первоначально былъ написанъ карандашомъ между строкъ и затѣмъ уже наведенъ чернилами. Стихъ:

Онъ *изліялъ* свои страданья

---

1) Первоначальная редакція:

Онъ пѣнилъ праздничный бокалъ

въ рукописи первоначально читался:

Онъ *обнажилъ* свои страданья.

Листъ 10 об. Стихи печатнаго текста:

Забудь меня: твоей любви
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другого юношу зови

являются поправкой, которую сдѣлалъ Пушкинъ въ нашей рукописи взамѣнъ ранѣе стоявшихъ у него стиховъ:

Несчастный Другъ! Твоей любви
Душа страдальца недостойна.
Забудь меня, живи спокойна,
Другаго юношу зови.

Стихъ:

Безъ упованья, безъ желаній

читается въ рукописи:

Безъ упоенья, безъ желаній и т. д.

Листъ 11. Послѣ стиховъ:

Въ тѣ дни какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ

стояло четыре стиха, которые, однако, зачеркнуты карандашомъ:

Въ тѣ дни, когда холмы, дубравы
Могучій вѣтровъ вольный шумъ (зачеркнуто перомъ).
Дѣвичій взоръ, веселій шумъ (зачеркнуто: «клики славы»)
Дары любви, желанья славы
Еще плѣняли жадный умъ.

Слѣдующія за симъ стихи:

Но поздно! Умеръ я для счастья
Надежды призракъ улетѣлъ

являются поправкой, сдѣланной Пушкинымъ въ нашей рукописи болѣе блѣдными чернилами вмѣсто стоявшихъ раньше стиховъ:

Но поздно! Умеръ я для счастья
Одно унынье мой удѣлъ...

Листъ 12. Къ стиху:

Въ рукахъ *любовника* лежала
Ея холодная рука

рукопись даетъ удачный варьянтъ:

Въ рукахъ *невольника* лежала

Листъ 12 об. заканчивается стихомъ:

Умру вдали бреговъ желанныхъ.

Листъ 13 начинается стихомъ:

Ихъ прадѣды въ тѣни сидятъ.

Куплетъ этотъ, напечатанный согласно позднѣйшимъ поправкамъ, имѣющимся въ нашей рукописи, первоначально имѣлъ такую редакцію:

Ихъ прадѣды въ тѣни сидятъ:
У каждаго чубукъ дымится,
Чихирь въ завѣтный рогъ струится.
Сѣдые пьютъ и юныхъ дѣвъ
Знакомый (вар. «унылый», «протяжный»)
слушаютъ припѣвъ.
И старцевъ сердце молодѣетъ.
Такъ пѣли дѣвы. —

Впрочемъ, есть также нѣкоторая разница и между позднѣйшими поправками этого куплета сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Напечатано, напримѣръ:

Изъ трубокъ дымъ *віясь* синѣетъ,

а въ нашей рукописи этотъ стихъ поправленъ:

Изъ трубокъ *легкой* дымъ синѣетъ.

Пропущенъ также въ печатномъ текстѣ стихъ, предшествовавшій Черкесской пѣснѣ и представляющій собой, какъ и сама пѣсня, болѣе позднюю вставку: «Такъ пѣли дѣвы». Въ первой редакціи, которую даетъ наша рукопись, «Черкесской пѣсни» въ этомъ мѣстѣ не было. Она написана на самой послѣдней страницѣ рукописи, послѣ примѣчаній (л. 18). То, что она должна находиться именно здѣсь, свидѣтельствуетъ поставленная на ней и въ этомъ мѣстѣ буква «b».

Листъ 13 об. Куплетъ, начинающійся словами: «Спѣши! сказала дѣва горъ» подвергся въ нашей рукописи большимъ поправкамъ, которыя вошли въ печатный текстъ. Первоначальная редакція этой строфы такова:

Спѣши, сказала дѣва горъ,
Все спитъ въ аулѣ. Стражи взоръ
Теперь нигдѣ тебя не встрѣтитъ.
Вотъ лишь не трать ночныхъ часовъ,
Возьми кинжалъ —
Бѣги, никто твоихъ слѣдовъ
Въ пустынѣ мрачной не замѣтитъ...
И молча твердою рукой
Его цѣпей она коснулась,
Упали слезы; подъ пилой
Визжитъ желѣзо; цѣпь согнулась
И, падши на скалы, гремитъ....

Листъ 14. Послѣ стиховъ:

И долгій поцелуй (sic) разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ

въ нашей рукописи стоитъ два стиха, опущенныхъ въ печатномъ текстѣ, при чемъ и редакція дальнѣйшихъ стиховъ существенно разнится отъ печатной:

Его томительную (зачеркнуто: «таинственную»)
нѣгу
Вкусила тутъ она вполнѣ.
Потомъ рука съ рукой ко брегу
Сошли, — и Русской въ тишинѣ
Ревущей ввѣрился волнѣ,

Плыветъ и быстры пѣнитъ волны;
Живыхъ надеждъ и силы полный
Желанныхъ скалъ уже достигъ,
Уже хватается за нихъ.

Листъ 15. Эта страничка, на которой заканчивается поэма, вся покрыта рисунками-портретами, которые представляютъ собой неотъемлемую принадлежность каждой Пушкинской рукописи. Не рѣшаясь утверждать, что рисунки эти имѣютъ вполнѣ реальную основу и представляютъ собой портреты лицъ близкихъ Пушкину, нельзя, однако, въ одномъ изъ этихъ портретовъ не видѣть нѣкотораго сходства съ Н. Н. Раевскимъ. Женская головка напоминаетъ мать поэта. Одинъ эскизъ имѣетъ очень большое сходство съ извѣстнымъ портретомъ самого Пушкина въ возрастѣ 12 лѣтъ. (Гравюра Е. Гейтмана).

Листъ 15 об. Печатная редакція стиховъ:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ возросшихъ на войнѣ

представляетъ собой поправку, сдѣланную Пушкинымъ въ нашей-же рукописи надъ его первоначальными стихами:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Народа *склоннаго къ войнѣ*

Листъ 16. Эпилогъ поэмы въ нашей рукописи заключаетъ въ себѣ нѣсколько варьянтовъ къ извѣстному печатному тексту въ стихахъ:

....Разкажетъ повѣсть дальныхъ странъ,
Мстислава древній поединокъ,
Войну и гибель Россіянъ[1])
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ!

Страница украшена изображеніемъ горъ, облаковъ и все той-же женщины, въ бѣломъ платьѣ, съ черными длинными локонами и въ круглой большой шляпѣ.

---

1) Первоначальная редакція этихъ стиховъ, измѣненная Пушкинымъ, была такова:

Измѣну, битву, поединокъ
И смерть ужасныхъ Россіянъ.

Листъ 16 об. Конецъ эпилога не носитъ извѣстной въ другихъ рукописяхъ даты: «20 февраля 1821. Каменка». Четыре послѣднихъ стиха зачеркнуты нѣсколькими перекрестными и витыми чертами. Стихи эти читались такъ:

Смирились вы — умолкли брани!
И тамъ, гдѣ прежде только лани
За вами пробѣгать могли —
Торжественно при кликахъ громкой славы,
Князья заоблачной державы,
Мы наше знамя провели.

Листъ 17. «Замѣчанія». Здѣсь приведены тѣ поясненія, которыя въ печатномъ изданіи помѣщаются подстрочно. Примѣчанія, набросанныя Пушкинымъ, очевидно, уже послѣ написанія текста, заносились имъ въ тетрадку и уже потомъ помѣчены цифрами сообразно съ порядкомъ текста. «Замѣчанія» эти расположены въ слѣдующемъ порядкѣ по номерамъ: 8, 1, 2, 3, 4, 6, 5, 10, 11, 7, 9, 12.

Въ самихъ примѣчаніяхъ есть нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста. Примѣчаніе 1-е въ рукописи читается такимъ образомъ: «Бешту кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска; *близъ нее находятся славныя цѣлительныя воды*». Въ поясненіи Байрама (примѣчаніе 11) прибавлено: «праздникъ разговѣнья, *мусульманская масленица*».

Листъ 17 об. Черкесская пѣсня. Послѣдній куплетъ ея имѣетъ нѣсколько помарокъ и редакція не носитъ характера законченности. Первоначально стояло:

На берегу гремучихъ водъ,

затѣмъ слово «гремучихъ» замѣнено словомъ «веселыхъ» и, наконецъ, «завѣтныхъ». Второй стихъ, повидимому, нужно читать:

Цвѣтутъ *веселыя*[1]) станицы,

хотя надъ этимъ стихомъ и стоятъ незачеркнутыя слова: «сидятъ веселыя»...

1) Въ печатномъ текстѣ «богатыя».

Заканчивается рукопись датою: «Кубань», стоящею въ углу послѣдней страницы, подъ «Черкесской пѣснью».

III.

Стоящая въ концѣ рукописи Румянцовскаго музея и принятая въ печатныхъ текстахъ дата дала основаніе полагать, что «Кавказскій Плѣнникъ» былъ написанъ въ февралѣ 1821 года въ имѣніи Раевскихъ, с. Каменкѣ, Кіевской губерніи. Такое предположеніе послужило даже поводомъ для созданія легенды о томъ, какъ энергично работалъ въ Каменкѣ Пушкинъ. Легенду эту записалъ приватъ-доцентъ Кіевскаго университета А. М. Лобода, совершившій спеціальную экскурсію въ с. Каменку. По разсказамъ, записаннымъ г. Лободою со словъ гг. Давыдовыхъ, Пушкинъ работалъ «не отрываясь отъ бумаги, и однажды былъ такой случай: Пушкина позвали обѣдать; онъ велѣлъ лакею принести рубашку, чтобы переодѣться къ обѣду, а самъ продолжалъ писать; лакей принесъ рубашку, Пушкинъ пишетъ; лакей въ выжидательной позѣ стоитъ съ рубашкой, Пушкинъ не обращаетъ на него вниманія и пишетъ, пишетъ...»[1])

Дата рукописи князей Чагодаевыхъ «Кубань» колеблетъ это предположеніе и даетъ основаніе думать, что «Кавказскій Плѣнникъ» былъ написанъ еще до пріѣзда въ Каменку и, вѣроятнѣе всего, во время непродолжительнаго путешествія Пушкина съ Раевскими по Кубани и Кавказу. Дѣйствительно, въ записной книжкѣ поэта, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, существуетъ первоначальный планъ поэмы, набросанный Пушкинымъ въ августѣ 1820 года. Любопытно сопоставить этотъ планъ не столько съ самой поэмой, сколько съ письмомъ поэта къ брату Л. С. Пушкину, отъ 24-го сентября 1820 года. Планъ этотъ намѣчаетъ такого рода содержаніе:

1. Буря. Бешту. Пѣснь. Игры. Черкесъ. Дѣва. Воспоминанья. Нападенье. Прощаніе. Побѣгъ.
2. Черкесъ. Бой. Бѣгъ. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва.

---

1) Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами Кіевскаго университета. Кіевъ. 1899, отдѣлъ II, стр. 89—90.

3. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва. Любовь. Бешту. Черкесы. Пиры. Пѣсни. Воспоминанья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ.

Въ письмѣ же къ брату Пушкинъ говоритъ: «Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и можетъ быть сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи»[1]).

Сопоставленіе этихъ двухъ документовъ другъ съ другомъ и особенно съ эпилогомъ «Кавказскаго Плѣнника» показываетъ, что уже къ сентябрю мѣсяцу у Пушкина сложилась вполнѣ поэма въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ съ датою: «Каменка». Любопытна также одна подробность, быть можетъ, впрочемъ и случайнаго характера. Въ рукописи князей Чагодаевыхъ, противъ того мѣста, гдѣ говорится, какъ черкесы вспоминаютъ «о бранныхъ гибельныхъ тревогахъ», Пушкинымъ набросана мрачная фигура Наполеона, о химерическомъ планѣ котораго онъ вспоминаетъ въ письмѣ къ брату въ связи все съ тѣми-же «гибельными тревогами» на Кавказѣ.

Мы, конечно, не беремся точно установить дату написанія Пушкинымъ поэмы или-же доказать, что наша рукопись является первою редакціей «Кавказскаго Плѣнника». Для этого мы не располагаемъ достаточнымъ количествомъ убѣдительныхъ данныхъ. Думаемъ только, что рукопись эта — во всякомъ случаѣ — представляетъ собой одну изъ наиболѣе раннихъ редакцій и что во всякомъ случаѣ въ датахъ, стоящихъ подъ печатнымъ текстомъ поэмы, не слѣдуетъ видѣть указаній на время и мѣсто написанія поэмы. Помимо вышеприведенныхъ соображеній и отмѣченныхъ выше при описаніи рукописи поправокъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одно письмо А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому. Уже 2-го февраля 1821 года, то есть почти за

1) Сочиненія, т. VII, стр. 9.

мѣсяцъ до той даты, которая стоитъ подъ «Кавказскимъ Плѣнникомъ», Тургеневъ писалъ князю Вяземскому:

«На сихъ дняхъ Пушкинъ писалъ наконецъ сюда изъ какой-то Кіевской деревни отъ Давыдовыхъ (очевидно Каменки), и, en passant, сказалъ, что у него готова и вторая поэма» [1]).

Итакъ, общепринятая дата «Кавказскаго Плѣнника» не точна. То-же можно сказать и относительно даты, стоящей подъ эпилогомъ: «Одесса, 15-го мая 1821 года». Прежде всего этой даты не имѣется въ нашемъ спискѣ, несомнѣнно одномъ изъ наиболѣе раннихъ. Несмотря на это, уже эта дата появляется въ рукописи Румянцовскаго музея, представляющей собою позднѣйшій списокъ поэмы, какъ это можно судить по заключительной строфѣ эпилога. Конецъ этотъ, въ той формѣ, какъ онъ сложился у Пушкина первоначально, слишкомъ бравуренъ и очевидно не соотвѣтствовалъ дѣйствительному настроенію поэта, отразившемуся въ вышеприведенномъ письмѣ его къ брату и вылившемуся таки въ печатномъ окончаніи «Кавказскаго Плѣнника». Пушкинъ, поэтому, послѣ многихъ передѣлокъ, сердито вычеркнулъ его въ нашей рукописи. Другой варьантъ, однако, не выливался и онъ цѣликомъ внесъ эту строфу въ рукопись Румянцовскаго музея, но уже съ тѣми варьантами, которые онъ окончательно выработалъ на нашемъ спискѣ. Между тѣмъ, на спискѣ Румянцовскаго музея, съ одной стороны не первоначальномъ, а съ другой не окончательномъ, стоитъ уже извѣстная дата: «15-го мая 1821 года. Одесса».

IV.

Указанныя неточности въ датахъ «Кавказскаго Плѣнника» имѣютъ для насъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что указываютъ на упорную работу Пушкина надъ этой поэмой. Какъ извѣстно, самъ поэтъ былъ очень недоволенъ «Кавказскимъ Плѣнникомъ». Въ своихъ письмахъ, относящихся ко времени послѣ февраля 1821 года, онъ не разъ высказывалъ сожалѣніе, зачѣмъ его «Плѣнникъ» «не утопился вслѣдъ за черкешенкой», находилъ неудачнымъ характеръ плѣнника и прямо заявлялъ, что онъ ставитъ эту поэму ниже «Руслана и Людмилы» [2]).

1) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. II. С.-Пб. 1899, стр. 151.
2) Сочиненія, т. VII, стр. 25.

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно» — писалъ Пушкинъ Н. И. Гнѣдичу, — «такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать»[1]). И дѣйствительно, поэма пролежала у него въ рукописи больше года, въ теченіе котораго поэтъ хотя и работалъ надъ нею, но измѣнилъ немногое.

Рукопись князей Чагодаевыхъ также носитъ на себѣ не мало слѣдовъ этой работы. Выше, при ея описаніи, мы имѣли случай отмѣтить цѣлый рядъ варьянтовъ, выразившихся не только въ подборѣ поэтомъ отдѣльныхъ болѣе удачныхъ словъ, стиховъ, но даже отдѣльныхъ строфъ. Для характеристики Пушкина эта рукопись, живо отразившая на себѣ поэта въ моменты его поэтическаго творчества, представляетъ собою безспорно большой интересъ. Не характерна развѣ зачеркнутая Пушкинымъ строфа «Свобода», съ рисункомъ несущагося вскачь коня безъ всадника? Такъ и чувствуются здѣсь сомнѣнія поэта, который еще незадолго передъ тѣмъ «постигнутъ былъ гоненьемъ» и теперь колебался, оставить-ли въ поэмѣ свободолюбивыя мечты, вылившіяся въ этой строфѣ? Интересно также наблюдать, какъ постепенно, подъ вліяніемъ Пушкинскихъ поправокъ, стихъ становился все болѣе и болѣе художественнымъ, какъ вырабатываетъ Пушкинъ лучшія формы. Нѣкоторое недоумѣніе вызываютъ, впрочемъ, два-три варьянта, которые не попали въ печатный текстъ, несмотря на свои художественныя преимущества надъ этимъ текстомъ. Къ числу такихъ варьянтовъ, нельзя не отнести, напримѣръ, слѣдующихъ: на страницѣ 282-й (Сочиненія, т. II) напечатано:

Быть можетъ сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Въ рукописи стоитъ:

Быть можетъ *сонъ давно забытый*
Боялся онъ воспоминать.

На страницѣ 285-й:

Могучій рокъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,

1) Сочиненія, т. VII, стр. 30.

Гдѣ на курганахъ *возвышенныхъ*,
Склонясь на копья, казаки и т. д.

Нельзя не признать болѣе удачной замѣны слова «возвышенныхъ» словомъ «омраченныхъ». Также точно заслуживаетъ вниманіе варьянтъ стиха (стр. 287):

И въ прахъ летятъ главы рабовъ
И въ радости младенцы плещутъ.

Рукопись князей Чагодаевыхъ даетъ варьянтъ, казалось-бы, болѣе правдивый:

И въ прахъ летятъ главы рабовъ
И жены робкія трепещутъ.

Почему такого рода поправки не попали въ печатный текстъ — это вопросъ, который можно было-бы рѣшить развѣ только путемъ изученія всѣхъ рукописей «Кавказскаго Плѣнника», что, кажется, невозможно.

Заканчивая свои замѣтки по поводу новаго списка «Кавказскаго Плѣнника», мы не можемъ не сдѣлать общаго заключенія о томъ, что списокъ этотъ представляетъ собой безспорно большое историко-литературное значеніе. Несомнѣнно передъ нами, если не первоначальная, то одна изъ наиболѣе раннихъ редакцій поэмы. Въ ней мы имѣемъ уже рядъ окончательныхъ поправокъ, которыхъ Пушкинъ уже не подвергъ дальнѣйшей переработкѣ. Если Бѣлинскій говорилъ, что каждая строка, написанная Пушкинымъ, для насъ драгоцѣнна, то какую-же цѣну долженъ имѣть прекрасно сохранившійся, носящій на себѣ слѣды поэтическаго творчества автографъ цѣлой поэмы?

Вл. Боцяновскій.

Замѣтка о „Скупомъ рыцарѣ“ Пушкина.

«Вашъ великій поэтъ подшутилъ надъ своей публикой, сославшись на небывалаго въ Англіи поэта». Таковъ былъ вкратцѣ отвѣтъ издателей англійскаго журнала *Athenaeum*, къ которымъ П. В. Анненковъ обращался съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о «загадочномъ Ченстонѣ». Пушкинъ, какъ извѣстно, самъ указалъ на трагедію этого писателя «The Caveteous Knight», какъ на источникъ «Скупаго рыцаря», но всѣ старанія Анненкова найти эту піесу оказались тщетными. Категорическій отвѣтъ авторитетнаго англійскаго журнала окончательно убѣдилъ почтеннаго изслѣдователя въ томъ, что «Скупой рыцарь» представляетъ вполнѣ оригинальное, самостоятельное произведеніе. «Причину же, побудившую Пушкина отстранить отъ себя честь первой идеи» П. В. Анненковъ видитъ «въ боязни (поэта) примѣненій и неосновательныхъ толковъ». По его наблюденію, Пушкинъ «изъ суевѣрной робости въ литературныхъ произведеніяхъ» неоднократно выдавалъ свои оригинальныя сочиненія за переводныя (А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи, 2-е изд., С.-Пб. 1873, стр. 277—279).

Съ аналогичнымъ же сужденіемъ объ источникѣ «Скупого рыцаря» встрѣчаемся мы и въ замѣткѣ А. И. Кирпичникова, помѣщенной въ февральской книжкѣ *Русской Старины* 1899 г. Изслѣдователь, вслѣдъ за г. Анненковымъ, заподозриваетъ у Пушкина «личныя причины для мистификаціи, къ которой онъ прибѣгнулъ въ «Скупомъ рыцарѣ». Письма поэта къ брату и къ В. А. Жуковскому даютъ, по мнѣнію московскаго профессора, «положительныя указанія на то, что молодой

Пушкинъ испытывалъ очень серьезныя непріятности именно отъ безсердечной разсчетливости отца». «Что же касается», замѣчаетъ онъ далѣе, «до наиболѣе трагическаго момента драмы, когда отецъ сознательно клевещетъ на родного сына, обвиняя его передъ начальствомъ въ «зломъ преступленіи», я полагаю, что источникомъ въ данномъ случаѣ біографическій фактъ, а именно та тяжелая сцена между Пушкинымъ, пріѣхавшимъ изъ Одессы, и отцомъ его, вслѣдствіе которой поэтъ самъ просился «въ одну изъ крѣпостей».

На страницахъ той же *Русской Старины* 1899 г. (май) была напечатана замѣтка о «Скупомъ рыцарѣ» Н. Ѳ. Сумцова (эта замѣтка съ нѣкоторыми дополненіями перепечатана въ «Харьковскомъ Университетскомъ Сборникѣ въ память Пушкина» 1900 г.), въ которой авторъ признаетъ «біографическій элементъ» въ драмѣ Пушкина «второстепеннымъ и довольно далекимъ». И въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли возможно допустить, что единственнымъ источникомъ «Скупого рыцаря» были непріятности, которыя пришлось протерпѣть молодому Пушкину, благодаря скупости его отца, и то печальное недоразумѣніе, которое произошло между поэтомъ и Сергѣемъ Львовичемъ въ селѣ Михайловскомъ въ 1823 году. Нельзя не согласиться съ Львомъ Поливановымъ, который въ примѣчаніи къ драмѣ Пушкина, комментируя приведенное нами сужденіе г. Анненкова, замѣчаетъ: «То личное чувство нужды въ деньгахъ, почти ребяческое недовольство, выражавшееся въ его письмахъ, гдѣ онъ упрекалъ своего отца въ недостаточномъ содержаніи, которое получалъ отъ него, не могло бы еще дать матеріала для созданія трагическаго положенія» въ «Скупомъ рыцарѣ». Далѣе въ указанной нами статьѣ профессоръ Сумцовъ высказываетъ мысль о томъ, что въ «Скупомъ рыцарѣ», въ противоположность Гоголевскому Плюшкину, «нѣтъ ничего русскаго, національнаго». «Трудно допустить», говоритъ онъ, «такую отрѣшенность образца отъ національной почвы безъ прямого воздѣйствія иноземнаго источника». Къ сожалѣнію, изслѣдователю не удалось открыть этотъ «иноземный источникъ» драмы Пушкина. Отмѣтивъ сходство «Скупого рыцаря» съ одною сценою въ комедіи Яндрича «Lyubomirovich, ili priatel pravi», изданной Миклоушичемъ въ Загребѣ въ 1821 году, въ которой фигурируетъ скупецъ Фабіанъ, г. Сумцовъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что Пушкинъ непосредственно заимствовалъ сюжетъ для своей драмы у

мало извѣстнаго хорватскаго поэта. Сравненіе піесъ этихъ двухъ славянскихъ писателей навело изслѣдователя на мысль о существованіи для нихъ обоихъ «одного иноземнаго литературнаго источника». Но что это за общій литературный источникъ піесъ Пушкина и Яндрича— на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта въ статьѣ профессора Сумцова.

Все въ томъ же 1899 году въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 126) помѣщена коротенькая статья В. Е. Якушкина подъ заглавіемъ: «Пушкинъ и Ченстонъ», изъ которой мы узнаемъ, что покойный В. П. Гаевскій, судя по одной замѣткѣ, сохранившейся въ его бумагахъ, признавалъ возможнымъ искать Пушкинскаго Ченстона въ англійскомъ писателѣ Шенстонѣ (Shenstone)». «Пушкинъ», по словамъ г. Якушкина, «не всегда правильно передавалъ на русскій языкъ иностранныя собственныя имена. Вотъ почему, не найдя Ченстона, можно искать англійскаго автора съ похожею фамиліею». Самъ г. Якушкинъ не могъ достать въ Москвѣ всѣхъ сочиненій Шенстона, а потому обратился къ «петербургскимъ изслѣдователямъ», интересующимся Пушкинымъ, съ предложеніемъ навести справку о томъ, что не существуетъ ли Шенстонъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и не имѣется ли въ его сочиненіяхъ указанной Пушкинымъ піесы. Мы имѣли случай познакомиться съ находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ двухтомномъ собраніемъ сочиненій Вильяма Шенстона (род. въ 1714 г., ум. въ 1783): «The works in verse and prosa of William Shenstone»—1764 г. и еще съ однимъ томомъ его писемъ (съ 1739 по 1763) изданномъ въ 1769 году. Первый томъ сочиненій Шенстона состоитъ изъ одъ, пѣсенъ, балладъ, юмористическихъ стихотвореній, шутокъ (levities, or pieces of humour) и moral pieces (правоучительныхъ стихотвореній), среди которыхъ мы находимъ и лучшее произведеніе поэта «The Schoolmistress». Эта поэма (впервые напечатанная, въ неполномъ видѣ, въ 1737 г., а въ окончательной формѣ въ 1742 г.), а не піеса или комедія, какъ ошибочно называли ее гг. Анненковъ и Якушкинъ, представляетъ «шуточное подражаніе Спенсеру» («a burlesque imitation of Spenser»). Второй томъ содержитъ: «Essays on men, manners and things» (Опыты о людяхъ, нравахъ и вещахъ), а также стихотворенія, адресованныя Шенстону его друзьями. Такимъ образомъ, въ этомъ собраніи сочиненій Шенстона пресловутой трагедіи «The Caveteous Knight» не оказывается. Нѣтъ никакого указанія на

эту піесу, а также вообще на то, чтобы Шенстонъ писалъ драматическія сочиненія и въ обстоятельной о немъ статьѣ, помѣщенной въ превосходномъ и солиднѣйшемъ изданіи Сиднея Ли (Sidney Lee): «Dictionary of National Biography» (v. LII).

Въ высшей степени интересномъ очеркѣ «О подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ» (*Русская Старина*, 1888, № 1) А. Д. Галаховъ указалъ на близкое сходство монологовъ «Скупого рыцаря» съ монологомъ скупого врача Двининга въ романѣ Вальтеръ-Скотта «Пертская красавица». По замѣчанію изслѣдователя, переводы романовъ знаменитаго англійскаго писателя, въ которыхъ попадаются много лицъ, «зараженныхъ скупостью», стали появляться у насъ на Руси въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Левъ Поливановъ придаетъ большое значеніе указанію А. Д. Галахова для рѣшенія вопроса объ источникѣ драмы Пушкина. Какъ мы уже знаемъ, г. Поливановъ полагалъ, что одно «личное чувство нужды въ деньгахъ», одно «почти ребяческое недовольство» Пушкина на отца за «его равнодушіе» къ безденежному состоянію поэта, «не могло бы еще дать матеріала для созданія трагическаго положенія». «Но», продолжаетъ изслѣдователь свою мысль, «перенесенное силою фантазіи въ среду средневѣковыхъ отношеній, оно послужило къ созданію этого благороднаго сюжета. Перенести дѣйствіе въ эту сферу несомнѣнно помогъ ему Вальтеръ-Скоттъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что монологъ Двининга (съ которымъ читатели могутъ познакомиться въ указанной статьѣ г. Галахова, либо въ его же «Исторіи русской словесности», изд. 3-е (1883 г.), стр. 219, или еще въ 3-мъ томѣ сочиненій Пушкина, изд. Л. Поливанова (1887 г.), въ примѣчаніи къ «Скупому рыцарю») содержитъ въ себѣ нѣсколько мыслей и выраженій, которыя встрѣчаются и въ монологѣ «Скупого рыцаря».

Не претендуя вовсе на окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса объ источникѣ «Скупого рыцаря», мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на піесу англійскаго писателя Мильмана: «Fazio», въ 1-й сценѣ I-го акта которой мы находимъ нѣкоторыя черты сходства съ драмою Пушкина. Не желая преувеличивать значеніе этого указанія, спѣшимъ замѣтить, что, выступающій въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ піесѣ «Фаціо» скупой, Бартоло, играетъ въ ней лишь эпизодическую роль. Онъ появляется всего одинъ разъ, въ 1-й сценѣ

I-го акта и въ той же сценѣ умираетъ. Разговоръ, весьма непродолжительный, который онъ ведетъ съ героемъ піесы—Фаціо, мало имѣетъ общаго съ содержаніемъ «Скупого рыцаря»; большій интересъ представляетъ для насъ другой діалогъ, который происходитъ между Фаціо и его женою Біанкою до появленія самого Бартоло на сценѣ. Эта трагедія Мильмана, думается намъ, была извѣстна Пушкину. Нашъ поэтъ могъ прочесть ее въ однотомномъ Парижскомъ изданіи 1829 года, въ которомъ собраны, кромѣ сочиненій Мильмана, еще произведенія Боульса, Барри Корнваля и Вильсона (The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall). По мнѣнію Анненкова (Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 277) и М. Л. Михайлова (въ предисловіи къ переводу драматической сцены Барри Корнваля «Людовикъ Сфорца»—*Русское Слово*, 1860, № 3), Пушкинъ именно въ этомъ изданіи познакомился съ столь имъ излюбленными драмами Барри Корнваля, а также и съ трагедіею Вильсона «The City of the Plague» (Чумной Городъ), 4-ю сцену I-го акта которой онъ, съ небольшими измѣненіями, касавшимися только пѣсни президента и пѣсни Мэри Грэй, перевелъ подъ заглавіемъ «Пиръ во время чумы»[1]).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самомъ писателѣ и объ его піесѣ вообще. Генрихъ Мильманъ (Henry Hart Milman) родился въ 1791 г., былъ священникомъ, нѣкоторое время читалъ лекціи о поэзіи въ Оксфордскомъ университетѣ и умеръ въ 1868 г. въ Лондонѣ, въ санѣ настоятеля церкви Св. Павла. Мильманъ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ историческихъ и богословскихъ трудовъ (History of Jews—1829, History of Christianity to the Abolition of Paganism—1840 и «The History of Latin Christianity—1854). Но кромѣ этихъ сочиненій Мильману принадлежитъ еще нѣсколько поэтическихъ произведеній, какъ напримѣръ трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ—«Фаціо», большая трагическая поэма «Samor», драматическія поэмы:

---

1) Подстрочный переводъ 4-й сцены I-го акта Вильсоновой трагедіи «Чумной Городъ» и обстоятельный пересказъ содержанія всѣхъ остальныхъ сценъ этой піесы мы находимъ у Льва Поливанова въ 3-мъ томѣ его изданія сочиненій Пушкина 1887 г., въ примѣчаніи къ «Пиру во время чумы». Несмотря на это еще недавно С. Ч....въ («Замѣтки о «драматическихъ сценахъ» Пушкина». Москва. 1898) «настойчиво выражаетъ желаніе увидѣть, наконецъ, прозаическій переводъ указанной выше сцены англійской піесы, для того, «чтобы судить, что изъ дивныхъ подробностей этой чудной піесы принадлежитъ исключительно генію нашего поэта».

«Анна Болейнъ», «Антіохійскій мученикъ» (the Martyr of Antioch), «Belshazzar», «Паденіе Іерусалима» (The Fall of Jerusalem), нѣсколько еще болѣе мелкихъ поэмъ и стихотвореній. Изъ всѣхъ этихъ поэтическихъ произведеній Мильмана насъ интересуетъ одна только его трагедія «Фаціо», его первое литературное дѣтище, напечатанное въ 1815 году. Піеса эта пользовалась въ свое время большимъ успѣхомъ, которому не мало способствовала превосходная игра первыхъ исполнителей главныхъ ролей: Карла Кэмбля (Фаціо) и миссъ О'Нейль (Біанка). Впослѣдствіи въ роли Біанки особенно отличалась Фанни Кэмбль. Знаменитая Ристори перевела «Фаціо» на итальянскій языкъ и въ роли несчастной жены Фаціо производила потрясающее впечатлѣніе на зрителей, какъ въ Лондонѣ, такъ и на континентѣ.

По свидѣтельству самого Мильмана, фабула піесы заимствована изъ «Varieties of Literature» (1795 г.). Въ первомъ томѣ этого литературнаго сборника, въ числѣ другихъ произведеній, находится переводъ новеллы итальянскаго писателя Граццини — «Гримальди», сюжетъ которой и внушилъ Мильману мысль написать «Фаціо» [1]).

Познакомимся вкратцѣ съ содержаніемъ «Фаціо». Герой піесы молодой алхимикъ Джиральди Фаціо проживаетъ съ женою Біанкою во Флоренціи [2]) въ самой скромной обстановкѣ. Однажды поздно вечеромъ, Фаціо, услыхавъ стоны и крики на улицѣ, открываетъ дверь

---

1) Anton Francesco Grazzini, одинъ изъ основателей академій «degli Umidi» и «della Crusca», болѣе извѣстный подъ именемъ «il Lasca», родился во Флоренціи въ 1503, умеръ въ 1583 г. Изъ его сочиненій мы укажемъ на семь комедій: «La Gelosia», «La Spiritata», «La Strega», «La Sibilla», «La Pinzochera», «i Parentadi» и «L'Arzigogolo», на «Trionfi, carri, mascherate o Canti carnavaleschi dal tempo di Lorenzo de Medici à questo anno 1559», на «Novelli», которымъ онъ обязанъ главнымъ образомъ своею извѣстностью. Эти новеллы раздѣляются на три части или «cene» (prima cena, seconda cena, terza cena). Во главѣ 5-й новеллы «Перваго Ужина» помѣщено, въ видѣ заглавія, краткое изложеніе содержанія ея: «Guglielmo Grimaldi une notte, ferito, corre in casa Fazio órafo, e quivi si muore; al quale Fazio maliziosamente ruba una grossa somma di ducati, e sotterratolo segretamente, finge, perché egli era anche alchimista, d'aver fatto ariento, e vasseno con esso in Francia; e fatto sembiante di averlo venduto, in Pisa ricchissimo torna; e poi per gelosia della moglie accusato, perde la vita, e ella dopo ammazza i figliuoli e sè stessa». (Le Cene ed altre Prose di *Anton Francesco Grazzini detto il Lasca*. Riscontrate sui migliori Codici. *Per cura di Pietro Fanfani*. Firenze. Felice Le Monnier. 1857). О Граццини см.: *Magrini*. D. A. F. Grazzini detto il Lasca e delle sue opere in prosa e in rima. Ymola. Galeati. 1879.

2) У Граццини мѣсто дѣйствія новеллы въ Пизѣ.

своего дома и видитъ передъ собою сосѣда, стараго Бартоло[1]), извѣстнаго богача и скрягу. Старикъ разсказываетъ ему, что онъ подвергся нападенію разбойниковъ. Раны, нанесенныя Бартоло, оказались настолько серьезными, что онъ на глазахъ у Фаціо умираетъ. Тогда въ голову молодого алхимика приходитъ мысль воспользоваться исключительно благопріятнымъ случаемъ разбогатѣть. Онъ снимаетъ съ пояса умершаго ключи, которые открываютъ ему доступъ къ сундукамъ скупца и дѣлается такимъ образомъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей во Флоренціи. Эту рѣзкую и внезапную перемѣну, происшедшую въ жизни Фаціо, всѣ объясняютъ себѣ тѣмъ, что онъ разгадалъ тайну созданія золота, открылъ философскій камень. Фаціо дѣлается центромъ вниманія флорентійскаго общества. Даже гордая красавица маркиза Альдабелла обращаетъ на него свои благосклонные взоры, и пылкій, легкомысленный герой піесы не остается хладнокровнымъ къ ея чарамъ. Жена его, Біанка, удостовѣрившись въ его измѣнѣ, въ припадкѣ безумной ревности, рѣшается жестоко отомстить мужу. Она идетъ на засѣданіе совѣта, въ которомъ разрѣшается вопросъ о загадочномъ исчезновеніи старика Бартоло и заявляетъ, что тѣло скупца похоронено въ саду Фаціо и что послѣдній одинъ знаетъ какимъ образомъ погибъ Бартоло. Но каково было ея отчаяніе, когда совѣтъ приговорилъ мужа къ смертной казни за убійство Бартоло. Фаціо отводятъ подъ стражею въ темницу. Біанка бѣжитъ къ друзьямъ мужа, даже къ ненавистной соперницѣ и умоляетъ ихъ заступиться за Фаціо, но всѣ остаются глухи къ ея мольбамъ. Фаціо погибаетъ на плахѣ, а бѣдная Біанка умираетъ отъ разрыва сердца. Передъ смертью ей удается убѣдить герцога въ томъ, что казненный Фаціо не былъ повиненъ въ убійствѣ Бартоло. Маркизу Альдабеллу постигаетъ кара за ея коварное кокетство и безсердечность. Герцогъ ссылаетъ ее въ монастырь, а дѣтей Біанки беретъ на свое попеченіе[2]).

---

1) Въ новеллѣ скряга называется Гримальди.

2) По указанію Alphonse Royer (Histoire Universelle du théatre, t. 5-e — Histoire du théatre contemporain en France et à l'Etranger depuis 1800 jusqu'à 1875. Paris. Ollendorff. 1878. p. 121—122; 144—147) сюжеты двухъ французскихъ драмъ, а именно: *Clotilde* — Сулье (F. Soulié), представленной въ первый разъ въ Théâtre Francais 11-го сентября 1832 г. и *l'Alchimiste* — Александра Дюма, представленной въ первый разъ 10-го апрѣля 1839 г. въ Théâtre de la Renaissance, заимствованы изъ трагедіи Мильмана. Сходство французскихъ піесъ съ англійской не подлежитъ никакому сомнѣнію,

Обратимся теперь къ интересующему насъ эпизоду о скупомъ Бартоло (I, 1), который мы приведемъ здѣсь въ прозаическомъ переводѣ:

Фаціо: Знаешь ли ты, Біанка, нашего сосѣда, стараго Бартоло?

Біанка: О да, да..... это тотъ желтый, жалкій человѣкъ, лицо котораго будто бы окрасилось въ цвѣтъ охраняемаго имъ золота. Каждый знаетъ его достаточно для того, чтобы чувствовать къ нему отвращеніе. Нѣтъ у него ни друга, ни родственника, ни близкаго, ни слуги, ни изможденной жалкой служанки. Ничто никогда не входило въ его ревниво оберегаемыя имъ двери, кромѣ его собственнаго тощаго тѣла, да еще одной бродячей крысы; и та, говорятъ, погибла тамъ съ голода. Что же ты скажешь о немъ?

Фаціо: Однако онъ, Біанка, одинъ изъ богатѣйшихъ у насъ людей. Нѣтъ ни одного корабля на морѣ, который бы не былъ нагруженъ добромъ Бартоло; нѣтъ ни одной пяди земли, ни одной виллы нашихъ гордыхъ принцевъ, которыя бы не были опутаны его закладными; только онъ одинъ наполняетъ наши тюрьмы своими должниками. Я видѣлъ, какъ онъ ползъ домой прошлою ночью; онъ вздрогнулъ, когда отперъ свою дверь, оглянулся вокругъ, какъ будто бы онъ принималъ каждое дуновеніе вѣтра за дерзкаго вора. И когда онъ заперъ за собою дверь, я слышалъ, какъ онъ двадцать разъ вертѣлъ ключемъ, желая удостовѣриться, все ли находится въ безопасности. Случайно я взглянулъ опять изъ нашего высокаго окна и видѣлъ движеніе его скудно мерцающаго фонаря, и тамъ, гдѣ старая, вѣтромъ расшатанная ставня была плохо заткнута остатками денежнаго мѣшка, сквозь паутину и густую пыль я высмотрѣлъ его лицо, похожее на высохшее лицо мертвеца; онъ любовался сквозь боязливо приподнятую крышку огромнаго сундука на монеты, драгоцѣнности, слитки золота, на блескъ которыхъ падали тусклые лучи фонаря; казалось, будто «Новый Свѣтъ» (то-есть, Америка), избѣжавъ испанца, высыпалъ все содержаніе своихъ рудниковъ въ эту убогую лачугу. Его хорьковые

но мы замѣтимъ съ своей стороны, что драма Дюма обличаетъ непосредственное знакомство ея автора съ новеллою Граццини. Скряга, богатствомъ котораго воспользовался Фаціо, названъ во французской драмѣ не «Бартоло», а точно такъ же какъ и у Граццини — «Гримальди». Затѣмъ коварная кокетка, которая увлекаетъ героя піесы именуется въ *l'Alchimiste* «la Maddalena», опять-таки какъ въ итальянской новеллѣ.

глаза сладострастно наслаждались этими драгоцѣнностями, подобно сатиру, любующемуся спящей нимфой. И когда вдругъ ему послышался шумъ, онъ поспѣшно захлопнулъ крышку и задулъ фонарь»[1]).

---

1)

Fazio.

Dost thou know, Bianca,
Our neighbour, old Bartolo?

Bianca.

O yes, yes —
That yellow wretch that looks as he were stain'd
With watching of his own gold; every one knows him,
Enough to loathe him. Not a friend hath he,
Nor kindred, nor familiar; not a slave,
Not a lean serving wench: nothing ever enter'd
But his spare self within his jealous doors,
Except a wand'ring rat; and that, they say,
Was famine-struck, and died there. — What of him?

Fazio.

Yet he, Bianca, he is of our rich ones.
There's not a galliot on the sea, but bears
A venture of Bartolo's; not an acre,
Nay, not a villa of our proudest princes,
But he hath cramp'd it with a mortgage; he
He only stocks our prison's with his debtors.
I saw him creeping home last night; he shudder'd
As he unlock'd his door, and look'd around,
As if he thought that every breath of wind
Were some keen thief; and when he lock'd him in,
I heard the grating key turn twenty times,
To try if all were safe. I look'd again
From our high window by mere chance, and saw
The motion of his scanty moping lantern;
And, where his wind-rent lattice was ill stuff'd
With tatter'd remnants of a money bag
Through cobwebs and thick dust I spied his face,
Like some dry wither-boned anatomy,
Through a huge chest-lid, jealously and scantily
Uplifted, peering upon coin and jewels,
Ingots and wedges, and broad bars of gold,
Upon whose lustre the wan light shone muddily,
As thongh the New World had outrun the spaniard,
And emptied all its mines in that coarse hovel.
His ferret eyes gloated as wanton o'er them,
As a gross Satyr on a sleeping Nymph;
And then, as he heard something like a sound,
He clapped the lid to, and blew out the lantern.

Въ той же 1-й сценѣ I-го дѣйствія появляется и самъ Бартоло. Фаціо слышитъ стоны на улицѣ и открываетъ дверь. «Святой Францискъ», восклицаетъ онъ, «что это былъ тамъ за стонъ?»

Голосъ извнѣ: Тутъ.... о тутъ, сосѣдъ. Смерть, убійство, безжалостный разбой!

Фаціо (открываетъ дверь): Что это? Бартоло?

Бартоло: Благодарю васъ, другъ. Ой, ой мои старые члены; я не думалъ, чтобы они и на половину были такъ крѣпки.... Но ихъ булавки (то-есть, кинжалы) кололи больно.... Ихъ было шестеро.... все сильные, рѣшительные люди — они хотѣли своими кинжалами заставить старика отдать его дукаты.

Фаціо: Кто же это, сосѣдъ, кто?

Бартоло: Разбойники, разбойники, лица которыхъ были закрыты черными масками, кровопійцы, которые высасываютъ нашу кровь, при чемъ, однако, ихъ тощія тѣла становятся еще болѣе худыми. Они знали, что я получилъ деньги отъ герцога, но я перехитрилъ ихъ, сосѣдъ; ни одинъ дукатъ, ни мѣдный грошъ, при пріобрѣтеніи которыхъ они могли бы перекреститься, не попалъ къ нимъ отъ стараго Бартоло. Увы, я истекаю кровью! И мое старое сердце бьется какъ часы.

Фаціо: Пошлемъ за врачемъ, мой другъ!

Бартоло: Что?.... за однимъ изъ вашихъ добрыхъ мясниковъ, которые для собственнаго развлеченія рѣжутъ и рубятъ наше мясо, а потомъ, Богъ съ ними, они хотятъ еще денегъ... Золото, золото или ничего! Серебро для нихъ слишкомъ низменно, звонъ его имъ непріятенъ. Неужели же я избѣжалъ грабежа только для того, чтобы давать деньги. О вотъ здѣсь, здѣсь, здѣсь.... холодно, холодно, холодно, какъ въ декабрѣ.

Фаціо: Въ такомъ случаѣ позовемъ священника.

Бартоло: Священника? Одного изъ вашихъ гладкихъ, черныхъ болтуновъ, которые надоѣдливо постоянно повторяютъ имя Божіе, какъ скучный припѣвъ меланхолической баллады; которые напѣваютъ вамъ о вашемъ завѣщаніи и о щедрыхъ пожертвованіяхъ въ пользу Францисканцевъ или какой-нибудь больницы. О тутъ стрѣляетъ.... здѣсь сочится кровь.... О мои дукаты и слитки золота, только что прибывшіе изъ палящей Индіи! О, я забылъ запечатать тѣ драгоцѣнности, которыя я получилъ отъ Миланскаго герцога! О горе, горе! Какъ

разъ сегодня, этотъ безумный расточитель Анжело не подписалъ еще закладной на луга близъ Арно. Горе! Горе! Все же я ловко спасся отъ нихъ и унесъ съ собою свои дукаты...» (умираетъ)[1]).

---

1) Fazio (a groan without)

Holy St. Francis! What a groan was there!

Voice without.

Within there! Oh! within there, neighbour! — Death,
Murder, and merciless robbery!

Fazio (opens the door)

What! Bartolo!

Bartolo.

Thank ye, my friend! Ha! ha! ha! my old limbs!
I did not think them half so tough and sinewy.
St. Dominic! but their pins prick'd close and keen.
Six of'em, strong and sturdy, with their daggers,
Tickling the old man to let loose his ducats.

Fazio.

Who, neighbour, who?

Bartolo.

Robbers, black crape-faced robbers,
Your only blood-suckers, that drain your veins,
And yet their meagre bodies aye grow sparer.
They knew that I had moneys from the Duke,
But I o'erreach'd them, neighbour; not a ducat,
Nay, not a doit, to cross themselves withal,
Got they from old Bartolo. — Oh! I bleed!
And my old heart lecats minutes like a clock.

Fazio.

A surgeon, friend!

Bartolo.

Ay, one of your kind butchers,
Who cut and slash your flesh for their own pastime,
And then, God bless the mark! They must have money
Gold, gold, or nothing! Silver is grown coarse,
And rings unhandsomely; Have I' scaped robbing
Only to give? .... Oh there! there! there! Cold, cold
Cold as December.

Fazio.

Nay, then, a confessor!

Первый изъ приведенныхъ нами отрывковъ піесы Мильмана представляетъ, на нашъ взглядъ, несомнѣнное сходство съ «сценою въ подвалѣ» въ драмѣ Пушкина. И въ самомъ дѣлѣ, Бартоло, открывающій свой сундукъ и при свѣтѣ зажженнаго имъ фонаря, сладострастно пожирающій глазами накопленные имъ золотые дукаты и драгоцѣнности, невольно напоминаетъ намъ стараго барона, который зажигаетъ передъ каждымъ изъ открытыхъ имъ сундуковъ по свѣчѣ и испытываетъ сладострастное ощущеніе при созерцаніи «блещущихъ грудъ» золота. Пушкинъ, какъ мы уже замѣтили выше, имѣлъ случай познакомиться съ трагедіей «Фаціо» и чтеніе послѣдней, думается намъ, не прошло совсѣмъ безслѣдно для автора «Скупого рыцаря». Довольно ярко очерченный образъ скупого Бартоло, сцена въ убогой лачугѣ скряги, случайнымъ свидѣтелемъ которой былъ Фаціо и которую онъ живыми красками изобразилъ въ разсказѣ своей женѣ Біанкѣ, могли привлечь вниманіе нашего поэта и дать толчекъ его могучей творческой фантазіи, создавшей въ «Скупомъ рыцарѣ», по словамъ Бѣлинскаго, «огромное, великое произведеніе, вполнѣ достойное генія самого Шекспира» [1]).

Bartolo.

A confessor! One of your black-smooth talkers,
That drone the name of God incessantly,
Like the drear burthen of a doleful ballad!
That sing to one of bounteuus codicils
To the Franciscans or some hospital!
Oh! there! a shooting! — Oozing here! — Ah me!
My ducats and my ingots scarcely cold
From the hot Indies! — Oh, and I forgot
To seal those jewels from the Milan Duke!
Oh! misery, misery! — Just this very day,
And that mad spendthrift Angelo hath not sign'd
The mortgage on those meadows, by the Arno,
Oh! misery, misery! — Yet I' scaped them bravely
And brought my ducats off! . . . . (Dies).

1) Укажемъ еще на одинъ монологъ Жеронта въ комедіи Детуша «Le Dissipateur ou l'Honnête Friponne» (напечатана въ 1736 г.; представлена въ 1753 г.). Основная идея этого монолога та же, что и монологовъ врача Двиннинга (въ романѣ Вальтера Скотта «Пертская Красавица») и скупого рыцаря. Это хвалебный гимнъ скупости, восхваленіе денегъ, дающихъ людямъ власть на землѣ. Подобно герою Пушкинской драмы, скряга Жеронтъ, выведенный Детушемъ для оттѣненія главнаго лица въ его піесѣ, зараженнаго страстью діаметрально противоположной скупости, довольствуется

однимъ сознаніемъ въ томъ, что онъ имѣетъ возможность исполнить всякое свое желаніе:

Plus on aime l'argent, et moins on a de vices
Le soin d'en amasser occupe tout le coeur;
Et quiconque s'y livre, y trouve le bonheur.
Un ami, qu'on implore, ou refuse ou chancelle.
L'argent est un ami toujours prompt et fidèle.
Le plaisir d'entasser vaut seul tous les plaisirs.
Dès qu'on sait que l'on peut remplir tous ses desirs,
Qu'on en a les moyens, notre âme est satisfaite.
De tout ce que je vois je puis faire l'emplette,
Et cela me suffit. J'admire un beau château;
Il ne tiendroit qu'à moi d'en avoir un plus beau,
Me dis je. J'apperçois une femme charmante;
Je l'aurai si je veux, et cela me contente.
Enfin, ce que le monde a de plus spécieux,
Mon coffre le renferme, et je l'ai sous mes yeux,
Sous ma main; et par là, l'avarice qu'on blâme,
Est le plaisir des sens, et le charme de l'âme
(Acte III, scène 5).

А. Чебышевъ.

Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ.

Русланъ и Людмила.

Въ текстѣ «Руслана и Людмилы» Пушкинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ характеризуетъ свою поэму. Если мы перечитаемъ ее въ первомъ изданіи съ цѣлью отмѣтить эти мѣста, наше вниманіе остановится на слѣдующихъ стихахъ:

Примите жъ вы *мой трудъ игривый* [1])!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На *пѣсни чрѣиныя мои.*

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 202, Предисловіе].

Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что *въ повѣсти моей забавной*
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу,
И лиру Музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

[Тамъ же, стр. 242].

---

1) Мы дѣлаемъ ссылки на «Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей П. О. Морозова. С.-Пб. 1887», но всѣ цитаты провѣрены по 1-му [1820 года] изданію «Руслана и Людмилы», исключая Прологъ, котораго не было въ 1-мъ изданіи и который провѣренъ по второму изданію поэмы.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На миръ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая *мой легкій вздоръ,*
Съ улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ и снова
Бренчу про витязя младова.

[Тамъ же, стр. 264—265].

Итакъ Пушкину первоначально казалось, что преобладающій тонъ въ поэмѣ — игривый, и сознательно Пушкинъ въ то время, когда писалъ поэму, иронизировалъ надъ сказочнымъ элементомъ, который легъ въ ея основу. А въ 1828 году, выпуская въ свѣтъ второе изданіе поэмы, Пушкинъ предпосылаетъ ей Прологъ: «У лукоморья дубъ зеленый»[1]) — своего рода прологъ ко всякой будущей художественной обработкѣ русскаго сказочнаго матеріала.

---

1) П. О. Морозовъ въ примѣчаніи къ этому Прологу [Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 203] указываетъ, что тема Пролога взята Пушкинымъ изъ разсказанной ему Ариной Родіоновной и записанной имъ сказки, которая легла въ основу «Сказки о царѣ Салтанѣ». Дѣйствительно, первые шесть стиховъ Пролога находятся въ несомнѣнной связи съ слѣдующими словами сказки: «У моря, у моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ». Но остальные стихи Пролога, какъ

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *такого* Пролога Пушкинъ не предпослалъ бы поэмѣ, если бы она по прежнему характеризовалась въ его сознаніи тѣми же чертами, какими характеризовалъ онъ ее въ приведенныхъ выше стихахъ. Очевидно, теперь, когда Пушкинъ создалъ уже нѣсколько произведеній, написанныхъ сознательно въ томъ настроеніи, какое ему непосредственно давала народная поэзія, для него въ «Русланѣ и Людмилѣ» получили значеніе именно тѣ мѣста, въ которыхъ сказочный міръ нарисованъ съ такимъ серьезнымъ отношеніемъ къ нему, и которыя, дѣйствительно, даютъ преобладающій тонъ поэмѣ [1]).

намъ кажется, имѣютъ прототипомъ слѣдующія слова Вступленія къ «Бахаріянѣ» Хераскова:

Вдругъ явилась мнѣ волшебница,
Покровенна съ головы до ногъ:
Весь ея покровъ исписанъ былъ
Разными, какъ атласъ, красками;
Замки есть на немъ воздушные;
Видимы кони крылатые,
Люди въ камень обращенные;
Во деревья заключенные;
Видны старыя волшебницы,
Превращенныя сороками;
Тамо латы очарованны
Къ тѣлу ранъ не допускающи;
Видны кольцы невидимки тамъ;
Тамъ колдовки престарѣлыя
Представляются въ пятнадцать лѣтъ
И находятъ воздыхателей.

[Бахаріяна, или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ. М. 1803, стр. 8—9].

Отмѣтимъ здѣсь кстати, что указаніе на возможность сопоставлять «Руслана и Людмилу» съ «Бахаріяной» первый, сколько мы знаемъ, сдѣлалъ Н. В. Сушковъ [Раутъ. Книга III. Историческій и литературный сборникъ. Изданіе Н. В. Сушкова, М. 1854. Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями (Изъ записокъ Н. В. Сушкова), стр. 331]: «Какъ-то (по выходѣ своемъ изъ Лицея), Пушкинъ замѣтилъ у меня на полкѣ толстую книгу — развернулъ — «Бахаріана» Хераскова. — Возьми себѣ этотъ сборъ сказокъ: пригодится для Руслана и Людмилы. — Кажется, мой подарокъ отчасти ему и пригодился». [Далѣе Сушковъ продолжаетъ: «Пригодился и «Ричардетъ» — поэма въ родѣ Роландовъ, изъ которой онъ включилъ кой-что въ свою сказку. Только его переводы отрывковъ, иногда и цѣлыхъ строфъ изъ Ричардета, несравненно выше подлинника». Но слѣдовъ вліянія «Ричардета» (мы имѣли въ рукахъ «Richardet, poème» въ изданіи, вышедшемъ въ 1776 году въ Liége) на «Русланѣ и Людмилѣ» мы не замѣтили].

1) Срвн. *Н. И. Черняевъ*. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900, стр. 620.

Въ «Русланѣ и Людмилѣ» наблюдается, такимъ образомъ, двойственность настроенія, двойственность отношенія поэта — засвидѣтельствованная самимъ поэтомъ — къ сказочному матеріалу, который лежитъ въ основѣ поэмы. Объясненіе этой двойственности, конечно, въ той непосредственности, съ которой воспринимались Пушкинымъ въ юношескіе годы разнородныя литературныя впечатлѣнія, и въ томъ, что въ эту пору лишь намѣчалось то направленіе, въ которомъ впослѣдствіи развивалось міросозерцаніе поэта.

Критика и исторія литературы много уже сдѣлали для выясненія вопроса о томъ, подъ какими вліяніями написана поэма «Русланъ и Людмила», но Пушкинъ уже въ юношескіе годы обладалъ такимъ громаднымъ запасомъ литературныхъ впечатлѣній, и введенный имъ въ поэму матеріалъ представляетъ такую пеструю амальгаму, что наблюденія надъ составомъ этого матеріала никакъ нельзя еще считать законченными.

Наиболѣе обстоятельно и детально указана зависимость поэмы отъ матеріала, который до извѣстной степени опредѣлилъ форму поэмы и ея легкій, игривый, мѣстами нескромный, тонъ[1]), хотя данныя, добытыя наблюденіями, сдѣланными въ этомъ направленіи, могутъ быть, какъ кажется намъ, нѣсколько дополнены, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть исправлены[2]).

---

1) См. *Л. Поливановъ*. Русланъ и Людмила [статья, предпосланная поэмѣ, въ изданіи: «Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. М. 1893», томъ II, стр. 1—21]. — *П. В. Владимировъ*. Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина [*Университетскія Извѣстія* (*Кіевскія*) 1895 г., № 6, и отдѣльные оттиски], и *его же* — «Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ» [Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго Университета св. Владиміра. Кіевъ. 1899]. — *А. И. Кирпичниковъ*. Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ [*Русская Старина* 1899 г., № 2, стр. 439—440]. — *Н. И. Черняевъ*. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900, статья о «Русланѣ и Людмилѣ».

2) Нѣсколько дополненій мы позволимъ себѣ привести здѣсь.

Проф. А. И. Кирпичниковъ [см. «Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ»] и затѣмъ Н. И. Черняевъ [см. «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», стр. 610—612] указали въ «Русланѣ и Людмилѣ» нѣсколько мѣстъ, навѣянныхъ «Орлеанской Дѣвственницей» Вольтера, но не отмѣтили, что несомнѣнныя реминисценціи изъ «La Pucelle» есть въ характеристикѣ Людмилы:

Ахъ, какъ мила моя княжна!	Jeanne montra sous féminin visage,
Мнѣ нравъ ея всего дороже:	Sous le corset et sous le cotillon,

Менѣе выясненъ вопросъ, почему Пушкинъ не выдержалъ въ

Она чувствительна, скромна...
. . . . . .
. . . . . .
Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала въ даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ,
А та — *подъ юпкою гусаръ*,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ:
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.

[Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 251].

D'un vrai Roland le vigoureux courage.
J'aimerais mieux, *le soir*, *pour mon usage*,
Une beauté douce comme un mouton;
Mais Jeanne d'Arc eut un coeur de lion.

[Voltaire. La Pucelle d'Orléans, ch. I, v.v. 9—15].

Ciel! Que je hais ces créatures fières,
Soldats en jupe, hommasses chevalières,
Du sexe mâle affectant la valeur,
Sans posséder les agréments du nôtre,
A tous les deux prétendant faire honneur,
Et qui ne sont ni de l'un, ni de l'autre!

[Ibidem, ch. III, v.v. 269—274].

Любопытно, что два приведенныхъ мѣста изъ разныхъ частей «La Pucelle» слиты Пушкинымъ и въ „Началѣ I-й пѣсни «Дѣвственницы»“:

Она была подъ юбкою герой.
Я признаюсь, вечернею порой
Милѣе мнѣ смиренная дѣвица,
Послушная, какъ агнецъ полевой;
Іоанна же была душою львица.

[Сочиненія А. С. Пушкина, т. I, стр. 371].

Въ числѣ произведеній, вліяніе которыхъ сказывается на «Русланѣ и Людмилѣ», не разъ назывался «Оберонъ» Виланда. Н. И. Черняевъ [Критическія статьи, стр. 612] попытался въ подробностяхъ сопоставить эти двѣ поэмы и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Оказалъ ли на «Руслана и Людмилу» вліяніе «Оберонъ» Виланда, весьма популярный въ свое время и написанный въ подражаніе Аріосто? Вѣрность Руслана Людмилѣ и преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли напоминаетъ вѣрность Гіона вавилонской принцессѣ Амандѣ. Вотъ все, что можно сказать по этому поводу. Можно было бы сдѣлать и еще кое-какія сближенія, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ черты дальнѣйшаго сходства могутъ быть объяснены стилемъ «Оберона» съ одной стороны, «Руслана и Людмилы» съ другой. Общими чертами этого стиля легко объясняется параллельность нѣкоторыхъ мѣстъ обѣихъ поэмъ, доброжелательное вмѣшательство въ дѣла ихъ героевъ и героинь Оберона и Финна и т. д.“.

Мы лично не рѣшаемся говорить о вліяніи «Оберона» на «Руслана и Людмилу» въ виду того, что поэму Пушкина приходится сопоставлять *съ цѣлымъ рядомъ* шутливыхъ обработокъ сказочнаго и легендарнаго матеріала, но намъ кажется, что «Оберона» нельзя обойти, если задаваться вопросомъ, откуда Пушкинъ почерпалъ мате-

«Русланѣ и Людмилѣ» такого тона, и на этомъ вопросѣ мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться.

ріалъ для «Руслана и Людмилы». Намъ представляется вѣроятной связь между тѣмъ эпизодомъ поэмы Пушкина, въ которомъ разсказывается о похищеніи Людмилы съ брачнаго ложа, и двумя слѣдующими мѣстами «Оберона» [цитируемъ по русскому переводу: «Оберонъ, царь волшебниковъ, поэма Господина Виланда. Въ 14 пѣсняхъ. Съ нѣмецкихъ стиховъ прозой перевелъ Сочинитель Русскихъ Сказокъ. М. 1787]:

Князь горы Ливанской разсказываетъ Гіону: «Не подалеку отсюда».... «обитаетъ въ крѣпкомъ замкѣ исполинъ Ангулаферъ, злѣйшій врагъ Христіянскаго имени, настоящій мучитель прекраснаго пола, и что всего хуже, безопасный отъ ударовъ меча и копья силою кольца, кое похитилъ онъ у малорослаго волшебника, въ замкѣ, или звѣринцѣ котораго, вы безъ сомнѣнія были. Чтожъ надлежитъ до меня, я Князь горы Ливанской. Я заслуживалъ благосклонность у красоты всѣхъ красотъ цѣлые три года безъ всякой награды любви моей, и напослѣдокъ согласилась она увѣнчать мою постоянную вѣрность. Однако въ ночь моего брака, когда я уже, какъ супругъ, готовился развязать ея поясъ, пришелъ сей хищный волкъ, вырвалъ изъ объятій моихъ сію невинную агницу и унесъ. Уже протекли шесть мѣсяцевъ, въ которые я употребилъ все возможное къ ея избавленію» (стр. 46—47).

Нѣсколько ниже Ангела разсказываетъ Гіону объ этомъ же: «Насъ обвѣнчали, и.... Мы остались уже одни въ нашей опочивальнѣ. Но вдругъ дверь съ великимъ стукомъ была выбита съ крючьевъ, исполинъ вскочилъ, схватилъ меня, и унесши, содержитъ седьмой мѣсяцъ заточенную въ сей башнѣ. Можно ли было мнѣ согласиться на его любовныя предложенія, вы сами увидите, взглянувъ на него» (стр. 58).

Проф. П. В. Владимировъ въ своей цѣнной статьѣ [«А. С. Пушкинъ и его предшественники», стр. 10—11] указалъ въ «Бахаріянѣ» нѣкоторыя черты, имѣющія отраженія въ «Русланѣ и Людмилѣ», но имъ не отмѣчено, что есть, повидимому, связь между Прологомъ къ «Руслану и Людмилѣ» и Вступленіемъ къ «Бахаріянѣ» Хераскова [см. выше, стр. 505], и что могутъ быть сопоставлены еще нѣсколько мѣстъ обѣихъ поэмъ. Приведемъ наиболѣе характерныя совпаденія:

Дивится плѣнная Княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,

И Фелана размышляетъ,
Тихо говоря съ собой...
. . . . . .
. . . . . .
«Ахъ! но живъ ли мой любезный?»
. . . . . .
. . . . . .
«Нѣтъ его! — на что уборы,
Мнѣ на что, на что краса?
Я сама на что на свѣтѣ?
Безъ него мнѣ жизнь на что?
Будто перлы покатились
Слезы изъ ея очей,
Грудь лилейну оросили
И смягчили въ сердцѣ грусть;
Нѣчто въ тайнѣ ей сказало:
Успокойся! — другъ твой живъ! —
Живъ! тебя онъ страстно любитъ,
Будетъ нѣкогда твоимъ.

Еще первымъ критикамъ[1]) «Руслана и Людмилы» поэма напомнила,

---

Умру среди твоихъ садовъ!» —
Подумала — и стала кушать.
[Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 227].

Успокоилась Фелана,
Слезъ потоки отеревъ;
Пожелала сладкой пищи,
Столбъ растворится и дастъ.
[Бахаріяна, стр. 39—40].

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужь много.
. . . . . .
. . . . . .
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.
[Тамъ же, стр. 242].

Также милыя волшебницы
Наши гордыя красавицы,
Взоромъ, рѣчью, гордой поступью
Заставляютъ изъ насмѣшки насъ,
Плакать, мучиться, съ ума сходить,
Стервениться, грыться, рѣзаться,
Самыхъ мудрецовъ дурачиться;
Вотъ развязка волхвованія,
Въ мірѣ все хаосъ и колдовство.
[Тамъ же, стр. 19].

Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый Ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ Хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой!
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.
[Тамъ же, стр. 245].

Лукавы Нимфы дорожили
Его цвѣтущей красотой,
Уставшаго отъ пляски той,
Подъ дикимъ пальмомъ положили;
И прочь геройскій духъ летитъ;
Уходитъ миловидный стыдъ:
Иная бѣлыми руками
Вѣнецъ ему изъ розъ плететъ,
Иная вины подаетъ,
Убравъ сосудъ кругомъ цвѣтами;
Въ объятіяхъ онъ держитъ ихъ,
Лежитъ въ объятіяхъ у нихъ,
Отъ нихъ лобзанья получаетъ
И самъ лобзанья возвращаетъ;
Какъ ледъ весною таетъ онъ,
И сталъ не витязь — Целадонъ;
Изчезъ герой; — какая жалость!
[Тамъ же, стр. 120—121].

1) См. *Вѣстникъ Европы* 1820 г., № 11 и *Невскій Зритель* 1820 г., № 7.

между прочимъ, сказку о Ерусланѣ Лазаревичѣ. Л. Поливановъ [1]) опредѣленно уже указалъ, что «цѣлый эпизодъ съ Головой есть распространенная передѣлка подобной же сцены въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ», и привелъ въ своей замѣткѣ то мѣсто сказки, которое было переработано Пушкинымъ. И дѣйствительно, сопоставлять «Руслана и Людмилу» и «Еруслана Лазаревича» несомнѣнно есть основанія, но къ указанію Поливанова должна быть сдѣлана поправка: Пушкинъ зналъ сказку о Ерусланѣ не въ той редакціи, на которую указываетъ Поливановъ. Поливановъ ссылается на текстъ, напечатанный по рукописи Ундольскаго XVII вѣка въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» Тихонравова [2]); Пушкину же, по всей вѣроятности, сказка была извѣстна въ редакціи печатныхъ изданій конца XVIII — начала XIX в. [3]) или близкой къ ней. Въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ разсказывается о встрѣчѣ Руслана съ Головой, мы, между прочимъ, читаемъ:

И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
. . . . . .
. . . . . .
И вдругъ она, что было мочи,

1) Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики, М. 1893, т. II, стр. 11.

2) Кн. IV, стр. 100—128.

3) О различныхъ изданіяхъ сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ см. Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки, кн. I, стр. 40—76 и кн. IV, стр. 135—142.

На встрѣчу Князю *стала дуть;*
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «Ай, витязь! Ай, герой!
Куда ты? тише! тише! стой!
О витязь! шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня».
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.

[Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стр. 237—238].

Въ той редакціи сказки, которую имѣетъ въ виду Поливановъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы быть сопоставлены съ приведенными стихами; въ печатныхъ же изданіяхъ сказки мы находимъ слѣдующія строки [цитируемъ по изданію: «Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. С.-Пб. 1815»]:

«И такъ Еруслан Ерусланович принявъ отъ отца своего и матери благословеніе, поѣхалъ въ путь свой и объѣздя всѣхъ, черезъ пять лѣтъ возвращается ко отцу своему, и встрѣтивши его на дорогѣ малъ человѣкъ, пути недаетъ. Онъ же вопросивъ его, что ты малъ человѣкъ на дорогѣ стоишъ, пути мнѣ недаешъ, и хощетъ его раздавить; а малъ старъ человѣкъ, узнавъ во умѣ своемъ что раздавить его хощетъ, сказалъ ему: бѣдной богатырь, ты меня хочешъ убить старова человѣка: малаго нѣкого убить, и съ меня старова нѣчего

снять. Еруслану то слово не полюбилось, и взялъ мечь кладенецъ и хощетъ старова до смерти убить, и кинулся къ нему скоро, а старой приклонился и *дунулъ единымъ духомъ на Еруслана такъ, что онъ неусидѣлъ на своемъ конѣ и палъ на сыру землю,* что овсяной снопъ; и старой подхватилъ его на руку сказалъ: бѣдной богатырь, смерти ли хощешъ, или живота. Еруслань весьма испужался и отъ страха старому не смѣетъ ничего молвить. Старой же положилъ ево на сыру землю, а самъ возговорилъ таково слово: не можетъ мнѣ никто противиться, ни Царь, ни богатырь и никакой человѣкъ» (стр. 78—79). Да и тотъ эпизодъ сказки, на который указываетъ Поливановъ, гораздо ближе къ соотвѣтствующему мѣсту «Руслана и Людмилы» въ старыхъ печатныхъ изданіяхъ «Еруслана Лазаревича» [равно какъ и въ текстѣ, изданномъ во II выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы], чѣмъ въ текстѣ, напечатанномъ въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова[1]).

---

[1]) ....«Еруслань же ѣхалъ полгода, и недоѣхавъ до Щетина града поприщъ за пять, наѣхалъ на рать силу битую, и въ той рати лежала *богатырская голова, какъ великой буторъ.* Еруслань объѣхалъ рать силу побитую кругомъ, крикнулъ громкимъ голосомъ: есть ли въ сей ратѣ живъ человѣкъ? И провѣщаетъ ему богатырская голова: Еруслань Лазаревичь, ково ты спрашиваешъ и кто тебѣ надобенъ? Еруслань удивился! Возговорила же къ нему паки богатырская голова: не чудися, и скажи, далечель ты ѣдешъ, и куда твой путь лежитъ, и какая тебѣ нужда здѣсь? И говоритъ ему Еруслань: а ты кто таковъ, и какъ тебя по имени зовутъ, и изъ какова Царства житель, и котораго отца и матери сынъ? Отвѣчаетъ ему богатырская голова: я богатырь былъ изъ Задонскаго Царства, отца есмь сынъ Царя Прохоза, а меня зовутъ Расланѣемъ. И говоритъ ему Еруслань Лазаревичь: чья эта рать сила лежитъ побитая? И отвѣчаетъ ему Расланѣй богатырь: сія рать побита мною, а она вольнаго Царя, огненнаго щита, пламеннаго копія, приходилъ я подъ его Царство еще году нѣтъ, а брань у меня съ Царемъ была за то, что онъ завладѣлъ городомъ отца моего Царя Прохоза: а ты, Еруслань Лазаревичь, далечель ѣдешъ? И говоритъ Еруслань Лазаревичь: я ѣду въ Щетинъ градъ къ вольному Царю, огненному щиту, пламенному копію; хощу его предъ собою мертва видѣть. Отвѣчала ему богатырская голова: невидать тебѣ его предъ собою мертва; развѣ хощешъ умереть. Я былъ богатырь силенъ; многія меня боялися Цари и богатыри восточные и западные, не

Вдали чернѣетъ *холмъ огромной,*
И что-то страшное храпитъ.
. . . . . .
. . . . . .
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый Князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ *живая голова.*
[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 236].

И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата

Можетъ быть, не безъ вліянія на описаніе свадьбы Руслана осталось и слѣдующее мѣсто сказки о Ерусланѣ:

«Царь Вохромѣй повелѣлъ готовиться къ вѣнчанью немедлѣнно, и почели съ Ерусланомъ пить, ѣсть и веселиться. Когда же Ерусланъ легъ спать, то не могъ заснуть въ всю ночь, понеже юность его и сердце весьма разгорѣлось отъ красоты прекрасной Ца-

---

токмо меня, но и взору моего; я былъ отъ рожденія матери моей величиною въ полсажени; а толщиною въ объемъ человѣку, а какъ я достигъ до десяти лѣтъ, то у меня въ чистомъ поле никакой звѣрь не прорыскивалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, ни доброй конь не уѣзживалъ, и никакой человѣкъ мимо не прохаживалъ, ни птица не пролетывала, и противъ меня ни кто стоять не могъ; а нынѣ мнѣ минуло десять лѣтъ, и ты самъ видишъ мой возрастъ и тѣло мое и голову: въ длину тѣло мое десять саженъ, промежъ плечь двѣ сажени, да между очей моихъ калена стрѣла вмѣщается, а голова моя, какъ пивной котелъ, руки у меня по три сажени, да и тутъ я не могъ съ нимъ биться и противъ его стоять; Царь силенъ и при немъ войска много; мечь его не сѣчетъ, ни сабля его не беретъ, на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ; да у меня и такой мечь, которой можетъ его взять, но на меня грѣхъ такой пришелъ, и онъ меня скорѣе убилъ; только я тебѣ добра хочу и разуму поучу: пріѣдешъ ты, Ерусланъ Лазаревичь, ко граду Щетину, и увидитъ тебя Царь огненной щитъ, пламенное копіе, и учнетъ онъ тебя недопускаючи до себя жечь и палить огнемъ, и когда пріѣдешъ ты къ нему, учнетъ онъ спрашивать о пріѣздѣ, и ты ему говори, что хочешъ ему служить, и онъ тебѣ велитъ ѣхать за собою, и ты за нимъ поѣзжай во градъ и послужи ему вѣрою и правдою, и жди такой поры, какъ поѣдетъ Царь на потѣху въ чистое поле гулять, а ты съ нимъ же поѣзжай и ему о мнѣ воспомяни, и онъ будетъ кручиненъ, и ты тогда ему скажи: что ты ему тотъ мечь добудешъ, а онъ тебѣ вѣры непойметъ, и ты ему Бога порукою дай, и какъ пріѣдешъ ко мнѣ, то *я для тебя съ меча сдвинуся, и оной тебѣ отдамъ*. Тутъ Ерусланъ Лазаревичь поклонился богатырской головѣ и сѣлъ на своего коня, и поѣхалъ ко граду Щетину.

Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
. . . . . .
. . . . . .
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть.
[Тамъ же, стр. 239].

И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечь богатырскій засверкалъ.
[Тамъ же, стр. 238—239].

[Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы или вторая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. С.-Пб. 1815, стр. 47—49].

ревны[1]); по утру же повелѣлъ Царь пиръ сотворить... По вѣнчаніи же пошли къ Царскимъ палатамъ... И Еруслан Лазаревичь съ прекрасною Анастасіею и вси Князи и бояра начали пить, ѣсть и веселитися, а послѣ того Еруслан съ прекрасною Анастасіею встали изъ за стола и пошли въ брачной покой, и всѣ бывшіе тогда тамъ, провожали ихъ съ великою честію, и поклонясь до земли возвратились къ Царю Вохрамѣю на бесѣду»[2]).

Этими отношеніями поэмы къ одной опредѣленной сказкѣ не ограничивается связь «Руслана и Людмилы» съ русской народной поэзіей, и въ литературѣ сдѣланы указанія на то, что цѣлый рядъ отдѣльныхъ данныхъ поэмы навѣянъ русскими сказками и былинами[3]). Можетъ быть, не всѣ эти указанія убѣдительны; несомнѣнно, что нѣкоторыя черты въ поэмѣ появились подъ вліяніемъ сказокъ, съ которыми Пушкинъ познакомился уже по *печатнымъ изданіямъ*, но все же мы въ правѣ, конечно, предполагать, что въ «Русланѣ и Людмилѣ» мы, между прочимъ, встрѣчаемся съ отзвуками того настроенія, о которомъ поэтъ въ 1816 году вспоминалъ въ отрывкѣ «Сонъ»[4]):

...дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня

---

1) Срвн. въ «Русланѣ и Людмилѣ»:

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Руслан влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 204].

2) «Лѣкарство отъ задумчивости», стр. 67—69.

3) См. *А. И. Незеленовъ*. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 54—56. — *П. В. Владимировъ*. А. С. Пушкинъ и его предшественники, стр. 14—17. — *А. И. Кирпичниковъ*. Очерки по исторіи новой русской литературы, стр. 136—137. — *Н. И. Черняевъ*. Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, стр. 614—622.

4) См. А. С. Пушкинъ. Изслѣдованіе проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1900, стр. 107—118, и *Н. И. Черняевъ*, l. c., стр. 618—619.

И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ I, стр. 136].

Но введенный Пушкинымъ въ поэму русскій сказочный матеріалъ, который могъ иногда самъ по себѣ увлечь поэта, и безсознательно воскресавшіе въ душѣ поэта отзвуки настроенія, пережитаго въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ сказокъ няни, не были единственнымъ противовѣсомъ вліянію того ироническаго отношенія къ сказочному и легендарному матеріалу, которое наблюдается въ поэмахъ въ родѣ «Неистоваго Роланда» и «Орлеанской дѣвственницы»; намъ кажется, что на «Русланѣ и Людмилѣ» несомнѣнно сказалось и вліяніе «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» Жуковскаго.

Зависимость «Руслана и Людмилы» отъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» была подмѣчена покойнымъ А. И. Незеленовымъ[1]). Противъ

1) См. *А. Незеленовъ*. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 48—49:
«....вотъ что говоритъ Пушкинъ о томъ, какъ на него дѣйствовала поэма Жуковскаго:

его доводовъ рѣшительно высказался П. В. Владимировъ, но въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ ученымъ[1]). Если

И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали
И пробужденье зрѣли ихъ —
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали.

«Здѣсь не иронія: въ этихъ стихахъ слышится скорѣе любовь и уваженіе Пушкина къ Жуковскому и его поэмѣ. Не пародію написалъ Пушкинъ, а все его произведеніе есть, вѣрнѣе, передѣлка «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», такъ сказать, реализація поэмы Жуковскаго, съ одной стороны — легкомысленная, съ другой — не лишенная поэзіи. Если сравнить содержаніе обѣихъ поэмъ, то окажется, что онѣ почти тождественны. И въ той и въ другой разсказывается о похищеніи кіевской княжны; и у Пушкина, и у Жуковскаго являются двѣнадцать прекрасныхъ дѣвъ. Только Вадимъ Жуковскаго раздѣлился у Пушкина на двѣ личности — на Руслана и Ратмира: Русланъ отправляется на поиски за кіевской княжной, а Ратмиръ увлекается двѣнадцатью дѣвами. Великанъ Жуковскаго, похитившій кіевскую княжну, тоже раздвоился у Пушкина: на карла — Черномора и его брата — Голову; Русланъ борется и съ тѣмъ и съ другимъ. Св. Угодникъ Жуковскаго превратился у Пушкина въ старика Финна, бѣсъ — въ Наину. Какъ Угодникъ и бѣсъ состязаются у Жуковскаго изъ-за Громобоя, такъ у Пушкина Финнъ и Наина спорятъ и враждуютъ изъ-за Руслана. Наконецъ, какъ Вадимъ привозитъ похищенную княжну въ Кіевъ, такъ и Русланъ привозитъ Людмилу».

1) См. *П. Владимировъ*. Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина, стр. 7—8:

«Мы не отрицаемъ вліянія Богдановича, Аріоста, Еруслана (изъ котораго явился и «Русланъ» — герой Пушкина); но не можемъ согласиться съ рѣшительнымъ вліяніемъ Жуковскаго, по мнѣнію проф. Незеленова, и Гамильтона, по мнѣнію Поливанова. Вліяніе названныхъ нами «богатырскихъ поэмъ» Радищева на «Руслана и Людмилу» Пушкина исключаетъ необходимость «превращать» и «раздѣлять» сравниваемыхъ героевъ — изъ святого угодника выводить Финна, изъ бѣса — Наину. Такъ можно какое-угодно русское сочиненіе вывести изъ западноевропейской или русской же литературы....» ....«объясненіе происхожденія «Руслана и Людмилы» изъ поэмы Жуковскаго покоится на слѣдующемъ обращеніи Пушкина къ Жуковскому въ началѣ «Четвертой пѣсни»:

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,

могутъ быть опровергнуты доводы А. И. Незеленова, если нельзя согласиться съ его утвержденіемъ, что «Русланъ и Людмила» — „передѣлка «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ»", то все же въ «Русланѣ и Людмилѣ» могутъ быть указаны несомнѣнныя, по нашему мнѣнію, реминисценціи изъ поэмы Жуковскаго[1]). Если внимательно прочесть «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и затѣмъ непосредственно перейти къ чтенію «Руслана и Людмилы», получается характерное впечатлѣніе, что словарный матеріалъ «Руслана и Людмилы» до извѣстной степени опредѣлился словарнымъ матеріаломъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» и что поэмой Жуковскаго навѣяны и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста въ «Русланѣ и Людмилѣ».

Приведемъ сначала рядъ мелкихъ данныхъ, которыя едва ли имѣютъ

Могилъ и рая вѣрный житель,
И Музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

«И въ 4, и въ 5 пѣсняхъ, говоря о Жуковскомъ, о «Вадимѣ» и «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ», Пушкинъ вездѣ называетъ себя «поэтомъ печальной истины, правдивыхъ пѣсенъ», а Жуковскаго въ названныхъ его поэмахъ — пѣвцомъ «геройства, любви и дружбы старыхъ лѣтъ — незнаемыхъ въ мірѣ». Эти чудесныя видѣнья, эта прелестная ложь романтической Музы рано замѣнились у Пушкина естественнымъ взглядомъ на человѣка и его страсти. Отсюда Пушкинъ ищетъ вдохновенья въ «преданьяхъ старины глубокой» — по народнымъ произведеніямъ, въ «преданьяхъ русскаго семейства» — по историческимъ и бытовымъ даннымъ, наконецъ — въ своемъ тревожномъ и всеобъемлющемъ сердцѣ, чуткомъ къ біеніямъ жизни. Отсюда и та реальность, народность, правдивость и художественная красота Пушкинскихъ произведеній» ..... «Не признавая вліянія «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» Жуковскаго на поэму Пушкина, мы не можемъ признать и вліянія Гамильтона, мало извѣстнаго французскаго поэта XVII в., у котораго въ сказкахъ находимъ добродѣтельныхъ и злыхъ волшебниковъ и т. п. Гораздо проще и естественнѣе выводить происхожденіе «Руслана и Людмилы» изъ богатырской сказки Карамзина «Илья Муромецъ» и изъ разсмотрѣнныхъ богатырскихъ поэмъ Радищева».

1) Срв. замѣчаніе *А. И. Кирпичникова* въ рѣчи, читанной 29 января 1887 года: «Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ» (Очерки по исторіи новой русской литературы. С.-Пб. 1896, стр. 133): «Въ «Русланѣ», дѣйствительно, отразились и Лафонтенъ и Аріосто, и даже Вольтеръ; но въ немъ еще въ большей мѣрѣ отразилось и все то, что геній Пушкина нашелъ хорошаго въ *раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ*, который популяризировалъ у насъ Жуковскій; а именно: смѣлость образовъ и вольный полетъ фантазіи, широту поэтическаго міросозерцанія и полную свободу отъ стѣснительныхъ школьныхъ правилъ».

значеніе взятыя каждое отдѣльно, но которыя всѣ въ совокупности даютъ уже, какъ намъ кажется, нѣкоторое основаніе говорить, что въ памяти Пушкина, когда онъ писалъ «Руслана и Людмилу», нерѣдко оживали отдѣльныя выраженія изъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ».

У Пушкина въ «Русланѣ и Людмилѣ» находимъ, напримѣръ: дѣла *давно минувшихъ* дней, *преданья* старины глубокой, стр. 203 — у Жуковскаго въ «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ»: лишь, хранитель *давно-минувшаго*, живетъ на прахѣ ихъ *преданье*, стр. 188[1]); у Пушкина: *чаши съ кипящимъ* пивомъ и *виномъ*, 203 — у Жуковскаго: не пьетъ *кипящаго вина изъ чаши* круговыя, 143; у Пушкина: *тѣнь объемлетъ* всю природу, 205 — у Жуковскаго: воцаряющійся *день* полънеба лишь *объемлетъ*, 146; у П.: и *кто-то въ дымной глубинѣ* взвился чернѣе мглы туманной, 205 — у Ж.: *изъ темной* бора *глубины* выходитъ *привидѣнье*, 133; у П.: на зятя гнѣвомъ *распалясь*, 206 — у Ж.: *распалясь* душою звѣронравной, 171; у П.: мечемъ и грудью смѣлой *свой путь на полночь пробивай*, 209 — у Ж.: онъ все *на югъ*! онъ по полямъ *путь новый пробиваетъ*, 167; у П.: я здѣсь одинъ во мракѣ старой жизни *вяну*, 208 — у Ж.: и въ безутѣшной бы тоскѣ моя *увяла* младость, 172; и у П.: твой *оскорбитель* волшебникъ страшный Черноморъ, *красавицъ* давній *похититель*, 209 — у Ж.: скажи мнѣ, дѣвица, кто ты? кто буйный *оскорбитель* твоей дѣвичьей *красоты*, 171; не вполнѣ подходящій для Финна эпитетъ *благодатный* [въ стихѣ: откройся, кто ты, благодатный, 210], можетъ быть, подсказанъ стихомъ Жуковскаго: опять ты здѣсь, мой *благодатный* Геній, 131; у П.: *умчалась года* половина, 211 — у Ж.: ужь время *съ годомъ* десять лѣтъ невидимо *умчало*, 147; у П.: ясны очи *дремотой* легкой не смыкалъ и тихаго *полета ночи* въ глубокой думѣ не слыхалъ, 216 — у Ж.: и будутъ *спать!* и къ нимъ *вѣка въ полетъ* не коснутся, 156; у П.: *робкій* всадникъ вверхъ ногами свалился тяжко въ грязный ровъ, *земли не взвидѣлъ* съ небесами, 228 — у Ж.: невольно *вздрогнулъ* Громобой, *по членамъ хладъ* стремится! *земли не взвидѣлъ* подъ собой, 134 и т. п.

---

1) Ссылки сдѣланы на «Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова, томъ I-й, С.-Пб. 1878», но всѣ цитаты провѣрены по изданію: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, старинная повѣсть, сочиненіе Василія Жуковскаго. С.-Пб. 1817».

Отмѣтимъ теперь въ поэмѣ Пушкина тѣ мѣста, на которыхъ вліяніе «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» сказалось болѣе опредѣленно:

Но что сказалъ Великій Князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ разпалясь,
Его и Дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — «Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги: —
О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей! —
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ пол-царствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..»

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 206].

И видятъ: на высокомъ
Крыльцѣ великій Князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.
И смѣлыхъ вызываетъ онъ
Въ погоню за Княжною,
И избавителю свой тронъ
Сулитъ съ ея рукою.

[Сочиненія В. А. Жуковскаго, томъ I, стр. 177—178].

«Разъѣдемся! *пора*!» сказали,
«Безвѣстной *вѣримся судьбѣ*».
И каждый *конь*, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

[Тамъ же, стр. 208].

«*Что жь мѣдлить? вѣрь — не выбирай!*
Впередъ! во имя Бога!
Куда и какъ привесть меня,
То вождь мой знаетъ болѣ!»
Такъ онъ подумалъ и *коня*
Пустилъ бѣжать по волѣ.

[Тамъ же, стр. 167].

Померкла степь. Тропою *темной*
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ сквозь ночной туманъ

Вдругъ боръ рѣдѣетъ *тёмной*;
Раздвинулся... и при лунѣ
Явился *холмъ огромной.*

Вдали чернѣетъ *холмъ огромной*...
. . . . . .
. . . . . .
Вдругъ холмъ, *безоблачной луною*
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ...

[Тамъ же, стр. 236].

. . . . . .
. . . . . .
И свѣтитъ сумрачнымъ луна
Сквозь *облако* сіяньемъ.
Но *вдругъ*... *слетѣлъ съ луны туманъ*,
И боръ засеребрился,
И замокъ весь, *какъ великанъ*,
Надъ боромъ освѣтился.

[Тамъ же, стр. 181—182].

Тогда, отъ ярости *нѣмѣя*,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова! *какъ жаръ*,
Кровавы очи засверкали...

[Тамъ же, стр. 237].

Ни слова тотъ на грозну рѣчь!
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечь,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ!

[Тамъ же, стр. 170].

И дни бѣгутъ; *желтѣютъ нивы;*
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ.

[Тамъ же, стр. 247].

И дни бѣгутъ — весна прошла,
И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ зацвѣла,
И *нивы пожелтѣли*.

[Тамъ же, стр. 168].

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальной цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа.
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча,
Тотъ льется мертвою водою;
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,

И все, какъ мертвое, окрестъ:
Ни листъ не шевелится,
Ни звѣрь близь сихъ не пройдетъ мѣстъ,
Ни птица не промчится.

[Тамъ же, стр. 159].

И къ сторонѣ той, мнится,
И звѣрь опасный не бѣжитъ,
И змѣй приползть боится.

[Тамъ же, стр. 168].

Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтни сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтвій пить изъ тайныхъ
водъ...
[Тамъ же, стр. 268—269].

И мнится жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало;
Какъ бы съ созданья въ мертвомъ
снѣ
Древа, и не смущало
Ихъ сна ничто, ни вѣтерка
Передъ денницей шопотъ,
Ни легкій шорохъ мотылька,
Ни вепря тяжкой топотъ.
[Тамъ же, стр. 181].

Характерно отразилось вліяніе «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» еще въ одномъ мѣстѣ шестой пѣсни «Руслана и Людмилы». Фарлафъ— комическое лицо въ поэмѣ, Пушкинъ иронизируетъ надъ нимъ, но въ описаніи возвращенія Фарлафа въ Кіевъ съ Людмилой Пушкинъ не вполнѣ выдержалъ тонъ своего отношенія къ Фарлафу и, намъ кажется, именно потому, что безсознательно имѣлъ въ виду нѣкоторыя черты описанія поѣздки Вадима и его пріѣзда въ Кіевъ.

Межь тѣмъ Наиной осѣненный
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ:
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужь видитъ *златоверхій градъ;*
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится,
Бѣгутъ обрадовать отца:
И вотъ измѣнникъ у крыльца.
Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ

Вадимъ все далѣ! *ужь предъ нимъ*
Широкой *Днѣпръ* сіяетъ;
Онъ ѣдетъ берегомъ крутымъ,
И взоръ его летаетъ
Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
Здѣсь видитъ лугъ цвѣтущій,
Тамъ *златоверхій городъ*, тамъ
Близь водъ рыбачьи кущи.
[Сочиненія В. А. Жуковскаго, томъ I, стр. 168].

. . . . . На коня Вадимъ,
Перекрестясь, садится;
Княжна по прежнему за нимъ;
И конь вдоль брега мчится.
Вдругъ путь широкій межь древесъ!
Ихъ чаща раздалася,
И въ голубой дали небесъ,

Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ, *передъ крыльцомъ*
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ? ужели?»

[Сочиненія А. С. Пушкина, томъ II, стр. 266].

Какъ звѣздочка, зажглася
Глава Печерская съ крестомъ;
Конь скачетъ быстрымъ скокомъ!
Ужъ въ градъ онъ! ужь предъ дворцомъ!
И видятъ: *на высокомъ*
Крыльцѣ великій Князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ,
И строится дружина.
. . . . . .
. . . . . .
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
Густая пыль клубится;
И видятъ, *съ дѣвой на конѣ*
Красивый всадникъ мчится.
Народъ отхлынулъ, какъ волна;
Дружина разступилась,
И на рукахъ отца Княжна
При кликахъ очутилась.

[Тамъ же, стр. 177—179].

Если сдѣланныя сопоставленія сколько-нибудь убѣдительны, можетъ быть, именно вліяніемъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» слѣдуетъ объяснять то, что въ «Русланѣ и Людмилѣ» Пушкинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развиваетъ сказочные мотивы въ тонѣ настолько серьезномъ, что, напримѣръ, несомнѣнно чувствуется связь между описаніемъ «долины чудной», гдѣ текутъ ключи живой и мертвой воды, и — «*Анчаромъ*» [1]).

П. Шефферъ.

---

1) На эту связь обратили вниманіе *Н. Ѳ. Сумцовъ* (А. С. Пушкинъ. Изслѣдованія. Харьковъ. 1900, стр. 187) и *Н. И. Чернявъ* (Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900, стр. 624).

„Ревизоръ“ Гоголя и комедія Квитки „Пріѣзжій изъ столицы“.

Много огорченій и разочарованій доставила Гоголю комедія «Ревизоръ». «Мочи нѣтъ!» — писалъ онъ М. Щепкину 29-го апрѣля 1836 года. — «Дѣлайте, что хотите, съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ говорить такъ о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня, литераторы противъ меня...»[1])

Надъ «Ревизоромъ» Гоголь работалъ усиленно. Изданныя во II томѣ его сочиненій (М. 1889) Н. С. Тихонравовымъ первоначальные наброски и варіанты какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ о томъ, что каждая строчка, каждое слово и положеніе обдуманы авторомъ до мелочей. Передъ нами раскрывается такимъ образомъ та добросовѣстная, кропотливая авторская работа, которую постоянно рекомендовалъ и другимъ нашъ великій писатель.

Тѣмъ болѣе страннымъ представляется намъ появленіе въ недавнее время статьи, которая умаляетъ значеніе комедіи. Мы разумѣемъ вышедшую два года тому назадъ брошюру Н. В. Волкова: «Къ исторіи русской комедіи. Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы».

---

1) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. С.-Пб. 1901. Т. I, стр. 372—373.

Вопросъ о взаимоотношеніи между комедіями Гоголя и Квитки не новъ; на немъ останавливались болѣе подробно Г. И. Данилевскій въ *Украинской Старинѣ*, Н. И. Петровъ въ *Очеркахъ украинской литературы*, В. И. Шенрокъ во II томѣ *Матеріаловъ для біографіи Гоголя*. Если два первыхъ писателя были склонны видѣть вліяніе Квитки на Гоголя, то Шенрокъ довольно искусно ослабилъ ихъ замѣчанія. Сходство между обѣими комедіями оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; поразительное и важное совпаденіе только въ завязкѣ и отчасти развязкѣ. Мы укажемъ ниже на попытку объяснить это сходство. Теперь сопоставимъ нѣкоторыя хронологическія данныя.

«Ревизоръ» задуманъ и начатъ въ 1834 году; комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» появилась въ печати въ 1840 году. Написана же она была въ 1827 году и разрѣшена была къ печати С. Т. Аксаковымъ 18-го октября 1828 года. Слѣдовательно, свыше десяти лѣтъ комедія Квитки могла имѣть распространеніе только въ рукописныхъ копіяхъ — явленіе, довольно обычное въ то время. Но вопросъ о томъ, зналъ ли ее Гоголь, рѣшается, по нашему мнѣнію, отрицательно, если дать хотя малѣйшую вѣру сообщенію Аксакова. Послѣдній говоритъ, что около 1840 года онъ спрашивалъ Гоголя, знаетъ ли онъ комедію Квитки; Гоголь отвѣчалъ, что *слышалъ о ней, но не читалъ*.

Есть ли необходимость заподазривать правдивость сообщенія Гоголя человѣку, литературныя связи котораго давали возможность навести нужныя справки и изобличить, если бы оказалось нужнымъ, Гоголя во лжи. Мы не будемъ упрекать г. Волкова въ излишнемъ недовѣріи къ нашему писателю. Но передъ нами есть не устраненное свидѣтельство о сообщеніи Пушкинымъ Гоголю сюжета «Ревизора», свидѣтельство Гоголя, Соллогуба и Смирновой[1]).

---

1) Г. Александровскій. Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ» Гоголя, статья въ *Ежегодникѣ коллегіи Павла Галагана* 1897—1898 г., стр. 191 сл. — Къ числу этихъ свидѣтельствъ прибавилось недавно сообщеніе товарища Гоголя по лицею В. И. Любича-Романовича, основанное на словахъ самого Пушкина (*Историческій Вѣстникъ* 1902, февраль, стр. 553). Вотъ это послѣднее свидѣтельство:

«Вотъ что Пушкинъ говорилъ мнѣ о Гоголевскомъ творчествѣ:

— «Ревизоръ» — тоже моя идея. Это какъ разъ относилось къ двадцатымъ годамъ, когда я былъ въ Новороссіи... Типъ Хлестакова у меня намѣченъ въ живомъ

«Нѣтъ особыхъ причинъ» — соглашается г. Волковъ — «не довѣрять разсказамъ гр. Соллогуба и Бартенева, что Пушкинъ, вернувшись изъ своей поѣздки по Волгѣ, въ декабрѣ 1833 г. передалъ Гоголю, какъ нижегородскій губернаторъ принялъ было его за тайнаго ревизора, и припомнилъ аналогичный случай съ Свиньинымъ въ Бессарабіи и съ однимъ пріѣзжимъ въ Устюжнѣ, выдававшимъ себя за ревизора. Но Тихонравовъ и Шенрокъ слишкомъ рѣшительно считаютъ, что этотъ разговоръ съ Пушкинымъ былъ единственнымъ побужденіемъ написать комедію «Ревизоръ». Правда, — продолжаетъ нашъ критикъ, — Гоголь въ «Авторской исповѣди» самъ указываетъ на полученіе сюжета отъ Пушкина, однако это замѣчено такъ бѣгло, что можно принять за простую дань уваженія (?) къ памяти тогда уже покойнаго поэта, если отбросить подозрѣніе въ желаніи Гоголя имѣть крестнымъ отцомъ своей комедіи всеобщаго кумира, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности отыскать въ комедіи «Ревизоръ» слѣдовъ разсказа Пушкина, съ извѣстными подробностями котораго ничто не совпадаетъ въ комедіи Гоголя» (стр. 14).

Признаемся, мы не понимаемъ, какъ дань уваженія къ знаменитому поэту можетъ заставить кого бы то ни было извращать истину. Что же касается послѣдняго замѣчанія г. Волкова, то оно, на нашъ взглядъ, является только плодомъ недоразумѣнія. Что такое «сюжетъ»? Это только остовъ, краткій разсказъ самаго общаго характера, напоминающій анекдотъ. Творческій геній поэта, пользуясь этимъ анекдотическимъ разсказомъ, вноситъ въ него свои субъективныя наблюденія, образы, типы. Анекдотическій разсказъ простъ: пріѣзжаго изъ столицы, *нисколько не желавшаго играть роль ревизора*, въ захолустномъ городкѣ принимаютъ за важную особу. Этотъ анекдотъ, быть можетъ сопровождающійся нѣсколькими юмористическими подробностями, могъ слышать

лицѣ... Это своего рода Митрофанушка, только болѣе обтесанный и менѣе отроченъ... Но по характеру своему также наивенъ и скроменъ, чего, однако, Гоголь не далъ своему Хлестакову, вложивъ въ его рѣчь дозу нахальства и увѣренной глупости... Да, именно «увѣренной глупости», потому что Хлестаковъ сознаетъ (?) свое глупое положеніе среди семьи глупаго городничаго, но все-таки его поддерживаетъ, увѣренный въ томъ, что его глупый умъ, по сравненію съ глупостью уѣзднаго начальства, много значительнѣе... Даже высшая одесская губернская власть, въ вѣдѣніи которой я находился тогда, какъ полуссыльный, и та ничѣмъ не уступала Гоголевскому Сквозникъ-Дмухановскому».

Гоголь отъ Пушкина. Это и есть *сюжетъ*. Въ томъ, какъ этотъ сюжетъ разработать и одухотворить, скажется сила творческаго таланта. И конечно, Квитка и Гоголь разработаютъ его совершенно различно. Припомнимъ разсказъ о томъ, какъ однажды С. Т. Аксаковъ заговорилъ съ Гоголемъ о Загоскинѣ. «Гоголь — разсказываетъ Аксаковъ — «хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра». Аксаковъ «легкомысленно» возразилъ, «что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и глупо, что

. . . . . даже глупости пустой
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Но Гоголь посмотрѣлъ на Аксакова какъ-то значительно и сказалъ, что это неправда, что комизмъ имѣется вездѣ, что, живя посреди его, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его»[1]). И дѣйствительно, быть такимъ тонкимъ наблюдателемъ, какъ Гоголь, удается далеко не всякому.

Но Гоголь не всегда самъ находилъ сюжетъ для произведенія, въ которое могъ бы включить типы, имъ прекрасно подмѣченные. Что Пушкинъ далъ Гоголю сюжетъ «Мертвыхъ душъ», въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Повидимому, это случилось почти одновременно съ передачей сюжета «Ревизора». Каковы были внѣшніе рамки перваго изъ нихъ, ясно видно изъ сообщеній Гоголя въ его «Авторской исповѣди». «Пушкинъ находилъ, — говоритъ онъ — что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. *Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой.* Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразные лица и характеры... Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ? къ чему это? что долженъ сказать собою такой-то

1) С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 5.

характеръ? что должно выразить собою такое-то явленіе?.. Я увидѣлъ ясно, что больше не могу писать безъ плана, вполнѣ опредѣлительнаго и яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость...»[1]) Слѣдовательно, въ «Мертвыхъ душахъ» все, *кромѣ анекдотическаго сюжета*, принадлежитъ Гоголю.

Отрывки «Мертвыхъ душъ» были знакомы Пушкину въ первоначальномъ наброскѣ еще въ 1835 году. «Чтеніе первыхъ главъ, какъ извѣстно, навело Пушкина на тяжелое раздумье, и онъ, охотникъ до смѣха, по окончаніи чтенія произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія»[2]). Слова эти очень важны: сюжетъ былъ использованъ такъ, что человѣкъ, сообщившій его, долженъ былъ призадуматься передъ совершенно новой, неожиданной для него картиной. Такова была поразительная сила творческаго таланта Гоголя. Аналогія обработки сюжета «Мертвыхъ душъ» съ обработкой сюжета «Ревизора» для насъ очень важна.

А что Гоголь не разъ обращался за сюжетомъ къ Пушкину, свидѣтельствуетъ письмо его къ Пушкину отъ 7-го октября 1835 г., впервые напечатанное еще въ 1880 г. въ *Русскомъ Архивѣ*, письмо, на которое не находимъ ссылки у г. Волкова. «Началъ писать «Мертвыя души». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будто сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь. *Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ*[3]) *комедію*. Если жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время»[4]).

---

1) Сочиненія Гоголя. Изд. 11. С.-Пб. 1893, стр. 275.

2) В. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. III. М. 1895, стр. 392.

3) То-есть, свободнымъ временемъ за нѣкоторою остановкою «Мертвыхъ душъ».

4) Письма Гоголя. С.-Пб. 1901, т. I, стр. 353—354. Чѣмъ вообще былъ Пушкинъ для Гоголя, мы видимъ изъ извѣстнаго письма Гоголя къ Плетневу (отъ 16-го марта 1837 года), вызваннаго смертью Пушкина: «Все наслажденіе моей жизни», — писалъ тогда Гоголь — «все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется,

Это письмо мы считаемъ очень важнымъ документомъ, подтверждающимъ справедливость сообщенія Гоголя въ его «Авторской исповѣди». Предшествующія же замѣчанія относительно разработки Гоголемъ сюжета «Мертвыхъ душъ» поясняютъ, почему г. Волковъ не могъ отыскать въ «Ревизорѣ» слѣдовъ «разсказа Пушкина, съ извѣстными подробностями котораго ничто не совпадаетъ въ комедіи Гоголя». Впрочемъ, онъ ошибается: вдавшись въ мелочныя сопоставленія, имѣющія цѣлью доказать близость комедій Гоголя и Квитки, г. Волковъ упустилъ одну чрезвычайно важную особенность типа Хлестакова: онъ не сознательный обманщикъ, а пустой человѣкъ, случайно принятый за ревизора. Такова была роль ревизора и въ анекдотическомъ разсказѣ Пушкина.

Комедія «Ревизоръ» является чуднымъ произведеніемъ не только потому, что въ ней блестящимъ образомъ представлены типы провинціальнаго чиновничества, но и развитіемъ комическаго элемента. Это не пошлая мелодрама, не водевиль, въ которомъ порокъ наказанъ; для полноты художественной необходимо было закончить комедію безнаказаннымъ исчезновеніемъ Хлестакова, бывшаго невольной причиной комическаго положенія, въ которомъ очутились городничій, его сослуживцы-пріятели и семья.

Намъ представляется, что критикъ, желающій выяснить взаимоотношеніе двухъ близкихъ по сюжету произведеній, долженъ обратить вниманіе не на мелочи, случайно сходныя, а возможно рельефно проанализировать типы дѣйствующихъ лицъ и указать точки соприкосновенія и различія въ ихъ характерахъ. Г. Волковъ поступилъ иначе: онъ пересказалъ довольно подробно комедію Квитки «Пріѣзжій изъ столицы» и затѣмъ подробно занялся отыскиваніемъ мелкихъ чертъ, сближающихъ ее съ «Ревизоромъ»; характеристики дѣйствующихъ лицъ у него блѣдны и неполны. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что авторъ смотритъ на дѣло не безпристрастно: ему вездѣ ви-

---

чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ (то-есть «Мертвыя души»), его созданіе... я не въ силахъ продолжать его...» (Письма Гоголя, т. IV, стр. 482). Почти тѣ же выраженія о Пушкинѣ повторяются и въ письмѣ къ Погодину. (Тамъ же, стр. 484).

дѣлось сходство; на отысканіе этого сходства направлены были всѣ его усилія.

Содержаніе «Пріѣзжаго изъ столицы» заключается въ томъ, что чиновникъ Пустолобовъ выдаетъ себя въ уѣздномъ городкѣ за важную особу, выпрашиваетъ взятки, собирается похитить богатую невѣсту въ домѣ городничаго, но попадается и передается въ руки правосудія. *Сюжетъ* обѣихъ комедій, конечно, одинаковъ. И если бы было доказано, что Квитка его придумалъ вполнѣ самостоятельно, что русская дѣйствительность не давала поводовъ къ изображенію подобныхъ случаевъ, тогда нужно было бы, конечно, начать «литературную исторію» этого сюжета именно отъ Квитки. Но вѣдь самозванные и неожиданные ревизоры на Руси имѣлись издавна, встрѣчаются и до самаго послѣдняго времени. Что же удивительнаго, что разсказъ о ревизорѣ, всполошившемъ уѣздный мірокъ, находилъ отраженіе не въ единственномъ только литературномъ произведеніи. А между тѣмъ упреки въ несамостоятельности «Ревизора» повторяются. Такъ въ 1894 году (5-го августа) въ *Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья г. Томина, обвинявшаго Гоголя даже въ плагіатѣ «Ревизора». Г. Томинъ утверждаетъ, что въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ ему удалось пріобрѣсти рукопись, на заглавномъ листѣ которой было написано: «Ревизоръ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, изъ сибирской жизни, въ стихахъ. Сочиненіе Жукова. 1796 г.». «Что касается до внутренняго содержанія этого произведенія, — пишетъ г. Томинъ, — то при чтеніи комедіи Жукова, съ первыхъ до послѣднихъ строкъ, я былъ пораженъ полнымъ сходствомъ этой комедіи съ комедіей Н. В. Гоголя «Ревизоръ». Всѣ сцены, начиная съ разсказа городничаго о снѣ съ появленіемъ крысъ, пріѣзда Хлестакова, представленія послѣднему должностныхъ и общественныхъ дѣятелей, совокупно съ Бобчинскимъ и Добчинскимъ, и кончая появленіемъ жандарма, составляютъ, по моему мнѣнію, не только подобное, но почти тождественное воспроизведеніе сюжета сочиненій того и другого автора» [1]). Впрочемъ, рукописи Жукова г. Томинъ не видѣлъ со времени своей гимназической жизни. Загадочное извѣстіе его, сколько мы знаемъ, не сопровождалось дальнѣйшими разъясненіями. Представляется неизвѣстнымъ, но-

1) Александровскій, о. с., стр. 210.

сили ли дѣйствующія лица комедіи Жукова имена Бобчинскаго, Добчинскаго и другія, придуманныя Гоголемъ, какіе стихи могутъ соотвѣтствовать замѣчательной прозѣ Гоголя въ его геніальной комедіи...

Перейдемъ, однако, къ статьѣ г. Волкова. Сообщивъ пересказъ комедіи Квитки, онъ заключаетъ, что «изъ него возможно уже до нѣкоторой степени убѣдиться и въ сходствѣ цѣлей обѣихъ комедій — изобразить чиновничій міръ глухого уѣзднаго городка, трепещущихъ при имени ревизора, и представительницъ прекраснаго пола, занятыхъ нарядами и сентиментальными мечтами любви, и въ одинаковости сюжетовъ, и въ близости дѣйствующихъ лицъ и, наконецъ, въ подобіи многихъ положеній. При ближайшемъ сопоставленіи сходныя черты выставятся еще ярче, потому что ихъ не будутъ затемнять сложность интриги въ комедіи Квитки и *нѣкоторыя несходства подробностей въ ходѣ дѣйствій комедій*». Сравненіе, слѣдовательно, ведется г. Волковымъ довольно односторонне: для него важны подробности, напоминающія кое-что въ «Ревизорѣ»; но совсѣмъ не разсматриваются другія подробности, кладущія столь рѣзкую грань между обѣими комедіями, что о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Г. Волковъ считаетъ, однако, свое главное положеніе о вліяніи комедіи Квитки на «Ревизора» доказаннымъ уже послѣ приведенія содержанія комедіи «Пріѣзжій» и находитъ возможнымъ только подтверждать свое положеніе мелочными сопоставленіями.

Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что при сравненіи первой редакціи «Ревизора» съ позднѣйшей «не трудно замѣтить въ первой отсутствіе внутренней силы комизма, при бо́льшемъ перевѣсѣ внѣшнихъ комическихъ положеній; всѣ лица первой редакціи очерчены проще, рѣзче, грубѣе и каррикатурнѣе, ихъ душевное настроеніе едва намѣчено, они выставлены еще глупѣе, еще пошлѣе, еще порочнѣе; передъ зрителемъ происходитъ скорѣе забавный водевиль, а не ѣдкая комедія» (стр. 25). Да, все это такъ, и первая редакція «Ревизора» *по общему тону* ближе къ комедіи Квитки, чѣмъ вторая. Однако, для сужденія о ходѣ литературной работы Гоголя нужно имѣть въ виду не одно его произведеніе. Возьмемъ, напримѣръ, первую редакцію «Женитьбы», носившую заглавіе «Женихи». Характеристика ея совпадаетъ въ общемъ съ той характеристикой первой редакціи «Ревизора», которая дана г. Волковымъ. И подобное явленіе мы можемъ

подмѣтить по отношенію не этихъ только двухъ комедій Гоголя, а и ряда другихъ произведеній его. Какъ же объяснить это писаніе грубыми штрихами, мазками въ первыхъ набросках Гоголя? На это найдемъ отвѣтъ въ словахъ самого поэта: «Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою) достать написанное: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего не достаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ — и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея — новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста — взять отдѣльный клочекъ и приклеить сбоку. Когда будетъ все такимъ образомъ написано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собою явятся новыя озаренія, урѣзки, добавки, очищенія слога. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего или хоть пишите другое. Придетъ часъ — вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ-же способомъ, и когда она будетъ снова измарана, перепишите собственноручно». — Такъ работалъ Гоголь[1]). Не удивительно, если въ первыхъ набросках встрѣчаются многія грубыя, даже каррикатурныя положенія, потомъ смягченныя или устраненныя при слѣдующихъ передѣлкахъ.

«Впрочемъ», — замѣчаетъ г. Волковъ, — «не слѣдуетъ думать, чтобы первоначальный набросокъ «Ревизора» былъ ближайшимъ носителемъ слѣдовъ комедіи Квитки. Какъ мнѣ представляется, Гоголь и послѣ того при дальнѣйшихъ измѣненіяхъ комедіи все еще помнилъ о комедіи Квитки, и не переставалъ къ ней обращаться» (стр. 27). Въ доказательство приводится сцена изъ IV дѣйствія, въ которой чиновники, одѣтые въ парадную форму, входятъ одинъ за другимъ на цыпочкахъ, опасаясь разбудить Хлестакова, а Аммосъ Ѳедоровичъ строитъ всѣхъ полукругомъ. По мнѣнію г. Волкова, эта сцена есть «*подражаніе* весьма сходной сцены у Квитки: городничій въ полномъ мундирѣ со шпагой и съ рапортомъ, *бѣгаетъ* и разставляетъ всѣхъ чиновниковъ *и*

1) Намъ незачѣмъ приводить примѣры выполненія самимъ Гоголемъ этого совѣта; припомнимъ одинъ: изъ цитированнаго выше письма Гоголя къ Пушкину видно, что, написавъ три главы «Мертвыхъ душъ», онъ отложилъ ихъ и готовъ былъ взяться за другую литературную работу.

дамъ: «Да, это необходимо!.. Вотъ онъ такъ входитъ въ дверь; кланяется, тутъ я ему рапортъ въ руки и явлюсь, какъ должно — за мною чиновники по порядку». Вотъ первая черта сходства между обѣими комедіями, указанная г. Волковымъ. Признаемся, мы не видимъ тутъ близкаго сходства, которое позволяло бы говорить о *подражаніи* Гоголя. Отмѣтимъ далѣе, что сцена представленія чиновниковъ у Гоголя не состоялась; они предпочли представляться по одиночкѣ.

Но критику кажется все подозрительнымъ. Самъ Гоголь, напримѣръ, избѣгалъ называть свою комедію оригинальною; «ни въ первомъ изданіи ея 1836 г., ни въ послѣдующихъ этого названія нѣтъ, но, можетъ быть, и по простой случайности; оно встрѣчается лишь въ афишѣ Московскаго театра при первомъ представленіи ея 25-го мая 1836 г.; но возможно, что слово «оригинальная» попало въ афишу безъ вѣдома автора» (стр. 15). Болѣе, чѣмъ на страницѣ (28—29) размышляетъ онъ о заглавіяхъ обѣихъ комедій; находитъ, что названіе комедіи Квитки вполнѣ подходитъ и къ «Ревизору», что, съ другой стороны, въ текстѣ комедіи Квитки «пріѣзжій изъ столицы» не разъ именуется «ревизоромъ», и что «только отсутствіе глубины въ замыслѣ помѣшало Квиткѣ дать то заглавіе своей комедіи, которымъ окрестилъ Гоголь свою».

Далѣе г. Волковъ находитъ, что «составъ дѣйствующихъ лицъ также представляетъ большое сходство: изъ 14 лицъ комедіи Квитки болѣе 9 (sic!) нашли себѣ мѣсто въ комедіи Гоголя, а именно: у Квитки городничій — и у Гоголя городничій, у Квитки *сестра* городничаго 40 л., затѣмъ *дочь стряпчаго съ матерью*—у Гоголя *жена городничаго*, женщина не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, о себѣ говорящая, что ей только еще 32 года, и дочь ея; у Квитки уѣздный судья, почтовый экспедиторъ, смотритель училищъ и чиновникъ изъ Петербурга; далѣе у Квитки частный приставъ и полицейскіе солдаты — у Гоголя тоже; служанка сестры городничаго въ комедіи Квитки — *замѣнилась* (sic) у Гоголя слугою городничаго. Не вошли (!) въ комедію Гоголя изъ комедіи Квитки только слѣдующія лица: племянница городничаго, опекунъ ея и избранникъ ея сердца — маіоръ. Взамѣнъ ихъ (!!) Гоголь внесъ двухъ городскихъ помѣщиковъ: Бобчинскаго и Добчинскаго, чрезвычайно оживляющихъ его комедію и превосходно способствующихъ естественному ходу дѣйствія, и попечителя богоугодныхъ

заведеній, уѣзднаго лѣкаря, жену смотрителя, купцовъ и другихъ мелкихъ лицъ для полноты нравовъ уѣзднаго городка» (стр. 29—30).

Удивительныя сопоставленія! Изъ нихъ оказывается, что и Гоголь и Квитка вывели нѣсколькихъ уѣздныхъ чиновниковъ, какъ-то: городничаго, судью, почтоваго экспедитора, смотрителя училищъ, пристава. Правда, г. Волковъ не поясняетъ, чѣмъ бы могъ «замѣнить» Гоголь названныхъ лицъ въ своей комедіи, не указываетъ на то, что характеры этихъ чиновниковъ у обоихъ писателей совершенно различны. Но этого мало: критикъ обращаетъ вниманіе на то, что въ извѣстномъ письмѣ Хлестакова къ пріятелю Тряпичкину даются характеристики только городничаго, судьи, почтмейстера, смотрителя училищъ и «какого-то казначея» Ляпкина (въ первоначальномъ наброскѣ), то-есть не называются лица, отсутствующія у Квитки, но за то приведенъ какой-то «казначей», о которомъ ничего не говорится въ комедіи. «Откуда онъ попалъ въ письмо, легко объяснить, если вспомнить, что въ комедіи Квитки незримое участіе принимаетъ казначей» (стр. 31). Это замѣчаніе предшествуетъ указанію на то подозрительное, на взглядъ критика, обстоятельство, что имена однихъ лицъ гоголевской комедіи сразу получили наименованія, удержавшіяся за ними, несмотря на многократныя передѣлки; имена же другихъ не устанавливались очень долго. «Странно», — продолжаетъ г. Волковъ, — «что въ числѣ установившихся оказываются *почти исключительно* имена лицъ, которыхъ нѣтъ въ комедіи Квитки, а къ неустановившимся принадлежатъ главнымъ образомъ тѣ, носители которыхъ выводятся и въ комедіи Квитки». Намъ представляются крайне наивными критическіе пріемы г. Волкова. Неужели же ему неизвѣстно, что колебанія Гоголя въ наименованіи своихъ героевъ дѣло довольно обычное, которое подмѣчено давно? Какой же выводъ можно сдѣлать изъ его сопоставленій? Мы полагаемъ, что никакого.

На слѣдующихъ страницахъ дана сравнительная характеристика дѣйствующихъ лицъ комедій Гоголя и Квитки. Имъ предшествуетъ общее замѣчаніе, что сходство между характерами дѣйствующихъ лицъ этихъ комедій не слишкомъ отдаленное, и чѣмъ первоначальнѣе текстъ комедіи Гоголя, тѣмъ его больше.

Послѣ прочтенія этихъ характеристикъ нашего критика невольно является выводъ: «совсѣмъ не похоже».

Для доказательства нашего положенія приведемъ вполнѣ характеристику Пустолобова, героя Квитки, и Хлестакова.

«У Квитки Пустолобовъ, этотъ титулярный совѣтникъ, откомандированный въ нѣкоторыя губерніи по какой-то незначительной надобности, а между тѣмъ выдающій себя за важнаго государственнаго чиновника—ревизора по секретной части, является недалекимъ, невѣжественнымъ, плутоватымъ человѣкомъ, сознательно надувающимъ довѣрчивыхъ чиновниковъ; городъ Трусилкина не первый, гдѣ онъ съ помощью обмана пытается поживиться деньгами и подыскать себѣ богатую невѣсту; лжетъ онъ не съ упоеніемъ, а съ опредѣленнымъ разсчетомъ, какъ, напримѣръ, въ сценахъ съ Ученосвѣтовымъ, городничимъ и Домной Ѳоминичной: перваго напускною важностью и дерзкимъ высокомѣріемъ заставляетъ молчать объ ихъ прежнемъ знакомствѣ; у второго тономъ покровителя и вельможи выманиваетъ деньги, передъ третьей разыгрываетъ роль придворнаго сановника, чтобы вынудить у нея согласіе на бракъ съ ея богатою племянницею; у Пустолобова есть искусный планъ, который онъ спѣшитъ выполнить, и безнаказанно выполнилъ бы, если бы не его опрометчивое распоряженіе не впускать и не выпускать никого изъ города безъ вѣдома городничаго.—У Гоголя же, въ сценической редакціи, а въ особенности въ окончательной 1842 г., Хлестаковъ представляется глуповатымъ, безхитростнымъ, даже пустѣйшимъ человѣкомъ, дѣйствующимъ безъ всякаго соображенія, а лишь подъ вліяніемъ благопріятно складывающихся обстоятельствъ; только кое-какая свѣтскость и живость выдѣляютъ его изъ полнаго ничтожества; мысли у него похожи на какіе-то блуждающіе огни, перебѣгающіе съ одной лжи на другую, какъ-то безсознательно, неожиданно для самого ихъ творца; въ эти минуты онъ самъ себѣ вѣритъ, воображая, что передаетъ дѣйствительное, а не фантазію, и не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, кромѣ удовлетворенія мелкаго тщеславія; хотя онъ и беретъ взятки и неистово ухаживаетъ, но какъ-то машинально только потому, что «дураки» сами на это напрашиваются. Въ этомъ изображеніи дѣйствительно немного сходнаго[1]); но если обратиться къ первоначальному наброску «Ревизора» и ближайшей къ нему редакціи, то легко замѣтить, что раньше онъ

1) По нашему мнѣнію, ничего сходнаго. *А. Л.*

далеко не былъ таковъ: тотъ Хлестаковъ и грубѣе, и рѣзче, и болѣе невѣжественъ, и менѣе приличенъ: онъ дѣйствуетъ сознательнѣе и съ бо́льшею дерзостью и оказывается смѣтливѣе». Мы не поскупились на эту цитату, такъ какъ она одна изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ страницъ въ работѣ г. Волкова, и притомъ касается характеристики типа ревизора. Мы согласны съ авторомъ въ томъ, что въ первой редакціи «Ревизора» Хлестаковъ невѣжественнѣе и грубѣе, но не можемъ принять мнѣніе г. Волкова, что здѣсь «ревизоръ» дѣйствуетъ сознательнѣе и оказывается смѣтливѣе. Въ доказательство своего положенія авторъ могъ привести только слѣдующее: «взятку у перваго изъ чиновниковъ онъ беретъ съ бо́льшею наглостью: вдругъ прерываетъ разговоръ съ почтмейстеромъ словами: я хотѣлъ васъ попросить: не случилось ли у васъ съ собою какъ-нибудь денегъ? мнѣ понадобилось на дорогу...» При дальнѣйшей отдѣлкѣ грубые штрихи успѣли у Гоголя сгладиться; однако они не исчезли вполнѣ и въ первой сценической редакціи комедіи» (стр. 34). Мы указывали уже на то, что грубыя до каррикатурности выходки Хлестакова объясняются пріемами литературной работы Гоголя. Теперь же прибавимъ, что, какъ ни грубы черты характера Хлестакова въ первоначальныхъ набросках, все же онъ нигдѣ у Гоголя не играетъ роли *сознательнаго* обманщика. Передъ нами чудными чертами обрисованъ «добрый малый», мало сознающій свое положеніе въ домѣ городничаго. «Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь» — говоритъ Хлестаковъ въ одномъ монологѣ[1]). «Здѣсь много чиновниковъ» — говоритъ онъ нѣсколько далѣе. — «Мнѣ кажется однако, что меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье!... Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; *это съ ихъ стороны хорошо, что они мнѣ дали взаймы*... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь, посмотримъ, кто кого?» — заканчиваетъ онъ свой монологъ воспоминаніемъ о проигрышѣ и желаніемъ обыграть удачнаго против-

1) Это мѣсто находится и въ первоначальномъ наброскѣ комедіи. Соч. Гоголя, изд. 10. М. 1889, т. II, стр. 638.

ника. Какъ все это далеко отъ мелкаго плута-ревизора «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ», котораго мы видимъ въ комедіи Квитки [1]).

Мы не имѣемъ въ виду шагъ за шагомъ слѣдить за г. Волковымъ и оспаривать его доказательства и положенія. Ограничимся поэтому отдѣльными замѣчаніями, потому что и приведенныхъ выше примѣровъ довольно для сужденія о критическихъ пріемахъ г. Волкова.

Сравнительная характеристика городничихъ показываетъ также, что городничій Гоголя совсѣмъ не напоминаетъ Трусилкина въ комедіи Квитки. Общее между ними пожалуй одно: взяточничество и грубость по отношенію къ подчиненнымъ.

«Смотритель училища въ комедіи Квитки представленъ воображающимъ себя ученымъ, знатокомъ сценическаго искусства, исправляющимъ комедію Озерова «Димитрій Донской»; онъ очень хлопотливъ, любопытенъ, наивенъ и подобострастенъ (стр. 35). Кажется, ничего нельзя замѣтить у него общаго съ гоголевскимъ героемъ. Но г. Волковъ полагаетъ, что «послѣднія черты Гоголь не оставилъ (?!) въ своемъ смотрителѣ, а перенесъ на добавочныя лица Бобчинскаго и Добчинскаго».

Читая эти строки г. Волкова, поневолѣ разведешь руками. Съ такими пріемами критики можно доказать все, что угодно. Положимъ, что дѣйствительно для любопытныхъ и подобострастныхъ Бобчинскаго и Добчинскаго у Гоголя былъ прототипомъ смотритель Квитки; но каковъ вообще смотритель у Гоголя; неужели же онъ «оставилъ» другія черты Ученосвѣтова въ своемъ Хлоповѣ?..

Однако и предположеніе (точнѣе безапелляціонное убѣжденіе) г. Волкова о заимствованіи чертъ характера для Бобчинскаго и Добчинскаго изъ комедіи «Пріѣзжій изъ столицы» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято.

Вообще, увѣренность критика въ томъ, что̀ Гоголь взялъ, оставилъ, перенесъ изъ комедіи Квитки въ своего «Ревизора», прямо странна. Для него, напримѣръ, вполнѣ ясно, что изъ женскихъ ролей, *не всѣ перенесены Гоголемъ въ «Ревизоръ»*. Для критика вообще мало

---

1) Отсылаемъ читателей къ прекрасному анализу типа Хлестакова, данному В. П. Шереметевскимъ въ статьѣ «Каковъ Хлестаковъ на самомъ дѣлѣ, и за кого подчасъ принимаютъ его» (Сочиненія Шереметевскаго. М. 1897, стр. 185—236).

затрудненій при его сопоставленіяхъ, хотя бы имъ самимъ было отмѣчено, что «нельзя не указать на значительную разницу въ очертаніяхъ этихъ типовъ у обоихъ авторовъ» (стр. 36).

Убѣдившись въ томъ, что «сходство въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ комедій едва ли подлежитъ сомнѣнію», авторъ переходитъ къ анализу сценъ.

Пріемы при этомъ послѣднемъ анализѣ остаются прежніе: что не сходно у Квитки съ Гоголемъ, то послѣдній, очевидно, откинулъ. Такъ, въ семи явленіяхъ перваго дѣйствія Квитка собираетъ въ день прихода почты городское общество, чиновники и ихъ дамы являются къ городничему для просмотра свѣжихъ новостей и модныхъ журналовъ; Ученосвѣтовъ сообщаетъ о заѣзжей труппѣ актеровъ и предполагаемомъ спектаклѣ и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ у Гоголя. Какъ же это могло случиться, если Гоголь подражалъ Квиткѣ? Да очень просто: эти сцены «онъ откинулъ, какъ замедляющія дѣйствіе вялостью споровъ о модахъ и правилахъ воспитанія» и т. д. (стр. 37). Городничій Трусилкинъ получаетъ письмо, извѣщающее о проѣздѣ ревизора и сообщаетъ его чиновникамъ. Письмо производитъ суматоху, рѣшено принять своевременно мѣры для пріема ревизора.

Эта сцена — единственная притомъ — дѣйствительно немного напоминаетъ «Ревизора».

Приведемъ для ясности эту сцену. Городничій, прерывая чтеніе письма, громко обращается къ собравшимся:

— Вотъ важная новость! Слушайте, слушайте всѣ. Это ко всѣмъ относится.

Всѣ. Что, что такое? Читайте.

Городничій. Это пишетъ ко мнѣ одинъ изъ служащихъ въ губернаторской канцеляріи; онъ у меня на пенсіи: «Почтенный *благодѣтель* Ѳома Ѳомичъ! Имѣю честь поздравить васъ съ наступленіемъ теплой погоды и пріятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро сблизится время третному отъ васъ окладу. Присемъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизіи, доставлять деньгами, по справочнымъ цѣнамъ. Это будетъ круглѣе и по нынѣшнимъ непріятнымъ временамъ осторожнѣе. При семъ извѣщаю васъ, что его превосходительство г. губернаторъ получилъ какія-то бумаги изъ Петербурга, но еще къ намъ не переданы, и потому мнѣ неизвѣстно ихъ содержаніе, а когда узнаю,

то сообщу... При семъ *спѣшу васъ увѣдомить:* держите ухо востро! Черезъ вашъ городъ поѣдетъ важная и знатная особа—но кто? неизвѣстно... Онъ выѣзжаетъ завтра и по расчету будетъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ. Затѣмъ *и проч.*»

Въ письмѣ этомъ останавливаютъ на себѣ вниманіе г. Волкова слѣдующія мѣста: начало его и подчеркнутыя нами мѣста: почтенный *благодѣтель*, *спѣшу увѣдомить*, *и проч.* Послѣднія дѣйствительно напоминаютъ письмо къ городничему въ «Ревизорѣ», гдѣ читаемъ: «любезный другъ, кумъ и *благодѣтель*»; «*спѣшу* между прочимъ *увѣдомить* тебя, что сюда пріѣхалъ чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ»; «ну, тутъ пошли ужъ дѣла семейныя... сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ со своимъ мужемъ, Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ *и проч.*, *и проч.*».

Мы полагаемъ, однако, что эти сходныя выраженія ровно ничего не доказываютъ. Два первыя изъ нихъ не что иное, какъ обычная формула писемъ стараго времени, при чемъ выраженіе «спѣшу увѣдомить» встрѣчается не разъ и въ письмахъ ближайшаго къ намъ времени.

Въ письмахъ, напримѣръ, матери Гоголя, Д. П. Трощинскій не разъ называется «благодѣтелемъ»[1]). Самъ Гоголь, въ раннихъ письмахъ своихъ находившійся повидимому подъ вліяніемъ материнскаго слога, называетъ Трощинскаго «благодѣтелемъ Малороссіи»[2]). Въ раннихъ письмахъ его (1824—1827 гг.) встрѣчаемъ: «увѣдомляю васъ», «постараюсь, сколько возможно скорѣе увѣдомить васъ», «за первый долгъ почелъ васъ увѣдомить», «спѣшу извѣстить васъ»[3]). Словомъ, выраженія подобныя приведеннымъ были просто ходячими формулами, и заимствовать ихъ Гоголю у Квитки не приходилось.

Сопоставляетъ г. Волковъ и встрѣчающіяся въ сравниваемыхъ имъ письмахъ выраженія о губернаторѣ: «Г. губернаторъ съ нимъ съ аттенціею; многаго писать не смѣю; онъ ѣдетъ яко бы въ Крымъ, но имѣйте предосторожность» (у Квитки); «У насъ даже губернаторъ узналъ его послѣ выѣзду» (у Гоголя). Есть ли общее въ этихъ выраженіяхъ?

---

1) В. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. I. М. 1892, стр. 66—67.
2) Письма Гоголя, о. с. I, стр. 51.
3) Тамъ же, т. I, стр. 23, 37, 44, 57.

Мы не отрицаемъ, что сходство въ завязкѣ обѣихъ комедій есть: письмо играетъ одинаково важную роль въ нихъ. Наиболѣе вѣроятное объясненіе этого сходства, которое могло быть вызвано такъ сказать общимъ источникомъ этихъ комедій, далъ г. Александровскій въ названной нами ранѣе статьѣ о «Ревизорѣ». «По всей вѣроятности», — говоритъ онъ, — «въ виду часто повторявшихся въ русской жизни случаевъ, подобныхъ описанному въ «Ревизорѣ», сложился бродячій разсказъ, анекдотическаго свойства, въ которомъ подробно разсказывалось о мнимомъ ревизорѣ и одураченныхъ имъ провинціальныхъ чиновникахъ. Подобнаго рода анекдотическіе разсказы на тѣ или другія «злобы дня», или, вѣрнѣе, эпохи и теперь, какъ извѣстно, въ большомъ ходу въ русскомъ обществѣ и народѣ. Весьма возможно, что и Гоголь и Квитка обработали одинъ изъ подобныхъ разсказовъ, чѣмъ и объясняется то сходство, которое замѣчается въ ихъ комедіяхъ. Само собою разумѣется, что это предположеніе, проливая нѣкоторый свѣтъ на созданіе «Ревизора», нисколько не бросаетъ тѣни на Гоголя и его безсмертную комедію»[1]).

Это же предположеніе г. Александровскаго прекрасно объясняетъ, почему самъ Квитка не протестовалъ противъ «заимствованій» изъ своей комедіи, сдѣланныхъ будто бы Гоголемъ. Очевидно, онъ прекрасно понималъ, что такой протестъ не имѣлъ подъ собою почвы.

Мы не ставили себѣ задачей полемизировать съ г. Волковымъ и оспаривать его заключенія; мы желали только показать, насколько не глубокъ и одностороненъ его методъ изученія знаменитой комедіи. Поэтому, ограничиваясь предыдущими примѣрами, приведемъ только два его сопоставленія.

«Остановимся» — пишетъ г. Волковъ — «еще на одной изъ послѣднихъ сценъ въ обѣихъ комедіяхъ — на раскрытіи самозванства Пустолобова — Хлестакова. И въ той и въ другой комедіи мнимые ревизоры, озаботившіеся убраться на казенныхъ лошадяхъ изъ гостепріимнаго города, узнаются по письмамъ, *съ тою разницею, что у*

---

1) Александровскій, о. с., стр. 211. — Укажемъ кстати на нѣкоторыя указанія ходячихъ анекдотовъ, нашедшихъ себѣ мѣсто и въ комедіи Гоголя, которыя даны Н. А. Смирновымъ въ статьѣ: «Къ литературной исторіи текста «Ревизора» Гоголя (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ* 1901 г., т. VI, кн. I, стр. 235—241).

Квитки письмо получено отъ губернатора, а у Гоголя почтмейстеръ приноситъ вскрытое имъ письмо самого Хлестакова, которое тотъ вздумалъ послать своему пріятелю». Разница, какъ видно, настолько существенная, что едва ли можетъ быть рѣчь о сходствѣ между положеніями въ нашихъ комедіяхъ. Кстати припомнимъ, что неожиданныя «узнанія» (по старому термину Аристотеля), основанныя на случайно попавшихъ въ руки письмахъ, дѣло обычное даже въ современныхъ комедіяхъ. Но г. Волковъ далекъ отъ подобныхъ мыслей: письма не похожи, «но впечатлѣніе отъ нихъ одинаково: страшная досада и негодованіе городничаго и другихъ чиновниковъ на свою близорукость, что мы находимъ и у Квитки, хотя и не въ той же степени, какъ у Гоголя» (стр. 52).

Еще бы!

Нѣмая сцена Гоголя сравнивается г. Волковымъ съ нѣмой сценой у Квитки, когда дѣйствующія лица узнаютъ о бѣгствѣ Пустолобова съ одной изъ дамъ. У г. Александровскаго мы находимъ другое указаніе, что подобная нѣмая сцена встрѣчается въ комедіи XVIII вѣка Клушина «Смѣхъ и горе». Слѣдовательно, и тутъ едва ли Квитка былъ учителемъ Гоголя.

Свою статью г. Волковъ заключаетъ словами: «Да проститъ память Гоголя, если теперь дѣйствительно раскрылась та тайна, въ которую онъ не пожелалъ посвятить даже ближайшихъ своихъ друзей» (стр. 64).

Мы полагаемъ, что г. Волковъ не раскрылъ никакой тайны, и ему незачѣмъ извиняться передъ тѣнью Гоголя. Для историко-литературнаго анализа литературныхъ произведеній нужно глубокое изученіе *всего* писателя, а не мелочныя сравненія, которыя не приведутъ ни къ какимъ результатамъ.

Да, много доставила горя Гоголю при жизни комедія «Ревизоръ»; много поспѣшныхъ и тяжелыхъ для памяти автора толкованій вызывала она и послѣ его смерти. Будемъ же справедливы къ памяти великаго писателя; будемъ ему больше *вѣрить вообще*, и повѣримъ въ частности, что о комедіи Квитки онъ только слыхалъ, но не читалъ ея.

А. Лященко.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Ааронъ, епископъ Архангельскій—268, 269, 276.
Авраамъ, праотецъ — 119, 121.
Австралія — 188.
Австрія — 32, 35—37, 39—41, 44—47, 50—57, 59, 61, 62, 67, 68. Австрійцы — 32, 33, 39, 46, 53, 68.
Агамоновъ, Михаилъ Андреевичъ, инженеръ-подполковникъ — 433.
Агаряне — 121.
Агаѳонъ (въ стихотвореніи Дельвига)—199.
А., Д. — V.
Адметъ — 310, 363.
д'Азельо, Массимо, поэтъ италіанскій—35.
Азибабъ, царевичъ — 6.
Азія — 485.
Азовское (Азачское) море — 103, 104.
Азовъ, городъ — 103, 104.
Академіи:
Вѣнская — LXI.
Казанская духовная — XXX.
Кіевская духовная — 93, 96.
della Crusca во Флоренціи — 494.
Наукъ въ Петербургѣ—V, VII, VIII, XIV, XVI, XXIII, XXIX, XXXIII, XXXV — XXXIX, XLI, XLII, LVIII, LXI. — 169, 184, 186, 218, 219, 423, 457.
Парижская — 450.
degli Umidi — 494.
Академія художествъ — XVI. — 165, 168, 169, 181, 186.
Аксакова, Надежда Тимоѳеевна, см. Карташевская.
Аксакова, Ольга Семеновна — 382, 438.
Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ—XXXV.—430.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ — XXXV.—385, 386, 395, 425.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ—XXXV. 382, 385, 387, 400, 419, 420, 422, 524, 526.
Аксаковы — 382, 385, 387.
Аккерманъ, см. Бѣлградъ.
Александра Павловна, великая княгиня, палатина Венгерская — 44, 173.
Александрія, городъ — 53.
Александровская мануфактура — 432.
Александровскій, Г. — XI. — 524, 529, 539, 540.
Александровскій садъ, въ Архангельскѣ — 254.
Александровскій Царскосельскій лицей — 177, 187, 190, 195, 197 — 205, 208 — 210, 213, 215, 505.
Александръ **Невскій**, св. — 3, 120.
Александръ **I**, императоръ — XXII. — 62, 63, 173, 174, 186, 188, 190, 197, 213, 236, 248, 256, 345, 453.
Александръ **II**, императоръ—442, 445.
Алексинъ, Карпъ, воевода — 119.
Алексѣй, св., митрополитъ Московскій — 5, 101.

Алехинъ, Николай Михайловичъ — 338.
Алжиръ — 48.
Алупка — LIX.
д'Альяно, d'Agliano, завѣдывающій Туринскимъ архивомъ — 35.
Альбомы:
Пушкинской выставки—XLI.—219.
Семевскаго — IV.
Альдабелла, маркиза (въ піесѣ Мильмана «Fazio») — 495.
Альквистъ, Августъ — XIX, XX.
Альпы — 42, 323.
Альта, рѣка — L.
Альфіери — 296, 319.
Амаликъ — 122.
Аманда, принцесса Вавилонская (въ поэмѣ «Оберонъ» Виланда) — 507.
Анастра, городъ — 104.
Амвросій, архіепископъ Тверской и Кашинскій — 228—230, 238, 270.
Америка — 496, 497.
Анносовъ, Николай Алексѣевичъ — 433.
Амстердамъ (Амстрадамъ) — 23—29.
Амуратъ, султанъ Турецкій — 105.
Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ— 199.
Анастасія (въ сказкѣ «Еруслань Лазаревичъ») — 514.
Англійскій клубъ — 385, 461.
Англія — 37, 40, 41, 46, 47, 50, 51, 56, 60—62, 90, 188, 301, 305, 306, 441, 489.
Англичане — 61, 299.
Ангулаферъ, исполинъ (въ поэмѣ «Оберонъ» Виланда) — 508.
С.-Андре, графъ, губернаторъ Турина— 32, 34.
Андецено, графъ — 49.
Андрей, князь Муромскій — 116.
Андрей Ольгердовичъ, князь Брянскій— 118 — 120, 122.
Андрей Черкисовичъ, воевода — 116.
Анжело, Миланскій герцогъ — 498— 500.
Андросовъ, Василій Петровичъ — 285.
Анепсій, царь (изъ легенды о табакѣ)— 95 — 97.
Анисья, прислуга — 234.
Анкона, городъ — 40.
Анна Іоанновна, императрица — XIV, XVI, XXV.
Анна Павловна, великая княжна, впослѣдствіи королева Нидерландская— 43, 44.
Анна Болейнъ (въ поэмѣ Мильмана) — 494.
Анна Кирилловна («Ревизоръ») — 538.
Анненковъ, Николай Николаевичъ — 340, 342, 343.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ — IX, X, XXXIV, XXXVII, XXXIX, LII.— 489—491, 493.
Антоній (въ драмѣ Дюма) — 401.
Антоній, патріархъ Цареградскій—105, 106.
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ — XXXIV.
Аостская герцогиня — 33.
Аостскій герцогъ — 49.
А., П. Н. — 343.
Аполлонъ — 164, 184, 231, 250, 341, 357, 363.
Апулей — 205.
Аракчеевъ, графъ Алексѣй Андреевичъ — 271, 272.
Араповъ, Пименъ Николаевичъ — 372.
Арарь, страна — 6.
Арина Родіоновна, няня Пушкина— 504, 514, 515.
Аристархъ — 202, 204, 206.
Аристовъ, Николай Яковлевичъ — XII.
Аристотель — 309, 540.
Аристофанъ — 454.
Аристъ, см. Теребеневъ.
Аристъ (въ «Сатирѣ на игроковъ» и въ эпиграммѣ Великопольскаго) — 367, 371.
Аріостъ — LIV.—507, 516, 517.
Аркадія — 374.
d'Arlaincourt, виконтъ — 389.
Армяне — 21.
Арно, рѣка — 499, 500.
Артемьевъ, Александръ Ивановичъ — XVII, XXIV.
Арузтъ, см. Вольтеръ.
Архангельскій, Александръ Семеновичъ — XLI. — 460.
Архангельская губернія, Архангельскій

край—90, 238, 253, 260, 261, 263, 264, 268.
Архангельскій уѣздъ—262.
Архангельскъ, городъ—15, 21, 24, 25, 90, 221, 250, 252—257, 259—261, 270—272, 274, 275, 277—279.
Архангельцы—264.
Архивы:
Александровскаго лицея—177, 195, 196, 201.
Амстердамскій общинный (Gemeente Archief)—23.
Государственный въ Гаагѣ—29, 30.
Департамента герольдіи—336.
Казанскаго университета—338.
Конференціи Академіи наукъ—423.
Министерства народнаго просвѣщенія—177, 212, 219.
Министерства финансовъ по Департ. гос. казначейства—280.
Московскій главный М. ин. дѣлъ—XX.—2, 111.
Общества любителей словесности, наукъ и художества—340.
Общій Главнаго штаба—343.
Остафьевскій князей Вяземскихъ—XXXVIII, XL.—236, 486.
С.-Петербургскаго университета—XLIII.
Туринскій—33, 35, 41, 46, 65.
Человѣколюбиваго общества—177, 211.
Ассебургъ, А. Ф. баронъ—XXI.
Астафьевъ, Н. XLV, XLVI.
Астравія, городъ—104, 105.
Астрахань, городъ—256.
Астье, писатель—216.
Атамановъ, Константинъ Васильевичъ—177.
Аттила—412, 413.
Аѳанасьевскій переулокъ, въ Москвѣ—386.
Афанасьевъ, Николай Ивановичъ—IV.
Афинья Александровна, мать Добрыни—258.
Ахиллъ—193.
Аѳины—310.

Б.

Бавкида—339.
Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ—XXXVI.
Байеръ, Теофилъ—183.
Байковъ, Матвѣй Андреевичъ—431.
Байронъ—284, 285, 319, 326, 331, 389, 455.
Баконъ—298.
Балашевъ, В. С., содержатель типографіи—XXVI.
Бальбо, Гаэтано, посланникъ Сардинскій при Русскомъ дворѣ—33—63, 65, 67, 68.
Бальбо, Просперъ, посолъ Сардинскій въ Парижѣ—35.
Бальбо, Чезаро, поэтъ—35.
Bambeeck, Bambeecq, названіе корабля—29, 30.
Бараново, деревня—345.
Барковъ, Иванъ Семеновичъ—310.
Барнаулъ, городъ—XVII.
Барри Корниваль, писатель—493.
Барскій, Василій, путешественникъ—XXV.
Барсовъ, Антонъ Алексѣевичъ—135.
Барсовъ, Ельпидифоръ Васильевичъ—XV, XVI, XXIV.
Барсовъ, Николай Петровичъ—XVII.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ—XXI.—110, 212, 387, 413, 438—440.
Бартельсъ, Іоганнъ—338.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ—XIV.—368, 370, 525.
Бартоло (въ піесѣ Мильмана «Fazio»)—492—500.
Батавія—29, 30.
Батте—293, 294, 303, 322, 323.
Батый—470.
Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ—VIII, IX, XXVI—XXVIII, XXXIV, XXXV, XXXVII, XL, XLII.—141, 148, 177, 182, 190, 192—194, 206, 216, 311.
Батюшковъ, Помпей Николаевичъ—XXVI, XXXIII.
Батюшковъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ—IX, XXVII.
Баугинъ, К.—97.

Бауеръ, Василій Васильевичъ — XLV, XLVI.
Бахусъ — 231.
Башиловъ, Александръ Александровичъ — XV.
Безбородко, князь Александръ Андреевичъ — 109.
Безобразовъ, Александръ Михайловичъ — 252.
Безсонымкинъ, Иванъ Ивановичъ — 284.
Безсоновъ, Петръ Алексѣевичъ — XXII.
Бекетова, Екатерина Андреевна — XXXVIII.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ — 457.
Беотія — 305.
Бередниковъ, Яковъ Ивановичъ — 218.
Бережно-Дубовскій погостъ (Ол. губ.) — XVIII.
Березинъ, Илья Николаевичъ — III.
Березуи (Береза), мѣстечко — 119.
Берлинъ — 33, 39, 42, 51, 53, 61, 69.
Бернардъ, Даніель, голландскій уполномоченный — 26, 28.
Бернардъ (въ посланіи Вольтера) — 349.
фонъ-Бернсторфъ, Элиза, писательница — XXXIX.
Берсеневка, улица въ Москвѣ — VI.
Бессарабія — XXXIII. — 525.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ — 452, 464.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ — XIV.
Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ — XXVII, XXIX, XXXI, XXXVI, XXXVIII, XLII.
Бешту, гора — 483—485.
Бибикова, Елизавета Михайловна — 345.
Бибикова, Маргарита Ивановна, рожденная Назимова — 345.
Бибикова, Настасья Михайловна, см. Томилина.
Бибикова, Ольга Михайловна, см. Фигнеръ.
Бибикова, Софья Михайловна, см. Джонсонъ.
Бибиковъ, Михаилъ Ивановичъ — 345.
Библіотеки:
Академіи наукъ — XXIII. — 8, 161, 163.
Главнаго архива М. ин. дѣлъ въ Москвѣ (Иностранной коллегіи) — 2.
Казанской духовной академіи — XXX.
Публичная въ Москвѣ — XXV.
Публичная въ Петербургѣ — III, XXX, XXXII. — 100, 107, 110, 111, 157, 177, 179, 181, 187, 188, 204, 213, 220, 273, 337, 410, 428, 484, 491.
Синодальная — XXV. — 192 и Типографская Синодальная же — XXV.
Утрехтская университетская — 15.
Бируковъ, Александръ Степановичъ — 274.
Биссонъ — 430.
Битюгъ, рѣка — 103.
Біанка (въ піесѣ Мильмана «Fazio») — 493—497, 500.
Біанки, ученый — 34.
Біонъ, поэтъ — 191—194.
Благородное собраніе, въ Москвѣ — 390, 391.
Бланшардъ, писатель — 179.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ — XXXIV.
Боало — 164, 303, 304, 320, 322.
Бобровъ, Сергѣй Семеновичъ — 324.
Бобровъ (Боброкъ, Волынецъ), Дмитрій Михайловичъ, воевода литовскій — 122, 123.
Бобчинскій — 529, 530, 532, 536.
Бова-королевичъ — 390, 515.
Богдановичъ, Ипполитъ Ѳедоровичъ — 191, 309, 322, 516.
Богишичъ, Вальтазаръ Власьевичъ — XXIII.
Болгары — 412.
Болховская, княжна Евдокія Сергѣевна, см. Мусина-Пушкина.
Болховская, княжна Надежда Сергѣевна, см. Моисеева.
Болховскіе, князья — 337.
Большая Якиманка, улица въ Москвѣ. — 376.
Бонапартъ, см. Наполеонъ I.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ — 370, 460.
Бореель, Іаковъ — 26, 28.

Борисова, супруга Тверского губернатора — 227, 228, 233, 237, 250, 253.
Борисовъ, Василій Адріановичъ—225—228, 231—233, 235, 236, 238, 239, 241, 250, 253, 274.
Борисъ, князь, св.—XLVIII—L.—116.
Борисъ Васильевичъ, князь Московскій—9.
Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ — LIII, LIV.—249, 322, 327, 331, 332, 452, 457, 467.
Бородино—414, 416.
Бородинская битва (въ піесѣ Великопольскаго)—397, 400, 413, 414.
Ботанибей — 188.
Боульсъ, писатель — 493.
Боцяновскій, Владиміръ Ѳеофиловичъ—469 — 488.
Боченковъ, унтеръ-офицеръ — 424.
Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ — XXIV.
Брикнеръ, Александръ Густавовичъ — 34, 60 — 62.
Брогліо, графиня Анна Петровна — 383.
Брокгаузъ — III, IV, XXXVII. — 177.
Брокъ, Фридрихъ Ѳедоровичъ — 439.
Бругманнъ, К. — 76, 77, 82, 83, 85.
Брункъ, издатель — 190.
Брунъ, Генрихъ Карловичъ, писатель—104.
Брусиловъ, Николай Петровичъ — 253.
Брутъ — 464.
Брызгуновъ, Тимоѳей Никифоровичъ, сказитель — XVIII.
Брэдеръ, писатель — 188.
Брянскъ, городъ — 118.
Будде, Евгеній Ѳедоровичъ — XLII.—125, 148.
Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ — XIV.
Булаховъ, Павелъ Петровичъ, пѣвецъ — 424.
Булгаковъ, Ѳедоръ Ильичъ — XXIII.
Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктовичъ — 328, 329, 357, 358, 368—372, 410, 425, 458, 459, 464.
Буле, Іоганнъ-Теофилъ — 181—185, 191.
Буличъ, Николай Никитичъ — XXVI.—337.
Бунина, Анна Петровна — 251.
Бурачекъ, Степанъ Анисимовичъ—330.
Бурухинъ, Матвѣй, постельничій — 3.
Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ — 1, 111, 128, 150, 151, 155.
Бутурлинъ, Пелухтъ — 10.
Бутырскій, Никита Ивановичъ — 213.
Бухаринъ, Иванъ Яковлевичъ — 256, 257, 260, 263, 264, 271—273, 278.
Бывалцовъ, см. Ѳеодосій.
Быковъ, Петръ Васильевичъ — III, IV.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ—XL.—216.
Бычковъ, Иванъ Аѳанасіевичъ — 221.
Бѣжецкъ, городъ — 243, 245.
Бѣлградъ, городъ — 105.
Бѣлградъ (въ стихотвореніи Илличевскаго) — 206, 207.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ — 217, 307, 314, 330 — 332, 385 — 387, 389, 395, 396, 399, 450, 488, 500.
Бѣлокаменная, см. Москва.
Бѣлуха-Кохановскій, Михаилъ Андреевичъ — 204, 208.
Бѣляевъ, Иванъ Дмитріевичъ — 13.

В.

В., А. — XVIII.
В., В. В., см. Строевъ, Владиміръ Михайловичъ.
В*, И. В., И. Е. В., Ивелевъ, Ивельевъ, см. Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ.
Вадимъ (въ балладѣ того же имени Жуковскаго) — 516, 517, 520, 521.
Вакуловскій, Н. Н. — VII.
Валентинъ, писатель — 419.
Валлэзъ, графъ, посланникъ Сардинскій при Австрійскомъ дворѣ — 46, 47, 51, 61, 62.
Валуевъ, графъ Петръ Александровичъ — 443.
Варлаамъ Хутынскій, св. — 8.
Варшава — 313.
Варяги — 117.
Василій Новый, св. — 104.
Василій, паломникъ — XXV.

Василій, лѣтописатель — XLIX.
Василій Васильевичъ Темный, великій князь Московскій — 7, 8.
Василій Дмитріевичъ, великій князь Московскій — 2—4, 6, 106, 113.
Василій Іоанновичъ, великій князь Московскій — 11.
Василій Каріотскій, матросъ — XX, XXI, XXVIII.
Василій, царь Неаполитанскій (въ старинной пѣснѣ) — 258.
Василій, Васька, слуга (въ трагедіи «В. Влонскій» Великопольскаго) — 393.
Василько Ростиславичъ, князь Волынскій — XLIX.
Васильевскій, Василій Григорьевичъ — XXXIX.
Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ — XXXIII.
Великіе Луки, городъ—11, 336, 345, 352.
Великое море, см. Черное.
Великолуцкій уѣздъ — 336, 359, 364.
Великопольская, А. П. — 346.
Великопольская, Любовь Ермолаевна, см. Ростовская.
Великопольская, Надежда Ермолаевна, см. Колбецкая.
Великопольская, Надежда Ивановна, см. Чаплина.
Великопольская, Надежда Сергѣевна, см. Моисеева.
Великопольская, Прасковья Ермолаевна, см. Осокина.
Великопольская, Софья Матвѣевна, рожденная Мудрова — 376—387, 389, 394, 395, 432, 435, 437—439.
Великопольская, Устинья Никитична, рожденная Радилова — 336.
Великопольская, Фавста Ермолаевна, см. Нератова.
Великопольскіе — 338, 382, 383, 385.
Великопольскій, Ермолай Ивановичъ — 336, 337, 376.
Великопольскій, Иванъ Ермолаевичъ — 335—445, 464.
Великопольскій, Николай — 336.
Великопольскій, Николай Ивановичъ — 336, 359.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ — XXXIV, XXXV, XL.
Вельяминова-Зернова, Анисья Ѳедоровна, см. Кологривова.
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ — IV. — 335.
Венелинъ, Юрій Ивановичъ—412, 413.
Венеціанская республика — 39.
Венеціанскія владѣнія — 52.
Венеція, городъ — 39.
Веніаминъ (Смирновъ), архимандритъ Архангельскій — 268.
Вернеръ, писатель — 327.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ— III, VII, XXI. — 97.
Веселовскій, Николай Ивановичъ — XXIV.
Весконте — 104.
Вешняковъ, Игнатій Михайловичъ, стряпчій — 3, 13.
Византія — 104.
Виландъ — 507, 508.
Вилькинсъ, Софья Ивановна, см. Чеботарева.
Вильменъ, Абель-Франсуа — 299—301.
Вильсонъ, писатель — LII. — 493.
Винкельманъ —184, 196, 197.
Виргилій — 164, 180, 196, 295.
Виргинія, С.-Ам. штатъ — 90.
Висковатой, князь Ѳедоръ Семеновичъ, бояринъ — 120.
Витбергъ, Ѳедоръ Александровичъ — 144.
Витебскъ — 382.
Витвортъ, посолъ англійскій при Русскомъ дворѣ — 40, 51.
Витовтъ, великій князь Литовскій—106.
Вицкій, чиновникъ въ Твери — 234.
Владимірова, А. И. — 221.
Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ — 506, 508, 514, 516.
Владиміровъ, слѣпецъ-учитель (въ драмѣ Великопольскаго) — 417—422.
Владимірская губернія — 92, 147, 152.
Владиміръ, св., князь Кіевскій — XXXII. — 79, 388, 504, 521.
Владиміръ Андреевичъ, князь Серпуховскій — 107, 116, 119, 120, 122, 123.
Владиміръ Влонской (въ трагедіи того же имени Великопольскаго) — 388—392, 394, 399.

Владиміръ (Володимиръ), городъ — 9.
Водл-озеро, Ол. губ. — XVIII.
Воейковъ, Александръ Өедоровичъ. — XXXIII. — 252, 259, 328, 464.
Воксалъ (публичный садъ въ Твери) — 239.
Вокшеринъ, Сумарокъ, дьякъ — 11.
Вокшерскъ, городъ — 252.
Волга — XXIV. — 225, 233, 240, 251, 252, 364, 440, 525.
Воленсъ, Василій Петровичъ — III.
Волковъ, Алексѣй Гавріиловичъ — 163—165, 169, 170.
Волковъ, Григорій Гавріиловичъ — 164, 169.
Волковъ, Николай Владиміровичъ — 523—525, 527, 528, 530—533, 535, 536, 538, 540.
Волковъ, Өедоръ Григорьевичъ — 424.
Волконскій, князь Григорій Петровичъ — 402, 406.
Вологда — 251—253.
Вологодская губернія — XXI, XXIII, XXX. — 253.
Волховъ, рѣка — 139.
Волченки, деревня — 279.
Волчкова, см. Хилкова, княгиня Е. С.
Волынецъ, Дмитрій, см. Бобровъ.
Волынскій, Иванъ Михайловичъ, дворецкій — 11.
Вольтеръ — 164, 249, 296, 298, 322, 342, 349, 388, 418, 454, 506, 507, 517.
Вольфъ, А. И. — 416.
Vondrák, V., писатель — 78.
Воронежъ, рѣка — 103.
Вороновъ, Андрей Петровичъ — XLIII.
Вероновъ, Андрей Степановичъ — 197, 212, 217.
Воронцовъ, графъ Семенъ Романовичъ — 61.
Востоковъ, Александръ Христофоровичъ — XXXVII. — 128, 135, 148, 161—175, 212.
Вохромѣй, царь (въ сказкѣ «Еруланъ Лазаревичъ») — 513, 514.
Вошанъ, волость — 11.
Врангель, баронъ Егоръ Васильевичъ — 338.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ — 463.
Всеволожскій, Николай Сергѣевичъ — 424.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ — XXXIX, XL.
Вытегорскій уѣздъ — XXVII.
Вышній-Волочекъ — 247.
Вѣна — 31, 32, 47, 49—51, 56, 62.
Вяземскіе, князья — 236, 486.
Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ — XXVIII.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ — XXXIII, XXXVIII, XL. — 236, 298, 309—312, 314—316, 324, 447, 450—453, 458, 461, 465, 485, 486.
Вятчане — 7.

Г.

Гаага, городъ — 29.
Габэ, сардинскій военный комиссаръ — 33, 34.
Гагедорнъ, писатель — 323.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ — 200, 206, 208, 491.
Галаганъ, Павелъ Григорьевичъ — 524.
Галата, въ Цареградѣ — 6, 105.
Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ — XXXIII. — 295, 296, 312, 492.
Галичъ, Александръ Ивановичъ — 185, 201, 293.
Галле, астрономъ — 389.
Галлеръ, писатель — 323.
Галузина, деревня — 386.
Гальяни (Гальони, Кальони) содержатель гостинницы — 236.
Гальянова улица, въ Твери — 236.
Гамильтонъ, Антуанъ — 516, 517.
Гамлетъ — 331.
Гампельнъ, художникъ — 365.
Гарлесъ — 192.
Гарпократъ — 170, 172.
Гатчина, городъ — LXI.
Гауеншильдъ, Фридрихъ — 200.
Гаукинсъ, Іоганнъ — 90.
Гацискій, Александръ Серафимовичъ — XXIX.
Гашеръ — XIX.
Гезіодъ — 181, 292.
Геинзій — 212.
Гегель — 286—288.
Гейдекоперъ, Іоаннъ, рыцарь — 26, 28.

Гейтманъ, Егоръ, граверъ — 482.
Гекуба — 190.
Геннита, О. О., композиторъ — 372.
Геннадій, Григорій Николаевичъ — 179, 188, 204, 213, 269, 335.
Геннадій, архіепископъ Новгородскій — 11, 14.
Генуа — 42, 53, 70.
Генуезскія колоніи — 104.
Георгіевскій, Петръ Егоровичъ — 209.
Георгіевскъ, городъ — 483.
Георгій, великомученикъ — 268.
Георгъ IV, король Англійскій — 268.
Гераклія Понтійская, см. Пунторахія, также Регли, Эрегли.
Герасимъ Поповка, книжникъ XV вѣка — XLII.
Гердеръ — 452.
Германія — IX, XXV. — 39, 185, 287, 296, 298, 429, 447, 448, 452.
Гете — LII. — 285, 292, 327, 331, 448, 449, 471.
Гёттингенъ — 182.
Гиббонъ — 413.
Гизо — 299.
Гильтебрандтъ, Петръ Андреевичъ — VIII.
Гильфердингъ, Александръ Ѳедоровичъ — XVI, XVIII, XXVII.
Гилянъ, маркизъ — 33.
Гимназіи:
Архангельская — 260, 261.
Императорскаго Человѣколюбиваго общества — 211.
При Академіи наукъ — 169.
При Московскомъ воспитательномъ домѣ — 195.
Санктъ-Петербургская 2-я — XLIII.
Тверская — 260.
Университетская Московская — 179.
Гіонъ (въ поэмѣ «Оберонъ» Виланда) — 507, 508.
Глазуновъ, Иванъ Ильичъ, книгопродавецъ — XII.
Глегевичъ, А. М., поэтъ — XXVIII.
Глинская, Елена, княжна, см. Елена Васильевна, великая княгиня.
Глинскіе, князья — 10, 11.
Глѣбъ, князь, св. — XLVIII—L. — 116, 119.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ — 194, 295, 487.
Гоголь, Марія Ивановна, — 538.
Гоголь, Николай Васильевичъ — LX. — 126, 144, 385, 387, 390, 393, 395, 523—540.
Годуновъ, Борисъ, см. Борисъ Годуновъ.
Годуновы — LIV.
Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Арсеній Аркадіевичъ — LIX, LX. — 132, 141, 143—145.
Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, князь Михаилъ Илларіоновичъ — 188, 342—344, 416.
Голицынъ, князь Александръ Николаевичъ — 197, 378.
Голландія — XIX. — 15, 16, 23, 30, 90.
Голубевъ, Петръ Ивановичъ — 234.
Гольмстенъ, Адольфъ Христіановичъ — XLIII.
Гомеръ — 164, 258, 292, 295, 420, 451.
Гончаровъ, Иванъ Александровичъ — XLI.
Горнъ, мысъ — 29.
Горацій — 169, 196, 205, 295, 296, 322, 451.
Горбатый Кисло, князь Михаилъ Васильевичъ — 11.
Горбовъ, Н. М. — XLI.
Горленко, Василій Петровичъ — XXXIV.
Городчаниновъ, Григорій Николаевичъ — 338.
Гордтъ, графъ — XIX.
Горчакова, Марья Александровна, рожденная Лихачева — 384.
Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ — 204.
Горчаковъ — 384.
Готшедъ, П. Н. — 323.
Готье, книгопродавецъ — 382.
Гофманъ, критикъ французскій — 296.
Грамматинъ, Николай Ѳедоровичъ — 224.
Гранатъ, А., издатель Энциклопедическаго словаря — IV.
Грація — 190, 191.
Граццини, Антонъ Франческо, писатель италіанскій — 494, 496.
Греки — 17, 190, 191, 292.
Греція — 190, 287, 289, 306.

Гречъ, Николай Ивановичъ — 135, 170, 311, 328.
Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ— X.—141, 142, 150, 321, 389, 390, 393.
Григорій Цамблакъ, митрополитъ Кіевскій — 5, 7.
Григорій, протодіаконъ — 103.
Григоровичъ, I. — 434.
Григорьевъ 1-й, Петръ Ивановичъ, актеръ — 416, 424.
Григорьевъ 2-й, Петръ Григорьевичъ, актеръ — 424.
Grimaldi, Guglielmo (въ новеллѣ того же имени) — 494 — 496.
Гримъ, Яковъ — IX.
Громобой (въ поэмѣ «Русланъ и Людмила») — 516, 518.
Гротъ, Яковъ Карловичъ — XXIII. — 127, 128, 148, 161, 178, 198—205, 209, 210, 213, 215, 217, 218, 220, 318, 319, 396, 462.
Грузинки — 482.
Губерти, Николай Васильевичъ—XXX.
Гульковскій — 439.
Гуляевъ, С. И. — XVII.
Гуммель, Іоаннъ, композиторъ — 361.
Гунны — 412.
Гурзуфъ — LIX.
Гусинъ бродъ — 121.
Гюго, Викторъ — 289, 303, 389.

Д.

Давидъ, царь — 99.
Давыдовъ, Григорій Ѳедоровичъ, бояринъ — 11.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ — IX, 459.
Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ — 187, 208, 217, 284.
Давыдовы (Александръ и Василій Львовичи, братья Н. Н. Раевскаго по второму браку его матери) — 484, 486.
Дальвицъ, баронъ Германъ Карловичъ— 431.
Даль-Окка, см. Шоберлехнеръ.
Даль, Владиміръ Ивановичъ — XXX, XXXV, XL.—155, 423.
Дамонъ — 367.
Данила, игуменъ — XXV.
Данилевскій, Григорій Петровичъ — 524.
Даниловъ, Кирша — XX.
Даніилъ, епископъ Звенигородскій — 6, 106.
Даніилъ Александровичъ, князь Московскій — 3.
Данило Константиновичъ, князь—116.
Даничичь, — 80.
Данте — 292.
Дарвинъ, Чарльзъ — 442.
Даргомыжская, Людмила Сергѣевна, см. Прокоповичъ-Антонская.
Даргомыжская, Марья Борисовна—379.
Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ— 379, 380.
Даргомыжскій, Сергѣй Николаевичъ — 379.
Даргомыжскій, Эрастъ Сергѣевичъ — 380.
Дафна — 163.
Дафнусія, см. Финогія.
Двина (Сѣверная) — 259.
Двиннингъ, врачъ (въ романѣ Вальтеръ-Скотта «Пертская красавица») — 492, 500.
Дворы:
Берлинскій — 33, 56, 57.
Вѣнскій — 31, 33, 40, 43, 45, 47.
Голштинскій — XIV.
Лондонскій — 46, 51.
Неаполитанскій — 33, 42, 44.
Петербургскій — 33, 35, 40, 42, 44—46, 48, 51, 56, 59—61, 64, 65.
Савойскій — 34.
Сардинскій — 48.
De-Gubernatis, A. — IV.
Дедалъ — 354.
Дезе — 53.
Дезульеръ — 295.
Декартъ — 298.
Декюре, докторъ медицины — 418.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ— 199, 205, 209, 358, 359, 458, 463, 466.
Делія — 167, 374.
Дельфира (въ поэмѣ Пушкина «Русланъ и Людмила») — 507.
Демутъ — 400.
Денежное, село — 364, 384, 386.

Денисовъ — 168.
Департаменты:
Вотчинной коллегіи въ Москвѣ — 336.
Герольдіи Правительствующаго сената — 336, 435, 440.
Медицинскій — 376.
Почтовый — 378.
Уголовный московскій Надворнаго суда — 351.
Деппингъ, писатель — 418.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ — XXIII. — 133, 148, 155, 191, 216, 251, 304, 307, 311 — 326, 329 — 331, 340, 453.
Десна, рѣка — 136.
Дестунисъ, Гавріилъ Спиридоновичъ — XXIX.
Детушъ — 500.
Дефентеръ, городъ — 15.
Джексъ, Ричардъ — XXII. — 134.
Джонсонъ — 345.
Джонсонъ, Софья Михайловна, рожденная Вибикова — 345, 346, 350.
Дидло, Карлъ — 241.
Дидло, Роза, танцовщица — 241.
Дидо — 194.
Дидеро, Д. — XXII. — 304, 319, 418.
Динабургъ — 352.
Діонисій, архіепископъ Суздальскій — 101.
Діополь — 104.
Диринъ, Петръ Петровичъ — 344, 354.
Дмитріевъ, актеръ — 427.
Дмитріевъ, Д. — XVII.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ — 126, 138, 197, 214, 216, 230—232, 248, 249, 251, 310, 321, 339, 340, 460, 461.
Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ — 451, 452.
Дмитрій Всеволодовичъ, князь Холмскій — 114, 116, 120.
Дмитрій Ивановичъ, Донской, великій князь — 10, 101, 102, 107, 111 — 114, 116 — 123, 536.
Дмитрій Ольгердовичъ, князь Полоцкій — 118 — 120, 122.
Дмитрій Самозванецъ — LI, LIV. — 327.
Дмитровъ, городъ, Дмитровцы — 10.
Днѣпръ — 521.
Добровольскій, А. Д. — XI.
Добролюбовъ, Николай Александровичъ — 134.
Добрыня Никитичъ — XXVII, XXX. — 258.
Добчинскій — 529, 530, 532, 536.
Долговъ, Семенъ Осиповичъ — VI.
Долгоруковъ, князь Василій Васильевичъ — 431, 432.
Долгоруковъ, князь Михаилъ Ивановичъ — 236.
Долгоруковъ, князь Юрій Владиміровичъ — 3.
Долторнъ, шляхтичъ — XX, XXVIII.
St. Dominic — 499.
Домна Ѳоминична, сестра городничаго (въ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы») — 534.
Дондуковъ-Корсаковъ, князь Михаилъ Александровичъ — 401 — 406, 408, 409, 411.
Донъ, рѣка — 103, 104, 118—121, 123.
Дорида — 191.
Древлехранилище Погодина — 100, 437.
Дризенъ, баронъ Н. В. — 178.
Дройзенъ — 104.
Дружининъ, Василій Григорьевичъ — XXXII.
Дрэкъ, Фр. — 90.
Дубровинъ, Николай Ѳедоровичъ — XXXVIII. — 236.
Дунай — 251.
Дурова, Надежда Андреевна — XLI.
Дювернуа, Александръ Львовичъ — 78, 79, 82.
Дюма, Александръ — 401, 495, 496.
Дюси — 310.
Дюссо, критикъ французскій — 296.

Е.

Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій — XVII. — 199.
Евгеній (романъ того же имени А. Е. Измайлова) — 236.
Евгеній Онѣгинъ — 204, 205, 213, 249, 332, 369, 370, 374.

Евдокія Васильевна, великая княгиня, супруга царевича Петра — 11.
Евдокія Димитріевна, великая княгиня, супруга Димитрія Донского — 119.
Евриподъ — 190, 296.
Европа — 29, 32, 34, 36, 37, 43, 48, 52, 53, 63, 90, 94, 173, 287—289, 297, 298, 300, 322, 451.
Евфимій, архіепископъ Новгородскій—8.
Евфимій Висленъ, епископъ Тверской—106.
Егоровъ, Е. А. актеръ — 410.
Езопъ — 153.
Екатерина II, императрица — XV, XIX, XXI, XXII, XXX. — 126, 129, 148, 164, 312, 314, 315, 318, 319, 323, 324, 331.
Екатерина Павловна, великая княжна, впослѣдствіи по первому браку герцогиня Ольденбургская, по второму—королева Виртембергская — 43, 44.
Елена Васильевна, великая княгиня, супруга Василія III Іоанновича—12
Еленинъ, Е. — XL.
Елецкій, князь Юрій — 103.
Елецкій, князь Ѳеодоръ — 116.
Елизавета, см. Великопольская, Устинья Никитична.
Елисей (изъ поэмы того же имени В. И. Майкова) — 159.
Енадій, см. Геннадій, архіепископъ Новгородскій.
Елиеей — 181, 182.
Ераковъ, Адріанъ Сергѣевичъ — 225.
Еремѣева, Анна Михайловна, рожденная Прокоповичъ-Антонская — 344, 376 — 381.
Еремѣевъ, Левъ Ивановичъ — 344.
Еремѣй Гречинъ, епископъ Рязанскій—6, 106.
Ересня, деревня близъ Барнаула — XVII.
Ермакъ Тимоѳѣевичъ — XXXII.
Ермола, дворцовый дьякъ — 11.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ—XVII.—485.
Ерославъ, см. Ярославъ.
Еруланъ Лазаревичъ (въ сказкѣ того же имени) — 510 — 514, 516.
Ефимьяново, сельцо — 386.
Ефратъ, рѣка — 251.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ — XII. — 127, 130, 132, 518.
Ефронъ, издатель Энциклопедическаго Словаря — III, IV.
Ефросинъ, епископъ Суздальскій—106.

Ж.

Жанлисъ — 179, 298.
Жанэ, Поль, писатель — 286, 288.
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ — VII.
Жемоть, Жимотъ (Жмудь) народъ — 117.
Жемчужниковъ, Алексѣй Михайловичъ — 132, 142.
Женева — 43.
Genevois, провинція Савойи — 57.
Жеронтъ (въ комедіи Детуша «La Dissipateur ou l'Honnête Friponne») — 500.
Житія:
Бориса и Глѣба — XLVIII—L.
Даниилы — XXV.
Іоны блаженнаго — 8.
Кирилла Бѣлозерскаго — 100.
Кирилла и Меѳодія — XLIX.
Ѳеодосія Печерскаго — X, XLIII, XLVIII.
Жоффруа — 303.
Жуанвильскій, принцъ — LX.
Жуковскій, Василій Андреевичъ — XXVII, XXXV.—132, 137, 148, 155, 178, 204, 206, 216, 294—296, 311, 321, 322, 326, 329—331, 447, 457, 458, 460, 466, 489, 515—521.
Жуковъ, сочинитель — 529, 530.
Жулева, Екатерина Николаевна, актриса — 427.
Жулевъ, Гавріилъ Николаевичъ, актеръ — 424, 425.
Журавлевъ, Иванъ Ѳедоровичъ, сенаторъ — 382.
Журналы, Газеты, Альманахи:
Академическія Извѣстія — 91.
Альціона — 375.
Амфіонъ — 312.
Archiv für Slavische Philologie — XXIV, XXV. — 82.
Атеней — 366.

Athenaeum — 489.
Библіографическія Записки — X. — 199, 224.
Библіографъ — XXVIII.
Библіотека для чтенія — XI. — 389.
Библіотека ученая экономическая — 91.
Bibliothèque universelle — 305.
Биржевыя Вѣдомости — V. — 430.
Благонамѣренный — 194, 222, 248, 249, 312, 340—343, 346.
Westminster Review — 306.
Византійскій Временникъ — XXIX, XXXIV.
Волжскій Вѣстникъ — VI.
Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ — 13.
Всемірная Иллюстрація — III, IV.
Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи — 430.
Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства — VI.
Вѣстникъ Европы — VI, XV, XXVII, XXIX, XXXIX, XL. — 185, 314, 509.
Вѣсть — 170.
Геттингенскія Gelehrte Nachrichten — 183.
Le Globe — 296, 304.
Голосъ — XII. — 430, 440.
День — 430.
Древняя и Новая Россія — XVII, XVIII, XX—XXII. — 216.
Древняя Россійская Вивліоѳика — XXXII. — 2, 12.
Другъ Просвѣщенія — 312.
Дѣло — 287, 294.
Edinburg Review — 305, 306.
Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана — 524.
Ежемѣсячныя Сочиненія—XLI.—91.
Еженедѣльныя Извѣстія Вольнаго Экономическаго Общества — 91.
Живая Старина — IX, XXIX, XXX, XXXII. — 147.
Journal de la Société des Naturalistes à Moscou — 220.
Journal des Débats — 296.
Журналъ Изящныхъ Искусствъ — 183—185.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія — VII, XII, XV—XVII, XIX—XXV, XXVII—XLI. — 125, 148, 194.
Журналъ Новостей — 179.
Журналъ Россійской Словесности — 253.
Записки Русскаго Археологическаго Общества — XXXIV.
Записки Русскаго Географическаго Общества — XII, XIII, XV, XIX, XXIII, XXIV, XXVI.
Заря — XIV, XV.
Извѣстія Академіи Наукъ — VII, XXIX, XXXVI—XXXIX, XLI.
Извѣстія Варшавскаго Университета — XIII.
Извѣстія Кіевскаго Университета — 506.
Извѣстія Общества Ревнителей Историческаго Просвѣщенія — IX.
Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ — XXIX, XXXVII, XXXIX, XLII. — 125, 132, 146, 148, 149, 151, 154, 539.
Извѣстія Русскаго Археологическаго Общества — XX.
Извѣстія Русскаго Географическаго Общества — XII, XVI, XVII, XXI, XXVII.
Иллюстрація — 440.
Иллюстрированная Газета — 335, 430.
Иллюстрированный Календарь — 335.
Иллюстрированный Листокъ — 430.
Историческій Вѣстникъ — VI, VII, XXII, XXIV, XXV, XL, XLI. — 460, 461, 524.
Календарь Музъ — 346.
Quarterly Review — 306.
Коммерческая Газета — 429.
Критическое Обозрѣніе — 183.
Литературная Газета — 301, 329, 330, 398, 415.
Литературный Вѣстникъ — VIII, XXVI, XLII.
Лицейскій Цвѣтникъ (рукописный журналъ) — 210.

Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи — VIII, XIX, XXIV—XXVI.
Маякъ — 267, 330, 399.
Метеоръ — 395.
Мнемозина — 284.
Москва — 430, 436.
Москвитянинъ — 269, 284, 413, 420.
Московскій Вѣстникъ — 214, 249, 284, 366, 373.
Московскій Телеграфъ — 248, 283, 284, 286, 289—291, 293, 294, 296, 300, 303—306, 312, 319, 330, 366, 372, 373.
Московскія Вѣдомости — 234, 256, 284, 335, 384, 429, 430.
Московскія Ученыя Вѣдомости — 181, 183.
Народный Голосъ — 430.
Невскій Зритель — 509.
Neue Freie Presse — LXI, LXII.
Нива — IV, VI.
Новое Время — IV, V. — 437.
Новости и Биржевая Газета — V, VIII, XL, XLI.
Новости Русской Литературы — 179, 180.
Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія — 147.
Олонецкія Губернскія Вѣдомости — XVIII, XIX.
Осмнадцатый Вѣкъ — XIV.
Отечественныя Записки — XI. — 217, 296, 330, 396, 429.
Памятники Древней Письменности и Искусства — IX, XX—XXII, XXV.
Памятники Старой Русской Литературы — 8, 93, 95.
Пантеонъ Литературы — XXXI. — 415, 416, 442.
Патріотъ — 312.
Петербургская Газета — V.
Петербургскій Листокъ — V. — 430, 436.
Подснѣжникъ — X, XLIII.
Правительственный Вѣстникъ — V.
Rad., юго-славянской Академіи Наукъ въ Загребѣ — 78, 80, 86.
Радуга — 372.
Раутъ — 505.
Revue des deux Mondes — 304.
Revue de Paris — 304.
Revue Français — 296.
Россія — V, VI.
Русская Мысль — XXVI.
Русская Старина — IV, VII, XVI—XVIII, XXVI, XXIX—XXXI, XXXIII, XXXIV, XXXVII—XLI. — 41, 90, 92, 200, 205, 208, 221, 236, 248, 284, 335—337, 377, 392, 416, 433, 441, 471, 489, 490, 492, 506.
Русскій — 325, 430.
Русскій Архивъ — XII, XIII, XVI—XIX, XXI, XXIII, XXV, XXXI, XXXV—XXXVII, XLI. — 44, 178, 196, 199, 208, 229—232, 234, 248, 249, 385, 387, 527.
Русскій Вѣстникъ — XXVIII—XXX, XXXIII, XXXIV, XXXVII. — 164, 220, 442.
Русскій Курьеръ — VI.
Русскій Міръ — 426, 427.
Русскій Филологическій Вѣстникъ — XXVII, XLI. — 125, 138.
Русскія Вѣдомости — V, VI, XXXV, XXXVIII, XL, XLI. — 491.
Русское Богатство — XLII. — 456.
Русское Обозрѣніе — XXX, XXXIII—XXXVI, XXXIX.
Русское Слово — 427, 493.
Санктъ-Петербургскія Вѣдомости — V, XI. — 161, 256, 335, 425, 430.
Сенатскія Объявленія — 430.
Славянинъ — 253, 256, 257, 259, 260, 267, 342.
Славянское Обозрѣніе — XXXIII.
Современникъ — 200, 206, 330, 400, 427.
Современное Обозрѣніе — XII.
Современное Слово — 430.
Современный Календарь — VI.
Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія — 196, 341, 342.
Статистическій Временникъ Россійской Имперіи — XI, XV.
Сынъ Отечества — V. — 168, 185, 199, 312, 314, 318, 342, 389, 392, 400, 416.
Сѣверная Пчела — 230, 248, 259,

329, 330, 358, 365, 367—369, 372, 413, 414, 416, 425.
Сѣверные Цвѣты—194, 315, 346, 358.
Сѣверный Курьеръ — V, VI.
Сѣверъ — IV.
Тверскія Губернскія Вѣдомости — 430, 436.
Tijdschrift voor Staatshuishoudkunde en Statistick door Mr. B. W. A. E. Sloet tot Oldhuis — 15.
Трудолюбивая Пчела — 130.
Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества — 91, 429—431.
Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества—VI, XXV.
Труды Общества Любителей Россійской Словесности—199, 312, 315.
Труды Пятаго Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ — XXVIII.
Труды Четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани — XXXII.
Украинская Старина — 524.
Утренніе Часы — XXIX, XXXV.
Уфимскія Губернскія Вѣдомости — 529.
Ученыя Записки Академіи Наукъ — IV, X, XI, XXXI.
Филологическія Записки — VII, VIII, XI, XXIX.
Христіанское Чтеніе — 268.
Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца — VII, XLI.
Экономическій Магазинъ — 90—92, 97.
Этнографическое Обозрѣніе — VII, XXXII.

З.

Забалканскій проспектъ, въ Петербургѣ — VI.
Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Пареенович — 431.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ — XXXI, XXXII, XXXVII.
Завитаевъ, городничій въ Торжкѣ — 243.
Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ — 420, 526.
Загоскинъ, Николай Петровичъ — 460.
Загорскій, Василій Андреевичъ — 381, 382.
Загорскій, М. П. — 194.
Загребъ — 490.
Загряжская, Наталья Кирилловна, рожденная графиня Разумовская — XXXVI, XL.
Заденское царство (въ Сказкѣ о Еруланѣ Лазаревичѣ) — 512.
Заира (въ трагедіи того же имени Вольтера) — 342, 388.
Замысловскій, Егоръ Егоровичъ — XXXVII.
Зангари, Сангари, см. Сахаръ рѣка.
Заонежье — XVIII, XXVII.
Зарѣчье, деревня — 386.
Захарія — 323.
Захарьинъ, Яковъ Захарьичъ, бояринъ — 11.
Зворыкинъ, Иванъ Степановичъ — 343.
Зевсъ — 172.
Зеленецкій, Константинъ Петровичъ — 216.
Зензинъ, Яковъ Ивановичъ, посадникъ Новогорода — 114, 121.
Зенобія (въ трагедіи Кребильона) — 450.
Зизани, Лаврентій, протоіерей — 216.
Зинченко, Игнатій Клементьевичъ — XXX, XXXV.
Зинченко, Н. — 389.
Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ — 335, 415, 433.
Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ — 413—416.
Зубцовскій уѣздъ — 364, 384, 440.

И.

Иванъ Кирилловичъ («Ревизоръ») — 538.
Иванъ, протопопъ — 103.
Иванъ, см. Іоаннъ.
Иванъ, см. Іона, архіепископъ Новгородскій.
Ивановъ, Алексѣй, пѣвецъ былинъ — XVIII.
Ивановъ, Андрей, гонецъ — 12.
Ивановъ, Иванъ Алексѣевичъ, художникъ — 165—168.
Ивановъ, Иванъ Ивановичъ — 314.

Ивашченко-Таракашченко, поваренокъ (въ старинной пѣснѣ) — 258.
Игнатьевъ, Николай — 429.
Игнатьевъ, Петръ Ивановичъ — 430, 431.
Игнатій, чернецъ — 102, 103, 105.
Ижевская слобода — 261.
Изборскъ, городъ — 136.
Измайлова, Наталья Ефимовна — 279.
Измайлова, Анастасія Александровна — 260.
Измайлова, Екатерина Ивановна — 221, 222, 224—226, 228—233, 236, 243, 246—248, 251, 252, 254—256, 258, 260, 268, 270—272, 274, 277, 279.
Измайлова, Наталья Александровна — 241, 260.
Измайловъ, Александръ Ефимовичъ — 221—281, 341, 342.
Измайловъ, Михаилъ Александровичъ — 258.
Измайловъ, Павелъ Александровичъ — 258.
Измайловъ (младшій сынъ баснописца) — 252, 261.
Измайловы (семья баснописца) — 222, 227, 230—232, 250, 279, 280.
Иличевскій, Алексѣй Демьяновичъ — 201, 203, 206, 207.
Ильинскій, Григорій Андреевичъ — 73—87.
Ильинъ, Николай Ивановичъ — 454.
Илья Муромецъ — X, XXVII, XXX—XXXII. — 517.
Индійцы — 292.
Индія — 485, 498.
Институты:
Благородный, въ Харьковѣ — 168.
Виллерса, въ Москвѣ — 195.
Воспитательнаго дома въ Москвѣ — 195.
Екатерининскій въ Москвѣ — 195.
Екатерининскій въ Петербургѣ — 260.
Князя Безбородка въ Нѣжинѣ — 109.
Слѣпыхъ — 210, 211.
Смольный — 260.
Технологическій — 431.
Ираклія, королевна Флоренская — XX, XXI.
Иркутская губернія — XIV.
Ирландія — 90, 97.
Исакій, епископъ Черниговскій — 106.
Исидоръ, митрополитъ Московскій — 7.
Исіодъ, см. Гезіодъ.
Искра, см. Пушкинъ.
Истоминъ, В. А. — 125, 129, 138.
Италіанцы — 299.
Италія — 10, 32, 37, 39, 42, 46, 47, 52—54, 56, 57, 59, 63, 68, 70, 90, 301, 343.

I.

Іаковъ Мнихъ — L.
Іанко (въ славянской пѣснѣ) — 79.
Ipendam, названіе корабля — 29.
Іерусалимъ (въ поэмѣ Мильмана) — 494.
Іоанна Д'Аркъ (въ поэмѣ Вольтера «La Pucelle d'Orléans») — 506, 507.
Іоаннъ Златоустъ — L.
Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій — 102.
Іоаннъ VIII Палеологъ, императоръ Византійскій — 7.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь Московскій — 23—28.
Іоаннъ I Даниловичъ, князь Московскій — 3.
Іоаннъ II Іоанновичъ, князь Московскій — 3.
Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь Московскій — 9—11, 14.
Іоаннъ IV Грозный, царь — 11, 12, 114, 258.
Іоаннъ Іоанновичъ, царевичъ — 258.
Іона (въ мірѣ Иванъ), архіепископъ Новгородскій — 7, 8.
Іона, епископъ Рязанскій — 7.
Іона, епископъ Волынскій — 105.
Іудеи — 458.

К.

Кабанисъ — 418.
Кабардинскіе князья — 11.
Кабритъ, Өедоръ — 179.
Кавказъ — XXXIII, XXXV. — 256, 470, 484, 485.
Кавуръ — 37.
Кадниковъ, городъ — XXIII.

Кажинскій, Викторъ, композиторъ — 413, 414.
Казанская губернія — 337, 364.
Казань — 114, 336, 337, 339, 343, 360, 364, 381, 383, 384, 460.
Казиміръ IV (Андрей) король Польскій — 7.
Кайсаровъ, Андрей Васильевичъ—338.
Калайдовичъ, Константинъ Өедоровичъ — XXII.
Калужскія ворота въ Москвѣ — 376.
Кальдеронъ — LI.
Кальяри, городъ — 31, 33, 50, 56.
Калязинскій уѣздъ — 386.
Камашевъ, Иванъ Николаевичъ — 284.
Камена — 355, 358.
Каменевъ-Любавскій, И. А. — 221, 224, 238, 244, 267, 274.
Каменка, село — 483 — 486.
Каменскій, Михаилъ Өедотовичъ — XVI.
Камоэнсъ — 302.
Камчатка — 90.
Канаевъ — 430.
Канкринъ, графъ Егоръ Францовичъ — 280.
Кантемирова, княжна Марія Дмитріевна — XXXVIII.
Кантемировъ, А. — 197.
Кантемиръ, Антіохъ Дмитріевичъ — 129, 294, 295, 311, 320, 321.
Капнистъ, Василій Васильевичъ — 191, 323.
Капнистъ, графъ Петръ Ивановичъ — XXXVII.
Капустинъ, домовладѣлецъ въ Москвѣ— 443.
Карабановъ, Петръ Матвѣевичъ — 249.
Караджичъ — 78, 80, 82.
Карамзинъ, Николай Михайловичъ — XXX, XLV, LIII. — 2, 8, 111, 126, 144, 155, 214, 216, 296, 304, 309, 310, 322, 323, 332, 454, 462, 517.
Карамзины — 462.
Каратыгина, Александра Михайловна— 395.
Каратыгинъ, Василій Андреевичъ — 395, 401, 410, 416.
Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ — 424, 425.
Каргопольскій уѣздъ — XXVII.
Карманьянскіе герцоги — 43.
Карловичъ, С. — 80, 82.
Карлъ Великій — 179.
Карлъ, эрцгерцогъ Австрійскій — 39.
Карлъ-Феликсъ, герцогъ Женевскій — 43, 44, 48.
Карлъ Эммануилъ IV, король Сардинскій — 31 — 43, 45 — 51, 53 — 59, 62 — 70.
Карпи, см. Карфія.
Карповъ, Долматъ, бояринъ — 12.
Карскій, Евгеній Өедоровичъ — 151.
Карташевская, Надежда Тимоөеевна, рожденная Аксакова — 382.
Карташевскій, Григорій Ивановичъ — 382.
Carouge, провинція Савойи — 57.
Карусъ, профессоръ философіи въ Лейпцигѣ — 418, 419.
Карутти — 34.
Карфія — 104.
Касаткина-Ростовская, княгиня А. Д.— 179.
Кастельафьери, посолъ Сардинскій въ Берлинѣ — 51.
Катенинъ, М. И. — X.
Катенинъ, Павелъ Александровичъ — X. — 460.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ — XXXVII.
Каттенбрукъ, имѣніе—28.
Кафа (Өеодосія), городъ —104.
Кафинскій заливъ — 103, 104.
Качановскій, Владиміръ Васильевичъ — XXVIII.
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ — 251, 328.
Кашинъ, городъ — 246, 254, 279.
Кашпиревъ, Василій Владиміровичъ — XIV, XV.
Квашня Углицкій, Іванъ Родіоновичъ, бояринъ — 116, 120.
Квитка, Григорій Өедоровичъ — 521 — 540.
Кеневичъ, Владиславъ Өеофиловичъ — 146, 148, 150, 156.
Кеппенъ, Петръ Ивановичъ — 212.
Кернъ, Анна Петровна—XL.—457, 461.
Керчь, городъ — 104.
К—ій, Н., см. Кошанскій.

Кика, Иванъ, воевода — 10.
Кипріанъ, Кипрѣянъ, митрополитъ Московскій — 5, 6, 101, 102, 105 — 107, 115, 119.
Киприда — 192, 351.
Кириллъ, св. — XLIX.
Кириллъ Бѣлозерскій, св. — 100.
Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ — VI. — 146, 489, 506, 514, 517.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ — XXXVII. — 285.
Кирѣевскій, Петръ Васильевичъ — XXII.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ — 431.
Китай — XX.
Китайцы — 292.
Кіевъ, городъ — 5, 96, 99, 101, 102, 106, 107, 255, 256, 484, 521.
Клавихо — 104.
Кларисса (въ романѣ того же имени Ричардсона) — 300.
Клеантъ, см. Ивановъ, Ив. Ал.
Клейстъ, писатель — 323.
Кленке, писатель — 418.
фанъ-Кленкъ, Кунраадъ — 26, 28.
Клинъ, городъ — 244.
Клитемнестра — 192.
Клишковичи, село — 345.
Клопштокъ — 323, 448.
Clotilde (въ драмѣ того же имени Сулье) — 495.
Клузій, Карлъ, австрійскій ботаникъ — 90.
Клушинъ, Александръ Ивановичъ — 540.
Княжевичъ, Владиславъ Максимовичъ — 250, 341.
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ — 250.
Княжевичъ, Николай Максимовичъ — 250.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ — 164, 310, 322.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ — XXIX.
Кобенцель, графъ, посолъ Австрійскій при Русскомъ дворѣ — 51, 56.
Кожанчиковъ, Дмитрій Ефимовичъ — XII.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ — 380, 389.
Козминъ, Николай Кировичъ — 283 — 333.
Кокандцы — 425.
Кокосовъ, А. Я. — XIV.
Кола, городъ — 266.
Колбецкая, Надежда Ермолаевна, рожденная Великопольская — 337, 364.
Колбецкій, Николай Васильевичъ — 337.
Кологривова, Анисья Ѳедоровна, рожденная Вельяминова-Зернова — 383.
Колосовъ, Владиміръ Ивановичъ — 236.
Колчаногій, Іоаннъ, протоіерей — 258.
Колычевъ, Степанъ Алексѣевичъ, посолъ при Вѣнскомъ дворѣ — 47.
Колычевъ-Лобанъ, Иванъ Андреевичъ, намѣстникъ Новгородскій — 11.
Колычевы — 11, 13.
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ — 135, 158, 395.
Коммисіи:
Костромская губернская ученая архивная — VII.
Московская коммиссаріатская — 439.
Отдѣленія этнографіи Геогр. общества — XXVI.
Печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, при Московскомъ главномъ архивѣ М. ин. дѣлъ — XX.
Постоянная императора Николая II при Академіи наукъ — VI, VIII, XXXVI—XXXIX, XLI, LXI.
С.-Петербургская археографическая — XXX, XXXV. — 15, 218.
Комитеты:
Губернскіе статистическіе — XV.
Министровъ — 432, 434.
Театрально-литературный — 428.
Ученый Министерства государственныхъ имуществъ — 431.
Цензурный въ Москвѣ — 195, 443 — 445.
Цензурный Министерства внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ — 359, 395, 401, 403, 408, 411, 444, 445.
Цензурный учебныхъ книгъ для корпусовъ Пажескаго и кадетскихъ — 211.
Цензурный учебныхъ пособій по вѣдомству Министерства народнаго просвѣщенія — 212, 213, 217 — 219.

Центральный статистическій Министерства внутреннихъ дѣлъ — XI, XII, XV, XXII, XXV.
Коновскій, Василій Дмитріевичъ — 297.
Коновскій, Сергѣй Дмитріевичъ — 202.
Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ — XLI, LIX, LX.
Кондыревъ, Петръ Сергѣевичъ — 338.
Кенй, Анатолій Өедоровичъ — 442 — 445, 457.
Кони, Ирина Семеновна — 443, 445.
Кони, Өедоръ Алексѣевичъ — 387, 398, 415, 442.
Константинополь, см. Царьградъ.
Константинъ св., императоръ Римскій — 122.
Константинъ XII Палеологъ — 7.
Константинъ, князь Брянскій — 120.
Константинъ Васильевичъ, князь Бѣлозерскій — 5.
Константинъ Константиновичъ, великій князь — LVIII — LXIII.
Константинъ Павловичъ, великій князь — 49.
Копенгагенъ, городъ — 60.
Коріотскій, см. Василій Коріотскій.
Корнелій Непотъ — 196, 197, 201, 208.
Корнель — 303, 304, 322.
Коробейниковъ, Трифонъ — 104.
Короленко, Владиміръ Галактіоновичъ — 134.
Корпуса:
Кадетскій сухопутный — XVI. — 164, 165, 211.
Пажескій — 211, 280.
Корреджіо — 184.
Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ — VI, VII.
Корсаковъ, Петръ Александровичъ — 273, 400, 404 — 406, 410.
Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ — XXXIX. — 178, 200, 202, 205, 216, 220, 462.
Корчевскій уѣздъ — 386.
Коршъ, Өедоръ Евгеніевичъ — 125, 132, 133.
Коссовичъ, Каэтанъ Андреевичъ — XLVI.
Костомаровъ, Николай Ивановичъ — XXVII. — 95.
Костровъ, Ермилъ Ивановичъ — 200.
Кострома — 100.
Котошинъ, типографщикъ — XXVI.
Котляревскій, Александръ Александровичъ — XI.
Kott — 78.
Коцебу, Августъ — 454.
Коцитъ, рѣка — 193.
Кошанскій, Василій Өедоровичъ — 211.
Кошанскій, Николай Өедоровичъ — 177 — 220.
Коширскій уѣздъ — 129.
Кощей, царь Золотой орды — XXXII.
Краевскій, Андрей Александровичъ — 389, 429.
Край, генералъ австрійскій — 52.
Крамеръ — 198.
Красовскій, Александръ Ивановичъ — 274.
Красовъ — XI.
Красовъ, Василій Ивановичъ — 148.
Кребильонъ — 296, 450.
Криденеръ, баронесса Варвара-Юлія — 389.
Критингенъ, городъ — 371.
фонъ-Кронекъ, Адамъ Лаврентьевичъ — 226.
Кронштадтъ, городъ — 378.
Крушевскій, Н. — XIII.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ — XXVIII, XXIX, XXXV, XXXVII. — 133, 134, 138, 142, 144, 146 — 151, 153 — 156, 197, 216, 257, 277, 294, 295, 311, 321, 366.
Крымъ — XXI, LVIII, LIX. — 425, 538.
Кубань, рѣка — 484.
Кубасовъ, Иванъ Андреевичъ — VII, XXVI. — 199, 221 — 281, 340, 395.
Кубра, рѣчка — 251, 252.
Cousin, Victor — 286 — 288, 290, 292.
Кузминъ бродъ — 120.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ — 326, 327, 399, 410, 423, 424.
Куликовская битва — 107, 112, 115.
Куликовское поле — 112 — 114, 121.
Куликовскій — 136.
Куликовъ, Николай Ивановичъ — 413, 415.
Кульманъ, Николай Карловичъ — LVIII — LXIII. — 447 — 454.

Кунія, рѣка — 336.
Курака, князь Иванъ Васильевичъ—10.
Куторга, Михаилъ Семеновичъ—XLV.—410.
Кутузовъ-Щука, Ѳеодоръ Юрьевичъ, бояринъ — 11.
Кучинъ, Александръ Ивановичъ—XVII.
Кьери, мѣстечко близъ Турина — 35.
Кэмбль, Карлъ, трагикъ — 494.
Кэмбль, Фанни, актриса — 494.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ—201, 205, 452, 463.

Л.

Лавровскій, Николай Алексѣевичъ — XXIX.
Лавровскій, Петръ Александровичъ — 152.
Лагарпъ — 294 — 296, 303.
Ладениково, деревня — 365.
Лаевскій (изъ «Дуэли» гр. Л. Н. Толстого) — 135.
Лазарь Муромскій, св. — XXIV.
Лазарь Барановичъ, митрополитъ Черниговскій — XVII, XVIII.
Лазарь Сербскій, монахъ — 105.
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ — IX, XIII.
Ламартинъ — 346, 452.
Ламбинъ, Владиміръ Петровичъ — 177.
Ламене — 303.
Лангенъ, Я. — 197.
de Lannoy, Gilbert, путешественникъ—XX.
Лансонъ, Г. — 299.
Лаокоонъ — 184.
Larousse — 319.
«il Lasca», см. Grazzini, Anton Francesco.
Латышевъ, Василій Васильевичъ — 183, 194.
Лафонтенъ — 164, 294, 295, 304, 322, 517.
Лафоршъ — 165.
Лахманъ, Карлъ — IX.
Лебедевъ, А. Н. — 12.
Лебедевъ, Дмитрій Петровичъ—XXXII.
Лебренъ — 304.
Левенсонъ, фотографъ — XXXII.
Левъ Святой, папа Римскій—412, 413.
Легуве, Эрнестъ — 319.
Лейпцигъ — 173.
Лекшмозеро — XVIII.
Ленскій, Дмитрій Тимоѳеевичъ, актеръ—424.
Ленскій (изъ «Онѣгина») — 457.
Ленцъ, Эдуардъ Христіановичъ—XLIV.
Лермантовъ (владѣлецъ библіотеки для чтенія) — 425, 426.
Лермантовъ, Михаилъ Юрьевичъ — 148.
Лессингъ — 452.
Ли, Сидней — 492.
Ливадія — LIX.
Ливонія — 10.
Лиговскій каналъ, въ Петербургѣ—221.
Лигурійская республика — 53—55, 68.
Лигурія — 52.
Липицы, село — 129.
Лисицина, Зинаида Георгіевна, рожденная княжна Чагадаева — 470.
Литва — 10 — 12, 19, 101, 106, 117, 122.
Литейная, улица въ Петербургѣ — 210.
Лихачева, Екатерина Семеновна, см. Юрьева.
Лихачева, Марья Александровна, см. Горчакова.
Лихачева, Прасковья Ивановна, рожденная Осокина — 384.
Лихачевъ — 430.
Лихачевъ, Николай Петровичъ — 2.
Лихачевъ, Семенъ Александровичъ — 384.
Лихонинъ, Михаилъ Николаевичъ—284.
Лихуды, Іоанникій и Софроній — XXVI.
Лобачевская, Варвара Алексѣевна, рожденная Моисеева — 337, 383.
Лобачевскій, Николай Ивановичъ — 337, 383.
Лоббъ — 97.
Лобода, А. М. — VII, XI, XLI. — 484.
Ловягинъ, Александръ Михайловичъ — VIII. — 15 — 30.
Лодыженская, Татіана Александровна—469, 470.
Лодыженскій, Дмитрій Викторовичъ — 469, 470.
Локкъ — 298.
Ломбардія — 32, 52, 70.

Ломондъ — 197.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ — XII, XIV, XXVIII. — 125, 126, 129, 133, 135, 138, 141, 148, 155, 163, 164, 257, 267, 269, 304, 312—315, 321 — 323, 329, 332, 451.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ — 256.
Лондонъ — 42, 50, 51, 441, 493.
Лопаревъ, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ — XXIX. — 104, 109 — 123.
Лопатинъ, родственникъ Ломоносова — 257.
Лотъ — 119.
Лубкинъ, Александръ Степановичъ — 338.
Лузановъ, Петръ Ѳомичъ — 164.
Лучицкая, М. В. — 52.
Львовъ, Николай Александровичъ—12.
Львовъ, Федоръ Петровичъ—318, 319, 323.
Льежъ, городъ — 505.
Лѣтній садъ, въ Петербургѣ — 239.
Лѣтописи и списки ихъ:
Авраамки — 110.
Архангельская лѣтопись — 111.
Архивскій — 1 — 14.
Бальзеровскій — 9.
Воскресенская — 4 — 7, 9, 10, 13, 110.
Горюшкинскій — 9.
Древній лѣтописецъ — 102.
Казанская исторія — XXX.
Лебедевская — 12.
Львовская — 12.
Никоновская — XLIX. — 2, 4 — 7, 9, 13, 103, 106, 110, 112.
Новгородская III-я — 14; IV — 110.
Повѣсть временныхъ лѣтъ—XLVIII, XLIX.
Ростовскій лѣтописецъ — 111.
Русскій временникъ — 6, 9—11, 13.
Сибирская — XXV, XXXII. Черепанова — XIX.
Софійскія—7—10, 110; ихъ списки: Бальзеровскій и Горюшкинскій–9.
Софійскій Временникъ—7, 8, 13, 14.
Любичъ-Романовичъ, Василій Игнатьевичъ — 524.
Любомирскій, князь, сенаторъ — 378.
Любомудровъ, С. — 194, 204.
Люгебиль, Карлъ Екимовичъ — XLV, XLVI.
Людмила (въ поэмѣ того же имени) — LIV. — 204, 332, 447, 450, 486, 503 — 522.
Людовикъ XIII, король Французскій—90.
Людовикъ XIV, король Французскій — 301, 320.
Людовикъ XV, король Французскій — 322.
«Людовикъ Сфорца» (въ драматической сценѣ Барри Корнваля) — 493.
Люзи, графъ, прусскій посланникъ—62.
Лютеръ — 298.
Ляпкинъ-Тяпкинъ («Ревизоръ») — 531, 533.
Ляцкій, Евгеній Александровичъ — 456.
Лященко, Аркадій Іоакимовичъ — VIII, XLII. — 521 — 540.

М.

Maersseveen, имѣніе — 26, 28.
Магометъ IV, султанъ Турецкій — 24.
Магрини — 494.
«la Maddalena» (въ піесѣ «l'Alchimiste» Дюма) — 496.
Майкова, Александра Алексѣевна — XXVIII, XXXV, LIX.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ — XXVII, XXXVIII. — 136, 144, 423, 442.
Майковъ, Валеріанъ Николаевичъ — XXXI.
Майковъ, Василій Ивановичъ — XII, XXVIII. — 125 — 159, 310.
Майковъ, Владиміръ Владиміровичъ — 99 — 107, 337.
Майковъ, Владиміръ Николаевичъ — X.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ — I — LXIII. — 1, 2, 15, 141, 177, 182, 194, 199, 200, 205, 206, 208, 219, 221, 335, 351, 462.
Майковы — I.
Майнцъ, городъ — 52.
Макарій, митрополитъ Московскій — X. — 93.
Макіавель — 305 — 307.
Маколей — 305 — 307, 310.

Максимиліанъ-Іосифъ, палатинъ, затѣмъ король Баварскій — 43, 44.
Максимовичъ, Александръ Петровичъ— 431.
Максимова, Лидія Александровна—221.
Максимовъ, Алексѣй Михайловичъ, актеръ — 424, 425.
Макушевъ, Викентій Васильевичъ — XXVIII.
Малая Бронная, улица въ Москвѣ—443.
Малеинъ, Александръ Іустиновичъ — 177 — 220.
Малиновскій, Василій Өедоровичъ — 196, 200.
Малка (въ славянской пѣснѣ) — 79.
Малая Азія — 104.
Малороссія — 538.
Малышевъ, Николай — 339, 364, 365, 384.
Мальта, островъ — 60, 61.
Малюта-Скурлата — 258.
Мамаево побоище — 109 — 123.
Мамай, ханъ Татарскій — 109 — 118, 120, 121.
Мамыревъ, Данило, дьякъ — 10.
Мáмѣръ, царь (изъ легенды о картофелѣ) — 93, 97.
Мансуровъ, Леонтій Владиміровичъ—3.
Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ — 459.
Мантуа, городъ — 413.
Мануилъ Грекъ (Ангеловъ), 1-й епископъ Смоленскій — 10.
Маренго, городъ — 53.
Маретичъ, Т. — 78, 80, 86.
Марина, Маринка — XXVII, XXX. — 258.
Марія-Клотильда, Сардинская королева — 35.
Марія Павловна, великая княжна, впослѣдствіи герцогиня Саксенъ-Веймарская — 43.
Марія Өеодоровна, императрица — 41.
Маркова-Виноградская, см. Керн, Анна Петровна.
Марксъ, Адольфъ Федоровичъ—XXXVII.
Мармонтель — 296.
Марокко — 48.
Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ, актеръ — 416, 424, 427.
Марьина роща, въ Москвѣ — 397, 399.
Масальскій, Константинъ Петровичъ — 194.
Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ — 431.
Массандра — LIX.
Матвѣевъ — 253.
Маттеи, Христіанъ-Фридрихъ — 191, 192.
Матеей Гречинъ, митрополитъ Адріанопольскій — 5, 105, 106.
Маша Миронова (Изъ «Капитанской дочки») — 457.
Медвѣдевъ, Сильвестръ — XXV, XXVI.
Медичи, Лоренцо — 494.
Междорѣчіе — 6.
Межевичъ, Василій Степановичъ—410.
Мезень, городъ — 265 — 267, 270.
Меласъ, австрійскій генералъ — 53.
Меликъ, Семенъ, воевода — 121.
Мельпомена — 169.
Мережковскій, Константинъ Сергѣевичъ — XXI.
Мерзляковъ, Алексѣй Өедоровичъ — 209, 212, 251, 286, 294 — 296, 312 — 314, 328.
де-Местръ, Жозефъ, графъ — 43, 44, 55, 63.
Мечъ, рѣка — 103.
Мещера, область — 11.
Мещерскій, князь Петръ Сергѣевичъ — 211.
Мещерскій, князь Юрій Өедоровичъ — 116.
Мөеодій, св. — XLIX.
Миклошичъ, Ф. — 76 — 78, 81, 82, 490.
Микула Васильевичъ, воевода — 116, 120.
Микулинъ, Тимоөей Константиновичъ, посадникъ Новгорода — 114, 121.
Микулинскій-Телятевскій, князь Михаилъ Өедоровичъ — 10.
Миланскій герцогъ (въ піесѣ Грацини) — 495, 498—500.
Миланъ, гостинница въ Твери — 236.
Милленъ, Ал., писатель — 180, 181, 186, 198.
Миллеръ, Всеволодъ Өедоровичъ — VI, XVII, XXXII.
Миллеръ, Орестъ Өедоровичъ — XXVI.
Милліонная, улица въ Твери — 240.
Милонъ (въ идиллін Востокова) — 163.

Мильвуа — 341, 346.
Мильманъ, Генрихъ — 492 — 495, 500.
Мильтонъ — 302, 420.
Милюковъ, Петръ Николаевичъ — 284, 287, 293.
Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ — 31, 32, 34, 38 — 40.
Миницкій, Степанъ Ивановичъ — 253, 254, 260, 262 — 264, 270 — 274, 280.
Мининъ, Козьма Захаровичъ—184, 185.
Министерства:
Внутреннихъ дѣлъ — 432, 434.
Военное — 431.
Государственныхъ имуществъ—431.
Народнаго просвѣщенія—217, 219.
Финансовъ — 274, 279, 431, 434.
Удѣловъ — 431.
Минто, лордъ, посолъ англійскій при Австрійскомъ дворѣ — 40, 47, 61.
Мироносицкая, улица въ Твери — 240.
Митридатъ — 402.
Митрофанушка (изъ комедіи «Недоросль») — 525.
Митяй (архимандритъ Михаилъ) — 101.
Михайловскій, Алексѣй Ивановичъ — 338.
Михайловское, село — 359, 363, 490.
Михайловъ, Иванъ Андреевичъ — 344, 345.
Михайловъ, М. — XV.
Михайловъ, Михаилъ Илларіоновичъ — 493.
Михаилъ, св., митрополитъ Кіевскій—99.
Михаилъ, св., Клопскій — 8.
Михаилъ, епископъ Смоленскій — 6, 99 — 107.
Михаилъ, чернецъ — 103, 105.
Михаилъ Александровичъ, великій князь Тверской — 106.
Михаилъ Ярославичъ Тверской — 6, 388.
Мичелль, Ѳ. И., консулъ англійскій въ Петербургѣ — 441.
Мнишекъ, Марина — XXII.
Моамеѳъ Амуратовичъ, царь Турскій—7.
Моденовы, домовладѣльцы въ Петербургѣ — 221.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ — XL, XLI. — 177, 219, 335 — 445, 464.
Можжерово, село — 364.
Моисеева, Варвара Алексѣевна, см. **Лобачевская**.
Моисеева, Надежда Сергѣевна, рожденная княжна Болховская, по первому браку Великопольская — 337, 340, 343, 364.
Моисеевъ, Алексѣй Ѳедоровичъ — 337, 364, 381.
Моисеевъ, Василій Алексѣевичъ — 337.
Моисеевъ, Николай Алексѣевичъ—337, 383.
Молдавія — 472.
Молчановъ, Петръ Степановичъ — 466.
Мольеръ — LIII. — 454.
Монастыри:
Архангельскій — 268.
Волоколамскій — 8.
Выдубицкій въ Кіевѣ — XLVIII.
Глуховской Петропавловскій — 268.
Дѣвичій въ Кашинѣ — 254.
Желтиковъ въ Твери — 102.
Кіево-Печерскій — XLVIII, XLIX.
Михайловскій (Чудовъ) въ Москвѣ—5.
Новодѣвичій въ Москвѣ — 256.
Новодѣвичій въ Петербургѣ — VI.
Сійскій — 268.
Симоновъ въ Москвѣ — 99, 100.
Соловецкій — 260.
Троицко-Сергіевская лавра — 99, 106, 113, 117, 251.
Хутынскій — 102.
Le Monnier, Felice — 494.
Монтескье — 298.
Моргенстернъ, Карлъ — 184.
Maurienne, провинція Савойская — 57.
Морковъ, графъ Аркадій Ивановичъ — XIX.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ — XL. — 141, 299, 471, 503, 504.
Москва—XXII, XXXI, XXXII, XXXVII, XLI. — 5, 8, 10, 19, 21, 25—27, 30, 99, 101, 102, 106, 112, 119, 155, 159, 166, 179, 183, 184, 188, 195, 197, 220, 230, 249—252, 255, 256, 260, 284, 336, 340, 343, 363, 365, 376, 377, 380—389, 395, 397, 399, 404, 419, 438, 442, 443, 445, 460, 465.
Москвичи — 195, 373.

Московская губернія — 178.
Московское государство — 112.
Московское княжество — 103.
Мосхъ — 191, 194.
Моцартъ — LII — LIV.
Мочаловъ, Павелъ Степановичъ, актеръ — 424.
Моша, рѣка — XXIV.
Мошинскій край — XXIV.
Мстиславъ Владиміровичъ, князь Тмутараканскій — 482.
Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ — XXXV. — 61.
Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ивановичъ — XXXIV, XXXVII.
Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ — 180 — 182, 184, 185, 215.
Муръ, Томасъ — 285, 300.
Мусина-Пушкина, Евдокія Сергѣевна, рожденная княжна Болховская — 383.
Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Николаевичъ — 383.
Мудрова, Софья Матвѣевна, см. Великопольская.
Мудрова, Софья Харитоновна, рожденная Чеботарева — 376 — 378, 380, 381 — 385.
Мудровъ, Матвѣй Яковлевичъ — 337, 376, 381 — 383, 438, 439, 441.
Мудровы — 376, 382, 383.
Муза — 162, 170, 172, 173, 175, 190, 191, 349, 354, 355, 414, 503, 517.
Музеи:
Императорскаго Общества любителей древней письменности въ Петербургѣ — 99.
Московскій публичный — XXV. — 470, 471, 484, 486.
Щукина въ Москвѣ — 154.
Мухановъ, Александръ Алексѣевичъ — 459.
Мухинъ, Павелъ Ивановичъ — 234.
Мѣдоварцова, Наталья — 7.
Мѣдоварцовъ, Яковъ Дмитріевичъ — 7.
Мэри Грей (въ трагедіи Вильсона «Чумный городъ») — 493.
Мятлевъ, Иванъ Петровичъ — 228, 238, 250.

Н.

Навуходоносоръ — 274.
Назимова, Маргарита Ивановна, см. Бибикова.
Назимовъ, Гавріилъ Петровичъ — 361, 362.
Наина (въ поэмѣ «Русланъ и Людмила») — 516, 521.
Наполеонъ I, императоръ Французскій — 36, 47, 52, 53, 55, 56, 62, 173, 473, 485.
Нартовъ, Андрей Константиновичъ — XXX, XXXII.
Нарциссовъ, Алексѣй, см. Ааронъ, епископъ Архангельскій — 269.
Насонъ, епископъ Смоленскій — 99, 106.
Nathalie, см. Пушкина, Наталья Николаевна — 457.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ — 459.
Неаполитанская принцесса — 44.
Неаполь — 33, 40.
Невѣдомскій, Николай Васильевичъ — IX.
Неердейкъ — 26, 28.
Незеленовъ, Александръ Ильичъ — 514 — 517.
Некрасовъ, Иванъ Степановичъ — XXXVII.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ — 136.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ — 195, 230.
Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ — XIV, XXXIV.
Непрядва, рѣчка — 110, 122, 123.
Нератова, Фавста Ермолаевна, рожденная Великопольская — 337, 364.
Нератовъ, А. И. — 410.
Нератовъ, Иванъ Александровичъ — 337.
Несторъ, преподобный, лѣтописецъ — X, XLIII, XLVI, XLVIII — L.
Неустроевъ, Александръ Николаевичъ — XIX, XXXIX.
Неронъ — 152.
Нидерланды, см. Голландія.
Нижегородская губернія — 423.
Никандръ, митрополитъ Гаіанскій — 105, 106.
Никита Романовъ — 258.
Никитенко, Александръ Васильевичъ —

XLIII, XLV — XLVIII, LI. — 185, 201, 217, 410, 411.
Никитскій садъ — LIX.
Никитинъ, Петръ Васильевичъ — VIII.
Николай, архіепископъ Мурликійскій — 20.
Николай I, императоръ — 272, 274, 280, 281, 409, 459, 463.
Николай, слѣпой пѣвецъ-сказитель — 258.
Никольская, улица въ Москвѣ — 384.
Никольскій, Борисъ Владиміровичъ — XL.
Никольскій, Григорій Борисовичъ — 338.
Никомидійская область — 104.
Никонъ, патріархъ — 90.
Ницца, графство — 42, 46, 48, 53, 57, 65—69.
Новгородская губернія, Новгородская земля — 364.
Новгородскій уѣздъ — 139.
Новгородцы — 5, 6, 121.
Новгородъ, городъ — 8—11, 112, 120.
Нови, городъ — 53.
Новиковъ, Д. — 372.
Новиковъ, чиновникъ — 246.
Новиковъ, Николай Ивановичъ — XLV. — 376.
Новицкій, Григорій — XVII, XXV.
Новоладожскій уѣздъ — XXIV.
Новороссія — 524.
Новосельскій, Михаилъ Григорьевичъ — 238.
Новосильцовъ — 384.
Новоторжцы — 5.
Новый Свѣтъ, см. Америка.
Нодье, писатель — 450.
Нормантскій, Ѳедоръ Кирилловичъ — 13.
Носовичъ, И. И. — 148.
Нуммерсъ, Ѳедоръ Евстафьевичъ — 200.
Нѣжинскій лицей князя Безбородка — 524.
Нѣжинъ, городъ — 109.
Нѣмецкая слобода, въ Москвѣ — XXIII.
Нѣмцы — 299.
Нѣмчинъ, Николай, писатель — XLII.

О.

Обериманъ — 303.
Оберонъ (въ поэмѣ того же имени Виланда) — 507, 508.
Обонежская пятина — XIX.
Оболенскій, князь Михаилъ Александровичъ — 111.
Оболенскій-Курлятьевъ (Шкурля), князь Иванъ Васильевичъ, воевода — 10.
Оболенскій-Стригинъ, князь Иванъ Васильевичъ, воевода — 10.
Оболенскій-Хромой, князь Никита Васильевичъ, воевода — 10.
Общества:
Арзамасъ — 448.
Археологическое въ Москвѣ — VI.
Вольное любителей словесности, наукъ и художествъ — 169, 199, 340 — 342.
Вольное экономическое — 430—432.
Геттингенскій союзъ бардовъ — 448.
Для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ — 503.
Зеленой лампы — 459.
Испытателей природы въ Москвѣ — 220.
Исторіи и древностей въ Одессѣ — 250.
Историко-филологическое при институтѣ князя Безбородка въ Нѣжинѣ — 109.
Литературное въ лицеѣ (при Энгельгардтѣ) — 215.
Любителей древней письменности — IX, XIX, XXII, XXVII.
Палестинское — XXV, LVII. — 102, 103.
Ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія — IX.
Русское географическое — XV, XVIII, XXIII, XXVI.
Сельскаго хозяйства въ Москвѣ — 431.
Человѣколюбивое — 177, 210, 211, 461.
Шекспировское въ Лондонѣ — 440, 441.
Овакъ, Озакъ, см. Азовъ.
Овидій — 322.
О — въ, А. — XXV.
Огаревъ — 425.
Огоновскій, Е. — 85.
Огорскій (Горскій), Петръ, воевода — 119.

Одесса — 463, 486, 490.
Одоевскій, князь Владиміръ Өедоровичъ — 284.
Одоевъ, городъ — 117.
Ожаровская, графиня Елизавета Ивановна — 199.
Ожаровскій, графъ Францъ Петровичъ — 199.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ — XXXVIII, XL.—126, 295, 310, 450, 536.
Ока, рѣка — XXIV. — 116.
Олегъ Ивановичъ, великій князь Рязанскій — 103, 116 — 118, 120.
Олегъ (въ драмат. пародіи К. С. Аксакова «Олегъ подъ Константинополемъ» — 395.
Олегъ (въ «Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ» Пушкина) — 147.
Олегъ (въ трагедіи Великопольскаго)— 395.
Оленина, Варвара Алексѣевна — 146.
Оллендорфъ, издатель — 495.
Олонецкая губернія, Олонецкій край — XVI, XXIV.
Ольгердовичи, Волгирдовичи, князья Литовскіе, см. Андрей Брянскій и Дмитрій Полоцкій.
Ольгердъ, великій князь Литовскій — 101, 115 — 118, 120.
Ольгинъ, Сергѣй — XXIX.
Ольдекопъ, Евстафій Ивановичъ—401, 402, 405, 408—411, 463.
Омиръ, см. Гомеръ.
О'Нейль, актриса — 494.
Онѣгинъ, Александръ Өедоровичъ — XXXVIII.
Опимахово, село — 359, 364.
Опочецкій уѣздъ — 345.
Орда Большая, Золотая — 6, 8, 110, 112, 115.
Ординъ, Н. Г. — XXI, XXIII.
Ореанда — LIX.
Оренбургъ, городъ — 382.
Орестъ — 193, 296.
Ореусъ, Иванъ Максимовичъ — 250.
Орлова, П. И., актриса — 424, 425.
Орловская губернія — XIV.
Орловъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ — XIV.
Орловъ, графъ — 384.
Орфей — 191, 356, 503, 517.
Осипова, Прасковья Александровна, рожденная Выидомская, по первому браку Вульфъ — 457, 458.
Осипъ, слуга (въ «Ревизорѣ») — 393.
Осокина, Прасковья Ермолаевна, рожденная Великопольская—337, 364.
Осокина, Прасковья Ивановна, см. Лихачева.
Осокинъ, Гавріилъ Ивановичъ — 337, 384.
Оссіанъ — 200, 310, 313.
Остенекъ, см. Востоковъ, А. Х.
Остенъ-Сакенъ, графъ Карлъ Ивановичъ — 165.
Остиндская компанія — 29, 30.
Остолоповъ, Николай Өедоровичъ — 317—319.
Остяцкій народъ — XVII, XXV.
Отейль — 320.
Отрепьевъ, Григорій — XXII.
Охлестышевъ, М. Ө. — 239.
Оять, рѣка — XIV.

П.

Пава, городъ — 31.
Павелъ, апостолъ — 458.
Павелъ I, императоръ — XV, XIX. — 31 — 41, 43 — 45, 47, 48, 51, 53— 55, 58 — 70, 174.
Павловичъ, М. Г. — 216.
Павловскъ, городъ — LX, LXII.
Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ — 284.
Павловъ, Николай Филипповичъ — 385.
Павловъ, составитель словаря — 423.
Палацкій — LXI.
Панаевъ, Иванъ Ивановичъ — 385 — 387, 400, 411.
Панинъ, графъ Никита Петровичъ — XXI. — 34, 42, 51 — 53, 57, 59 — 64, 67.
Пандора — 181, 182.
Пановъ, Өедоръ Николаевичъ — XLVI.
Пантелѣевъ, Логгинъ Өедоровичъ — XXXV, XL.
Парижъ, городъ — 35, 477.
Париа, городъ — 42.
Парискій герцогъ — 42.

Парнассъ — 346, 362, 366.
Парни — 205.
Парфеній, епископъ Архангелогородскій — XVIII.
Патерикъ — XLVIII, XLIX.
Патроклъ — 193.
Пафлагонія, область — 104.
Пегасъ — 362.
Перевещиковъ, Василій Матвѣевичъ — 338.
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ — V, VIII. — 89 — 98.
Переяславль Залѣсскій, городъ — 10, 100.
Переяславль Рязанскій, городъ — 103.
Переѳой (Пиреѳой) — 193.
Перовскій, Алексѣй Алексѣевичъ — 212.
Перовскій, фортъ — 425.
Перреро — 34.
Персій — 367, 368.
Персія, Пѣрсь — 6, 337.
Персіяне — 21, 485.
Пертцъ, Г. — IX.
Петергофъ, городъ — 430, 433.
Петровскій, Степанъ Сергѣевичъ — 338.
Петровское, село — 383.
Петровъ, Василій Петровичъ — 137, 314.
Петровъ, К. М. — XVIII, XXVII.
Петровъ, Николай Ивановичъ — 96, 524.
Петрополь, см. Санктъ-Петербургъ.
Петръ, св., митрополитъ Московскій — 122.
Петръ I, императоръ — XX, XXIII, XXX, XXXII, XLV. — 23 — 27, 163, 322, 467.
Петръ II, императоръ — XXIV.
Петръ (Куйдакулъ), царевичъ Казанскій — 11.
Печаткинъ, В. П. — III.
Печора, рѣка — 262.
Пиза, городъ — 494.
Пиладъ — 193.
Пилецкій-Урбановичъ, Мартынъ Степановичъ — 203.
Пименъ, митрополитъ Кіевскій — 6, 100 — 107.
Пиндаръ — 252, 305, 313.
Писаревъ, Яковъ Васильевичъ — 395, 425, 426.
Пиѳагоръ — 179.
Пій II, папа Римскій — 7.
Платовъ-казакъ — XXVII.
Платоновъ, Сергѣй Ѳедоровичъ — 1.
Плавтъ — 454.
Плетневъ, Петръ Александровичъ — XXXIII, XXXVI. — 213, 217, 218, 311, 312, 315, 319, 396, 400, 461, 462, 465, 466, 527.
Плиній — 322.
Плетершникъ, составитель словаря — 78.
Плещеевъ, Александръ Алексѣевичъ — XXVII.
Плещеевы — 99.
Плюшкинъ («Мертвыя Души») — 490.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ — XXXIII, XXXVI. — 100, 212, 214, 387, 395, 412, 413, 430, 437 — 440, 445, 528.
Подвысоцкій, Александръ Осиповичъ — 90, 136.
Подколесинъ («Женитьба» Гоголя) — 467.
Подобѣдова, Н. И., актриса — 424.
Пожарскій, князь Дмитрій Михайловичъ — 184.
Позняковъ, Николай Ивановичъ — XLI.
Покровскій уѣздъ — 135, 152.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ — 284, 285.
Полевой, Николай Алексѣевичъ — 251, 283 — 333.
Полевой, Петръ Николаевичъ — VI, XLVI.
Поливановъ, Левъ Ивановичъ — 490, 492, 493, 506, 510—512, 516.
Поліевктовъ, Михаилъ Александровичъ — 31 — 71.
Половцовъ, Александръ Александровичъ — XLII.
Полоцкъ, Полотскъ, городъ — 5.
Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ — 286.
Полуехтъ Море, посолъ русскій въ Цареградѣ — 7.
Польша — 19, 34, 49.
Поляковъ, Иванъ Семеновичъ — XXIV.
Пономарева, Софья Дмитріевна — 226, 238, 279.
Пономаревъ, Акимъ Ивановичъ — 238, 279.
Понторакія (Понтораклія, Пунторахія), городъ — 104.
Порта, см. Турція.

Potrin, Charles — XX.
Потебня, Александръ Аѳанасьевичъ — 128.
Потемкинъ, Яковъ Алексѣевичъ — 343.
Поповъ, Алексѣй Степановичъ, актеръ — 424.
Поповъ, Андрей Николаевичъ — 6.
Посниковъ, Василій Тимоѳеевичъ, дьякъ — 25.
Потокъ, Михаилъ, богатырь — XXXI, XXXII.
Похоръ, см. Хоперъ.
Прадель — 430.
Прасолово, село — 364.
Прево, писатель — 304.
Преображенское, село — 361.
Прозоровъ, Павелъ Ивановичъ — 194, 219.
Прокоповичъ-Антонская, Анна Михайловна, см. Еремѣева.
Прокоповичъ-Антонская, Людмила Сергѣевна, рожденная Даргомыжская — 379, 380.
Прокоповичъ-Антонскій, Антонъ Антоновичъ — 208.
Прокоповичъ-Антонскій, Дмитрій Михайловичъ — 344, 378 — 380.
Прокоповичъ-Антонскій, Михаилъ Антоновичъ — 344, 381.
Прокоповичъ-Антонскій, Николай Михайловичъ — 379, 380.
Проломная, улица въ Казани — 337.
Прометей, Промеѳей — 181, 356.
Протасовъ, Александръ Яковлевичъ — XXII.
Протасовъ, Алексѣй, см. Амвросій, архіепископъ Тверской и Кашинской.
Прохозъ, царь (въ сказкѣ «Еруслан Лазаревичъ») — 512.
Пруссія — 38, 52, 53, 56.
Прѣсненскіе пруды, въ Москвѣ — 381, 383, 385, 386.
Прѣсняковъ, Александръ Евгеніевичъ — 1 — 14.
Псалтирь лицевая — 99 — 107.
Псковская губернія — 148, 336, 337, 345, 359.
Псковъ, городъ — XXVII. — 8, 10, 344, 345, 348 — 350, 354 — 357, 359 — 361.
Пугачевъ, Емельянъ — XIV. — 317, 467.
Пудожская гора — XVIII.
Пудожскій уѣздъ — XVIII, XXVII.
Пулье, писатель — 418.
Пустолобовъ, чиновникъ (въ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы») — 529, 534, 539, 540.
Пушкина, Анна Львовна — 461.
Пушкина, Марія Алексѣевна — 482.
Пушкина, Наталья Николаевна — 457, 460, 464 — 466.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ — VIII — X, XXVII, XXX, XXXIII — XLIII, LI — LV, LX — LXIII. — 125, 126, 130, 132, 133, 136, 140 — 142, 144, 145, 147, 148, 151, 155, 177, 178, 190, 192, 194, 198 — 206, 208, 209, 213, 215, 216, 219, 220, 236, 249, 257, 259, 294, 311, 314, 321, 322, 326, 327, 329 — 332, 335, 354, 356, 359 — 364, 366 — 372, 376, 447 — 522, 524 — 528, 531.
Пушкинъ, Василій Львовичъ — 205, 461.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ — 457, 463, 464, 484, 485, 489.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ — XXXIX. — 490, 492.
Пушкины, дѣти поэта — 465, 466.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ — XL. — 205, 350, 351, 359, 463.
Пфуль — 80.
Пыпинъ (А. Н.), Александръ Николаевичъ — IV, VI, VII, XI, XX, XXIV, XXV, XXVII, XXIX, XXXVIII, XL.
Пьемонтъ — 32, 35 — 37, 46, 47, 52, 56 — 58, 63, 68 — 70.
Пьяченца, городъ — 42.
Пѣнковъ (Хромой), князь Давидъ Даниловичъ — 10.
Пятковскій, Александръ Петровичъ — XII.

Р.

Р., В. — VIII.
Ра, рѣка, см. Волга.
Рагнозеро, деревня — XVIII.
Рагнозеро, озеро — XVIII.
Радамистъ (въ трагедіи Кребильона) — 450.

Радилова, см. Великопольская, Устинья Никитична.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ— 390, 516, 517.
Раевскіе — 484.
Раевскій, Александръ Сергѣевичъ—177.
Раевскій, Михаилъ Николаевичъ — XXII.
Раевскій, Николай Николаевичъ — XXXIII, XXXV, XL.—470, 471, 482.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кирилловичъ — 188, 195 — 197, 199—201.
Разумовскій, графъ Андрей Кирилловичъ — 47.
Разумовскій, графъ Кириллъ Григорьевичъ — XIV.
Раичъ, Семенъ Егоровичъ —284.
Ралей, Вальтеръ, адмиралъ — 90.
Рамау, лѣкарь — XVI.
Ramshorn, Ludwig — 188.
Ранке, Л. — IX.
Расинъ, Ж.—292, 303, 304, 322, 452.
Расланѣй, богатырь (въ сказкѣ «Еруслан Лазаревичъ») — 512.
Ратмиръ («Русланъ и Людмила») — 516.
Рафаэль — 413.
Рахта Рагнозерскій, силачъ-борецъ олонецкій — XVIII, XIX.
Рачинскій, Сергѣй Александровичъ — 442.
Ревель, городъ — XXVII.
de Revel, chevalier — 50.
Регли (Эрегли), городъ — 104.
Реджи, Фр. — 90.
Рейнъ, рѣка — 52.
Ренцъ, К. Ф. — 338.
Ренье — 304.
Репетиловъ («Горе отъ ума») — 458.
Репнинъ (изъ поэмы «Князь Михайло Репнинъ» гр. А. К. Толстого) — 132.
Репнинъ, Флоръ Ѳомичъ — 165, 167, 168.
Рива — 104, 105.
Рига, городъ — 361.
Риляне — 208.
Римъ, городъ — 7, 199, 287, 289, 412, 413.
Ристори, артистка — 494.
Риттеръ, К. — IX.
Риттихъ, Александръ Ѳедоровичъ — XVIII.
Рихтеръ, Ж.-П. — 305.
Ричардсонъ — 300.
Ричардъ II, король Англійскій (въ піесѣ того же имени) — 327.
Ровинскій, Дмитрій Александровичъ — XXXVI. — 365, 510.
Розбергъ, Михаилъ Петровичъ — 284, 285.
Розенбергъ, Иванъ Ивановичъ — 250.
Розенъ, баронъ Егоръ Ѳедоровичъ — 400, 416.
Rozendael, Aemili — 15—23.
Rozendael, Jacobus — 15.
Розини, писатель — 327.
Royer, Alphonse, писатель — 495.
Roland («La Pucelle d'Orléans») — 507.
Роландъ (въ поэмѣ того же имени) — 515.
Романовы, царственный родъ — 173.
Рондо, леди, супруга англійскаго резидента при Русскомъ дворѣ — XVI.
Ронко, Ф., издатель журнала «Новостей» — 179.
Роско, писатель — 305.
Россія, Русь, Русская земля—XV, XVI, XVIII—XX, XXII, XXIV, XXV, XXVII, XXX.—2, 4, 6, 15, 16, 19, 23, 24, 31—71, 90, 94, 98, 101—103, 105, 107, 110, 113, 118, 173, 180, 182—186, 197, 215, 297, 301, 315, 322, 329, 412, 416, 429, 432, 433, 436, 441, 443, 451, 463, 526, 527, 529.
Русскіе, Россіяне, Русы — 17, 20, 104, 121, 173, 184, 267, 412, 425, 482.
Ростовская, Любовь Ермолаевна, рожденная Великопольская—337, 364.
Ростовскій, Александръ Андреевичъ — 337.
Ростопчинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ — 34, 60, 61.
Русланъ (въ поэмѣ того же имени) — LIV. — 204, 332, 447, 450, 486, 503 — 522.
Руссо — 164, 298, 304, 389, 448.
Ротганъ — 389.
Рубини, лекторъ — XI.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ — VI, VII.
Руммель, Василій Владиміровичъ — III.

Румянцовъ, графъ, Петръ Александровичъ — XXVII.
Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ — XXX, XXXIV.
Рыбниковъ, Павелъ Николаевичъ — XII, XVIII.
Рындозеро — XVIII.
Рюриковичей домъ — XLV.
Рязанская (Резанская) земля — 116.
Рязанское княжество — 103.
Рязань (Резань), городъ—117, 256, 384.
Ряполовскіе, князья — 7.

С.

С. — LIX.
Сабурова, Марія Юрьевна — 11.
Сабуровъ, Юрій Константиновичъ—11.
Сабуровъ, Яковъ Николаевичъ — 458.
Саватѣевъ, Иванъ, купецъ сибирскій — XX.
Савва, епископъ Сарайскій — 100.
Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ — XXI.
Савойская династія — 31, 42.
Савойскіе герцоги — 44, 57.
Савойскій домъ—38, 39, 43, 50, 63, 68.
Савойя — 34, 38, 42, 43, 46, 48, 53, 57, 65—69.
Садовниковъ, Дмитрій Николаевичъ — XXVI. — 461.
Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ — XXVI. — 177.
Саломонъ, Александръ Петровичъ — 177.
Салтанъ, царь (въ сказкѣ Пушкина) — 504.
Салтыкова, Дарья Николаевна, см. Салтычиха.
Салтыковъ, графъ Григорій Сергѣевичъ — 251.
Салтычиха — XIV.
Сальери — LII, LIII. — 467.
Самаркандъ — 104.
Самарскій край — XXVI.
Самастра, Самастро — 104.
Самойловъ, Василій Васильевичъ, актеръ — 424, 425.
Самойловъ, Василій Михайловичъ, актеръ — 416.
Самоѣды — 267, 268, 270.
де-Сангленъ, Яковъ Ивановичъ — 183.
Санктъ-Петербургская губернія — 364.
Санктъ-Петербургъ — XLI, LIX, LX, LXII. — 33—36, 39—42, 45, 49—51, 54, 56, 57, 59, 62, 155, 164—166, 168, 180—183, 186—188, 195—197, 208, 219, 221, 224, 229, 230, 232, 238—240, 248, 249, 251—253, 255, 260, 265, 271, 273, 274, 278, 279, 339, 340, 342—345, 359, 364, 365, 376, 380, 395, 400, 402 — 405, 412, 424, 432, 435, 439, 441, 445, 460, 462, 469, 532, 537.
Сантафе, городъ — 90.
Санхецъ, Антоніо, докторъ — XIV.
Санъ-Марцанъ, маркизъ, посолъ Сардинскій при Берлинскомъ дворѣ — 57—59, 69.
Сардинское королевство — 31 — 71.
Сардинія, островъ — 31, 35, 56, 67.
Сахаровъ, Иванъ Петровичъ — 110.
Сахаръ, рѣка — 104.
тенева — 368.
Сборники:
А. С. Пушкинъ, сборникъ П. И. Бар-
Въ память А. С. Гацискаго — XXIX, XLI.
Въ память А. Ѳ. Смирдина — 273.
Въ память Пушкина, Харьковскій университетскій — 490.
Журнала «Русское Богатство» — 456.
Издаваемый студентами Петербургскаго университета — IX, X.
Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородка — 109.
Московскій — XVIII.
№ 986 рукописей Утрехтской университетской библіотеки — 15.
Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ — III, IV, XXIII, XXVI, XXVIII — XXXI, XXXIII, XXXVII—XXXIX, XLI, XLII. — 97.
Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами Кіевскаго университета — 484.
Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историческихъ статей

и матеріаловъ, изд. В. Кашпирева — XIV, XV.
Православнаго Палестинскаго общества — 102, 105.
Пушкинскій сборникъ въ память столѣтія дня рожденія поэта — XLI.
Родословный В. В. Руммеля — III.
Русскій историческій, изд. Снегиревымъ — 3, 111.
Сборникъ историческихъ матеріаловъ и документовъ, относящихся къ новой Русской Исторіи XVIII и XIX вв., изд. М. Михайловымъ — XV.
Сборникъ «На досугѣ» — 194.
Сборникъ рѣшеній Правительствующаго сената — 440.
Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина — 194.
Старина и Новизна — XXXVIII.
Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр. — XXIII.
Этнографическій, издаваемый Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ — 95, 129, 149.
Свиньинъ, Павелъ Петровичъ — 259, 260, 525.
Свѣтлана (Жуковскаго) — 457.
Святая земля — 289.
Святополкъ Ярополковичъ, князь — 120.
Севастополь, городъ — 423, 424.
Севинье, писательница — 303, 304.
Селезневъ, Иванъ Яковлевичъ — 177, 178, 180, 195, 219.
Селимъ-Гирей, ханъ Крымскій — 24.
Семевскій, Михаилъ Ивановичъ — IV.
Семеновичъ, А. — 82.
Семеновъ, Петръ Петровичъ — XI, XVI.
Семенъ, Августъ, собственникъ типографіи — 365.
Семенъ Романовичъ (Ярославскій) князь, намѣстникъ Новгородскій — 11.
Семинаріи:
Архангельская — 260, 261.
Тобольская духовная — XXV.
Сенковскій, Осипъ Ивановичъ — 389.
Сентъ-Бевъ — 301—305, 310, 320.
Сергій Радонежскій, св. — 99, 112, 122.
Сергій (Азаковъ), архимандритъ Спасскій — 102, 105.
Серра-Капріола, Неаполитанскій посолъ въ Петербургѣ — 36, 54, 55.
Сибирская губернія — XX.
Сибирь — XXIII, XXIV, XXXII. — 261.
Сивилла — 172.
Сивцевъ Вражекъ, въ Москвѣ — 443.
Сидорово, деревня — 348.
Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря — XLVIII, XLIX.
Симеонъ Полоцкій — XVII, XXVI, XXVIII.
Симони, Павелъ Константиновичъ — I, VIII, XXIII, XLIII — XLVII.
Симоновъ, Иванъ Михайловичъ — 338.
Синопъ, городъ — 104.
Синопскій бой — 424.
Сиповскій, Василій Васильевичъ — 455 — 468.
Сицилія, островъ — 57.
Скалигеръ — 450.
Сквозникъ-Дмухановскій («Ревизоръ») — 525.
С—кій, П. — XXVII.
Сковорода, Григорій Саввичъ — XXXVI.
Скопинъ, князь Михайло — XXX.
Скотниковъ, Егоръ Осиповичъ — 169.
Скоттъ, Вальтеръ — LII. — 285, 410, 492, 500.
Словари:
Академическій Караджича — 78, 80, 82.
Академическій Данчичева — 80.
Географическо-статистическій Россійской имперіи (П. П. Семенова) — XI, XVI.
Дювернуа — 79, 82.
International des écrivains du jour (A. De-Gubernatis) — IV.
Larousse — 319.
Настольный Ф. Толля — III.
Настольный энциклопедическій Граната — IV.
Носовича — 148.
Of National Biography (Sidney Lee) — 492.
Опытъ Областнаго словаря Павлова — 136.
Плетершника — 78.

Подробный русскихъ граверовъ (Д. А. Ровинскаго) — 365.
Пфуля — 80.
Русскій біографическій, изд. Императорскаго Р. Ист. Общ. — XLII.
Słownik jezyka polskiego, ułożony pod red. S. Karłowicza, etc. — 80, 82.
Справочный русскихъ писателей Геннади — 179.
Церковно-славянскій Миклошича — 76, 77.
Česko-němerky Kott'a — 78.
Энциклопедическій Брокгауза и Ефрона — III, IV. — 177, 178.
Энциклопедическій русскій И. Н. Березина — III.
Энциклопедія — 364, 370.
Слово о Полку Игоревѣ — 115.
Слѣпушкинъ, Ѳедоръ Никифоровичъ — 360.
Смирдинъ, Александръ Филипповичъ — 179, 273, 312, 316, 318, 319.
Смирнова, Александра Осиповна—461, 462, 467, 468, 524.
Смирновъ, Василій, см. Веніаминъ Архангельскій.
Смирновъ, Николай Алексѣевичъ—539.
Смоленскъ, городъ — 6, 100, 106.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ — 110, 111.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ — XXXVI. — 134, 146, 151.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ — 236.
Соколовъ, Петръ Ивановичъ — 212.
Соллогубъ, графиня Софья Ивановна — 315.
Соллогубъ, графъ Владиміръ Александровичъ — 524, 525.
Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ — 143.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ — XXII.
Соломирскій, Владиміръ Дмитріевичъ — XXXVI.
Соломонъ, царь Іерусалимскій (въ старинной пѣснѣ) — 258.
Сольвычегодскій уѣздъ — XXI.
Соновъ, Орестъ Михайловичъ — 358.
Сопиковъ, Василій Степановичъ — 179, 198.
Сосна, рѣка — 103.
Сосна Тихая, рѣка — 103.
Сосницкая, Елена Яковлевна — 416, 424, 425.
Софія Палеологъ, великая княгиня, супруга великаго князя Іоанна III—9.
Софоклъ — 192, 296, 310.
Соцъ, Василій Ивановичъ — 359.
Спаньолини — 49, 51.
Спасская, П. А. — 162.
Сперанскій, А. — 92.
Спенсеръ — 491.
Спиридоній, протодіаконъ — 99, 107.
Списки и рукописи сказанія о Мамаевомъ побоищѣ:
Архивскій — 111; Бѣлорусская — 111; Ермолаевская — 110, 111; Лопаревскій — 111; Морозовская — 110, 111; Никоновской лѣтописи — 112; князя Оболенскаго — 111; Синодальный—111; Снегиревскій — 111; Тимковская; Тихонравовскій — 111, 115.
Средиземное море — 57.
Средній-Камашевъ, см. Камашевъ.
Срезневскій, Всеволодъ Измаиловичъ — LVII. — 161 — 175, 338.
Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ — XI, XXI, XLIII — XLVIII, LVI, LVII. — 134.
Ставринъ, С. — 287, 294.
де-Сталь, баронесса — 298, 299, 389, 452.
Станкевичъ, Николай Владиміровичъ — XXXIX.
Старицкій уѣздъ — 146, 336, 364.
Стародубскій, князь Василій Семеновичъ — 11.
Стернъ — 374.
Стефановъ, Тимоѳей, русскій путешественникъ — 29, 30.
Стобей — 192.
Стоюнинъ, Владиміръ Яковлевичъ — XI. — 204, 206, 426.
Стояновская, Надежда Георгіевна, рожденная княжна Чагадаева — 470.
Стоянъ (въ славянской пѣснѣ) — 79.
Страхова, Варвара — 382, 439.

Страховъ, Петръ Ивановичъ — 383.
Страховъ, Петръ Илларіоновичъ — 382, 439.
Стригинъ, см. Оболенскій, князь.
Строевъ, Владиміръ Михайловичъ—392.
Строевъ, Павелъ Михайловичъ — XXI.
Струйскій, Дмитрій Юрьевичъ — 410.
Ступинъ, А. Д., издатель — VI.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ — XXVIII, XXXIV. — 130.
Суворовъ, князь Александръ Васильевичъ — 31 — 34, 36, 39, 50, 323.
Сулье, Ф. — 495.
Сульцеръ — 295.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ — XIV, XVII, XXVIII. — 126, 128 — 130, 137, 145, 148, 163, 197, 295, 310, 312, 322, 323, 390.
Сумбека — 388.
Суморекъ Вокшеринъ, дьякъ — 11.
Сунцовъ, Николай Ѳедоровичъ—XIII.— 490, 491, 514, 522.
Сурожъ (Судакъ), городъ — 104.
Сусаникъ, Иванъ — 388.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ — IV, XVIII, XX, XXI, XXIV, XLV, XLVI. — 197, 319.
Сушковъ, Николай Васильевичъ — 178, 187, 505.
Сѣверные, графъ и графиня — XIX. — см. императоръ Павелъ I и императрица Марія Ѳеодоровна.
Сѣверный край — XXIV, XXVII.

Т.

Т., А. — 366.
Т-ва, Е. А. — 343.
Талейранъ — 60.
Тана, генуезская колонія — 103.
Тарасовъ, Дмитрій Клементьевичъ — 337, 376 — 378.
Tarentaise, провинція Савойи — 57.
Тассъ — 292, 322, 327.
Татарская земля — 103.
Татары — 21, 110, 114, 121.
Татьяна (изъ «Онѣгина») — 457.
Тацитъ — XXIV.
Тверская губернія — 224, 232, 234, 236, 243, 245, 253, 336, 337, 364, 384, 386.
Тверь, городъ — 101, 106, 168, 221 — 223, 225, 227, 228, 230—233, 235— 246, 248 — 250, 252 — 256, 260, 264, 279, 440.
Тверской дворецъ — 253.
Театры:
Александринскій въ Петербургѣ — 394, 401, 413, 423, 424.
Временной на Бородинскомъ полѣ— 414.
Московскій — 372, 532.
Théâtre de la Renaissance — 495.
Théâtre Français — 495.
Тезей — 193.
Телятевскій, М. Ѳ., см. Микулинскій, М. Ѳ.
Темиръ-Аксакъ, ханъ Могольскій — 6.
Теньеръ — 277.
Теонъ, см. Скотниковъ, Е.
Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ — 284.
Теребеневъ, Иванъ Ивановичъ — 167, 168.
Тибуллъ — 141.
Тигръ, рѣка — 251.
Тимоѳеевъ, Александръ Ильичъ—XXX, XXXV.
Тимоѳеевъ, С. П. — 111, 114, 115.
Тимоѳей (Валуевичъ) Волуевъ, воевода— 116, 120.
Тимуръ — 104.
Титовъ, Андрей Александровичъ — XXXIII.
Титъ-Ливій (Георгій Конисскій) — XXXVI.
Тифлисъ — XXIV, XXV.
Тихонравовъ, Николай Саввичъ—XVII, XXXII, XXXIV — XXXVI. — 182, 510, 512, 523, 525.
Толмачевъ, Яковъ Васильевичъ — 212.
Толстикъ, рѣка — 11.
Толстой, графъ Алексѣй Константиновичъ — 132.
Толстой, графъ Левъ Николаевичъ — 79, 134, 135.
Толстой, Яковъ Николаевичъ — 335.
Толль, Ф. — III.
Томасъ, Иванъ Григорьевичъ — 338.
Томилина, Настасья Михайловна, рожденная Бибикова — 345, 346, 349.

Тошилинъ, Григорій Васильевичъ—345.
Тошинъ — 529.
Торжокъ, городъ — 243.
Тоскана — 50, 52.
Тотшевъ, Захарій, посолъ великокняжескій — 112.
Тохтамышъ, царь Ординскій—4, 6, 101.
Трапписты — 49.
Траханіотъ, Юрій Дмитріевичъ — 11.
Тредіаковскій, Василій Кирилловичъ — XXXVIII. — 126, 129, 322.
Трешикуръ, врачъ (въ легендѣ о картофелѣ) — 95.
Трескина, Ольга Алексѣевна — LIX.
Трескинъ, Николай Алексѣевичъ — XXVII, XXXV.
Триполисъ — 48.
Троепольскіе, актеры — 424.
Троицкій, Василій Дмитріевичъ — 171, 210.
Троицкій — 209.
Троицкій, Иванъ Егоровичъ — XXIX, XXXIV.
Тромонинъ, Корнилій Яковлевичъ—185.
Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ — 538.
Трувеллеръ — 440.
Труновъ, А. Н. — XIV.
Тряпичкинъ («Ревизоръ») — 533.
Тугоуховскій, князь («Горе отъ ума») — 393.
Тугутъ, баронъ — 37, 38, 43, 44, 47, 49, 51, 55.
Тульская губернія — 129.
Тунисъ — 48.
Тупицинъ, Леонтій Гавриловичъ, пѣвецъ-сказитель — XVII.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ — 236, 286, 485, 486.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ—XXXIV, XXXV, XXXIX, XLI.
Туринъ, городъ — 31 — 35, 69.
Турки — 104.
Турція — 40, 48.
Туровицкій погостъ — XXI.
Туровъ, городъ — 6.
Турская держава — 104.
Тыртовъ, Ѳ. — 359.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ — 132, 138, 148.

У.

Уваровъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ — XXVII, XXVIII.
Уваровъ, графъ Сергѣй Семеновичъ — XXIV, XXX. — 6, 200, 408, 409, 411, 422.
Улуахметъ, царь Золотой Орды — 8.
Ундольскій, Викулъ Михайловичъ—510.
Университеты:
Бѣлорусскій — 382.
Дерптскій — 184, 284.
Казанскій—XXIV.—337—339, 383.
Кіевскій — 484, 506.
Московскій — 178, 180—183, 186, 187, 195, 209, 284, 376, 381 — 383, 442, 443, 470.
Оксфордскій — 493.
С.-Петербургскій — XI, XLIII — XLVI. — 442.
Харьковскій — 168, 490.
Усовъ, Степанъ Михайловичъ — 429.
Успенскій, Глѣбъ Ивановичъ — 134.
Устюжна, городъ — 525.
Устюжская епархія — XXX, XXXV.
Утрехтъ (Утрехтскій миръ) — 57, 70.
Ученосвѣтовъ (въ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы») — 534, 536, 537.
Училища:
Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ — 178, 179, 186 — 189, 195, 208, 284, 470.
Благородный пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго лицея — 200, 201, 209, 210.
Екатеринославское Главное — 168.
École Normale — 286.
Нѣмецкое въ Архангельскѣ — 260, 261.
Удѣльное Земледѣльческое — 431.
Ушаковское, село — XIV.
Ушаковы — XXXVI, XL.
Ушицы, село — 359.

Ф.

Фабіанъ, (скупецъ въ комедіи Яндрича «Lyubomirovich, ili priatel pravi») — 490.

Ф., А. Д., см. Фуфаевъ, А. Д.
Файфъ, Ч. А., писатель — 52, 53, 69.
Фалѣевъ, Л. П., актеръ — 424.
Фальконарій — 190.
Фальконбергъ, писатель — 290.
Фамусовъ («Горе отъ ума») — 142.
Фанаръ, Фонаръ, предмѣстье Цареграда — 104, 105.
Fanfani, Pietro — 494.
Фаресовъ, А. И. — XLI.
Фарлафъ («Русланъ и Людмила»)—521, 522.
Фарси — 303.
Фаустъ — LII, LIII. — 148.
Фаціо, Джиральдо (алхимикъ въ піесѣ того же имени Мильмана)—492—500.
Фебъ, см. Аполлонъ.
Федръ — 187, 196, 197, 201.
Фолана («Бахаріана» Хераскова)—508, 509.
Фелица, см. императрица Екатерина II.
Feletz, Charles-Marie, критикъ — 296.
«Фелиція Вильнаръ» (въ романѣ Бланшара) — 179.
Фердусъ, Янъ, купецъ голландскій — 16—23.
Фетъ, Аѳанасій Аѳанасіевичъ—XXXVI.
Фигнеръ, Александръ Самойловичъ — 345.
Фигнеръ, Ольга Михайловна, рожденная Бибикова — 345.
Филаретъ, архіепископъ Черниговскій — X.
Филаретъ, митрополитъ Московскій — 211, 228, 381, 382.
Филемонъ — 339.
Фили, село — 104, 105.
Филонъ, см. Фуфаевъ.
Финальское герцогство — 42.
Фингалъ (въ трагедіи того же имени, Озерова) — 310.
Финляндія — 256.
Финогія (Феногія), островъ — 104.
Финнъ («Русланъ и Людмила») — 504, 507, 516, 518.
Финны — XIX.
Фишеръ, К. А., фотографъ въ Москвѣ — XLI.
Флоренція, городъ — 38, 50, 494, 495.
Флоровъ, Александръ Александровичъ, граверъ — 365.
фанъ-Флотенъ, профессоръ въ Дефентерѣ — 15, 16, 22, 23.
Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ — XII, XXXV, XXXVI. — 126, 321.
Fauciguy, провинція Савойи — 57.
Фотій, св., митрополитъ Московскій—6.
Францискъ, св. — 498, 499.
Францисканцы —498, 500.
Франція—31, 32, 34, 36—40, 46, 47, 52—60, 62, 67—70, 296, 298, 300, 301, 303, 305, 306, 447, 449, 453, 494, 495.
Французы—47, 52, 53, 299, 310, 312, 420.
Францъ I, императоръ Австрійскій — 31 — 33, 39, 40, 42, 46, 52.
Фреронъ, критикъ — 303.
Фридрихсганъ, городъ — 165.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, король Прусскій — 54, 68.
Фридрихъ II, король Прусскій — XVI.
де Фрисъ, Іоаннъ — 26, 28.
Фролово, сельцо — 384.
де Фронъ, посолъ Сардинскій въ Лондонѣ — 46, 50, 51.
Фуксъ, Александра Андреевна — 460, 461.
Фуксъ, Карлъ Ѳедоровичъ — 338.
Фурія — 356.
Фуссъ, Павелъ Николаевичъ—201, 203.
Фуфаевъ, А. Д. — 165, 167, 168.

Х.

Халкидонъ, городъ — 6, 105.
Ханыковъ, Николай Владиміровичъ — XXI.
Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ — 230, 249, 251 — 253, 257, 461.
Хелмицкій, граверъ — VII.
Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ — 310, 323, 326.
Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ—126, 129, 310, 322, 324, 390, 451, 505, 508.
Херсонская губернія — XII.
Хилкова, княгиня Елизавета Семеновна, рожденная Волчкова — 230, 238.

Хилковъ, князь Степанъ Алексѣевичъ—230, 238.
Хлестаковъ («Ревизоръ») — 524, 525, 528, 529, 531, 538—536, 539, 540.
Хлоповъ («Ревизоръ») — 536.
Хмельницкій, Николай Ивановичъ—424.
Хованскій, князь Николай Ивановичъ—383, 384.
Ховринъ, Димитрій Владиміровичъ—11.
Ходневъ, Алексѣй Ивановичъ — 431.
Холмогорская епархія — XXX, XXXV.
Холмогоры, городъ — 257.
Холмскій уѣздъ — 345.
Хомутова, Анна Григорьевна — XXXI. ница — XXXI.
Хоперъ, рѣка — 103.
Хризанѳъ (въ стансахъ того же имени Востокова) — 169.
Хронографъ I-й редакціи — 6.
Хрущовъ, Иванъ Петровичъ — XIV.

Ц.

Царское Село — 199.
Царьградъ — XXIX, XXXIV, LVII. — 6, 7, 101 — 105, 107, 395.
Цахъ, генералъ австрійскій — 32.
Церкви:
Евангелическая въ Архангельскѣ — 269.
Іоанна Предтечи въ Москвѣ — 268.
Іоанна Предтечи въ Галатѣ—6, 105.
Св. Павла въ Лондонѣ — 493.
Св. Петра лютеранская въ Петергофѣ — 430, 433, 435.
Преображенія Господня въ Твери — 253.
Софіи Премудрости Божіей въ Новгородѣ — 8.
Троицко-Богоявленскій въ Архангельскѣ — 269.
Цизальпинская республика—52—55, 68.
Цицеронъ — 196, 322.
Циціановъ, князь Ѳедоръ Ивановичъ—354, 355, 360.

Ч.

Чагадаева, княжна Зинаида Георгіевна, см. Лисицина.
Чагадаева, княжна Надежда Георгіевна, см. Стояновская.
Чагадаева, княжна Ольга Георгіевна—469, 470.
Чагадаевъ, князь Георгій Николаевичъ — 469, 470.
Чагадаевы, князья — 470, 471, 477, 484, 485, 487, 488.
Чаплина, Надежда Ивановна, рожденная Великопольская — 335, 336, 343 — 345, 359, 366, 370, 376, 385, 410, 420, 429, 437, 440, 441.
Чаплинъ, дворянскій засѣдатель въ Бѣжецкѣ — 243, 244.
Чаплинъ, Николай Андреевичъ — 437.
Чаплинъ, Николай Николаевичъ — 370.
Чацкій («Горе отъ ума») — 142, 458.
Чеботарева, Софья Ивановна, рожденная Вилькинсъ — 376.
Чеботарева, Софья Харитоновна, см. Мудрова.
Чеботаревъ, Андрей Харитоновичъ — 179, 377, 382.
Чеботаревъ, Харитонъ Андреевичъ — 376, 383.
Чебышевъ, Александръ Александровичъ — 489 — 501.
Ч....въ, С. — 493.
Челищевъ, П. И. — XXVII.
Ч., Н. — XI.
Ченстонъ, писатель — LII. — 489, 491, 492.
Черемисиновъ, Иванъ Семеновичъ, голова стрѣлецкій — 11.
Черемышево, село — 337.
Черепановъ, И. — XIX, XXV.
Черкасскій, князь Александръ Андреевичъ — XIV.
Черкасково, городъ на Дону — 104.
Черкесы — 484, 485.
Черкесы Кабардинскіе — 11.
Черное море, Черноморье, Чернѣи — 48, 103, 104.
Черноморская береговая линія — 470.
Черноморъ («Русланъ и Людмила») — 504, 516, 518.
Чернышевъ, Василій Ильичъ — XII. — 125 — 159.
Черняевъ, Н. И. — 505 — 507, 514, 522.

Черняевъ, Павелъ — 177, 185, 194, 204, 205.
Чехи — LXI.
Чехія — XXIV.
Чеховъ, Антонъ Павловичъ—135, 150.
Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ — IX.
Чичиковъ («Мертвыя Души»)—467, 526.
Читау, А. М., актриса — 424, 425.
Чеглоковы — 365.
Чудь — XXIV.
Чукавино, село — 336, 364, 465, 376, 380, 381, 383, 385, 395, 435—437, 440, 443.
Чукавинскія каменоломни — 365.
Чулятовъ, Василій Анисимовичъ—XVI, XXIX.

Ш.

Шабле, провинція Савойи — 57.
Шаланберъ, графъ — 36, 41, 45—52, 55—59, 65.
Шакаринъ, Алексѣй Андреевичъ—254, 263, 270, 273, 274.
Шатобріанъ — 298.
Ш., А. Ф. — 341.
Шафарикъ — 438.
Шахайша — 97.
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ — 6.
Шаховской, князь Александръ Александровичъ — 424.
Шварцъ, Григорій Ефимовичъ — 344.
Швеція — 90.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ — XI, XXXIII, XXXV, XL. — 180, 182, 183.
Шейнъ, Павелъ Васильевичъ — XIII, XXVI. — 148.
Шекспиръ — LIV.—284, 292, 303, 322, 326, 327, 331, 424, 440, 448, 452, 454, 500.
Шелеховъ, Дмитрій Потановичъ — 384, 385.
Шелле, лѣкарь — 267.
Шеллингъ — 284 — 287.
Шемахійская земля — 6.
Шенкурскій уѣздъ — 135.
Шенкурскъ, городъ — 264, 265, 270.
Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ—LX.—523 — 525, 527, 538.
Шенстонъ, писатель, см. Ченстонъ.
Шенье — 303 — 305.
Шереметевскій, В. П. — 536.
Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичъ — IX.
Шетневъ, Петръ Ивановичъ — 3, 13.
Шетневы — 3.
Шефферъ, Петръ Николаевичъ—503—522.
Шидловскій, А. — 284.
Шиллеръ — 284, 292, 327, 331, 452.
Шитиково, деревня — 345.
Шкурля, см. Оболенскій, князь.
Шлегель, Августъ — 297, 448, 452.
Шлегель, Фридрихъ — 297, 298, 448, 449, 452.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ—196, 202 — 204.
Шоберлехнеръ, рожденная Даль-Окка, пѣвица — 361, 362.
Шоберлехнеръ, піанистъ — 361.
Шо(с)ночкинъ, Г., фабрикантъ бумаги—471.
Штейнманнъ, профессоръ — XLVI.
Штелинъ, П. Яковлевичъ — XXXI.
Штелинъ, Яковъ Яковлевичъ — XXXI.
Штриттеръ, Іоганнъ — 183.
Шубинскій, Сергѣй Николаевичъ — XVI.
Шубниковъ — 165.
Шумскій, Яковъ Даниловичъ, актеръ — 424.
Шуя, городъ — 136.

Щ.

Щеня, князь Даніилъ Васильевичъ—10.
Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ — 395, 523.
Щепкинъ, Павелъ Степановичъ — 195.
Щербатовъ, князь — 195.
Щербатовъ, князь Михаилъ Михаиловичъ — XXXI.
Щербина, Николай Ѳедоровичъ — 392.
Щетинъ градъ (въ Сказкѣ о Еруланѣ Лазаревичѣ) — 512, 513.
Щука, см. Кутузовъ.
Щукинъ, Николай Семеновичъ — XIV.
Щукинъ, Петръ Ивановичъ — 154.
Щулепниковъ, генералъ — 439.

Э.

Эдипъ — 310.
Эйнерлингъ, Иванъ Өедоровичъ — 2, 197.
Эйхе-Янсонъ, Наталія Павловна — 221.
Электра — 296.
Эллада, см. Греція.
Эминъ, Өедоръ Александровичъ — XVI, XXVIII.
Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ — 200, 215.
Эрмитажъ — 181, 186.
Эрмія — 172.
Эротъ — 191, 192, 349.
Эсхилъ — 296, 451.
Эфронъ — 177.
Эшенбургъ — 198, 212, 295.

Ю.

Ювеналъ — 296, 314.
Юдинъ — 378, 379.
Юлій Цезарь — 216.
Юнгмейстеръ, книгопродавецъ — 402, 403, 408.
Юнкенъ, писатель по медицинѣ — 418.
Юрбургъ, городъ — 362, 363.
Юрій, князь Елецкій — 103.
Юрій Васильевичъ, князь, братъ Іоанна IV — 2, 3, 12.
Юрій Дмитріевичъ, князь, сынъ Дмитрія Донского — 6.
Юрій Ивановичъ, князь, братъ Іоанна III — 9, 12.
Юрловъ, Левъ — XIII.
Юрьева, Екатерина Семеновна, рожденная Лихачева — 384.
Юрьевъ, Василій Михайловичъ — 12.

Я.

— **Я** — VI.
Ягайла, князь Литовскій — 115.
Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ — XXIV, XXV. — 82.
Ядринцевъ, Николай Михайловичъ — XXIII.
Языковъ, Дмитрій Ивановичъ — 424.
Яковкинъ, Илья Өедоровичъ — 338.
Яковлевъ, Алексѣй Семеновичъ — 424.
Яковлевъ, Владиміръ Алексѣевичъ — XIII.
Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ — 205.
Яковлевъ, Павелъ Лукьяновичъ — 249.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеніевичъ — XXXV, XXXVI, XL. — 471, 491.
Ялта, городъ — LIX, LX.
Яндричъ, поэтъ хорватскій — 490, 491.
Янъ III, король Польскій — 24.
Ярославль, городъ — 136, 251, 252.
Ярославская губернія — III.
Ярославскій уѣздъ — 146, 148.
Ярославъ Всеволодовичъ, князь — 3.
Ярославъ I Мудрый, великій князь Кіевскій — 120.

Ө.

Өедоровъ, Борисъ Михайловичъ — 249.
Өемида — 351.
Өеодоръ, св., архимандритъ Симановскій, позднѣе архіепископъ Ростовскій — 99 — 101, 105, 106.
Өеодосій Печерскій, св. — X, XLIII, XLVIII.
Өеодосій (Бывалцовъ), архіепископъ Ростовскій — 7.
Өеодосій, епископъ Туровскій — 6.
Өеокритъ — 194.
Өеоктистовъ, Евгеній Михайловичъ — XXXIX.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Симони, П. К. Хронологическій списокъ учено-литературныхъ трудовъ и изданій Леонида Николаевича Майкова, 1857—1900 I

Симони, П. К. Къ начальной исторіи учено-литературной дѣятельности Леонида Николаевича Майкова XLIII

Срезневскій, В. И. Письмо Л. Н. Майкова къ И. И. Срезневскому отъ 5-го октября 1863 г. LVI

Кульманъ, Н. К. Изъ писемъ Л. Н. Майкова къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. LVIII

Прѣсниковъ, А. Е. Архивскій лѣтописецъ 1

Ловягинъ, А. М. Изъ голландскихъ библіотекъ и архивовъ 15

Полевктовъ, М. А. Проектъ союза Россіи съ Сардинскимъ королевствомъ въ царствованіе Павла I 31

Ильинскій, Г. А. О нѣкоторыхъ именныхъ формахъ славянскаго мѣстоименія. . 73

Перетцъ, В. Н. Легенды о происхожденіи картофеля 89

Майковъ, В. В. О владыкѣ Михаилѣ, упомянутомъ въ записи Лицевой Псалтири 1397 года. 99

Ловаревъ, Х. М. Къ литературной исторіи «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ» . 109

Чернышевъ, В. И. Замѣтки о языкѣ басенъ и сказокъ В. И. Майкова 125

Срезневскій, В. И. Замѣтки о стихотвореніяхъ А. Х. Востокова, касающихся его жизни 161

Маленинъ, А. І. Николай Ѳедоровичъ Кошанскій 177

Кубасовъ, И. А. Вицегубернаторство баснописца Измайлова въ Твери и Архангельскѣ. 221

Незнинъ, Н. К. О шеллингизмѣ Полевого и его критическихъ пріемахъ. 283

Модзалевскій, Б. Л. И. Е. Великопольскій. 335

Кульманъ, Н. К. Отношеніе Пушкина къ романтизму. 447

Сиповскій, В. В. А. С. Пушкинъ по его письмамъ 455

Бецановскій, В. Ѳ. Новый списокъ поэмы А. С. Пушкина «Кавказскій Плѣнникъ» 469

Чебышевъ, А. А. Замѣтка о «Скупомъ рыцарѣ» Пушкина 489

Шефферъ, П. Н. Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ. «Русланъ и Людмила» 503

Лященко, А. І. «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы» . 523

Указатель. 541